ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2026 № 2(40)


ИМЛИ
РАН
1932

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

LITERATURNYI FAKT
LITERARY FACT

Academic journal

No. 2 (40). 2026

Published since 2016

16+

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

2026. № 2 (40)

Издается с 2016 г.

16+

Литературный факт: научный журнал. –2026. – № 2 (40). – 472 с.
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40

ISSN 2541-8297 (Print)
ISSN 2542-2421 (Online)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-67296 от 30 сентября 2016 г.

Редакция

Главный редактор
Вадим Владимирович Полонский (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)
Заместитель главного редактора
Сергей Игоревич Панов (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)
Екатерина Евгеньевна Дмитриева (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакторы

Елена Валерьевна Глухова (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)
Алена Эдвартовна Исаханян (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Ответственный секретарь

Маргарита Вадимовна Черкашина (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия

К.М. Азадовский (Германская академия языка и литературы, Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург, Россия), *М.Л. Андреев* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Ю. Балакин* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *Н.В. Корниенко* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.В. Лавров* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *И.Е. Лощилов* (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия), *Д.С. Московская* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *Ф.Б. Поляков* (Институт славистики Венского университета, Вена, Австрия), *О.А. Проскурин* (Университет Эмори, Атланта, Джорджия, США), *А.И. Рейтблат* (ИД «Новое литературное обозрение», Москва, Россия), *М.В. Строганов* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Л. Топорков* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *М.И. Щербакова* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Международный редакционный совет

С. Гардзонио (Пизанский университет, Пиза, Италия), *А.Л. Зорин* (Оксфордский университет, Великобритания / Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия), *Д.П. Ивинский* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *Дж. Малмстад* (Гарвардский университет, Бостон, США), *Г.В. Обатнин* (Университет Хельсинки, Финляндия), *Л.Л. Пильд* (Тартуский университет, Тарту, Эстония), *Д. Рицци* (Университет Са' Foscari, Венеция, Италия), *А.Ф. Строев* (Университет Новая Сорбонна – Париж 3, Париж, Франция), *Р.Д. Тименчик* (Еврейский университет, Иерусалим, Израиль), *Л.С. Флейшман* (Стэнфордский университет, Пало-Алто, США), *М. Шруба* (Миланский университет, Милан, Италия)

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1
Тел: 8 (495) 690-50-30
E-mail: editor@litfact.ru
Сайт: http://litfact.ru/

© 2026, ИМЛИ РАН

Literaturnyi fakt [Literary Fact]. No. 2 (40). 2026. 472.
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40

ISSN 2541-8297 (Print)
ISSN 2542-2421 (Online)

The journal is registered in The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.
Registration Certificate ПИ № ФС77-67296, September 30, 2016

Editors

Editor-in-Chief

Vadim V. Polonsky (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Sergei I. Panov (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Ekaterina E. Dmitrieva (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editors

Elena V. Gluhova (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alena E. Isakhanyan* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Managing Editor

Margarita V. Cherkashina (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editorial Board

Konstantin M. Azadovsky (German Academy for Language and Literature, Darmstadt, Germany / St. Petersburg, Russia), *Mikhail L. Andreev* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alexei Yu. Balakin* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Natalia V. Kornienko* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alexander V. Lavrov* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Igor E. Loshchilov* (Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia), *Darya S. Moskovskaya* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Fyodor B. Polyakov* (Institute of Slavic Studies, University of Vienna, Vienna, Austria), *Oleg A. Proskurin* (Emory University, Atlanta, GA, USA), *Abram I. Reitblat* ("Novoe Literaturnoe Obozrenie" Publishing House, Moscow, Russia), *Mikhail V. Stroganov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Andrei L. Toporkov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Marina I. Shcherbakova* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

International Editorial Council

Stefano Garzonio (University of Pisa, Pisa, Italy), *Andrei L. Zorin* (Oxford University, Great Britain / Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia), *Dmitry P. Ivinsky* (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *John Malmstad* (Harvard University, Boston, MA, USA), *Gennady V. Obatnin* (University of Helsinki, Finland), *Lea L. Pild* (University of Tartu, Tartu, Estonia), *Daniela Rizzi* (University Ca' Foscari, Venice, Italy), *Alexander F. Stroev* (New Sorbonne University – Paris 3, Paris, France), *Roman D. Timenchik* (The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel), *Lazar S. Fleishman* (Stanford University, Palo Alto, CA, USA), *Manfred Schruba* (Milan University, Milan, Italy)

Address: Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia
Phone: 8 (495) 690-50-30
E-mail: editor@litfact.ru
www.litfact.ru

© 2026. IWL RAS

Содержание

Литературный факт. 2026. № 2 (40)

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

З.В. Гусева. «Поэт и вор»: Н.А. Некрасов в дневнике и воспоминаниях Г.Н. Потанина 8

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

М.А. Перепелкин. Фон для молодого Толстого.
Алексей Н. Толстой в воспоминаниях Е.Ю. Гана 33

Е.Р. Обатнина. Писатель и критика русского зарубежья: А.М. Ремизов и А.Л. Бем в кругу «книжников» и «фарисеев» (по материалам переписки) 59

ФАДДЕЙ БУЛГАРИН — ЮРИСТ И КУЛИНАР

А.И. Рейтблат. Ф.В. Булгарин — ходатай по делам 100

Н.Н. Акимова. Отражение реалий российского судопроизводства в романах Ф.В. Булгарина 129

С.Л. Луговцова. «В литературу ввели кухню!»: кулинарные рецепты в журнале «Эконом» 1840-х годов 148

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

А.В. Геворкян, М.В. Строганов. Иван Шмелев и журнал «Русское богатство» 170

Т.М. Двинятина. И.А. Бунин и художественный мир 1890-х – 1910-х годов 212

А.С. Александров. Пародии А.А. Измайлова на святочные рассказы 235

М.В. Скороходов. Диспут о пролетарской поэзии 1920 года в историко-литературном контексте 253

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ И КОММЕНТАРИЯ

Т.А. Китанина. Кто и куда переселялся. Адресат пушкинского «Новоселья» 277

Д.Д. Николаев. Первая книга «Юмористических рассказов» Н.А. Тэффи: история текста 291

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И РЕЦЕПЦИЯ

И.В. Головачева. Знал ли Хаксли Замятина: несколько подходов к проблеме 320

О.Ю.Анцыферова. Толстовские аллюзии в прижизненных откликах на творчество Олдоса Хаксли 348

К.Р. Буйнова. Хуан Гойтисоло в Советском Союзе 365

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

Н.В. Мороз. Из истории неизданного «славянского тома» «Литературного наследства»: чешские материалы 400

Стефано Гардзонио. «Я остаюсь “живым” до последнего дня моей жизни». Из переписки с Н.И. Харджиевым (1976–1994) 434

Contents

Literary Fact. 2026, no. 2 (40)

FROM CREATIVE HERITAGE

Zoya Guseva. "The Poet and the Thief": Nikolai Nekrasov in the Diary and Memoirs of Gavriil Potanin 8

MEMOIRS. LETTERS. DAIRIES

Mikhail Perepelkin. A Background for the Young Tolstoy. Alexey N. Tolstoy in the Memoirs of E.Yu. Gan 33

Elena Obatnina. A Writer and Criticism of Russian Abroad: A.M. Remizov and A.L. Bem in the circle of "scribes" and "pharisees" (according to correspondence) 59

FADDEY BULGARIN – LAWYER AND COOKER

Abram Reitblat. F.V. Bulgarin — Legal Representative 100

Natalia Akimova. The Reflection of the Realities of Russian Legal Proceedings in F.V. Bulgarin's Novels 129

Svetlana Lougovtsova. "Cuisine Introduced into Literature!": The Culinary Recipes of "Ekonom" Magazine in the 1840s 148

ARTICLES. NOTES. REPORTS

Armen Gevorkyan, Mikhail Stroganov. Ivan Shmelyov and the Magazine "Russian Wealth" 170

Tatiana Dvinyatina. Ivan Bunin and the Artistic World of the 1890s–1910s 212

Alexander Alexandrov. A.A. Izmailov's Parodies of Christmas Stories 235

Maxim Skorokhodov. The Debate on Proletarian Poetry 1920 in a Historical and Literary Context 253

TEXTOLOGY AND COMMENT PROBLEMS

Tatyana Kitanina. Who Moved and Where. The Recipient of Pushkin's "Housewarming" 277

Dmitry Nikolaev. The First Volume of "Humorous Stories" by N.A. Teffi: A History of the Text 291

LITERARY CONNECTIONS AND RECEPTION

Irina Golovacheva. Did Huxley Know Zamyatin? Several Approaches to the Issue 320

Olga Antsyferova. Allusions to Leo Tolstoy in Aldous Huxley's Lifetime Criticism 348

Kristina Buynova. Juan Goytisolo in the Soviet Union 365

FROM SCOLAR HERITAGE

Nikita V. Moroz. From the History of the Unpublished Slavic Volume of "Literaturnoe nasledstvo": Czech Materials 400

Stefano Garzonio. "I will remain 'alive' until the last day of my life": From correspondence with N.I. Khardzhiev (1976–1994) 434

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.1
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-08-32
https://elibrary.ru/WTNVAD

Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

«Поэт и вор»: Н.А. Некрасов в дневнике и воспоминаниях Г.Н. Потанина

© 2026, З.В. Гусева
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматривается история взаимоотношений практически забытого сегодня писателя-«шестидесятника» Г.Н. Потанина и редактора журнала «Современник» Н.А. Некрасова, введшего начинающего автора в литературную среду. В центре исследования — сопоставительный анализ неопубликованного художественного дневника Потанина «Ночник» и его мемуаров «Воспоминания о Н.А. Некрасове». Повторяющиеся в обоих текстах сюжеты и формулировки позволяют предположить, что при работе над поздними воспоминаниями автор обращается к своему дневнику. И в «Ночнике», и в мемуарах Потанин уделяет большое внимание фигуре Некрасова, однако оценки личности и поступков редактора «Современника» часто оказываются в двух текстах противоположными. Так, в дневнике Потанин обвиняет Некрасова в ханжестве, бесчестности и барстве, а в «Воспоминаниях…» восхищается его человечностью и внимательностью к своим сотрудникам. Отдельно рассматривается случай, когда зафиксированные в «Ночнике» негативные суждения Потанина о Некрасове в мемуарах переатрибутируются другим людям. В статье исследуется биографический контекст создания дневниковых записей Потанина и высказываются предположения о причинах изменения отношения автора к Некрасову в позднейших мемуарах.

Ключевые слова: Г.Н. Потанин, Н.А. Некрасов, «Современник», дневник, мемуары.

Информация об авторе: Зоя Вячеславовна Гусева — аспирант, филологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 119991 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0154-1912
E-mail: zoya.guseva.2000@mail.ru

Для цитирования: *Гусева З.В.* «Поэт и вор»: Н.А. Некрасов в дневнике и воспоминаниях Г.Н. Потанина // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 8–32. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-08-32

В 1905 г., когда ни Н.А. Некрасова, ни большинства членов редакции некрасовского «Современника» уже нет в живых, в журнале «Исторический вестник» публикуются «Воспоминания о Н.А. Некрасове» за авторством малоизвестного писателя-разночинца Гавриила Никитича Потанина (1823–1910)[1]. В историю русской литературы Потанин вошел прежде всего как автор романа воспитания о крепостном мальчике «Старое старится, молодое растет». Этот роман, во многом отразивший детский опыт самого писателя, был высоко оценен Н.А. Некрасовым. С публикации первых глав романа в некрасовском «Современнике» в 1861 г. Потанин начинает свою литературную карьеру. Вышедшие в «Историческом вестнике» мемуары содержат одновременно и рефлексию автора о собственном жизненном и творческом пути, и воспоминания об ушедшей историко-литературной эпохе вообще — фигура редактора «Современника» в обоих ракурсах представлена как ключевая.

Панегирический тон мемуаров[2] задан первым же предложением: «Я не думал печатать мой роман “Старое старится, молодое растет” и вообразить не мог, что познакомлюсь с таким замечательным человеком, как Некрасов, или буду сотрудничать в его передовом журнале “Современник”» [8, с. 458]. Затем следует рассказ Потанина о собственной судьбе, в которой Некрасов играет роль доброго гения, приходящего на помощь в самые отчаянные минуты; о «милой семье “Современника”» [8, с. 466], так не похожего на другие журналы «как в составе сотрудников, так и во всем остальном» [8, с. 479]; о смерти Некрасова и о несправедливых толках и подлых выходках его недоброжелателей. Своими «Воспоминаниями…» Потанин как будто хочет отдать долг памяти поэта и противопоставить «заурядным холодным заметкам» [8, с. 483], «позорным статьям»,

[1] Г.Н. Потанин родился в семье дворового человека помещика Мельгунова в Симбирске, там же, получив от барина вольную, окончил гимназию. Некоторое время давал частные уроки (в том числе племянникам И.А. Гончарова и в семье Минаевых), затем добился места учителя словесности в Самарском уездном училище. В 1858 г. Потанина перевели из Самары в уездное училище Бугульмы, а в 1859 г. совсем отстранили от службы, после чего он решил поискать счастья в столице. Подробнее о службе и отставке Потанина, а также о его дальнейшей судьбе см., например: [1, с. 163–165; 9, с. 147–151].

[2] Ср. в письме Потанина редактору «Исторического вестника» С.Н. Шубинскому: «Вы правду сказали, что мои воспоминания о Некрасове похожи на “панегирик”: я иначе о нем писать не могу!» (ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 76).

в которых «сказано все дурное о несчастном Некрасове» [8, с. 484], слово сердечное и правдивое. «Мне, как человеку, близкому к поэту, многое известно, и теперь, сам стоя перед могилой, во имя правды, я считаю своею обязанностью говорить в защиту Некрасова» [8, с. 484–485], — объясняет Потанин. Апологетический пафос, возвышенный тон и множественные похвалы некрасовской добродетели представляются, с одной стороны, продиктованными спецификой избранного автором жанра прозаической эпитафии, с другой — желанием Потанина заявить о своей общественной и литературной позиции, продемонстрировать которую призваны в том числе указания на близость автора Некрасову.

Между тем отношения двух писателей, судя по всему, в реальности не были такими теплыми, какими их описывает Потанин в созданных для печати «Воспоминаниях…». На протяжении нескольких лет автор романа «Старое старится, молодое растет» вел своеобразный художественный дневник, который он называл «Ночником»[3] и на страницах которого одно из центральных мест также отводится редактору «Современника». Здесь его образ оказывается гораздо более проблемным, часто Потанин отзывается о Некрасове резко негативно.

При написании мемуаров Потанин, вероятно, обращался к своему дневнику, о чем могут свидетельствовать и повторяющийся набор сюжетов, и аналогичные формулировки. В то же время «Воспоминания…» и дневник содержат показательные отличия: эмоциональная реакция автора на одни и те же события зачастую противоположна в двух текстах, также в «Воспоминаниях…» Потанин может приписывать собственные суждения, зафиксированные в «Ночнике», другим людям. В настоящей статье мы рассмотрим отдельные фрагменты «Воспоминаний о Н.А. Некрасове» и дневника Потанина и, во-первых, уточним историю взаимоотношений двух авторов, а во-вторых, постараемся разобраться, чем обусловлена перемена в отношении Потанина к Некрасову.

Если попытаться кратко охарактеризовать потанинский «Ночник», первое, о чем необходимо сказать, — его риторическая

[3] РО ИРЛИ. Ф. 634. Ед. хр. 3820. Немногочисленные исследователи жизни и творчества Г.Н. Потанина неоднократно ссылаются на «Ночник» в своих статьях (см., например: [2; 5; 7]), но порой демонстрируют лишь поверхностное знакомство с его текстом. Большой объем дневника («Ночник» состоит из двух толстых книг) и ограничения, связанные с его доступностью (на сегодняшний день ни сам дневник, ни отдельные его части не публиковались), отчасти объясняют фрагментарность исследовательского знания. При этом нет сомнений в том, что «Ночник» представляет интерес не только для исследователей творчества Потанина, но и для широкого круга историков русской литературы XIX в.

сложность. Потанин начинает вести дневник в 1857 г., когда ему 34 года. Сентиментальная восторженность записей этого периода, вызывающая в памяти фигуру Макара Девушкина, отражает склонность автора смотреть на мир идиллически. Это время напряженной работы еще не вступившего в литературную среду писателя над романом, в создании которого он видит свое предназначение:

> Разрешит ли мне Господь окончить и в десятки лет тот глубоколежащий в моем сердце и обхватывающий ужасом своей громадности всю мою душу план, который зреет и начинает выясняться моему расстроенному воображению, моей душе, растерзанной обстоятельствами жизни <…>! Разрешит ли мне Господь исполнить хоть часть того, что мне чудится и горячо желается представить современному миру, чтобы хоть отчасти выяснить вопрос о современном положении испытаний русского человека[4].

Чуть позже, наряду с рассуждениями о романе, в дневнике появляются переживания, связанные с проблемами по службе, материальными трудностями, переездом из Бугульмы в Петербург и вхождением в журнальный круг, — записи этого времени все так же фиксируют попытки автора определить свое место в мире, но прежняя экзальтированность Потанина все чаще сменяется в них горькой обидой, ощущением своего бессилия перед лицом редакторов, цензоров и чиновников. Осознание зыбкости своего социального статуса и неудовлетворенность собственным положением заставляют Потанина прибегать к довольно необычным для дневника нарративным решениям. Как бы желая убедиться в объективности своих суждений, Потанин пытается взглянуть на ситуации, в которых он оказывается, со стороны, чужими глазами. Так, в особенно эмоциональных местах дневника автор вдруг обращается за поддержкой к читателю, а описывая превратности своей судьбы, нередко говорит о самом себе в третьем лице.

Подавляющее число записей в «Ночнике» не датированы; в ряде случаев установить примерное время написания текста позволяет знание контекста. Первое значимое упоминание Некрасова и редакции «Современника» появляется в дневнике Потанина после 20 декабря 1860 г. (ср.: [4, с. 235]). Потанин делает запись о традиционном обеде по случаю выхода 12-го номера «Современника»: «Ах, вот новость: обед у редактора Некрасова, где кормили сотрудников

[4] РО ИРЛИ. Ф. 634. Ед. хр. 3820. Л. 2–2 об. Далее ссылки на листы рукописи «Ночника» даются в тексте.

журнала. Вот состав стола: Некрасов, напротив Панаев, направо от Некрасова Григорович, направо от Панаева Чернышевский, а потом и мы грешные: Михайлов, Антонович, Помяловский и пр. Другой, казалось бы, написал из этого стола целую повесть? Но для этого нужно перо Панаева[5], а не Потанина» (Л. 171).

За ироническим самоуничижением автора дневника видна плохо скрываемая досада. Потанин — новый человек в Петербурге, он еще только входит в литературную среду, только начинает заводить знакомства в столице; можно предположить, что обед у редактора ведущего журнала он воспринимал как событие для себя значимое, однако его ожидания не оправдались. Потанина задевает недостаточное внимание со стороны Некрасова, который за все время обеда обращается к нему лишь один раз — с незначительным вопросом; неприятное впечатление производит на него и поведение гостей — «людей, сошедшихся по близости одного журнала», но во всем осуждающих друг друга, смеющихся друг над другом и т. д. «Хотелось бы чего-то, да вышло ничего. Вместо тонкого французского piquant вышло что-то дурновато-русское и даже странное, самого хозяина поставившее в положение, которое предоставляло решить ему самому», — резюмирует Потанин в дневнике (Л. 171). В «Воспоминаниях…» же писатель отзывается и о «редакционных обедах», и об отношениях между сотрудниками «Современника» с большой теплотой, замечая, что «литературная семья жила дружно» [8, с. 467], «за обедом велись самые откровенные, задушевные беседы» [8, с. 467], и называя это время «самым счастливым и веселым» [8, с. 467] в своей жизни. Очевидно, в мемуарах Потанин описывает некрасовские обеды в идеализированном и обобщенном виде, из «Ночника» же мы узнаем только об одном обеде Потанина у Некрасова, поэтому сравнить его первые впечатления с более поздними, строго говоря, не можем. Как не можем мы с уверенностью говорить и о том, бывал ли Потанин на других «редакционных обедах» в принципе: «Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова» фиксирует его в числе гостей лишь однажды, тогда как сам Потанин в «Воспоминаниях…» замечает, что Некрасов часто приглашал его отобедать на свои «литературные праздники» [8, с. 467]. Эта непроясненность, впрочем, не мешает констатировать наметившееся расхождение в оценках.

[5] Это замечание Потанина, вероятно, отсылает к «Литературным воспоминаниям» И.И. Панаева (начали публиковаться в «Современнике» с № 1 за 1861 г.), описывающим главным образом современную автору литературную среду.

Сразу после рассказа о званом обеде Потанин приводит в дневнике историю, видимо, особенно его взволновавшую. Когда в «Современнике» вышли первые главы романа «Старое старится, молодое растет», Некрасов сам приехал к писателю на квартиру и вручил ему соответствующий номер журнала — а некоторое время спустя прислал счет за годовую подписку. Вероятно, Потанин снова почувствовал себя обманутым и оскорбленным. Личный визит Некрасова был воспринят им как дружеский жест и своего рода признание писательского таланта — присланный счет же послужил как бы указанием на более низкое место Потанина в журнальной иерархии и, кроме того, характеризовал Некрасова как человека мелочного и жадного. В дневнике произошедшее описано так:

> Я удостоился, наконец, почетного визита господина редактора журнала, который сам привез мне первую книгу. Почетна личность поэта, его renommée и пр. и пр., казалось бы, все это должно было польстить самолюбию автора того романа, который будет (чует мое сердце), будет иметь свое славное будущее… Я так и принял и понимал этот визит поэта, но… Ох, эти но, как иногда они разоблачают пред нами человека. Читателю этого места (после покойника Потанина) самому предстоит обсудить личность г. Некрасова. Поживши и изведавши слишком уж много, я перестаю судить людей строго, и потому поступок его со мною предоставляю на суд неуместный моего читателя-судьи. Вот он: из рук г. редактора, как будто в поздравление, я получаю журнал с моим романом, получаю даже приглашение на обед, располагающий к отношениям дружественным-близким, как сотрудники и служители одному великому делу, и что же? На другой же день после того получаю счет, в котором за «Современник» 1861 года вычитает с того же Потанина 15 р. и за тот же самый «Современник», который автору как подарок привез сам господин поэт! Конечно: «Денежка любит счет!» Но в этом отношении я готов бы легче заплатить г. редактору за визит еще 15 р., нежели прочувствовать в себе такое тяжелое впечатление, которое уже сразу отвращает от человека. Господь с ним с его пятнадцатью рублями, я за это дарю ему от себя по 15 р. на каждый мой печатный лист, но трудно переживать такие горькие минуты, и в сердце после того долго, долго лежит такое тяжелое ощущение, которое в мои только поздние лета может выносить человек (Л. 171 об.).

Как выходец из крепостной среды, Потанин болезненно воспринимает всякое социальное неравенство, и разницу их положений

с Некрасовым он ощущает очень остро. Продолжая дневниковую запись о визите Некрасова, писатель замечает: «Впрочем, г. редактор <…> дал мне разумный совет: нанять получше квартиру, — и это готов, готов бы душою, да ведь не красна еще изба углами, — вот в чем все дело. Совет-то, видно, дешевле стоит, нежели подарок Потанину в 15 рублей!» Замечание о квартире, возможно, сделанное Некрасовым невзначай, серьезно задевает стесненного в средствах Потанина, служит для него явным свидетельством безразличия к нему со стороны редактора, который, как считает Потанин, может, но не хочет ему помочь, не ценит его как сотрудника: «А ей-Богу, не мешало бы быть хотя сколько-нибудь повнимательнее к такому добросовестному труженику, как Потанин. Вместо всяких советов уж очень бы можно было, по убедительной моей просьбе, отрекомендовать меня в какой-нибудь дом: давать уроки» (Л. 171 об. – 173).

Несколько позже Некрасов действительно помог Потанину в устройстве на службу: редактор «Современника» рекомендовал своего нового сотрудника Егору Ковалевскому, брату министра народного просвещения, и вскоре Потанин получил место учителя во Введенском уездном училище. Все это довольно подробно и с большой признательностью к Некрасову Потанин описывает в «Воспоминаниях…», завершая изложение этого сюжета так: «Незабвенный Николай Алексеевич Некрасов был очень доволен моим успехом по службе и до конца жизни заботился обо мне, как отец» [8, с. 466]. В «Ночнике» заслуга Некрасова в улучшении положения Потанина также не остается без внимания, однако угол зрения, под которым автор дневника смотрит на описываемые события, снова оказывается иным:

> Скажет, может быть, сердце, что я неблагодарен против Некрасова: Некрасов принял участие в рукописи, Некрасов ободрил и одобрил унывающего П<отанина>, Некрасов отрекомендовал П<отанина> брату министра, Некрасов наконец выхлопотал П<отанину> место учителя. Все это правда — за все это я благодарен Некрасову моими бессонными ночами и моим благородным великим трудом. А как посмотришь на это с другой точки зрения, так и окажется, что Некрасову дешево обошлись эти хлопоты, но зато в знак благодарности и я недорого продаю мою голову. Значит, мы квиты. Положим, это макиавеллизм, да зато вот вопрос: я ли его первый употребил против Некрасова, или Некрасов против меня? (Л. 191 об.).

В дневниковой записи о званом обеде Потанин, к слову, нелестно отзывается и о соредакторе Некрасова по «Современнику» И.И. Панаеве: «Вот одна черточка из характера этой личности: господин Панаев хвалится перед Щебальским относительно ценности моих работ: “Да, батенька, вот как мы-с обработываем наши делишки: вот какие труды мы приобретаем за 50 р. с. лист!” Честь и слава вам, господин редактор, только, пожалуйста, не приписывайте себе этих делишек — это не ваша обработка: это не что иное как великодушие Потанина и его благородное, истинное служение делу, а не вам» (Л. 173). Вновь обратившись к мемуарам, мы находим там практически точные цитаты из приведенных фрагментов «Ночника» — однако здесь Потанин представляет их как вызывающие у него беспокойство и неодобрение «литературные сплетни» о Некрасове. Так, будто бы пересказывая разговор со знакомым — разговор, в котором сам Потанин «восторженно говорил о великодушии поэта» [8, с. 472], — он помещает в статью пространную реплику «собеседника», в которой узнаются собственные переживания Потанина времен его прихода в «Современник»: «Какое великодушие вы нашли в Некрасове? Просто ему нужно было вас купить, вот он и дал вам задаток. Некрасов торгаш, он боялся, что у него перебьют такую хорошую рукопись, как ваша, вот он и поспешил даже в номер к вам прискакать. А что он сам привез вам книгу и поздравил — так это некрасовский фарс. <…> Вот увидите после того, как он сдерет с вас рубликов 16 за годовой экземпляр “Современника”, несмотря на то, что вы такой дорогой его сотрудник. <…> И знаете, что я кстати скажу вам по секрету; неделю назад Некрасов сам говорил мне прямо в глаза: “Вот, милейший N.N., как мы обрабатываем свои делишки, рубликов за 50 печатаем такое произведение, как роман Потанина!”» [8, с. 472]. Как можно заметить, приписываемые недоброжелателем Некрасову слова об «обработке делишек» почти дословно воспроизводят процитированную Потаниным в дневнике фразу Панаева. И если это совпадение можно было бы объяснить расхожестью такого мнения о Некрасове, то замечание «знакомого» о том, что Некрасов непременно потребует с Потанина деньги за годовую подписку на журнал, очевидно, сфабриковано: дневниковые записи явно дают понять, что для Потанина произошедшее было неожиданностью. Таким образом, стремясь в поздних «Воспоминаниях…» представить бытовавшее в литературной среде негативное отношение к Некрасову, Потанин во многом опирается на собственные эмоциональные суждения, при этом переатрибутируя обиды прошлого посторонним людям и подчеркивая свое несогласие с ними.

Категории, в которых Потанин осмысляет отношения с Некрасовым, характерны для того времени: как показывает М.С. Макеев, в 1860-е гг. «типичный издатель журнала начинает осмысляться как капиталист, эксплуатирующий наемных рабочих» [6, с. 169], «многие литераторы-разночинцы, печатавшиеся в “Современнике” в 60-е годы, осознают полную материальную зависимость от его издателя и остро переживают чувство униженности своим положением» [6, с. 170–171]. В качестве иллюстрации исследователь, среди прочего, приводит несколько обширных цитат из дневника Ф.М. Решетникова. Редактор «Современника» предстает на страницах дневника ханжой, плутом и вором, надменным барином — впрочем, по мнению Решетникова, на эксплуатации и обмане издателями сотрудников строится в России вся журнальная деятельность [6, с. 172].

Потанин в своем дневнике также прямо заявляет о том, что Некрасов его обманул и обокрал: «…бросить и еще обокрасть — это уже выше всякой меры бесчеловечности. И как помирить эти два странные понятия: поэт и вор?» (Л. 194). Претензии Потанина к барству Некрасова, к его неспособности поставить себя на место другого, понять того, кто находится в худшем положении, тоже нашедшие выражение на страницах «Ночника», столь же эмоциональны. Приведем цитату, описывающую сцену разговора Потанина с Некрасовым о потерях, которые понес роман «Старое старится, молодое растет» после вычитки цензором: «Ярко припоминается при этом фигура поэта, лежащего в своем пуховике, которому бедный (!) Потанин объясняет, что “борьба за слово для него — борьба святая и великая, она выше для меня, нежели борьба за мою собственную личность” (говорится сквозь смех) на все на это великодушный (надписано: великолепный. — *З.Г.*) поэт отвечает: “А нельзя печатать, так оставить!..” И как легко выговаривает это слово: оставить! Легче, нежели выпить ту чашку утреннего чаю, которая в это время стояла перед поэтом» (Л. 173 об.). Наконец, Потанин доводит свои обвинения Некрасова в бесчестности и жестокости до предела, представляя (пусть и в полушутливом тоне) редактора «Современника» уже не просто вором, барином и циником, но и буквально убийцей:

> Вот и некролог Добролюбова мною прочитан. А давно ли он смотрел на меня так бесстрастно сквозь свои светлые очки? И этого доели великие редакторы передового журнала. <…> А посмотрите, непременно напишется некролог или биография Добролюбова в «Современнике», и верно рукою, закопавшей друга, он произве-

> дется в гении, напишется страшно много о его полезной и важной деятельности в литературе и в особенности в «Современнике», уж верно приткнут где-нибудь, что Добролюбов умер не от чахотки, а от тоски и глубокой скорби патриота о несбывшихся надеждах, от горячих мечтаний о свободе, о судьбе наших университетов и о том еще, о чем тихо растаявший Добролюбов, поди я чай, вовсе и не думал никогда и не гадал. <…> За ним следует уморить еще Михайлова — ну и тогда концы в воду! (Л. 265–265 об.)

Нельзя исключать, что многие потанинские оценки Некрасова в «Ночнике» гипертрофированы, обусловлены не только объективной реальностью отношений автора с издателем, но и болезненным самолюбием Потанина, с одной стороны, и его вспыльчивостью — с другой. Лично знавший писателя И.П. Ювачев отметил в некрологе: «Я прозвал Потанина “огненным стариком”. Он вспыхивал, как порох, и в запальчивости был очень резок на словах»[6]. Как бы то ни было, рассмотренные фрагменты дневника позволяют судить о прогрессировавшем отторжении Потанина от Некрасова, резко контрастирующем с теми высокими оценками, которые редактор «Современника» заслуживает в печатных воспоминаниях автора романа «Старое старится, молодое растет»[7]. Сложно сказать сегодня, были ли хвалебные «Воспоминания о Н.А. Некрасове» попыткой 82-летнего Потанина напомнить о себе в литературных кругах, для которых он «давно был умершим»[8], или искренним переосмыслением прошлого. Возможно, в поздних воспоминаниях Потанин пытался сгладить противоречия своей жизни, и заочная консолидация с покойным Некрасовым позволяла ему укрепить свое положение — хотя бы в собственных глазах.

В Приложении помещены фрагменты «Ночника», печатающиеся по авторской рукописи: РО ИРЛИ. Ф. 634. Ед. хр. 3820. Л. 246–246 об.; 251–251 об.; 266–267 об.; 287 об. – 288; 26 об. – 28 об.; 94 об. – 95 об.

---

[6] *Ювачев И.П.* Гавриил Никитич Потанин // Исторический вестник. 1911. № 5. С. 525. По словам вдовы Потанина Елизаветы Андреевны, И.П. Ювачев был одним из двух литераторов (второй — А.С. Пругавин), с которыми Потанин поддерживал общение в последние годы жизни. Сохранились письма Г.Н. Потанина и Е.А. Потаниной к Ювачеву (ОР РНБ. Ф. 887. Ед. хр. 29, 30); Ювачев упоминает Потаниных в своих дневниках.

[7] По мнению Г.В. Краснова, на изменение отношения Потанина к Некрасову повлияли позднейшие жизненные испытания, через которые писателю пришлось пройти: отстранения от службы, вынужденные переезды, давление со стороны властей и т. д. См.: [3, с. 145–147].

[8] *Ювачев И.П.* Гавриил Никитич Потанин. С. 520.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Г. Потанин
«НОЧНИК» (Фрагменты)

4 ноября, 1861 г.

Желчь, мой друг Потанин! А где желчь, там мало истины. Неужели я еще не дошел до спокойного описателя литературных событий? Конечно, мало есть людей настоящего времени, которые так страшно чужды какому бы то ни было направлению — у всякого своя партия. Тебе только пало на долю следить и дух Аксакова, и Некрасова, и простодушного болтунчика Загоскина, и литературного фуфлыгу Панаева, и важно ученого Краевского, и пустовсякого Дружинина; тебе только взбрело в голову из всего этого эклектически высосать истину и великое достоинство таланта и пустоту бездарности! И еще бы все это не волновало жизнь человека правдивого? Чем и кто и как помирит это разнохарактерное воззрение на один и тот же божий мир, на одного и того же русского человека, на одну и ту же жизнь того же русского человека? Странен же ты, русский человек, дошедший до таких разладиц с жизнью в действительности и слове! Где же и в чем твои основные точки опоры твоей жизни, действительности и слова? Что же это такое? Аксаков — мужик, Панаев — барин, Аскоченский — поп, Дружинин — чиновник, Краевский — семинарист, Тургенев — граф, Салтыков — следователь, Григорович — господин-крестьянин, Писемский — господин-мещанин, Гончаров — живописец, но во всем этом нет еще полного проявления полной русской жизни, точно у каждого из них есть своя idea-fixa, для которой, как идолу, приносят в жертву все остальное. И все эти господа, соединенные в одно, едва только дают нам слабое понятие о полной, как могучая славянщина, жизни русской. Все они воспитались в разных своих уголках, все они с своими особенными воззрениями, и во всех их есть свое неотъемлемое-особенное, принадлежащее к сфере домашнего воспитания, от которого они и не думают отрешиться, да и не в состоянии отрешиться, а между тем, многие из них носят уже по *<нрзб.>* журналов имя русского писателя. И Боже мой! В какие разнохарактерные отголоски раззвучится будущее поколение писак — куда оно пойдет? Что оно напишет, принявши в основу своего воспитания эту разнохарактерную привилегированную ложь? Что выразит в себе, каких еще уродов изобразит нашим детям литература будущих годов? И выработает ли из этих уродов тот дивный образ Славянина, которым бредил Гоголь?

Кстати или некстати, но я припомнил случай. Назад тому неделю или две я был у Некрасова. У Некрасова в квартире лежит его чернорабочий — Добролюбов или Добронравов — что-то вроде этого. Спрашиваю: зачем он? — «Да потому что ему одному дома скучно». Воображаю я веселость в доме Некрасова! Много же жизненного придает мертвый Некрасов больному Братолюбову. Это видно будет сейчас и из следующего обстоятельства. Человек берет рецепт — идти в аптеку — и докладывает о том, что фельдшер дожидает в прихожей. — «Ну, так, как сказал доктор: сделать ему ванну и поставить пиявки». Меня ужаснуло, что чахоточному хотят ставить пиявки да еще ванну. Спрашиваю: «Да чем же он болен?» — «Да тот расстройством нервов, а это вот этому…» (Великий поэт вместо Братолюбова указал на Касторку). «Милый пес мой болен, — говорит поэт с безжизненным сокрушением сердца, — это мы хлопочем о бедном, милом нашем Касторе-с!» — «А! а я уж думал, о вашем больном?» — «Нет, тот у нас сам по себе-с, а этот требует помощи скорейшей».

***

Год исполнился, как я в Петербурге! <…> Состояние ужасно, состояние безысходно! И еще ужаснее и безысходнее потому, что нет около человека, который поддержал бы меня! К великому поэту я кажется больше не обращусь — разве из пробы? Да и проба была бы страшная. Чего искать там, где я вперед уверен, — ничего не найдешь! Это проклятые эгоисты! Какой-нибудь Иван Алексеевич[1] — горячая душа, он многое поймет чутьем, но эта крайне невежественная дикость меня ужасает <…>. Один он сделал верное определение-значение Петрова[2] как артиста. Но это для меня не новость: значение это может определить даже самый пустейший из фатов — Панаев, и этот скажет, что Петров достоин юбилея и как артист, и как человек — и, как оказалось, собственно, потому, что он двадцать пять лет служил театру и, наконец, неподражаем в роли Сусанина! Эх, господа Иван Иванычи! О сапожниках бы вам писать, а не о значении артистов и художников! У нас все так: Петров, 25 лет усовершенствовавший роль свою, велик, а Бантышев[3], в котором умерла наша прекрасная опера «Могила Аскольда», Бантышев прошел бесследно — и никто ни строкой не почтил его великий талант! А Бантышев такое же имел значение в «Аскольдовой могиле», как и Петров в «Сусанине». Недоставало, значит, одного: Бантышев не успел войти в моду. Господа наши ценители и судьи! По вашим пустым статьям будущий век будет писать историю артистов и художников! И материалами для этой истории будут ваши вздорные

и еще ложные идеи — не будет ли стыдно? Или мертвые срама не имут? Иван Иваныч, верно, того убеждения: «Что поврешь, то и поживешь». Простодушный Иван Алексеич говорит: «Да кто же из людей понимающих верит Панаеву? (о Брюллове, Глинке и т. д.) Пусть его врет на здоровье!» А простодушие хуже лукавства: с этим простодушием мы всегда уступим наглой лжи, и наглая ложь восторжествует! А если принять в соображение, что у нас еще очень немного людей, понимающих Брюллова как гения-поэта, Иванова как таланта-художника, то и окажется, что мысль, проводимая нагло каким-нибудь буффоном Иваном Иванычем в самом деле многим может показаться за новый взгляд на искусство, предмет и <*нрзб.*> которого оригинальный, но и верный. Много ли есть в Петербурге людей, которые, как аз грешный, кидают «Современник» под стол и, выходя из себя, в негодовании шепчут: «Какой наглый фат!» Зачем, смотря на Зефира Бродского[4] безусловно не признать в нем истинного художника? К чему какому-нибудь пустому фату Ивану Иванычу подниматься на ходули: толковать о внутренней силе художника, о той глубине и смелости <…>, которая будто бы поражает Ивана Иваныча в истинно художественных произведениях! Полноте, пожалуйста, притворяться, русский барин и фат, кто вам из людей мыслящих поверит, что вас когда-нибудь поражали истинные произведения! По всему вашему отзыву ясно видно, что в искусстве вы не смыслите ни уха ни рыла, а об идее великих произведений не имеете и понятия и судите вы просто-запросто, как русский барин-дилетант. Но помните, однако, что ваше буффонство может убить Бродского, как убили вы, буффоны, несчастного Иванова. Жаль только, что со стороны таких господ нет после и сознания, что они первые бросили камень в великого человека. Эх, господа наши ценители и судьи! Будущий век с негодованием еще не раз бросит под стол вашу книгу и хорошо, если он скажет только: «Какой это был пустой человек <надписано: народ>»!

***

Судьба Михайлова точно так же докончена, как судьба воскресных школ. Уж кто не говорил и не судил у нас Михайлова. Крылов, наконец! Мальчишка-Крылов и тот говорит и судит Михайлова, и тот сказал: «Нет, уж больно он как-то тово…» Перетрусил, что ли, Бог его знает? Привели тут его в сенат — плачет… Уж, господин ученик Герцена, если вы наследовали истинно дух вашего великого учителя, то уж перед русским-то сенатом плакать не следовало! Вы унизили этим уж не столько себя, сколько вашего великого

учителя! Положим, пред государем вы могли со слезами сказать, что вы больны… Но непременно прибавить: «бессилием» — иначе, без этого слова, в вашем свидании с царем нет, не было и не будет смыслу. Иначе в этом всем — уж и мне позвольте закричать вместе с Аксаковым — ложь![5] И в самом вашем отречении для России была не жертва, а тоже щегольская ложь!.. Полноте, господа публичные лгуны, полноте нас морочить! Ну, что значат ваши малодушные слезы пред русским сенатом! Вы так мне становитесь мелки, что, ей-Богу, стоите пересудов Крылова и даже — Крылова!.. Вы, вы, тот! На которого наделась вся горсть провозвестников новых идей — вы, который стоите высоко на эшафоте, и в ту минуту, в которую вы знаете уже, что судьба ваша решена, — вы плачете малодушными слезами и просите свидания или, пожалуй, прощения у того, кого хотели зарезать!.. И это передовые наши люди! И с этакими господами мы хотели что-нибудь делать дельное!.. Хорошо, значит, дело, да хороши и дельцы. А дельцы — подлецы! Все, верно, вроде Безобразова[6]: человек просит сенат пощадить Михайлова, а когда узнает, что он из породы вольноотпущенных, не более, так говорит: «Задавить эту гадину!» Вот с такими господами и изволь вести дело! Где уж нам жидам достигнуть согласия и единодушия! Вот за это-то нам и окажут всегда такую милость: вместо двенадцати заключить его (Михайлова) в каторжные работы на шесть лет, а, впрочем, быть по сему: ну и слава Богу! И будь по сему, но едва ли это нужно, и без этого мы знаем твое петропавловское могущество: ведь еще со времен Христа известно, для чего у человека меч или нож? Но помни <надписано: и ты — царь> изречение великого учителя: «Все приявшие меч, мечом погибнут».

Судьба Михайлова и без этого высочайшего манифеста была решена вперед: ее написал еще вперед пророчески республиканец Якоби на картине ссыльных[7], только спроси ты сам себя: кто этот офицер, который спьяна приподнимает веки у покойника и спрашивает того: «Ну что, глядишь ты теперь за мной, как я пьянствую, или слеп?» Нет! Не глядит! Он стал покойник, он умер! И Михайлов умер; он и физически умрет на половине дороги; и школы наши умрут от своей собственной пустоты; и я умру за правду-матку, и все мы умрем; — не умрет только твое войско, под хмельком улегшееся под Севастополем, да не умрешь еще долго и ты, напившийся мертвецки. Спи спокойно! Тебя спасут твои рабы, твои трусливые зайцы-русаки, спасем тебя мы своею кровью. Ну, прощай, друг Михайлов! Это тебе последние строки: я, впрочем, от тебя не полагал, что в эту великую минуту, когда на тебя смотрела вся горстка студентов, ты смалоду-

шествуешь! Жаль, что ты оказался гаже жида, которого описывает «Северная пчела» и которого Медников[8] назвал человеком ужасным, а Яновский канальей. Подите помирите такие разногласия! А мне как прикажете назвать этого жида, смотря на твои слезы? Ну, пожалуй, я назову его русским молодцом. Доволен ты?.. Прощай, друг! Безо всяких предварит<ельных> приготовлений, пред ссылкой твоей у меня все вертелась мысль: подать тебе денег, хоть рублей сто, да ведь вы, господа, нервозные души, на каких-то все ходулях да на пружинках. Вот уж о вас-то петербургских и сказать: «Чужая душа — потемки». Пожалуй, еще обидишься и, пожалуй, еще ляпнешь, что тебе странно принять от неизвестного тебе Потанина милостыню. Нет, не неизвестный, не чужой! Врешь! Родня, друг, родня мы с тобой, да еще какая! А если не узнал ты отцов кулак, так, собств<енно>, потому, почему не раскусил Потанина и великий поэт. Потому, собственно, что мы не сошлись и, верно, не сойдемся? У меня есть предчувствие, не сойдемся! И в решительную минуту смерти ты плачешь над ними, а я посмеиваюсь над вами. В этом мы не родня, а в прежнем — не сомневайся, друг, родня, да еще какая!..

Поп Петропавловской крепости сказал: «Правительство — стена: чем больше ударов, тем скорее она дрогнет». Ну, батька, это еще старуха надвое сказала. Хотя Наполеон и сказал, что крепости затем и строятся, чтобы их разбивать. Но, верно, для этого нужно наполеоновский же и лоб, а не твой поповский-глупый, наполеоновское же неутомимое терпение двигаться к одной определенной цели, и, по-моему, трупами Михайлова и Спасского Петропавловской крепости не прошибешь. Бесполезное усилие! Этому доказательство вот что: на Сытнинском рынке выставили скамейки и продавали места, чтобы смотреть на казнь Михайлова!.. Скажите, в каком народе в Европе вы встретите еще подобное бесчеловечное зверство <…>. И какая идея, кроме подлости и торгашества, свойственны этому народу. Хотя Ставровский и говорит, что презрение к русскому попу в парижской духовной коллегии есть нечто иное, как частный случай, ничего не доказывающий; хотя мы торгашество (при казни) можем еще более принять за частный случай, однако этот поступок ясно говорит, как понимает это заветное дело народ! Казнь Михайлова была совершена на Сытном рынке — будут ли этим сыты те, кто хотел этой жертвы, или это только одна игра слов, не более?..

***

Вот, наконец — ну, слава Богу! — и Помяловский с несчастным и жалким Добролюбовым пожалованы в гении, и высочайший рес-

крипт дан самим «Современником». Ну, само собой разумеется, что Добролюбов выше стоит Пирогова или Брюллова, как его не похвалить хоть в могиле, как не сказать этой заветной мысли, что эти люди только и родятся для страданий, которых не могут изнести, потому что душа их так чиста, что не может никак помириться с идеей нашего рабства! Да кто же и заставил Добролюбова быть рабом? Кто, наконец, просил его так уж сокрушительно, до чахотки, страдать из пустяков?.. Вот если бы он в самом деле был вроде неудавшегося Иванова или Гоголя на русской почве, то уж, само собою разумеется, самое лучшее в таком случае — умереть. Да и то это дурачество простительно только Гоголю и Иванову как холостякам, людям уж решительно непривязанным ни к чему земному. А Добролюбова-то кто просил на это пустое пожертвование. «Ложь!» — говорит Аксаков. Полноте, господа, нас морочить: великую гениальность Добролюбова только и помнит один «Современник»! А ведь многие, в столице жившие, только теперь и начинают читать его статьи, и то собственно потому только, что заслышали ваш крик. Знаем мы эти иллюзии, и знаем мы то, что по его положению относительно к журналу он на все кидался, и что-то хотелось ему сказать, да по везению ничего не сказалось! И ваш гений только и останется в вашей книге. Самые странные названия статей уж достаточно показывают всю безжизненную сухость вашего гения — ведь это все тоже вроде скрежета зубов и глуповцев с их деяниями — это тот конец, за которым слава ваша так же бессильно и чахотно умрет, как и Добролюбов! А проснувшиеся на ваш крик провинции только с каким-то страшным изумлением подумают: «Черт знает, что это такое? “Современник” просто нас морочит». И хотя «Современник» привык смело считать наши провинции за бессмысленную толпу и воображает себе, что его поддержит юное молодое поколение, которое, пожалуй, влюбится и в Добролюбова — *<нрзб.>* — но не радуйтесь этому успеху: любовь этого молодого поколения так же ветрена, как мало оно, ведь любовь эта к плохому и больному Добролюбову есть не больше как временное увлечение — отрезвятся, так поймут, что Добролюбов относительно к гениальной литературе не так еще важен и велик, как возвеличил его за бескорыстное труженичество «Современник».

Эх, почтенные поэты старый и новый, кем-то вы замените этого чернорабочего? А ведь Чернышевский не способен? Вот ему украсть где-нибудь переводную мысль — это изволь, можно; или с наглостью отвергнуть и усомниться в какой-нибудь святой и неприложной истине — тоже изволь, и на это он мастер! Ну, а писать фельетон — никуда не годится: у него все будет выходить вроде «Полемических красот»,

для которых самый лучший ценитель — Крылов, и в особенности в ту минуту, когда он, прищуривая глаз (вроде почтмейстера в «Ревизоре»), говорит: «А умная эта бестия Чернышевский — как он всех отвалял». Ну а второй гений — Помяловский. Тот не только для внутреннего обозрения — право, и ни на что не годится! Он пока гений только в «Молотове», а там я знаю его будущее: после Ивана Выжигина он напишет, пожалуй, еще и Петра[9]; но ведь, пожалуй, и в повести понадобится знание сердца человеческого да знание истинной жизни, а нам очень известно, как знают жизнь эту наши бурсаки. Первое мое знакомство с Помяловским напоминает мне простодушного Баранского, который в первое же свидание со мной задал чрезвычайно ловкий, общественный и вежливый вопрос: не с себя ли я писал приходского учителя в 9 главе?.. — Не правда ли, какой лестный и приятный вопрос для автора, когда ему говорят: «Позвольте узнать, у вас там в 9 главе написан мужик, невежа, идиот и полуживотное — приходской жалкий учитель — не вы ли это будете?» Не правда ли, какое умение у гостя обращаться с вежливым хозяином! После этого ловкому гостю оставалось только одно: принять (по ловкости) мою чернильницу за пепельницу, натыкать в нее окурков, до обморока закурить мою бедную жену какими-то восточными папиросами — и уйти навсегда, забыв и автора, и учителя, и лестное внимание хозяина, и его задушевную теплую беседу, всегда простодушную и безыскусственную, всегда свою-семейную, невзыскательную, нецеремонную и свободную, как у себя дома в своей семье. Как, однако же, прост и невзыскателен хозяин, но, однако, после посещений этих двух личностей, Помяловского и Чучеловского, моя бедная жена, при всей ее деликатности, никак не утерпела и таки спросила: «Помилуй, Г., откуда ты выкапываешь таких лесовиков?» — «Какой, мой друг, ужас — это будущее литературы и ученый, и оба петербургские! Вот это-то, мой друг, и называется развязностью, а ты об этом и не знала? Этакое ты у меня простодушие». — «Да помилуй?..» — «Да уж тут, мой друг, миловать нечего, когда нас не милуют наши гости… Перед вежливостью петербургских гостей мы должны молчать — особенно в первый раз».

***

«На безрыбье и рак рыба». Таково у нас явление Щедрина и Островского. С первого появления очерков судьба Щедрина мною была предсказана пророчески. Очерки его так и остались только очерками, и тогда же можно было сказать утвердительно, что порядочной картины Салтыков никогда не напишет. Конечно, как новизна, первое появление Крутогорска должно было понравиться, но

надолго ли?.. Это можно было предсказать тогда же. Как не ветрен и не пуст парижанин-Петербург, но и его нельзя такою дрянью занять надолго. Одному только великому поэту[10] понравился «Скрежет зубов». Но я уверен, что, прочитавши «Глуповцев» и сам великий поэт убедился, наконец, что Щедрин со всей своей двугодовалой славой исписался до конца и дальше думать о его возобновлении совершенно бесполезно! Хотя «Современник» самовольно и венчает Помяловских, Добролюбовых и Щедриных в великих писателей, но кто же этому верит из людей, истинно понимающих литературу. Напрасно редакторы «Современника» воображают себе, что журнал их держится именами Островских и Щедриных. Ничего не бывало! Но им, сильно падающим и почти совершенно уроненным тяжестью хмельного царствования, нужны для поддержки только идеи — те идеи, которые, хотя шепотом и озираясь, но все-таки понемногу проводил этот смелый журнал, а если б не это, то чисто в литературном отношении «Современник» со всеми Щедриными и Островскими давно бы брошен был читающими русскими человеками.

Какой-нибудь Жуковский[11] (созерцательная юриспруденция) с своими недомолвками для нас все-таки важнее, нежели пошлый Щедрин с своей обличительной литературой. «Ябеда» хороша была во времена Капниста, тогда она была ко времени и действительно приносила пользу, а теперь, когда сила чиновной нищеты и голод неумолимо гонит нас всех к воровству, голос Щедрина не более как потеха, и, по-моему, обличать нас в настоящее время только и прилично сколько-нибудь Герцену с его неумолимою смелостью и желчным сарказмом, а очерки Щедрина чуть видны, бледны и до того, наконец, ничтожны еще своим пером, что пора, очень бы пора понять и самому Салтыкову, что пора перестать бесполезно писать. Хорошо и привольно пописывать свою гиль, сидя на месте вице-губернатора и имея впереди в перспективе много еще смелого — пройти и дальше со временем; хорошо проповедовать о честности и бескорыстии какому-нибудь отъявленному мошеннику Гроту, когда он знает, что так или иначе его дела все-таки будут чисты, благородны и еще на виду правительства, а много ли это бескорыстие, честность и благородство принесет пользы тому, у кого нет при дворе брата, кто голоден и холоден, кто, наконец, не сегодня так завтра попадет в заштатные человеки и, конечно, неминуемо погибнет? <…> К чему же тут, и кому нужны ваши очерки? Какую кому они приносят пользу?.. Что же касается до других литературных достоинств, то поверьте, один только Петербург и поверит вам, что вами верно описано общество; Петербургу очень простительно это верование, потому что он никакого

не имеет понятия об обществе, провинции, а тем еще более об крайне разнообразном обществе губернских наших городов. Блажен, кто верует, — тепло тому на свете: легкий Петербург ищет только легких удовольствий, которые вы ему доставляете вашими легкими же очерками; но очень нелегко тому делается, кто видел это общество провинции не с вице-губернаторского места и не из собраний и клуба, а прямо из самого жалкого разнообразия его жизни! Нет, не легко, г. Салтыков: Гоголь еще не умер в литературе, а тем больше в обличительной, но и его яркие образы не есть еще те совершенные типы, которые наполняют своим пестрым жалким разнообразием наши губернские города. Для типов этих, поверьте, г. Щедрин, нужно не ваше перо, а перо человека даровитого, такого наблюдателя, который писал бы нам эту жизнь с самой жизни, а не с фантазии и из своего кабинета. В ваших типах видит живых людей один только незнающий провинции Петербург, и, поверьте, больше никто; всякий живущий в провинции думает только одно: черт знает, откуда он взял этих уродов, тлей — неужели это похожие на нас люди?.. Я, конечно, не оспариваю лицо князя Льва, вятского губернатора, может быть, этот тип и верен сам себе, но разве личность какого бы то ни было губернатора есть губернский очерк? Никогда! И вот почему: все наши губернаторы, исключая Панчулидзева и Огарева, присылаются из столицы на два и на три года — много ли в них того губернского типа, который они представляют, привыкнув к жизни Петербурга, а не Вятки? Кроме спеси и важничанья да еще барского деспотизма с чиновниками, в них вовсе нет ровно ничего провинциального. Панчулидзев был единственный тип губернатора для истинно губернского очерка, зато жизнь Панчулидзева уж вовсе нисколько не была похожа ни на одного князя Льва — жизнь его была чисто губернская, своеобразная от привычки и к местности, и к месту. Что же касается до других человеков, то Щедрин как будто их никогда и не видал, кроме своего губернского правления. В них вовсе нет ничего живого, кроме обыкновенной их казенной застегнутой жизни; но это, г. Щедрин, не жизнь — это одна только мертвая форма, в которой не только нет, а вовсе и не видно жизни. В образе Калиновича, <*нрзб.*> и вообще в мастерской кисти Писемского несравненно больше губернских очерков, нежели во всех ваших мертвых писаниях, которыми восхищается из дружбы великий поэт-мазурик! Пора ваша, г. Салтыков, пришла, и сколько б еще ни начиналось объявление с вашего словного имени, всякий понимающий дело истинной литературы только подумает, прочитавши: «Опять будет надоедать Щедрин? Это, наконец, не только скучно, а с его стороны даже и бессовестно!»

Островский в своей среде так называемого московского, или, лучше сказать, во всех отношениях старообрядческого самодурства, стоит, как талантливый человек, гораздо выше, нежели Щедрин в среде своего чиновного лихоимства и чиновной обрядности, если можно так выразиться. В комедиях Островского заметно, что он старался подмечать характерные черты этого сильно выпуклого русского быта; во многих его комедиях эти черты проведены твердо и ясно; видно, что Островский очень близко списывал эти картины семейного деспотизма, и кто не согласится, что копии его довольно верны? Но и только! Этим только и выражается талант Островского. Ни языка, ни глубокого психологического взгляда и анализа, ни плана, наконец — ничего нет в его комедиях, и критик вроде Виссариона Григорьевича нашел бы в них тьму недостатков, и недостатков самых главных! Разберем хоть самое замечательное из произведений Островского — «Грозу». Вот, о чем в настоящее время в особенности можно сказать пословицу: «На безрыбье и рак рыба». Драма эта надоела мне до крайности в настоящую зиму, а Петербург, бедный, милый, простодушный Петербург, и до сих пор еще хлопает и верит, что она выражает будто бы в самом деле русскую жизнь и русские нравы и обычаи. Где и в чем? Один уж только Господь ведает! Дурачество бестолково восторженно хлопающей публики я в особенности заметил в большие праздники, когда все было в самом разгаре. Ценители драмы беспрестанно бегали в буфет и хлопали немилосердно, придираясь к каждому слову. Но вот тут-то и оценивать серьезное произведение серьезного писателя. В самый пошлый праздничный спектакль с комедией Островского просто смех и горе: тут-то и высказалась вся пустота этих бессистемных, бестолковых рукоплескателей: захлопают чему-нибудь чуть дельному кресла — шипит и свищет партер и галерея, захлопает какому-нибудь дурацкому или площадному фарсу галерея — захлопают в креслах. И этому несогласию и нескладице не было конца! А есть авторы — в том числе, я думаю, и г. Островский — которые после таких представлений выходят совершенно довольные из театра. Я знаю только одного, который был вечно недоволен этими плесками, — это Н.В. Гоголь. Воображаю я, как сильно возмущали его эти похвальные оплеухи и с какой желчью и негодованием выходил он из театра. Да и скажите: что в этом бестолковом одобрении утешительного не только для автора, а для всякого человека трезвого и положительного? Не комедия ли это в комедии и не злая ли насмешка над самой публикой? В этот праздничный святочный вечер, как нарочно, было решительно так: как только начала галерея изъявлять свои похвалы — шипят кресла, и наоборот: как только начинают кресла — бессмысленно отмалчивает или начинает шипеть галерея!

И, признаюсь, грозный человек, я немало посмеялся-таки над такой забавной чепухой! Сожалею только о потерянном вечере, да еще более о том, что по милости этой бестолковости я не мог вывести решительно никакого положительного заключения о пьесе.

***

Эти новаторы — люди уже чересчур оригинальные. Не велика еще обязательность для общества, что человек умный желает во что бы то ни стало заявить себя крайним невеждой. По-моему, если нам нравится наше презрение к толпе или даже к личностям, так сиди дома и презирай их про себя. Я прав уже потому, что моя оригинальность по крайней мере не смешит и не досаждает нахально всем. Что, например, за наглость: собрать деньги, посадить нас в душную залу и рассказывать нам с такими гримасами его великое знакомство с Добролюбовым. Теоретическая, пустая гениальность Добролюбова нами уже оценена достаточно, и возводить его в светилы и гении, по-моему, то же, что становиться на ходули человеку низенькому ростом. Низенький действительно будет заметнее, но кто же не понимает, что в то же время и смешон. Это чтение — вроде того же наглого письма Чернышевского, которое он озаглавил, кажется, так: «Вместо признательности к…» (кажется, январь или февраль 1862 г.). В письме этом, видите, великого Чернышевского возмущает похвала господина, который осмелился назвать Чернышевского учителем Добролюбова, и по поводу этой ошибки пишется целая туча доказательств, объясняющих ту ошибку, которая нам, читающим, вовсе не нужна: что не Чернышевский был учителем Добролюбова, а Чернышевский был ученик и учился у Добролюбова. Что мне за дело, Чернышевский ли учил Добролюбова писать свою важную гиль, или Добролюбов Чернышевского — это для нас решительно все равно. И самое, видите, важное: что Добролюбов с 14 лет начал снедать французскую литературу! (!) И это знаменитое восклицание, по-моему, означает только одно: что Д. был пустой односторонник, и порядочным писателем русским быть не мог. <…> Жалкий Добр<олюбов> куда ни совал свои новые теории, так они и остались только туманными теориями, потому что, зачитавшись их, он и вовек никогда бы не сделался практиком. Чем же, г. Чернышевский, важно для нас новое учение вашего великого учителя? *<нрзб.>* А еще больше: чем так интересно и важно знакомство ваше с этим великим светилом? То знакомство, о котором вы рассказывали почти час и мучали нас еще вдобавок вашим невежественным кривлянием?.. Или все это для того только, чтобы мы вас приняли за великого учителя? Вы, конечно, знаете из азбуки, что все

великие люди непременно были со странностями? В этом отношении можете быть покойны: Паульсон[12], пожалуй, в будущем своем жалком учебнике непременно напечатает так: Демосфен подкладывал камешек под язычок, Декарт обвивал ниточкой палец, когда говорил, а Чернышевский превзошел всех — он корячил ноги! Учись, молодое поколение у твоего учителя!.. Я целый день думал о том, как бы в самом деле определить для нас важность и значение Добролюбова и все-таки ничего не выдумал. Добролюбов, по-моему, своими теориями так же важен для нашего здравого смысла, как и Тредьяковский для слога. И если Господь поможет, да из наших пятидесяти здоровых мальчиков встанут здравомыслящие мыслители русские, так они только с сожалением и презрением скажут: «Э, какая это была жалкая дрянь. А еще были люди (вроде Чернышевского), которые лезли из кожи и хвалили взапуски!..»

---

[1] Помета на полях рукой жены писателя, Е.А. Потаниной: «Иван Алексеевич Лысков — художник-музыкант». Возможно, имеется в виду художник И.А. Лыскин.

[2] Осип Афанасьевич Петров (1807–1878) — оперный певец (бас), на протяжении многих лет исполнявший заглавную роль в опере «Жизнь за царя» М.И. Глинки.

[3] Бантышев Александр Олимпиевич (1804–1860) — оперный певец (тенор), бывший первым исполнителем партии Торопки из романтической оперы А.Н. Верстовского «Аскольдова могила».

[4] Виктор Петрович Бродзкий (Бродский, Бродзский) (1826–1904) — польский и русский скульптор. Упомянутый Потаниным «Зефир» — скульптура «Зефир, качающийся на ветке». За нее и парные скульптуры «Спящий амур» и «Пробуждающийся амур» Бродзкий в 1861 г. получил звание академика Императорской Академии Художеств.

[5] Здесь и далее Потанин отсылает к стихотворению И.С. Аксакова «26-е сентября» (1845).

[6] Вероятно, речь идет об Александре Михайловиче Безобразове (1783–1871) — действительном тайном советнике, сенаторе и писателе.

[7] Потанин имеет в виду картину В.И. Якоби «Привал арестантов» (1861).

[8] Речь, вероятно, идет о Федоре Николаевиче Медникове (1829–1877), педагоге, издателе журнала «Народная школа». Ф.Н. Медников со второй половины 1850-х служил штатным смотрителем петербургских училищ, в разное время был учителем, а затем и инспектором Введенского уездного училища, где в 1860–1862 гг. преподавал и Г.Н. Потанин. Как и Потанин, Медников состоял в Вольном экономическом обществе и Комитете грамотности. Потанин довольно часто упоминает Медникова в «Ночнике».

[9] «Петр Иванович Выжигин» (1831) — продолжение романа-бестселлера «Иван Выжигин» (1829) Ф.В. Булгарина.

[10] Вероятно, рукой Е.А. Потаниной вымарано «мазурику». «Поэтом-мазуриком» Потанин в дневнике и письмах называл Н.А. Некрасова.

[11] Юлий Галактионович Жуковский (1833–1907) — литератор и экономист, в 1860–1866 гг. регулярно печатал в «Современнике» статьи по экономическим и юридическим вопросам.

[12] Иосиф Иванович Паульсон (1825–1898) — русский педагог, методист, основатель (совместно с Н.Х. Весселем) и редактор педагогического журнала «Учитель».

Литература

1. *Артамонова Л.М.* Г.Н. Потанин — педагог, краевед, писатель, мемуарист // Самарский край в истории России. Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения П.В. Алабина. Самара: Изд-во Самарского обл. истор.-краеведческ. музея им. П.В. Алабина, 2015. Вып. 5. С. 163–168.

2. *Блинчевская М.Я.* Из переписки Некрасова // Некрасовский сборник. Л.: Наука, 1983. Т. VIII. С. 146–153.

3. *Краснов Г.В.* Гавриил Потанин // Краснов Г.В. Н.А. Некрасов в кругу современников. Коломна: Изд-во Коломенск. гос. пед. ин-та, 2002. С. 141–147.

4. Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова: в 3 т. СПб.: Наука, 2007. Т. 2: 1856–1866 / отв. ред. Б.В. Мельгунов. 554 с.

5. *Макеев А.Ф.* Изображение крестьянства в романе Г.Н. Потанина «Крепостное право» // Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1968. Т. 20, вып. 1. С. 208–222.

6. *Макеев М.С.* Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М.: МАКС Пресс, 2008. 235 с.

7. *Поддубная Р.П.* Роль интеллигенции Самарской губернии в развитии просвещения и культуры в 50–60-е гг. XIX в. // Гротовские чтения: мат. III Межрег. научн.-практич. конф. Самара: Офорт, 2013. С. 29–46.

8. *Потанин Г.Н.* Воспоминания о Н.А. Некрасове // Исторический вестник. 1905. Т. 99, № 2. С. 458–489.

9. *Смирнов Ю.Н.* Г.Н. Потанин в культурном пространстве дореформенной Самары // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: мат. II Междунар. научн.-практич. конф. Самара: Изд-во Самар. гос. ин-та культуры, 2014. Ч. II. С. 145–152.

Research Article and Publication of Archival Documents

“The Poet and the Thief”: Nikolai Nekrasov in the Diary and Memoirs of Gavriil Potanin

© 2026. Zoya V. Guseva
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Abstract: This article examines the history of the relationship between the now almost forgotten writer of the 1860s, Gavriil Potanin, and the editor

of *Sovremennik* magazine, Nikolai Nekrasov, who introduced the novice author to the literary environment. The research focuses on a comparative analysis of Potanin's unpublished personal diary, which he calls "Nochnick," and his memoirs, "Memoirs of N. Nekrasov." The plots and formulations repeated in both texts suggest that when working on the late "Memoirs..." the author drew on his diary. Both in the "Nochnick" and in the memoirs, Potanin pays great attention to the figure of Nekrasov; however, assessments of the personality and the same actions of the editor of *Sovremennik* often turn out to be diametrically opposed in the two texts. In his diary, Potanin accuses Nekrasov of hypocrisy, dishonesty, and haughtiness, while in the "Memoirs..." he admires his humanity and consideration for his employees. The article separately examines a case in which Potanin's negative judgments about Nekrasov, recorded in the "Nochnick," are re-attributed to other people in his memoirs. The article explores the biographical context of the creation of Potanin's diary entries and suggests possible reasons for the shift in the author's attitude towards Nekrasov in the memoirs written much later.

Keywords: Gavriil N. Potanin, Nikolai A. Nekrasov, *Sovremennik*, diary, memoirs.

Information about the author: Zoya V. Guseva, Postgraduate Student, Department of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1, 51 bld., 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0154-1912

E-mail: zoya.guseva.2000@mail.ru

For citation: Guseva, Z.V. "'The Poet and the Thief": Nikolai Nekrasov in the Diary and Memoirs of Gavriil Potanin." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (40), 2026, pp. 8–32. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-08-32

References

1. Artamonova, L.M. "G.N. Potanin — pedagog, kraeved, pisatel', memuarist" ["G.N. Potanin — Teacher, Local Historian, Writer, Memoirist"]. *Samarskii krai v istorii Rossii. Materialy Mezhregional'noi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 190-letiiu so dnia rozhdeniia P.V. Alabina* [*Samara Region in the History of Russia. Proceedings of the Interregional Scholarly Conference Dedicated to the 190th Anniversary of the Birth of P.V. Alabin*], vol. 5. Samara, Samara Regional P.V. Alabin Museum of Local Lore Publ., 2015, pp. 163–168. (In Russ.)

2. Blinchevskaia, M.Ia. "Iz perepiski Nekrasova" ["From Nekrasov's Correspondence"]. *Nekrasovskii sbornik* [*The Nekrasov Collection*], vol. 8. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 146–153. (In Russ.)

3. Krasnov, G.V. "Gavriil Potanin" ["Gavriil Potanin"]. *N.A. Nekrasov v krugu sovremennikov* [*N.A. Nekrasov Among His Contemporaries*]. Kolomna, Kolomna State Pedagogical Institute Publ., 2002, pp. 141–147. (In Russ.)

4. *Letopis' zhizni i tvorchestva N.A. Nekrasova: v 3 t.* [*The Chronicle of Nikolai Nekrasov's Life and Works: in 3 vols.*], vol. 2: 1856–1866, ex. ed. B.L. Mel'gunov. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 554 p. (In Russ.)

5. Makeev, A.F. "Izobrazhenie krest'ianstva v romane G.N. Potanina 'Krepostnoe pravo'" ["Representation of the Peasantry in G.N. Potanin's Novel 'Serfdom'"]. *Uchenye zapiski Ul'ianovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [*Scientific Notes*

of the Ulyanovsk State Pedagogical Institute], vol. 20, issue 1. Saratov, Volga Region Book Publ., 1968, pp. 208–222. (In Russ.)

6. Makeev, M.S. *Nikolai Nekrasov: Poet i Predprinimatel' (ocherki o vzaimodeistvii literatury i ekonomiki)* [*Nikolai Nekrasov: Poet and Entrepreneur (Essays on the Interaction of Literature and Economics*)]. Moscow, MAKS Press Publ., 2008. 235 p. (In Russ.)

7. Poddubnaia, R.P. "Rol' intelligentsii Samarskoi gubernii v razvitii prosveshcheniia i kul'tury v 50–60-e gg. XIX v." ["The Role of the Intelligentsia of Samara Province in the Development of Education and Culture in the 1850–1860s"]. *Grotovskie chteniia: materialy III Mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [*Grot Readings: Proceedings of the 3th Interregional Scholarly and Practical Conference*]. Samara, Ofort Publ., 2013, pp. 29–46. (In Russ.)

8. Potanin, G.N. "Vospominaniia o N.A. Nekrasove" ["Memories of N.A. Nekrasov"]. *Istoricheskii vestnik*, vol. 99, no 2, 1905, pp. 458–489. (In Russ.)

9. Smirnov, Iu.N. "G.N. Potanin v kul'turnom prostranstve doreformennoi Samary" ["G.N. Potanin in the Cultural Space of Pre-Reform Samara"]. *Modernizatsiia kul'tury: idei i paradigmy kul'turnykh izmenenii: materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [*Modernization of Culture: Ideas and Paradigms of Cultural Change: Proceedings of the Second International Scholarly and Practical Conference*], part 2. Samara, Samara State Institute of Culture Publ., 2014, pp. 145–152. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026
Одобрена после рецензирования: 12.05.2026
Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 15.01.2026
Approved after reviewing: 12.05.2026
Date of publication: 25.06.2026

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.1
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-33-58
https://elibrary.ru/WUSNSY

Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Фон для молодого Толстого. Алексей Н. Толстой в воспоминаниях Е.Ю. Гана

© 2026, М.А. Перепелкин
Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева,
Самара, Россия

Аннотация: Настоящая публикация фрагментов воспоминаний Евгения Гана (1883–1961) является окончанием мемуарного очерка, начало которого увидело свет в 1982 году на страницах сборника «Алексей Толстой и Самара». Однокашник А.Н. Толстого по Самарскому реальному училищу, Е.Ю. Ган описал в своих мемуарах весь период их знакомства с будущем писателем, продолжавшийся с конца 1890-х до 1910–1911 гг. В настоящем фрагменте рассказывается про несколько встреч бывших одноклассников в студенческий период их жизни, начавшийся осенью 1901 г. и в силу разных причин затянувшийся на целых десять лет, до начала 1910-х гг. Наибольший интерес представляют подробно описанные мемуаристом встречи с Толстым во время зимних каникул 1901–1902 гг., разбор старинной библиотеки в доме отчима юного Толстого летом 1902 года, а также — короткие встречи во время революционных волнений 1905–1907 гг. и последняя встреча на литературном вечере в петербургской квартире Толстого в 1911 г. Во вступительной статье, предваряющей публикацию, раскрываются факты биографии мемуариста, делающие понятными характер его взаимоотношений с А.Н. Толстым.

Ключевые слова: А.Н. Толстой, Е.Ю. Ган, Самара, студенческие каникулы, революция 1905–1907 гг., Дрезден, Петербург, литературный вечер, Ф. Сологуб, М. Кузмин.

Информация об авторе: Михаил Анатольевич Перепелкин — доктор филологических наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, ул. Московское шоссе, д. 34, 443086 г. Самара, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6102-6947

E-mail: mperepelkin@mail.ru

Для цитирования: *Перепелкин М.А.* Фон для молодого Толстого. Алексей Н. Толстой в воспоминаниях Е.Ю. Гана // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 33–58. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-33-58

Автор публикуемых ниже мемуаров, однокашник А.Н. Толстого по Самарскому реальному училищу, Евгений Юльевич Ган родился 15 апреля 1883 г. в семье Вюртембергского подданного и выпускника Гогенгеймской земледельческой академии Юлия Августовича Гана. Переехав в Россию, отец мемуариста служил управляющим в имениях светлейшего князя Е.М. Романовского[1], князей В. и П. Оболенских[2], графа В.П. Орлова-Давыдова[3], князя С. Долгорукова[4], Ю.Ф. и Д.Ф. Самариных[5], В.В. Апраксина[6] и др., при этом зарекомендовав себя как грамотный агроном и добросовестный старательный работник.

Матерью мемуариста была дочь священника самарской Вознесенской церкви Павла Любимова Вера, в 1867 г. ставшая женой Ю.А. Гана.

Потеряв в мае 1889 г. кормильца, семья, состоявшая в это время из матери будущего автора воспоминаний, двух его сестер, Софии и Александры, и брата Владимира, студента-первокурсника Харьковского Технологического института[7], вначале переехала из села, в котором служил и скончался его отец, в ближайший город — Новочеркасск, а позже, в 1895-м, на родину матери, в Самару, где жил ее брат — городской ветеринарный врач Александр Павлович Любимов. В Самаре Евгений Ган продолжил обучение в реальном училище[8], начатое еще в Новочеркасске, и окончил это училище вместе с А. Н. Толстым в 1901 году, с медалью за отличные успехи[9].

---

[1] Е.М. Романовский (1847–1901) — светлейший князь, герцог Лейхтенбергский.

[2] В.Н. Оболенский-Нелединский-Мелецкий (1848–1907) — князь, товарищ министра иностранных дел, член Государственного совета; П.С. Оболенский-Нелединский-Мелецкий (1850–1913) — князь, генерал-майор.

[3] В.П. Орлов-Давыдов (1809–1882) — граф, тайный советник, обер-церемониймейстер, писатель.

[4] С.А. Долгоруков (1809–1891) — князь, действительный тайный советник, глава Ковенской и Витебской губерний, член Государственного Совета.

[5] Ю.Ф. Самарин (1819–1876) — философ-славянофил, публицист, переводчик; Д.Ф. Самарин (1831–1901) — общественный деятель, писатель, младший брат Ю.Ф. Самарина.

[6] В.В. Апраксин (1822–1898) — действительный статский советник, гофмейстер, предводитель дворянства Орловской губернии.

[7] В.Е. Ган — старший брат Е.Ю. Гана, сослуживец инженера и писателя Н.Г. Гарина-Михайловского.

[8] Самарское реальное училище открылось в 1880 г. и существовало до 1918 г. См. о нем: [9].

[9] Об этом свидетельствует установленная в актовом зале училища доска, на которую были нанесены имена лучших выпускников этого учебного заведения. Фотографии этой доски, находящейся сегодня в руинированном здании, были предоставлены нам жительницей Самары Н.Л. Клячкиной.



В.П. Ган. Самара, 1901. (Надпись на фото: «Не забывай меня, Женя! Мама. Самара, 7-е сентября 1901»). СЛМ. КП-17199. Публикуется впервые

По окончании училища Е.Ю. Ган поступил в Харьковский Технологический институт, из которого позже перевелся в Московское Императорское Техническое Училище, где учился до декабря 1913 г. Выпустившись из училища, поступил на службу на завод Эльворти в Елизаветграде, в 1917-м перешел на службу на Самаро-Златоустовскую железную дорогу, работал на заводе, в строительных организациях Самары, в краевой проектной конторе, совмещая практическую деятельность с преподавательской работой в техникумах и профессиональных технических училищах. С начала 1930-х годов Е.Ю. Ган полностью посвятил себя педагогической и научной работе в Механическом институте (позже — Индустриальный институт), где читал лекции по теоретической механике, заведовал кафедрой, а с 1938 г. работал доцентом на кафедре теплотехники и гидравлики[10]. В июне 1941 г. в диссертационном Совете Ленинградского индустриального института им была защищена диссертация на со-

[10] См. воспоминания о нем и о его педагогической деятельности в книге Н.И. Панова [4, с. 65–66]. Несколько свидетельств легендарного характера о педагоге Е.Ю. Гане приводятся также в издании «Легенды и были Самарского политеха», где говорится, например, о том, что «современникам этот человек запомнился весьма экстравагантной манерой вести занятия»: «Входя в аудиторию, он тотчас поворачивался к доске и начинал писать формулы, не произнося при этом ни слова. Однажды ошарашенные подобным обращением студенты закричали: “Звуку, звуку… звуку, сапожники” (Так обычно обращались к киномеханику зрители кинотеатров при обрыве пленки во время киносеанса). Ган и ухом не повел. Конспекты он носил в противогазной сумке, перекинутой через плечо, которую не снимал даже на лекциях. Там же всегда лежали бутылка молока и бутерброды на обед» [3, с. 22].

искание ученой степени кандидата технических наук, в 1946 г. он был утвержден в звании доцента. В октябре 1956 г. Е.Ю. Ган оставил работу в институте и вышел на заслуженный отдых.

О личной жизни мемуариста известно немногое, но тем не менее — кое-что известно. Женившись в 1920 г. на Анастасии Степановне Иванчиковой, он стал отцом двух детей — дочери и сына. О первой из них, Вере, известно, что она родилась в 1921 г., в 1941-м окончила немецкий факультет Куйбышевского института иностранных языков, впоследствии училась в плановом институте и работала на заводе; вышла замуж за куйбышевца по фамилии Жаров. Сын мемуариста, Владимир, родился в 1924 г., учился в школе № 82, участвовал в Великой Отечественной войне и погиб в июле 1943 г. во время Орловского наступления.

Теперь скажем несколько слов о публикуемых ниже записках Е.Ю. Гана, посвященных А.Н. Толстому «на фоне старой Самары». Видимо, работа над этими записками началась немедленно после кончины А.Н. Толстого в 1945 г. и продолжалась около двух лет — до 1947-го. Во всяком случае, именно эта дата вместе с подписью автора записок стоит под авторизованной им машинописью, переданной автору этих строк родственниками мемуариста несколько лет назад. Записывая воспоминания о своей юности, Алексее Толстом, Самаре и самарцах, мемуарист стремился насколько можно точнее зафиксировать факты, оценить их и передать потомкам, которые, как он считал, сами разберутся и сделают выводы о том, что в этих воспоминаниях является правдой, а что — только предположениями и домыслами мемуариста. Как следует из некоторых, известных нам источников[11], Е.Ю. Ган не скрывал факта своей работы над мемуарами, хотя и не торопился придавать их огласке, полагаясь на время, которое неизбежно решит, прав ли он был в своих оценках или, может быть, ошибался и выдавал желаемое за реальное, как это свойственно многим мемуаристам.

Помимо записок об А.Н. Толстом примерно в это же время Е.Ю. Ган написал еще один мемуарный текст — «Родные и близкие»,

[11] Речь идет, например, о сестре однокашника Е.Ю. Гана и А.Н. Толстого Александра Прохорова М.В. Прохоровой (в браке Неуструевой), воспоминания которой об А.Н. Толстом были опубликованы нами в журнале «Литературный факт» в 2024 году: [5; 6]. Познакомившись с воспоминаниями Е.Ю. Гана, М.В. Неуструева сообщила обратившимся к ней сотрудникам Куйбышевского Музея А.М. Горького, что эти воспоминания возмутили ее и даже поссорили с их автором: «На протяжении многих лет я и Е.Ю. Ган знали одних и тех же людей, а при описании их так разошлись, что даже поссорились. Особенно меня возмутило его поголовное оплевывание преподавателей реального училища (эти же преподаватели работали и в нашей 1-ой женской гимназии <…> Все, что рассказывает и пишет Е.Ю. Ган, — дело его ума и совести» (Письмо М.В. Неуструевой в Музей А.М. Горького. СЛМ. КП-14991).

в котором описал переезд своей семьи в Самару, жизнь в доме дяди, А.П. Любимова, и тех одноклассников и друзей детства, которым не нашлось достаточно места в воспоминаниях об А.Н. Толстом.

В 1959 г. посетившие Куйбышев Л.И. Толстая и Ю.А. Крестинский встретились с проживавшим в «пос. Масленникова» Е.Ю. Ганом и побеседовали с ним. Судя по сохранившейся в архиве Самарского литературного музея записи этой беседы, Е.Ю. Ган, в основном, придерживался написанного им мемуарного текста, упомянув о том, что, обучаясь вместе с Толстым в училище, он бывал у последнего вначале на Почтовой[12], а потом — на Саратовской улице[13]. Учась в реальном, Толстой дружил и теснее всего общался с Александром Прохоровым[14] и Александром Чумаковым[15], а сам Ган — с Владимиром Мирбахом[16] и Владиславом Пыровичем[17]. Бывая в доме Толстого на Саратовской улице, Ган не однажды становился слушателем лекций по логике, которые читал реалистам отчим[18] будущего писателя, а позже он участвовал в разборе библиотеки редких книг екатерининского времени, хранившейся в доме Бострома на углу Симбирской и Сокольничьей улиц[19]. По его воспоминаниям, эта библиотека погибла в 1918–1923 гг., а бывшей теще Толстого, А.Л. Рожанской[20], удалось спасти из нее только одну книгу — «Коммунистический манифест». Участвовал Ган и в поездках Толстого и других его товарищей в больницу для душевнобольных в Томашевом Колке,

[12] В доме Ароновой на Почтовой улице А. Толстой с матерью жили в 1899–1900 гг. после пожара в доме на Николаевской улице, где они снимали свою первую самарскую квартиру, и до переезда на Саратовскую в усадьбу, купленную А.А. Бостромом в 1899 г.

[13] В усадьбе, купленной отчимом А. Толстого в самом конце 1899 г., семья будущего писателя поселилась осенью 1900 г.; А.Н. Толстой жил в родительском доме вплоть до окончания реального училища весной 1901 г.

[14] Прохоров Александр Васильевич «представлял собой тип классного Печорина» (Е.Ю. Ган), по окончании училища поступил в Томский Технологический институт, откуда перевелся в Петровско-Разумовскую академию, женился на двоюродной сестре Е.Ю. Гана Вере Любимовой.

[15] Чумаков Александр Николаевич был сонном инженер-механика, заведующего городским водопроводом; по окончании училища в Самаре поступил в Московское Императорское техническое училище. В 1912 г. уехал в Данию.

[16] Мирбах Владимир Николаевич — сын коллежского секретаря, судебного пристава Н.П. Мирбаха, ушел из 6 класса реального училища, учился в Московском училище ваяния и зодчества, но не окончил курса.

[17] Пырович Владислав — сын делопроизводителя службы пути и зданий управления Самаро-Златоустовской железной дороги И.С. Пыровича, после окончания Самарского реального училища учился в Московском инженерном училище.

[18] Отчим А. Толстого А.А. Бостром (1852–1921) был земцем и общественным деятелем, принимал активное участие в писательских делах гражданской жены, А.Л. Толстой, и в воспитании пасынка.

[19] Дом на углу Симбирской и Сокольничьей улиц был приобретен А.А. Бостромом в самом начале 1900-х гг. и принадлежал ему до середины 1910-х, использовался как доходный; в 1906–1908 гг., после кончины А.Л. Толстой, А.А.Бостром проживал в этом доме, где познакомился со своей второй женой Е.А. Виноградовой.

[20] А.Л. Рожанская — теща А.Н. Толстого, мать его первой жены Ю.В. Рожанской.

где гимназисты и реалисты выступали со спектаклями перед пациентами больницы[21]; сам Ган в спектаклях участия не принимал, но ездил с товарищами в качестве зрителя. Учился Толстой, по словам Е.Ю. Гана, «средне»: «лишь однажды учитель-словесник Виноградов отметил образность в его сочинении, но за грамотность поставил ему 4».

Е.Ю. Гана не стало 26 апреля 1961 г., а два года спустя его вдова, А.С. Ган, практически одновременно обратилась в Куйбышевский музей А.М. Горького и в Отдел рукописей ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, отправив по двум адресам оставшиеся у нее в домашнем архиве машинописные копии воспоминаний мужа. Среди переданных нам родственниками Е.Ю. и А.С. Ган архивных материалов имеются как письма к последней из Куйбышевского музея, так и из Отдела рукописей ИМЛИ — с уточняющими вопросами и просьбами прислать рукопись мемуаров или их авторизованную машинопись. В 1982 г. сокращенный вариант воспоминаний Е.Ю. Гана увидел свет на страницах выпущенного в Куйбышеве сборника архивных материалом «Алексей Толстой и Самара» [1, с. 310–337]. Публикуемая ниже часть мемуаров Е.Ю. Гана в указанный сборник не вошла и печатается впервые.

В первой части воспоминаний, уже известной читателям, рассказывается о знакомстве мемуариста с юным А. Толстым, воспроизводится несколько эпизодов из истории обучения последнего в реальном училище, а также — подробно характеризуется обстановка, «окружавшая Толстого в его юности в последние годы 90-х» [1, с. 314]. Отдельное место в этой части воспоминаний посвящено товарищам Толстого — Чумакову и Прохорову, преподавателям Самарского реального училища и семье будущего писателя — его отчиму, А.А. Бострому, и матери — А.Л. Толстой[22]. Вторая часть воспоминаний, публикуемая ниже, — «послесамарская», когда общение двух школьных приятелей — мемуариста и А. Толстого — хоть и стало более редким и эпизодическим, но зато каждый из них начал превращаться в эти годы во взрослого самостоятельного человека со своими суждениями, оценками, взглядами на жизнь. Как нам представляется, этим и интересна эта часть воспоминаний Е.Ю. Гана, рисующая и А.Н. Толстого, и его поколение как людей, удивительным образом сочетавших в себе романтические порывы и надежду на бытовой комфорт и благополучие, поведение и нравы «буршей» и стремление к революционным переменам и переустрой-

[21] См. об этом в воспоминаниях М.В. Неуструевой [5, с. 110–111].

[22] А.Л. Толстая (1854–1906) — мать А.Н. Толстого, писательница.

ству политического строя. Нечастые встречи двух бывших однокашников не мешали им внимательно присматриваться друг к другу, искать и находить точки соприкосновения, анализировать поступки и реакции друг друга на те или иные вещи и события. Внимание к этим реакциям и способам найти себя и свое место в нестабильном мире делает мемуары Е.Ю. Гана не просто бытописательскими зарисовками, одним из героев которых был и А.Н. Толстой, но ценным документом формирования личности и становления характера молодого человека, еще только пробующего себя в роли художника слова, настоящее признание которого было еще впереди и нашло его в тот момент, когда общение двух школьных товарищей осталось в прошлом.

Остается сказать несколько слов об архиве семьи Ганов, частью которого некогда были и воспоминания однокашника А.Н. Толстого. После кончины Е.Ю. Гана и его супруги этот архив, по всей видимости, был разрознен и в таком виде распродавался их потомками коллекционерам. Так, Самарский литературный музей в начале 2000-х гг. приобрел ряд материалов у коллекционера Д.А. Федосеева, среди которых были открытки 1900–1930-х гг., адресованные членам семьи Ганов, а также — фотографии Е.Ю. Гана, его матери, сестры Софии, брата Владимира и другие. Позже, уже в 2010-е, автор этих строк читал лекции в одном из учебных заведений Самары, и одна из слушательниц рассказала, что она замужем за потомком Ганов, а ее свекор отдал им с мужем семейный архив, который она готова передать музею. Помимо открыток и фотоснимков разных поколений Ганов архив содержит ряд документов, имеющих отношение к отцу Е.Ю. Гана, а также — к сестре последнего С.Ю. Бобровой[23], урожденной Ган. Наконец, примерно в это же время мы познакомились с самарским коллекционером И.Г. Белкиным, позволившим нам переснять хранящиеся у него открытки из все того же семейного архива Ганов. Таким образом, сказанное позволяет сделать вывод о том, что богатый архив семьи, в свое время собранный и сохраненный мемуаристом, разошелся по многим владельцам и сегодня медленно стекается в фонды музея, посвященного А.Н. Толстому.

[23] С.Ю. Боброва (1878 – после 1933; урожденная Ган) — сестра Е.Ю. Гана. В 1908 г. вышла замуж за надворного советника В.А. Боброва, а уже в следующем году ее муж, инспектор прогимназии г. Полангена Курляндской губернии, находясь в состоянии острого психоза, покончил жизнь самоубийством.

ФОТОДОКУМЕНТЫ СЕМЬИ ЕВГЕНИЯ ГАНА

(Личный архив М.А. Перепелкина. Публикуется впервые)



Евгений Ган. Тамбов, 1887



Евгений Ган — ученик Самарского реального училища, 1900



Будущая супруга Е. Гана А.С. Иванчикова. Самара, 1910-е



Евгений Ган. Самара, 1910



А.С. Ган с дочерью Верой. Самара, 1924



А.С. и Е.Ю. Ганы. Куйбышев, 10 апреля 1949

ПРИЛОЖЕНИЕ
Евгений Ган

МОЛОДОЙ А.Н. ТОЛСТОЙ НА ФОНЕ СТАРОЙ САМАРЫ

А.Н. Толстой — настолько крупный писатель, что большая важность по возможности полного восстановления его образа не подлежит сомнению. Понятен тот интерес, с которым как историки литературы, так и люди, просто любящие ее и интересующиеся ее историей, хватаются за мельчайшие даже штрихи в высказываниях современников любого крупного писателя.

Эти штрихи, часто случайные и отрывочные, таят в себе всегда возможность луча света, который, попав в какой-нибудь уголок, поможет восстановить истинные пропорции в многообразии черт характера и факторов развития данного писателя. Эти подробности надо заблаговременно поймать и зафиксировать, иначе они бесследно исчезнут. Особенно это требуется теперь. Указанное исчезновение данных о писателе происходит не только вследствие непрочности вообще памяти человеческой, но и от непрочности самих обладателей этих данных; современникам Толстого, особенно его ровесникам, приходилось переживать очень бурное время, происходила огромная трата нервной энергии, люди не могли оказаться долговечными. В результате вряд ли осталось на свете более трех-четырех человек,

которые помнят А.Н. Толстого в юности его. Исходя из всего этого, думаю, что не может не иметь ценности и то, что я могу вспомнить о Толстом.

Мои воспоминания о нем относятся к периоду 1898–1910 гг. В первый раз я увидел А.Н. Толстого пятнадцатилетним мальчиком. Последний раз видел его молодым, начинающим, но уже известным писателем <…>

Наконец настал долго и с нетерпением ожидаемый момент: кончились выпускные экзамены, мы стали свободными людьми. Мы можем носить тот костюм, который нам нравится, а не обязательно форму реалиста, можем ходить по улицам во всякое время; нам никто не может что-нибудь приказывать, никто не может оскорблять нас. Мы — взрослые люди.

Предстоит дальнейшее повышение в ранге — скоро мы будем студентами, а это представлялось нам верхом счастья. Наши старшие товарищи, кончившие курс раньше и появлявшиеся в Самаре в той или другой студенческой форме, с синими, малиновыми или зелеными кантами — в зависимости от того, поступили ли они в Технологический институт или Горный, в Институт гражданских инженеров или в Институт путей сообщения — возбуждали в нас повышенный почтительный интерес к себе и казались существами, находящимися в более блестящем положении, чем какой-нибудь генерал, министр и т. д.

Обязательным продолжением этих сиих, малиновых и зеленых кантов и соответствующих наплечников с буквами Н, Е и А представлялось (по окончании Института) строительство «Наутилуса», воздушного корабля или чудеса изобретательности на заводе. Но наряду с этим очарованием еще смутно представляемой технической деятельности импонировал престиж студента как борца за свободу; припоминалось все, что мы слышали о сходках, забастовках, борьбе с реакционным академическим начальством и т.п. Пока мечты о студенческом движении не связывались с представлением более широкого революционного движения; казалось тогда, что студент — единственный носитель общественного протеста.

Да, все это хорошо; но не так-то просто сделаться студентом — надо еще выдержать конкурсный экзамен, надо получить по пяти предметам (русское сочинение, физика, алгебра, геометрия и тригонометрия) сумму отметок не менее установленной в данном институте в данном году цифры. В тех институтах, куда был особенный наплыв абитуриентов, конкурс поднимался до 24–25 — это столичные институты (особенно Путейский и Горный); меньше

всего конкурс бывал в Томском технологическом институте и в Варшавском политехническом, в институтах Сельскохозяйственном и Лесном.

В 1901 году, когда мы кончали курс средне-учебного заведения, выбор институтов был такой: Петербург — Технологический, Путей сообщения, Горный, Электротехнический, Гражданских инженеров, Лесной; Москва — Императорское Техническое училище, Инженерное училище, Сельскохозяйственный институт, Межевой институт; Харьков — Технологический институт, Ветеринарный институт; Киев — Политехнический институт; Рига — Политехнический институт; Александрия — Сельскохозяйственный институт; Варшава — Политехнический институт; Томск — Технологический институт; Казань — Ветеринарный институт; Екатеринослав — Высшее Горное училище. Было еще Морское Инженерное Училище в Кронштадте, куда идти не было традиции. Университетов я не называю, так как реалистам туда доступа не было (или — только после сдачи латыни за весь курс гимназии); да и редко кто склонен был выбрать вместо технического высшего учебного заведения университет — карьера инженера считалась более блестящей, чем учителя гимназии, доктора и т. д.

Тут надо отметить, что наряду с романтикой, в отношении нашего поколения к высшей школе — о чем говорилось выше — имелись налицо и практические соображения. Наше поколение было уже не таково, как поколение, скажем, семидесятников. Там все строилось под знаком жертвы для народа — все личное при выборе жизненного пути изгонялось. В дальнейших же поколениях мечты о революции уживались и с планами блестящей инженерной карьеры. Среднему юноше, кончившему школу и представлявшему себя революционером или, по меньшей мере, студентом-радикалом, не приходило в голову, что это плохо мирится с инженерными служебными успехами.

Возвращаясь к положению с институтами, отмечу, что образовалась такая иерархия институтов по степени соблазнительности поступления в них: петербургские институты Путейский, Горный и Технологический (в Гражданский стремились только умеющие хорошо рисовать), далее Московское Императорское Техническое училище, Петербургский Электротехнический институт; еще далее Харьковский Технологический институт, Киевский Политехнический институт, потом Рижский Политехнический институт и, наконец, Томский, Варшавский институты и Екатеринославское Горное училище. За этими уже следовали Лесной и Сельскохозяйственный институты, а на последнем месте были Ветеринарные институты.

Петербургского Политехнического института и Новочеркасского еще не было. В Межевой институт почему-то тяги совсем не было.

При выборе института мы разошлись с А. Толстым: я, следуя семейной традиции, выбрал Харьков[1], Толстой же решил поступить в Петербургский Технологический институт. Таким образом, мы стали в дальнейшем встречаться только во время каникул, зимних и летних, приезжая в Самару.

Итак, Алеша Толстой решил ехать в Петербург, то есть подвергнуться особенному риску пролететь на конкурсном экзамене. Но тут было средство действовать почти наверняка. Дело в том, что существовали тогда особые дрессировщики для держащих конкурсные экзамены: некоторые профессора брали на себя подготовку, — абитуриенты на все лето получали квартиру и стол у подготовщика (обычно на даче) и все лето занимались с ним, знакомясь со всевозможными каверзными вопросами, которые предлагались на конкурсе со специальной целью ошеломить экзаменующегося и срезать его.

Это стоило довольно дорого, но зато шансов попасть в институт было много. Этих шансов было значительно меньше, если абитуриент, не имея средств на подготовщика, довольствовался тем, что дополнял свои знания основательным знакомством с появившимися тогда в продаже задачниками, содержавшими упомянутые каверзные вопросы (например, задачник Шмулевича). А. Толстой поехал на лето к одному из «подготовщиков» (к профессору Войтинскому[2]) — и успешно в августе выдержал экзамен в Технологический институт <…>

Из встреч с Толстым в течение этих каникул мне припоминается одна — на студенческом вечере в Коммерческом клубе. Всегда устраивалось два благотворительных (в пользу «недостаточных» студентов) бала: университетский и студентов-специалистов. Особенно блестящим бывал второй. Более светские и франтоватые студенты развозили билеты «тузам» города и их женам и сбывали их по ценам, значительно превышавшим номинальные, ибо каждый «туз» или его супруга были весьма польщены вниманием к ним со стороны молодежи, да еще иной раз в лице очень интересного кавалера, и старались блеснуть щедростью. При появлении на вечере какой-нибудь важной дамы, вроде губернаторши, студенты-распорядители вечера торжественно и с очаровательной любезностью подводили ее под ручку к соответствующему креслу в зале. Популярность вечеров таким образом укреплялась среди городского бомонда, и стараниями студентов-франтов доходы с вечера для бедных студентов увеличивались.

Вечера происходили в Коммерческом клубе, занимавшем все четыре этажа дома на Дворянской улице (теперь Куйбышевская) — этот дом между банком и Некрасовской улицей. Танцы происходили в самом верхнем этаже, где имелся зал с хорами. Этажи соединяются чугунной широкой лестницей. Этажом ниже помещался буфет клуба и биллиардная, так что внимание студентов во время вечера разделялось равномерно между обоими этажами.

Тут мне припоминается выходка А. Толстого в духе прежних его выходок, огорошивавших учителей реального училища во время уроков.

Мы стояли на площадке между верхним и следующим книзу этажом, около зеркала. Вся запоздавшая публика, направлявшаяся в танцевальный и концертный зал, проходила мимо нас. Кроме Толстого и меня в группе находилось еще два-три студента. Так вот, мы узрели поднимавшегося к нам напыщенного вида господина с торчавшими свирепо в стороны рыжими усами, франтовски-одетого, державшего в руке дворянскую фуражку с красным околышем — очевидный образчик «зубра», как тогда называли их, то есть дворянина, вмещавшего в себя всю надутость, все предрассудки и презрение к низшим сословиям, отличавшие наиболее ограниченных и реакционных представителей помещичьей части дворянства. Это очевидно подчеркивалось и наличием фуражки с красным околышем.

Снизойдя к нам и, конечно, рассчитывая на крайнюю услужливость с нашей стороны, господин, поравнявшись с нами, обратился к нам в весьма небрежном тоне, с особыми «дворянскими» интонациями: «Где тут концертный зал?». Леша Толстой сейчас же с готовностью ответил: «А вот лупите по лестнице наверх!». Контраст величественности господина с этим «лупите» был настолько велик и неожидан, что мы не выдержали и фыркнули, а олимпиец сначала остолбенел, потом хотел как-нибудь поразить нас своими громами, но потом раздумал, ограничился уничтожающим взглядом и, круто повернувшись, с негодованием на лице отправился наверх.

После этого вечера я мало видел Толстого во время каникул. Встретились мы опять уже летом 1902 года, когда, перейдя на второй курс, снова приехали в Самару. Летом А. Толстой иногда заезжал ко мне верхом (он жил, кажется, на даче) на Садовую улицу, где я жил с матерью и сестрой[3].

Один раз он зашел ко мне и предложил помочь ему в разборке библиотеки, доставшейся ему как-то по наследству. Я как большой библиофил с удовольствием согласился. Алеша повел меня за полтора квартала от моего жилища в деревянный дом с мезонином на углу

теперешних улиц Ульяновской и Ворошиловской. Дом оказался както принадлежащим не то самому ему, не то его отчиму. Об этом я раньше не знал.

В этом пустом тогда доме мы нашли ряд шкапов с книгами и принялись за разборку их. Книги были больше старинные. Попадались совсем древние книги в желтых кожаных переплетах, на серой корявой бумаге екатерининской эпохи. Между прочим, мы нашли такую книгу — «Неонила, или Распутная дщерь», и много смеялись, читая выдержки из нее, написанные курьезным для человека нашего времени языком, напоминавшим знаменитые рассказы Пруткова-отца. Об этой книге Толстой вспомнил, когда писал один из своих рассказов из цикла «Под старыми липами» — «Петушок (Неделя в Туреневе)»; читая этот рассказ я с удовольствием наткнулся опять на «Неонилу».

Встречались мы с Толстым еще на даче родителей нашего общего приятеля Прохорова, где собиралась иногда большая компания товарищей двух братьев Прохоровых — одного — нашего одноклассника и другого — студента Московского Технического Училища. Думаю, что не могли не войти как элемент в ощущение Толстого от природы, отразившиеся в его произведениях, не могло не отразиться в его, так сказать, природоощущении, то, что давал этот уголок окрестностей Самары[4]. Тут я имею в виду не самую дачу (с большим фруктовым садом), сколько поле, спускавшееся от дачи к линии железной дороги и далее к Самарке, саму Самарку (в этом месте теперь Толево-рубероидный завод) и заливные луга у реки, поросшие всякими приводными деревьями и кустарником — с той и другой стороны ее. Тут пейзаж был чисто левитановский: абсолютное безлюдье, тишина, нарушаемая только обычными ночными звуками, треском кузнечиков и кваканьем лягушек у реки и на озерах, повсюду разбросанных, покой и везде разлитая грусть.

Перехожу к лету 1903 года. Тогда Толстой был уже женат на <…> Ю.В. Рожанской и жил с женой в квартире тестя на теперешней улице Фрунзе (шестой дом от Некрасовской по направлению к улице Льва Толстого, справа). Я был у него в этой квартире один раз. Семья, жившая в этой квартире, состояла из отца жены Толстого — доктора В.М. Рожанского, двух сыновей (старшего — с женой) — студента Рижского Политехнического института, уже близкого к окончанию курса и державшего себя, как полагалось блестящему инженеру «хорошего общества», и другого, младшего, — начинающего студента университета, также довольно франтоватого, — ну еще, значит, — из Толстого и его жены. Толстой в роли семейного человека в общем оставался тут еще прежним Лешей реалистических времен, конечно

только возмужавшим. Своего первого сына, который в этот мой визит к Толстому был еще на руках матери, он представил мне таким образом: «Вот, смотри, какой кукиш!».

В эту встречу мою с Толстым ни о чем интересном поговорить с ним не пришлось, ибо обстановка этому не благоприятствовала; тон общества, особенно четы молодых Рожанских, мужа и жены, мне показался несколько чопорным и безлично-светским. Пожалуй, несколько чувствовалось и влияние этой атмосферы и на манере держать себя в этом обществе Алеши Толстого, только иногда прорывавшийся в стороны обычной Лешиной простоты.

За время этого лета я припоминаю <…> нашу поездку по железной дороге (Толстой, я и братья Рожанские) для осмотра железнодорожного мостика, тогда ремонтировавшегося, где-то за станцией Липяги. Не помню, почему этот мостик заинтересовал нас; повод к этому, правда, был, потому что старший Рожанский учился на инженерном отделении, т.е. имел касательство к мостам, а я был тогда на практике на постройке устоев железнодорожного моста через Самарку (вторая колея, которой раньше не было). Тут припоминается только тонко воспитанный обер-кондуктор, который, встретив нас на площадке вагона, спросил было наши билеты, но, посмотрев на наши сияющие наплечники и сообразив, что тут не без касательства к начальству железной дороги, настоящему или будущему, тут же извинился «за нескромный вопрос».

О промежутке времени между 1903 и 1905 годами у меня сохранилось мало воспоминаний, связанных с Толстым. <Поэтому> перехожу к 1905–1906 гг.

В конце 1904 года я был в Харькове студентом Технологического института, 3-го курса. Приближалась первая русская революция 1905–1906 гг. С начала учебного года, с сентября 1904 года, в Харьковских высших учебных заведениях начались студенческие волнения. К этому времени относятся мои воспоминания о бурных студенческих сходках в институте, о забастовке, о вводе в институт высшими губернскими властями полиции (под предводительством вице-губернатора Азанчевского), что было воспринято студентами, да и всем прогрессивным харьковским обществом, как возмутительное нарушение традиционно академической автономии. В памяти осталось три эпизода из моей харьковской жизни в эти месяцы.

Первое — разгром революционной толпой оружейного магазина на площади, в которую вливалась главная харьковская улица — Сумская (на этой площади бросалось в глаза здание Северного банка, сквер посредине, напротив — Дворянское собрание). Я также

оказался в магазине, куда вливались все новые группы с улицы, и, захватив револьверы, уходили. Было, помнится, и у меня поползновение вооружиться на пользу революции, но сделать этого я не успел. С площади раздались крики: «Казаки!». Выбежав из магазина, я увидел выезжавших на площадь конных казаков с изготовленными винтовками. Пришлось развить большую скорость и скорее завернуть в ближайший переулок.

Казаки тут стреляли в толпу, было много убитых и раненых. В связи с этим эпизодом находился другой: похороны жертв расстрела. Длиннейший ряд гробов, несомых студентами и рабочими, далее огромная толпа, медленно следовавшая за гробами с торжественным пением «Вы жертвою пали в борьбе роковой» и т. д.

Между двумя описанными событиями вклинивается третье: полуторасуточное сиденье наше (студенты, рабочие, ученики старших классов гимназий и реального училища, разного рода другая публика — большей частью из молодежи) за баррикадами. После разгрома оружейных магазинов большая масса людей собралась в находящемся поблизости университете. Был устроен митинг. Вскоре после начала его поднялась тревога — было получено известие, что приближаются войска и становятся по ближайшим улицам и площадям — главным образом на Павловской площади, в которую вливается Университетская улица.

Бросились строить баррикады, так как было решено не расходиться и защищаться от воинской силы оружием, которого, по мнению вожаков наших, было достаточно. Баррикады были построены по две на всех подходах к университету, с промежутком между ними метров в семь.

Время уже приближалось к вечеру. Мы были окружены со всех сторон войсками и ждали с тревогой начала приступа. Но пришлось прождать всю ночь и первую половину следующего дня — никаких наступательных действий не начиналось. Помню, что пришлось на ночь устроиться на университетских столах — конечно, без особенного комфорта, что не мешало все-таки проспать большую часть ночи.

На другой день начались переговоры двух враждебных сторон. Генерал, командовавший войсками, оказался нерешительным — он боялся ответственности за кровопролитие, имея дело с врагом, который оказался воинствующим в силу необычных обстоятельств и сводился, главным образом, к учащийся молодежи. В конце концов генерал согласился выпустить нас из-за баррикад и позволить в полной неприкосновенности разойтись во все стороны — даже с оружием на руках.

Помню жуткое чувство, когда приходилось перед лицом выстроившихся на Павловской площади войск перелезать через баррикады и тем отдавать себя в полную власть им. Но условие войсками было выполнено свято, и вся масса людей, сидевших за баррикадами, в целости разошлась по домам. Кажется, генералу не прошло даром его миролюбие или нерешительность — его сместили.

Вся эта история говорит достаточно о растерянности властей в это время: то стреляют, то пасуют перед Смит-и-Виссонами толпы мальчиков или допускают демонстративные похороны.

После харьковских событий конца 1904 года[5] я уехал домой в Самару, и больше в Харьков вернуться уже мне не пришлось. Революционное движение нарастало и к лету 1905 года сказалось в Самаре уже с полной силой. Начались митинги общенародного и ярко-революционного характера. Либеральная интеллигенция устраивала банкеты, куда являлась иногда к большому неудовольствию устроителей революционно-настроенная молодежь. Помню один такой банкет в «канцелярке». Группа молодежи, большею частью студенты, почти насильно проникла в залу, где говорились либеральные речи, и резко нарушила гармонию, бывшую до того. Молодежь вела себя при этом чересчур уж упрощенно, грубо, и большинство собравшихся более зрелых людей было этим весьма недовольно, но влиятельность крайних элементов движения была настолько уж сильна, что, несмотря на это, большинство обрушилось с негодованием на одного из ораторов, предложившего некий иронический тост за молодежь, явившуюся здесь непрошенными гостями: виновного вытолкали на улицу.

Особенно вспоминается мне расцвет издательства революционных брошюр. Книжные магазины наводнялись множеством тоненьких книжек, которые раскупались нарасхват. Среди этих книжек были и «Коммунистический манифест», и «Эрфуртская программа», и ряд других в первый раз появившихся переводов отдельных небольших работ Маркса, Энгельса, Лассаля, Бебеля, Либкнехта, Меринга, Лафарга, Вандервельде и других или извлечений из более крупных работ Марса и Энгельса. Появился тогда в продаже «Анти-Дюринг». Один из новооткрывшихся магазинов — на улице Льва Толстого — торговал почти исключительно этой новой литературой: потом оказалось, что хозяева магазина были агентами тайной полиции.

Митинги происходили в Пушкинском Народном доме (на углу улиц Льва Толстого Москательной и теперешней улицы Ворошилова, тогда Шихобаловской). Самодержавие и сама личность царя громились открыто, всенародно и чрезвычайно резко. Особенно

часто выступавшим оратором был Петр Кузьмин, бывший ученик реального училища, класса на три моложе меня, сделавшийся видным партийцем социал-демократом, другой — социал-демократ Ильин, питомец самарской гимназии, командир боевых дружин; были ораторы эсеры, но я не помню их имен. Приходилось быть и на митингах у рабочих железной дороги, где выступал Вилонов, бывший рабочий железнодорожных мастерских.

Всем известно было и центральное местное руководство революционными силами — главным образом Арцыбушев, который, как это ни странно, мог занимать видную должность правителя дел начальника Самаро-Златоустовской железной дороги. Пришлось мне познакомиться и с сыном Арцыбушева, молодым парнем, которому некоторые товарищи, учившиеся в Дрездене, передавали для распространения экземпляры «Искры» (на папиросной бумаге), привезенные ими с большим риском из-за границы. Кроме местных революционеров в это время были и приезжие. Помню, например, двух грузин социал-демократов. Об одном из них, Капанадзе (если это не был однофамилец его), я несколько лет назад читал в газетах, что он написал свои воспоминания о революционном движении в Грузии и о своем пребывании в семинарии, где он учился вместе с И.В. Сталиным.

Из местных революционеров помню, в частности, «Разума», специализировавшегося на пропаганде социал-демократических идей в деревне; также — часто выступавшего на массовках за городом эсера Ивана Николаевича, меньшевичку Циву, социал-демократа зубного врача Гаухмана и прочих. Местом встречи революционеров по вечерам был Струковский сад — теперь городской парк, спускающийся от Куйбышевской улицы к Волге: именно излюбленным местом была аллея, крайняя к Волге в ее конце, в сторону Жигулевского завода. Поскольку это было известно полиции, иногда туда делали набеги казаки: приходилось спасаться от их нагаек и возможного ареста.

К этому времени (лето 1905 года) относится создание дружин из революционно-настроенной молодежи всякого рода: была земская дружина, состоявшая из служащих Земской Управы, главным образом — статистиков (это был наиболее левый отдел в Управе), была студенческая дружина и другие. Целью создания дружин было выступление против черной сотни в случае попытки ее устроить еврейский погром, чего опасались, охрана на митингах и т.п. Вооружение состояло из револьверов, кинжалов и ножей и огромнейших, тяжелейших и весьма безобразных палок.

Помню, что и я обзавелся такой палкой и льстил себя надеждой, что имею весьма внушительный и внушающий уважение вид (осо-

бенно девицам). Но этот вид оружия меня все-таки не удовлетворял, и я решил обзавестись револьвером. Они продавались главным образом в магазине Неймана на Дворянской (а ныне — Куйбышевской) улице, рядом с Гранд-Отелем. Будучи неопытен в выборе огнестрельного оружия, я решил привлечь к делу как эксперта Толстого: он был охотником, возился с ружьями, и значит — понимал толк и в револьверах. Мы с ним отправились к Нейману и с его благословения я купил шестизарядный Смит-и-Виссон. К сожалению, потом оказалось, что револьвер чаще давал осечку, чем стрелял.

Толстой на предмет возможного участия в вооруженной борьбе вместе с Чумаковым (тоже охотник, более заядлый) упражнялся в стрельбе из ружья на берегу Волги, за водопроводом, где жил Чумаков.

Кончилось дело с моим револьвером печально: пришлось его бросить в уборную Пушкинского народного дома в роковую ночь осады этого дома. Перехожу к этому событию.

Вечером, в декабре, происходил в народном доме, как обычно, митинг. Для охраны были отправлены туда, в частности, земская и студенческая дружины; в последней, вооруженный своим Смит-и-Виссоном, а также револьвером, полученным от охраны, находился и я. Нас поставили на хорах зала. Митинг продолжался уже довольно долго; как вдруг мы сверху заметили что-то неладное: публика внизу забегала назад и вперед, заметалась, раздались крики испуга (в зале было много женщин и даже детей). Оказалось, что Народный дом окружен войсками (пехота, а за ней были расставлены конные казаки). Дело становилось серьезным. Надо заметить, что солдаты были еще мало распропагандированы, даже, в большинстве, были враждебно настроены против революционеров. Было ясно, что в случае столкновения должно было пролиться много крови. Силы же были крайне неравные. Кто-то, оказавшийся у нас командующим, расставил нас (дружины) в узком коридоре, идущим от входа с улицы к залу, вдоль стен, друг против друга; очевидно, если бы солдаты вломились в коридор, наши Смиты-и-Виссоны оказались бы наиболее губительными для нас самих. Несомненно, что вооруженное сопротивление, имевшееся сначала в виду, было абсолютно безнадежно и привело бы к большим жертвам.

Тут произошло одно обстоятельство, которое могло сделать всякий мирный исход невозможным и привести к крайне тяжелым последствиям. Кто-то с крыши здания бросил в войска, окружавшие дом, бомбу; но она, к счастью, не разорвалась. Наши командиры, учитывая очевидное неравенство сил, вступили в переговоры с полковником, командовавшим войсками.

Тем временем о положении с народным домом стало известно по всему городу. Лидеры самарских либералов, в частности, известный А.К. Клафтон, секретарь Губернской Земской Управы (бывший социал-демократ времен пребывания В.И. Ленина в Самаре) бросились к губернатору с настоянием принять меры к недопущению кровопролития. Эти хлопоты возымели успех. Губернатор вошел в сношения с военными властями, в результате чего было решено, что осажденных выпустят по домам, если они сдадут оружие и мирно разойдутся. Но поскольку было очевидно, что каждый, кто стал бы сдавать оружие, оказался бы выделенным из массы, не имевшей оружия, и вряд ли мог рассчитывать, несмотря на все условия мира, избежать ареста, мы постарались отдаться на милость врага не обремененными каким-нибудь оружием. Пришлось побросать все, что имелось у нас смертоубийственного, в уборную Народного Дома.

При выходе на улицу нас обыскивали и действительно предоставили <возможность> идти направо или налево — за цепью солдат. Те, кто пошел налево, натолкнулись на казаков, которые многих избили нагайками. Через час улицы в окрестностях Народного Дома представляли пустыню. На другой день уже и помину не было о каких-нибудь митингах. Все революционное оживление сразу кончилось. По улицам разъезжали казаки, прохожие боязливо жались к стенам. Так окончился революционный период в Самаре[6]

С казаками мне потом пришлось встретиться еще раз. В описываемое время к нам приехал из Томска мой старший брат, преподаватель Томского технологического института. Он в Томске был свидетелем аналогичной, с описанной сейчас, истории, только кончившейся хуже. Как известно, в Томске черносотенники подожгли здание Управления железной дороги (причем сгорели и люди), где происходил митинг, и зверски избили многих. С целью отдохнуть от пережитого, попасть в другую обстановку и поправить свои потрепанные нервы брат приехал в Самару. Через несколько дней после его приезда мы с ним отправились побеседовать за кружкой пива в известную тогда «биргалку» (от Bierhalle) Жигулевского завода, помещавшуюся на Красноармейской улице (тогда — Алексеевской) против Дома Промышленности.

Засидевшись до часу ночи, мы потом возвращались по Красноармейской улице мимо Соборного садика — наискось от теперешнего здания почты. Улицы были абсолютно пустынны, все огни в домах потушены. Вдруг послышался топот лошадей и на нас налетел отряд казаков с поднятыми шашками; кажется, среди казаков были пьяные. Подскакав к нам и увидев мою форменную студенческую фуражку с синими кантами, передний казак закричал «А, студент!»

и замахнулся шашкой. Дело было плохо — у казаков студенты были особенно не в почете. Пришлось молниеносно прибегнуть к военной хитрости и закричать: «Какой там студент! Я телеграфист!» (у телеграфистов тоже были фуражки с синими кантами). Это меня спасло: казак хватил меня по фуражке шашкой плашмя, фуражка отлетела за забор сада, мы в спешном порядке устремились домой, куда и прибыли благополучно, хотя и без фуражки). Надо заметить, что это происшествие мало способствовало успокоению нервов брата.

Далее Толстой припоминается в связи с происходившей летом предвыборной борьбой крайних и умеренных элементов Самары — предстояли выборы в Государственную Думу.

Происходило много всякого рода собраний, где выступали эсдеки, эсеры, кадеты (то есть члены конституционно-демократической партии) с докладами о наиболее, по их мнению, совершенной избирательной системе. Одно из таких собраний происходило в квартире отчима Толстого — А.А. Бострома (улица Фрунзе, около костела), который, кажется, не прочь был выступить в роли видного прогрессивного деятеля города Самары[7]. Позиции его я точно не представляю — кажется, имелось тяготение к кадетам, то есть к умеренной, по сравнению с эсдеками и эсерами партии, но существовало и стремление сохранить добрые отношения с членами крайних партий.

Ни Толстой, ни Бостром на собрании не выступали, являясь просто хозяевами квартиры и слушателями.

Собрание вначале шло спокойно. Один из руководителей — не помню, «Самарской газеты» или «Самарского вестника», видный и весьма образованный кадет Васильев, прочитал целую лекцию о правовом государстве. Лекция была блестящей по форме, очень содержательной, и прочитана была в манере французских ораторов — Васильев долго жил в Париже. После выступали оппоненты со стороны эсдеков и, надо заметить, — неудачно. Почему-то не нашли нужным противопоставить Васильеву ораторов должных достоинств — выступали люди, по-видимому, совершенно лишенные эрудиции, плохо говорившие и старавшиеся возместить свои изъяны грубостью и крикливостью. Несмотря на это, в конечном счете успех остался на стороне эсдеков — публика в большинстве твердо стояла на стороне крайних демократических избирательных принципов и не интересовалась теми тонкими аргументами философского характера, которыми подкреплял свою агитацию за кадетскую программу Васильев.

После этого собрания я надолго расстался с Толстым. Высшие учебные заведения были закрыты, и, чтобы не терять времени, Тол-

стой отправился за границу и поступил слушателем в Дрезденский Политехнический институт. По-видимому, связи его с первой женой, Рожанской, были уже нарушены; в Дрездене, кажется, он был уже человеком, свободным от семейных уз, — на холостом положении.

От других моих товарищей, бывших тоже в Дрездене одновременно с Толстым, я потом, уже в Москве, слышал рассказы о нем. Это были рассказы «буршеского» характера. По-видимому, тогда толстой вернулся к своей юношеской беззаботности и к склонности к «шалостям». Рассказывали мне о такого рода выходках Алеши.

С какими-то приятелями из студентов он водрузил на ручную тележку бочонок с пивом и путешествовал с ним по улицам Дрездена, останавливаясь перед домами, где жили русские студенты. Компания «высвистывала» их с улицы из их квартир, иногда с верхних этажей дома; вышедшего на призыв на улицу земляка заставляли осушать кружку пива и присоединяться к компании. Добровольным развозчиком пива приходилось чуть не в каждом квартале платить штраф шутцману за нарушение уличного порядка, но это их не смущало.

Но интересы Толстого в это время, по-видимому, не сводились к шалостям указанного рода. Наоборот, кажется, его революционность к этому времени приняла более действенный характер, чем раньше. Один из русских студентов, учившийся тогда в Дрездене, сообщил мне, что Толстой чуть не привел в исполнение свое намерение ехать на Урал, чтобы работать там в подпольной социал-демократической организации (почему именно на Урал — неизвестно).

После открытия занятий в русских высших учебных заведениях Толстой вернулся в Россию.

Перехожу к последним нашим свиданиям с Толстым уже в 1910 году[8].

Я тогда учился в Москве — в Императорском Техническом Училище, куда перевелся из Харьковского Технологического института в 1907 году. В феврале 1910 года у меня нашлась работа в Петербурге. В одном из зданий на Забалканском проспекте, рядом с Технологическим институтом, производились испытания двигателей внутреннего сгорания под руководством директора института профессора Д.С. Зернова и профессора Политехнического института Лебедева. К работе были привлечены студенты старших курсов Петербургского Технологического института, и среди них оказался и я, московский студент.

Обедал я в столовой Технологического института. Один раз, придя в столовую, я увидел сидящего у столика за стаканом чая студента в кожаной куртке и в высоких сапогах. Это был А. Толстой. Мы перед

этим долго не виделись, потеряли друг друга из вида и были рады встрече. Говорили мы с Толстым больше о наших учебных делах; оба мы к тому времени засиделись в студентах. Толстой собирался начать свой дипломный проект, но, как оказалось, так и не удосужился это сделать, увлеченный писательством. Расставаясь со мной, Толстой пригласил меня вечером к себе. Он жил тогда на Забалканском проспекте, около Сенной площади, с большом многоэтажном доме, в 3-м или 4-м этаже. В это время Толстой был уже известным писателем, пользовался успехом у молодежи, выступал на всякого рода благотворительных вечерах[9]. Это был период его близости с заправилами и сотрудниками эстетского журнала «Аполлон»[10].

В тот вечер, когда я получил приглашение от Толстого, должна была состояться у него домашняя вечеринка. Когда я пришел, никого из гостей еще не было. Толстой познакомил меня со своей второй женой, встреча с которой произошла у него в Дрездене. Потом я слышал от прежних дрезденских студентов, что в Дрездене учился тогда, на химическом отделении, и брат ее — они были петербуржцами.

Жена Толстого, еврейка, была художница, но не профессиональная. При нашей встрече на руках у нее был грудной ребенок — результат второго брака Толстого. Между прочим, спустя 35 лет после описываемой эпохи мне пришлось услышать снова об этой дочери Толстого, которую я видел грудным ребенком; оказалось, что она здравствует и живет в Москве. Такова уже моя судьба — знакомиться с потомством Толстого в «грудном» их состоянии.

Возвращаюсь к вечеринке. Тут припоминаются мне такие гости Толстого: профессор Е. Аничков, известный тогда литературовед, писатели Федор Сологуб и М. Кузмин (сильно порнографического направления), Мейерхольд и еще кто-то — уже не помню. Сологуб поразил меня своей далеко не поэтической наружностью — он напоминал уже не молодого и весьма серого учителя, даже не гимназии — он и был до эпохи своей славы учителем в каком-то ремесленном училище. М. Кузмин прочитал свои новые стихи «Привратница». Я совершенно не понял смысла этого произведения и был просвещен на этот счет только Толстым, который на ухо сообщил мне, что тут аллегория весьма неприличного свойства.

Были еще разговоры литературного характера — я их плохо помню. Был ужин с небольшой выпивкой — впрочем, достаточный для того, чтобы, вернувшись домой, на Пантелеймоновскую улицу в три часа ночи, я не без труда добрался до своей квартиры на третьем этаже.

После этого я Толстого не видел. Приехав в 1930-х годах в Ленинград, я собирался разыскать его, но оказалось, что он живет

в Царском Селе. Я было написал ему открытку с предложением встретиться в любом месте, где ему удобно — в Ленинграде или в Царском Селе, но ответа на открытку не мог получить, так как ранее предположенного срока уехал домой.

---

[1] В августе 1901 г. А.Л. Толстая сообщила об этом сыну в Петербург так: «Недавно встретила Гана-старшего <Владимира. — *М.П.*>, он сказал, что Женя уехал в Харьков, что конкурс там не так велик» (Самарский литературный музей. КП-5519/2).

[2] С.О. Войтинский (1857–1918) — математик, педагог, действительный статский советник.

[3] Семья Ганов жила в Самаре по адресу: улица Садовая, дом Филиппович, № 189. На сегодняшний день этот дом утрачен.

[4] Об этой даче и о поездках на нее А.Н. Толстого см.: [5, с. 104–106].

[5] См. об этих событиях также: [2].

[6] См. о революционных событиях 1905–1907 гг. также: [8].

[7] См. об этом: [7].

[8] Здесь Е.Ю. Ган, вероятно, ошибается: упоминаемая далее дочь А.Н. Толстого от второго брака, Марианна, родилась в августе 1911 г., — стало быть, описываемые события происходят, скорее всего, в конце 1911-го или в самом начале 1912 г., но никак не в 1910 г.

[9] Об одном из таких вечеров см. в воспоминаниях М.В. Неуструевой: [6, с. 128–133].

[10] Об этом периоде жизни и творчества А. Толстого см.: [10, с. 88–149].

Литература

1. А.Н. Толстой и Самара. Из архива писателя. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1982. 368 с.

2. *Воскресенский А.А.* Революционная борьба рабочих Харьковского паровозостроительного завода (1895–1917 гг.). Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1958. 238 с.

3. Легенды и были Самарского политеха / под ред. М.А. Еремина. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2019. 144 с.

4. *Панов Н.И.* Записки самарского ректора: о себе, об университете, об инженерах. М.: Русская книга, 2000. 180 с.

5. *Перепелкин М.А.* А.Н. Толстой в воспоминаниях М.В. Неуструевой. Часть 1. Лёша и Маничка // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 90–122.

6. *Перепелкин М.А.* А.Н. Толстой в воспоминаниях М.В. Неуструевой. Часть 2. Алексей Николаевич и Мария Васильевна // Литературный факт. 2024. № 3 (33). С. 106–137.

7. *Перепелкин М.А., Семенов С.В.* «Бостромиада»: об одной полемике между А.А. Бостромом и Молотом (Э.И. Павчинским) // Самарский край в истории России. Материалы Девятой межрегиональной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения П.В. Алабина. Самара: ПО «Стандарт», 2025. С. 268–273.

8. *Попов Ф.Г.* Хроника революционных событий в Самаре (1902–1917 гг.). Куйбышев: Куйбышевское изд-во, 1936. 319 с.

9. *Семенов М.И. (Блан).* Революционная Самара 80–90-х гг.: (воспоминания). Куйбышев: Куйбышевское изд-во, 1940. 86 с.

10. *Толстая Е.Д.* Ключи счастья. Алексей Толстой и литературный Петербург. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 535 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

A Background for the Young Tolstoy. Alexey N. Tolstoy in the Memoirs of E.Yu. Gan

© 2026. Mikhail A. Perepelkin
Samara National Research University,
Samara, Russia

Abstract: This publication of excerpts from the memoirs of E.Yu. Gan (1883–1961) concludes a memoir essay, the first part of which was published in 1982 in the collection "Alexey Tolstoy and Samara." A classmate of A.N. Tolstoy at the Samara Realschule, E.Yu. Gan described in his memoirs the entire period of their acquaintance with the future writer, lasting from the late 1890s to 1910–1911. This fragment describes several encounters between former classmates during their student years, which began in the fall of 1901 and, for various reasons, lasted for a full ten years, until the early 1910s. Of greatest interest are the memoirist's detailed descriptions of his meetings with Tolstoy during the winter holidays of 1901–1902, exploring the old library in the house of the young Tolstoy's stepfather in the summer of 1902, as well as brief encounters during the revolutionary unrest of 1905–1907 and their final meeting at a literary evening in Tolstoy's St. Petersburg apartment in 1911. The introductory article preceding the publication reveals certain facts from the memoirist's biography, clarifying the nature of his relationship with A.N. Tolstoy.

Keywords: A.N. Tolstoy, E.Yu. Gan, Samara, student vacations, the 1905–1907 revolution, Dresden, St. Petersburg, literary evening, F. Sologub, M. Kuzmin.

Information about the author: Mikhail A. Perepelkin, DSc in Philology, Professor, Samara National Research University, Moskow Hwy., 34, 443086 Samara, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6102-6947

E-mail: mperepelkin@mail.ru

For citation: Perepelkin, M.A. "Background for the Young Tolstoy. Alexey N. Tolstoy in the Memories of E.Yu. Gan." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (40), 2026, pp. 33–58. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-33-58

References

1. *A.N. Tolstoi i Samara. Iz arkhiva pisatelia* [*A.N. Tolstoy and Samara. From the Writer's Archive*]. Kuibyshev, Kuibyshevskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1982. 368 p. (In Russ.)

2. Voskresenskii, A.A. "Revoliutsionnaia bor'ba rabochikh Khar'kovskogo parovozostroitel'nogo zavoda (1895–1917 gg.)" ["Revolutionary Struggle of Workers of the

Kharkov Locomotive Plant (1895–1917)"]. Kharkov, V.N. Karazin Kharkiv National University Publ., 1958. 238 p. (In Russ.)

3. *Legendy i byli Samarskogo politekha* [*Legends and Facts of Samara Polytechnic*], ed. M.A. Eremin. Samara, Samara State Technical University Publ., 2019. 144 p. (In Russ.)

4. Panov, N.I. *Zapiski samarskogo rektora: o sebe, ob universitete, ob inzhenerakh* [*Notes of the Samara Rector: About Himself, About the University, About Engineers*]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2000. 180 p. (In Russ.)

5. Perepelkin, M.A. "A.N. Tolstoi v vospominaniiakh M.V. Neustruevoi. Chast' 1. Lesha i Manichka" ["A.N. Tolstoy in the Memoirs of M.V. Neustrueva. Part 1. Lyosha and Manichka"]. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (32), 2024, pp. 90–122. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-90-122 (In Russ.)

6. Perepelkin, M.A. "A.N. Tolstoi v vospominaniiakh M.V. Neustruevoi. Chast' 2. Aleksei Nikolaevich i Mariia Vasil'evna" ["A.N. Tolstoy in the Memoirs of M.V. Neustrueva. Part 2. Aleksey Nikolaevich and Mariya Vasilievna"]. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (33), 2024, pp. 106–137. (In Russ.)

7. Perepelkin, M.A., and S.V. Semenov. "'Bostromiada': ob odnoi polemike mezhdu A.A. Bostromom i Molotom (E.I. Pavchinskim)" ["'Bostromiada': On a Controversy between A.A. Bostrom and Molot (E.I. Pavchinsky)"]. *Samarskii krai v istorii Rossii. Materialy Deviatoi mezhregional'noi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 200-letiiu so dnia rozhdeniia P.V. Alabina* [*Samara Region in the History of Russia. Proceedings of the Ninth Interregional Scientific Conference dedicated to the 200th Anniversary of the Birth of P.V. Alabin*]. Samara, PO "Standart" Publ., 2025, pp. 268–273. (In Russ.)

8. Popov, F.G. *Khronika revoliutsionnykh sobytii v Samare (1902–1917 gg.)* [*Chronicle of Revolutionary Events in Samara (1902–1917)*]. Kuibyshev, Kuibyshevskoe izdatel'stvo Publ., 1936. 319 p. (In Russ.)

9. Semenov, M.I. (Blan). *Revoliutsionnaia Samara 80–90-kh gg.: (vospominaniia)* [*Revolutionary Samara of the 80–90s: (Memoirs)*]. Kuibyshev, Kuibyshevskoe izdatel'stvo Publ., 1940. 86 p. (In Russ.)

10. Tolstaia, E.D. *Kliuchi schast'ia. Aleksei Tolstoi i literaturnyi Peterburg* [*Keys to Happiness. Alexey Tolstoy and Literary Petersburg*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 535 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 22.03.2026
Одобрена после рецензирования: 12.05.2026
Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 22.03.2026
Approved after reviewing: 12.05.2026
Date of publication: 25.06.2026

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-59-99
https://elibrary.ru/WINOHW

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (40), 2026

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Писатель и критика русского зарубежья: А.М. Ремизов и А.Л. Бем в кругу «книжников» и «фарисеев» (по материалам переписки)

© 2026, Е.Р. Обатнина
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Статья является частью исследования, посвященного профессиональной рецепции творчества и личности А.М. Ремизова в эмигрантском литературном процессе. Среди критиков писателя А.Л. Бему принадлежит особая роль восприемника сложившейся в России 1910-х гг. школы критической мысли, тесно связанной с изучением истории литературы. Автор статьи раскрывает представления двух корреспондентов о задачах критики, в частности, опираясь на существовавшую в затекстовых размышлениях Ремизова проекцию образов библейских книжников и фарисеев, на современных блюстителей литературной «нормы». В статье прослеживаются случаи ремизовских прямых адресаций к Бему в его рассказах 1931–1933 гг. Характерно, что диалог двух корреспондентов, начавшийся в русле взаимоотношений писателя и критика, со временем сместился на исследование произведений Ф. Достоевского. В приложении к статье публикуются четыре новонайденных письма Бема к Ремизову. Тема общих знакомых — «книжников», хранителей культуры и науки, послужила объединительным мотивом для переписки пражского ученого и писателя (с 1931 по 1944 гг.), так и не повстречавшихся друг с другом лично.

Ключевые слова: история литературы, эмиграция, задачи критики, творческий метод, А.М. Ремизов, А.Л. Бем, Иванов-Разумник, Б.Г. Унбегаун, В.Н. Тукалевский, А.Ф. Лютер.

Информация об авторе: Елена Рудольфовна Обатнина — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, 4, 199034г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1823-6321
E-mail: lena.eo@mail.ru

Для цитирования: *Обатнина Е.Р.* Писатель и критика русского зарубежья: А.М. Ремизов и А.Л. Бем в кругу «книжников» и «фарисеев» (по материалам переписки) // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 59–99. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-59-99

В плеяде писателей, приехавших в эмиграцию с репутацией признанных мастеров, Ремизов был единственным, кто продемонстрировал уже в первые годы зарубежной жизни существенные изменения в нарративе своей авторской прозы[1]. Предсказуемо, что его творческий поиск не находил отклика не только в кругу близких по возрасту критиков, но и даже среди младшего поколения литературных рецензентов[2]. Для многих профессиональных литераторов, учитывающих запросы широкой читательской аудитории эмигрантского сообщества, — Ремизов — сказочник, Ремизов — «археолог» русской словесности был гораздо более значимой фигурой, чем Ремизов — новатор-прозаик, пишущий о жизни современной русской диаспоры. Подобные ограничения Ремизов старался не оставлять без ответа, однако если и вступал в публичную дискуссию по профессиональным вопросам, то оказывался в единственном числе против коллективного мнения[3]. Диалог с критиками или не удавался, или строился с заведомо предустановленных позиций отрицания эстетических взглядов писателя [14; 19].

В дореволюционной творческой биографии писателя был длительный опыт тесного общения с историком литературы Ивановым-Разумником[4]. Именно этот «настоящий литературный человек» (по определению представителя младшего поколения эмиграции[5]), понимавший критику как вид со-творчества с автором, приложил максимум своей профессиональных знаний, интуиции и таланта для своевременного выдвижения на первый план литературы 1910-х гг. имени Алексея Ремизова. Последнему, вне всякого сомнения,

[1] См. об этом в монографии А.М. Грачевой [6, с. 102–151] и в послесловии Е.Р. Обатниной [28, т. 11, с. 574–611].

[2] Среди представителей младшего поколения эмиграции критиками Ремизова выступили в печати М.Л. Гофман, В.А. Злобин и И.С. Лукаш.

[3] О показательном случае см.: [22, с. 237–238].

[4] Письма Р.В. Иванова-Разумника к А.М. Ремизову: (1908–1944 гг.) / публ. Е.Р. Обатниной, В.Г. Белоуса и Ж. Шерона; вступ. заметка и коммент. Е.Р. Обатниной и В.Г. Белоуса // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб.: Глагол, 1998. Вып. 2. С. 19–122, 244.

[5] См.: Письма Н.Н. Берберовой и вл. Иоанна (Шаховского) к Иванову-Разумнику / вступ. заметка, публ. и примеч. Е.А. Голлербаха и Ж. Шерона // Там же. С. 160; Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 годов / публ., вступ. статья, подгот. текста и коммент. О. Раевской-Хьюз. М.; Париж: Русский путь; YMCA-Press, 2001. С. 138.

были памятны принципы литературной критики, которые Иванов-Разумник сформулировал еще в 1908 г. с опорой на рассуждения Льва Толстого:

> Определить «пафос», определить «философию», чаще всего бессознательную, художника и его произведения, определить, что им «сказалось», а не «говорилось» — вот, повторяю, главная задача критики; вне ее — критика либо «грациозная ненужность» (есть и такая), либо только накопление материалов для будущего здания философской критики. Опять напомню слова Толстого <…>: «нужны люди, — говорит он, — которые бы показывали бессмыслицу отыскивания отдельных мыслей в художественном произведении и постоянно руководили бы читателем в том бесконечном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства»... А для этого критика должна вскрыть внутренний смысл художественного произведения, должна разобраться в тех бессознательных или подсознательных элементах творчества, которые иногда дают окраску всему творчеству художника[6].

В 1917 г. глубокие мировоззренческие разногласия поставили точку в переписке и личных жарких спорах писателя с Ивановым-Разумником. С этого времени Ремизов перешел на новый уровень взаимоотношений с критикой, выраженной в художественной форме литературного оппонирования [16].

Несмотря на существенные различия исторических обстоятельств, послуживших фоном для отношений писателя с одним из ведущих аналитиков модернистской литературы 1910-х гг. и критиками зарубежья, в каждой ситуации Ремизов не пытался скрыть свою позицию при помощи «эзопова языка». Напротив, писатель, перенося дискуссионные вопросы в контуры художественного пространства, выступал не только как выразитель авторского «Я», но и как равноправный участник литературного процесса.

***

В ракурсе проблемы обратной связи между писателем с «профессиональным читателем» исключительную ценность приобретает опубликованная в 2008 г. переписка Ремизова с А.Л. Бемом (1886–1945) [1, с. 375–388, 398–399 (коммент.)], в значительной степени

[6] *Иванов-Разумник*. Собр. соч. СПб.: Прометей, [1912]. Т. 2: Творчество и критика. С. 5.

потому, что именно этот пражский корреспондент представлял собой новый и редкий в истории литературы эмиграции тип критика, пришедший в среду современных литераторов из академической филологической науки и сохранявший традицию критической рецепции конца XIX — начала XX в. Не случайно, продвигая кандидатуру Бема в качестве сотрудника журнала «Современные записки», Ф.А. Степун выражал личное убеждение, что пражанин —

> человек литературно серьезный и профессионально образованный, что чутье у него верное, что в нем есть справедливость и независимость суждений. Главное же, что он читает решительно все и чувствует задачи литературной критики так, как ее некогда чувствовали русские публицисты [32, с. 197–198].

В контексте контактов Бема с Ремизовым «школа» критического анализа 1910-х гг. как будто вернулась на круги своя, вновь напомнив о преемственности творчества писателя-модерниста русской классике и, прежде всего, философско-психологическому реализму Достоевского. Однако, как мы покажем далее, старые лекала историко-литературных сопоставлений не всегда ложились на материал новой ремизовской прозы.

1

Заинтересованность Ремизова личностью заведующего литературно-критическим разделом берлинской газеты «Руль», сменившего Ю.И. Айхенвальда, несомненно, возникла еще весной 1931 г., когда за подписью «А. Бем» один за другим (29 апреля, 6 и 21 мая) были напечатаны три очерка, объединенные общим названием «О критике и критиках» [3, с. 33–46]. Дистанцированный от Парижа обозреватель с неожиданной точностью диагностировал болевые точки современной литературной жизни, сложившейся в этом центре русской диаспоры. Основные проблемы Бем видел в иерархичности писательского цеха, монополии на критику, обеспеченной Г.В. Адамовичу в «Последних новостях», замещении института литературной критики рецензированием одних литераторов другими, наконец, в замалчивании новых профессиональных изданий с молодежным составом («Новая газета»)[7] и мировоззренческой незрелости молодых авторов журнала «Числа».

[7] Об этом недолговечном периодическом издании см.: [33].

В середине лета того же года (2 июля) поступил в продажу тираж пятой книги «Чисел», на содержание которого Бем отреагировал двумя очерками, опубликованными в его колонке на страницах «Руля». Первый из них (от 30 июля) содержал вывод о несостоятельности амбиций парижан, в начале своего пути заявивших о намерениях сформировать эстетическую платформу (Числа. 1930. № 1. С. 5–7). Скептически настроенный критик, ассоциируя молодежный авторский коллектив с богемной эстетикой Монпарнаса, охарактеризовал «Числа» как явление, лишенное корневой системы, недолговечное — всего лишь очередной эмигрантский журнал «с несколько расширенным составом сотрудников» за счет авторитетных имен старшего поколения. Закономерно, что по-настоящему заслуживающим внимания в содержании последнего номера ему показался только напечатанный здесь рассказ Ремизова «Индустриальная подкова» (Числа. 1931. № 5. С. 108–143). Противопоставляя зрелое мастерство Ремизова «упаднических» настроениям молодых участников журнала, Бем сразу отметил: «вещь… художественно отстоявшаяся», «классическая», «лежащая в линии русской традиции» [3, с. 70–71]. Уже через две недели он развил высказанную мысль в литературоведческой статье, специально посвященной новому произведению писателя (Руль. 1931. 13 августа. № 3256), раскрыв «внутреннюю связь художественных идей» автора с философско-психологическими коллизиями Гоголя и Достоевского [3, с. 76–81].

Можно было бы подумать: наконец-то Ремизов нашел в лице А.Л. Бема исследователя-литературоведа, применившего свой научный опыт в критике современной литературы. Преследуя профессиональные задачи, ученый взялся толковать генезис его нового художественного произведения. Точка зрения пражанина на современное состояние эмигрантской критики и его представления о литературной традиции, заявленные в статье, посвященной «Индустриальной подкове», настолько импонировали писателю, что он стал инициатором переписки, еще даже не зная полного имени своего адресата. Мотивом к этому шагу послужило желание поправить двойственное впечатление, оставшееся после прочтения отзыва.

С одной стороны, Ремизов не мог не отметить профессионального историко-литературного подхода к его рассказу, а с другой, вновь столкнулся с набором предубеждений, касающихся его творчества в целом. Действительно, при всей позитивности оценок относительно ремизовской преемственности русской классике, в преамбуле к своей статье Бем поддержал превалирующую в современной рецепции тенденцию к упрощенной литературной «норме». Учитывая

известные ему прецеденты общественного раздражения, — будто бы Ремизов «издевается» над читателем многослойными смыслами своих произведений, — критик назвал его художественный мир «улиточным домиком чисто ремизовской “зауми”», в который писатель «тщательно прячется», отгораживаясь от широкой аудитории [3, с. 76].

Метафорический образ возник из понимания экстраординарных свойств творческой личности, однако определение «заумь», характеризующее содержательный план сочинений писателя, неизбежно обнаруживало негативную коннотацию с давно потерявшими актуальность литературными девиациями футуристов, в общественном сознании связанными со скандальным ниспровержением классической литературы и абсурдизмом. Таким образом, критик солидаризовался с мнением об излишней и невостребованной публикой глубине ремизовских текстов.

Свое первое письмо, отправленное в Прагу 30 августа 1931 г., писатель начал с разъяснения личной позиции по отношению к внешнему восприятию его творчества. Стоит обратить внимание, как подчеркнуто Ремизов поблагодарил своего нового адресата, выделив его в ряду «профессиональных читателей»: «Спасибо за ваш отзыв — за ваше внимательнейшее чтение, — писал он. — Это такая редкость» [1, с. 376]. Далее следовало откровенное признание: «Ваше вступление меня смутило» [там же], после чего писатель привел список шести своих авторских книг, изданных в течение последних пяти лет (1927–1931). Такая объективная аргументация, фактически оспаривающая справедливость упрека в некой творческой самодостаточности («улиточный домик»), была подкреплена собственной версией причин искаженной рецепции. Ремизов продолжал:

> Мне кажется дело проще: не от кого я не отгораживаюсь*, а просто не читают книг.
>
> (*об этом и в мыслях не было. Посмотрите в Числах № 5 стр. 283–284–285: мой ответ Осоргину «Для кого писать») [1, с. 376] [8].

Резюмируя содержание ремизовского послания, подчеркнем, что проблему своих взаимоотношений с читательской аудиторией он видел в заданных критикой шаблонах восприятия, о которых мы

[8] В публикации письма к строке, размещенной нами в скобках, сделано ошибочное пояснение — «Примеч. А.Л. Бема» [1, с. 376], тогда как обозначенная астериском фраза по содержанию могла принадлежать только Ремизову и была добавлена писателем в качестве примечания к уже написанному основному тексту. Использование подобного приема автопримечаний не единственный случай в письмах Ремизова 1930-х гг.

упоминали выше. В конечном счете не Ремизов «прятался» от читателя, а критика, точнее сказать, оценочные суждения отдельных литераторов стали причиной создавшегося вокруг его имени вакуума, изоляции, препятствующих пониманию его творчества.

Убеждение писателя в отсутствии профессиональной заинтересованности критиков в современной литературе укреплялось и на других примерах. Процитируем введенный нами в научный оборот фрагмент написанного годом позднее письма Ремизова Серафиме Павловне Ремизовой-Довгелло, в котором, упоминая имя известного литературоведа, печатавшегося в «Числах», Ремизов вновь возвращался к своей мысли, объективированной в письме Бему:

> …я много раздумывал. Ведь вот еще беда в чем, что не читают… мне Алферов сказал про Вейдле, что Вейдле не читал «По карнизам», я убежден в этом. Иначе бы он непременно заговорил о новой форме повествования [22, с. 240].

Отчасти высказанный упрек был обращен и к Бему. В его критическом толковании рассказа «Индустриальная подкова» Ремизова «смутил» не сам по себе образ «писателя-улитки», а, скорее, уже известное нежелание принять новый автобиографический дискурс, в котором автор через личный мир описывает реальность, в том числе и профессиональные проблемы, отмеченные также и самим рецензентом. Иначе бы в его отзыве прозвучала не «досада» по поводу введенных в рассказ «Индустриальная подкова» «частностей кружковой писательской жизни», о которых далекому от этой сферы читателю, по его выражению, «нет никакого дела», а, возможно, какая-либо более конструктивная оценка прозы Ремизова, резонирующей события внутри профессионального цеха [3, с. 35]. К «частностям кружковой писательской жизни» был отнесен упомянутый Ремизовым «тростниковый сахар», якобы присланный главному герою рассказа Корнетову от редактора парижской «Новой газеты». В своем подтексте незначительный штрих отсылал к статье М.А. Осоргина, опубликованной в первом номере только что образованного периодического издания, посвященного литературе и искусству. Об этом прекрасно знал и Бем, еще в первом из трех своих оппозиционных к литературному Парижу очерков «О критике и критиках» обративший внимание на благодушное безразличие известного парижского писателя старшего поколения к роли профессиональной рецепции в эмигрантском писательском сообществе. По мнению Осоргина, в русской диаспоре, где литература пред-

ставляла собой почти «семейный» кружок, отзывы о признанных мэтрах имели панегирический «привкус» — «только сахар, да даже не виноградный, а тростниковый, безо всякого аромата»[9].

Не мог Ремизов согласиться и с прозвучавшим в рецензии Бема прямым сопоставлением его Корнетова, страстного знатока и любителя литературы, с героями Достоевского — «спрятавшимися от жизни» — Прохарчиным и Ордыновым. В интерпретации критика получалось, что Корнетов и, вместе с ним, Ремизов, рассказавший эпизод из личной биографии, расплачивались за вину перед «живой жизнью» (выражение Достоевского)[10], от которой они изолировались в свои книжные «катакомбы» [3, с. 78–80]. Для такого утверждения надо было просто не заметить в «Индустриальной подкове» обширный, на полстраницы, пассаж о Корнетове, в котором был описан круг интересов героя, с головой погруженного и в быт, и в политику, и в культуру современной европейской действительности [28, т. 9, с. 114–115]. Да и сам Корнетов до бытового случая, нанесшего ему тяжелую психологическую травму, признавался: «У меня было <…> расположение к миру» [28, т. 9, с. 120].

Возвращаясь к эпистолярному диалогу Ремизова с Бемом, отметим, что завязавшиеся в конце августа 1931 г. контакты недолго поддерживались обменом публикаций, а потом затихли на два года. В приложении к настоящей статье мы восполняем «осколок» корреспонденции, по воле случая не учтенный в собранной двусторонней переписке [1, с. 375–378, 398–399.]. Новонайденные четыре письма Бема, адресованные Ремизову, освещают существенные эпизоды как в творческих биографиях двух современников, так и в истории литературы русского зарубежья.

2

Прежде чем остановиться на содержании этого эпистолярия, отметим одно важное литературное событие лета 1933 г., а именно выход из печати 9-й книги «Чисел», что не могло пройти мимо внимания пражского критика и повлияло на возобновление его переписки с Ремизовым. Также нельзя было не заметить, что содержание журнала напоминало ремизовский «бенефис»: редакция предоставила писателю настоящий карт-бланш на публикации, разместив сразу

[9] *Осоргин Мих*. [М.А. Ильин]. Пожелания // Новая газета. 1931. 1 марта. № 1. С. 3

[10] Впервые встречается в «Записках из подполья». Ср.: «“Живая жизнь” с непривычки придавила меня до того, что даже дышать стало трудно» (*Достоевский Ф.М*. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1978. Т. 5. С. 176).

три его текста [22, с. 241–245]. С точки зрения взаимоотношений Ремизова с молодым авторским составом журнала центральное место занимал рассказ «Шиш еловый» (Числа. 1933. Кн. 9. С. 57–83), где автор свел воедино памятные всем числовцам и рецензентам, наблюдавшим за деятельностью журнала, литературные эпизоды минувших трех лет.

Вновь нам придется вернуться к критическому отзыву об «Индустриальной подкове» (1931), потому что в рассказе «Шиш еловый», персонально адресуясь к Бему, Ремизов приберег узнаваемую тему «улитки». В статье 1931 г. найденный Бемом применительно к писателю образ, казалось бы, логично был спроецирован на ремизовского автобиографического героя — Александра Александровича Корнетова, якобы капитулировавшего перед реалиями эмигрантского бытия. В новой истории, повествующей о парижской жизни учителя музыки и его ближайших друзей, Ремизов как будто соглашается со своим оппонентом. Однако «улиточный домик» — для него не эмблема, символизирующая эскапизм от «живой жизни», как интерпретировал критик, а совершенно особый modus vivendi, который в рассказе «Шиш еловый» исповедует автобиографический персонаж — Василий Петрович Куковников — носитель разнообразных, иногда противоречивых мнений о писателе, продуцированных в среде «профессиональных читателей». О нем читаем:

> Куковников — книжник, любитель книжного почитания, неисповедимо очутившийся за границей: все книжники Куковниковского склада улитки или черепахи — малоподвижны, живут, где повелось и сживаются со своими книгами неотрывно — покинуть книги им все равно, что дать отсечь себе руку или выколоть глаз, нет, больше, они согласятся и на отсечение и на потерю глаза, лишь бы оставили с ними книги [28, т. 9, с. 304].

В галерее автобиографических персонажей из корпуса романа «Учитель музыки» «книжником» является и Корнетов, которого принято считать alter ego писателя. Идеальный сценарий времяпрепровождения для этого героя описан в рассказе «Греческий огонь» (1929):

> Я застал Корнетова, обложенного Византией — книги и на столе и на высоких, как в бистро, табуретках: тут и знаменитый X век Шлюмберже, и три огромных тома «Истории Византии» Кулаковского, и ни с чем не сравнимый, разве что с церковной ми-

> неей, Успенский, и лекции Васильева, и иллюстрированный Диль. «Изучаю, — сказал Корнетов, — не могу только про иконоборство дознаться, а хочется все века, всю жизнь, чтобы понять… [28, т. 9, с. 69].

Интересно, что самоотождествление с образом улитки возникло у самого Ремизова в самом начале его писательской карьеры, однако тогда оно было вызвано обостренным чувством ответственности и не оформившимся пониманием цели творчества[11]. В своем письме В.А. Пясту, написанном весной 1905 г., он признавался: «Мне никуда не хочется идти. А писать я пишу, знаете, как улитка. Я всегда чувствую наказание. И зачем писать, не знаю» [18, с. 54]. Не исключено, что зрелый писатель хранил в памяти свое раннее эпистолярное сочинение, написанное как будто от лица одного из собратьев гоголевского Хлестакова. Теперь, в своем эмигрантском рассказе, он не только оппонировал Бему, но и перенес образ улитки на самосознание особой категории людей, для которых мир книг, или более широко — литература, образует собой необходимое и, в сущности, достаточное жизненное пространство.

В определение «книжник» Ремизов, несомненно, вкладывал и первоначальное библейское значение, что подтверждается автоироничным воззванием писателя, озаглавленным «Книжникам и фарисеям», на страницах сатирического журнала «Ухват» в 1926 г. (см.: [14]). Тогда, защищая свою творческую волю, он ассоциировал с «книжниками» и «фарисеями» своих литературных критиков, следующих литературному канону и не признающих творческих новаций. Однако по сравнению с фарисеями, согласно библейской истории, следующими формальному исполнению вероучения, среди книжников были люди широких взглядов, толкователи священных текстов. Поэтому книжникам Ремизов отводил особую роль в культуре..

Как мы отметили выше, на представления писателя о задачах литературной критики большое влияние оказал Иванов-Разумник. Во все времена формирование общественного мнения о современной литературе зависело от одаренности, образованности и ответственности перед историей литературы лиц, взявших на себя роль аналитиков и судей. Интересны в этом смысле записи из дневника С.П. Ремизовой-Довгелло, сделанные в декабре 1917 г. Впоследствии,

[11] В 1930-е гг. позиция писателя уже была непоколебимой и вызывала несогласие многих представителей литературного цеха; см.:. [22, с. 238–240].

несомненно, они стали частью затекстового содержания, вложенного Ремизовым в его публикацию «Книжникам и фарисеям»:

> Когда читаешь современную критику, думается: пишет человек совсем-совсем не так, — самый способ, прием не тот. Чаще всего, не разбирая, просто ругают писателя, или приписывают то, чего у <него> нет и ему не с руки, обвиняют его исключительно для того, чтобы оттенить свою собственную высокую мысль критика.
>
> Ведь и фарисей молился именно так: «Благодарю Тебя, Господи, что я не такой, как мытарь!»
>
> Вот так в критике и фарисействуют, не считаясь с тем, о ком пишут, — с его живой душой, а главное, — с правдой.
>
> Мне думается, критик еще реже, чем писатель, потому что еще труднее и ответственнее быть критиком: судией и учителем. <…>.
>
> Мне хочется, чтобы с нового — с 1918 г. появилась у нас новая критика с другими приемами, надо, чтобы критик помнил о своем «смертном часе» и знал историю русской литературы, не по учебникам, а по источникам, и как все происходило с самого начала.
>
> При таком условии критика не будет никогда «злая», она может быть только «горькая». При таком условии критика никогда не будет лживая, она может быть только ошибочная. При таком условии будет из критики чему поучиться.
>
> Надо беречь тех, кто создает «культурные ценности», это я для наших умников, — Россия ими не богата [28, т. 17, с. 307].

Характерно также, что к этой записи Ремизов сделал пояснение, в котором подчеркнул значение для школы русской критики таких имен, как В.Г. Белинский, А.В. Дружинин и Ап. Григорьев [там же]. В свою очередь, «книжник» в ремизовской типологизации его близких знакомых[12] и автобиографических героев является собирательным образом хранителя культуры, человека, для которого реальность книжного мира также явственна, как реальность окружающей жизни.

Ремизовский «книжник» не претендует на ученость, но это человек, задающийся вопросами, беспокойная натура, не удовлетворяющаяся односложными истинами. Образ «книжника», «любителя книжного почитания» представлен во вставной новелле рассказа «Шиш еловый», озаглавленной «Баснописец Куковников». Ее назва-

[12] Напомним, что к этому особенному типу писатель причислял и таких знатоков литературы из своего дореволюционного окружения, как И.А. Рязановский. См. рассказ «Книжник» [28, т. 8, с. 131–136].

ние подчеркивало распространенное мнение о Ремизове как о писателе-сказочнике. Здесь оказывается, что «баснописец» на самом деле «внимательнейший» читатель, для которого художественный образ является частью историко-литературной парадигмы.

Василий Куковников — человек окололитературный, конечно же, «не писатель»[13], со всей решительностью профана выразил нетерпимость к юбилейной риторике, которая часто продуцирует шаблоны восприятия творческого феномена. Предметом читательских открытий героя стала знаменитая «Пушкинская речь» Достоевского, вошедшая в анналы истории русской литературы.

В общем и целом Куковников-Ремизов, причислив речь Достоевского к жанру официозного юбилейного славословия, фундирующего национальную идею своего времени, отозвался об этом идеологическом аспекте пушкинского культа крайне пренебрежительно — «ничего не говорящее», «провинциальнейшая ерунда» [28, т. 9, с. 305]. Подробно он остановился лишь на одном приеме типологизации литературного образа Татьяны Лариной, памятуя высказывание о героине как воплощении идеала русской женщины, о ее твердой верности первой любви, о том, что «такой красоты положительный тип русской женщины почти уже и не повторялся в нашей художественной литературе — кроме разве образа Лизы в “Дворянском гнезде” Тургенева»[14]. Однако стоило герою обратиться к примерам женских образов самого Достоевского, как, сопоставив судьбу и жизненный выбор пушкинской Татьяны с трагической судьбой и семейными обстоятельствами Зины Москалевой («Дядюшкин сон») и Сони Мармеладовой («Преступление и наказание»), он был буквально вынужден прийти к неожиданному, если не сказать, эпатажному выводу: под строгим моральным судом — все случаи «самая настоящая проституция», но «Достоевский хотел сказать и всеми словами сказал: идеал русской женщины “жертва”» [28, т. 9, с. 306]. Рефреном в его эмоциональной филиппике звучал несколько раз запальчиво повторенный вопрос, который нам напомнит о первом ремизовском письме Бему. Теперь Ремизов распространял проблему чтения не только на личные произведения, но и на известные образцы классической прозы:

> …восторг Достоевского перед Пушкинской Татьяной: Татьяна — идеал русской женщины, и восхищение ее верностью. <…>. Точно

[13] О самоидентификации Ремизова как писателя «по ошибке» см.: [28, т. 8, с. 265–269].

[14] *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 26. С. 140.

все забыли «Дядюшкин сон»? С 1859 года, правда, много прошло. Или не читали?

<…> И я уверен, что в петербургском генеральском доме где-нибудь на Английской набережной, на бархате, «удобно», под какой-нибудь горностаевой мантильей Татьяна вздрагивала, как Соня под своим «семейным зеленым платком», и, как у другой Сони — Писемского, наутро, после брачной ночи тряслась голова и рука. И потом встреча на «шумном бале», Онегин у колонны…. и этот знаменитый стих, потрясший наивных слушателей — «но я другому отдана и буду век ему верна». Так все и ахнули: какая невообразимая верность! Еще раз очень вам благодарен. Или забыли «Записки из подполья»? С 1864 года прошло тоже не так мало.

Или не читали? Там эта верность по-другому называется… [28, т. 9, с. 305–306].

Созданный писателем в 1933 г. прецедент компрометации «Пушкинской речи» Достоевского как будто оставляет открытым вопрос, что же послужило причиной для обращения к этому хрестоматийному тексту. Несмотря на то, что в современной исследовательской литературе уже была представлена интерпретация рассказа «Баснописец Куковников»[15], мы полагаем, что речь героя-трикстера являлась реакцией на конкретный эпизод эмигрантской литературной жизни и адресовалась профессиональным исследователям и, прежде всего, ученому-филологу А.Л. Бему. В подтексты рассказа, помимо многочисленных аллюзий к критическим суждениям литературоведа о произведениях парижской молодежи, попал также его фельетон, опубликованный 18 июня 1931 г. под названием «Культ Пушкина и колеблющие треножник». Бем здесь выступил защитником пушкинского гения от попыток Георгия Адамовича дезавуировать совершенство признанного литературного эталона. Однако вместо убедительной аргументации, противопоставленной поверхностным заявлениям парижского законодателя литературных вкусов, пражанин предпочел следовать риторике, получившей направление «со времени исторической речи Достоевского» [3, с. 53].

Как видим, к ситуации «Адамович против Пушкина» Ремизов намеренно разыграл зеркальную ситуацию «Куковников против Достоевского», доказав на литературных примерах «правоту» своего начитанного героя. На острие ремизовской мысли оставалась

[15] См. аналитический вывод в статье: [8, p. 101].

идея профессиональной критики, оперирующая художественными смыслами, а не обобщенными формулами.

«Внимательнейший» читатель Ремизов, как мы предполагаем, не пропустил также в статье Бема выражение «подкоп против Пушкина» [3, с. 55], которое могло вызвать в его памяти лексические созвучия стилю Иванова-Разумника. Однако, если Бем обвинял Адамовича в попрании культурной «святыни», умалении значения пушкинского творческого наследия для современности, то Иванов-Разумник подразумевал под этим словом один из принципов критического метода применять художественную метафору в широчайшем диапазоне литературных аллюзий. Рассуждая о назначении «профессиональных читателей», критик старой формации рассуждал:

> Итак, скажете вы, критик всегда, подобно Гамлету, должен «вести подкоп аршином глубже» художника? Глубже «Войны и Мира», глубже «Братьев Карамазовых»? О, конечно, нет — иначе критика была бы невозможна. Но задача критики — осознать неосознанное художником и вскрыть тот «подкоп», которым шел художник, ту подсознательную почву, на которой он строил[16].

К числу импульсов создания новеллы «Баснописец Куковников», кроме литературных, следует отнести и личные мотивы Ремизова. Насколько задела писателя статья Бема об «Индустриальной подкове», затронувшей проблему читательского неприятия, которая очень скоро вытолкнула его на периферию эмигрантского книгоиздательского дела, читаем в письме к Б.П. Вышеславцеву. В конце 1932 г. редактор «YMCA-Press» отказал писателю в выпуске подготовленной им книги о снах в произведениях Тургенева под предлогом: «слишком она специальна, не найдет читателя»[17]. Более перспективной в издательстве считали книгу ремизовских сказок. Отвечая на предложение своего корреспондента: «Придумайте что-нибудь, дабы призвать читателя к сознанию своего долга перед русскими писателями и издателями»[18], Ремизов пытался объяснить, как он видит сложившуюся проблему, остро сказавшуюся на его возможностях публиковаться. Как и прежде писатель в своих рассужде-

[16] *Иванов-Разумник*. Собр. соч. Т. 2. С. 5.

[17] Ремизов и YMCA-Press: Переписка 1925–1932 годов / публ. и коммент. О. Раевской-Хьюз // Вестник Русского христианского движения (Париж). 2005/2006. № 190 (1). С. 296.

[18] Там же. С. 297.

ниях опирался на основной концепт Достоевского «живая жизнь», упомянутый в статье Бема, посвященной рассказу «Индустриальная подкова», и впоследствии в речи Куковникова. Обратим также внимание на авторский образ мыслей, апеллировавший к известным художественным произведениям:

> Вы спрашиваете, как читателя привести к сознанию своего долга?.. — может быть, еще не поздно, хотя много труда положено, чтобы убить сознание. У Сервантеса есть одно очень верное замечание. «Виновата не публика, говорит он, — будто бы требующая нелепых зрелищ, а те, кто не умеет показать, ей ничего другого»[19].
>
> Наши <редакции>, как Современные Записки, Последние новости, а также YMCA <очень часто ?> руководятся уровнем какого-то воображаемого читателя, «требующего нелепых зрелищ». За эти большие годы все <делалось ?> не для того, чтобы поднять, а еще больше снизить требования читателя или зрителя «легкостью и пустотой».
>
> Получилась невероятная вещь: я попал в разряд каких-то тяжких преступников, которые не имеют не только права голоса, НО И ПРАВА СУЩЕСТВОВАНИЯ.
>
> Не знаю, как эту «живую жизнь» перевести и означить в религиозно-философских терминах! Или под какую статью закона <подвести ?> мое преступление![20].

3

Почти два года спустя, 6 сентября 1933 г. от замолчавшего пражского корреспондента Ремизову сначала пришло письмо, а следом и бандероль с критическими публикациями Бема в варшавской газете «Молва». Одна из них (под названием «Правда прошлого») содержала отзыв на ремизовский рассказ «Наперекор»[21], написанный в кардинально отличной от «корнетовского» цикла стилистической манере. Однако критик обнаружил и в новом произведении сквозную для творчества писателя тему, касающуюся «единственно важного» — «о человеке и постижении им мира» [3, с. 115]. Бем начал свою рецензию с обобщений, поднимавших литературный

[19] Источником писателю послужило издание «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (М.; Л.: Academia, 1929 (1-е изд.); 1932 (2-е изд.)). О субстрате романа Сервантеса и сюжетах в «Учителе музыки», связанных с его изданием в серии «Литературные памятники», см. в монографии: [6, с. 140–151].

[20] Ремизов и YMCA-Press: Переписка 1925–1932 годов. С. 297.

[21] См. Приложение, п. 1.

труд Ремизова последних лет на уровень выдающихся произведений современности:

> Щемящая боль за человека проходит красной нитью через творчество Ремизова. <…> Как жаль, Ремизов вынужден кусочками печатать свою потрясающую трагедию русской эмиграции! Кто из нас, эмигрантов, следит внимательно за историей Корнетова? А я склонен думать, что когда-нибудь Корнетов станет именем нарицательным. Я не найду для прозы Ремизова настоящего определения, ибо все старые названия не передают ее сущности. Так для себя <…>, я называю ее «медитативная проза», то есть проза раздумия. Хотя Ремизов традиционно связан и с Гоголем, и с Достоевским, но ни гоголевский «натурализм» (сам по себе не очень удачный термин), ни «философский реализм» Достоевского не подходят для обозначения существа его творчества. <…>. Всюду там, где речь идет о «единственно важном» — о человеке и постижении им мира — у Ремизова появляется то, что я называю «раздумьем» [3, с. 115].

Неожиданное отступление от предмета рецензии нам видится следствием обдумывания эпистолярных и художественных посылов писателя, в частности, заставивших адресата откорректировать свою интерпретацию «изоляции» писателя от читателя, высказанную в статье об «Индустриальной подкове». Бем, полагаясь в научной практике на психоаналитическую методологию З. Фрейда и его последователей, попытался найти причины «одиночества» писателя в защитных свойствах психологии. Поэтому вместо версии о бегстве в «улиточный домик», критик теперь писал об изгойстве, возникшем в результате «отсутствия корректива сочувствующей среды». «Отсюда и некоторое искажение <…> писательского лика, — рассуждал он, — если хотите — некоторая доля “юродства”»[22]. Подразумевая глубинную связь Ремизова с национальной культурной традицией, устойчиво соотносившей социальную роль юродивых с трансляцией инаковости образа мыслей, пражский корреспондент впервые в зарубежной критической рецепции обособляет писателя в ряду известных соотечественников как «явление литературы русской во всем ее непреходящем значении», к которому «неприменима эти-

[22] См. также: Приложение, п. 1. Применительно к Ремизову определение «художественное юродство», по всей вероятности, впервые прозвучало в лекции И.А. Ильина, прочитанной на немецком языке 13 января 1931 г. Реакция писателя гипотетически прослеживается по сохранившимся письмам философа [19, с. 183]. См. также: [7].

кетка “эмигрантская” литература» [3, с. 114][23]. Такая оценка полностью отвечала ремизовской личной позиции. В самом начале своей зарубежной жизни он утверждал, обращаясь к В.Н. Тукалевскому: «…за эмигранта не считаю себя»[24]. Впоследствии такая самоидентификация получила выражение в формуле, не раз произнесенной им в кругу друзей: «Где русские — там Россия»[25]. В сущности, в смысловом поле этой фразы находится одно из значений образа «улитки»-«книжника», связанное с осознанием языка и культуры как единственной реальности, в которой остается человек, независимо от географии его судьбы: дом человека — это его родной язык и его национальная культура.

4

В истории контактов Ремизова с Бемом глубоко символичной становится появление в ландшафте эмигрантской литературы Иванова-Разумника, который с 1942 г., несмотря экстремальные условия существования в немецком лагере для переселенных, приступил к творческой работе и установил связи с соотечественниками[26]. Пражский ученый старался по мере возможностей устроить судьбу известного историка литературы и познакомить с культурой эмиграции. Уже в первых письмах корреспонденты касаются имени Ремизова. Откликаясь на несохранившееся письмо Иванова-Разумника, Бем в апреле 1942 г. излагал свое устойчивое мнение:

> Ремизова я, подобно Вам, очень ценю; его литературная судьба сложилась очень тяжело — и в эмиграции он остался одиноким и непризнанным. Но, пожалуй, иначе и быть не могло, он слишком своеобразен и труден для широкого круга читателей. А здесь — и почвы для него не было[27].

---

[23] В статье Бема наравне с Ремизовым рассматривается феномен М.И. Цветаевой. В контексте русского зарубежья критик объединяет два имени по сходству литературного поведения и ответной рецепции их творчества. См. п. 1. Ср. также близкие по смыслу высказывания Бема в его статье 1934 г. [3, с. 169].

[24] ГАРФ. Ф. 577. Оп. 1. № 697. Л. 14; письмо от 16 февраля 1922 г.

[25] *Прегель С.* Разговор с памятью: в 2 т. / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Хазана. М.: Водолей, 2017. Т. 2: Письма. С. 743–1527.

[26] См.: Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 годов / публ., вступ. статья., подгот. текста и коммент. О.П. Раевской-Хьюз. М.; Париж: Русский Путь; YMCA-Press, 2001.

[27] Там же. С. 165.

Со своей стороны, историк литературы, наблюдавший творческое развитие писателя с 1908 г., был убежден в оригинальности его таланта, строго говоря, не встроенного ни в одно из доминирующих литературных направлений начала XX века. Вспоминая имена законодателей русского декадентства и символизма, Иванов-Разумник отвечал Бему в письме 1943 г.: «Ремизова не считаю ни в тех, ни в сех, — он сам по себе»[28].

***

В общении Ремизова и Бема собственно модель коммуникации критик–писатель быстро потеряла актуальность; на ее месте со временем возникла другая, взаимопритягательная оппозиция, обнаруживавшая параллели и сближения. Научные интересы профессионального историка литературы имели прямые пересечения с толкованием произведений русской классики в творчестве Ремизова. Избегая взаимовлияний и встречных воздействий, каждый со своим инструментарием обращался к темам сновидений как литературной формы[29]. Так, Бем продолжал писать о преемственности Ремизова Достоевскому, настаивая на прочтении рассказа «Индустриальная подкова» как произведения, в котором переживание чувства вины заключает в себе очистительную, целительную для экзистенционального сознания русского эмигранта функцию. В свою статью «Проблема вины в художественном творчестве Достоевского» (1936) он внес упоминание о писателе, тем самым подчеркнув равнозначность научного и художественного осмысления природы человека:

> Почему я позволил себе это неожиданное отступление в сторону от темы о Достоевском? Потому, что я убежден, что Ремизов писал свой рассказ в непосредственной связи с проблемой вины у Достоевского. Рассказ Ремизова является для меня доказательством того, что в своем понимании сущности этой проблемы я не одинок[30].

Ремизов тем временем исходил из своей практики «внимательнейшего» чтения, тщательно прорабатывая труды ученых, подробно изучая историко-литературный контекст возникновения феномена

[28] Письма Р.В. Иванова-Разумника к А.М. Ремизову: (1908–1944 гг.). С. 150.

[29] Об отличиях в методологиях Бема и Ремизова см.: [15, с. 197–199].

[30] Цит по: *Бем А.Л.* Достоевский: Психоаналитические этюды. Берлин: Петрополис, 1938. С. 161.

Достоевского. Такова была его работа над очерком «Скверный анекдот: Потайная мысль Достоевского из каторжной памяти», приступая к которой, писатель просил известного парижского библиографа В.В. Бутчика в письме от 16 ноября 1944 г.:

> …спрашиваю о «Скверном Анекдоте» 1862 г., хотелось бы мне узнать историю этого рассказа. У Бэма <sic!> нет ничего. Нет ли в «Литер[атурном] наследстве» там, где о Достоевском. М. б. кто-нибудь писал специально? (я не встречал)[31].

Вторая книга парижского сборника «Встреча» (Изд-во Объединения русских писателей во Франции), в которой был впервые опубликован ремизовский очерк, вышла в ноябре 1945 г. А.Л. Бем — один из адресатов этого произведения — в это время уже считался пропавшим без вести, как многие из эмигрантов-соотечественников, погибших в послевоенные годы в застенках НКВД (см.: [13]).

***

Содержание четырех новонайденных писем в концентрированном виде выдвигает на первый план истории русского зарубежья отдельную группу эмигрантского интеллектуального сообщества, которая была Ремизову наиболее близка и подставляла для него максимально комфортную среду коммуникации. Тема «книжников», близких знакомых корреспондентов стала объединительным мотивом для писателя и его пражского корреспондента, так и не повстречавшихся друг с другом лично. В ремизовском понимании типаж «книжника» характеризуется потребностью во внимательном чтении, которая свойственна не только профессиональным специалистам, но и таким любителям из обывательской среды, литературным двойникам писателя как Корнетов и Куковников. Несомненно, к числу «книжников» Ремизов относил и самого А.Л. Бема, а также упомянутых в переписке историка литературы, интеллектуала Иванова-Разумника, лингвистов Бориса Унгбегауна и Макса Фасмера, профессиональных библиографов, коллекционеров-библиофилов Владимира Тукалевского, Артура Лютера и Александра Оцупа (Сергея Горного).

[31] Lettres d'Aleksej Remizov à Vladimir Butčik / publ. d'H. Sinany-MacLeod // Revue des études slaves. 1981. T. 53, fasc. 2. P. 304.

В Приложении к статье публикуются четыре письма Бема к Ремизову по автографам, хранящимся в фонде писателя (Центр Русской культуры Амхерст-Колледжа (США). Архив А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло (Amherst College Center for Russian Culture (USA). «Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers»; в тексте статьи и Приложения принято сокращение: Amherst). Тексты писем воспроизводятся в соответствии с современными правилами орфографии с сохранением некоторых особенностей авторского написания и пунктуации, подчеркнутые в письмах слова воспроизводятся курсивом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1.

Прага. 6 сент<ября> 1933

Многоуважаемый
Алексей Михайлович,

Посылаю Вам (бандеролью, отдельно от письма) несколько своих литературных фельетонов, появившихся в «Молве». Один из них, «Правда прошлого», в своей значительной части является откликом на Ваш рассказ «Наперекор»[1]. «Молва» вне Польши так мало распространяется, что вряд ли Вам мои «Письма о литературе»», которые являются прямым продолжением моих статей в покойном «Руле», попадаются в руки[2]. Все же хочется, чтобы Вы их прочитали. Надеюсь, что Вы на меня не рассердитесь за «юродство», кот<орое> я употребил в совершенно особом смысле: для меня это почти технический ист<орико>-литературный термин. Всюду, где происходит разрыв между настоящим, т. е. имеющим сказать что-то свое, писателем и публикой, происходит своеобразное заострение своей манеры, доходящее в известных случаях до литературного «юродства». Вижу, что мне точно не удалось Вам объяснить — и уж сердитесь — не сердитесь, и так, любя Вас как писателя, написалось[3]. Не знаю, останетесь ли Вы довольны и неожиданным соседством с Мариной Ивановной Цветаевой[4].

Вскоре выпускаю II-й выпуск сборника «О Достоевском»[5]. Печатание уже подходит к концу — и все же еще боюсь «сглазить». Нынче исчезли богатые меценаты, но зато появляется новый тип мецената, жертвующего не от изобилия, а от скудости.

Если бы не «маленький человек», скромный русский типограф, собственными руками своими набравший 12 печ<атных> листов

книги без всякой надежды на вознаграждение, книга эта никогда не появилась бы. В сборнике будет моя юбилейная речь о Достоевском («Д<остоевский> — гениальный читатель»), кот<орую> вышлю Вам как только получу оттиски[6]. Вашим отзывом очень дорожу.

Сегодня вспоминали Вас вместе с Вл<адимиром> Ник<иколаевичем> Тукалевским[7].

Остаюсь искренне преданным Вам,

А. Бем.

Бем, Альфред Людвигович
Ručkohva 597. Prague XIX
Tchécoslovaquie

Amherst. Series 1. Subseries 1. Box 7. Folder 2. В хронологии переписки корреспондентов письмо Бема является ответом на бандероль Ремизова (от 28 сентября 1931 г.) с книгой «Оля» (1927) [1, с. 376].

[1] *Бем А.* Правда прошлого (Молва. 1933. 20 августа. № 189). Рассказ Ремизова «Наперекор» (впервые: Последние новости. 1933. 16 июля. № 4498) относится к жизнеописанию Оли Ильменевой (прототип образа С.П. Ремизова-Довгелло), начатому в повести «В поле блакитном» (Берлин, 1922) и книге «Оля» (Париж: Вол, 1927); впоследствии включен в содержание романа «В розовом блеске» (1952).

[2] Цикл критических очерков под общим заголовком «Письма о литературе» начиная с 15 апреля 1931 г. печатался в берлинской газете «Руль», в которой А.Л. Бем принял заведывание литературно-критическим отделом, заменив на этом редакционном посту трагически погибшего в 1928 г. Ю.И. Айхенвальда. О печатной истории цикла и планах критика издать отдельной книгой «Письма о литературе» (1931–1939), публиковавшиеся после «Руля» (последний номер газеты вышел 14 октября 1931) в варшавских газетах «Молва» и «Меч», см. во вступит. ст. М. Бубениковой и Л. Вахаловской [3, с. 18–19].

[3] О позиции Бема см. в наст. ст., с. 74–75. В опубликованных ответных письмах Ремизова реакция на терминологию критика не отражена; см: [1, с. 341–399].

[4] Очерк «Правда прошлого» посвящен двум рассказам, опубликованным в одном номере «Последних новостей» за 16 июля 1933 г.: «Правда прошлого» А. Ремизова и «Башня в плюще» М. Цветаевой. Ср. характеристики из другой статьи критика: «… о Ремизове и Цветаевой. Как это ни странно — именно у них, наиболее эмиграцией отверженных, правда эмиграции нашла свое литературное воплощение. Каждой своей строчкой, каждым движением своей художественной мысли они свидетельствуют о том, что нет высшей ценности, чем человеческая личность, что нет большего греха, чем подавление этой личности, чем надругательство над человеческой свободой» [3, с. 169].

[5] Работы участников семинария по Достоевскому при Русском народном университете в Праге составили серию сб. статей под ред. А.Л. Бема «О Достоевском» (Т. I–III. Прага, 1929, 1933, 1936). Тексты воспроизведены в научн. изд.: О Достоевском. М.: Рус. путь, 2007.

[6] В примеч. к статье, помещенной во втором томе сборника «О Достоевском», Бем пояснял историю создания текста: «Юбилейная речь на торжественном собрании в Праге, 7 февр. 1932 г. <правильно: 1931>. В основу этой речи положен ряд моих специальных работ по вопросу о взаимоотношениях Достоевского с Грибоедовым, Пушкиным и Гоголем» (с. 7). Сборник вместе со статьей «Достоевский — гениальный читатель» Ремизов получил от автора 15 декабря 1933 г. (см. примеч. 9 к п. 2).

[7] Владимир Николаевич Тукалевский (1881–1936) — историк литературы и религиозно-общественных движений России; библиограф, коллекционер-библиофил; до революции член Совета Общества Толстовского музея, редактор журнала «Толстовский ежегодник». Изначально исследовательский интерес к наследию Толстого и сотрудничество с Толстовским музеем сблизили в 1912–1920 гг. Тукалевского и Бема, за эти годы ставшего редактором (совместно с В.И. Срезневским) сборника «Толстой. Памятники творчества и жизни» (Пг., 1917–1923) и составителем «Библиографического указателя творений Л.Н. Толстого» (Л., 1926, с дополнениями В.И. Срезневского). О вкладе в толстововедение Бема см. во вступ. статье Л. Ливака: [1, с. 344]. Сотрудничество Бема и Тукалевского (под руководством В.И. Срезневского) заочно началось в 1911 г., когда Бем, высланный из Петербурга за революционную деятельность, отбывал годовой тюремный срок в киевской тюрьме (подробнее см.: [11, с. 96–115]). Личное знакомство Ремизова с Тукалевским состоялось не позднее 1912 г. (см. его письма Ремизову петербургского периода: РНБ. Ф. 640. № 222), хотя именно Тукалевскому еще в 1907 г. принадлежал печатный отзыв на рассказ «Новый год», в то время редкий по восторженности оценок произведений начинающего писателя [11, с. 66–67]. Возможно, интерес Тукалевского к творчеству молодого Ремизова возник оттого, что в том же 1907 г. его супруга — актриса театра В.Ф. Комиссаржевской Надежда Николаевна Тукалевская стала исполнительницей одной из второстепенных, но отмеченных критикой ролей в постановке скандально известной пьесы «Бесовское действо» [11, с. 54–56]. Письма из американского архива писателя содержат реалии, приобщающие библиографа Тукалевского к его петербургскому литературному окружению, описанному в рассказе «Глаголица» (1911). Общие интересы Ремизова и Тукалевского в области древнерусской истории и палеографии сблизили обоих с ученым-медиевистом И.А. Шляпкиным. В 1910-е Тукалевский был для писателя консультантом по литературе об истории церкви и агиографии. Эта же направленность общения возобновилась в эмиграции. В Праге Тукалевский возглавил Библиотеку Земгора, в 1924 г. стал директором Русской библиотеки Министерства иностранных дел ЧСР, в 1928 г. переименованной в Славянскую библиотеку при Славянском институте в Праге. Вплоть до 1936 г. Тукалевский нередко отправлял в Париж необходимые Ремизову издания во временное пользование.

2.

Бем, Альфред Людвигович
Ručkohva 597. Prague XIX
Tchécoslovaquie

Прага 12 декабря 1933 г.

Дорогой и глубокоуважаемый
Алексей Михайлович,

Большое спасибо Вам за «Тургенева-сновидца» на французском языке[1]. Как досадно, что нельзя найти русского издателя! Для меня Ваша книжечка настоящий праздничный подарок[2]. Я в связи с юбилеем перечитывал вновь Тургенева, и Ваше понимание его мне очень близко. Здесь читал о Тургеневе П.Н. Милюков и сделал из него такого причесанного позитивиста и умницу, что от «сновидца» ничего не осталось[3]. Не помню, посылал ли Вам собственную статью о Тургеневе, напечатанную в «Молве»?[4]

Небольшую заметку о франц<узском> Тургеневе я поместил в «Чешском Слове». К сожалению только несколько строк, чтобы обратить на нее внимание[5]. Сегодня смотрел Вашу выставку «Рисунки русских писателей», устроенную Н.В. Зарецким, и был поражен количеством Ваших рисунков[6]. Особенно мне понравился Гоголь[7]. Собираюсь о выставке тоже в местной печати поминать[8]. Досадно, что у меня с нашими русскими газетами в Париже отношения не налажены. Писать без уверенности, что напечатают, нет никакой охоты.

Одновременно посылаю Вам II т. своего сборника «О Достоевском». Думаю, Вы оцените «Словарь личных имен», приложенный в конце[9]. Я его читаю, как книгу! Написал я довольно большую статью «о личных именах у Достоевского», кот<орая> печатается *по-русски* в Болгарии, в одном юбилейном Сборнике[10]. Надеюсь, что она появится в печати уже скоро.

То, что мне удалось в настоящее время сборник издать — это просто *чудо.* Если бы рассказать европейцу, как он издан, он не поверит. Тут меценатство самое трогательное — начиная с труда русского наборщика, кот<орый> пока удовлетворился оплатою бумаги и сторонней работы. А наша печать этой работы почти не замечает. Это еще в лучшем случае, а то Адамович еще и выругает, не понимая, по существу, в этом ничего[11].

Моя долголетняя работа над Достоевским прошла мимо русского читателя, п<отому> ч<то> никому до этого дела нет. Иногда досада разбирает, когда иностранцы, оказываются лучше осведомлены и более отзывчивы, чем свои. Ну, да бог с ними, жалобами дела не поправишь.

У нас здесь в русской колонии очень подавленное настроение. Настоящий мор на русских. Досадно, что умирают сравнительно еще молодые, как Евреинов, Жекулин[12]. Не проходит недели, чтобы кого-нибудь не хоронили. Живем мы здесь все очень скученно, поэтому каждая смерть отзывается на самочувствии. Собираюсь Вам послать снова несколько своих «Писем о литературе» из «Молвы». Примите их благосклонно.

Будьте здоровы и душевно бодры. Привет Вашей жене, о которой знаю еще по Петербургу, но лично не довелось встретиться[13].

Искренно Ваш А. Бем.

Amherst. Series 1. Subseries 1. Box 7. Folder 2. Продолжение переписки, последовавшей после письма Ремизова от 24 октября 1933 г. [1, с. 378]. На лицевой стороне письма сверху рукой Ремизова поставлена дата получения: *15 XII.*

[1] Речь идет о ремизовском исследовании поэтики сновидений, впервые опубликованном под заголовком «Тридцать снов Тургенева. 1818–1883» в журнале «Воля России» (1930. № 7/8. С. 580–622). В 1933 г. эссе под названием «Tourguéniev, poète du rêve» (в переводе Анриэтты Перно-Фельдман) появилось на страницах нового парижского журнала «Hippocrate», во главе которого встал один из апостолов французского сюрреализма Жильбер Лели (Gilbert Lély). Публикация сопровождалась двенадцатью рисунками автора к произведениям классика русской литературы. В том же году в издательстве «Hippocrate»» был отпечатан тираж отдельного издания: *Remizov A.* Tourguéniev, poète du rêve / Trad. H. Pernot-Feldmann. Paris: Hippocrate, 1933. В личном архиве Бема сохранилась вырезка с рецензией Ю. Мандельштама на французское издание ремизовского очерка: *Ю.М.* Тургенев–сновидец // Возрождение. 1934. 25 янв. № 3159. С. 4. См. ресурс: «Speciální sbírky Slovanské knihovny»: (file:///C:/Users/user/Downloads/Bem-DEF.pdf, (дата обращения: 14.11.2025)); датировка рецензии на сайте указана неверно. См. также воспроизведение рисунков писателя: *Ремизов А.* Огонь вещей: Сны и предсонье / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е.Р. Обатниной; худож. оформление: Н.А. Теплов. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. Илл. [LVIII–LXIV].

[2] Подразумевается 100-летний юбилей со дня смерти И.С. Тургенева.

[3] Очевидно, содержание пражской лекции известного общественного деятеля нашло отражение в двух юбилейных статьях: *Милюков П.Н.* Русский европеец // Последние новости. 1933. 3 сент. № 4547. С. 2, в разделе «50-летие смерти И.С. Тургенева: 1883 — 22 августа (3 сентября) — 1933»; 2) *Милюков П.* И.С. Тургенев (1818–1883) // Современные записки. 1934. Кн. 54. С. 257–280. См. также [34, s. 85 (n. 505)].

[4] Речь идет о юбилейной статье*: Бем А.* Мысли о Тургеневе (3 сентября н. ст. 1833–1933 гг. // Молва. 1933. 3 сент. № 201, см. также: [3, с. 123–127].

[5] Газета «České slovo». Подразумевалось одно из изданий, подготовленных известным историком литературы Андрэ Мазоном: *Tourguéniev I.S.* Nouveaux poémes en prose. Texte russe publie par André Mazon / Trad. de Charles Solomon. [Paris]: Edition de la Pleiade, 1930; Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits par André Mazon. Paris: Champion, 1930. В библиографии Бема [34] упомянутая в письме заметка не зарегистрирована.

[6] 2 декабря 1933 г. в Народном музее Праги открылась выставка «Рисунки русских писателей» (см.: Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice / pod red. L. Běloševské. D. 2: 1930–1939. = Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике / под общей ред. Л. Белошевской: в 2 т. Praha: Slovanský. ústav AV ČR, 2001. Т. 2. С. 229), организованная художником, коллекционером. страстным пропагандистом русской культуры Николаем Васильевичем Зарецким (1876–1959). Экспозиция демонстрировала идею единства литературного творчества и рисования на примерах автографических раритетов в диапазоне от русского классицизма (М.В. Ломоносов), поэтов золотого века русской литературы до современных писателей-эмигрантов. Здесь были представлены печатные уникумы с репродукциями графических зарисовок и акварелей русских классиков, а также подлинные автографы. Персональный раздел посвящался графическому искусству Ремизова (общим количеством 851 лл.). В процессе подготовки этой культурной акции Ремизов прислал в Прагу не только множество своих альбомов [23, с. 269–270], но и собранные среди поэтов и писателей эмиграции образцы их любительских рисунков. Впоследствии в графической обработке Ремизова был создан альбом (1934), который в настоящее время представлен на сайте: «Наследие А.М. Ремизова в литературном процессе XX–XXI вв. / авт.-сост. Е.Е. Вахненко, Е.Р. Обатнина» (ttps://pushkinskijdom.ru/remizov/content/arhiv/2021/tetradsris.pdf). См. также о выставке очерк Ремизова, опубликованный в «Последних новостях» под псевдонимом Василий Куковников 30 декабря 1933 г. [28, т. 14, с. 198–199]. Подробная роспись экспозиции, в том числе ее части, посвященной графике Ремизова, содержится в рукописном каталоге выставки, составленном Зарецким (сохранился в фонде художника: Бахметевский архив. USA).

[7] Подразумевается тематический подраздел экспозиции, отведенной под графику Ремизова, — «Рисунки к произведениям Н.В. Гоголя», в котором было представлено 52 листа графических интерпретаций писателя. Шесть рисунков из этой серии, впоследствии хранившиеся в коллекции И.М. Лемперта (Париж), впервые опубликованы в изд. книги «Огонь вещей» 2005 г. (см. выше примеч. 1, илл. [I–VI]).

[8] Свое обещание Бем выполнил, разместив в популярном иллюстрированном еженедельнике «Pestrý týden» (Прага, 1926–1945) статью с обзором выставки «Рисунки русских писателей». Отмечая размах ремизовской части экспозиции, критик уделил особое внимание своеобразию рисунков писателя, в эстетике которых, по его мнению, отразились традиции древнерусской книжности, сохранившейся в иллюминированных рукописях (*Bém A., Dr.* Kresby spisovatelů (K «Výstavě kreseb ruských spisovatelů» v Národním museu) // Pestrý týden. 1933. Č. 55. Prosinec 30, S. 20). Благодарим за перевод статьи Анне Хульч и Ф.Б. Полякова. В ремизовской галерее было представлено немало и портретов современников. Статья сопровождалась репродукцией рисунка Ремизова с портретом издателя журнала «Жар-Птица» А.Э. Когана.

[9] См. п. 1, примеч. 5, 6. Второй том сборника завершался приложением с самостоятельной пагинацией (Словарь личных имен у Достоевского. Ч. I: Художественные произведения / сост. А.Л. Бем, С.В. Завадский, Р.В. Плетнев и Д.И. Чижевский; под общ. ред. А.Л. Бема. С. I–VIII, 1–89). О получении книги Ремизовым см.: [1, с. 378].

[10] *Бем А.Л.* Личные имена у Достоевского // Сборникъ въ честь на проф. П. Милетичъ за седемдесетгодишнината отъ рождението му (1863–1933). София, 1933. С. 409–434. Статья с дарительной надписью Бема сохранилась в парижской личной библиотеке Ремизова. В настоящее время: Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля (ГЛМ). Ф. 156. Оп. 2. № 962.

[11] Подразумевается позиция признанного в парижской эмигрантской печати критика Г.В. Адамовича. Положение литературного обозревателя самой читаемой в русском зарубежье газете «Последние новости» обеспечило Адамовичу негласную «монополию» на создание некой иерархической системы оценок современной литературы [3, с. 39]. Практически по всем вопросам литературной жизни и, особенно в оценках русской классики, Бем выступал на страницах эмигрантской периодики как постоянный оппонент Адамовича, считая высказывания парижского «корифея» о Пушкине и Достоевском некомпетентными как с точки зрения объективной истории литературы, так и с точки зрения влияния Адамовича на современную пишущую молодежь. См. аннотированные публикации двух критиков и научную рецепцию их полемики в библиографическом своде: Георгий Адамович: Библиографический указатель работ о жизни и творчестве (1916–2010) / сост. и предисл. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына [2012]. М.: ДРЗ, 2012. С. 479–586. Впоследствии оценка Адамовича литературной значимости Достоевского подверглась ревизии в статьях литераторов, принадлежавших как к кругу А.Л. Бема, так и Адамовича: *Иваск Ю.* Письмо о литературе // Новое русское слово. 1954. 21 марта. № 15303. С. 8; *Оцуп Н.* Писатель для взрослых // Русская мысль. 1957. 9 апр. № 1040. С. 4–5. В 1930-е Ремизов разделял точку зрения Бема, солидарность с критиком он выразил в художественной форме на страницах журнала «Числа». Подробнее см.: [21; 22].

[12] Речь идет о двух известных в пражской диаспоре родственниках, скончавшихся буквально один за другим. Борис Алексеевич Евреинов (1888–1933, 29 октября), поэт, прозаик, историк, юрист. Подробнее о его литературном творчестве см. в статье Бема «Б.А. Евреинов — писатель» (Молва. 1934. 21 января; [3, с. 161–166]; см. также: [5; 12, с. 679–680 (словарная статья П.А. Трибунского)]. Сергей Николаевич Жекулин (1892–1933, 30 ноября), юрист, экономист; брат жены Б.А. Евреинова — Н.С. Евреиновой (урожд. Жекулиной). См. о нем в словарной статье М.М. Горинова-мл. и М.Ю. Сорокиной [12, с. 681].

[13] Вероятнее всего, имя жены Ремизова упоминалось в кругу учеников И.А. Шляпкина, с которым Бем познакомился в студенческие годы на курсе профессора по древнерусской литературе в Петербургском университете и до эмиграции поддерживал постоянные контакты. В частности, сохранились письма Бема Шляпкину 1916–1917 гг. (ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 1. № 785). С.П. Ремизова-Довгелло вошла в число учеников известного медиевиста во время обучения (как вольнослушательница, а затем и студентка) в Императорском Археологическом институте (1909–1912). Подробнее о контактах Ремизовых и Шляпкина см. в коммент.: [28, т. 17, с. 504–505]. Ср. письмо Бема, написанное в поддержку овдовевшего Ремизова (С.П. Ремизова-Довгелло после продолжительной болезни скончалась 13 мая 1943 г.): [1, с. 381].

3.

12 июня 1937
Прага

Глубокоуважаемый и дорогой
Алексей Михайлович,

Получил через В.Ф. Булгакова[1] exlibris Вашей работы и был тронут Вашим вниманием и тем, что значит не только помните, но и «рисуночно» ощущаете — без этого ничего бы не получилось. Я в Вашей работе, кажется, улавливаю именно это Ваше истолкование меня в линиях рисунка[2].

Сейчас ничем не могу отблагодарить Вас — кажется все свои работы, кроме Пушкина, уже Вам выслал[3]. Книжечки «О Пушкине» сейчас дома нет[4]. Если у Вас ее еще нет, то, вероятно, еще будет возврат из магазина, тогда смогу выслать. Но в ней собственно только одна статья о «болдинской осени» мне самому близка, остальные ничего из себя не представляют[5].

Моей работе «Проблема вины у Достоевского» (где я пишу о «Корнетове»)[6] неожиданно повезло: кроме немецкого перевода, появился недавно и фламандский перевод в журн<але> «Dietsche Warande on Belfort» (Antwerpen). К. <sic!> 37. NN 2 и 3[7].

Спасибо Вам за Вашу статью о «Снах у Пушкина», хотелось бы к ней видеть рисунки[8]. В ближайшее время появится на ту же тему статья здешнего врача-психиатра, ученика Н.Е. Осипова[9], д-ра Досужкова. Я его познакомил с Вашей статьей, и он на нее сошлется[10].

<На полях слева>: Я написал в «Меч» о Замятине, прислали ли Вам этот номер?[11]

<На полях справа>: Если Вы писали о Пушкине на иностранных языках, пришлите список; я составлю библиографию русских авторов, писавших о Пушкине вне СССР за время 1917–1937 гг. Русские статьи легче учесть при просмотре журналов и газет[12].

У нас в последнее время гастролируют парижане — были И.С. Шмелев[13] и Ант. Ладинский[14], 18-го читает Сирин[15]. Я поду-

мал — почему бы Вам не приехать к нам в будущем году?[16] Думаю, это осуществимо, надо только списаться с председателем Союза писателей С.И. Варшавским[17].

Не делился я еще с Вами впечатлениями от неожиданной смерти В.Н. Тукалевского[18]. Все случилось так внезапно и в такой обстановке, что я даже не знал о дне и месте похорон. Я, ведь, Вл<адимира> Н<иколаевича> знаю еще по Петербургу[19] и здесь с ним довольно часто встречался. Он меня огорчил своими шатаниями и оппортунизмом[20], но я все же *не допускаю мысли*, чтобы он был связан с гестапо. Думаю, что его — как и многих — погубила мечта о возвращении в Россию. На этом и поскользнулся — доверившись случайному лицу, которое оказалось замешанным в троцкистских делах. Как здесь кто-то остроумно сказал: «не в тот вагон сел». Он искупил много свалившейся на него катастрофой — жизнь его после моск<овского> процесса была мучительна, а внезапная смерть в обстановке полного отчуждения — ужасна![21] Я с ним как-то случайно встретился в вагоне, и он весь вздрогнул от неожиданности, когда я подсел к нему и заговорил о его деле.

Н.В. Зарецкий очень бедует, но трогателен своей беспомощностью и внезапной обидчивостью[22].

Дошла ли до Вас моя книга «У истоков творчества Достоевского?» Там кое-что должно Вас заинтересовать[23]. Книжечку «“Фауст” у Достоевского» тоже послал Вам[24]. «Посл<едние> нов<ости>» не сочли нужным даже отметить в числе «полученных для отзыва». Ну, Вам-то на месте литературные нравы достаточно известны[25]. Еще раз — спасибо Вам за дружеское внимание. Привет Вашей супруге.

Искренне преданный Вам,
А. Бем.

Amherst. Series 1. Subseries 1. Box 7. Folder 7. В хронологии переписки последнее письмо 1930-х, за которым последовала пауза, прерванная в конце мая 1941 г. См.: [3, с. 379].

[1] Валентин Федорович Булгаков (1886–1966), последний секретарь Л.Н. Толстого, в 1924–1926 гг. председатель Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии; основатель и руководитель Русского культурно-исторического музея в Збраславе; мемуарист. Во второй декаде мая 1937 г. приезжал в Париж с лекцией о Толстом, бывал у Ремизова, с которым познакомился в августе 1924 г. в Праге, тогда же был возведен в «кавалеры обезьяньего знака» и удостоен грамоты (РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 1380. Л. 50; опубл. в разделе «Коллекция»: [23]); см. также упоминания о встрече: Письма А.М. Ремизова к Д.А. Лутохину: (1923–1925) / публ. и коммент. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 год. СПб.: Дм. Буланин, 2009. С. 950–951.

[2] Графический рисунок, имитирующий гравюру с надписью «EXLIBRIS / А. ВЕ́М». В правом нижнем углу значок авторизации: глаголическая литера, со-

ответствующая кириллической «Червь». Рисунок хранится в «Книге посещений А.Л. Бема» («Navstěvní kniha») в Литературном архиве Музея национальной письменности в Праге (Literární archív Památníku národního písemnictví v Praze (LA PNP)). Из пражских корреспондентов Ремизова персонального экслибриса удостоился также Н.В. Зарецкий (хранится в фонде художника: LA PNP). В Париже обладателем экслибриса стал художник Ф.С. Рожанковский; см. воспроизведение в статье: [29].

[3] В парижском архиве Ремизова сохранились три оттиска статей Бема с лапидарными дарственными надписями: «Эволюция образа Ставрогина (к спору об “Исповеди Ставрогина”)» (впервые опубл.: Труды I Съезда Русских Академических Организаций за границей». София, 1931. С. 177–213. — ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 961; датировка инскрипта Бема: 19 октября 1931); «Личные имена у Достоевского» (см. п. 2, примеч. 10 — ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 962; датировка инскрипта Бема: 26 марта 1933); «Судьба двух поэтов (Блок и Гумилев)» (первая публ.: Меч. 1936. № 28–31. — ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 963; датировка инскрипта Бема: 8 июня 1936). Библиографические сведения приведены по изданию: [34].

[4] *Бем А.Л.* О Пушкине. Ужгород: Письмена, 1937.

[5] Здесь Бем подразумевает мнение Адамовича, высказанное в рецензии на сборник. Парижский критик, целясь ударить по самолюбию автора, писал по поводу новой книги: «Эмигрантская “пушкиниана” по сравнению с советской столь скудная, обогатилась к юбилейным дням сборником статей А. Бема “О Пушкине” <…>. Сборник полезен, добросовестен, обстоятелен. Однако некоторые личные особенности А. Бема, как исследователя и критика, дают себя знать — и порой вызывают досаду» (*Адамович Г.* Литературные заметки: Б. Эйхенбаум «Пушкин и Толстой», А.Л. Бем «О Пушкине», статьи // Последние новости. 1937. 4 марта, № 5823. С. 2–3). Далее, причисляя Бема-ученого к школе М.О. Гершензона, Адамович, в свойственной ему манере издевательского по смыслу и изощренного по конструкции высказывания, утверждал: «Собственные мысли Бема принадлежат к разряду соображений весьма почтенных и обоснованных, — однако, менее всего оригинальных или творческих». В качестве ответа критику Бем через несколько недель опубликовал в варшавском «Мече» (1937. 21 марта. № 11) пародию, в которой буквально скопированный стиль и критический метод парижского оппонента был обращен против него самого [3, с. 286–287].

[6] Речь идет о статье, впервые опубликованной под названием «Проблема вины» в сборнике «Жизнь и смерть» (Прага, 1936. Т. II. С. 3–25). Отдельным оттиском исследование было отпечатано под названием «Проблема вины в художественном творчестве Достоевского» в 1936 г (Прага), а затем включено в сборник: *Бем А.Л.* Достоевский: Психоаналитические этюды. Берлин: Петрополис, 1938 (то же: Прага: Петрополис, 1938). В статье Бем использовал свою рецензию 1931 г. на рассказ Ремизова «Индустриальная подкова» [3, с. 76–82], сопоставляя тему и авторское раскрытие образа главного героя А.А. Корнетова с нравственно-этической проблематикой Достоевского.

[7] Библиографию переводов своей статьи «Проблема вины» Бем привел в примеч. к републикации статьи в сб. «Достоевский. Психоаналитические этюды» (Берлин: Петрополис, 1938. С. 142).

[8] Очерк Ремизова «“Морозная тьма”. Сны Пушкина» (впервые: Новая Россия (Париж, ред.-изд. А.Ф. Керенский). 1937. 7 февр. № 21) был написан к торжествам, намеченным в Париже в связи со 100-летним юбилеем со дня смерти поэта. Впоследствии этот текст вошел в книгу Ремизова «Огонь вещей: Сны и предсонье. Гоголь. Пушкин. Лермонтов. Тургенев. Достоевский» (Париж: Оплешник, 1954). Работа писателя над очерком, содержащим интерпретацию сновидений в произведениях Пушкина, сопровождалась рисованием. Ср. письмо Е.А. Ляцкому от 21 января 1937 г.: «Всякий вечер вслух читал Пушкина... <...> Сейчас рисую сны Пушкина, сделаю альбом, как Тургеневский» (LA PNP, фонд Е.А. Ляцкого). Через год очерк был напечатан на французском языке под названием «Pouchkine (1799–1837): Six rêves»

в сопровождении двух рисунков Ремизова: «Сон Григория» («Борис Годунов») и «Сон Марии Гавриловны» («Метель») в журнале «Cahiers G.L.M» (1938. Mars. № 7. P. 33–39), выходившем под редакцией вождя французского сюрреализма А. Бретона. Подробнее см.: [15, с. 175–177]. Рисунки к произведениям Пушкина также воспроизведены в изд.: *Ремизов А.* Огонь вещей: Сны и предсонье. Илл. [LVI–LVII].

[9] Николай Евграфович Осипов (1877–1934), психиатр, невролог; представитель пражской школы психоанализа русской эмиграции; автор монографии «Tolstojs Kindheitserinnerungen: Ein Beitrag zu Freuds Libidotheorie» (Wien, 1923), а также других исследовательских работ, посвященных проявлениям неврозов творческой личности и в художественной прозе русских писателей-классиков. См. о его методе в сравнении с ремизовской онейрической эссеистикой [15, с. 194–196].

[10] Федор Николаевич Досужков (1899–1982), врач, сотрудник клиники нервных болезней Карлова университета, поэт, публицист; был восприемником темы сновидений, исследуемой на базе теории З. Фрейда. Уже в июньском номере журнала «Русский врач в ЧСР», выпущенном ко «Дню русской культуры» в Праге, появилась статья Досужкова «Психологические замечания по поводу сновидения Адриана Прохорова из повести А.С. Пушкина “Гробовщик”» (1937. № 6. С. 160–168), в которой автор обратил внимание на мотив исполненного желания героя и в примечании (с. 164) упомянул сходные наблюдения Ремизова в его очерке «Морозная тьма. Сны Пушкина». Благодарим за уточнение по источнику Анне Хульч (Anne Hultsch).

[11] Отклик на смерть Е.И. Замятина, скончавшегося в Париже 10 марта 1937 г., — «О Евг. Замятине» (впервые: Меч. 1937. 4 июля), см. также: [3, с. 291–294].

[12] Материалы собранной Бемом библиографии переводов литературы о Пушкине остались неопубликованными; см.: [34]. Гипотетически в эти списки должны были войти две ремизовских публикации на сербохорватском и французском языках: Пушкин / прев. С. Јањић // Руски архив. 1937. № 40/42. С. 5–11 (1. «Дар Пушкина»; 2. «Сны Пушкина»); Le Don de Pouchkine // Hippocrate. 1937. № 7. P. 435–436 («Дар Пушкина», без указания переводчика).

[13] Подразумеваются публичные выступления И.С. Шмелева 13–15 мая 1937 г., приехавшего в Прагу по приглашению оргкомитета «Дня русской культуры», приуроченного к 100-летию смерти А.С. Пушкина. В письме своему постоянному корреспонденту писатель изложил идею предстоящей «пушкинской» речи, намеченной на 13 мая. См.: *Ильин И.*А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935–1946) / сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы; расшифровка и текстол. подгот. писем И.С. Шмелева — О.В. Лисицы. М.: Русская книга, 2000. С. 174. Подробное описание «пражского триумфа» Шмелева, включая выступления с авторским чтением, сохранилось в его письме от 20 мая тому же адресату (Там же. С. 193–196).

[14] Поездка поэта и писателя Антонина Петровича Ладинского (1895–1961) в Прагу (конец мая — июнь 1937 г.) в качестве специального корреспондента парижской газеты «Последние новости» была связана, главным образом, с планами побывать в регионе Чехословакии «Подкарпатская Русь». Впечатления о встречах с пражскими литераторами и участниками поэтического объединения «Скит» Ладинский оставил в дневниковых записях. См.: *Ладинский А.П.* Дневник 1932–1939 годов. Моя жизнь в Германии. Парижские воспоминания / сост., вступ. ст. О.А. Коростелева, коммент. О.А. Коростелева, А.И. Серкова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 229–230. Путевые заметки о культурной жизни чехословацкой столицы были опубликованы уже 12 июня в очерке Ладинского «Летнее путешествие: Поклон Праге» (Последние новости. 1937. № 5922. С. 2).

[15] Литературный вечер В.В. Набокова с чтением избранных и еще неопубликованных произведений состоялся в Союзе русских писателей и журналистов (Прага) 18 июня 1937 г. См.: Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice / pod red. L. Běloševské. D. 2: 1930–1939. S. 431.

[16] Неизвестно, какими принципами отбора участников «Дня русской культуры» 1937 г. руководствовался пражский комитет; приглашение Ремизова и гонорар

за выступление отчасти могли поправить ситуацию, о которой писатель упоминал в письмах в Прагу в связи с редкой возможностью публиковаться в повременной печати и издавать книги [1, с. 377–378]. А.Л. Бем имел непосредственное отношение к организации этого ежегодного мероприятия. Ремизов принимал активное участие в программе февральских пушкинских торжеств 1937 г., проходивших в Париже. Так, он опубликовал в юбилейном номере «Последних новостей» очерк «Дар Пушкина» (1937. 10 февраля. № 5801. С. 1). Тогда же появился в печати и его очерк «Морозная тьма» (см. примеч. 8). Однако рассказ «Шиш еловый» (1933) обозначил нетерпимость писателя к шаблонам официального юбилейного дискурса. См. также созданный в промежуток между пушкинскими юбилеями артефакт, в котором прослеживается рефлексия писателя на тему парадоксов культа: [20]. Для минимизации списка приглашенных парижан на «День русской культуры» в Праге существовали также и политические причины. Еще годом ранее возникли неожиданные препятствия со стороны просоветской пражской официальной печати, в результате которых ранее широко отмечаемый праздник, ассоциированный с днем рождения Пушкина, был ограничен в размахе и средствах. Подробнее см: [9]. 1938 год уже прошел в иных исторических реалиях.

[17] Сергей Иванович Варшавский (1879–1945, исправительно-трудовой лагерь, Караганда), юрист, журналист; отец писателя Владимира Варшавского; с 1923 г. жил в Праге; активный участник общественной жизни русской диаспоры, председатель Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии (1934–1940). Подробнее о нем см. в послесловии М.А. Васильевой в: *Варшавский В.С.* Ожидание: проза, эссе, литературная критика. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Книжница, 2016. С. 541–548.

[18] В.Н. Тукалевский скоропостижно скончался от онкологического заболевания 13 декабря 1936 г.

[19] Бем в петербургский период его биографии был связан с В.Н. Тукалевским исследовательскими интересами к творческому наследию Л.Н. Толстого. См. примеч. 7 к п. 1.

[20] Идеологические и тактические разногласия двух соратников по пражской платформе «Крестьянская Россия» обозначились еще на ранних этапах деятельности этой организации. Однако более всего Бем осуждал возвращенческие настроения Тукалевского, питавшего в предвоенные годы иллюзии по поводу культурных взаимодействий СССР и Чехословакии. Обширный материал к теме представлен в главах монографии и переписке двух пражан: [11].

[21] Речь идет о так называемом «первом московском процессе», на котором показательному разоблачению подверглись бывшие партийные руководители из числа троцкистской оппозиции. Материалы к делу об «Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» собирались в Москве с января по август 1936 г. В ходе расследования по показаниям одного из арестованных была выявлена причастность Тукалевского к организации террористической акции против Сталина, подготовленной германской тайной полицией (гестапо), уже в 1933 г. приступившей к укреплению контроля над странами Европы, в скором времени оккупированными вермахтом. Фальсифицированные обвинения за отсутствием доказательной базы по делу были сняты только в 1988 г. (см.: [11, с. 653–686]). Ср. также краткие комментарии Ремизова к упоминанию о вдове Тукалевского в дневнике С.П. Ремизовой-Довгелло 1937 г.: «… <Н.Н.> Тукалевская изображала в “Бесовском действе” Ангела, существо кроткое. Вл<адимир> Никол<аевич> Тукалевский книжник, тогда он помер в Праге. Бог знает, в чем его обвиняли. А. Р.» [28, т. 18, с. 133]. См. также примеч. 7 к п. 1.

[22] Ремизов, лично познакомившийся с Зарецким в 1922 г. в Берлине и с тех пор состоявший с художником в интенсивной переписке, хорошо знал обстоятельства жизни своего старого друга. Накануне 1937 г. писатель и его жена получили новогоднее поздравление из Праги, в котором обычно полный энтузиазма и творческих планов корреспондент объяснял затянувшееся молчание: «Давно

не писал вам попросту оттого, что нет денег купить марку. Давно не было так трудно, как сейчас. Заказов нет, моя собственная работа лежит, т. к. нет возможности купить материал. Эта невольная бездейственность очень мучительна, т. к. я уверен, что умри я сейчас, все мои накопленные материалы пропадут, а хотелось бы оставить все в порядке» (Amherst. Series 1. Subseries 1. Box 2. Folder 8). См. также о Зарецком: [24].

[23] Речь идет о третьем в серии пражских сборников «О Достоевском», выпущенных под редакцией Бема (Т. 1. 1929; Т. 2. 1933). Последний сборник был составлен исключительно из исследовательских работ Бема и получил название «У истоков творчества Достоевского: Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Толстой и Достоевский» (Т. 3. Прага: Петрополис, 1936). Очевидно, что Бем подразумевал интерес Ремизова к гоголевской традиции в творчестве Достоевского.

[24] Отдельный оттиск публикации: *Бем А.Л.* «Фауст» в творчестве Достоевского // Русский свободный университет в Праге. Praha, 1937. 33 с. (Записки Научно-исследовательского объединения. Т. V. № 29. С. 109–141). В парижской библиотеке Ремизова (в наст. время частично передана в ГЛМ) оттиск не выявлен.

[25] Действительно, Ремизов не раз в переписке с друзьями и даже открыто, обращаясь непосредственно к редакторам известных изданий, заявлял о «замалчивании» его книг в списках новинок литературы на страницах парижской эмигранткой периодики. Ср. письмо Ремизова Сосинскому, написанное 21 февраля 1928 г., в котором писатель объяснял мотивацию своих претензий к редакциям эмигрантской периодической печати (в частности, редактору «Воли России» М.Л. Слониму): «Дорогой Бронислав Брониславович, передайте Марку Львовичу: неужели среди сотрудников В<оли> Р<оссии> он не нашел, кто бы дал отзыв в отделе “Отзывы о книгах” о “Взвихр<енной> Руси” и об “Оле” — кратчайший, как это сделал С<вятополк>-Мирский в “Верстах”, и тем зарегистрировал книгу, а мне дал возможность послать издателям. Два органа постеснялись откликнуться: “Дни” и “Воля России”» (РГАЛИ. Ф. 2505. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 10). Продолжая эту тему в связи с намерениями Слонима привлечь писателя в качестве «ближайшего» сотрудника редактируемого им журнала, Ремизов напоминал тому же корреспонденту о «байкоте» его книг и добавил: “Это же просто НЕДОПУСТИМОЕ отношение к русской литературе — <писателями. — *зчркн.*> нельзя так швыряться! (от “Возрождения” я и не ждал, от “Дней” — сначала ждал, а потом вижу какая-то всеобщая паника и “независимость”. Вот это Вы передайте М<арку> Л<ьвовичу>. Во второй раз я не напишу ни “Оли” ни “Вз<вихренной> Рус<и>”» (Там же. Л. 12). Однако за выбором рекламируемой литературы всегда стояла политика редакций, руководствующихся часто исключительно коммерческими интересами или вкусовыми предпочтениями заведующих литературных отделов. Показательный пример такого отношения Ремизов и Бем испытали в своих взаимоотношениях с редакцией «Современных записок». Подробнее см.: «Ведь и вправду: мое литературное бытие — курам на смех»: А.М. Ремизов / публ., вступит. статья и примеч. А.А. Данилевского и С.Н. Доценко // «Современные записки» (Париж, 1920—1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое лит. обозрение, 2014. Т. 4. С. 433–524, [32].

4.

31. III 1944. <Прага>.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Михайлович,

Поздравляю Вас с вчерашним Днем Ангела, если Алексий человек Божий Ваш святой[1]. Вы ведь не знаете, что я Ваш тёзка, так как при переходе в православие принял имя Алексея. Мало кому об этом говорю — дело мое личное, внутреннее, но Вам — со́имениннику —

хотелось сказать[2]. — От Арт<ура> Лютера было недавно письмо; он благополучен, но библиотека его пострадала[3]. Серг<ей> Горный потерял все — от квартиры ничего не осталось; у него было хорошее собрание автографов[4].

Проф. Фасмер[5] (берлинский ставший) тоже потерял свою библиотеку; особенно горюет о русских книгах[6].

Было недавно большое письмо от Ф.А. Степуна[7]; он кончает книгу воспоминаний[8]. Разумник Васильевич из деревни, где ему оставаться невозможно, должен был переехать к знакомым, в Германию; м<ожет> б<ыть> попадет в Прагу[9]. Написал жуткую книгу о «писательских судьбах» в России[10]. Адрес Унбегауна сообщите, как только узнаете[11].

Дружески Ваш А. Бем.

Amherst. Series 1. Subseries 1. Box 8. Folder 6. Почтовая карточка является ответом на письмо Бема от 28 февраля 1944 г. См.: [1, с. 386]. В начале текста рукой Ремизова поставлена дата получения: *25 IV.* Текст письма несет на себе след официальной перлюстрации — перечеркнут голубой чернильной полосой.

[1] День памяти преподобного Алексия Человека Божия празднуется православной церковью 30 (17) марта. Ремизов, намечая символические связи своего личного имени с вневременными культурными кодами, в равной степени ценными как для русской, так и для европейской традиции, в неопубликованной при его жизни автобиографии 1923 г. писал: «Назвали меня Алексеем — именем Алексея Божия человека — странника римского. И вот нечаянно-негаданно судьба дала мне в руки посох и в ранней молодости странствие по свету выпало мне на долю» (цит. по: *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин, 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском ин-те. Paris: YMCA-Press, [1983]. С. 176). Однако собственные именины писатель отмечал в день памяти Святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси. В письме к своему новому послевоенному корреспонденту он, очевидно, отвечая на вопрос о небесном покровителе, не без иронии пояснял: «Все московские чтят Алексея Божьего человека, — а именины празднуют на Алексея, митрополита московского 5 октября» (цит. по: Ремизов и Голландия: Переписка с Б.Н. Рапчинским: (1947–1957) / сост. Т.В. Цивьян; публ. и коммент. Я.В. Эйтен-Коопманс. М.: Наука, 2004. С. 56).

[2] Крещеный по обряду римско-католической церкви (Киев, 1886), Бем совершил переход в православное вероисповедание 12 ноября 1937 г., приняв имя Алексея. Обоснование выбора имени см. в статье: [10].

[3] В письме Бему от 28 февраля 1944 г. Ремизов спрашивал: «Жив ли Лютер Ар.О. <sic! — ошибка набора. — *Е.О.*>. Слышал, много погибло из книжной казны» [1, с. 386]. В оригинале письма второй инициал написан буквой старорусского алфавита «фита» (LA PNR, фонд А.Л. Бема). См. примеч. публикатора: «личность не установлена» [1, с. 386, 399]. Артур Федорович Лютер (*нем.* Arthur Luther; 1876–1955) происходил из российских этнических немцев; выпускник Московского университета, библиограф, критик, переводчик (в частности, произведений Ремизова на нем. яз.); историк русской литературы, знакомый с обширным кругом известных представителей русской литературной эмиграции. В его первом письме, адресованном на берлинский адрес Ремизова, читаем: «Великому магистру Обезьяньего ордена Алексею Михайловичу Ремизову русский немчин Артур Федоров сын Лютер, проживающий ныне в саксонском граде Липске (Лейпциг тож),

но родившийся в российском богоспасаемом граде Орле — в нем же родились Тургенев, Иван Сергеевич, Лесков, Николай Васильевич <sic!>, Федотова, Лукерья Николаевна <правильно: Гликерия Николаевна; актриса>, и Андреев, Леонид Николаевич — и там же, да в Первопрестольной Москве все науки прошедший, челом бьет» (Amherst. Series 1. Subseries 1. Box 3. Folder 4; п. от 25 марта 1923). См. также библиографию исследовательской литературы, касающейся творческой деятельности Лютера, и дополнения к его биографии в статье: [26].

[4] Александр Авдеевич Оцуп (лит. псевд. Сергей Горный; 1882–1949), поэт-сатириконовец, прозаик, старший брат поэтов Николая Оцупа и Георгия Оцупа (псевд. Г. Раевский); с 1924 по конец 1944 г. жил в Берлине, после попадания в дом бомбы и под угрозой ареста смог выехать с семьей на безопасную территорию в Гослар (Нижняя Саксония). Биографию А.А. Оцупа см.: [30]. В письмах Горного 1930-х обнаруживается отзвук его библиофильской страсти, см.: Вести из провинции: Письма Сергея Горного Александру Амфитеатрову // Русская культура XX века на родине и в эмиграции. Имена, проблемы, факты. М.: МГУ, 2000. Вып. 1. С. 214.

[5] Макс Фасмер, (*нем.* Max Julius Friedrich Vasmer; *рус.* Максимилиан Романович (Рихардович); 1886–1962), выходец из семьи петербургских немцев; представитель русской лингвистической школы, славист, балканист, лексикограф. ученик И.А. Бодуэна де Кортунэ и А.А. Шахматова. Петербургские пересечения Бема с Фасмером связаны с научными контактами в круге названных ученых, а также с подготовкой библиографического указателя «Обозрение трудов по славяноведению», выходившего в 1911–1914 гг. под редакцией В.Н. Бенешевича под грифом Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. В 1921 г. Фасмер получил место профессора историко-филологического отделения философского факультета Лейпцигского университета. В 1925 г., как и Бем, был выбран ординарным профессором по славянской филологии в Славянском институте Берлинского университета им. Фридриха-Вильгельма (Slavische Institut an der Friedrich-Wilhelms Universität). В 1928 г. был избран чл.-корр. АН СССР; в СССР в 1934 г. его младший брат, нумизмат, востоковед Рихард-Вильгельм-Георгий Рихардович (Роман Романович) Фасмер (1888–1938, особый лагерь трудового перевоспитания № 19 УМВД Узбекской ССР) был репрессирован «за связи с заграницей». Подробнее см.: *Валиев М.Т.* Макс и Рихард Фасмеры — время и судьбы // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.): биографический аспект. СПб., 2012. Вып. 7. С. 291–303. Ремизов не был знаком ни с одним из братьев Фасмеров.

[6] Во время войны Фасмер занимался подготовкой своего фундаментального труда «Этимологический словарь русского языка» в 4-х томах (первая редакция на нем. яз.: 1950–1958; в переводе на рус. яз. 1964–1973). Предварительная картотека к словарю погибла вместе с обширной личной библиотекой ученого 30 января 1944 г. в результате попадания в дом фугасной бомбы. Ср. воспоминания свидетеля: «У Фасмера была богатая, тщательно подобранная домашняя филологическая библиотека, которой он очень гордился. Когда однажды после бомбежки он вернулся из подвала в изрядно разрушенную квартиру, он в первую очередь беспокоился о книгах. Книги, как ему показалось, слава Богу, не пострадали; ровными рядами они стояли на своих местах. Но при первом прикосновении они рассыпались в прах» (цит. по: [4, с. 116]. Подробнее о научной деятельности ученого в Берлине см.: [35, S. 220–221, 223–224].

[7] Еще один из корреспондентов «прусского подданного» А.Л. Бема — русский немец, уроженец Москвы Федор Августович Степун (*нем.* Friedrich Step(p)u(h)n, 1884–1965), философ, писатель, в Германию прибыл из Москвы на «философском пароходе»; соредактор сборников «Логос» (1925–1928); в 1926 г. был избран профессором по кафедре социологии Дрезденской высшей технической школы; 21 июня 1937 г. по доносу был уволен нацисткой администрацией за политическую неблагонадежность с запретом публикаций и преподавания. С Бемом Степун состоял в многолетнем эпистолярном диалоге, завязавшемся во второй половине 1920-х. В начале 1930-х они познакомились лично и до 1937 г. предостав-

ляли друг другу возможность научных выступлений как в Праге, так и в Дрездене. Как влиятельный сотрудник журнала «Современные записки» Степун всячески продвигал Бема в качестве заведующего критическим отделом журнала [32, с. 196–198, 202]. В пражском архиве Бема сохранилось 16 писем Степуна (LA PNR, фонд А.Л. Бема).

[8] Упоминание о работе над последней главой («о большевизме») двухтомных воспоминаний, еще не получивших в то время названия «Сбывшееся и несбывшееся», встречается в письме Степуна в Прагу от 24 февр. 1944 г., отправленном из Дрездена (см.: [25]; *Степун Ф.А.* Письма / сост., коммент., вступит. статьи В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2013. С. 321). В последней главе первого тома мемуарист посвятил значительный эпизод личной биографии начала 1910-х, в котором описано знакомство с Ремизовым и посещение петербургской квартиры писателя. Впервые воспоминания Степуна появились в печати на нем. яз. под заглавием «Vergangenes und Unvergängliches» (Bd. 1–3. München: Kösel Verlag, 1947–1950); русское изд.: *Степун Ф.* Сбывшееся и несбывшееся: в 2 т. New York: Издательство им. Чехова, 1956.

[9] Разумник Васильевич Иванов (лит. псевд. Иванов-Разумник; 1878–1946), историк русской общественной мысли, историк литературы, критик, публицист, идеолог «скифской» литературной группы; сыграл значительную роль в творческой судьбе Ремизова. Подробнее см.: [17], Письма Р.В. Иванова-Разумника к А.М. Ремизову: (1908–1944 гг.) / публ. Е.Р. Обатниной, В.Г. Белоуса и Ж. Шерона; вступ. заметка и коммент. Е.Р. Обатниной и В.Г. Белоуса // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб.: Глагол, 1998. Вып. 2. С. 19–122, 244. Судьба Иванова-Разумника полна драматических коллизий. Подробнее см. вступит. статью В.Г. Белоуса к изд.: Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М.: Новое лит. обозрение, 2000. С. 5–22. Биографию Иванова-Разумника 1941–1946 гг. см.: [2; 27]. В начале февраля 1942 г. литератор и его супруга Варвара Николаевна (урожд. Оттенберг) были вывезены как Voksdeutsche (лица немецкого происхождения) в лагерь г. Коница (Konitz; совр. Choinice) в Западной Пруссии. Здесь началась переписка Иванова-Разумника с представителями русской литературной эмиграции, в частности, с Бемом и Ремизовым. См.: Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 годов / публ., вступ. статья, подгот. текста и коммент. О. Раевской-Хьюз. М.; Париж: Русский путь; YMCA-Press, 2001. С. 73–117, 157–185.

[10] Книга «Писательские судьбы», написанная в 1942–1943 гг. в лагере в Конице, увидела свет уже после смерти автора: была издана в 1951 г. в нью-йоркском издательстве «Литературный фонд» по инициативе В.М. Зензинова. Подробнее историю создания и первых публикаций мемуарных очерков (в частности, под названиями «Погибшие», «Задушенные», «Приспособившиеся» и др.), посвященных разнообразным формам большевистских репрессий известных писателей, см. в сопроводительном научном аппарате к изд.: *Иванов-Разумник*. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки / вступ. статья, сост., коммент. В.Г. Белоуса. М.: Новое лит. обозрение, 2000. С. 437–439. См. также тексты первых печатных публикаций, не избежавших редакционного вмешательства в газете «Новое Слово» (Берлин): Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 годов. С. 307–369. Очевидно, в феврале — марте 1944 г. копия машинописи «Писательских судеб» была переслана из Коница в Прагу. Уже 12 апреля 1944 г. Иванов-Разумник отвечает на впечатления Бема, прочитавшего подготовленную к печати книгу: «… отнюдь не удивился Вашему к ней отношению, то есть тому, что Вы, читая, сердитесь. Конечно, как Вы и пишете, мы с Вами люди разных мироощущений <…> но все же я полагаю, что сердиться Вы могли, читая только последний раздел — “Красные помыслы”, где есть место для столкновения мнений» [31, с. 152].

[11] Борис Генрихович Унбегаун (*нем*. Boris Ottokar Unbegaun; 1898–1973), москвич по рождению, немец по крови, получил филологическое образование в Сорбонне; в 1935 г. защитил докторскую диссертацию на французском языке «La langue russe au XVI siècle (1500–1550)» («Русский язык XVI века (1500–1550)»);

славист, ономаст, лингвист; в 1925–1936 гг. служил библиотекарем в парижском институте «Школа восточных языков» (École des langues orientales). Обеспокоенность Бема получением адреса Унбегауна в марте 1944 г. была связана с известием об отправке ученого в нацистский концентрационный лагерь «Бухенвальд». Подробнее см.: *Thomas G.* Introduction: Boris Unbegaun — Live and work // Kalkierungs- und Entlehnungssprachen in der Slavia: Boris Unbegaun zum 120. Geburtstag / Kai Witzlack-Makarevich (Hg). Berlin: Frank & Timme GmbH Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2018. S. 7. См. также нашу статью «Алексей Ремизов и Борис Унбегаун: эпизоды из истории отношений» (Emigrantica. 2026. Вып. 6 (в печати)).

Литература

1. А.Л. Бем в письмах и документах / публ. Л. Ливака // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: Международная научная конференция. М.: Русский путь, 2008. С. 341–399.

2. *Белоус В.Г.* Изгнание Скифа // Вестник РХД. 1997. № 175. С. 151–172.

3. *Бем А.Л.* Письма о литературе. = *Bém A.L.* Dopisy o literatuře / сост. и предисл. М. Бубениковой, Л. Вахаловской. Praha: Slovanský ústav, 1996. 357 s.

4. *Бобрик М.А.* Загадочный псалом Макса Фасмера и его биографический контекст // Slověne / Словѣне. 2012. № 1. С. 100–144.

5. *Волошина В.Ю.* Историк Борис Алексеевич Евреинов и его семья в эмиграции // Мир историка. Историографический сборник. 2007. Вып. 3. С. 244–258

6. *Грачева А.М.* Жанр романа и творчество Алексея Ремизова: (1910–1950-е годы). СПб.: Пушкинский Дом, 2010. 535 с.]

7. *Доценко С.* «Библией мух бьете!»: Автобиографический миф А. Ремизова // Блоковский сборник. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006. Вып. XVII. С. 102–138.

8. *Доценко С.Н.* Демифологизация образа Ф. Достоевского в книге А. Ремизова «Учитель музыки» // Rivista quadrimestrale di culture dei paesi slavi. eSamizdat. 2014–2015 (X). P. 95–101.

9. *Копршивова А.* Пушкинский юбилей 1937 года в Чехословакии на фоне политической обстановки // Записки Русской академической группы в США. 1999/2000. Т. 30. С. 251–259.

10. *Магидова М.* Альфред — Алексей Бем (к вопросу о самоидентификации) // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: Международная научная конференция. М.: Русский путь, 2008. С. 9–28.

11. *Магидова М.* Под знаком каталогов и материалов к… : В. Н. Тукалевский и русская книга за рубежом, 1918–1936 гг. СПб. : Symposium, 2016. 798 с.

12. Материалы к биографическому словарю «Русская эмиграция в Чехословакии» / под ред. М.Ю. Сорокиной // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2016. М.: Русский путь, 2016. С. 665–712.

13. *Нечаев В.П.* К вопросу о гибели А.Л. Бема // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: Международная научная конференция. М.: Русский путь, 2008. С. 333–338.

14. *Обатнина Е.Р.* А.М. Ремизов в борьбе за «сон»: материалы к творческой биографии // Русская литература. 2021. № 1. С. 161–169.

15. *Обатнина Е.* Алексей Ремизов: Личность и творческие практики писателя. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 295 с.

16. *Обатнина Е.* «Крылатый» или «земляной»? (К истории творческих взаимоотношений А.М. Ремизова и «скифов») // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 484–495.

17. *Обатнина Е.Р.* Материалы А.М. Ремизова в архиве Р.В. Иванова-Разумника // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дм. Буланин, 2002. С. 3–23.

18. *Обатнина Е.Р.* Новый взгляд на старые мистификации: немец, турок и медведь в автобиографических рассказах А.М. Ремизова // Русская литература. 2025. № 4. С. 48–76. DOI: 10.31860/0131-6095-2025-4-48-76

19. *Обатнина Е.*Р. О целях творчества: Полемический диалог А. Ремизова и И. Ильина // Алексей Ремизов: Исследования и материалы (Aleksej Remizov: Studi e materiali inediti): Сб. науч. ст. / отв. ред. А.М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно: Europa Orientalis; Puskinskij Dom, 2003. С. 181–202. (Collana di Europa Orientalis. Вып. 4).

20. *Обатнина Е. Р.* Опыт прочтения артефакта: «пушкинская» тетрадь Алексея Ремизова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. Т. 21 (1). С. 61–78.

21. *Обатнина Е.Р.* Писатель и критика русского зарубежья: Георгий Адамович в истории романа Алексея Ремизова «Учитель музыки» // Литературный факт. 2024. № 3 (33). С. 333–377.

22. *Обатнина Е.Р.* Учитель музыки и «Парижская нота» (к истории сотрудничества А.М. Ремизова с журналом «Числа») // Русская литература. 2024. № 1. С. 228–245. DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-228-245

23. *Обатнина Е.Р.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 384 с.

24. *Поляков Ф.* Автобиографические письма Николая Зарецкого // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge. 2018. Bd. 6, S. 236–265.

25. *Поляков Ф.* Заметки Федора Степуна о русском эллинизме (из переписки с Альфредом Бемом) // A Century's Perspective: Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes. Stanford, 2006. С. 452–463.

26. *Поляков Ф.Б.* Историко-литературные исследования Альфреда Бема в переписке с Артуром Лютером // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: Международная научная конференция. М.: Русский путь, 2008. С. 160–173

27. *Раевская-Хьюз О.* Иванов-Разумник а 1942 г. // Блоковский сборник. Тарту, 1996. Вып. XIII. С. 214–232.

28. *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 1–19. М.: Русская книга; СПб.: Росток, 2000–2025.

29. *Сеславинский М.В.* Детский взрослый художник Федор Рожанковский // Наше наследие. 2018. № 125. С. 120–128.

30. *Финкельштейн К.И.* О Сергее Горном // Powrócić do Rosji wierszami i prozą. Literatura rosyjskiej emigracji (Вернуться в Россию стихами и прозой. Литература

русского зарубежья) / под ред Г. Нефагиной. Slupsk: Akademia Pomorska w Slupsku, 2012. С. 170–185.

31. *Шерон Ж.* Из военной переписки Иванова-Разумника с А.Л. Бемом: суждения о литературе русской эмиграции // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб.: Глагол, 1998. Вып. 2. С. 148–153.

32. *Шруба М.* А.Л. Бем и «Современные записки» (по материалам пражского архива) // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): Сб. статей и материалов. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 194–202.

33. *Янгиров Р.М.* «Новая газета»: к истории печатного диалога молодой эмигрантской литературы с художественной культурой Франции // Русские писатели в Париже: взгляд на французскую литературу, 1920–1940. М.: Русский путь, 2007. С. 431–481.

34. *Bubeníková M., Vachlivská L.* Alfréd Ljudvigovič Bém: Bibliographie. Praha,1995. 110 s.

35. *Poljakov F.B.* "Der steinerne Boden des Exils": Materialien zu Leben und Werk des Dichterpaares Michail Gorlin und Raisa Bloch // Slavistische Forschungen. In memoriam Reinhold Olesch / Angelika Lauhus, Bodo Zelinski (Hrsg.). Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2005. S. 219–234.

Research Article and Publication of Archival Documents

A Writer and Criticism of Russian Abroad: A.M. Remizov and A.L. Bem in the circle of "scribes" and "pharisees" (according to correspondence)

© 2026. Elena R. Obatnina
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article is a part of a study devoted to the professional reception of A.M. Remizov's work and persona within the émigré literary scene. Among the writer's critics, A.L. Bemu played a special role as a representative of the school of critical thought closely linked to the study of literary history that had developed in Russia in the 1910s. The paper examines the views of the two correspondents on the tasks of criticism, drawing in particular on the projection (present in Remizov's intertextual reflections) of the biblical scribes and Pharisees onto contemporary guardians of literary "norm." The article traces Remizov's direct addresses to Bem in his short stories of the 1931–1933. It is noteworthy that the dialogue between the two correspondents, which began within the context of the relationship between writer and critic, eventually shifted to an examination of the works of F. Dostoevsky. The appendix to this article contains four newly discovered letters

from Bem to Remizov. Their acquaints, the "book people," guardians of culture and science, in 1931–1933 served as the shared topic for the correspondents — the scholar from Prague and the Russian writer, who never met in person.

Keywords: literary history, emigration, the tasks of criticism, creative method, A.M. Remizov, A.L. Bem, Ivanov-Razumnik, B.G. Unbegaun, V.N. Tukalevsky, A.F. Luther.

Information about the author: Elena R. Obatnina, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1823-6321

E-mail: lena.eo@mail.ru

For citation: Obatnina, E.R. "A Writer and Criticism of Russian Abroad: A.M. Remizov and A.L. Bem in the circle of "scribes" and "pharisees" (according to correspondence)." *Literaturnyi fakt,* no. 2 (40), 2026, pp. 59–99. (In Russ.) https://doi. org/10.22455/2541-8297-2026-40-59-99.

Rtferences

1. "A.L. Bem v pis'mah i dokumentah" ["A.L. Bem in Letters and Documents"]. *A.L. Bem i gumanitarnye proekty russkogo zarubezh'ja: Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija,* [*A.L. Bem and Humanitarian Projects of the Russian Diaspora: International Academic Conference*], ed. by L. Livak. Moscow, Russky Put' Publ., 2008, pp. 341–399. (In Russ.)

2. Belous, V.G. "Izgnanie Skifa" ["The Exile of the Scythian"]. *Vestnik RHD,* 1997, no. 175, pp. 151–172. (In Russ.)

3. Bém, A.L. *Pis'ma o literature* [*Letters on Literature*] = Bém, A.L. *Dopisy o literatuře,* comp. and with a foreword by M. Bubenikova and L. Vakhalskaya. Prague, Slovanský ústav, 1996. 357 p. (In Russ.)

4. Bobrik, M.A. "Zagadochnyj psalom Maksa Fasmera i ego biograficheskij kontekst" ["The Mysterious Psalm of Max Fasmer and Its Biographical Context"]. *Slověne / Slovѣne,* 2012, no 1, pp. 100–144. (In Russ.)

5. Voloshina, V.Yu. "Istorik Boris Alekseevich Evreinov i ego sem'ja v jemigracii" ["Historian Boris Alekseevich Evreinov and His Family in Exile"]. *Mir istorika. Istoriograficheskij sbornik* [*The Historian's World. A Historiographical Collection*], 2007, issue 3, pp. 244–258. (In Russ.)

6. Gracheva, A.M. *Zhanr romana i tvorchestvo Alekseja Remizova: (1910–1950-e gody)* [*The Novel Genre and the Works of Alexei Remizov: (1910–1950s)*]. St. Petersburg, Pushkin House, 2010. 535 p. (In Russ.)

7. Docenko, S. "'Bibliej muh b'ete!': Avtobiograficheskij mif A. Remizova" ["'You're Swatting Flies with the Bible!': The Autobiographical Myth of A. Remizov"]. *Blokovskij sbornik* [*Blok Collection*]. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006, vol. XVII. pp. 102–138. (In Russ.)

8. Docenko, S.N. "Demifologizacija obraza F. Dostoevskogo v knige A. Remizova 'Uchitel' muzyki'" ["The Demythologization of the Image of F. Dostoevsky in A. Remizov's 'The Music Teacher'"]. *Rivista quadrimestrale di culture dei paesi slavi,* eSamizdat. 2014–2015 (X), pp. 95–101. (In Russ.)

9. Koprshivova, A.V. “Pushkinskii iubilei 1937 goda v Chekhoslovakii na fone politicheskoi obstanovki” [“Pushkin’s anniversary of 1937 in Czechoslovakia against the backdrop of the political situation”]. *Zapiski Russkoi akademicheskoi gruppy v SShA* [*Notes of the Russian Academic Group in the USA*], 1999–2000, vol. 30, pp. 251–259. (In Russ.)

10. Magidova, M. Al’fred — “Aleksej Bem (k voprosu o samoidentifikacii)” [“Alfred—Alexei Bem (On the Question of Self-Identification)”]. *A.L. Bem i gumanitarnye proekty russkogo zarubezh’ja: Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija* [*A. L. Bem and Humanitarian Projects of the Russian Diaspora: International Academic Conference*]. Moscow, Russky Put’ Publ., 2008. pp. 9–28. (In Russ.)

11. Magidova, M. *Pod znakom katalogov i materialov k… : V. N. Tukalevskij i russkaja kniga za rubezhom, 1918–1936 gg.* [*Under the Sign of Catalogs and Materials on…: V. N. Tukalevsky and the Russian Book Abroad, 1918–1936*]. St. Petersburg, Symposium Publ., 2016. 798 p. (In Russ.)

12. “Materialy k biograficheskomu slovarju ’Russkaja jemigracija v Chehoslovakii’” [“Materials for the Biographical Dictionary ’Russian Emigration in Czechoslovakia’”], ed. by M. Yu. Sorokina. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh’ja imeni Aleksandra Solzhenicyna. 2016* [*Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Emigration. 2016*]. Moscow, Russky Put’ Publ., 2016, pp. 665–712. (In Russ.)

13. Nechaev, V.P. “K voprosu o gibeli A.L. Bema” [“On the Question of the Death of A.L. Bem”]. *A.L. Bem i gumanitarnye proekty russkogo zarubezh’ja: Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija* [*A.L. Bem and Humanitarian Projects of the Russian Diaspora: International Academic Conference*]. Moscow, Russky Put’ Publ., 2008, pp. 333–338. (In Russ.)

14. Obatnina, E.R. “A.M. Remizov v bor’be za ‘son’: materialy k tvorcheskoj biografii” [“A.M. Remizov in the Struggle for ‘Sleep’: Materials for a Creative Biography”]. *Russkaja literatura,* 2021, no 1, pp. 161–169. (In Russ.)

15. Obatnina, E. *Aleksej Remizov: Lichnost’ i tvorcheskie praktiki pisatelja* [*Alexei Remizov: The Writer’s Personality and Creative Practices*]. Moscow, Novoye Literaturnoye Obozreniye Publ., 2008. 295 pp. (In Russ.)

16. Obatnina, E. “’Krylatyj’ ili ’zemljanoj’? (K istorii tvorcheskih vzaimootnoshenij A.M. Remizova i ’skifov’)” [“’Winged’ or ’Earthbound’? (On the History of the Creative Relationship Between A.M. Remizov and the ’Scythians’)”]. *Na rubezhe dvuh stoletij: Sb. v chest’ 60-letija A.V. Lavrova* [*At the Turn of Two Centuries: A Collection in Honor of A.V. Lavrov’s 60th Birthday*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009, pp. 484–495. (In Russ.)

17. Obatnina, E.R. “Materialy A.M. Remizova v arhive R.V. Ivanova-Razumnika” [“Materials by A.M. Remizov in the Archive of R.V. Ivanov-Razumnik”]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1997 god* [*Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1997*]. St. Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 2002. pp. 3–23. (In Russ.)

18. Obatnina, E.R. “Novyj vzgljad na starye mistifikacii: nemec, turok i medved’ v avtobiograficheskih rasskazah A.M. Remizova” [“A New Look at Old Hoaxes: The German, the Turk, and the Bear in A.M. Remizov’s Autobiographical Stories”]. *Russkaja literatura,* 2025, no 4, pp. 48–76. (In Russ.)

19. Obatnina, E.R. “O celjah tvorchestva: Polemicheskij dialog A. Remizova i I. Il’ina” [“On the Aims of Creativity: The Polemical Dialogue Between A. Remizov

and I. Ilyin"]. *Aleksej Remizov: Issledovanija i materialy (Aleksej Remizov: Studi e materiali inediti): Sb. nauch. st.* [*Aleksey Remizov: Studies and Materials (Aleksej Remizov: Studi e materiali inediti): Collection of scholarly articles*], ed. by A.M. Gracheva and A. d'Amelia. St. Petersburg, Pushkin House Publ.; Salerno, Europa Orientalis, 2003, pp. 181–202. (Collana di Europa Orientalis. No. 4). (In Russ.)

20. Obatnina, E. R. "Opyt prochtenija artefakta: 'pushkinskaja' tetrad' Alekseja Remizova"] ["An Attempt to Interpret an Artifact: Alexei Remizov's 'Pushkin Notebook'"]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura,* 2024, vol. 21 (1), pp. 61–78. (In Russ.)

21. Obatnina, E.R. "Pisatel' i kritika russkogo zarubezh'ja: Georgij Adamovich v istorii romana Alekseja Remizova 'Uchitel' muzyki'" ["A Writer and Criticism of Russian Abroad: Georgii Adamovich in the History of Alexey Remizov's Novel 'Music Teacher'"]. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (33), 2024, pp. 333–377. (In Russ.)

22. Obatnina, E.R. "'Uchitel' muzyki' i 'Parizhskaja nota' (k istorii sotrudnichestva A.M. Remizova s zhurnalom 'Chisla')" ["'The Music Teacher' and 'The Paris Note' (On the History of A.M. Remizov's Collaboration with the Journal 'Chisla')". *Russkaja literatura,* 2024, no 1, pp. 228–245. (In Russ.)

23. Obatnina E. *Tsar' Asyka i ego poddannye: Obez'ian'ia Velikaia i Vol'naia Palata A.M. Remizova v litsakh i dokumentakh* [Tsar Asyka and his subjects: A.M. Remizov's Great and Free Monkey Chamber in persons and documents]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2001. 384 p. (In Russ.)

24. Polyakov, F. "Avtobiograficheskie pis'ma Nikolaja Zareckogo" ["Autobiographical Letters of Nikolai Zaretsky"]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge,* 2018, vol. 6, pp. 236–265.

25. Polyakov, F. "Zametki Fedora Stepuna o russkom jellinizme (iz perepiski s Al'fredom Bemom)" ["Fyodor Stepun's Notes on Russian Hellenism (from Correspondence with Alfred Bem)"]. *A Century's Perspective: Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes*. Stanford, 2006, pp. 452–463. (In Russ.)

26. Polyakov, F. B. "Istoriko-literaturnye issledovanija Al'freda Bema v perepiske s Arturom Ljuterom" ["Alfred Bem's Historical and Literary Studies in His Correspondence with Arthur Luther"]. *A.L. Bem i gumanitarnye proekty russkogo zarubezh'ja: Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija* [*A. L. Bem and Humanities Projects of the Russian Diaspora: International Academic Conference*]. Moscow, Russky Put' Publ., 2008, pp. 160–173. (In Russ.)

27. Raevskaya-Hughes, O. "Ivanov-Razumnik v 1942 g." ["Ivanov-Razumnik in 1942"]. *Blokovskij sbornik* [The Blok Collection]. Tartu, 1996, issue XIII. pp. 214–232. (In Russ.)

28. Remizov, A.M. *Sobraniie sochinenii* [*Collected Works*], vol. 1–19. Moscow, Russkaya Kniga Publ.; St. Petersburg, Rostok Publ., 2000–2025. (In Russ.)

29. Seslavinsky, M.V. "Detskij vzroslyj hudozhnik Fedor Rozhankovskij" ["Fedor Rozhankovsky: A Childlike Adult Artist"]. *Nashe nasledie* [*Our Heritage*], 2018, no 125, pp. 120–128. (In Russ.)

30. Finkelstein, K.I. "O Sergee Gornom" ["On Sergei Gornoy"]. *Powrócić do Rosji wierszami i prozą. Literatura rosyjskiej emigracji = Vernut'sja v Rossiju stihami i prozoj. Literatura russkogo zarubezh'ja* [*Returning to Russia Through Poetry and Prose:*

Literature of the Russian Diaspora], ed. by G. Nefagina. Słupsk, Pomeranian Academy in Słupsk Publ., 2012, pp. 170–185. (In Russ.)

31. Sheron, J. "Iz voennoj perepiski Ivanova-Razumnika s A.L. Bemom: suzhdenija o literature russkoj jemigracii" ["Ivanov-Razumnik's Wartime Correspondence with A.L. Bem: Reflections on the Literature of Russian Emigration"]. *Ivanov-Razumnik: Lichnost'. Tvorchestvo* [*Ivanov-Razumnik: Personality. Creativity. Role in Culture*]. St. Petersburg, Glagol Publ., 1998, issue 2, pp. 148–153. (In Russ.)

32. Shruba, M. "A.L. Bem i 'Sovremennye zapiskij' (po materialam prazhskogo arhiva)" ["A. L. Bem and 'Sovremennye Zapiski' (Based on Materials from the Prague Archive)"]. *Vokrug redakcionnogo arhiva "Sovremennyh zapisok" (Parizh, 1920–1940): Sb. statej i materialov* [*Around the Editorial Archive of "Sovremennye Zapiski" (Paris, 1920–1940): A Collection of Articles and Materials*]. Moscow, Novoe Literaturnoye Obozreniye Publ., 2010, pp. 194–202. (In Russ.)

33. Yangirov, R. M. "'Novaja gazeta': k istorii pechatnogo dialoga molodoj jemigrantskoj literatury s hudozhestvennoj kul'turoj Francii" ["'Novaya Gazeta': On the History of the Printed Dialogue Between Young Emigrant Literature and French Literary Culture"]. *Russkie pisateli v Parizhe: vzgljad na francuzskuju literaturu* [*Russian Writers in Paris: A View of French Literature*], 1920–1940. Moscow, Russky Put' Publ., 2007, pp. 431–481. (In Russ.)

34. Bubeníková, M., Vachlivská, L. *Alfréd Ljudvigovič Bém: Bibliographie*. Praha, Národní knihovna České republiky Publ., 1995. 110 s. (In Czech)

35. Poljakov, F.B. "'Der steinerne Boden des Exils': Materialien zu Leben und Werk des Dichterpaares Michail Gorlin und Raisa Bloch". *Slavistische Forschungen. In memoriam Reinhold Olesch*, Hrsg. Angelika Lauhus, Bodo Zelinski. Köln; Weimar; Wien, Böhlau Publ., 2005. S. 219–234. (In Deutsch)

Статья поступила в редакцию: 14.01.2026
Одобрена после рецензирования: 10.03.2026
Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 14.01.2026
Approved after reviewing: 10.03.2026
Date of publication: 25.06.2026

ФАДДЕЙ БУЛГАРИН — ЮРИСТ И КУЛИНАР

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.1
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-100-128
ttps://elibrary.ru/WMZVWA

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (40), 2026

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Ф.В. Булгарин — ходатай по делам

© 2026, А.И. Рейтблат
Новое литературное обозрение,
Москва, Россия

Аннотация: Одним из темных мест в биографии Ф.В. Булгарина является судебный процесс, в котором он участвовал с середины 1810-х по начало 1830-х гг. В настоящей статье на основе обширного судебного дела, хранящегося в РГИА, а также ряда других источников подробно воссоздается ход этого запутанного процесса, которым много лет занимались Правительствующий Сенат и Государственный совет и который сыграл важную роль в жизни и творчестве Булгарина. Статья включает впервые публикуемые письма и прошения Булгарина возглавлявшим (в разное время) Министерство юстиции Д.И. Лобанову-Ростовскому, А.А. Долгорукову и Д.Н. Блудову, а также ходатайства за Булгарина перед А.А. Долгоруковым и председателем Государственного совета В.П. Кочубеем главного начальника III отделения А.Х. Бенкендорфа.

Ключевые слова: Ф.В. Булгарин, биография писателя, судебный процесс, Сенат, Государственный совет, Литовский статут.

Информация об авторе: Абрам Ильич Рейтблат — кандидат педагогических наук, член редакции журнала «Новое литературное обозрение», Тверской б-р, д. 13, 123104 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4957-7401

E-mail: reitblat@nlobooks.ru

Для цитирования: *Рейтблат А.И.* Ф.В. Булгарин — ходатай по делам // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 100–128. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-100-128

Биография Булгарина в основном известна, но в ней осталось несколько темных мест, например, служба во французской армии в 1811–1814 гг. К числу таких темных мест принадлежит и судебный процесс, в котором он участвовал. Об участии в процессе он не раз

упоминал в переписке, вспоминают о нем и мемуаристы (Н.И. Греч, О.А. Пржецлавский). Долгое время основным источником сведений о процессе была краткая и частично неверная характеристика его, которую дал Н.И. Греч в своих воспоминаниях:

> Дядя его, Павел Булгарин, бывший литовским подконюшим <…>, полюбив Фаддея за живой характер, за ум и находчивость, поручил ему вести процесс его с родственником графом Тышкевичем и Парчевским, или, собственно, два процесса: один с Парчевским против Тышкевича, другой с Тышкевичем против Парчевского. Дело шло об осьми тысячах душ. Булгарину за ходатайство обещано было пять процентов, т. е. четыреста душ. Процесс производился в Сенате, и новый ходатай отправился в С. Петербург. <…> До 1823 года он литературою занимался мало, посвящая все свое время, всю свою деятельность ведению своего процесса. <…> Для достижения своей цели он употреблял все возможные средства: с утра до вечера таскался по сенаторским и обер-прокурорским передним, навещал секретарей и стряпчих, кормил и подкупал их, привозил игрушки и лакомства их детям, подарки женам и любовницам[1].

Но в чем конкретно заключался этот процесс и чем он закончился, не было известно. В 1990-х гг. я разыскал в ГАРФ обширное дело, посвященное булгаринскому процессу, и на основе просмотра его печатал краткие справки о нем, к сожалению, не лишенные неточностей[2]. И только сейчас, после тщательного изучения дела Булгарина[3] и ряда других источников, появилась возможность достаточно подробно описать этот примечательный и весьма запутанный процесс о наследстве, который не только ярко характеризует российское судопроизводство тех лет, но и дает ценный материал для понимания биографии и творчества Булгарина.

Начать рассказ о нем следует с пояснения социального контекста. Прежде всего отметим, что начался процесс на землях бывшей Речи Посполитой — конфедерации, созданной в XVI в. на основе двух славянских государств — Королевства Польского и Великого княжества Литовского, которое в просторечии называли Литвой. В них законы существенно отличались от российских. В Великом княже-

[1] *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.; Л.: Academia, 1930. С. 683, 688. См. также в воспоминаниях О.А. Пржецлавского: [4, с. 456–457].

[2] См.: [2, с. 101; 6, с. 177–178; 1, с. 533–534].

[3] Благодарю Наталью Николаевну Акимову за содействие в более детальном знакомстве с делом.

стве Литовском действовал Литовский Статýт, созданный в XVI в. на старобелорусском языке. Судопроизводство в Речи Посполитой было гласным, с участием адвокатов.

В результате трех хищнических разделов Речи Посполитой, осуществленных Россией, Пруссией и Австрией в конце XVIII в., Великое княжество Литовское досталось России, но судопроизводство там до 1840 г. велось по Литовскому статуту, причем высшей судебной инстанцией был 3-й (так называемый польский) департамент Правительствующего Сената. В России же, в отличие от Речи Посполитой, судопроизводство не было гласным и устным. В результате тяжущимся сторонам были нужны ходатаи по делам, знающие Литовский статут и владеющие русским языком, которые должны были писать просьбы, записки по делу, давать взятки, чтобы дело не стояло на месте. Стороны, участвующие в процессе, подготавливали записки, доказывая, что истина на их стороне (иногда их печатали), основная записка готовилась сенатскими чиновниками, а сенаторы знакомились с записками и принимали решение.

Предыстория процесса, в котором участвовал Булгарин, была такова. Очень богатый хорунжий Каэтан Нагурский[4] 16 апреля 1802 г. завещал свое достояние сестре Иоганне Жуковской, жене подкомория[5], и племяннице Екатерине Булгариновой (дочери сестры Нагурского Феклы Голынской). По ревизии 1816 г. наследство Нагурского составляло в Могилевской губернии 1859, а в Виленской 1869 крепостных мужского пола.

Екатерина Булгаринова (у нее был сын Михаил) в марте 1804 г. продала двоюродному дяде Ф.В. Булгарина, Павлу Булгарину (женатому на дочери Иоганны Жуковской Варваре) свое доставшееся по наследству имение, какое должно было остаться после уплаты долгов; в августе 1806 г. он уступил его тестю и теще — подкоморию Казимиру и его жене Иоганне Жуковской, но в ноябре того же года заявил, что сделал это под их давлением.

У Иоганны и Казимира Жуковских кроме Варвары были дочь Екатерина и сыновья Антоний и Иосиф. И. Жуковская признала мужа совладельцем имений Большие и Малые Корцяны с Мишуцями. В октябре 1803 г. она составила документ, по которому выделила дочерям по 200 000 злотых: Варваре в обеспечение этой суммы

[4] К. Нагурский был хорунжим Шавельского повета (уезда). Поветовый хорунжий занимался, в случае необходимости, организацией ополчения в повете (в Речи Посполитой не было регулярной армии), поэтому эта должность была весьма почетной.

[5] Подкоморий — судья по спорам о границах имений, престижная должность.

документом от 2 декабря 1804 г. она отдала имение Пацевичи, дочери Екатерине (позже она вышла замуж за подполковника Игнатия Константиновича Парчевского) обещала впоследствии выплатить указанную сумму; обе дочери — Варвара в 1804 г., а Екатерина Парчевская в 1808 г., дали письменные расписки, что они «отрицаются от наследственных имений»[6], которые должны были унаследовать их братья Антоний и Иосиф (имеются в виду Большие и Малые Корцяны с Мишуцями). За собой Иоганна оставила имение Жогины.

9 июня 1814 г. И. Жуковская умерла, ее сын Иосиф умер еще раньше. Поэтому все унаследовал другой сын, шавельский маршал (т. е. предводитель шляхты Шавельского повета) Антоний Жуковский, женатый на Казимире Горской; у них была полуторагодовалая дочь Эмилия, и жена была беременна вторым ребенком. Но тяжело заболевший Антоний Жуковский 13 июня 1814 г. дал жене документ, согласно которому она, в случае смерти своих детей, становится наследницей родового имения, минуя всех родственников, назвав опекунами Юрия Лускина, Иосифа Платера, Людвига Горского, Казимира Бурбу, Владимира Гадона и Каликста Комара. Этот документ, выдать который по Литовскому статуту Жуковский не имел права, заложил основу для последовавшего процесса. Кроме того, дополнительной дарственной он оставил жене 20 000 червонцев и имение Куртовяны, а также имения, оценивавшиеся в 130 000 червонцев. 26 июня 1814 г. он умер; имение унаследовала его малолетняя дочь Эмилия, но распоряжаться должна была Казимира (документом от 29 июля 1814 г. она освободила от ответственности опекунов и все взяла в свои руки). 23 октября 1814 г. Казимира продала Великие Корцяны опекуну графу Иосифу Платеру и его брату Егору, вместо получения денег выдав документ, по которому Платеры должны были погасить долг Жуковских, в том числе подполковнику Игнатию Парчевскому и Екатерине Булгариновой (урожденной Голынской) или ее сыну. 27 ноября 1814 г. один из опекунов, Ю. Лускин, подал прошение в Могилевский главный суд с протестом о незаконности подобной продажи без уведомления всех опекунов и без ведома Правительствующего Сената; он утверждал, что передача Жуковским имения жене противоречит установленным порядкам о наследстве. Вскоре умерли и дети Жуковского: 28 апреля 1815 г. родившийся в том же году после смерти отца Антоний, а 1 октября 1815 г. и Эмилия. После смерти Эмилии по Литовскому статуту унаследовать имение должны были дети сестер Антония Жуковского — Иоганна

[6] РГИА. Ф. 1347. Оп. 65. Ед. хр. 1070. Л. 47–48. Далее ход процесса излагается по этому архивному делу, а ссылки на листы отдельных документов даются в тексте.

и Казимира Булгариновы (дочери Варвары), а также сын Екатерины Антоний Парчевский. Однако вдова Жуковского, вышедшая вскоре замуж за камер-юнкера графа Станислава Тышкевича, не отдавала имения и часть передала мужу, а остальное стала распродавать, хотя не имела на это права.

Дело, начатое в Могилевском суде по жалобе Ю. Лускина, было передано в Виленский главный суд, который через год, 18 октября 1815 г., постановил расследовать в судебном порядке незаконность совершившихся продаж и наложил на них протест. Кроме того, подали протесты в земских судах: в Шавельском 5-го, Тельшевском 11-го, Россиенском 23 октября 1815 г. И. Парчевский и П. Булгарин: первый от имени сына Антония, а второй от имени дочерей Иоганны и Казимиры. (Сестры Жуковского Варвара и Екатерина к этому времени уже умерли.) Виленский главный суд 26 ноября 1815 г. постановил, что Булгарин и Парчевский должны обосновать свои претензии по литовским законам, после чего те обратились в Виленское губернское правление, оно, в свою очередь, 18 декабря 1815 г., ссылаясь на действующее законодательство, констатировало, что отказ сестер Жуковских, Варвары и Екатерины от притязаний на имение находится в противоречии с интересами их детей, оспорило законность наследственных и дарственных бумаг Антония Жуковского и постановило, взяв от опекунов подробные отчеты, отдать дело в ведомство дворянской опеки[7] под наблюдение Правительствующего Сената.

На это решение Казимира Тышкевич подала жалобу литовскому военному губернатору А.М. Римскому-Корсакову. Тот, остановив решение Виленского губернского правления, внесшего, по его мнению, путаницу в рассмотрение дела, назвав наследниками детей Парчевского и Булгарина, обратился в Сенат 22 января 1816 г. Теперь уже это решение вызвало жалобу Парчевского, поданную им 8 февраля 1816 г. на имя императора. «Надлежащее исполнение» по этой жалобе обер-прокурор Сената З.Н. Посников поручил обер-секретарю 3-го департамента А.М. Искрицкому, женатому на сестре Ф.В. Булгарина (л. 69). Сенат, получив 19 января 1816 г. рапорт Виленского губернского правления от 30 декабря 1815 г. о прошениях отставного подполковника И. Парчевского и камер-юнкера графа С. Тышкеви-

[7] Дворянские опеки были созданы в 1775 г. под председательством уездного предводителя дворянства (в их состав входили уездный судья, заседатели уездного суда и казначей). Опека осуществляла надзор за имениями дворян по их просьбе или в определенных законом случаях (надзор за имениями дворянских вдов и сирот, умалишенных, за имениями, реквизированными по взысканию). Опека назначала опекунов, проводила опись имений и ревизию опекунских отчетов.

ча, слушал дело 3 февраля, 7 марта и 3 мая 1816 г. В итоге указом от 5 мая 1816 г. Сенат подтвердил решение Виленского губернского правления о праве на наследство сестер Булгариных и Антония Парчевского, заключив, что в дальнейшем дело должно рассматриваться в соответствующих губернских судебных инстанциях и не по прошениям, а в соответствии с «узаконениями».

С июня 1816 г. в Сенат начали поступать документы (в том числе из Могилевского губернского правления) о проверке имений покойного Жуковского органами опеки. Из-за сложного состава наследства (от больших имений до малых фольварков и дома в Вильне, к тому же, некоторые из владений к этому времени были уже проданы Казимирой Тышкевич, кроме того, существовали переуступки долгов и проч.) дело разрасталось. Так, Парчевский и Булгарин подали жалобу в Сенат на Виленское губернское правление, которое оставило одно из имений (Куртовяны) во владении Тышкевичевой, а С. Тышкевич, в свою очередь, писал министру юстиции Д.П. Трощинскому о том, что наложение запретов на продажу имений лишает его жену возможности оплатить долги Жуковского и ставит ее на край гибели. 7 и 28 августа 1816 г. Сенат рассмотрел эти жалобы и подтвердил правоту Виленского губернского правления, согласившись с тем, что Куртовяны перешли графине Тышкевич по духовному завещанию Жуковского, однако вновь потребовал отдать в опеку все остальные имения покойного Жуковского до окончания тяжбы; кроме того, Сенат указал на недопустимость участия в опеке над имением лиц из числа спорящих сторон и предписал назначить новых независимых опекунов. Сенатский указ был разослан 16 октября 1816 г., а дело передано в ведение губернских судов и правлений.

После этого Сенат возвращался к делу для слушания рапортов об исполнении указа из губернских инстанций 18 и 20 декабря 1816 г., 2 и 3 апреля 1817 г. Однако во второй половине 1817 г. обе стороны возобновили свои жалобы, особенно активен был Парчевский, который не раз жаловался на многочисленные нарушения формальностей, на затягивание исполнения решения суда, что ведет к разорению имений, и проч. Сенат рассматривал его обращения и пояснения представителей опеки 6, 17 сентября и 10 октября 1817 г. и отправил в Виленский главный суд указ от 3 декабря 1817 г. с требованием отчета о производстве дела. В январе 1818 г. по жалобам Парчевского на Виленский главный суд из-за медленного прохождения дела обер-прокурор Сената Н.А. Челищев приказал обер-секретарю В.И. Солодовникову доложить ход дела, и тот составил

обширную записку. Ознакомившись с ней, министр юстиции князь Д.И. Лобанов-Ростовский 11 марта 1818 г. отправил предложение Сенату о новом рассмотрении дела (к этому времени, 14 февраля 1818 г., Парчевский успел подать жалобу самому Лобанову-Ростовскому). Слушание дела состоялось 27 марта 1818 г. и указом от 23 апреля 1818 г. дело было оставлено Виленскому главному суду, который, наряду с Виленским губернским правлением, должен был обеспечить выполнение предписаний Сената от 5 мая и 16 октября 1816 г., чтобы имения не были разорены (л. 777–778).

Но и после этого Парчевский продолжал жаловаться теперь уже на неисполнение на местах сенатского указа от 23 апреля 1818 г., а Виленский суд присылал рапорты о невозможности из-за запутанности окончательно решить дело. Несколько раз, 8 августа 1818 г. и 4 ноября 1818 г., в Сенат поступало требование от министра юстиции ускорить ход дела (л. 835, 861–862). В итоге Сенат 16 августа 1818 г. потребовал от Виленского главного суда доложить о причинах неисполнения апрельского указа и после слушания дела 7 ноября разослал 11 ноября указ о комплектовании нового состава Виленского главного суда в течение месяца, так как в прежнем состояли родственники Тышкевичевой. Рапорты об исполнении слушались в Сенате 19 декабря 1818 г., 30 октября 1819 г., 5 августа 1820 г. и 20 сентября 1821 г. За это время были выявлены факты неисполнения опекой принятых решений, нарушений и злоупотреблений, о чем не уставал подавать жалобы Парчевский, указывая на неверно показанные и скрытые доходы и проч. Видимо, вследствие этого противники Булгариных подали заявление, что Антоний — незаконный сын Игнатия Парчевского (с этим наветом в июне 1819 г. выступил и П. Булгарин, подав соответствующее заявление (л. 1846) в расчете на то, что в случае устранения Парчевского все наследство перейдет к Булгариным); этот вопрос рассматривался в уголовном порядке. Теперь, пока не было доказано, что Антоний — законный сын И. Парчевского, уже и его отец был заинтересован в затягивании дела. В связи с этим Ф. Булгарин обратился к министру юстиции Д.И. Лобанову-Ростовскому с прошением:

Сиятельнейший князь
Милостивый государь!

Во всякой справедливой тяжбе скорейшее окончание оной есть первым желанием тяжущихся. Напротив того, по делу о наследстве, после Эмилии Жуковской оставшемуся, между Булгариновыми,

Парчевским и Тышкевичевою, противные стороны употребляют все усилия, дабы продолжить тяжбу. По сему предмету Парчевский уже несколько раз беспокоил и Ваше Сиятельство, и Правительствующий сенат подаваемыми просьбами, в которых вопреки всем существующим законам просил отсрочки апелляционного дела. И когда не успел в своем намерении, то, подав просьбу о рукоприкладстве[8] в 3 департаменте Правительствующего сената, всеми мерами старается продолжить оное. Прибегая к великодушию и справедливости Вашего Сиятельства, осмеливаюсь просить Вашего высокого покровительства угнетенному семейству и покорнейше умоляю Ваше Сиятельство предписать 3-му департаменту Правительствующего сената, дабы срок рукоприкладства считать Парчевскому от числа, в котором на его просьбу по сему предмету воспоследовала резолюция, а по истечении срока, законами предписанного, повелеть докладывать дело, уже год и восемь месяцев находящееся в Сенате без всякого хода.

Ваше Сиятельство! Воззрите милостивым оком на несчастное семейство, лишенное собственности противузаконными средствами, и благоволите исполнить мою покорнейшую просьбу, которую подвергаю на благорассмотрение непоколебимой Вашей справедливости и неутомимой ревности, с которыми Ваше Сиятельство защищаете всех несчастных и угнетенных.

С глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностью имею честь пребыть

Сиятельнейший князь
Милостивый государь
Вашего Сиятельства
Всепокорнейшим слугою
Фадей (Так!) Булгарин.

10-е генваря 1822 года
СПетербург

Жительствует в Офицерской
улице в доме Васильевой
№ 196[9]

[8] «Судебное рукоприкладство состоит в подписи записки и с изъявлением удовольствия или неудовольствия» (В.И. Даль).

[9] ОР РНБ. Ф. 859. К. 4. № 14. Л. 23–24.

В апреле Булгарин повторно обратился к Лобанову-Ростовскому:

> Его Сиятельству господину генералу от инфантерии,
> члену Государственного совета, министру юстиции,
> кавалеру князю Дмитрию Ивановичу Лобанову-Ростовскому
> отставного капитана Фадея Венедиктова сына Булгарина,
> по доверенности дяди его подконюшего Павла Булгарина и
> двоюродных сестер Иоанны и Казимиры Булгариных
>
> Покорнейшая просьба

После смерти Эмилии Жуковской возник спор о родовом имении, после ее оставшемся, которое намеревается присвоить мать Эмилии, в нынешнем супружестве графиня Тышкевичева, и которое имение отыскивают двоюродные сестры покойной Эмилии, также покойный подполковник Парчевский начал о сем иск от имени малолетнего сына своего Антония, якобы от Жуковской родящегося. Все вышеупомянутые лица начали спор жалобами в Правительствующий сенат, который указом 16 октября 1816 года повелел: дело о наследстве рассудить формою суда завитым сроком[10], графине Тышкевичевой отдать во временное владение имение Куртовяны и сумму 20 т. червонцев; прочее имение отдать в ведомство дворянской опеки до окончания тяжбы.

Тяжба сия, переходя по порядку все нижние инстанции, по апелляции сторон, перешла в Правительствующий сенат в 3 департамент, а дело прислано из Виленского главного суда 2 департамента в генваре месяце 1821 года.

Все противные Булгариновым стороны устремили усилия свои к продолжению тяжбы о наследстве, после Эмилии Жуковской оставшемся, потому что с окончанием тяжбы несправедливые их поступки будут явными и что тогда они должны будут лишиться владения чужою собственностью и отдать отчет в управлении оною.

По сему предмету графиня Тышкевичева соединилась с соумышленниками своими, бывшими опекунами над имением при жизни Эмилии, с которыми вместе без ведома Правительства она, Тышкевичева, продала значительную часть имения за самую низкую цену самим же опекунам, своим друзьям и родственникам. Она же, графиня Тышкевичева, согласилась с неправедными покупщи-

[10] Полонизм (termin zawity). Выражение это переводится как «предельный срок» и означает в польском законодательстве установленный законом срок для завершения судебного разбирательства, например, срок подачи апелляций.

ками сих имений и с нынешними дворянскими опеками, отданными под суд за разорительное управление имением и опасающимися отчета. Вовлекши в сей умысел и опекунов малолетнего Парчевского к продолжению тяжбы, противные стороны Булгариновых сначала прибегнули к Вашему Сиятельству, прося отсрочки дела о наследстве, до совершеннолетия малолетнего Парчевского и до окончания другого дела о его родопроисхождении, вовсе не имеющего связи с первым. И когда Ваше Сиятельство, внимая единственно гласу правосудия и свято соблюдая оное, несмотря на предстательство значительных лиц, отказали в сем противузаконном прошении, тогда противники Булгариновых обратились в Правительствующий сенат и вопреки закона, запрещающего принимать просьбы после апелляций, начали обременять Сенат жалобами, коих число простиралось до 16. В том намерении, чтобы, составив дело по частным жалобам, отсрочить слушание апелляционного дела. Наконец, когда и в сем деле не успели и Сенат отказал на все их несправедливые просьбы, тогда противники Булгариновых прибегнули к новому средству и, прикрывая ябеду формальностию, вознамерились рукоприкладством продлить тяжбу и успели в том совершенно.

Апелляционное дело пришло в Правительствующий сенат в генваре месяце прошлого 1821 года, а записка по делу составилась в декабре того же года, т. е. в одиннадцать месяцов. От декабря, из числа противников Булгариновых, только двое подали прошение о допущении их рукоприкладству: г-н Парчевский, который посетил раза два Сенат, уехал обратно в Польшу, не подписав рукоприкладство. После него по доверенности одного из покупщиков имения подал прошение к рукоприкладству ученик Института водяных сообщений[11] г-н Орда, по летам своим и по званию не имеющий даже права быть поверенным. И сей г-н Орда, дав подписку 2 марта текущего года, ни одного разу не явился в Сенат для чтения Записки. А как в деле сем о наследстве участвуют более 20-ти человек, из коих некоторые едва имеют по несколько листов из всего дела, к ним касающихся, и вовсе чужды прочим обстоятельствам дела, то ежели и сим лицам будет дозволено продолжать рукоприкладство несколько месяцев, тогда тяжбе сей и через несколько лет не предвидится окончания. Между тем незаконные владетели будут наслаждаться чужою собственностию, неправедно приобретенною, имение, состоящее под управлением дворянских опек, будет приходить в совершенное разорение, а законные наследники претерпевать убытки.

[11] Имеется в виду Институт Корпуса инженеров водяных и сухопутных сообщений, созданный в 1809 г.

Записка по сему делу, изготовленная к слушанию Правительствующего сената, состоит из 329 листов, а в Сенате существует недоумение, каким образом считать листы, в две или в четыре писанных страницы; во всех взысканиях за гербовую бумагу[12] с просителей обыкновенно считается за лист четыре писанных страницы; по делу же моих верителей при рукопрокладстве поллиста считают листом, и таким образом время рукоприкладства продолжается вдвое.

А посему, прибегая к великодушию и справедливости Вашего Сиятельства, покорнейше прошу прекратить силою вверенной Вам власти все сии злоупотребления противников моих верителей и повелеть, чтобы лица, не принадлежащие к данному делу, естьли пожелают делать рукоприкладство, читали бы не всю записку, но только места, до них касающиеся, что можно производить нескольким лицам вместе, что и мною исполнено; и повелеть считать лист кругом[13], но не поллиста за целый. Равномерно повелеть лицам, подавшим прошение к рукоприкладству, являться в Сенат для чтения записки и тем пресечь умышленную проволочку дела, к разорению моих верителей клонящуюся.

Верители мои, претерпевая крайнее разорение сею проволочкою дела, единственно в законной защите Вашего Сиятельства полагают всю свою надежду и от Вашего Высокого покровительства ожидают пресечения неправильных притязаний и проволочек противников, которые если бы чувствовали свое дело правильным, не отдаляли бы, но споспешествовали окончанию оного.

При сем осмеливаюсь представить краткую записку о целом деле[14] и покорнейше прошу Вашего Сиятельства удостоить оную милостивым воззрением.

Отставной капитан Фадей Венедиктов сын Булгарин.

Апреля 30 дня 1822 года.
С.Петербург[15]

---

[12] Гербовая бумага — специальная бумага с изображением государственного герба для обращения в государственные органы, оформления документов и сделок.

[13] Здесь в значении: целиком, полностью.

[14] В краткой записке Булгарин полемизировал с обер-прокурором 3-го департамента Сената, который отвечал на предшествующую жалобу Булгарина, в основном повторяя аргументы, содержащиеся в приведенном прошении.

[15] ОР ИРЛИ. 3159. Прошение написано писарским почерком; текст от слов «отставной капитан» — рукой Булгарина. На первой странице резолюция Лобанова-Ростовского: «Описываемые злоупотребления по канцелярии Сената поверить и, сообразуясь с законами по предмету Статута Литовского, указать немедленно г-ну обер-прокурору, поспешая докладом мне об оказавшемся».

Сенат слушал заявление Парчевского с доказательствами права на опекунство своего родного сына от Екатерины Жуковской 3 августа 1821 г. В октябре 1822 г. Сенат запросил ответ у Виленского суда по жалобам Парчевского о действиях опеки и 24 декабря 1822 г. последовала резолюция Сената по делу членов дворянской опеки, преданных суду за злоупотребления по управлению имением, оставшимся после Жуковского. Министр юстиции дал ей ход 22 ноября 1823 г. после состоявшихся 19 июня и 18 октября 1823 г. в Сенате слушаний о состоянии дела.

Все это время Булгарин общался с сенатскими чиновниками, писал разного рода бумаги и т. д. Так, 13 февраля 1823 г. он сообщал И. Лелевелю: «Наш семейный процесс, от которого зависит участь моя и моих родных, в настоящее время уже в докладе. Кажется, что он вскоре кончится, в настоящее же время я летаю как шальной с утра до вечера, пишу просьбы, экстракты и черт знает что. Только вчера взялся за перевод Вашей статьи и то, уверяю Вас, по ночам. Не знаю, выдержит ли это мое здоровье, историку должно быть известно, что такое процесс в России», через четыре дня о том же он пишет К.Ф. Калайдовичу: «Я теперь занят процессом, и трудно мне заняться “[Северным] Архивом”, а потому идет кое-как». 3 мая 1823 г. ему же: «…мой проклятый процесс в Сенате отвлекает меня от дела и убивает утро» [1, с. 56, 36, 39]. При этом ему приходилось идти и на нарушения. По поводу одного такого случая, сделавшегося известным, он написал прошение Д.И. Лобанову-Ростовскому:

> Сиятельнейший князь
> Милостивый государь!
>
> Вашему сиятельству известны дела, производящиеся в 3 и 5 департаментах Правительствующего сената между Булгариновыми, графиней Тышкевичевою и Парчевским. Противники фамилии Булгарина, истощив все средства ябеды, чтобы вредить Булгарину, и всегда находя преграду в правосудии Вашего Сиятельства, наконец прибегнули к доносам. Г. Парчевский и г. Лихтанский, его поверенный, служащий в Сенате[16], разглашают повсюду, что я по поданному ими доносу буду совершенно уничтожен, предан суду и лишен средств продолжать тяжбу и защищать мое семейство. Но я в правоте души моей прибегаю к великодушию Вашего Сиятельства и, не имея привычки обманывать никого, тем более обязан открыть Вашему Сиятельству всю истину и дело в самом его существе.

[16] Имеется в виду Лаврентий Францович Лихтанский.

По делу о незаконном рождении Антония Парчевского (которое сначала оспорил не Булгарин, а г. Комар, поверенный графини Тышкевичевой) участвовали виленские адвокаты гг. Лопата и Гулевич. Когда дело сие перешло на ревизию в 5 департамент Правительствующего сената, гг. Лопата и Гулевич прислали от себя поверенных, которые, натурально, прибегли ко мне для советов, ибо их верители подвергнулись ответственности за наше дело. Один из сих поверенных просил меня, чтобы я велел для него написать просьбу о дозволении рукоприкладства, что я и учинил, поручив сие моему переписчику г. Иванову. Но как по оплошности г. Ясюковича просьбу сию залили чернилами, то я, встретив его в замешательстве в Сенате, вознамерился помочь ему и, взяв залитую просьбу, тотчас переписал оную начисто в канцелярии Сената. Но, будучи обременен множеством дел и рассеян, я действовал совершенно механически и, переписывая слово в слово, вместо того чтобы сказать «переписывал Ф. Булгарин», написал так, как было в прежней просьбе — «переписывал Иванов».

Сию-то неумышленную мою ошибку, не влекущую за собою никаких дурных последствий и не показывающую никакого вредного умысла, противники мои поставляют мне в жестокое преступление и стараются за оную подвергнуть суду. Если б я подписал чужую фамилию под просьбою, где находятся оскорбительные слова, под доносом или каким-нибудь документом — то сие можно было бы вменить в умысел. Но здесь дело идет не о подписи, а о переписчике, и г. Иванов сознается, что он действительно переписывал просьбу, а другой Иванов не имеет права вступаться, ибо здесь вовсе не упомянуто об имени, а потому и неизвестно, к которому лицу сия переписка относится!

Ваше Сиятельство! Неужели сия неумышленная ошибка (которую я вам открываю чистосердечно, хотя бы и мог бы представлять дело в другом виде) может сделать меня преступником! Нет! Я слишком полагаюсь на Ваше правосудие и великодушие и надеюсь, что Ваше Сиятельство защитите меня, невинного, и не допустите торжествовать ябеде! — Столь низкие средства не могут найти пути к благородной Вашей душе, и я покорнейше прошу Вас, правосудный министр, взять сие уважение пронырства, употребляемое моими противниками, и защитить меня несчастного.

Вашего Сиятельства
Милостивого государя
Покорнейший слуга
Фаддей Венедиктов Булгарин.

Сего 9 июня 1823
СПетербург[17]

[17] ИРЛИ. Р I. Оп. 2. № 374. Л. 1–2. К прошению приложено свидетельство бухгалтера Государственного контроля Иванова, что он переписывал для Булгарина бумаги для журнала «Северный архив», в том числе просьбу о позволении рукоприкладства Ясюковичу.

Из-за разногласий по делу, возникших в Общем собрании Сената (5 сенаторов, в частности, Д.И. Хвостов и Е.А. Кушелев, высказались в пользу графини Тышкевич), оно рассматривалось в Департаменте гражданских и духовных дел Государственного совета 20 мая и 9 ноября 1825 г., а также 26 апреля, 13 и 17 мая 1826 г.[18] М.М. Сперанский подал глубоко аргументированное мнение (указав на сущностное разделение завещания и дара: по польским законам родовое имение можно дарить при жизни, но нельзя завещать по смерти), и большинство членов Государственного совета высказалось в пользу Булгарина и Парчевского. 2 июня 1826 г. император утвердил заключение большинства Государственного совета[19], о чем было объявлено указом от 13 июля 1826 г. (л. 1908). Сенат в Общем собрании выслушал это мнение 23 июля 1826 г. и предписал исполнить высочайше конфирмованное мнение Государственного совета, разослав указы 13 августа 1826 г. (л. 1905–1905 об).

Формально процесс был окончен, однако в ходе исполнения указа возникли сложности с разделом наследства между Булгариными и Парчевским, с 1827 г. они становятся спорящими сторонами. От имени Парчевского теперь (после смерти отца в 1821 г.) выступали его опекуны, братья (по первому браку отца с Саломеей Дзевоньской) Александр и Константин (1801–1855) Парчевские, а П. Булгарин выдал доверенность вести свое дело поверенным: Л.В. Ордынскому (в 1826 г.), позднее Ф.В. Булгарину и адвокату Лопате. 21 февраля 1827 г. Булгарин пишет В.А. Ушакову, что он «от 6 до 12 утра за письменным столом; от 12 до 3 в походе по делам журнальным и процессу (которому нет *конца* после *конца*, в продолжение 10 лет)…», о том же 30 апреля 1827 г. Н.А. Полевому: «…имею процесс…» [1, с. 141, 126]. В середине мая 1827 г. в записке М.Я. фон Фока А.Х. Бенкендорфу, написанной со слов Булгарина, сообщалось, что он едет на три месяца в Остзейские губернии, чтобы отвезти больную жену в Полангген[20], поблизости которого находится имение П. Булгарина Мишуци, полученное им по процессу [2, с. 170].

Задержка в разделе наследства возникла из-за уголовного расследования о законном рождении Антония Парчевского. Суд опроверг обвинения в подлоге, что было подтверждено решением Государственного совета от 19 мая 1827 г. и сенатским указом от 3 июня

Потом испачканный лист переписал Булгарин, так как Иванов был занят (л. 3).

[18] См.: Архив Государственного совета. СПб.: Государственная типография, 1897. Т. 4. Стб. 395–452. См. также: Опись дел Архива Государственного совета. СПб.: Государственная типография, 1908. Т. 1. С. 531 (№ 123), 541 (№ 226).

[19] Архив Государственного совета. Т. 4. Стб. 452.

[20] Ныне город-курорт Паланга в Литве.

1827 г., об этом публично извещал «Литовский курьер»[21]. За извет и клевету графу С. Тышкевичу, его жене, К. Комару и П. Булгарину грозили лишение дворянства и ссылка в Сибирь, но поскольку они отказались от своего извета, то наказание смягчили: постановили графиню Тышкевич от наказания освободить, а П. Булгарина и С. Тышкевича посадить в тюрьму на полгода (л. 1847, 1908 об.).

О. Пржецлавский вспоминал:

> Я прибыл в столицу 22 июля 1822 года и занял номер в гостинице Демута, но, к счастью, на другой же день, совершенно неожиданно встретился с университетским товарищем и другом моим Александром Парчевским, который года уже с два прозябал в Петербурге по своему бесконечному процессу с графиней Тышкевичевой, оспаривавшей законное происхождение его малолетнего единокровного брата, которому доводилось большое наследство. Это тоже было одно из тех уродливых «causes célèbres» <знаменитых (судебных) процессов (*фр.*)>, которое только при тогдашних порядках могло иметь место. Мы тотчас согласились жить вместе, наняли для этого удобную квартиру и прожили так несколько лет, пока продолжался нелепый процесс, который Парчевский окончательно выиграл [4, с. 172].

Новый сенатский указ по процессу последовал 13 сентября 1827 г. В частности, Виленскому главному суду было указано на ошибочное (в нарушение решения Государственного совета) распоряжение передать часть имения, предназначенную Парчевскому, не в ведомство дворянской опеки, а в ведение П. Булгарина, и предписано изъять эту часть из управления Булгарина. Виленский главный суд, не дожидаясь окончательного раздела имения (из-за дела о Парчевском), решил немедленно взыскать с П. Булгарина большой штраф; при этом на другое имение Булгарина из-за долгов был наложен запрет, таким образом он был лишен возможности выплатить необходимые суммы.

В связи с этим по просьбе Булгарина А.Х. Бенкендорф обратился с письмом к управлявшему в то время Министерством юстиции А.А. Долгорукову:

[21] Dodatek do Gazety Kuryera Litewskiego. 1827. № 82. 15 lipca.

Милостивый государь, князь Алексей Алексеевич!

Принимая участие в судьбе г. Булгарина, я прошу покорнейше Ваше Сиятельство защитить его своим покровительством, полагая, что просьба его согласуется с законами и порядком, наблюдаемым при течении дел. В чем совершенно полагаюсь на беспристрастие и правосудие ваше, милостивый государь, честь имею быть с истинным почтением и преданностью

Вашего Сиятельства

23 октября 1827[22]

На следующий день Долгорукову написал и сам Булгарин:

Его Сиятельству господину тайному советнику, товарищу министра юстиции и управляющему министерством, сенатору и разных орденов кавалеру, князю Алексею Алексеевичу Долгорукову,

от чиновника Министерства просвещения 8-го класса,

Фаддея Булгарина,

по доверенности дяди его подконюшего литовского Булгарина

покорнейшая просьба.

Десять лет продолжалась тяжба между Булгариным, Парчевским и графинею Тышкевичевою об наследственном имении, которое желала себе присвоить графиня Тышкевичева после первого мужа своего Жуковского. Наконец дело решено в пользу законных наследников, и мнением Государственного совета, Высочайше утвержденным 13 июня 1826 года, наследственное имение, состоящее в Виленской и Могилевской губерниях, повелено отдать во владение Булгариным и малолетнему Парчевскому; но как о законном рождении сего Парчевского производилось также дело по доносу поверенного графини Тышкевичевой шамбеляна[23] Комара, то часть Парчевского до окончания дела повелено содержать в управлении опеки. Наконец решилось в Государственном совете и сие дело, мая 30, 1827 года, и в мнении, Высочайше утвержденном, повелено взыскать с дяди моего Булгарина навязки[24], за участие в деле в качестве опекуна законных наследниц, дочерей своих. Все навязки составляют, по мнению Виленского губернского правления, сумму 15 000 злотых польских, или 9 000 рублей ассигнациями.

[22] ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 82. Л. 8. Печатается по копии.

[23] Шамбелян — название камергера в Речи Посполитой.

[24] Навязка — форма наказания по Литовскому статуту: штраф в пользу потерпевшего.

Указ о разделе наследственного имения, взыскании с незаконных продавцов оного и прочие обстоятельства по сему делу поныне еще не выполнены Виленского главного суда 2 департаментом. При исполнении указа прежний комплект сего суда нашел препятствия и недоумения, которые надлежало разрешить Правительствующего сената Общему собранию, и новый указ об разделе имения и взыскании с разных лиц в пользу Булгариных и Парчевского выслан из Правительствующего сената только 17 сентября 1827 года. Между тем Виленское губернское правление и гродненский гражданский губернатор приступают к исполнению последнего решения по делу о законорождении Парчевского и взыскивают навязок 9 000 рублей с дяди моего Булгарина, не обращая внимания на то, что прежде надлежало исполнить первое решение и разделить имение, а после взыскивать деньги с оного, ибо по польским и литовским законам деньги взыскивают не с лица, а с имения, когда оное у кого имеется. В указе Правительствующего сената от 17 сентября 1827 года снято запрещение с имения Булгарина именно для того, чтобы он, заложив оное в ломбарте, мог удовлетворить немедленно всех кредиторов прежнего владельца, как то повелено в мнении Государственного совета. В решении дела о законорождении Парчевского именно сказано, что оно составлено по польским законам. Но ныне Виленское и Гродненское губернские правления вовсе отступают от сего правила, стращая дядю моего банкротским уставом, который вовсе не уместен в сем деле. Налагая запрещение на имение дяди моего, сим самым лишают его средств заплатить навязки и приводят его в крайнее разорение. По закону и по существующему порядку в польских провинциях надлежало бы Булгарину назначить крайние сроки к уплате, не подвергая его имение запрещению, ибо нельзя предполагать, чтобы каждый имел у себя капиталы. Напротив того, Виленское и Гродненское губернские правления упустили все сие из вида, и приложенная при сем копия предписания нижнего земского суда[25] явно обнаруживает меры слишком поспешные и с законом не сообразные.

Прибегая к великодушию и правосудию Вашего Сиятельства, покорнейше прошу защитить от разорения дядю моего и *во-первых*: предписать Виленского главного суда 2 департаменту, чтобы он немедленно отдал Булгариным и Парчевскому и разделил между

[25] Нижний земский суд — уездное (в землях бывшего Великого княжества Литовского — поветовое) выборное административно-полицейское учреждение, созданное в 1775 г. Он состоял из избираемого местным дворянством на три года капитан-исправника и двух или трех земских заседателей, а также двух заседателей от «поселян». В его функции входили приведение в исполнение распоряжений правительственных властей, наблюдение за исправным состоянием дорог и мостов, меры к прекращению заразных болезней и падежей скота, разбирательство по маловажным проступкам и т. д.

ними наследственное имение, из коего часть находится в руках незаконного покупщика графа Платера; *во-вторых*: предписать Виленскому и Гродненскому губернским правлениям, чтобы они не налагали запрещения на имение Булгарина, а когда бы оно было наложено, то сняли оное и назначили законный срок для уплаты Парчевскому навязок. Срок сей не иначе может быть назначен, как от времени раздела имения между Булгариными и Парчевским, дабы Булгарин, свободно распоряжая своею частью, мог без разорения своего уплатить деньги, чего теперь он сделать не в состоянии, когда на имение будет наложено запрещение.

Служащий в Министерстве просвещения 8-го класса
Фаддей Булгарин.

Октября 24 дня
1827 года.
С.П.бург.[26]

Через несколько дней Долгоруков ответил Бенкендорфу:

Милостивый государь Александр Христофорович!

Вследствие письма Вашего Превосходительства ко мне от 24 минувшего октября, считаю нужным уведомить вас, милостивый государь, что принесенную мне чиновником 8-го класса Фаддеем Булгариным, по доверенности дяди его подконюшего литовского Булгарина, просьбу, касательно дела об имении, оставшемся после детей маршала Жуковского, предложил я в подлиннике Правительствующему Сенату, который по рассмотрении оной и вновь поданной Булгариным Сенату по тому же предмету просьбы, затребовал противу бумаг сих, указами 22-го ноября посланными, от Виленского и Гродненского губернских правлений надлежащих объяснений; а дабы по получении оных разрешение помянутых просьб Булгарина не замедлилось, о том вместе с сим сделал я со своей стороны и по Сенату надлежащее распоряжение.

С совершенным почтением и преданностию
Имею честь быть
Вашего Превосходительства покорнейший слуга
Князь Алексей Долгоруков.

29 октября 1827 г.[27]

[26] РГИА. Ф. 1347. Оп. 65. Ед. хр. 1070. Л. 1863–1864. На первом листе прошения сверху резолюция А.А. Долгорукова: «25 октября. Препроводить сию просьбу обер-прокурору для предложения при прениях Пра[вительствующему] Сенату. Немедленно». Внизу на первом листе: «Слуш[али] в Объед[иненном] соб[рании] 11 ноября 1827».

[27] ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 82. Л. 17.

Прошение на имя императора о том же, записанное со слов Ф. Булгарина, 4 ноября 1827 г. подал Л. Ордынский. Сенат слушал об этом 11 ноября 1827 г., а рапорт Виленского губернского правления об исполнении решения Государственного совета 22 декабря 1827 г. Однако затем вновь по этому же вопросу Ордынский, как поверенный П. Булгарина, подал прошение 23 апреля 1828 г. Дело о разделе наследства готовилось к рассмотрению в Сенате: рапорт об исполнительном производстве из Виленского главного суда от 28 марта 1828 г. поступил в Сенат, предприняли определенные действия и спорящие стороны.

Бенкендорф написал председателю Государственного совета князю В.П. Кочубею:

> Милостивый государь,
> граф Виктор Павлович!
>
> Г[осподин] коллежский ассесор Булгарин, известный наш журналист, в судьбе которого я принимаю особенное участие, подал мне записку о деле двоюродных его сестер, с просьбою довести оное до сведения Государя Императора[28].
>
> Обстоятельства, в записке прописанные, заслуживают, сколько мне кажется, особенное уважение, но поелику дело сие было уже рассмотрено в Государственном Совете, то я и счел долгом отнести поступившие ко мне по сему предмету бумаги на благосклонное и справедливое уважение Вашего Сиятельства.
>
> С истинным высокопочитанием и совершенною преданностию честь имею быть
>
> Вашего Сиятельства
> Покорнейший слуга
> А. Бенкендорф.
>
> 25 апреля 1828[29]

Кочубей 18 сентября препроводил бумаги статс-секретарю Н.М. Лонгинову, спрашивая, не доложит ли он императору об этом деле. На это Лонгинов ответил ему 26 сентября 1828 г.: «…на всеподданнейший доклад мой по сему прошению Высочайшего соизволения на оное не последовало, за окончанием дела сего в Государственном Совете»[30].

---

[28] Речь идет о всеподданнейшей просьбе о рассмотрении дела о законнорождении Антония Парчевского.

[29] ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 82. Л. 20. Печатается по копии.

[30] Там же. Л. 21–22.

27 сентября 1828 г. сестры Иоганна и Казимира Булгарины в присутствии отца и свидетелей (в их числе значится и К. Парчевский) составили доверенность на имя Ф.В. Булгарина на ведение своих дел по процессу (л. 1870–1872); 27 ноября того же года он подал прошение на разрешение ознакомиться с запиской, подготовленной к предстоящему Общему собранию департаментов Сената (разрешение было получено 26 января 1829 г.). Однако, из-за отъезда Булгарина, с документами, по его доверенности, знакомился титулярный советник А.П. Барихин (разрешение было получено 26 июля 1829 г.) Подробную просьбу в Сенат, с приложением родословной, подал и Александр Парчевский.

В архивном деле имеется объемистая печатная записка с рассмотрением поступивших документов к слушаньям в Общем собрании (л. 1898–1992). Согласно этой записке из более 20 наименований крупных и мелких имений, составивших наследство Жуковского, Виленским судом было определено сестрам Булгариным: в Климовицком уезде имение Забялышин (174 двора, в них мужских душ 602); в том же уезде фольварк Иоганов (86 дворов, в них мужских душ 140); в Мстиславском повете фольварк Княжищев (21 двор, в них мужских душ 70); фольварк Войнин (61 двор, из них мужских душ 281); фольварк Фастов (36 дворов, в них мужских душ 13), т. е. более 1100 крепостных мужчин, а в целом порядка 2 тыс. крепостных; кроме того, дом в г. Мстиславе (л. 1920).

Общее собрание департаментов Сената по прошениям братьев и опекунов Парчевского, дочерей Булгарина и гр. Тышкевичевой состоялось 31 мая, 13 июня, 27 июня, 1 и 7 ноября 1830 г.

Булгарин 20 сентября подал прошение Д.Н. Блудову, который тогда временно управлял министерством юстиции.

Милостивый Государь
Дмитрий Николаевич!

Государственный Совет, признав мнением своим, что имение, оставшееся после Эмилии Жуковской, принадлежит двоюродным сестрам ее, двум Булгариным, и двоюродному брату ее, Антону Парчевскому, повелел 2-му департаменту Виленского главного суда разделить сие имение между наследниками по законам того края, где находится имение и где производится тяжба. 2-й департамент Виленского главного суда разделил имение правильно, по точному смыслу Литовского Статута раздела 3-го артик[ула] 17, то есть на головы, ибо в законе сказано, что буде бы все братья померли (как то случилось с Жуковскими), то имение переходит *в нисходя-*

щую линию, к сестрам и их потомству. Но как сестер Жуковского не было в живых в то время, когда открылось наследство, то имение, по смыслу закона, переходит к их детям, и наследство открывается не по братьях Жуковских и не по сестрах их, но по Эмилии Жуковской, на имя коей сделан ввод в имение, или интромиссия. Закон сей иначе растолковали в Сенате, в чем, конечно, не виновен польский законодатель, коего обвиняют в неясности. В Польше на чье имя сделан ввод или интромиссия в имение, тот уже и признается полным властелином имения, следовательно, по смерти своей, открывает прямое после себя наследство, а в таком случае вовсе не нужно обращаться к восходящей линии, т. е. к матерям, когда они уже не были в живых при получении наследства их племянницею Эмилиею Жуковскою.

Если бы даже матери Булгариных и Парчевского были живы в то время, то все-таки не получили бы наследства после смерти своей племянницы, но получили бы их дети, т. е. Булгариновы и Парчевский. Напротив того, если б у Жуковского не было дочери Эмилии, тогда бы имение перешло к его сестрам, Булгариной и Парчевской, а если бы даже и они не были в живых, то нынешние наследники Булгарины и Парчевский, получая наследство после дяди, должны были бы разделить оное на две части, ибо получили бы оное в степени своих матерей. Но теперь это не может иметь места, когда наследство получается не после дяди, но после двоюродной сестры, т. е. *в нисходящей линии*. Так гласит вышеупомянутый Статут Литовский, и так делалось всегда в Литве, по точному смыслу сего закона. Ныне Сенат, объявив, что сей закон неясен, и употребив вместо оного Прусскую корректуру[31], вовсе не идущую в дело при сем случае, поколеблет в основании существенное право Литвы и нарушит спокойствие многих семейств, владеющих имениями на основании Статута Литовского. Это будет настоящий переворот в юриспруденции!

Почти все древние законы в европейских государствах, так же как в Литве и Польше, составлялись (до XIX века) по римским правам. Это ясно и математически доказано. Во всех школах учили римскому праву и латинскому языку, и судья в древней Польше непременно обязан был знать это. Оттого-то и Статут Литовский,

[31] В Западной Пруссии (Королевской Пруссии), перешедшей к Польше по Торнскому договору 1466 г., действовали разнообразные законодательные нормы: магдебургское, любекское, хелминское и польское право. Позднее обязательным стало хелминское право. В 1598 г. был издан законодательный акт, которым за прусской шляхтой обеспечивались права. Он считался видоизменением хелминскаго права и поэтому был назван Прусской корректурой. Этот акт действовал только в трех западных воеводствах Польши.

составленный по образцу римских законов, с некоторыми применениями к местностям, был понятен судьям и не требовал толкований. Две сестры Булгарины и Парчевский суть наследники *в нисходящей линии*[, они] получают наследство *после двоюродной сестры*, каждый *в равной степени родства* и *по одному праву*, следовательно, по смыслу Статута Литовского раздела 3-го артик[ула] 17 должны получить каждый *равную часть*. Сей закон есть не что иное, как повторение римского права: Novellae 118 c. 3 in fin: «Secundum personarum numeram inter eos hereditas dividatur; quod *in Capita* nostrae leges appellant»[32], и проч.

Осмелился ли бы 2-й департамент Виленского главного суда в столь важном деле, на которое устремлено было внимание целой Литвы, поступить противузаконно в разделе, как полагают некоторые господа сенаторы, дающие ныне иной смысл закону, который несколько сот лет принимался всегда в одном смысле? По Прусской корректуре делили наследство в Польше и в тех провинциях, где Статут Литовский был не в действии, но в Литве не было сему примеров, и те ошибаются, которые Волынию и Подолию почитают Литвою! К чужим законам позволялось тогда только прибегать в Польше, когда не было своего на какой-нибудь случай; но если б позволили прибегать к другим законам тогда, когда старый закон покажется судье *непонятным* или *несогласным с его мнением*, то из этого родилось бы бесконечное замешательство в юриспруденции. Законодатель не виновен, что его не понимают или что закон не нравится судьям. Можно уничтожить закон и заменить его другим, но доколе он существует, не должно прибегать к другому, понятнейшему. Таким образом, ссылка на Прусскую корректуру здесь вовсе не у места.

На чем основываются господа сенаторы, утверждая, что имение после Эмилии Жуковской должно возвратиться к ее теткам (прежде ее умершим), а после уже перейти к их детям? На Прусской корректуре, утвержденной Сеймом 1598 года! Но Польша, принимая сей закон, уничтожила ли Статут Литовский? Нет! Так почему основываться не на Статуте Литовском, а на корректуре? Не постигаю!

Еще непостижимее для меня мнение гг. сенаторов, будто дележ должен быть произведен не по Эмилии Жуковской, но в степени родных сестер ее (умерших прежде ее). Это почему? Разве в Сенате

[32] Новелла № 118, гл. 3 в конце: «Пусть наследство между ними будет разделено по числу лиц; что наши законы называют делением *по головам*» (*лат.*). Имеются в виду «Новеллы Юстиниана» — сборник законов, подготовленный в VI в. при императоре Юстиниане I.

не известно, что процесс производился о наследстве по *Эмилии Жуковской*; что В ы с о ч а й ш е ю Конфирмациею мнение Государственного Совета утверждено сие и что наконец *на имя Эмилии Жуковской* был сделан ввод в имение, ввод, признанный самим Сенатом! Если по российским законам это маловажно, то по польским весьма важно, ибо лишь только ввод в имение сделан, то уже владетельница, невзирая на малолетство, *представляет гражданское лицо*. Господа сенаторы говорят, что поелику Эмилия Жуковская не оставила прямых наследников, то имение обращается в восходящую линию. По русским законам так, но по Статуту Литовскому нет, и имение в таком случае поступает в *нисходящую линию* и именно *делится на головы*. Вообще, самые почтенные люди могут ошибиться, судя по законам другого государства, писанным чужим языком и, что главное, противоположным законам их отечества. Первое предубеждение сильно и с трудом побеждается!

Это дело будет иметь влияние на судьбу целой провинции: оно представляется как юридический вопрос, и потому покорнейше прошу Ваше Превосходительство обратить на сей предмет особенное внимание.

Я не смею никого обвинять письменно в упущениях при докладах или при истолковании дела. Не хочу обвинять никого в пристрастии, а особенно судей моих, хотя знаю, в какой тесной дружбе находятся мои противники и их поверенные с некоторыми из тех *делопроизводителей*, у коих было в руках мое дело, чему я сам был свидетелем.

Поручаю судьбу несчастных сирот Вашему правосудию и при сем не могу умолчать об одном обстоятельстве, приводящем меня в беспокойство. Г. юрисконсульт Солодовников, будучи еще обер-секретарем[33], был удален от наших дел покойным моим дядею (тому 8 лет) и мною за два года пред сим, по тесной дружбе его с отцом Парчевского. Брат г. юрисконсульта[34] докладывал дело в Сенат!! Г. Брилевич[35] уже несколько раз показал свое неблагорасположение к нашей фамилии.

Во всем полагаюсь на Ваше Превосходительство и на беспристрастие гг. обер-прокуроров, составляющих Консультацию[36], и прошу

[33] Имеется в виду Андрей Иванович Солодовников (? – 1848).

[34] Речь идет о юрисконсульте Министерства юстиции Василии Ивановиче Солодовникове.

[35] Имеется в виду Василий Сидорович Брилевич, другой юрисконсульт министерства.

[36] Имеется в виду орган Министерства юстиции, назвавшийся Консультация, при Министерстве юстиции учрежденная, председателем которого был министр, а входили в него товарищ (т. е. заместитель) министра юстиции, директор Департамента Министерства

только вникнуть в решение 2-го департамента Виленского главного суда и обратить внимание на примеры раздела имения не в Польше, Волынии и Подолии, *но в Литве*, где судились Статутом Литовским.

Мало того, что Сенат велит отнять у Булгариных третью часть имения, но, не ссылаясь уже ни на какие законы, повелевает Булгариным заплатить деньги Парчевскому, за время владения, и дать отчет, налагая притом запрещение на имение Булгариных. Это совершенное разорение, одним ударом! В целом мире Dommages et intérêst[37] платит сторона только за *насильственное* владение, а Булгарины получили имение *по решению суда*, в исполнение В ы с о ч а й ш е й Воли. Если Сенат полагает, что суд судил неправильно, то пусть он и отвечает. Впрочем, откуда же взять денег Булгариным, если имение в запрещении? Чем расплатиться с Тышкевичевою? Булгариным присудил Государственный Совет взять отчеты с Тышкевичевой и опекунов за управление имением и незаконные продажи оного. Кажется, было бы правильнее *прежде рассчитаться*, а *после платить*, что кому следует; но с 1826 года Булгарины не могут рассчитаться ни с Тышкевичевою, ни с опекунами и незаконными покупщиками имения, а Сенат повелевает тем же лицам взыскивать деньги с Булгариных, немедленно, в скорейшие сроки, не ожидая расчетов! — Боже! призри угнетенных сирот!

С истинным высокопочитанием и совершенною преданностию честь имею пребыть

Вашего Превосходительства
Милостивого Государя
всепокорнейший слуга
Фаддей Булгарин.

20 сентября 1830
СПбург[38]

После того как на летних заседаниях в Общем собрании департаментов Сената произошли разногласия по делу, в Сенат поступило предложение Д.Н. Блудова от 30 октября 1830 г., заслушанное 1 ноября 1830 г. Основываясь как на Литовском Статуте, так и на Прусской корректуре, он предложил, отменив решение Виленского главного суда, разделить оставшееся от Жуковского наследство

юстиции и обер-прокуроры департаментов Сената. В Консультации рассматривались дела, не получившие разрешения в Сенате, дела, вносившиеся по распоряжению министра и др.

[37] Возмещение убытков (*фр.*).

[38] РГИА. Ф. 1101. Оп. 2. Д. 323. В архивной описи адресат письма не идентифицирован.

не на три (две — сестрам Булгариным, одну — Парчевскому), а на две равные части Парчевскому и Булгариным; при этом П. Булгарин должен выплатить все перебранное за минувшее время Парчевскому, представив все отчеты о доходах с имений; взять часть имения Булгарина и отдать Парчевскому, а для осуществления этого «подвергнуть имение Булгарина до окончания расчетов запрещению в письме купчих, закладных и всякого рода сделок» (л. 2024–2025). Обоим наследникам вместо выплаты в пользу графини Тышкевич 5% с дохода, составляющего 20 тыс. червонцев (54 тыс. рублей серебром), назначить 7% (как и предлагал Виленский суд), по равному числу из каждой половины, в противном случае она может завладеть имением наследников. За Тышкевич оставить в пожизненное владение половину имения Куртовяны и дом в Вильне. Жалобам на Виленский суд отказать. Сенаторы большинством голосов согласились с предложением Блудова (л. 2029).

Последний указ Сената о наследстве Жуковского датирован 2 января 1831 г. 14 февраля 1831 г. Виленское губернское правление отправило рапорт о полученных указах. В 1832–1833 гг. Сенат получал и слушал рапорты Виленского губернского правления и Виленской палаты гражданского суда об исполнении сенатского указа.

1 июля 1833 г. Булгарин писал М. Малиновскому:

> Ты знаешь, что у нас был злополучный процесс Булгариных и Парчевских с графиней Тышкевич. Знаешь также, что мне достались в наследство 50 хат в скверной Белоруссии. Мои родственники владеют имением с 1826 года и не выделили меня под тем предлогом, что имение не было разделено между Булгаринами и Парчевскими. Я ждал этого раздела 6 лет! Сейчас я слышал, что собираются приступить к разделу и что для этого назначены судьи из 2-го департ[амента] Главного виленского суда. Правда ли это? Как обстоят дела? [1, с. 468–469].

Чем и когда закончился раздел, пока точно установить не удалось. Судя по разного рода свидетельствам, Булгарин получил в 1835 г. упоминавшийся выше фольварк Войнин (Войнино, Войнинск) и одноименное село в Любавичской волости Мстиславского уезда Могилевской губернии, откуда вывез в свое имение Карлово (около Дерпта) 350 крестьян[39]. От могилевского имения он через некоторое

[39] См.: [1, с. 436; 7, с. 185], а также: *Булгарин Ф.В.* Путевые заметки на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно, весною 1835 года // Северная пчела. 1835. № 140, 141, 150–154, 175, 176, 189–192, 197, 212–215.

время избавился; в его формулярном списке 1857 г.[40] за ним значилось только Карлово, приобретенное в 1828 г. на литературные доходы. Во-первых, ему не хотелось владеть крепостными[41], а во-вторых, за имением нужно было наблюдать, а это явно не входило в его планы.

Однако, не получив адекватного вознаграждения за свои многолетние труды по ведению процесса, Булгарин приобрел нечто большее: ценные знания как по процедурной части судопроизводства, так и по закулисной его части. Никто из русских писателей и журналистов первой половины XIX в. не имел подобного опыта, и Булгарин использовал его в полной мере в своих нравоописательных очерках, романах и записках для III отделения.

В целом ряде его произведений присутствует проблематика нарушения закона и судопроизводства, а в некоторых она находится в центре повествования. Например, в очерке Булгарина «Ходатай по делам, или На то щука в море, чтоб карась не дремал» содержится колоритная автохарактеристика ходатая по делам: «У нас это самое наживное звание. Для приобретения богатства на сем поприще надобно иметь только хорошие ноги, звонкий язык, легко повешенный в горле, как можно менее стыда, как можно более слов, ни крошки совести и лисью голову», «ссылки, могущие дать превратный толк законам, высосаны мною из Судебника, Уложения Царя Алексея Михайловича, всех регламентов, инструкций и Воинского процесса, как подобает при опровержении законного решения»[42]. Соответствующие описания можно найти во всех романах Булгарина.

О судопроизводстве Булгарин не раз писал и в своих аналитических записках для III отделения. Одна из них, под названием «Юридические соображения о единственном средстве к пресечению бесконечных процессов в России», была подана в декабре 1826 г. В ней он констатировал следующее: «...у нас нет окончательного судилища, коего решения были бы ненарушимы, и <...> один процесс у нас возрождается беспрестанно по одним только прошениям, подаваемым на Высочайшее имя. Возможность возобновлять однажды конченные процессы есть величайший вред для спокойствия каждого, [и] нарушает права собственности <…>. Никто не уверен ни в своем наследии, ни в достоянии предков. У нас пока процесс

[40] См.: РГИА. Ф. 412. Оп. 8. Д. 7. Л. 106–112.

[41] В Лифляндской губернии, где он купил Карлово, крепостное право было отменено в 1819 г.

[42] Северная пчела. 1827. № 6. См. также очерк Булгарина «Ходатай на ловле» (Северная пчела. 1827. № 12).

дойдет до Высочайшей конфирмации, он должен пройти чрез пять инстанций, не менее как в десять лет, и подвергнуться мнению по крайней мере шестидесяти судей. После всего этого проигравшая сторона не теряет надежды возобновить дело, одною просьбою на Высочайшее имя, о рассмотрении решения Государственного совета, высочайше конфирмованного или в Комиссии прошений, или в Комитете министров, <…>. Законы теряют свою силу <...>. Переменить закон состоит в доброй воле Государя Императора, но решение Его по делам частным, прошедшим чрез пять инстанций, должно быть твердым и ненарушимым, для блага общего и для утверждения мнения о неизменности воли Царской, на коей основывается безопасность собственности Его подданных» [2, с. 99–101].

Испытав сильное влияние просветительской идеологии, для которой принципы управления государством и нравственные нормы, которыми правитель должен руководствоваться в сфере правосудия, были очень важны, в ряде произведений 1822–1826 гг. в жанре восточной повести («Правосудие и заслуга», «Закон и совесть», «Милость и правосудие»)[43] он обсуждал и общие вопросы управления государством и судопроизводства. Эпиграф повести «Закон и совесть» почерпнут из «Наказа Екатерины»: «Власть судейская состоит в одном исполнении законов…». Правосудный халиф в этой повести поучает: «Для того установлены законы, которые суть не что иное, как со́вестное заключение на различные случаи и деяния человеческие, то есть ум и совесть, облеченные в известные формы, которые каждый гражданин обязан соблюдать во всей строгости»[44].

Как видим, богатые жизненные впечатления, связанные с сферой судопроизводства, отразились как на мировоззрении Булгарина, так и на его литературной деятельности.

Литература

1. «Благо разрешился письмом...»: переписка Ф.В. Булгарина / сост. А.И. Рейтблат; подгот. текста и коммент. Н.Н. Акимовой и А.И. Рейтблата. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 816 с.

2. Видок Фиглярин: письма и записки Ф.В. Булгарина в III отделение / публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблата. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 704 с.

[43] О произведениях Булгарина в этом жанре см.: [3; 5].

[44] *Булгарин Ф.В.* Закон и совесть [1823] // Булгарин Ф.В. Сочинения: [в 12 ч.]. 2-е изд., испр. СПб.: В тип. Александра Смирдина, 1830. Ч. 5. С. 188–189.

3. *Осповат А.Л.* К источникам пушкинской темы *милость — правосудие* («восточная повесть» Ф.В. Булгарина) // Полγτροπη: к 70-летию В.Н. Топорова. М.: Индрик, 1998. С. 591–595.

4. Поляки в Петербурге в первой половине XIX века / сост., предисл., примеч. А.И. Федуты. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 912 с.

5. *Рахманов Б.Р., Сайдали И.М.* Мотивы милости и правосудия в «восточных» повестях Ф.В. Булгарина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Т. 2, № 4. С. 87–99.

6. *Рейтблат А.И.* Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: ст. и мат. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 632 с.

7. *Шор Т.* «Нелитературное» Карлово и его обитатели: (обзор документов Национального архива Эстонии) // Новое литературное обозрение. 2014. № 5 (129). С. 175–191.

Research Article and Publication of Archival Documents

F.V. Bulgarin — Legal Representative

© 2026. Abram I. Reitblat
New Literary Review
Moscow, Russia

Abstract: One of the obscure aspects of F.V. Bulgarin's biography is the legal case in which he was involved from the mid-1810s to the early 1830s. Based on an extensive court case file held at the Russian State Historical Archive (RGIA), as well as a number of other sources, this article provides a detailed account of the course of this convoluted legal proceeding, which occupied the Governing Senate and the State Council for many years and played an important role in Bulgarin's life and work. The article includes previously unpublished letters and petitions from Bulgarin to D.I. Lobanov-Rostovsky, as well as to A.A. Dolgorukov and D.N. Bludov, who (at various time) headed the Ministry of Justice, and also petitions on Bulgarin's behalf submitted to A.A. Dolgorukov and to V.P. Kochubey, Chairman of the State Council, by A.H. Benckendorff, Chief of the Third Department.

Keywords: F.V. Bulgarin, writer's biography, trial, Senate, State Council, Lithuanian Statute.

Information about the author: Abram I. Reitblat, PhD in Pedagogy, Editor, "New Literary Review" Publishing House, Tverskoy Blvd., 13, 123104 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4957-7401

E-mail: reitblat@nlobooks.ru

For citation: Reitblat, A.I. "F.V. Bulgarin — Legal Representative." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (40), 2026, pp. 100–128. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-100-128

References

1. *“Blago razreshilsia pis’mom...”: perepiska F.V. Bulgarina* [*“Thank Goodness, Wrote the Letter...”: Correspondence of F.V. Bulgarin*], comp. by A.I. Reitblat; text prep. and comm. by N.N. Akimova and A.I. Reitblat. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2025. 816 p. (In Russ.)

2. *Vidok Figliarin: pis’ma i zapiski F.V. Bulgarina v III otdelenie* [*Vidok Figlyarin: Letters and Notes of F.V. Bulgarin to the 3rd Section*], publ., comp., foreword and comm. by A.I. Reitblat. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 704 p. (In Russ.)

3. Ospovat, A.L. “K istochnikam pushkinskoi temy milost’ — pravosudie (‘vostochnaia povest’ F.V. Bulgarina)” [“On the Sources of Pushkin’s Theme of Mercy and Justice: F.V. Bulgarin’s ‘Eastern Tale’.”]. *Полутропоп: k 70-letiiu V.N. Toporova* [*Полутропоп: On the 70th Anniversary of V.N. Toporov*]. Moscow, Indrik Publ., 1998, pp. 591–595. (In Russ.)

4. *Poliaki v Peterburge v pervoi polovine XIX veka* [*Poles in St. Petersburg in the First Half of the 19th Century*], comp., introd. and notes by A.I. Feduta. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 912 p. (In Russ.)

5. Rakhmanov, B.R., Saidali, I.M. “Motivy milosti i pravosudiia v ‘vostochnykh’ povestiakh F.V. Bulgarina” [“Motifs of Mercy and Justice in F.V. Bulgarin’s ‘Eastern’ Novellas”]. *Vestnik Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia. Humanitates*, vol. 2, no. 4, 2016, pp. 87–99. (In Russ.)

6. Reitblat, A.I. *Faddei Venediktovich Bulgarin: ideolog, zhurnalist, konsul’tant sekretnoi politsii: stati’ i materialy* [*Faddey Venediktovich Bulgarin: Ideologist, Journalist, Secret Police Consultant: Articles and Materials*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 632 p. (In Russ.)

7. Shor, T. “‘Neliteraturnoe’ Karlovo i ego obitateli: (obzor dokumentov Natsionalnogo arkhiva Estonii)” [“‘The ‘Non-Literary’ Karlovo and Its Inhabitants: (A Review of Documents from the National Archives of Estonia)”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 5 (129), 2014, pp. 175–191. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 19.03.2026
Одобрена после рецензирования: 12.05.2026
Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 19.03.2026
Approved after reviewing: 12.05.2026
Date of publication: 25.06.2026

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-129-147
https://elibrary.ru/WLZPBE

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (40), 2026

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Отражение реалий российского судопроизводства в романах Ф.В. Булгарина

© 2026, Н.Н. Акимова
Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье рассматривается литературное преломление в романах Ф.В. Булгарина автобиографических реалий, связанных с его участием в семейном судебном процессе. Накопленный за годы многолетней тяжбы опыт позволил Булгарину показать сам механизм судопроизводства в дореформенной России. В своем первом нравственно-сатирическом романе «Иван Выжигин» он еще во многом опирается на сатирические традиции русской и европейской просветительской литературы, в дальнейшем, в жанре романа-фельетона, Булгарин подвергает более сложному анализу российскую систему правосудия — сравнительному с европейской, доказывая необходимость адвокатуры как обязательного элемента состязательного судебного процесса.

Ключевые слова: Ф.В. Булгарин, история русской литературы XIX в., нравственно-сатирический роман, роман-фельетон, судопроизводство, судебный процесс.

Информация об авторе: Наталья Николаевна Акимова — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой гуманитарных и философских наук, Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина, Университетская наб., д. 17, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0004-2195-5903
E-mail: akimova_natalia@inbox.ru

Для цитирования: *Акимова Н.Н.* Отражение реалий российского судопроизводства в романах Ф.В. Булгарина // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 129–147. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-129-147

Романы Ф.В. Булгарина, рисовавшие широкую картину нравов российской действительности, учитывали и его биографические

обстоятельства. Во-первых, ни один из пяти нравоописательных романов не обошелся без обращения к теме сиротства и, как следствие, — к сопровождавшим сироту судебным процессам, связанным с получением наследства и деятельностью опекунов. Во-вторых, источником одного из значительных сюжетных планов, связанного с изображением судопроизводства, стал полученный за годы участия в многолетнем судебном процессе опыт, дающий непосредственное знание механизма российской системы правосудия[1].

Булгаринское критическое описание российского судопроизводства продолжало сложившуюся литературную традицию, восходящую к хорошо известным (в том числе благодаря многочисленным лубочным изданиям) древнерусским сатирическим повестям о неправедной судебной системе «Повесть о Ерше Ершовиче» (XVI в.) и «Повесть о Шемякином суде». Последняя сохранилась в рукописях XVII и XVIII вв. в разных стихотворных и прозаических вариантах. Обе повести были широко известны по лубочным картинкам. Сравнительно-исторические исследования свидетельствуют о сюжетных параллелях «Повести о Шемякином суде» в восточных и западных литературах. Так, Н.С. Тихонравов указал на польские источники, среди которых популярная повесть «Похождения нового увеселительного шута и великого в делах любовных плута Совест-Драла, большого носа» (рус. перевод: СПб., 1774), а также анекдот об обвиняемом, “со sędziemu kamień ukazował” (который судье камень показывал), из стихотворного переложения фольклорных рассказов “Figliki” («Фиглики», 1574) известного польского писателя М. Рея [8, с. 310–313].

Среди непосредственных литературных предшественников Булгарина — сатирические произведения XVIII столетия: критика судебных злоупотреблений — одна из постоянных тем сатирических обличений и нравоучений просветительской литературы XVIII в. (см.: сатиры Антиоха Кантемира и А.П. Сумарокова «О худых судьях», «Другой хор ко превратному свету»). Неслучайно Булгарин назвал их в качестве таковых в предисловии к своему первому роману «Иван Выжигин», особенно выделив комедию Н.Р. Судовщикова «Неслыханное диво, или Честный секретарь» (1802; премьера состоялась в Петербурге в апреле 1809 г.; под названием «Великодушный секретарь» комедия шла на сцене до 1822 г.) и «Ябеду» (1798) В.В. Капниста. Подобно булгаринским романам, в основу комедии Капниста была положена история многолетней судебной тяжбы

[1] См. об этом статью А.И. Рейтблата в настоящем номере «Литературного факта».

с помещицей, незаконно претендовавшей на имение его матери. Благодаря знанию автором деталей судебного механизма обличаемые в «Ябеде» судебный произвол и взяточничество предстали не как уклонение от нормы «дворян злонравных», а как общественное зло, явление, определяющее состояние всего судопроизводства в России.

Очевидной опорой послужила Булгарину и польская просветительская литература, хорошо знакомая ему во многом благодаря шубравскому опыту. Для шубравской литературной практики характерно сатирическое начало: исправление нравственных пороков, социальных злоупотреблений польской шляхты, внимание к темам бюрократического и судебно-юридического произвола, мздоимства и проч. Литературным авторитетом для шубравцев служил И. Красицкий. Необходимость правовой и судебной реформы в Польше — болевая точка его сатиры: сюжетная история тяжбы главного героя романа “Mikołaja Doswiadczyńskiego przypadki” («Приключения Николая Досвядчинского»; 1776) с соседом (Ч. 1, гл. X–XIII) содержит критическое описание судебных порядков, взяточничества и неправосудия. Завершение странствий героя после выигранного судебного дела, разочарование в государственной службе и, как итог, покой, обретенный в семье и своем хозяйстве, предвосхищают финал «Ивана Выжигина». Востребована в булгаринском романе и характерная особенность романа Красицкого “Pan Podstoli” («Пан Подстолий»; 1778–1784) — опора на материал конкретной национальной действительности, проявлением которой, по мнению исследователей, оказывается, несмотря на стремление к типизации, наличие у персонажей узнаваемых прототипов[2].

1

«Иван Выжигин» писался с 1825 по 1829 г.[3], в самый разгар тяжебного дела о наследстве Антония Жуковского, в котором участвовал Булгарин. Полученный опыт нашел непосредственное отражение в романе, который завершался получением главным героем наследства от отца князя Милославского после окончания судебной тяжбы. «Если б я гневался на моих читателей и хотел наказать их, то описал бы подробно, в нескольких томах, ход моего процесса, который в не-

[2] О влиянии просветительских романов Красицкого на «Ивана Выжигина» см.: [7; 9; 5, с. 34, 148; 3, с. 44–45; 4].

[3] Первая журнальная публикация отрывка из романа появилась в 1825 г.: *Ф.Б.* [*Булгарин Ф.В.*] Иван Выжигин, или Русский Жилблаз: (Отрывок из нового романа) // Северный архив. 1825. № 9. С. 67–88. Отдельное издание: *Булгарин Ф.В.* Иван Выжигин: нравственно-сатирический роман: в 4 ч. СПб.: В тип. вдовы Плюшар, 1829.

сколько месяцев чуть не вогнал меня в чахотку, а читателей моих, верно бы, заставил бросить книгу»[4], — заявляет в последней главе главный герой, от лица которого ведется повествование. Несмотря на это сюжетная канва «Ивана Выжигина» включает 6 тяжебных историй — 5 из них связаны с получением наследства, почти в половине глав (в 16-ти из 33-х) речь идет о состоянии судебной и исполнительной властей в Российской империи.

Преимущественное внимание уделено состоянию дел на присоединенных польско-литовских (а точнее, белорусских) территориях. Уже в начале романа при знакомстве с нравами в белорусском имении пана Гологордовского, где живет сирота Ванька, читатель узнает примечательную особенность: к числу главных служителей принадлежит «поверенный, или пленипотент, по тяжебным делам, которых по разным судам всегда было налицо две или три дюжины. <…> У него не было ни правого, ни виновного, ни белого, ни черного. Законы он почитал словами, которых сила зависит от истолкования их в левую или в правую сторону» (с. 5, 9). Сюжетная судьба Гологордовского завершится специфичным для судебной практики, применявшейся на этих землях, решением — эксдивизией (от *лат.* ex-divisio — из деления), или разделом имения между кредиторами, на основании литовских законов, после банкротства. Дело в том, что за присоединенными к Российской империи Литвой и Курляндией манифестом от 15 (27) апреля 1795 г. закреплялись прежние привилегии и право пользоваться традиционным законодательством, Литовским Статутом, принятым в 1588 г. Взыскание долгов, осуществлялось в соответствии с не прописанным в Статуте термином «традиция». На практике в белорусском крае до середины XIX в. разделом недвижимости неплатежеспособного должника занимались временные эксдивизорские суды; по эксдивизии имение должника поступало для раздела между всеми кредиторами пропорционально их долговым претензиям по специальной оценке, произведенной на основании сведений о доходности поместья (см.: [2]). Об этой процедуре подробно рассказывает в письме Выжигину зять Гологордовского, Миловидин:

> Заимодавцы выбрали от себя судей, или арбитров, из окрестных дворян, предоставляя тестю моему законное право выбрать судей также с своей стороны. Кроме того, составили канцелярию

[4] Полн. собр. соч. Фаддея Булгарина: Новое, сжатое (компактное), исправленное и умноженное: в 7 т. СПб.: В тип. Н. Греча, [1839]. Т. 1: Иван Выжигин. С. 235. Далее при ссылках на это издание в тексте в круглых скобках указываются страницы.

> из нескольких регентов, или секретарей и писцов, и каждая сторона выбрала себе адвоката. Имение взято в заведование суда, но только на бумаге, а отдано в управление теще моей, которая за внесенное в дом приданое и по векселям, данным ей накануне банкрутства, была также кредиторкою своего мужа. В назначенный срок съехались судьи, регенты и адвокаты, каждый с своими людьми, лошадьми, собаками. Всех должно было кормить и угощать на счет имения, принадлежащего кредиторам. Дело тянулось чрезвычайно долго, потому что судьям и канцелярии приятно было жить на чужой счет, в веселом обществе. Г Гологордовский, чтоб привлечь судей на свою сторону, угощал их великолепно (на счет кредиторов), созвал на время эксдивизии всех своих родственников, у которых были прекрасные дочери, давал балы, охотился и жил веселее прежнего. <…> Наконец, по истечении двух с половиною лет, кончилась эксдивизия. Имение разделили на плане, как шахматную доску, и участки раздали кредиторам по мере их претензий. <…> Тесть мой сделался гораздо богаче после эксдивизии, нежели как был прежде, потому что получил самую лучшую часть имения, а бесплодною землею и малым пожертвованием уплатил долги, вдвое превышавшие имение. Кредиторы же, уплатив проценты с долгу судьям, жалованье канцелярии, адвокатам, за помер земли землемерам и казенные пошлины с приобретенных участков, вовсе разорились. Некоторые даже вовсе отреклись от своих требований, чтоб избавиться от издержек, вдвое превышающих долг (с. 180–181).

Булгарин расширяет картину общественного неблагополучия типичным для структуры плутовского и восходящего к нему нравоописательного романа приемом — перемещением героя, чья сюжетная судьба подчинена случаю, в социальном пространстве. Оказавшийся в Слониме на попечении Мовши малолетний Выжигин становится свидетелем встречи в его доме покидающего свое место прокурора Скотинко с заступающим на его место преемником Плутяговичем. Это дает возможность ввести в роман разоблачительную характеристику прокурорской деятельности. Прототипом прокурора Скотинко был виленский губернский прокурор (в 1817–1831 гг.) И.О. Ботвинко (1779 – после 1831); в 1823–1825 гг. член комиссии по расследованию политических дел филоматов и филаретов в Виленской губернии. В своих агентурных записках в III отделение Булгарин не раз резко отрицательно отзывался о нем[5]. Так, в одной из записок (1827),

[5] См.: [1: По указ. имен].

в которой он стремится привлечь внимание к уголовному деянию Ботвинко (желая завладеть наследством своей племянницы, Ботвинко выдал ее за крепостную и добился ее ссылки в Сибирь), Булгарин писал: «Ботвинко ворочал целою Виленскою губерниею, брал со всех деньги и заставлял молчать, стращая доносами политическими. Он составил себе огромное именье и успел заслужить всеобщую ненависть и внушить ужас» [1, с. 152–153]. Напутствующий нового прокурора Мовша говорит тому, что за годы своей службы Скотинко «напрокурорил себе» значительное богатство, и советует взять в помощники «жида Ицку», который был фактором у Скотинко: он «станет отыскивать просителей, уговариваться с уездными чиновниками и брать для вас деньги взаймы. Разумеется, без векселя и расписки» (с. 33). О прототипе этого персонажа Булгарин писал М.Я. Фоку: «В Вильне есть жид Ицко Пилинкер, он был прежде извозчиком, понравился прокурору и взят в факторы. Все, имеющие нужду во всемогущем прокуроре, являются к Ицке, торгуются, дают деньги и получают желаемое» [1, с. 174].

Однако картина судебного неустройства, произвола и коррупции в романе оказывается значительно шире, она охватывает не только белорусские земли, при этом Булгарин стремится соблюсти своеобразный баланс «света и тени». Так, рассказу в XI главе коррумпированного оренбургского капитана-исправника Саввы Саввича, жалующегося на исчезающие источники дохода от взыскания казенных недоимок и частных долгов, от описей имений и дворянских опек, повторяя: «Худые времена, худые времена! просвещение, юстиция; а денег нет как нет!» (с. 58), противопоставляется подробное описание в XVIII главе деятельности другого провинциального капитана-исправника — неподкупного и честного Штыкова. Провинциальным таможенным чиновникам-мздоимцам и подьячим, торжественно провозглашающим на званом обеде, что «Вся мудрость человеческая выписана на голландском червонце. Вся латынь <…> не стоит одной этой надписи: “Concordia res parvae crescunt”, сиречь: *согласием вещи держатся*. Это означает, что если господа судьи хотят иметь червончики, то должны жить мирно, согласно, решать дела единодушно и слушать секретаря. Ведь кавалер-то, изображенный на червонце, есть не кто иной, как секретарь, а пук стрел в руке его означает то, что он должен всех судей и все дела держать в руках[6]!» (с. 110), — противостоит просвещенный подкоморий

[6] Секретарь в романе дает вольную трактовку изображению на голландском червонце русской чеканки, с возможной датировкой 1768–1806 гг.; в качестве круговой легенды на нем чеканилась латинская фраза из Саллюстия (в переводе: «в единении — сила»);

(в Польше и Литве судья по спорам о границах имений) Почтивский, при котором в имении уже не было — «ни пленипотента, ни комиссара, ни жида-поверенного <…> ни долгов, ни процессов» (с. 182). И хотя в финале романа честные и неподкупные будут вознаграждены (к примеру, Штыков, по протекции Виртутина, станет губернатором), тем не менее, представленная в романе галерея различных видов судебно-исполнительного произвола и мздоимства, когда «делами ворочают приказные», по словам Штыкова, «особая порода на святой Руси» (с. 111), поразила читателей булгаринского романа: у одних вызвав одобрение[7], а других — заставив жаловаться[8].

В своем первом романе Булгарин рассказал о способах, какими можно лишиться наследства или честного имени. Такова история Миловидина (в XVI главе), из-за происков экономки лишенного по суду дядиного наследства. Предводитель кочевого народа Арсалан-султан поведает Выжигину о том, что только его энергичное заступничество позволило решить наследственный процесс в Петербурге дочери флотского комиссара Софии (будущей жены Арсалана) в ее пользу, поскольку дело находилось у «сладострастного старичишки, который, увидев Софию, предложил ей бесчестием купить выгодный приговор» (с. 76). «Кстати о правосудии, — заключает Арсалан. — В ваших судах одни — играют в жмурки и наугад ловят правого или виноватого, а другие — продают правосудие на вес, как лекарство в аптеках, по рецептам секретарей и подьячих» (с. 74–75). Из рассказа Анны Львовны герои узнают, что она вынуждена была выйти замуж за «удалого помещика Глаздурина», чтобы спасти воспитавшую ее тетушку от разорения, после того как, получив в наследство векселя ее покойного мужа, Глаздурин представил их к взысканию — после замужества «векселя были уничтожены» (с. 133). Дело о клевете и гонениях на Виртутина завершилось лишь спустя годы справедливым решением и восстановлением его честного имени.

Однако если эти судебные истории, являясь вставными рассказами, образуют побочные сюжетные линии, то судебные процессы,

---

на аверсе был изображен воин, одетый в панцирь и шлем, держащий в правой руке меч, а в левой — перевязанный лентой пучок стрел (их число в оригинальной монете означало количество входящих в Нидерланды провинций), поэтому в народе червонец называли «пучковым».

[7] Так, О.А. Пржецлавский считал, что роман принес «громадную пользу, смело, и не аллегорически, а наглядно» изобличая существующее положение вещей; он имел непосредственный социальный эффект, поскольку «остановил карьеру» многих выведенных в романе лиц [6, с. 457].

[8] См., к примеру, жалобу на это обстоятельство в письме (1832) В.А. Жуковского к А.Х. Бенкендорфу (Русский архив. 1896. № 1. С. 116).

связанные с получением наследства главным героем и его возлюбленной Груней, получают не только более весомое сюжетное значение, но и обнаруживают изрядную авторскую осведомленность в юридических особенностях подобных процессов.

Важный сюжетный поворот — отъезд Выжигина в Оренбург и его дальнейшие приключения в киргиз-кайсацкой степи — спровоцирован открывшейся тяжбой о полумиллионном наследстве Груниного дяди (двоюродного брата ее покойного отца), умершего в Оренбурге. Выжигин решает отправиться за Груней, жениться на ней и, если ее мать не захотела бы отдать им наследства, то «требовать своей части судебным порядком», поскольку «Груня, по отцу своему, была настоящею наследницей» (с. 50). По российскому законодательству Груня относилась к боковой линии родственного союза, имевшего влияние на открытие наследства; в случае смерти бездетного родственника «ближайшее право к наследству в боковых линиях имеют: братья и их нисходящие…»[9] — таким образом, Груня, а не ее мать, принадлежала к этим «нисходящим» от брата умершего. Однако Груня так и не получила своего наследства из-за процесса, выигранного неожиданно появившимися наследницами: «…полдюжины воспитанниц с духовным завещанием, написанным законным образом, при свидетелях. Имение было нажитое, то есть приобретенное самим дядею, а потому и спорить было бы бесполезно» (с. 161). Духовное завещание в российском законодательстве было официальным письменным документом, содержавшим распоряжение лица о своем имуществе на случай смерти; оно могло быть нотариальным, совершенным в присутствии самого завещателя и трех свидетелей, или домашним, подписанным свидетелями. Русское право ограничивало завещательные распоряжения только родом имущества. Согласно гражданскому законодательству, каждый мог распорядиться свободно тем, что сам приобрел; но унаследованное недвижимое имущество, оставшееся после смерти, должно было поступить в пользу его законных наследников. Эта коллизия, связанная с различением в наследовании благоприобретенного и родового (унаследованного) имения или имущества, была краеугольным камнем в деле о наследстве Жуковского: сделанный М.М. Сперанским на этом акцент во время рассмотрения тяжбы в Государственном совете[10], давал шансы на благоприятный исход стороне Булгарина, в романе же это обстоятельство сыграло роковую роль для Груни,

[9] См.: *Неволин К.А.* Полн. собр. соч.: в 5 т. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1857–1859. Т. 3. С. 388–389; Т. 5. С. 433.

[10] См.: Архив Государственного совета. СПб., 1897. Т. 4. Стб. 435–442.

подавшейся после проигранного процесса в актрисы, благодаря чему сюжетные приключения Выжигина получили новый импульс.

Еще бóльшими возможностями для Булгарина использовать в романе свой тяжебный опыт обладал судебный процесс о наследстве самого главного героя. Именно особенности правонаследования объясняют странные события в романе и преследования Выжигина его тайными недоброжелателями. В финале воплощающий справедливость идеальный чиновник Петр Петрович Виртутин (прототипом которого послужил М.М. Сперанский) открывает Выжигину его тайну: князь Иван Александрович Милославский, отправляясь на войну, «сделал духовное завещание, в котором назначил 250 000 рублей младенцу, который родится от крестьянской девушки Авдотьи Петровой», оно хранилось все эти годы в Опекунском совете; исполнителем завещания он назначил своего друга, графа Безпечина, и поручил ему отыскать мать и младенца: «В завещании между прочим сказано, что законные наследники тогда только могут воспользоваться этою суммою, когда представят ясные доказательства о смерти младенца, и в таком случае должны платить его матери по смерть по 6000 рублей в год. Когда же в течение тридцати лет не явятся ни крестьянка Авдотья Петрова, ни рожденное от нее дитя, тогда наследники имеют право взять сумму в свое распоряжение» (с. 222). До совершеннолетия Выжигин подлежал опеке, осуществлявшейся назначенным опекуном, графом Безпечиным, который находился под наблюдением учреждения, заведовавшего делами опеки. Первая попытка ближайших родственников Милославского завладеть наследством во время поездки 17-летнего Выжигина в Оренбург объясняется тем, что тот достиг возраста для проведения сделок: в Российской империи права состояния для управления имуществом и заключения договоров начинали применяться с 17 лет с попечителем, с 21 года — без попечителя. После неудачи, спустя годы претендующая на наследство графиня Ничтожина (родственница князя Милославского) снова решила попытаться лишить Выжигина наследства, которое уже превысило миллион. «Графиня подала просьбу об уничтожении духовного завещания, ссылаясь на земскую давность и на то, что деньги, завещанные вам, были не благоприобретенные князем Милославским, а полученные в наследство; и таким образом, вдобавок к своим преследованиям, навязала вам процесс, который едва ли не тягостнее плена у киргизов», — заключает Виртутин, обещая Выжигину помощь и поддержку (с. 224). Отказавшись под угрозами продать свое право на наследство за 20 тыс. руб., Выжигин решает ввязаться в тяжбу, надеясь на правосудие. В финальных

главах романа (XXIX, XXXII–XXXIII) Булгарин показал сам тяжебный механизм рассмотрения наследственного дела в столичных судебных инстанциях — от посещения секретаря, берущего взятки и заверяющего представителей соперничающих сторон: «Ваше дело совершенно правое! <…> Поезжайте домой и будьте спокойны!» (с. 194), до выбора ходатая по делу и обработки судей.

Глава XXXII содержит своеобразную галерею ходатаев по делам: это поляки Дурачинский, Крючкотворский, Хапушкевич, малороссиянин Загадченко и русский ходатай, Пафнутий Сидорович Рубоперин, которому и доверяет вести свое дело Выжигин. В России до реформ 1860-х гг. и введения гласного суда адвокатов не было, поэтому в романе эти персонажи именуются ходатаями, когда действие происходит в Петербурге, а вот когда речь идет о присоединенных польских землях — пленипотентами или адвокатами. Возможно, в этих характеристиках современники узнали их прототипов, по крайней мере, это можно утверждать о первом из них. В записке в III отделение сообщалось о прототипе Дурачинского: «Здесь около 10 лет находится молодой поляк по фамилии Рачинский. Сначала находился он в беднейшем положении и существовал карточною игрою или, сказать, аферами. Около 5 лет назад он определен был на службу по Коллегии иностранных дел и посылан несколько раз в Вильну и Варшаву, куда дважды ездил еще в отпуск. По возвращении оттуда каждый раз были замечаемы у Рачинского большие деньги, из коих он много и проигрывал <…> Он есть тот самый, которого Булгарин называет в романе “Выжигин” *Дурачинским*» [1, с. 399].

Представленное в этой же главе описание посещения Выжигиным судей (Дремотунова, Формина и Чувашина) включает не менее колоритные сатирические характеристики — по совету Виртутина Выжигин раздает записки с изложением своего дела и старается каждому из них объяснить его суть. Этот эпизод также имеет экстраралитературный источник: в судебном процессе о наследстве Жуковского и Булгарин, и другие участники процесса перед слушаниями дела в Сенате или в Государственном совете подавали свои поясняющие записки, по сути — ходатайства: в архивах сохранились ходатайства, поданные Булгариным: министру юстиции Д.И. Лобанову-Ростовскому (1822 и 1823)[11], товарищу министра юстиции, сенатору кн. А.А. Долгорукову (1827)[12], временно исполнявшему обязанности министра внутренних дел Д.Н. Блудову (1830)[13].

[11] ОР РНБ. Ф. 859. К. 4. № 14. Л. 23–24; ИРЛИ. 3159; ИРЛИ. Р. I. Оп. 2. № 374. Л. 1—2.

[12] РГИА. Ф. 1347. Оп. 65. Ед. хр. 1070. Л. 1863–1864.

[13] РГИА. Ф. 1101. Оп. 2. Д. 323.

Единственной опорой в надежде на справедливость, таким образом, оказывается не закон, а провидение: «Верь Провидению, друг мой, и не отчаивайся никогда в правосудии. Оно, рано или поздно, проглянет, как солнце из туч» (с. 238), — напутствует Выжигина мудрый Виртутин, итог выжигинской тяжбы подтверждает эту истину: «Провидение спасло меня: дело решено в мою пользу — и я вдруг получил более миллиона рублей» (с. 235). Несмотря на это, финал романа вносит оптимизм, дополняя рассмотренный нами тематический сюжет. Друг отца, граф Безпечин, принимает Выжигина на должность правителя своей канцелярии, а чиновничьей премудрости его учит чиновник Законенко, предлагая Выжигину набор из нескольких всеобщих решений, годящихся для всех дел:

> Сделать справку и доложить в свое время; поступить по существующему порядку <…> и т. п. На частные жалобы отвечать еще легче, например: просить по порядку, буде имеет право; приобщить к делу; препроводить куда следует; ожидать окончания дела; справившись, доложить; испросить мнения местного начальства; подтвердить прежнее заключение; а лучше всего: по неимению уважительных причин, отказать, отказать, отказать — это и коротко и ясно! (с. 242).

Уходя в отставку, Выжигин подытоживает, что если по этой методе они не сделали много добра, «то, по крайней мере, не делали зла с умыслу и защищали правых, как могли» (с. 243). Доведя повествование до современности, Булгарин (пусть иронически) устами начитавшегося пророчеств в Брюсовом календаре старого дяди Миловидина предсказывает, что скоро в России «на основании, водворенном просвещением, возникнет правосудие повсюду, от нижней до верхней инстанции» (с. 245).

2

Хотя в нравоописательном романе из эпохи Отечественной войны 1812 г «Пётр Иванович Выжигин» (1831) судебные процессы, казалось бы, не должны играть столь значительной роли, но упоминания о тяжебных реалиях, знакомых Булгарину по многолетнему процессу, находим и здесь. К примеру, в разговоре старика Выжигина с графом Хохленковым, где речь идет о неком «сиротском дельце», вызывающем у Выжигина сомнение в его законности и опасения в нарушении прав сирот[14].

[14] См: Полн. собр. соч. Фаддея Булгарина: в 7 т. СПб.: В тип. К. Жернакова, [1839].

Роман использует уже знакомые элементы занимательности: тайна рождения невесты Петра Выжигина, Лизы, ее борьба с недоброжелателями за свое доброе имя и за наследство отца, князя Пречистенского (имение и полторы тысячи душ). Этим обусловлено введение в повествование истории судебного процесса, призванного утвердить Лизу в правах происхождения. (Напомним, что одним из следствий большого процесса за наследство Жуковского было уголовное дело о законнорождении одного из претендентов на наследство Антония Парчевского.) Разгадку тайны своей невесты Петр Выжигин узнает, случайно прочитав в присутственном месте «просительскую записку по тяжебному делу» (с. 189). Рассказ о процессе Булгарин предваряет характеристикой участников столичных тяжб, выходцев из присоединенных польских земель, завсегдатаев петербургского салона Ромбалинских, представляющих собой «голодную толпу адвокатов» с их помощниками, секретарями и писцами, составлявшими себе «*благоприобретенные* имения» (с. 183–184), — таким способом возвращая читателя к хорошо знакомому автору судебно-правовому контексту.

Булгарин и в этом романе продолжил критику ходатаев, игравших немаловажную роль в судебных процессах (таковы поднявшийся из крепостных до титулярного советника секретарь князя Гаврила Ходаков и Панкратий Переносчиков). Финал романа неизменно предполагал конец тяжбы, но на пути к счастливой развязке истории главных героев актор успел рассказать о махинациях ходатаев, придуманном мелкими участниками процесса механизме опеки для управления имением разорившегося князя Курдюкова и уплаты долгов, таким образом, чтобы князь не бедствовал, «заимодавцы с радостию стали бы уступать проценты и даже часть капитала, чтоб только скорее развязаться», а самим опекунам можно было бы извлечь выгоду: «за наличные деньги приобресть дешево векселя, если б кто захотел войти в спекуляции...» (с. 215). Это были отголоски итогов процесса по поводу наследства Жуковского, участники которого в течение долгого времени не могли получить желаемого из-за волокиты с очищением имений от долгов и многочисленных жалоб на злоупотребления опеки. Булгаринская просветительская сатира становилась более дифференцированной в изображении судебно-правовой системы, насыщаясь новыми конкретными деталями, с которыми знакомился автор.

Т. 4: Петр Иванович Выжигин. С. 44. Далее при ссылках на это издание в тексте в круглых скобках указываются страницы.

Если в «Петре Ивановиче Выжигине» бесчестные ходатаи — источник страданий и несчастий героев, то в следующем романе «Памятные записки титулярного советника Чухина, или Простая история обыкновенной жизни» (1835) сын бедного «повытчика», мелкий судебный чиновник Вениамин Чухин, сам становится главным героем и рассказчиком своей истории. Несмотря на сохранившийся и в этом романе прежний арсенал занимательности, теперь завязка сюжета уже непосредственно основана на нарушении тайны судебного разбирательства, из-за чего пострадал, потеряв должность и свое честное имя, умирающий в начале романа отец главного героя (судебный секретарь продал переписанные им тяжебные бумаги одной из спорящих сторон, о чем узнали соперники, и разразился судебный скандал). Таким образом, в центре повествования оказывается проблема репутации человека в обществе, «общего мнения» и его влияния на судьбы людей. Все центральные персонажи романа, включая женские, проходят испытание потерей честного имени. Только заступничество таинственного незнакомца позволяет оставшемуся в нищете после смерти отца Чухину-младшему не погибнуть и при покровительстве справедливого вельможи Стамбулова получить место судебного чиновника. Это дает возможность Булгарину включить в роман развернутую инструкцию для начинающего чиновника, которую дает Стамбулов неопытному Чухину, важным элементом в ней является знание и соблюдение законов: «Надобно, чтоб в решении не было ни одного выражения, которое можно было бы перетолковать по произволу, надобно притом, чтоб все важные обстоятельства дела были выставлены на вид, опровергнуты или подкреплены законами»[15]. Однако именно безусловное исполнение законов, обусловившее справедливое решение сложной тяжбы, приводит Чухина к ненависти сослуживцев и, вследствие их клеветы, — к потере профессиональной репутации и честного имени.

Этот последний завершенный булгаринский роман, пожалуй, самый «задушевный» и наиболее пессимистичный: умирает справедливый и неподкупный Стамбулов, поступавшие по совести герои оказываются гонимы обществом, заслужив дурную репутацию. Тем не менее Булгарин вновь попытался предложить читателю некую жизненную программу, являющуюся гарантом достижения счастья в мире, мало для этого приспособленном, при этом он впервые довольно скептически говорит о скором нравственном прогрессе

[15] Полн. собр. соч. Фаддея Булгарина: Новое, сжатое (компактное), исправленное и умноженное: в 7 т. СПб.: В тип. К. Жернакова, 1843. Т. 3: Записки Чухина и Мазепа. С. 70–71.

человечества, полагая, что это дело слишком далекого будущего. Утверждаемые в романе ценности имеют преимущественно светский, а не религиозный характер. Гражданская жизнь, полагает он, требует главенства закона над милосердием: судебные тяжбы, представленные в романе, и их итоги должны были заставить читателя усомниться в правоте одних лишь благих намерений, основанных на вере в добрую природу людей.

Следующим шагом стало уточнение Булгариным представлений об издержках российской системы судопроизводства и предложение путей ее оздоровления: вновь обратившись к образу ходатая по делам в 1840-е гг., он уделил особое внимание роли адвокатуры. После появления в 1842 г. во Франции первого романа-фельетона «Парижские тайны» Э. Сю, уже в следующем году Булгарин (предуведомив читателей, что не собирался подражать французскому источнику) начал еженедельную публикацию в «Северной пчеле» своего романа-фельетона «Петербургские нетайны»[16]. Во второй главе, под названием «Адвокат» (№ 272 от 2 декабря) Булгарин предложил читателю сравнительную социологическую характеристику служителей судебно-правовой системы, вписанную в общеевропейский контекст:

> В русском судопроизводстве, как известно, нет адвокатов, и даже нет этого слова. Там, где существуют адвокаты, от них требуется весьма много и более всего основательного познания юридической части со всеми вспомогательными науками, и даже ученого академического знания. Ученый, красноречивый и честный адвокат — есть важное звено в гражданской цепи Западной Европы. Адвокат есть законный защитник имущества, чести и даже жизни каждого гражданина, попечитель сирого и неимущего. <…> У нас место адвокатов заступают *поверенные* и *ходатаи по делам*. Они не составляют у нас особенного сословия; для них нет положительного и определенного места в гражданской иерархии.

Булгарин сетует, что никого не интересует образовательный уровень такого «законоведца», руководствующегося только волей и интересами своего верителя.

Последняя попытка большого эпического произведения, посвященного осмыслению современной российской действительности, была предпринята Булгариным совместно с Н.А. Полевым в 1845 г.,

[16] *Булгарин Ф.В.* Петербургские нетайны: (Небывальщина вроде правды, из записок петербургского старожила) // Северная пчела. 1843. № 266, 272, 278–279, 284, 289, 293–294. 25 нояб., 2, 10–11, 17, 23, 30–31 дек.

когда на страницах «Библиотеки для чтения» началась публикация романа «Счастье лучше богатырства»[17], оставшегося незавершенным из-за смерти Полевого.

Модель судьбы главного героя Александра Сергеевича Опенкова мало чем отличается от судеб персонажей предыдущих булгаринских романов — его несет поток жизни, превратности фортуны позволяют показать различные социальные слои, способствуя многосторонности в изображении русской действительности. В романе без ретуши показан путь приобретения капитала людьми из низов, их наглость, напористость, умение рисковать, опровергая укоренившееся представление о том, что Булгарин и Полевой создавали лишь положительные образы представителей среднего сословия. В их совместном романе исследуется проблема коррупции и показан процесс сращения капитала, принадлежащего мошеннику-откупщику, с государственной властью. В самом способе художественного осмысления проблемы видна явная полемика с Гоголем (известно, что Булгарин не раз упрекал Гоголя в незнании именно этих общественных реалий, полагая, что и комедия «Ревизор», и «Мертвые души» основаны на интриге, абсолютно фантастичной и неправдоподобной, далекой от реалий русской жизни[18]). Роман «Счастье лучше богатырства» основан на многочисленных подробностях реальной российской практики дачи взяток, создания совместных компаний и предприятий, пожертвований на общественные нужды во имя корысти, превращения в монополистов через уничтожение конкурентов и приобретение предприятий на подставных лиц. Таков образчик восхождения к заветной цели благодетеля Опенкова, винного откупщика Ивана Ильича, которому герой отдан в услужение. Полемически противопоставляя свой роман гоголевским произведениям, Полевой и Булгарин старались привлечь внимание к тем процессам, которые им казались наиболее угрожающими стабильности России при любом политическом режиме и социальном порядке. С их точки зрения, объектом внимания писателя должны быть именно такие социальные моменты, требующие существенных реформ, — эстетический эффект ставился в прямую зависимость от общественной эффективности текста.

Роман воссоздавал обширные пласты русской жизни 1810–1820-х гг., рисуя широкую картину всеобщей российской коррупции, описы-

[17] *Булгарин Ф.В., Полевой Н.А.* Счастье лучше богатырства // Библиотека для чтения. 1845. Т. 68. Отд. I. С. 101–260; Т. 69. Отд. I. С. 9–156; 1847. Т. 80. Отд. I. С. 13–108; Т. 81. Отд. I. С. 1–32; Т. 82. Отд. I. С. 73–102.

[18] См., к примеру: *Ф.Б.* [*Булгарин Ф.В.*] Журнальная всякая всячина // СП. 1854. № 181. 14 авг.; 1855. № 267. 5 дек.

вая различные виды и способы дачи взяток, разоблачая систему опекунства. Сирота Опенков, как своеобразный трикстер, проходит все круги ада, все социальные слои от жизни у опекуна к службе у винного откупщика, а затем все виды науки приказного канцеляриста, поступив, наконец, в губернскую канцелярию и получив чин 14-го класса. Однако в итоге из-за происков недоброжелателей он попадает в долговую тюрьму. Читатель оказывается свидетелем различных тяжебных процессов в провинции, Москве и Петербурге, знакомится с разрядами и типами ходатаев по делам как главного приводного механизма судебно-исполнительной системы. Четвертая (последняя) часть незавершенного романа, без сомнения, написанная Булгариным, открывалась уже знакомым размышлением о необходимости адвокатуры в современном государстве:

> В тех государствах, где введено открытое судопроизводство и публичные прения тяжущихся сторон, существует особое сословие адвокатов, признанное правительством, под надзором особого совета и старшин, избираемых адвокатами из своего же сословия. <…> Адвокаты вообще имеют сильное влияние на своих сограждан и в представительных правлениях, где познания и красноречие прокладывают дорогу к счастью, адвокаты достигают до высших мест в государстве[19].

Пройдя путь искушений, разочарований и ошибок, «маленький человек» Булгарина и Полевого обретает любовь, заботу и поддержку в семье немца-учителя. Жизненный уклад российского немецкого семейства противопоставлен неустроенной, лишенной порядка русской жизни. В свое время, во время антинаполеоновской кампании, оказавшись в Германии, Опенков, пораженный высоким уровнем жизни, мечтает: «И у нас, без всякого сомнения, будет когда-нибудь то же, но это *когда-нибудь* зависит от просвещения», именно оно, считает он, «поставило Германию на высшую ступень благоденствия!.. А сколько в нашей России еще не возделанных материалов для счастия и богатства!»[20] Круг идей и утверждаемых в романе ценностей сделал его очередным воплощением булгаринской философии «здравого смысла», предлагавшей «среднему» человеку не подвиги духа, а доступное и понятное человеческое счастье. Роман прикоснулся к довольно сложной и неоднозначной проблеме

[19] *Булгарин Ф.В., Полевой Н.А.* Счастье лучше богатырства // Библиотека для чтения. 1847. Т. 81. Отд. I. С. 1–3.

[20] Там же. Т. 80. Отд. I. С. 39.

национального бытия, периодически со всей остротой встающей перед русским обществом.

Освоенная Булгариным, наряду с другими отечественными писателями, форма романа-фельетона обладала значительными возможностями для реалистического осмысления современной действительности, в том числе таких важных ее сторон как судебно-правовая система. Несмотря на открытые литературой новые принципы художественного контакта с подобной проблематикой, нашедшие выражение в «фантастическом» (по определению самого автора) реализме Ф.М. Достоевского, пути, намеченные романами Булгарина, предполагавшие изображение «эмпирики жизни» и знание подлинных судебно-правовых реалий, не будут забыты. Их продолжат роман-фельетон В.В. Крестовского «Петербургские трущобы» (1864–1867), пьеса И.С. Аксакова «Присутственный день в уголовной палате» (1853, опубл. 1858) — в предисловии автор называл ее «верной докладной запиской», имеющей «грустное достоинство истины, всё печальное значение факта и смысл обличительного документа»[21]; драматургия А.В. Сухово-Кобылина, положившего свой горький личный опыт в основу пьесы «Дело» (1861), отмеченной скрупулезным исследованием механизма судебного беззакония. Нельзя отрицать роль и значение романов Булгарина как предшественников этих произведений, имеющих «грустное достоинство истины».

Литература

1. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III Отделение / публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблата. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 704 с.

2. *Грузицкий Ю.Л.* Ипотечный кредит в Великом Княжестве Литовском // Белорусский экономический журнал. 2009. № 3. С. 103–111.

3. *Лебланк Р.* «Русский Жилблаз» Фаддея Булгарина. Литературная преемственность: от Жуи к Лесажу // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 17–57.

4. *Лекке М.* Путешествие Пана Подстолия через Вильну в Россию. Фаддей Булгарин и польский бытовой роман // Ф.В. Булгарин — писатель, журналист, театральный критик / ред.-сост. А.И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 127–145.

[21] *Аксаков И.С.* Письма из провинции. Присутственный день в уголовной палате. М.: Правда, 1991. С. 420. По-булгарински звучат слова Аксакова, обращенные к читателям: «Пусть знакомятся они с изнанкою той жизни, которой лицевую сторону представляют законы, пусть знают, каким порядком по большей части совершается современный суд в России. В верности моего изложения <…> поручится всякий, кому известен судебный быт не только столичный, но и провинциальный, не по одним книгам и законам, но на самом деле и по опыту» (Там же. С. 421).

5. *Липатов А.В.* Возникновение польского просветительского романа: Проблемы национального и общеевропейского. М.: Наука, 1974. 302 с.

6. Поляки в Петербурге в первой половине XIX века / сост., предисл., примеч. А.И. Федуты. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 912 с.

7. *Покровский В.А.* Проблема возникновения русского «нравственно-сатирического» романа: (О генезисе «Ивана Выжигина»). Л.: Изд-во АН СССР, 1933. 36 с.

8. *Тихонравов Н.С.* Сочинения: в 3 т. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1898. Т. 1. 596 с.

9. *Czernobajew W.* Ignacy Krasicki w literaturze rosyjskiej // Pamiętnik Literacki. 1936. № 1. S. 41–62.

Research Article

The Reflection of the Realities of Russian Legal Proceedings in F.V. Bulgarin's Novels

© 2026. Natalia N. Akimova
St. Petersburg Repin Academy of Fine Arts
St. Petersburg, Russia

Abstract: This article examines the literary refraction in F.V. Bulgarin's novels of autobiographical realities related to his participation in a family court case. The experience accumulated over many years of litigation allowed Bulgarin to reveal the mechanism of legal proceedings in pre-reform Russia. In his first moral-satirical novel, "Ivan Vyzhigin," he draws largely on the satirical traditions of Russian and European Enlightenment literature. Later, in the feuilleton novel, Bulgarin offers a more complex analysis of the Russian justice system, comparing it with the European system proving the necessity of advocacy as an essential element of adversarial legal proceedings.

Keywords: F.V. Bulgarin, 19th-century Russian literature, moral-satirical novel, feuilleton novel, legal proceedings, trial.

Information about the author: Natalia N. Akimova, DSc in Philology, Professor, Head of the Department of Humanities and Philosophy, St. Petersburg Repin Academy of Fine Arts, Universitetskaya Emb., 17, 199034 St. Petersburg, Russia.

E-mail: akimova_natalia@inbox.ru

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0004-2195-5903

For citation: Akimova, N.N. "The Reflecrion of the Realities of Russian Legal Proceedings in F.V. Bulgarin`s Novels." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (40), 2026, pp. 129–147. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-129-147

References

1. Vidok Figliarin: Pis'ma i agenturnye zapiski F.V. Bulgarina v III Otdelenie [Vidok Figlyarin: Letters and Notes of F.V. Bulgarin to the 3rd Section], publ.,

comp., introd. and comm. by A.I. Reitblat. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 704 p. (In Russ.)

2. Gruzitskii, Iu.L. “Ipotechnyi kredit v Velikom Kniazhestve Litovskom” [“Mortgage Loan in the Grand Duchy of Lithuania”]. *Belorusskii ekonomicheskii zhurnal*, no. 3, 2009, pp. 103–111. (In Russ.)

3. Leblank, R. “‘Russkii Zhilblaz’ Faddeia Bulgarina. Literaturnaia preemstvennost’: ot Zhui k Lesazhu” [“‘Russian Gil Blas’ by Faddeus Bulgarin. Literary Continuity: From Jouy to Lesage”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 40, 1999, pp. 17–57. (In Russ.)

4. Lekke, M. “Puteshestvie Pana Podstoliia cherez Vilnu v Rossiiu. Faddei Bulgarin i pol’skii bytovoi roman” [“The Journey of Pan Podstoli through Vilna to Russia. Faddeus Bulgarin and the Polish Everyday Novel”]. *F.V. Bulgarin — pisatel’, zhurnalist, teatral’nyy kritik* [*F.V. Bulgarin — Writer, Journalist, Theater Critic*], ed. A.I. Reitblat. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019, pp. 127–145. (In Russ.)

5. Lipatov, A.V. *Vozniknovenie pol’skogo prosvetitel’skogo romana: Problemy natsional’nogo i obshcheevropeiskogo* [*The Emergence of the Polish Enlightenment Novel: Problems of National and Pan-European*]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 302 p. (In Russ.)

6. *Poliaki v Peterburge v pervoi polovine XIX veka* [*Poles in St. Petersburg in the First Half of the 19th Century*], comp., introd. and ref A.I. Feduta. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 912 p. (In Russ.)

7. Pokrovskii, V.A. *Problema vozniknoveniia russkogo “nravstvenno-satiricheskogo” romana: (O genezise “Ivana Vyzhigina”)* [*The Problem of the Emergence of the Russian “Moral-satirical” Novel: (On the Genesis of “Ivan Vyzhigin”)*]. Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1933. 36 p. (In Russ.)

8. Tikhonravov, N.S. *Sochineniia: v 3 t.* [*Works: in 3 vols.*], vol. 1. Moscow, Izdatel’stvo M. i S. Sabashnikovykh, 1898. 596 p. (In Russ.)

9. Czernobajew, W. “Ignacy Krasicki w literaturze rosyjskiej.” *Pamiętnik Literacki*, 1936, no. 1, pp. 41–62. (In Polish)

Статья поступила в редакцию: 19.03.2026
Одобрена после рецензирования: 12.05.2026
Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 19.03.2026
Approved after reviewing: 12.05.2026
Date of publication: 25.06.2026

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-148-169
https://elibrary.ru/WJXNJG

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (40), 2026

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«В литературу ввели кухню!»: кулинарные рецепты в журнале «Эконом» 1840-х годов

© 2026, С.Л. Луговцова
Независимый исследователь, Беларусь

Аннотация: Статья посвящена анализу содержания рубрики «Кухня» в 1841–1844 гг. журнала «Эконом», редактировавшегося Ф.В. Булгариным. Автор обращается к революционным изменениям в области кулинарной литературы, которые произошли (прежде всего, во Франции) в первой трети XIX в., превратив ее в самостоятельное литературное направление. В статье рассматривается развитие кулинарной литературы в России с конца XVIII в. Ключевое внимание уделяется публикациям 1840-х гг., в первую очередь, на страницах периодических изданий. Большое внимание уделяется роли Ф.В. Булгарина как инициатора и автора рубрики «Кухня». Автор статьи приходит к выводу о самостоятельности Булгарина в формировании содержания рубрики, новизне его авторских рецептов. Интерес Булгарина к гастрономической теме был всесторонним: он не только печатал как свои, так и чужие статьи по названной теме, но и выступал в роли гастрономического критика. Любовь к изысканной кухне сочеталась у него с практическим умением готовить, которое он демонстрировал в своих публикациях читателям. Кулинарные рецепты, опубликованные в журнале «Эконом», заслуживают дальнейшего изучения не только как ценный источник по истории повседневности, но и как значимый элемент российского литературного процесса.

Ключевые слова: Фаддей Булгарин, журнал «Эконом», российская периодическая печать, XIX век, история журналистики, кулинарные рецепты, гастрософия, гастрономия.

Информация об авторе: Светлана Леонидовна Луговцова — кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь, Беларусь.

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0009-7681-5285

E-mail: sv.lougovtsova@gmail.com

Для цитирования: *Луговцова С.Л.* «В литературу ввели кухню!»: кулинарные рецепты в журнале «Эконом» 1840-х годов // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 148–169. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-148-169

Глобальные политические трансформации, последовавшие за Великой Французской революцией 1789 г., не только нанесли удар монархическим режимам и перекроили карту Европы, но также изменили условия жизни людей, их повседневные практики. В том числе в первой четверти XIX в. существенно изменилась кулинарная литература, ее диапазон расширился от сборников рецептов до философских трактатов и собраний афоризмов, с энтузиазмом воспринятых читающей публикой.

Гастрономическая утонченность достигла апогея при Людовике XVI во Франции. Повара, служившие в домах знати, соревновались в великолепии своих творений. Казнь короля, бегство аристократии оставили лучших шеф-поваров без работы, что заставило их пробовать силы на новом поприще: создавать рестораны для платежеспособных гурманов. Одновременно открывались дешевые заведения, призванные быстро и дешево накормить посетителей. К 1800 г. рестораны, траттории и гастрономические лавки настолько изменили облик Парижа, что человек, десятилетие отсутствовавший в столице, не мог ее узнать [11, с. 28]. Специальные каталоги знакомили с ценами в новых заведениях и соблазняли посетителей гастрономическими удовольствиями. На новый уровень публикации подобного рода поднял «Альманах гурманов» (Almanach des gourmands) Александра Бальтазара Гримо де Ла Реньера, ежегодно издававшийся в 1803–1812 гг. в Париже. Революционность альманаха состояла в том, что его тексты представляли собой увлекательные истории про отборные продукты, кушанья и правила застолий. Гримо де Ла Реньер фактически изобрел такие жанры, как специальный гастрономический журнал и гастрономический гид [12, с. 67–68].

Философское осмысление вопросов правильного приготовления и употребления пищи получило выражение в творчестве немецкого литератора и искусствоведа Карла Фридриха фон Румора. Его «Дух кулинарного искусства» (1822)[1] заложил основы нового научного направления — гастрософии. Мировоззрение Румора складывалось под сильным влиянием философии немецких романтиков; следуя идеям Ф. Шеллинга, он призывал читателей к сближению с природой и рекомендовал основывать рацион на натуральных и свежих продуктах. Румор подчеркивал важность использования региональных и сезонных ингредиентов, предостерегая от чрезмерного употребле-

[1] *König J.* Der Geist der Kochkunst, Überarbeitet und herausgegeben von C.F. von Rumohr, Stuttgart und Tübingen, Cotta'sche Buchhandlung, 1822; рус. перевод: *Румор К.Ф. фон*. Дух кулинарного искусства / пер. с нем. Т. Набатниковой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2026.

ния приправ, пряностей и соусов, способных скрыть естественный вкус и лишить блюда их природной выразительности [9, с. 314–316].

Спустя три года после выхода «Духа кулинарного искусства» во Франции была опубликована книга «Физиология вкуса, или Трансцендентная кулинария; теоретическая, историческая и тематическая работа, посвященная кулинарии Парижа» (1825) Жана-Ансельма Брийя-Саварена[2], которая имела огромный успех и затмила сочинение Румора. Брийя-Саварен рассматривал питание как важнейшую составляющую человеческой жизни и культуры. Он писал о пищевых привычках, роли гастрономии в обществе и наслаждении едой так легко и остроумно, что приобрел почитателей среди самой широкой аудитории. Самый известный его афоризм: «Скажи мне, что ты ешь, и я скажу, кто ты», — подчеркивал глубокую связь между питанием и личностью человека. Работа Саварена была в библиотеке А.С. Пушкина. В одном из писем жене, перефразируя названный афоризм, он писал: «Dis-moi ce que tu bois, je te dirai qui tu es. Пьешь ли ты ромашку или eau d'orange?»[3]. Успех кулинарной тематики на европейском литературном поле был закреплен публикациями шеф-повара Мари-Антуана Карема в 1810–1830-х гг.[4]

Коммерческий успех и кажущаяся легкость создания кулинарных текстов, а первый альманах Гримо де Ла Реньер подготовил менее чем за месяц (см.: [4, с. 23]), вызвали волну подражаний. Не только малоизвестные авторы, но и литературные звезды первой величины были готовы пробовать свои силы на кулинарном поприще. В рубрике «Журнальная всякая всячина» Ф.В. Булгарин сообщал читателям, что Дж. Байрон собирался составить поваренную книгу «для книгопродавца Муррея», а А.С. Пушкин заключил договор с А.Ф. Смирдиным «на составление поваренной книги, именно на переделку сочинения Карема о поваренном искусстве, с применениями к русской кухне»[5].

---

[2] *Brillat-Savarin J.A.* Physiologie du Gout, ou Meditations de Gastronomie Transcendante; ouvrage theorique, historique et a l'ordre du jour, dedie aux Gastronomes parisiens. Paris: A. Sautelet, 1826. 2 vol.; рус. переводы: *Брийя-Саварен Ж.А.* Физиология вкуса / пер. на нем. яз. и доп. К. Фогтом. М., 1867 (сокращенный); *Он же*. Физиология вкуса / пер. с фр. Л. Ефимова. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2021.

[3] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1979. С. 372. О распространении французской кухни и кулинарной культуры в русском обществе XIX в. см., например: [2].

[4] Le Pâtissier royal parisien: traité élémentaire et pratique [= Королевский парижский кондитер: элементарный и практический трактат]. Paris, 1810; Le Cuisinier parisien ou l'art de la cuisine française au XIXe siècle [= Парижский повар, или Искусство французской кухни XIX в.]. Paris, 1828; L'Art de la cuisine française au XIXe siècle. Paris, 1833 и др. См. рус. перевод последней из названных книг: *Карем М.А., Фейо Ш.Ф.* Искусство французской кухни XIX столетия: в 2 т. / пер. Т. Учителева. СПб., 1866–1867.

[5] [*Булгарин Ф.В.*] Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1843. № 294. 31 дек.

***

В России кулинарные книги начали издавать в последней четверти XVIII в. Первой стали «Поваренные записки» С.В. Друковцева, впервые опубликованные в составе его «Экономического наставления дворянам, крестьянам, поварам и поварихам» (1773), а позднее — отдельным изданием (1779). Друковцев выступил в качестве переводчика (его источники еще не установлены), а сами рецепты «Поваренных записок» настолько кратки, что трудно представить, каким образом ими мог пользоваться неподготовленный человек.

Книга Н.П. Осипова «Старинная русская хозяйка, ключница и стряпуха» (1790)[6] претендовала на собрание национальных русских рецептов. Вместе с тем, ключевые вопросы, касающиеся ее характеристики: были ли рецепты в сборнике оригинально русскими, в чем состояли характерные особенности русской кухни конца XVIII в., кулинария каких регионов представлена в книге, — до сих пор не решены как в российской, так и зарубежной историографии.

О публикации старинных русских рецептов Н.П. Осиповым не было известно автору «Русской поварни» (1816) В.А. Левшину, который отметил в предисловии: увлечение в России чужеземными «многосложными» и часто «вредными» блюдами привело к тому, что «сведение о русских блюдах почти совсем истребилось», а «история Русской поварни, не так как других европейских, никогда не была предана ни описанию, ни тиснению»[7]. Аналогичное утверждение присутствует и в его кулинарном словаре[8]. «Словарь поваренный» Василия Левшина представлял собой многотомное компилятивное сочинение переводного характера. «Национальные» кухни должны были располагаться в тексте по алфавиту. Однако при переводе алфавитный порядок был утрачен, преимущества словарного принципа, облегчавшего поиск, не были реализованы. Кроме того, переводчик

---

[6] *Осипов Н.П.* Старинная русская хозяйка, ключница и стряпуха, или Подробное наставление о приуготовлении настоящих старинных Российских кушаньев, заедок и напитков; о различных предметах, касающихся до хозяйства; о сбережении и заготовлении впрок всяких припасов по самому старинному обычаю и вкусу. Расположенная в азбучном порядке. СПб., 1790.

[7] *Левшин В.* Русская поварня, или Наставление о приготовлении всякого рода настоящих русских кушаньев и о заготовлении впрок разных припасов. М., 1816. С. 1–2.

[8] [*Левшин В.А.*] Словарь поваренный, приспешничий, кандиторский и дистиллаторский, содержащий по азбучному порядку подробное и верное наставление к приготовлению всякаго рода кушанья из французской, немецкой, голландской, испанской и аглийской поварни; пирожнаго, дессертов, варений, салатов, вод, эссенций, ратафий, ликеров; двоению водок, и пр.; также к учреждению стола с планами, подач, услуги и проч. и с присовокуплением в особливых параграфах полной мещанской поварни и новой; равным образом поварен австрийской, берлинской, богемской, саксонской и руской: в 6 ч. М., 1796. Т. 5. С. 40.

переводил слово за словом, не вникал в суть кулинарного искусства, по его рецептам было сложно готовить.

Кулинарные рецепты лишь на первый взгляд кажутся простыми текстами для перевода и понимания. На самом деле, это «минное поле» даже для опытного специалиста, вооруженного современными словарями и научными публикациями. Переводчик кулинарной литературы вынужден буквально продираться через дебри названий блюд, ингредиентов, особенностей системы мер и весов и т. п. О своих трудностях на этом пути писала американская исследовательница Джойс Тумре. По ее мнению, рецепты — это не только указания, как жарить яйцо или запекать поросенка, это свидетельства иной культуры. Любой сборник дает информацию не только о том, что в него включено, но и о том, что пропущено. Кулинарные рецепты укоренены во времени и пространстве и являются своеобразными снимками культуры в конкретный исторический период [14, с. 3].

К 1830-м гг. названные книги устарели. Менялись русский язык, подходы к изложению материала, потребности русской аудитории. «Ручная книга русской опытной хозяйки» (1842) и «Карманная поваренная книга» (1846) Е.А. Авдеевой[9] заложили основы массовой кулинарной литературы. Авдеева писала для среднего слоя городских и провинциальных семей, стремилась четко указывать последовательность действий, количество ингредиентов и время приготовления. Лучшим свидетельством популярности ее работ стало появление на книжном рынке подделок. В предисловии к пятому изданию «Ручной книги русской опытной хозяйки» (1846) издатель предупреждал об опасности приобретения двух подделок: «Энциклопедии опытной русской хозяйки» и «Новой ручной книги практической русской хозяйки», изданных в 1844 г.[10] Несмотря на то, что сборники советов по ведению домашнего хозяйства Е.А. Авдеевой выходили значительными тиражами, они до сих пор игнорируются исследователями и собственно «литературой» не считаются. На это обратила внимание историк литературы Татьяна Степанищева, подчеркнув, что публикации разножанровых текстов женщиной купеческого происхождения были новым явлением на литературном рынке. Причем ко времени своего дебюта (1837) Авдеева достигла преклонных по тогдашним меркам лет и не могла выступать в амплуа гениальной девицы, типа Елизаветы Кульман

[9] [*Авдеева Е.А.*] Ручная книга русской опытной хозяйки: Составленная из сорокалетних опытов и наблюдений доброй хозяйки русской. СПб., 1842; *Она же*. Карманная поваренная книга. СПб., 1846.

[10] [*Авдеева Е.А.*] Ручная книга русской опытной хозяйки, составленная из сорокалетних опытов и наблюдений доброй хозяйки русской: в 2 ч. 5-е изд. СПб., 1846. Ч. 1. С. IV–VI.

или Сарры Толстой [8, с. 72, 74]. По мнению Т. Степанищевой, выбор Авдеевой амплуа доброй русской хозяйки был обусловлен культурными интересами писательницы, ее стремлением к самореализации, сочувствием идеям внесословного просвещения в сочетании с вниманием к экономической стороне литературного труда [8, с. 85].

В 1840-е гг. кулинарные тексты начали регулярно публиковаться на страницах периодических изданий. Широко известны «Лекции доктора Пуфа», которые в 1844–1845 гг. печатались в приложении к «Литературной газете» «Записки для хозяев». Модное словечко «пуф» происходило от английского глагола to puff — раздувать, надувать. Под псевдонимом скрывался князь В.Ф. Одоевский. С.В. Денисенко считает Одоевского последователем Брийя-Саварена [1, с. 13]. По мнению Алисон Смит, «Записки для хозяев» следует рассматривать как альтернативу редактировавшемуся Булгариным «Эконому»: приложение выходило с той же периодичностью и охватывало схожие темы; при этом голос доктора Пуфа, «нередко насмешливый, иногда чрезмерно самодовольный», воспринимался как пародия на стиль Булгарина. Учитывая репутацию Булгарина, считает Смит, назвать его пародийного двойника «доктором Пустословия» (Doctor Puffery) было вполне уместно [14, с. 242].

В отличие от Е. Авдеевой Одоевский стремился не к точности изложения, а к развлечению публики с помощью гастрономических курьезов и анекдотов. В качестве примера курьезов доктора Пуфа приведем рецепт его «соуса»:

> Возьмите:
>
> Полфунта выдранных из забытой книги печатных страниц. Листа два новых печатных же, — где случится с спроса, а лучше без спроса.
>
> Прибавьте:
>
> 24 ошибки против русского языка;
>
> столько же против здравого смысла;
>
> столько же иностранных невпопад переведенных слов;
>
> полсотни опечаток.
>
> Перемешайте хорошенько, разделите на рубрики, посыпьте сверху несколько более или менее известных имен, припустите в типографских чернилах на тряпичной бумаге, и у вас
>
> выйдет настоящий кулинарный соус…[11]

[11] *Одоевский В.Ф.* Кухня: Лекции господина Пуфа, доктора энциклопедии и других наук о кухонном искусстве / подгот. текста и вступ. ст. С.В. Денисенко, коммент. И.И. Лазерсона. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. С. 406.

«Доктор» сочинял не только веселые истории, но и рецепты реальных блюд. Правда, читатели не знали его маленький секрет: Пуф совершенно не умел готовить. С.В. Денисенко собрал свидетельства участников обедов у Одоевского. Они были единодушны в стремлении... избежать участия в его застольях. И.И. Панаев вспоминал, как однажды все участники обеда хотели выплюнуть сосиски, приготовленные по рецепту князя, но только С.А. Соболевский решился это сделать. Панаев не считал удачными эксперименты Пуфа, когда «пулярдка начиняется бузиной или ромашкой» (цит. по: [1, с. 23–24]). А вот как о них отзывался В.А. Соллогуб: «...он раз в месяц приглашал нас к себе на обед, и мы уже заранее страдали желудком; на этих обедах подавались какие-то соусы, до того отвратительные, что даже теперь, почти сорок лет спустя, у меня скребет на сердце при одном воспоминании о них» (цит. по: [1, с. 25]). Не менее резко о кулинарном творчестве Одоевского высказался Булгарин: «Берегитесь только, г. редактор <“Экономa”>, от *пуфов* в кухне: они никуда не годятся»[12]. Представляется заведомо ошибочным на основании рецептов князя Одоевского реконструировать пищевой рацион А.С. Пушкина и его современников, как это делается, например, в одном из новейших популярных изданий [5, с. 123, 134–135, 141].

***

В 1840-х гг. существовал еще один комплекс рецептов, содержание которого не осмыслено литературоведами и историками. Речь идет о публикации кулинарных рецептов на страницах петербургского журнала «Эконом» (1841–1853). Рецепты данного издания были использованы в монографии о повседневной жизни дворянства Е.В. Лаврентьевой [3], однако исследовательница не обращалась к вопросу их авторства и не комментировала их происхождение.

Журнал выходил еженедельно и имел подзаголовок ««хозяйственная общеполезная библиотека». В программной статье «Что такое Эконом?» редактор журнала Ф.В. Булгарин анонсировал издание для «сельских хозяев, для фабрикантов и мануфактуристов, и для всех вообще городских и сельских жителей», с целью помогать им вести хозяйство и реализовывать на практике «древние как мир истины»: избегать роскоши, умножать доходы, контролировать расходы и т. п. Редактор обещал не увлекаться пустыми теориями, а следовать опыту, «сообщать только то, что на практике оказалось

[12] [*Булгарин Ф.В.*] Эконом, хозяйственная общеполезная библиотека // Северная пчела. 1845. № 285. 18 дек.

полезным, применяя каждую вещь к России и даже к каждой ее полосе»[13].

В журнале помещалась разнообразная информация, полезная прежде всего помещикам, стремившимся рационально управлять имениями. Это были статьи о введении многопольного севооборота, удобрении почвы, новых сортах сельскохозяйственных культур, постройке хозяйственных объектов разного назначения и т. п., а также о торговле, фабричной промышленности. Публикации в разделе «Хозяйственные заметки и разные известия» позволяли читателям решать широкий круг бытовых вопросов: от приготовления лимонада до лечения младенцев. Раздел включал рубрики: «Народная медицина и диететика», «Ветеринария и скотолечение», «Туалет», «Кухня», «Напитки», «Фабричное дело и домоводство». Редактор обещал, что журнал будет полезен не только сельскому хозяину и фабриканту, но «каждому, кто хочет жить экономно из жалованья своего, или из дохода, и потому будет сообщать известия о кухне, о содержании платья и мебели, о лечении недугов простыми средствами»[14]

Именно Булгарин посоветовал издателю И.П. Песоцкому учредить хозяйственное издание, которое бы включало все, «касающееся хозяйственного и домоводственного элемента» от теории и практических рекомендаций авторитетов в области агрономических знаний до дамских и мужских мод и поваренного искусства с рецептами «самых удобоисполнимых и вкусных блюд, которые изготовляемы могут быть чуть ли не даром из самых простых материалов»[15]. После конфликта с Песоцким в мае 1843 г. Булгарин снял свое имя со страниц журнала; позднее он утверждал, что редактировал издание до мая 1844 г.[16], на эту дату мы будем опираться в ходе дальнейшего анализа.

После Булгарина редактором «Экономa» стал В.П. Бурнашев (1810–1888).

По свидетельству Бурнашева, материалы для рубрики «Кухня» в первые годы существования журнала переводил Р.М. Зотов из немецкой газеты „Gastronomische Zeitung“[17]. Известно также письмо Булгарина (дек. 1842 г.), в котором он сообщал Зотову, что на про-

---

[13] *Булгарин Ф.* Что такое Эконом? // Эконом. 1841. № 1. С. 1–3.

[14] Там же.

[15] *Бурнашев В.П.* Воспоминания петербургского старожила: в 2 т. / изд. подгот. А.И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 2022. Т. 2. С. 90.

[16] См. коммент. в изд.: *Булгарин Ф.В*. Воспоминания. Мемуарные очерки / изд. подгот. Н.Н. Акимова и А.И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 2021. Т. 2. С. 465–466.

[17] *Бурнашев В.П*. Воспоминания петербургского старожила. Т. 2. С. 114.

тяжении 1843 г. в обязанности последнего будет входить перевод рецептов в рубрику «напитки — если есть»[18]. Возможно, именно Зотов отбирал рецепты для публикации в «Кухне»? Мы должны отрицательно ответить на этот вопрос. На наш взгляд, участие Булгарина в формировании содержания рубрики было определяющим.

Первое знакомство с комплексом кулинарных рецептов, опубликованных в журнале «Эконом» в 1841–1844 гг., погружает читателя в атмосферу французской кулинарии: названия блюд, кулинарные техники, соусы свидетельствуют о французских предпочтениях автора рубрики.

Могли ли эти рецепты быть заимствованы лишь из немецкой гастрономической газеты? Теоретически, да, так как французская кухня в то время царила на континенте. Практически — нет.

Во-первых, «Гастрономическая газета»[19] издавалась в Тюрингии Фридрихом Хесслером (Friedrich Häßler) с октября 1841 г., а первый номер «Экономa» появился 31 декабря 1840 г. Причем именно первый год издания журнала был наиболее насыщенным в кулинарном плане. Мы пока не обнаружили точных заимствований (возможно, они есть, их поиск — длительный процесс). Встречаются похожие по содержанию рецепты. Однако подробный рецепт приготовления щуки не мог быть заимствован Булгариным из немецкой газеты, так как рецепт «щуки по-экономски» вышел в первом номере петербургского журнала, а «щуки в кастрюле» — в немецкой газете в июле 1842 г.[20].

Во-вторых, в «Экономе» можно обнаружить прямые ссылки на источники заимствования кулинарных рецептов и советов: «Труды Общества садоводства департамента Север» („Annales de la Société d'Horticulture du Département du Nord“), английский «Эпикурейский альманах» (“The Epicure's Almanac”) Б. Хила, французская «Нейрофизиология вкуса в алфавитном порядке» (“Neo-physiologie du goût par ordre alphabetique...”). Встречаются также упоминания работ (не указано, каких именно) М.-А. Карема и К.Ф. фон Румора. Таким образом, круг источников кулинарных публикаций не ограничивался немецкой «Гастрономической газетой».

---

[18] «Благо разрешился письмом...»: переписка Ф.В. Булгарина / сост. А.И. Рейтблат; подгот. текста и коммент. Н.Н. Акимовой и А.И. Рейтблата. М.: Новое литературное обозрение, 2025. С. 184.

[19] Gastronomische Zeitung: ein Küchen- und Gasthofs-Journal und theoretisch-praktisches Mittheilungs-, desgl. auch Conversationsblatt für Hôtel- und Gasthausbesitzer, Weinhändler, Cafetiers, Conditoren, Köche, Restaurateurs, Hausfrauen, Feinschmecker, Gourmets u. s. w.: Nebst einem literarischen Dessert zur Beförderung der Verdauung und als Organ für Gasthofsleben, Badewirthschaften (Brunnen- und Badeorte), Casinos… Weißensee: 1841–1844.

[20] Gastronomische Zeitung. 1842. № 27.

На наш взгляд, участие Булгарина в формировании содержания рубрики было определяющим. К такому выводу позволяет прийти и анализ ситуации, которая сложилась при смене редакторов журнала в 1844 г. Очевидный провал в работе издания заметен именно в рубрике «Кухня»: в шести номерах подряд, с 182-й по 187-ю тетради включительно, наблюдалось копирование рецептов приготовления одного и того же блюда. Причем первые три тетради (182–184) были посвящены исключительно бисквитам. Бурнашев впоследствии признавался, что под его руководством в журнале «хромала» кулинарная часть[21]. Встает вопрос: если в годы редакторства Булгарина рецепты для журнала переводил Р.М. Зотов, что мешало новому редактору поддерживать работу в прежнем режиме? Зотов сотрудничество с «Экономом» продолжал.

Бурнашев был автором «Энциклопедии русской опытной городской и сельской хозяйки...» (1839), первый том которой был посвящен кулинарным рецептам[22]. Однако Бурнашев признавался, что печатал компилятивные книги, слабо разбираясь в соответствующих вопросах:

> В это время до 50-х годов я напечатал множество сельскохозяйственных книг под псевдонимом Бориса Волжина, что мне на поприще агрономической литературы (при всем моем невежестве в агрономии, химии, физике, механике, гидравлике и естествознании) сделало такое имя (о, патриархальные времена!), что в конце 1849 года Вольное экономическое общество пригласило меня быть редактором-издателем на коммерческом праве журнала общества «Труды Вольного экономического общества»...[23].

Вместе с тем, подобная «всеохватность» вводит в заблуждение современных специалистов. А. Смит, например, считает, что Бурнашев понимал «экономику в широком смысле, включая не только торговлю и промышленность, не только сельское хозяйство, но и домоводство». Причем важной частью домашней экономики для него «являлась кухня со всеми ее плодами» [13, с. 15]. Именно на публикациях Бурнашева, игнорируя при этом тексты Булгарина, иссле-

---

[21] *Бурнашев В.П.* Воспоминания петербургского старожила. Т. 2. С. 114.

[22] [*Бурнашев В.П.*] Энциклопедия русской опытной городской и сельской хозяйки, ключницы, экономки, поварихи, кухарки, скотницы и птичницы, содержащая в себе: наставления и руководства по всем отраслям городскаго и сельскаго хозяйства, извлеченныя из 40, 50 и 60 летних опытов русских хозяек Борисом Волжиным: [в 4 ч.]. СПб.: Изд. книгопродавца Василья Полякова, 1842. Ч. 1.

[23] *Бурнашев В.П.* Воспоминания петербургского старожила. Т. 1. С. 42.

довательница строит анализ кулинарной литературы в монографии «Капуста и икра: история еды в России». Правда, А. Смит вынуждена признать, что инструкции Бурнашева, например, по приготовлению хлеба, вряд ли могли привести «детских пекарей» к успеху:

> Хотя он подробно указывал, сколько времени нужно выпекать хлеб (до трех часов для самых больших караваев), он забыл упомянуть среди ингредиентов какой-либо разрыхлитель. Или, точнее, он не объяснил, как именно поднимается русский кислый хлеб — благодаря остаткам теста в квашне, которые служили закваской для следующей партии. В этом он не был одинок. В другой книге того же времени описание приготовления хлеба начиналось с утверждения, что «закваска теста для хлебов из ржаной муки известна каждому, кто их печет», — вряд ли полезный совет для новичка [13, с. 17].

Под «другой книгой» исследовательница имеет в виду издание «Практический хозяин, или Книга для всех состояний» (1838), составитель которого скрылся за инициалами М. М. Вот что об этом трехтомном сочинении писал в своей рецензии Булгарин: «У нас ныне завелось особое сословие писателей, которые, никогда не видав ни села, ни поля, ни фабрики, ни завода, пишут о сельском хозяйстве и фабричной промышленности, и, что гораздо мудренее, находят простодушных людей, которые им верят!» Он считал, что автор «Практического хозяина» собрал отрывки рецептов из старых книг «без обозначения меры и веса», в результате чего от кухни, которой посвящен весь третий том, в книге остался один «угар»[24].

На наш взгляд, «Практический хозяин» некого М. М., как и «Энциклопедия русской опытной хозяйки» В.П. Бурнашева были изданы исключительно с коммерческим расчетом. Булгарин позволял себе резкие оценки их кулинарной составляющей, потому что сам был увлечен процессом кулинарного творчества, разбирался в сочетании продуктов, понимал важность точной последовательности действий в кулинарных рецептах. Перечислим основные причины, которые позволили нам прийти к этому выводу.

1) *Философский подход.* Булгарин был не только известным петербургским гастрономом [3, с. 466], он был также увлечен гастрософией — новым, зарождавшимся философским направлением, представители которого стали рассматривать пищу как часть культуры, пытались осмыслить гастрономические традиции, выра-

[24] *Булгарин Ф.В.* [Рец. на: Практический хозяин, или Книга для всех состояний: в 3 ч. М., 1838] // Северная пчела. 1838. № 222. 3 окт.

батывали правила разумного и здорового потребления еды. На страницах «Экономa» Булгарин опубликовал своеобразный кулинарный манифест и озвучил принципы, на которые опирался, предлагая читателям рецепты. По его мнению, национальная кухня любого народа однообразна и тяжела для желудка. На протяжении столетий главной целью кулинарии было приготовление блюд сытных, надолго утолявших голод. Лучшим столом Булгарин считал стол смешанный, то есть «состоящий из блюд всех народов, изготовленных по-французски». По его мнению, итальянцы первыми поняли важность кулинарного искусства, но именно французы довели его до совершенства — настоящей «кухонной химии (chimie cullinaire)». Цель этой химии состояла в правильном сочетании ингредиентов, что позволяло делать блюда «легче и удобоваримее для желудка» без потери их вкуса[25]. Не случайно стол, который Булгарин накрывал читателям журнала, был уставлен яствами со всех концов света: французскими, итальянскими, немецкими, английскими, голландскими, датскими, испанскими, португальскими блюдами и даже приготовленными по-американски. Редактор «Экономa» явно хотел удивить русского читателя, расширить его кулинарный горизонт. На страницах журнала нашлось место кулинарным рецептам, в которых отражена специфика кухни разных регионов Российской империи. Наряду с русскими блюдами, мы встречаем рецепты из Лифляндии, где находилось имение Булгарина Карлово, «польские зразы» и «малороссийский холодец».

Рубрика «Кухня» была тесно связана с рубриками «Домоводство» и «Напитки», в которых публиковались разнообразные советы, от правильного кормления животных до способов консервирования продуктов, а главное — на конкретных примерах постоянно подчеркивалась необходимость правильного сочетания ингредиентов, обозначались принципы здорового питания. Те же идеи в 1830–1840-е гг. звучали в публикациях Булгарина в газете «Северная пчела». В частности, эссе «Вода» является настоящим гимном источнику жизни, дарованному людям природой, оно призывает читателей использовать целебную силу воды для правильного пищеварения и оздоровления[26].

На страницах «Экономa» и «Северной пчелы» Булгарин публиковал также тексты других авторов и таким образом вводил в литературу кулинарную тематику. В частности, статья француз-

[25] *Булгарин Ф.* Общие замечания о кухне // Эконом. 1841. № 42. С. 339.

[26] *Ф.Б.* [*Булгарин Ф.В.*] Вода // Северная пчела. 1839. № 205. 13 сент.

ского физиолога Ф.-В. Распая «О пище»[27] являлась частью научного труда[28], где автор рассуждал о пользе грудного вскармливания, роли приправ и алкогольных напитков в пищеварительном процессе и т. п.

Пытался ли Булгарин придать содержанию кулинарной рубрики в журнале «Эконом» развлекательный характер, на что сделал ставку В.Ф. Одоевский? И да, и нет. С одной стороны, он подчеркивал важность кулинарной темы и стремился к тому, чтобы его рецепты были реальным руководством к действию. С другой стороны, пытался «оживить» сухие рецептурные тексты, дополняя их собственными жизненными наблюдениями[29] или предлагая читателю мини-истории под соусом, например, «любимого блюда английского короля»[30].

2) *Длительный устойчивый интерес к кулинарной тематике.* В своих воспоминаниях, романах и даже фантастических очерках Булгарин неоднократно обращался к кулинарной тематике. На страницах «Димитрия Самозванца» мы наблюдаем, как пировала польская шляхта, опустошая «целые ряды бутылок с венгерским вином»[31], а в «Иване Выжигине» описан «пир приказных»:

> Обед начался огромным пирогом с рыбою, в котором могла бы выспаться сама почтенная хозяйка. Наливки всех цветов и названий поспешили на помощь пирогу и бросились опрометью и в большом количестве в горло гостей, чтоб предохранить их от вредных следствий недопеченного теста и полусырой рыбы. Вслед за пирогом следовали холодные: поросенок с хреном, студень, ветчина и т. п. Холодное надлежало разогреть, и опять прибегнули к наливкам и к мадере, которая весьма приятно светилась в пивных стаканах. Вкусные русские щи надлежало также развесть в желудке мадерою, итак, пока дошли до первого кушанья после щей, уже лбы почтенных собеседников покрылись блестящим лаком, а носы зарделись как клюковки. Здесь-то я выразумел настоящий смысл русской пословицы: «Первая чарка колом, а вторая соколом». Разница в том, что летали соколом не чарки, а стаканы и бутылки[32].

---

[27] *Распайль Д.* О пище человека // Северная пчела. 1844. № 89, 90. 21, 22 апр.

[28] См.: *Raspail F.-V.* Histoire naturelle de la santé et de la maladie chez les végétaux, chez les animaux en général, et en particulier chez l'homme. Paris, 1843.

[29] См, например: [*Булгарин Ф.В.*] Общие правила для приготовления весенней зелени // Эконом. 1842. № 69. С. 134–135.

[30] [*Булгарин Ф.В.*] Каплуны или пулярды в пузыре // Эконом. 1843. № 110. С. 46.

[31] *Булгарин Ф.В.* Димитрий Самозванец: исторический роман: в 4 ч. СПб.: В тип. А. Смирдина, 1830. Ч. 3. С. 288–289.

[32] *Он же.* Иван Выжигин: нравственно-сатирический роман. 2-е изд. СПб.: В тип. вдовы Плюшар, 1829. С. 219.

Булгарин рассказывал о традициях застолий в имении своей бабушки[33] и делал прогнозы на будущее. По его мнению, в 2824 году на столах жителей России будет царствовать простая и здоровая пища — капуста, гречка, огурцы[34].

На кулинарные темы будущий редактор «Эконома» высказывался задолго до появления журнала. В эссе «Обед» он утверждал, что «искусство обедать есть наука, которая потому только не преподается, что для нее нет профессора; но эта наука гораздо важнее медицины, потому что предшествует ей и есть, так сказать, ее мать». Там же высказана уже известная нам мысль, что лучший обед — смешанный, то есть состоящий из блюд разных народов. Автор даже советовал отказываться от приглашений на национальные обеды, потому что для человека, ведущего сидячий образ жизни, пироги, блины и кулебяки «то же, что картечь»[35]. Эссе «Обед» переполнено афоризмами:

> Кем бы вы ни были, вы должны непременно есть, но обедают только избранные.
>
> Все другое вы можете заставить людей делать за себя <...>; но есть вы должны непременно сами и расплачиваться своею особою за последствия вашей еды.
>
> Суп варили прежде микстуры.
>
> Если бы людей умеющих обедать было более, нежели искусных докторов, то самые искусные доктора принуждены были бы оставаться без обеда.

Настоящую оду кулинарному искусству представляет эссе Булгарина «Великий муж кастрюльной области Карем и его памятные записки»[36]. Автор называет поваренное искусство наукой, которую ученые причислили к искусствам лишь «из зависти»[37]. Эссе также насыщено афоризмами:

> Человек отличается от животного более желудком, нежели головою.
>
> Барометр образованности народов есть кухня.

---

[33] *Он же*. Воспоминания. Мемуарные очерки. Т. 1. С. 96, 100.

[34] *Он же.* Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в двадцать девятом веке // Сочинения Фаддея Булгарина: в 12 ч. СПб.: В тип. А. Смирдина, 1830. Ч. 6. С. 94.

[35] Северная пчела. 1840. № 7. 10 янв.

[36] Северная пчела. 1835. № 67. 23 марта.

[37] Там же.

> Французские повара берут дань с целого образованного мира.

Отточенные формулировки Булгарина перекликаются со знаменитыми афоризмами Брийя-Саварена:

> Вселенная без жизни — ничто, а все, что живет, — питается.
>
> Животные кормятся; человек ест; но только умный человек умеет есть.
>
> Судьба народов зависит от того, как они питаются[38].

А вот булгаринская трактовка знаменитого «Скажи мне, что ты ешь, я скажу тебе, кто ты»:

> Поставьте передо мной четыре блюда: одно из кухни африканского королька или американского кацика, другое из кухни французского вельможи, третье со стола русского купца, четвертое со стола русского образованного дворянина, и я вам разгадаю, без ошибки, характер хозяина каждого блюда, расскажу образ его жизни, и объявлю степень его просвещения[39].

Булгарин был знаком с «Альманахом гурманов» Гримо де Ла Реньера и тоже претендовал на роль гастрономического гида. Одним из первых журналистов в России, который начал писать о ресторанном деле, называет Булгарина Е.В. Шашкова [10, с. 61], анализируя его очерки «Русская ресторация» и «Гостиный двор», опубликованные в 1843 г. в его сборнике «Очерки русских нравов»[40].

3) *Связь принципов питания с содержанием рецептов*. В разделе «Народная диететика» Булгарин опубликовал ряд статей о принципах питания, влиянии разных продуктов и готовых блюд на здоровье человека. В частности, заслуживает внимания цикл публикаций «О кушаньях и вообще о питательных веществах относительно влияния, какое имеют они на здоровье человека»[41]. Автор обозначил главный посыл: здоровому человеку всё здорово, а человеку со слабым желудком важно быть разборчивым в еде, потому что мы «ни в чем так часто не ошибаемся, как в выборе пищи»[42].

---

[38] *Брийя-Саварен Ж.А.* Физиология вкуса / пер. с фр. Л. Ефимова. С. 13.

[39] Северная пчела. 1835. № 67.

[40] [*Булгарин Ф.В.*] Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого. СПб.: Тип. Э. Праца, 1843.

[41] [*Булгарин Ф.В.*] Какое влияние имеют кушанья или вообще питательные вещества на здоровье человека // Эконом. 1841. №№ 25, 28, 29, 31, 33, 35, 38, 48.

[42] [*Булгарин Ф.В.*] Какое влияние имеют кушанья или вообще питательные вещества на здоровье человека // Эконом. 1841. № 25. С. 202.

4) *Кулинар обращает внимание на приемы приготовления, посуду, кухонную утварь*. Булгарин постоянно оценивал стоимость и качество продуктов, обедов в трактирах во время своих путешествий. Если витебские трактиры его порадовали хорошим и дешевым «кушаньем» (1835)[43], то рестораны Стокгольма (1838) оставили самое неблагоприятное впечатление. Обедать в последних Булгарин решительно не мог и нашел неожиданный выход из положения: заказал приготовить блюда по собственному рецепту. И пояснил читателю источник своих познаний в кулинарии: «Этому великому художеству научился я на биваках, и все-таки познания мои, по этой части, выше стокгольмских трактирных стряпух. По крайней мере, теперь чувствовал я вкус бульона и мяса!»[44] Действительно, в составе сначала русской, а позднее французской армии Булгарин в буквальном смысле прошел всю Европу. Военная жизнь была лишена комфорта, вынуждала участников походов самостоятельно заботиться о приготовлении пищи.

Изучение кулинарных рецептов, опубликованных на страницах журнала «Эконом» в 1841–1844 гг., позволяет утверждать, что Булгарин разбирался в процессе приготовления пищи, понимал важность соблюдения температурных режимов, уделял большое значение выбору кухонной утвари, обращал внимание на кулинарные приемы. Как следует из анализа текстов рубрики «Кухня», готовить можно на «сильном», «маленьком» и «легком» огне, иногда необходимо оставить блюдо «преть». В разных ситуациях следует использовать «вольный» или «умеренный жар», «горячие угли» или «легкий дым». Какие-то блюда необходимо «беспрестанно мешать», другие «беспрестанно встряхивать».

Не менее важным представлялся редактору «Экономa» вопрос выбора кухонной утвари. В разных ситуациях следовало пользоваться деревянной, глиняной или каменной ступкой, ситом «волосяным» или «шелковым». Хранить продукты в стеклянной банке, дубовом или ольховом бочонке. Одни блюда следовало готовить в чугунной посуде, другие в глиняной. Он буквально заклинал читателей не использовать для приготовления супа медную кастрюлю, чтобы не испортить вкус блюда.

Когда у читателей «Экономa» не получалось приготовить то или иное блюдо, редактор объяснял, по какой причине это могло произойти и каким образом можно ошибку исправить. В частности,

[43] *Булгарин Ф.В.* Путевые заметки на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно весною 1835 года // Булгарын Ф. Выбранае / уклад., прадм., камент. А. Фядуты. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2003. С. 209.

[44] *Булгарин Ф.В.* Летняя прогулка по Финляндии и Швеции, в 1838 году. СПб., 1839. Ч. 2. С. 19–20.

он предположил, что пудинг из ржаного хлеба не удался потому, что читатель использовал непропеченный хлеб. Кроме того, нужно было варить пудинг в кастрюле без крышки, чтобы «вышел» запах хлеба, а добавлять шоколад в блюдо обязательно без ванили[45]. Перечисленные детали свидетельствуют, что редактор был знаком с кулинарными рецептами не только на бумаге.

Тема кулинарии звучит также в личной переписке Булгарина. Отправляя Н.И. Шенигу свежую навагу, он восклицал: «...только, ради бога, не кушайте *наваги вареной*. Это contre les principles de la gastronomie [противоречит всем принципам гастрономии (*фр.*)]»[46]. Восхищаясь описанием процесса плавки металла, присланным А.Ф. Воейковым, Булгарин просил его использовать русское слово «ограда» вместо «решетки и плиты», потому что последние «невольно представляют уму английскую кухню и côtlettes a là grille [отбивные на гриле (*фр.*)]»[47].

5) *Авторские рецепты*. В воспоминаниях о журнале «Эконом» Бурнашев писал, что в анонсе издания его первый редактор обещал публиковать рецепты блюд, которые «были уже испытаны в домашнем хозяйстве Булгарина, угощавшего ими цвет русской литературы и знаменитостей науки и администрации»[48]. Мы не обнаружили подобных обещаний ни на страницах журнала «Эконом», ни газеты «Северная пчела», где Булгарин рекламировал новое издание. Вместе с тем, Бурнашев верно передал ситуацию: в журнале Булгарин действительно публиковал рецепты, опробованные за его семейным столом. Мы разделяем мнение А.И. Рейтблата, что Бурнашев в своих мемуарах мог «неправильно привести имя и отчество известного лица, ошибиться в датировке события, но сами блоки, из которых он “складывал” свою “конструкцию”, достоверны, то есть события имели место или, по крайней мере, о них шла речь» [7, с. 16]. Пример блюда с булгаринского стола — «щука по-карловски»:

> Щука рыба сухая — и лучше всего, когда ее подают на стол с соусом. Вот новый соус, изобретенный любителем рыбной пищи. Щуку, порезав на обыкновенные куски, изжарьте в масле, на сковороде, а к рыбе подавайте, в соусник, следующий соус. Мелко искрошенный лук и петрушку сварите в бульоне, положите порядочный кусок масла и, когда бульон выкипит наполовину, подлейте смета-

[45] [*Булгарин Ф.В.*] Примечание // Эконом. 1841. № 5. С. 44.

[46] «Благо разрешился письмом...». С. 477.

[47] Там же. С. 104.

[48] *Бурнашев В.П.* Воспоминания петербургского старожила. Т. 2. С. 90.

ны, перемешайте, дайте раз хорошо вскипеть и вылейте в соусник. Жареная рыба, обмакиваемая в этот соус, чрезвычайно вкусна[49].

Булгарин также опубликовал уникальный рецепт «шуки по-жидовски». Несмотря на то, что после разделов Речи Посполитой прошло более полувека, многочисленное еврейское население, вошедшее в состав Российской империи, по-прежнему оставалось вне русского публичного пространства. Черта еврейской оседлости, введенная Екатериной II в 1791 г., ограничивала перемещение евреев и создавала своеобразный занавес между бывшими воеводствами Речи Посполитой и внутренними российскими губерниями. Еврейская культура, в том числе в ее бытовых проявлениях, на протяжении XIX в. оставалась за этим занавесом. О каких-либо публикациях рецептов еврейской кухни до публикации журнала «Эконом» нам не известно.

Шука по-жидовски

Влить в кастрюлю столько воды, чтобы закрывала рыбу, сколько ее предположено сварить, положить в кастрюлю большое количество цельных луковиц, по горсти перцу английского и русского (т. е. белого и черного) в зернах, соли и лаврового листу, и кипятить до тех пор, пока вода сделается от перца мутною. Тогда в этой воде варить рыбу и подавать на стол с тою же подливкою, процедив сквозь сито, чтобы перец осел. Подливка чрезвычайно крепка от перцу и луку, но рыбе придает отличный вкус. Вареный лук подается на блюде, вместе с подливкою. В западных губерниях не только жиды, но и помещики любят это кушанье[50].

Публикацией данного рецепта Булгарин делает первый шаг к знакомству русского читателя с кулинарными традициями еврейского народа. Более того, текст имеет важную социальную составляющую. Редактор прямо указывает, что дворяне, то есть люди высокого социального статуса, также любят щуку, приготовленную «по-жидовски». Это краткое уточнение придает рецепту значимость, делает его блюдом, которое можно подавать на стол любого уровня, в том числе дворянский. Важно отметить, что содержание рецепта простое: автор не использует гвоздику, мускатный орех, лимонную цедру, а только перец и лавровый лист. Именно последние придают рыбе сильный характерный вкус. Если учесть, что в одной из самых

[49] Эконом. 1843. № 151. С. 374.
[50] Эконом. 1841. № 1. С. 9.

трогательных сцен в воспоминаниях Булгарина описана встреча в Глуске с евреем Иоселем, во время которой они преломляют мацу и едят щуку в шаббат[51], мы можем смело предположить публикацию на страницах журнала «Эконом» реального рецепта еврейской кухни.

На наш взгляд, рубрика «Кухня» в 1841–1844 гг. имела авторский характер. Булгарин инициировал ее создание, принимал самое деятельное участие в ее наполнении текстами, вел переписку с читателями, разъясняя им детали кулинарных рецептов. Рецепты, опубликованные в этой рубрике в 1841–1844 гг., следует воспринимать как комплекс, объединенный единым подходом и личностью редактора журнала. Булгарин был искренне увлечен кулинарной темой: публиковал статьи, выступал в роли гастрокритика, любил сам вкусно поесть и умел готовить, демонстрируя свои предпочтения читателям. Кулинарные рецепты, опубликованные на страницах журнала «Эконом», требуют дальнейшего изучения не только как ценный источник по истории повседневной жизни 1840-х гг., но и как специфические литературные произведения. Появление на страницах журнала кулинарной тематики и внимание редакции к интересам женской аудитории требовали выработки соответствующего стиля, активного диалога с читателями и читательницами[52].

Литература

1. *Денисенко С.В.* Доктор Пуф, или Кулинарные изыски князя Одоевского // Одоевский В.Ф. Кухня: Лекции господина Пуфа, доктора энциклопедии и других наук о кухонном искусстве / подгот. текста и вступ. ст. С.В. Денисенко; коммент. И.И. Лазерсона. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. С. 5–26.

2. *Задворный В.Л.* Французская кухня в России и русской литературе. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 280 с.

3. *Лаврентьева Е.В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры: этикет. М.: Молодая гвардия, 2007. 662 с.

4. *Мильчина В.А.* Гримо де Ла Реньер и его гастрономическая утопия // Гримо де Ла Реньер. Альманах гурманов / пер. с фр., вступ. ст., примеч. В.А. Мильчиной. 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2025. С. 5–54.

5. *Первушина Е.В.* За столом с Пушкиным. Чем угощали великого поэта. Любимые блюда, воспетые в стихах, высмеянные в письмах и эпиграммах. Русская кухня первой половины XIX века. М.: Центрполиграф, 2022. 350 с.

[51] *Булгарин Ф.* Воспоминания. Мемуарные очерки. Т. 1. С. 338.

[52] Автор выражает глубокую благодарность А.И. Рейтблату за ценные замечания, советы и содействие в поиске булгаринских публикаций по теме статьи в газете «Северная пчела».

6. *Рейтблат А.И.* [Вступительная заметка к републикации эссе Булгарина «Обед»] // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 245–246.

7. *Рейтблат А.И.* Анекдотист и летописец слухов // Бурнашев В.П. Воспоминания петербургского старожила: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2022. Т. 1. С. 5–21.

8. *Степанищева Т.* «Русская Опытная Хозяйка»: авторское амплуа и книги Екатерины Авдеевой // Acta Slavica Estonica XIX. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение XIII. Тарту: Изд-во Тартуского университета, 2024. С. 71–87.

9. *Фофанов С.* Кулинарное искусство и его дух. Пролегомены гастрософии // Румор К.Ф. фон. Дух кулинарного искусства / пер. с нем. М.: Ад Маргинем Пресс, 2026. С. 292–327.

10. *Шашкова Е.В.* Отечественная дореволюционная периодика индустрии гостеприимства // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2026. № 1 (60). С. 58–72.

11. *Aron Jean-Paul*. The Art of Eating in France: Manners and Menus in the Nineteenth Century. N. Y.: Harper & Row, 1975. 249 p.

12. *Dumanowski Jarosław*. Dyktatura gwiazdek: Historia przewodnika Michelin // Glos uczelni. 2025. № 9/10. S. 66–70.

13. *Smith Alison K*. Cabbage and Caviar: A History of Food in Russia. London: Reaktion Books, 2021. 352 p.

14. *Smith Alison K*. National cuisine and nationalist politics: V.F. Odoevskii and "Doctor Puf", 1844-45 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2009. Vol. 10, № 2. P. 239–260.

15. *Toomre Joyce*. Introduction / Classic Russian Cooking: Elena Molokhovets' A Gift to Young Housewives. Bloomington: Indiana University Press. 1992. P. 7–89.

Research Article

"Cuisine Introduced into Literature!": The Culinary Recipes of "Ekonom" Magazine in the 1840s

© 2026. Svetlana L. Lougovtsova
Independent Researcher, Belarus

Abstract: The article analyzes the "Cuisine" section of the magazine *Ekonom*, edited by Faddei Bulgarin (1841–1844). The author examines the revolutionary changes in French culinary literature during the first third of the nineteenth century, transforming it into an independent literary field. The article traces the development of culinary literature in Russia from the late eighteenth century,

with particular attention paid to publications of the 1840s, primarily those appearing in the periodical press. The chronological sequence of such publications is established, and the distinctive features of their authors' literary styles are identified. Particular attention is paid to the role of Bulgarin as the initiator and author of the "Cuisine" column. It is argued that he shaped the content of the column independently, brought a degree of originality to it, and published his own recipes alongside those of others. His interest in gastronomy was comprehensive: he not only published his own and others' articles in periodicals, but also acted as a gastronomic critic. His appreciation of refined cuisine was combined with practical culinary skills, which he demonstrated to the readers. The culinary texts published in the *Ekonom* merit further study as valuable sources for the history of everyday life and as a significant element of the Russian literary process.

Keywords: Thaddeus Bulgarin (Tadeusz Bułharyn), *Ekonom* magazine, Russian periodical press, 19th century, history of journalism, culinary recipes, gastrosophy, gastronomy.

Information about the author: Svetlana L. Lougovtsova, PhD in History, Independent Researcher, Belarus.

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0009-7681-5285

E-mail: sv.lougovtsova@gmail.com

For citation: Lougovtsova, S.L. "'Cuisine Introduced into Literature!': The Culinary Recipes of *Ekonom* Magazine in the 1840s." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (40), 2026, pp. 148–169. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-148-169

References

1. Denisenko, S.A. "Doktor Puf, ili Kulinarnye izyski kniazia Odoevskogo" ["Doctor Puff, or the Culinary Delights of Prince Odoevsky"], Odoevskii, V.F. *Kukhnia: Lektsii gospodina Pufa, doktora entsiklopedii i drugikh nauk o kukhonnom iskusstve* [*The Kitchen: Lectures of Mr. Puff, Doctor of Encyclopaedia and Other Culinary Sciences*], text prep. and introd. by S.A. Denisenko, comm. by I.I. Lazerson. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2007, pp. 5–26. (In Russ.)

2. Zadvornyi, V.L. *Frantsuzskaia kukhnia v Rossii i russkoi literature* [*French Cuisine in Russia and Russian Literature*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2023. 280 p. (In Russ.)

3. Lavrent'eva, E.V. *Povsednevnaia zhizn' dvorianstva pushkinskoi pory: etiket* [*Everyday Life of the Nobility in Pushkin's Era: Etiquette*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2007. 662 p. (In Russ.)

4. Mil'china, Vera. "Grimo de La Ren'er i ego gastronomicheskaia utopiia" ["Grimod de La Reynière and His Gastronomic Utopia"]. *Grimo de La Ren'er. Al'manakh gurmanov* [*Almanach des Gourmands*], trans., introd., and notes by V.A. Mil'china, 3rd ed. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2025, pp. 5–54. (In Russ.)

5. Pervushina, E.V. *Za stolom s Pushkinym. Chem ugoshchali velikogo poeta. Liubimye bliuda, vospetye v stikhakh, vysmeiannye v pis'makh i epigrammakh. Russkaia kukhnia pervoi poloviny XIX veka* [*At the Table with Pushkin. What the Great Poet Was Treated To. Favorite Dishes Praised in Verse, Mocked in Letters and Epigrams. Russian Cuisine of the First Half of the 19th Century*]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2022. 350 p. (In Russ.)

6. Reitblat, A.I. ["Vstupitel'naia zametka k republikatsii esse Bulgarina 'Obed'"] ["Introductory Note to the Reprint of Bulgarin's Essay 'Dinner'"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 21, 1996, pp. 245–246. (In Russ.)

7. Reitblat, A.I. "Anekdotist i letopisets slukhov" ["Anecdotist and Chronicler of Rumors"]. Burnashev, V.P. *Vospominaniia peterburgskogo starozhila* [*Memoirs of a St. Petersburg Old Resident*], vol. 1, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2022, pp. 5–21. (In Russ.)

8. Stepanishcheva, T. "'Russkaia opytnaia khoziaika': avtorskoe amplua i knigi Ekateriny Avdeevoi" ["'The Experienced Russian Housewife': the Authorial Persona and the Books of Ekaterina Avdeeva"]. *Acta Slavica Estonica XIX. Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. Literaturovedenie XIII* [*Acta Slavica Estonica 19th Works on Russian and Slavic Philology. Literary Studies 13*], ed. by L. Kiseleva. Tartu, University of Tartu Publ., 2024, pp. 71–87. (In Russ.)

9. Fofanov, S. "Kulinarnoye iskusstvo i ego dukh. Prolegomeny gastrosophii" ["Culinary Art and Its Spirit. Prolegomena to Gastrosophy"]. Rumor, Karl Friedrich von. *Dukh kulinarnogo iskusstva* [*The Spirit of Culinary Art*], trans. from German. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2026, pp. 292–327. (In Russ.)

10. Shashkova, E.V. "Otechestvennaia dorevoliutsionnaia periodika industrii gostepriimstva" ["Pre-Revolutionary Russian Periodicals of the Hospitality Industry"]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Iaroslava Mudrogo*, no. 1 (60), 2026, pp. 58–72. (In Russ.)

11. Aron, Jean-Paul. *The Art of Eating in France: Manners and Menus in the Nineteenth Century*. New York, Harper & Row Publ., 1975. 249 p. (In English)

12. Dumanowski, Jarosław. "Dyktatura gwiazdek. Historia przewodnika Michelin." *Głos Uczelni*, no. 9–10, 2025, pp. 66–70. (In Polish)

13. Smith, Alison K. *Cabbage and Caviar: A History of Food in Russia*. London, Reaktion Books Publ., 2021. 352 p. (In English)

14. Smith, Alison K. "National Cuisine and Nationalist Politics: V.F. Odoevskii and 'Doctor Puf', 1844–1845." *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 10, no. 2, 2009, pp. 239–260. (In English)

15. Toomre, Joyce. "Introduction." *Classic Russian Cooking: Elena Molokhovets' A Gift to Young Housewives*. Bloomington, Indiana University Press, 1992, pp. 3–89. (In English)

Статья поступила в редакцию: 19.03.2026
Одобрена после рецензирования: 12.05.2026
Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 19.03.2026
Approved after reviewing: 12.05.2026
Date of publication: 25.06.2026

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.1
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-170-211
https://elibrary.ru/WCGQPO

Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Иван Шмелев и журнал «Русское богатство»

© 2026, А.В. Геворкян, М.В. Строганов
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье реконструируются взаимоотношения Ивана Шмелева с В.Г. Короленко и журналом «Русское богатство»: от довольно прохладного восприятия редакцией литературного таланта писателя до положительных оценок его произведений и публикации произведений Шмелева на страницах журнала в 1910-е гг. Рецепция его творчества отразилась в переписке Короленко с А.Г. Горнфельдом и письмах членов редакции и сотрудников «Русского богатства» (С.П. Подъячев, А.В. Пешехонов, Ф.Д. Крюков, А.Б. Дерман и др.), остававшихся до сих пор в архивах. Подробно освещается история публикации в журнале рассказа «Под небом». Впервые в сокращении или в полном объеме публикуется важные тексты из эпистолярного наследия Шмелева: его письма к Короленко, Горнфельду, Дерману. Преклонение Шмелева перед нравственной личностью Короленко претерпевает значительные изменение в годы эмиграции, эта идейная трансформация раскрываются на примере анализа произведений творчества писателя за рубежом.

Ключевые слова: В.Г. Короленко, Ив. Шмелев, С.П. Подъячев, А.В. Пешехонов, А.Б. Дерман, «Русское богатство», литературная репутация.

Информация об авторах: Армен Варужанович Геворкян — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2658-4580

E-mail: armenvar@mail.ru

Михаил Викторович Строганов — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7618-7436

E-mail: mvstroganov@gmail.com

Для цитирования: *Геворкян А.В., Строганов М.В.* Иван Шмелев и журнал «Русское богатство» // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 170–211. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-170-211

Жизнь и творчество И.С. Шмелева в доэмигрантский период изучены достаточно основательно [16]. Однако некоторые страницы этого периода не привлекали внимание исследователей, скорее всего потому, что сам Шмелев или не вспоминал о них, или вспоминал в той форме, которая более соответствовала его эмигрантским настроениям. К этим непрочитанным страницам относится и история отношений Шмелева с журналом «Русское богатство», весьма авторитетным практически для всех писателей, которые начинали свой творческий путь в 1890–1910-е гг. Эти отношения были не столь длительными, как у других авторов, и за отсутствием многих документов их достаточно сложно реконструировать. Но сложность решения задачи делает ее только интереснее.

Короленко стоит у Шмелева в ряду ключевых фигур русской литературы, духовное подвижничество которых переплетается с общественной деятельностью:

> От духовных стихов, народных, от пушкинского «Пророка» — <...> от гоголевских провидений судеб России, от некрасовского «Власа», богоборцев, провальников и голубиных душ Достоевского — до его каторжан из «Мертвого дома», до судорожных исканий Правды Толстым, до мягких образов русских у Короленки, до баб немых у костра, вешней студеной ночью, у Чехова, и всюду, в чистой литературе нашей, все — действительно сильное и глубокое — пронизано лаской, светом, стоит на Христе — на Правде Божией. Это — цветы, набиравшие силу от корней родины. Так слагалось все лучшее, что жило в душе России. Или эти цветы померзли, перестали благоухать? В душу свою глядите — узнаете. (Христос воскресе) [22, т. 7 (доп.), с. 337–338].
>
> Мы помним русских девушек и студентов на эпидемиях в «голодные годы». Помним и писателей, — Толстого, Короленко, Чехова, своим примером будивших общественную совесть. Откуда это? От нашей «тревожной совести», покорной велению Высокой Правды. (Творчество А.П. Чехова) [22, т. 7 (доп.), с. 545].

Шмелев, родившийся в 1873 г., не избежал всеобщего почтения к авторитету «Русского богатства», но в силу возраста пережил это увлечение только внешне, о чем писал И.А. Ильину 29 марта 1947 г.:

> Я всегда б<ыл> оч<ень> впечатлителен. Оч<ень> жалостлив к «малым сим» — и как не стал «социалистом», не знаю. Оч<ень> сочув<ствовал> партии Нар<одной> Воли. Любил — рано — Гл. Усп<енского>, Златовр<атского> — знакомого много находил. Ну, а потом, как вкусил... постеп<енно>, не счит<ая> «приключ<ений>», — Мельн<икова>-Печерского, Загоскина... — Пушкина... медленно *брал*. Его!.. Толст<ого> (Дост<оевского> — позже!). Люб<ил> Короленко, о-чень Чехова... Но читал-то *все* [5, т. 3, с. 109].

Когда у Шмелева возникала необходимость воскресить социальную атмосферу своего детства и молодости, он обращался не столько к собственным воспоминаниям, сколько к авторам «Русского богатства». Характерно признание в письме И.А. Ильину 24 января 1947 г., что он «эти дни читал “Ист<орию> моего современника”, Кор<олен>ко, — нужно для воздуха, 70–80 гг. — может пригод<иться> для “Путей”»[1] [5, т. 3, с. 17].

Главным приемом нашей реконструкции отношений Шмелева с «Русским богатством» будет, таким образом, сопоставление его воспоминаний с документами, современными описываемым событиям. При этом следует учитывать, что эти воспоминания Шмелева не всегда предназначались к публикации, но всегда были разбросаны отдельными вкраплениями по письмам и мемуарным очеркам. С одной стороны, в них не было заданности конструкции, и поэтому они кажутся более достоверными, чем написанные с ориентацией на публикацию. С другой стороны, они в меньшей степени подлежали или поддавались верификации, и потому адресат принимал их на веру, а исследователь обнаруживает в них подчас гораздо большее искажение реальных событий.

1

Вспоминая в 1934 г. цензурную и читательскую историю своей книги «На скалах Валаама. Путевые очерки (с рисунками)» (М.: Тип. Е. Гербек, 1897), Шмелев писал в очерке «Первая книга»:

[1] Речь идет о работе Шмелева над вторым томом романа «Пути небесные», который из-за смерти писателя остался незавершенным. Первый том вышел в свет в 1935–1936, второй — 1944–1947 в издательстве «Возрождение».

> Книга вышла, израненная, в пластырях, — февраль, 1897 г. «Била в глаз». «Сам Гольцев» написал о ней страницу в «Русской мысли»[2]. «Русское богатство» — тоже благоприятный отзыв: понравилось про «общину» и про «народ». «Новое слово» — красная рубашка, рождавшийся марксизм — разделало: слог бойкий, но о чем: о затхлой жизни, об «изжитых предрассудках», «эксплоатация труда религией»[3]. Книга продавалась. — «Плоховато, 247 всего! — морщится К-н, — зарезала цензура». Я вспомнил князя: «снимут сливки». Не знаю. Так и тащилась: 248, 260, 293. Через год, К-н: — «только занимает место, лучше забирайте, раз недовольны... не пошла». Продал букинисту за гроши. После мы с ней встречались — на Сухаревке, в Нижнем, в Твери, в Архангельске... предлагали переиздать. Не согласился: ошибка юности [22, т. 6 (доп.), с. 270].

Однако в «Русском богатстве» рецензии на книгу «На скалах Валаама» нет. В это время журнал еще не замечает Шмелева ни как литературное, ни как общественно значимое явление. Шмелев присылал свои произведения в «Русское богатство» в 1903 и 1906 гг. (мы еще к этому вернемся), но Короленко своей волей отклонял их, не считая нужным даже советоваться с коллегами по редакции, настолько ему все было ясно и понятно.

Впервые имя Шмелева возникает в переписке членов редакции «Русского богатства» не по поводу его собственных произведений,

---

[2] См. рецензию на книгу в рубрике «Путешествия, география» библиографического отдела: [*Б. п.*] «На скалах Валаама». Ивана Шмелева // Русская мысль. 1897. № 2. С. 73–74 (3-я пагинация).

[3] Упомянутые выражения и оценки в очерке и рецензии отсутствуют. Анонимный рецензент так отзывался о книге: «Если вы, читатель, ездили на Валаам, то не читайте этой книги, так как ровно ничего не найдете в ней для себя нового. Если же не ездили, то... тоже не читайте, ибо вы все равно не будете иметь настоящего понятия и представления о Валааме». Писательскую манеру Шмелева рецензент находит описательной, поверхностной, банальной и дешевой: «Автор все время прыгает и скачет от одного предмета к другому. Где что услышит, то и запишет. Точно башкирские певцы: “Вода видим — поем, лошадкам видим — поем”. В общем получается нечто беспорядочное, аляповатое и разбросанное. <…> И все это написано тем бойким и так называемым в обиходе легким языком, в котором не встретите ни одного оригинального образа, ни одного меткого слова. Так плохие провинциальные журналисты уверенно и развязно пописывают “путевые картинки”. <…> В плохих газетах, как известно, стиль заменяется пошибом. “На скалах Валаама” именно написаны в газетном пошибе». Тем не менее рецензент все же находит некоторые достоинства: «Собственно говоря, об этой книжке не стоило бы и говорить, если бы автор не был так молод. (Два-три раза он упоминает о том, что он студент). Но одной молодости тоже было бы недостаточно, если бы у автора не проскальзывало кое-где некоторой наблюдательности, впечатлительности и искренности. С этими достоинствами, правда, далеко не глубокими, он все же мог бы гораздо лучше описать свою поездку на Валаам, если бы отнесся к этому подобросовестней, и повнимательнее, и повдумчивее. Словами “тапорча”, “в ем”, “вилсапитет” — вместо велосипед и проч. в этом роде нельзя рисовать жанровые картинки, равно как нельзя рисовать картин природы словами: “Прелестно”, “дивно”, “обворожительно”, “поэтично” и т. д. Пусть уж это сам читатель скажет, прочитав описание» (Новое слово. 1897. Кн. 6. 2-я пагинация. С. 62–63).

а в связи с повестью «Забытые», которую прислал в редакцию С.П. Подъячев. Относительно этой повести П.Ф. Якубович писал В.Г. Короленко 20 августа 1908 г.:

> С длиннотами и нецензурностями справиться бы легко (не жалеть чернил и крестов!), но главная беда — большое сходство рассказа (особенно конца) с рассказом Шмелева «Гражданин Уклейкин», напечатанном недавно в «Русской мысли» (кажется, май-июнь)[4]. Основные фигуры — Уклейкина и Ивана Захарыча — почти тождественны, и мотив — впечатление, произведенное нашими тремя Думами на простых обывателей — мещан, мастеровых, сапожников, столяров и пр. — и там, и здесь один и тот же. Удобно ли это?
>
> Первая половина шмелевского рассказа — лучше подъячевского, вторая — совсем плоха. В общем Подъячев лучше, хотя сравнительно с другими его рассказами этот, пожалуй, слабее. Сократить надо очень много (особенно критику Думы).
>
> Словом, не знаю, как быть. Так как печатать пришлось бы, вероятно, не скоро (может быть, весной или даже летом будущего года), то, может быть, сходство с «Уклейкиным» и не столь великая беда?
>
> Прочтите и выскажитесь принципиально. Сократить и отделать возьмусь и я, если у Вас не будет охоты[5].

И вот из письма в письмо Якубович продолжает напоминать Короленко о необходимости сравнить повесть Подъячева с повестью Шмелева, однако Короленко все время отмалчивается по этому вопросу. Якубович — Короленко 19 августа:

> Еще будет переслан Вам конторой Подъячев, над которым я сильно призадумался. Хорошо, если бы Вы могли достать 5–6 (кажется) № «Русской мысли» и прочесть там «Гражданина Уклейкина», рассказ некоего Шмелева[6].

Якубович — Короленко 6 сентября:

> «Разлад» Подъячева, насколько мне известно, — все единогласно не одобряют. На днях было письмо от Сем<ена> Павл<овича> — спрашивает о судьбе «Забытых». Я уже сообщал Вам свое мнение:

[4] *Шмелев Ив.* Гражданин Уклейкин: Повесть // Русская мысль. 1908. № 5. С. 1–47; № 6. С. 1–42.

[5] РГБ. Ф. 135. Разд. 2. Карт. 37. Ед. хр. 2. Л. 28.

[6] Там же. Л. 29.

страшно напоминает «Гражд<анина> Уклейкина» Шмелева и очень растянуто, но есть и хорошие места[7].

Якубович — Короленко 11 сентября 1908 г.:

На запрос Подъячева о судьбе его «Забытых» я откровенно написал ему о своих сомнениях по поводу совпадения темы с рассказом Шмелева и о том, что решить вопрос должны Вы.

Пересылаю Вам его ответ на это письмо[8].

Однако Короленко не писал в ответ по этому поводу ни слова, и в результате Якубович стал предполагать, как можно понимать из приводимого ниже письма к Подъячеву, что дома у Короленко не было этого журнала. Вот как Якубович писал Подъячеву 11 сентября 1908 г.:

Ничего пока не могу Вам сказать о судьбе «Забытых». Тороплю Вл<адимира> Г<алактионови>ча с ответом, но он, вероятно, захочет раньше достать и прочесть «Русск<ую> мысль». Вы совершенно напрасно его боитесь: мягкий он, добрый и совершенно простой человек (может быть, по виду только немножко чересчур величавый, но это уж от Бога!), хотя, разумеется, интересы журнала он ставит прежде всего, и если найдет, что Шмелев, действительно, предвосхитил Ваш рассказ, то… последний напечатать откажется… при всей своей доброте. Ничего с этим не поделаешь![9]

Между тем Короленко, конечно, прочитал рассказ Шмелева. Но, прочитав этот рассказ, он и принялся редактировать повесть Подъячева как уже принятую, поскольку всегда серьезно редактировал тексты Подъячева, а в данном случае хотел развести «Забытых» с «Гражданином Уклейкиным». Но сообщать об этом он не счел нужным, и пребывавший в неведении Якубович вновь напоминал Короленко 23 октября 1908 г.:

Насчет «Забытых» Подъячева... Не знаю, как Вы сократили их, — боюсь, что 1/5 выбросить — это очень м<ало>, так как на меня рассказ этот произвел впечатление невозможно тягучей вещи, причем ¾ рукописи — все, так сказать, одна прелюдия и лишь ¼ —

[7] Там же. Л. 38.

[8] Там же. Л. 43.

[9] РГАЛИ. Ф. 374. Оп. 1. Ед. хр. 367. Л. 5.

самый рассказ. Вот этот-то последний (волнения по поводу Думы) и является как бы сколком с рассказа Шмелева в «Р<усской> мысли» «Гражданин Уклейкин». И там — замечательно похожий на Ивана Захарыча — пьяница-сапожник, та же Дума, те же увлечения ею и те же разговоры...

Во всяком случае, о приеме «Забытых» надо говорить лишь по прочтении рассказа Шмелева[10].

И о том же Якубович писал и самому Подъячеву 11 ноября 1908 г.:

…что касается «Забытых», то вопрос об этой вещи все еще не решен. Вл. Гал. только на днях прочтет «Гражданина Уклейкина» Шмелева, а наш третий редактор беллетристического отдела прочтет Вашу повесть. Тогда и вырешим. В самой повести, к сожалению, как я уже писал Вам, — при Ваших обычных достоинствах, — есть крупный, чисто внешний недостаток: ¾ рассказа посвящено только «подступу» (повествованию о прошлом) и лишь ¼ — делу (настоящему). И это-то дело, увы, и совпадает по содержанию с «Уклейкиным»… Забегать, впрочем, вперед не буду. У меня у самого окончат<ельного> мнения еще не составилось, и я хочу только предупредить Вас не возлагать чересчур больших надежд на успех «Забытых». Не обвиняйте и редакцию в излишней медленности. Сотрудников-беллетристов словно прорвало за последние годы: так и несет, так и несет их... «произведениями»! Читать рукописи еле успеваешь! Редакторам просто дохнуть некогда!..[11]

Мы еще прочитаем письмо Короленко к Шмелеву от 20 мая 1909 г., в котором он писал: «печатных Ваших работ я не читал». Однако странно было бы предположить, что, живя в Полтаве, Короленко не получал там журнал «Русская мысль», тем более после столь настойчивых напоминаний Якубовича и тем более потому, что в этом журнале до начала работы в «Русском богатстве» Короленко сам систематически сотрудничал, а с редактором его В.А. Гольцевым был до 1895 г. в коротких приятельских отношениях[12]. Скорее всего, Короленко написал так Шмелеву, чтобы не высказывать свое отношение к его сочинениям, которое, как мы еще увидим, было достаточно критическим. В итоге после всех исправлений Короленко

[10] РГБ. Ф. 135. Разд. 2. Карт. 37. Ед. хр. 2. Л. 33.

[11] РГАЛИ. Ф. 374. Оп. 1. Ед. хр. 367. Л. 7.

[12] О разрыве Короленко с «Русской мыслью» см.: [6, с. 163–165, 167, 176–177, 441].

повесть Подъячева «Забытые» была опубликована в «Русском богатстве» в 1909 г.[13] А сам Подъячев вспоминал об этой истории так:

> Помню, по поводу написанной мною повести «Забытые» (между прочим, одна из любимейших моих вещей) вышло недоразумение с редакцией журнала «Русское богатство», куда она была послана. В редакции нашли, что повесть и герой ее Захар Даенкин напоминают героя Уклейкина в рассказе Шмелева, чем редакция была удивлена и написала мне об этом. Письмо прислал Якубович-Мельшин. Я ответил, что тоже, со своей стороны, удивлен таким случайным сходством, ибо рассказа Шмелева не читал. Тем это дело и кончилось. А что за рассказ такой Шмелева, я и по сие время не знаю [15, с. 269].

Судя по всей этой переписке, получается, что Шмелев просто не нравился (не был нужен, не подходил) Короленко, а Подъячев был для него писателем любимым и своим. Подъячев был хорош уже потому, что Короленко мог править его совершенно невозбранно и делать из его текстов то, что было нужно журналу и что отвечало представлениям самого Короленко. В «Забытых» есть фрагмент, который, несомненно, принадлежит Короленко: «Соловейчик получил “в рыло” такого ра́за, который английские боксеры называют “суингом”»[14]. Совершенно очевидно, что таких «мелочей» в тексте было немало. И совершенно очевидно, что такие «мелочи» принципиально изменяли всю перспективу восприятия изображаемых событий. То, что Подъячев видел исключительно с внутренней точки зрения, Короленко с помощью таких «мелочей» показывал с внешней позиции и в большей исторической перспективе.

2

На следующий год после переписки о «Забытых» Подъячева Шмелев, который ничего не знал о всей этой истории, прислал в «Русское богатство» рассказ «Под небом». И 20 мая 1909 г. по поводу данного рассказа Короленко писал Шмелеву:

> М<илостивый> г<осударь> Иван Сергеевич.
>
> Если не ошибаюсь, Вы присылали уже рассказы в 1903 и 1906 году в «Р<усское> бог<атство>» (печатных Ваших работ я

[13] *Подъячев С.* Забытые // Русское богатство. 1909. № 6. С. 1–30; № 7. С. 58–92.

[14] Там же. № 6. С. 10.

не читал). С этих пор (если верно, что Ив. Шмелев, автор очерков «Чужой» и «Иван Кузьмич» — Вы) — в работе Вашей заметен очень большой прогресс: в очерке «Под небом» стиль свежий, не перешедший в модернистскую манерность, и в описаниях есть чутье природы. Есть два недостатка: растянутость. Детали Ваши часто красивы, но излишнее нагромождение красивых деталей — некрасиво и расхолаживает впечатление. Фигура «Дроби» недурна только до его рассказа. Весь рассказ о легенде «Провала», помимо того, что растянут, — еще сильно безвкусен, потому что все время отзывается подделкой под былины, подделкой порой в деталях опять красиво, но красивые места явно отзываются манерой автора, а былинный стиль с нею не вяжется. Кроме того — эта былинность и импровизация совершенно не вяжутся с фигурой Дроби, простой и реальной. Как ни напрягай воображение, — но представить себе, как он переходит к этой рубленной прозе нараспев — нельзя. Затем не былинно и не народно то, что история так сложна: былина всегда (по содержанию) проста и сжата. В былине ли, в сказке ли известное начало (зло, добро) олицетворяется в одной фигуре, действие тоже сосредоточено и едино. Вам понадобились и старуха, и старик. Старуха заступается за людей, старик и за людей, и за старуху, Действие проходит через массу эпизодов. Самое смешение *былинного* стиля с *сказочным* содержанием — опять безвкусно. И это, к сожалению, портит очень хорошую рамку, в которую Вы вставили это стилизованное ядро. Если бы Вы заставили Дробь (или Дробя? — не совсем удобная кличка) — то же самое рассказать простым языком, в котором лучше, проще, правдоподобнее высказывается вера — индивидуальная, личная, а не отлившаяся в изысканно-стильные формы — рассказ мог бы выйти красивее и интереснее. Теперь, на мой взгляд, он испорчен. Разумеется, я легко могу ошибаться.

С уважением Вл. Короленко.

P. S. Если бы Вы согласились с этими замечаниями и захотели переделать середину, — я бы охотно прочел еще раз. Что касается размера гонорара, то он у нас определяется редакционным комитетом. Средний гонорар — ниже 150 рублей [7, т. 3, с. 192–193].

Если верить этому письму, то получается, что произведения Шмелева, которые были опубликованы в периодике, Короленко не читал, хотя печатался Шмелев с 1895 г. Но мы уже знаем, что повесть «Господин Уклейкин» Короленко должен был помнить хотя бы по названию. А присланные в 1903 и 1906 гг. в редакцию

«Русского богатства» рукописи Шмелева Короленко отверг с такими отзывами: «Чужой» — «Литературно, но как-то случайно и малохарактерно»; «Иван Кузьмич» — «Слащаво и фальшиво» [7, т. 3, с. 193]. Между тем эти произведения были приняты другими издателями[15], и в таком случае более чем странно, почему Короленко не обратил внимание на них.

Между тем другие члены редакции журнала относились в это время к Шмелеву гораздо серьезнее. Якубович писал Короленко 13 января 1907 г. о редакционных делах:

> Рассказ «Солдаты» Вы, конечно, вернете — и, как теперь сам я думаю, поделом. Ничтожная вещь. Желательно только, чтобы рукопись поскорей прислали… На Шмелева я больше возлагаю надежд[16].

Однако эти надежды Якубовича не оправдались, и рассказ Шмелева (видимо, «По спешному делу») появился не в «Русском богатстве», а (как и некоторые другие его произведения) в менее переборчивой и прихотливой «Русской мысли»[17].

Сам Шмелев излагал творческую историю рассказа «Под небом» в письме к О.А. Бредиус-Субботиной от 18 августа 1943 г. следующим образом:

> А «стилизация»... — я раз написал рассказ «Под небом», он в той книге, которую отказался взять этот деревянный голландец, — и там привел рассказ охотника — на трясинах — легенду, вот с приблизительно таким напевом, как ты даешь... и почувствовал, что — *нельзя*, режет... а — увлекся, как ты! — и — переработал, дал естественный пересказ, и куда лучше вышло. Рассказ был напечатан в «Русском богатстве» Короленко, нравился. Но лучшее в нем — не эта легенда. А в общем он мог бы быть и не написан, как многое мое [4, с. 208].

Если судить по этому письму, вся творческая история рассказа «Под небом» была очень легкой, а переработка ее была вызвана внутренней потребностью самого автора. Между тем, как мы

[15] *Шмелев Иван*. В новую жизнь: Повесть // Юная Россия. 1907. № 6. С. 703–725; № 7. С. 847–862; № 8. С. 952–969; № 9. С. 1049–1063; № 10. С. 1177–1192; № 11. С. 1372–1390; № 12. С. 1525–1540 (вероятно, повесть «Чужой» в переработанном виде); *Шмелев Иван*. Иван Кузьмич // Трудовой путь. 1907. № 12. С. 9–32.

[16] РГБ. Ф. 135. Разд. 2. Карт. 37. Ед. хр. 1. Л. 21.

[17] *Шмелев Иван*. По спешному делу: Очерк // Русская мысль. 1907. № 6. С. 139–153. См. также: *Шмелев Иван*. Вахмистр: Рассказ; Жулик: Очерк // Русская мысль. 1906. № 12. С. 1–29.

уже видели, ситуация была гораздо более сложной и длительной, и Шмелев переработал рассказ вовсе не по своей инициативе. Как и предыдущие произведения, рассказ этот не очень понравился Короленко, и хотя он и не отказал в публикации, но возвратил Шмелеву 20 мая 1909 г. рукопись на доработку со своими замечаниями, пообещав вновь перечитать ее. Шмелев отвечал Короленко письмом от 27 мая 1909 г.:

Глубокоуважаемый Владимир Галактионович.

Очень и очень обязан Вам за указания на недостатки моей работы. Не стыдно получить резонный совет, а от Вас получить я считаю за счастье. И если бы Вы знали, как я рад и как благодарю.

Да, я проглядел огромный промах. Теперь он ясен мне как день, и я удивляюсь, как раньше не видел я того, на что указали Вы в первую голову.

Нет, пожалуй, что и видел, да как-то всё отмахивался и успокаивал себя. Уж очень увлекся стилизацией, оправдывал себя, что эта искусственность вознаграждается красочностью и загипнотизирует. Но Вас-то, конечно, художника слова и лучшего стилиста (простите), она не могла загипнотизировать. Вместо красочности получился диссонанс.

Вышло как-то само собой, и слово взяло надо мной верх. А всё же я мучился и всё же поддался соблазну.

Я воспользовался Вашими указаниями и Вашим любезным согласием еще раз прочесть работу мою и посылаю. Я выкинул былинную речь, заставил Дробь передать сказку-легенду так, как, по моему разумению, он мог бы ее передать. Я упростил содержание сказки. Быть может, она вышла не так ярка, но проще она вышла и ближе к народному складу.

Может быть, и в новой редакции Вы усмотрите промахи — но меня все же ободряет Ваше доброе слово. И я благодарен Вам за это слово. Мнение Ваше о свежести стиля, о некоторой красочности, о чутье природы — награда для меня. Да и слова такого нет, чем бы я мог высказать радость свою.

Ваше слово да еще мнение о некоторых моих работах М.Н. Альбова, с которым я встретился случайно, — вот всё, что имею я, что меня ободряет. Писал я и пишу, как душа говорит, и счастлив я, что не нашли Вы в моей работе манерности (стиля).

Позвольте еще раз поблагодарить Вас и выразить искреннейшее и горячее чувство уважения к Вам.

Ив. Шмелев.

Я беру смелость послать Вам одну из повестей, печатавшихся в «Русской мысли» — «Распад»[18]. Не посетуйте на меня и не вините в назойливости.

И. Ш.[19]

В фонде Шмелева сохранился черновой автограф письма, который в сетевой публикации ошибочно датирован 1917 г. Сам этот черновик свидетельствует о серьезности, с которой Шмелев относился к своей переписке с Короленко. Кроме того, некоторые детали этого черновика очень важны, поэтому мы приведем его:

Очень и очень обязан Вам за указания Ваши на недостатки моей работы. Не стыдно получать резонные советы, а от Вас получить я считаю за счастье. И если бы Вы знали, как я рад и благодарю. Да, я проглядел, проглядел огромный промах. Теперь-то он ясен мне как день, и я удивляюсь, как я раньше не видел того, на что указали Вы в первую голову.

И не недостатком чутья упростил содержание сказки. М. б., она вышла не так ясна, но, думается, проще она вышла и ближе к народному складу, к народн<ому> духу. Быть мож<ет>, Вы найдете и в новой редакции промахи.

Благодарю, благодарю Вас за доброе слово. Ваше мнение о свежести стиля, о однообр<азной> красочности, о чуткости к природе — это слово Ваше огромного стилиста и художника для меня очень, очень дорого. Да и слова такого нет, котор<ым> бы я мог высказать и радость, и благодарность свою. Один я иду в своей работе и не знаю, куда иду[20].

Короленко отвечал 4 июня 1909 г. (сохранился только фрагмент в копировальной книге):

…По существу имею сделать маленькое (или не маленькое) возражение. «Правда» героя Дроби (или Дробя?) очень уж наивна, и принижать интеллиг<ентский> скептицизм перед *такой* детской сказочкой положительно не стоит. Это настроение очень распространено, но все вы, господа, забываете при этом, что *истина* есть

[18] *Шмелев Ив*. Распад: Из воспоминаний приятеля // Русская мысль. 1907. № 8. С. 31–63; № 9. С. 110–155.

[19] РГБ. Ф. 135. Разд. 2. Карт. 36. Ед. хр. 40. Л. 1–2. Фрагментарно: [4, с. 193–194].

[20] РГБ. Ф. 387. Карт. 9. Ед. хр. 16. Впервые: Творчество Ивана Сергеевича Шмелева. Эпистолярное наследие. URL: https://shmelev.petrsu.ru/site/epistolary-heritage-view?id=8 (дата обращения: 17.01.2026).

тоже один из атрибутов божественного, и если пригибать ее перед каждым верованием, то… правильно ли это?

Впрочем, это уже из другой области.

Всего хорошего.

Вл. Короленко [7, т. 3, с. 194].

Как сообщали публикаторы этого письма, на копии находилась помета Короленко: «Из письма к Шмелеву. Развить». Значит, Короленко сделал эту копию в расчете на то, чтобы использовать данный текст или его идеи в своей дальнейшей работе. Полемика Короленко с Шмелевым получала, таким образом, для него принципиальное значение. И это принципиальное значение усиливалось тем, что в ответ на это второе критическое письмо Короленко Шмелев отвечал 11 июня 1909 г., отстаивая свою позицию со ссылками на произведения самого своего оппонента:

Глубокоуважаемый Владимир Галактионович.

Благодарю Вас за внимание к моей работе. Пойдет ли она в Вашем журнале, куда я давно-давно стремился, то ободряя себя, то падая духом, — или не пойдет, — я все же чувствую себя бодрым, встретив в первом письме Ваши указания на некоторые положительные стороны моей работы, положительные со стороны, главным образом, внешней, со стороны формы.

В письме от 4-го июня Вы были любезны высказать несколько слов по существу рассказа, и я не могу не привести несколько слов в оправдание данных мною в рассказе положений в защиту основной мысли, как я ее понимаю. Вы-то, конечно, признаете побудительные к этому причины вполне естественными, так как знаете отлично, как дороги автору, какой бы величины по дарованию ни был он, бродившие в нем мысли и переживания, которые томили его и которые он пытался вылить в соответствующую им форму.

Вы пишете, что «правда» Дроби «очень уж наивна, и принижать интеллигентский скептицизм перед *такой* детской сказочкой положительно не стоит».

Да, «правда» его наивна, детски неуклюжа, и все же, кажется мне, она огромна в ядре своем и абсолютна настолько, что к духу правды этой идут пути всех *людей*, — идут и чистые сердцем простые люди, тянутся, как ростки к свету, и умы, и все усилия поколений. Правда истины, справедливости, лучших уделов. Бродит протест в глубинах духа человеческого, то инстинктивный, то сознательный, вооруженный орудием острого и деятельного ума, волею планомер-

ной и непреклонной, протест против хаотической неправды жизни. Какой же это непреложный закон, чтобы на долю огромной массы человечества выпадали только страдания, только слезы, только слепые и не слепые удары жизни. Да ведь солнце на небе всем светит, и дождит всем, и ветер бьет всем в лица, и все люди, и все с равным правом пришли в мир. И все внутри себя чуют ничем не подавимое стремленье к лучшей доле, к справедливой доле. А перед глазами — жизнь, полная неправды и тяготы. Каждый родился, как говорили Вы в своем рассказе «Сон Макара», — «с ясными, открытыми очами, в которых отражались земля и небо…», — а на самом деле перед глазами масс — жизнь их, полная тягот, когда даже нет времени взглянуть на небо. Так разве справедливо это, и «правда» ли это? Даже бедный якут понял, что это — не правда. <…> Ведь в этом хаосе проклятий, кровоточивости, лохмотьев и голода, унижений и беспомощного писка, торжествующего рыканья хулиганов человеческого общества, пляски на трупах — должна же таиться искра смысла, правды, то, что может облегчить страдания, тот отдаленный огонек, который дает силы и надежды на близкую пристань.

Быть может, этой искорки и нет, но вырвать из душ сознание, что нет правды, никто и ничто не во власти. Это искание правды красной чертой проходит через всю нашу русскую жизнь, через все творчество народное, — выражение стремлений и духа Руси черной. Она звучит в песнях, она и в сказках, и былинах, в легендах, и в думках, и в пословицах. Она в молитвах и душах. Она, как сердце, бьется в душах, как несознанное, но чуемое и желанное. Она так ярко проходит грустной мелодией в Вашем «Сне Макара», в импровизации Слепого музыканта, кроется под художественным и тихим юмором в «Йом-Кипуре», в этюде «Огоньки», в раскольнике, который стуком в дверь камеры протестует против неправды <герой рассказа Короленко «Яшка»>. Она разлита, эта «правда», во всех творениях Ваших, во всей лучшей нашей литературе.

Я не символист и предумышленно не стараюсь прибегать к этой глубочайшей форме творчества, но, возможно, кое-что символистическое найдется в рассказе. Я дал картину прохода по топям к светлым водам. <…> Я хотел показать тоску духа по правде и силу, бродящую в простых душах. И не хотел я принижать скептицизм, и еще меньше думал указать на дряблость носителей этого скептицизма. <…>

Простите за это длинное, и, пожалуй, сумбурное письмо[21].

[21] РГБ. Ф. 135. Разд. 2. Карт. 36. Ед. хр. 40. Л. 3–6. Цитировалось в: [17, с. 83–84, 93].

Шмелев, как видим, очень высоко почитал Короленко и ориентировался в своем творчестве на его произведения. И именно поэтому, с удивлением встретив в письме Короленко высказывания, которые, как ему кажется, прямо противоречат его же собственным художественным образам, Шмелев пользуется этим случаем и решительно направляет против Короленко его собственное оружие. Понятно, что Подъячеву ни такая позиция, ни такая стратегия поведения и в голову не могли войти. Однако Короленко не любил вступать в полемику, и если чувствовал, что оппонент не соглашается с ним, он предпочитал повернуть разговор на совершенно иные рельсы. Шмелев учел замечания Короленко, и даже если его правка не вполне устроила редактора, последний должен был признать это. Шмелев не был обязан думать буквально так, как думал Короленко, но писатель Короленко обязан был понимать это и учитывать в своей редакторской практике. Однако несогласие Шмелева и по-своему убедительная аргументация его позиции вызвали в Короленко еще большее раздражение, и он попытался избавиться от самостоятельного автора иным путем. И при этом — не своими руками. Короленко писал А.Г. Горнфельду 17 июня 1909 г.:

> Шмелев — не совсем начинающий. В «Русской мысли» был напечатан его «Распад». Присылая мне свой рассказ, он в письме обозначил цифру гонорара 150 р<ублей>. Так как середина была совсем плоха (еще длиннее и былинным размером), то я вернул рукопись и в письме прибавил, что у нас средняя цена ниже им назначенной. Он ответил, что совершенно соглашается с моими замечаниями и опять прислал рукопись. Если еще не ответили, то обозначьте и цифру гонорара (думаю, 100 р<ублей>). По-моему, — редакц<ионные> сокращения все же необходимы [14, с. 31].

Это письмо очень важно по целому ряду причин. Во-первых, оно показывает, что Короленко прочитал рассказ «Распад», которое Шмелев послал ему в письме от 27 мая (видимо, отдельный оттиск из «Русской мысли»). Значит, он хотел основательнее познакомиться с произведениями Шмелева, чтобы оценить его как потенциального участника на будущее. Во-вторых, Короленко пытается спровоцировать несимпатичного автора самого уйти из журнала, определив ему гонорар по стандартной в журнале ставке. Все это с трудом вписывается в стереотипное представление о Короленко, но эти факты следует учесть в наших дальнейших построениях.

Горнфельд понял письмо согласно прямому смыслу слов: рассказ принят, вопрос в гонораре. Он, правда, вернул рукопись Короленко, но сделал это, как следует понимать, потому, что тот сам неясно изложил свои желания. И тогда Короленко вновь вернулся к рассказу «Под небом» в письме к Горнфельду от 17 июля 1909 г.:

> Дорогой Аркадий Георгиевич.
>
> У нас с Вами вышло маленькое недоразумение: рукопись Шмелева «Под небом» у меня уже была, но ее середина сказка была изложена в былинном стиле до такой степени безвкусно, что я вернул ее автору не колеблясь, хотя и признал, что рамка для этой аляповатости сделана недурно (недурны описания природы и отчасти фигура рассказчика). Он переделал. Так как мне трудно было отрешиться от первого впечатления, то я его просил послать Вам. Теперь Вы опять послали мне без решительного ответа, хотя и с «благоприятным» колебанием. Я немного подождал и прочел вновь. И решил — вернуть. Описания хороши, но в общем приторно и фальшиво. Из простой сказки, которую и в народе рассказывают, чтобы отвести душу, с полувздохом, полуулыбкой, автор тщится сделать откровение и вздыхает: ах, отчего мы, интеллигенты, не можем верить, как «Дробь», что добрый старичок мановением палочки, обратил мужичков в лебедей, которые пока что клюют себе на островах калинку... По вторичном прочтении, не колеблясь, возвращаю. (Вы ведь за нее не стоите, а сомневаетесь?) [14, с. 31–32]

Здесь уже появляются прямые и резкие оценки: «до такой степени безвкусно», «рамка для этой аляповатости», которые Короленко повторяет и в письме к Горнфельду от 19 июля 1909 г. Он старательно пытается настроить Горнфельда на свой лад:

> Вчера я послал Вам письмо на редакцию, которое Вам и пришлют через несколько дней. И вчера же получил Вашу открытку из Балаклавы. С рукописями — какое-то недоразумение. Шмелев мне свое «Под небом» прислал раньше, и я рукопись вернул, т<ак> как середина была изложена в каком-то распевном былинном стиле, аляповато и безвкусно. Он исправил и прислал опять. Я отослал ее Вам, т<ак> как мне трудно было отрешиться от первого неблагоприятного впечатления. Потом от Вас получил с нерешительным заключением. Прочитал еще раз и, сказать правду, пришел к заключению решительно неблагоприятному. Недурны описания, кое-где даже, пожалуй, были бы хороши, если бы не некоторая

изысканность и щеголяние. Но в центре опять слащаво-народническая «сказка», которой автор придает значение «веры». Сказка не выдержана: слишком детальны описания природы, слишком путанная фабула, а когда автор подымает ее на степень какой-то «обновляющей» веры и скорбит об интеллигенции, которая никак не может поверить в «правду», превратившую бедных мужичков в птиц, — то, на мой взгляд, это выходит неумно. При втором прочтении мое впечатление определилось в неблагоприятном смысле и, если еще автору не написано, то я предпочел бы вернуть, о чем автору напишу сам. Что Вы думаете? Будете ли за нее стоять? [14, с. 33–34]

И об этом же — в письме к М.П. Сажину от 8 августа 1909 г.:

Ни от Вас, ни от Горнфельда всё не получаю ответа о статье Шмелева. Вопрос стоит так: статья Шмелева (№ 9468) была на прочтении у Горнфельда. Потом прислана мне. Горнфельд пишет, что просил Вас известить автора, что рукопись его принята. Вы пишете, что статья послана мне (что и верно) и Вы ждете от меня ответа. Я желаю знать, *написано ли автору, что рукопись принята, или нет*? Мне это нужно знать потому, что я бы склонялся скорее к отрицательному ответу. Но если уже автор извещен о приеме, то, конечно, делать нечего.[22]

Однако Горнфельд колебался, как мы понимаем, в положительную сторону. К тому же в пользу принятия рассказа Шмелева высказался и Якубович, хотя и не сразу и с некоторыми колебаниями. Он писал 31 августа 1909 г. Короленко:

О Шмелеве высказаться труднее. У меня не совсем то впечатление, что у Вас: я не вижу, чтобы автор жалел об интеллигенции, о том, что она не верит в народные сказки. Вторая половина рассказа показалась мне красивой и прямо хорошей; из-за нее жаль мне вернуть этот рассказ... Но первая половина, наоборот, написана вяло, скучно, совсем плохо... В душе Дроби (кстати, какое неудачное прозвище!) на глазах читателя происходит перелом, — очень бледно и слабо; дед Софрон тоже неживой и ненужный старикашка (что-то вроде Серафима Саровского)... То ли бы дело — представить Дробь сразу уже в готовом виде, каким он в конце является, — и он был

[22] РГБ. Ф. 135. Разд. 2. Карт. 8. Ед. хр. 31. Л. 16.

> бы живее, и рассказ сократился бы и выиграл... Сказка, по существу, не лишняя, но напутано в ней оч<ень> много лишнего: чудес, чудес — на возу не увезешь! Ждешь, ждешь развязки — не дождешься! А можно бы все короче и проще. Напишу я разве в этом смысле Шмелеву?[23]

О результатах этой переписки Якубович сообщал Короленко 21 сентября 1909 г. (ответное письмо Шмелева погибло, как можно полагать, со всем Якубовичевым архивом):

> Шмелеву я написал; в ответ он прислал мне очень трогательное письмо, в котором наотрез отказывался делать в рассказе еще раз какие-либо существенные переделки. Приходилось одно из двух: или вернуть рукопись, или принять в том виде, как есть. Вернуть мне стало жалко, и я принял[24].

В редакторской книге Короленко по поводу этого рассказа Шмелева сделано несколько помет. В мае 1909 г.: «Возвр<ащено> с письмом автору». Затем: «Вторично отослано с письмом 4.VI.09». Далее следует помета «Принято» с подробной аннотацией:

> Автор сделал большие успехи: слог свежий, не перешедший еще в модернистскую манерность, описания живы. Растянуто и очень безвкусное сочетание: некто «Дробь», поэт в душе, рассказывает предание о «Провале» — длинное, рубленой прозой, местами красиво, но сочетание чуть-чуть не модернизма с подделкой под былину — сочетание совершенно безвкусно.

А позднее на полях Короленко приписывает: «Потом выработался в заметного писателя»[25].

Итак, Шмелев принял предложение редакции о гонораре в 100 рублей за печатный лист [10, с. 456], и рассказ был опубликован[26]. Но Короленко, смирившись с решением своих коллег (двое против одного), так и не принял Шмелева, и уже после публикации рассказа писал 16 апреля 1910 г. Горнфельду:

---

[23] РГБ. Ф. 135. Разд. 2. Карт. 37. Ед. хр. 3. Л. 19–20.

[24] РГБ. Ф. 135. Разд. 2. Карт. 37. Ед. хр. 3. Л. 21.

[25] РГБ. Ф. 135. Разд. 1. Карт. 22. Ед. хр. 1332. Л. 107 об.

[26] *Шмелев Иван*. Под небом // Русское богатство. 1910. № 3. С. 13–49.

> Шмелев и в печати меня в восторг не приводит. Недурная рамка вокруг наивно-слабенькой народнической картинки. «Мужички ягодки на озере клюют...» Теперь это только считается уже не народническим, а мистическим... Впрочем, — и я тут грешен [14, с. 43].

Короленко признает, что Шмелев «выработался в заметного писателя». Но это был не его писатель. Между тем сам Шмелев, искренне доверившись прямому смыслу писем Короленко, воспринимал ситуацию совершенно иначе. В письме от 7 января 1910 г. он рекомендовал себя Горькому следующим образом:

> Я не имею широкой известности. Не надеюсь, что делаю попытку удачно. Я только горячо прошу Вас прочтите посылаемую работу «Под горами», уделите внимание. <...> Я почти новый человек в литературе. Работаю 4 года и стою одиноко, вне литературной среды. У меня никого кругом нет. <...> Я печатался с 1906 г. в «Русской мысли», печатался в «Журнале для всех». Недавно Короленко отнесся тепло к моей новой работе <...>. И все же я сомневался в себе. <...> Ваше слово мне услышать бы, Ваше. Вы искренни, я слышал и верю. Да, Вы искренни и чутки. <...> А так хочется говорить, и мучиться, когда говоришь. <...> Прочтите. <...> Если найдете возможным, примите для Сборника. Скажите короткое слово [13, с. 238].

3

В 1912 г. в «Русском богатстве» появилась неподписанная рецензия А.Г. Горнфельда на второй сборник рассказов Шмелева, которая начиналась так:

> Одобренный успехом «Человека из ресторана», г. Шмелев выступил со вторым сборником своих рассказов — и, кажется, сделал это напрасно. Не потому, чтобы рассказы, собранные во втором томе произведений г. Шмелева, были совсем плохи, но потому, что, когда писатель начинает выдвигаться в общем внимании, ему нет нужды как раз в это время напоминать о старых своих произведениях, которые ему на это особое внимание права не давали. Среди рассказов сборника есть недурные, есть неудачные, но, кажется, и те и другие с одинаковой отчетливостью рисуют довольно существенный недостаток литературной физиономии г. Шмелева: ее отсутствие. Хороши или плохи рассказы г. Шмелева, худо то, что плохие из них мог написать Баранцевич, хорошие — Куприн, а на долю собственно

> Шмелева ничего бы не осталось; впрочем, нет: Куприн или Сергеев-Ценский запечатлели бы свой рассказ своей индивидуальностью: у г. Шмелева этого не видно, а ведь только это важно.

А заканчивалась рецензия следующими словами:

> Не сумеет он, кажется, сообщить что-нибудь существенное также о жизни интеллигентов, которая как будто так же ему чужда, как жизнь ялтинских проводников. Совершенно иные результаты выносит г. Шмелев из наблюдений над русскими низами. Здесь он может видеть и обобщать, здесь он набирается сил, здесь меняется его язык, приобретая звонкость и выразительность подлинной народной речи. Конечно, дать стиль «Человеку из ресторана» ему удалось не вполне: ему помешало первоначальное задание. Выдержать лакейскую манеру рассказа можно на протяжении получаса, то есть печатного листа; заполняя целую книгу, этот стиль надоедлив, манерен и скоро перестает быть убедительным, особенно для человека, уже утомленного сентиментальной тенденциозностью автора. Но за натянутостью стиля и назойливостью благих намерений все-таки раскрывается психология, и личная, и классовая, виден человек в типе, и виден тип в человеке. Еще лучше мелкие народные рассказы г. Шмелева, из которых в лежащий пред нами сборник вошли «Под небом» и «На том берегу». Непритязательно и в старой манере, но как сочно, как чувствуется острое зрение и напряженное чутье народного настроения. Здесь, кажется нам, область, в которой может развернуться дарование г. Шмелева; а романтических проводников, блазированных земских начальников и уездных дам из «высших натур» ему лучше не касаться и в дальнейшем не напоминать читателям о своих первых мало удачных опытах в этих сферах[27].

Основная мысль Горнфельда состоит в том, что Шмелев должен оставить экзотические темы и «жизнь интеллигентов» и писать «народные рассказы», в качестве образца которых он называет «Под небом». Короленко, как мы только что видели, не принимал этот рассказ, Горнфельд искренне приветствует его: «ясен, прост и правдив»[28]. И если Короленко предварительно не читал эту рецензию, то теперь он вынужден был внимательно ознакомиться с ней и узнать истинное мнение Горнфельда.

---

[27] *Б. п.* <*Горнфельд А.Г.*> Ив. Шмелев. Рассказы. Том второй. Издательское Т-во писателей. СПб., 1912 // Русское богатство. 1912. № 3. С. 118, 119–120.

[28] Там же. С. 119.

Шмелев не знал, кто был автором этой рецензии, но взволнованное письмо по ее поводу написал в редакцию на имя Короленко 21 марта 1912 г.:

Глубокоуважаемый Владимир Галактионович.

<…> Одно меня ободряет, что затрагиваемый мною вопрос принадлежит к области литературной и важен для всякого автора, какой бы величины он ни был.

И не потому пишу Вам, что Вы имеете самое близкое отношение к «Русскому богатству» (вопрос связан с «Р<усским> б<огатством>»), а потому главным образом, что Вы тот единственный авторитет, к которому я иду смело и прямо за мнением, с мнением которого я считаюсь безусловно.

Я позволяю себе поставить вопрос о характере — форме и содержании — так называемых «отзывов о книгах», заметок критико-библиографических. Вот в мартовской кн<ижке> «Р<усского> б<огатства>» дан отзыв о II<-й> кн<иге> моих рассказов. Я не стану скрывать, что этот отзыв затронул меня, и больно затронул: он-то и заставил меня обратиться к Вам с этим письмом. Но возбужденный в первую голову этим лично меня как автора касающимся отзывом, я, откидывая понятную страстность и личную возбудимость, вижу возможность поставить принципиальный вопрос и просить руководящего мнения.

Вот вопрос этот. — Во-1-х, допустимо ли в печати, в беглой, скользящей заметке о книге, — допустимо ли читать у автора в душе, высказывать категорически о том, что руководило автором, раз он выпустил свою книгу? А это как раз сделано по отношению ко мне. <…> Было больно. Ведь это то же, что сказать: «Поглядите-ка, как ему духу-то придало с успеха “Челов<ека> из рестор<ана>”». Какого успеха! Скажу, что больно мне было от этого вступления, вступления с оттенком полушутки-полуусмешки. Тем более что читатели «Р<усского> б<огатства>» могли и не знать моего «Человека», а потому и слово «успех», сказанное о произведении, которое не нашло себе внимания журнала, могло бы быть смело поставлено в кавычки. <…>

Теперь — другой вопрос. Допустимо ли, давая отзыв о книге, кто бы ни был автором ее, ограничиваться общими фразами, которые, ничего в сущности не называя и не доказывая, создают около книги и для книги (особенно напечатанные в таком влиятельном и чистом журнале, как «Р<усское> б<огатство>») атмосферу сомнительную и тягостную и тем более тягостную, что угрозы эти — *печать*,

то, к чему пока еще относятся с полным доверием, русская печать в русском лучшем журнале. Тем более тягостную, что против часто голословных замечаний автор лишен возможности возражать, что он безоружен, что он работал и страдал, да, страдал, а критик легко кинул слово-другое, отшвырнул книгу и занялся другой[29].

И Короленко отвечал на это письмо, но предварительно запросил помощи у Горнфельда, а тот в письме до 19 июня 1912 г. выдал ему богатый материал для возражений, который сам он не использовал в своей рецензии:

Думаю, что в письме к Шмелеву надо установить:

1. что никакого «чтения в сердцах» в рецензии нет. Безобидное предположение о мотивах («ободренный успехом “Человека из ресторана”», Шмелев издал второй том), нет ни намека на то, что принято у нас называть «чтением в сердцах».

2. г. Шмелев называет рецензию «беглой и поверхностной»; это его право, но она не более бегла и поверхностна, чем его рассказы; она коротка, но приводит доказательства и покоится на полном знакомстве со 2 томом рассказов Шмелева.

3. г. Шмелев спрашивает: знает ли автор быт крымских татар? На этот счет можно его успокоить: автор рецензии вырос в Крыму и значительную часть своего детства провел в татарской деревне. И рассказы г. Шмелева о татарах ему кажутся романом американца из жизни русских крестьян.

«— Ну скажи словечко…

— Не умею я... Почему ты так говоришь?..

Она спрашивает, почему он так говорит. *Пусть спросит у горлинки, зачем вырывает свои старые перышки и правит носиком яркие.* Почему так томно и нежно выводит свое замирающее “тур-уррр”... И у игривой кукушки, хихикивающей по лесам и зовущей. Пусть у соловья спрашивает, забывающего весь мир в трелях, и поймет резкие, как труба, серебряные зовы самцов оленей. И у румяной зари спросит, играющей с вечером за горами в небе.

Не скажут.

— Тихая моя, кудрявая овечка...»

О подчеркнутых словах г. Шмелев говорит: «*Мои* слова о горлинке автор приписывает девушке. Так ведь это *мои* мысли». Это

[29] РГБ. Ф. 135. Разд. 2. Карт. 36. Ед. хр. 40. Л. 7–9.

очевидная неправда. Автор рецензии приписал эти слова татарину (не девушке), ибо это *очевидно его* мысли, а не мысли г. Шмелева.

Кроме того, таким языком татарин не говорит, хотя бы он знал Коран. Это русский интеллигентский язык (цикадочка)!

«Строго предписано... принятия мер... 30 самоваров, 4 овцы и... для покрытия недобора... на торги»...

«Явите Божескую милость. Што мы не люди, ваше благородие, мы все готовы и даже в Японской конпании имею Святой Георгий, но отказано в выдаче семенов и никакого усмотрения нужды, а напротив, старшина грозил со стражником узять силой. Проникните нужду. Вы как начальник»... Одно и то же, одно и то же... «Проникните нужду»...

…«В моих разъяснениях от 20 ноября п<рошлого> г<ода> за № 12477 и от 7 марта с<его> г<ода> за № 2358 на циркуляр... за № 27399 было преподано Вам, милостивый государь, планомерное и соображенное со всеми прежними распоряжениями направление совместных действий в целях своевременного <*в оригинале*: современного> поступления отсроченных, рассроченных и пересроченных недоимок. Не усматривая в ваших донесениях от... поставить на вид... слабое поступление...»

Такие письма и бумаги получает герой повести г. Шмелева «В норе», уездный чиновник, должности которого автор не называет. Не был ли прав автор рецензии, усмотрев в этом чиновнике земского начальника? И прав ли г. Шмелев, утверждая, что у него нет никаких земских начальников и обвиняя на этом основании автора рецензии в поверхностном знакомстве с его книгой?[30]

Короленко учел все эти примеры и соображения Горнфельда в своем ответе Шмелеву от 19 июня 1912 г.:

Многоуважаемый Иван Сергеевич

Мы уже с Вами переписывались. Если не ошибаюсь, «Под небом» был Ваш первый рассказ, напечатанный в журнале, и именно у нас. Помню также, что, наряду с достоинствами этого рассказа, мне лично пришлось отметить и крупные недостатки (напр<имер>, смешение былинного стиля и модернизма), с чем Вы согласились (и переделали). Позвольте же мне и теперь поговорить с Вами откровенно.

Право, Вы, господа молодые писатели, слишком обидчивы.

[30] РГБ. Ф. 135. Разд. 2. Карт. 21. Ед. хр. 38. Л. 1–3.

Вот и Вас наша рецензия уже задела, и Вы оскорблены. Чем? Чтение в сердцах? Где оно? «Ободренный успехом первой книги»... Ну, подумайте, Иван Сергеевич, хладнокровно, много ли нужно потратить проницательности на расшифрование сердечных иероглифов, чтобы сказать, что молодой писатель ободрен хорошим приемом его первой книги и что это может служить стимулом для выпуска второй? А ведь «чтение в сердцах» термин жестокий, с которым обращаться следует осторожно, не кидая его так легко.

Вы сомневаетесь в законности самого рода критической литературы, называемой рецензиями. Напрасно. Этот подвижной род, так сказать, легкая критическая кавалерия, — оказывает огромную услугу авторам и читателю. Подумайте сами, что было бы, если бы были допустимы только: или критический трактат, или... молчание о новой книге. На трактат — кто еще и когда соберется, а в десятках рецензий читатель уже встречает живой разговор о новом явлении. Нужно, конечно, чтобы это была все-таки критика. Чтобы читатель, встречая не математическое доказательство, а именно отзыв, впечатление, мнение, кидаемое под живым ощущением прочитанного, имел основание доверять его искренности и основательности, т. е. чтобы летучее мнение было дано человеком сведущим, образованным, знакомым с литературой. Это уже дело журнала и доверия к нему.

Вы вот находите, что наш рецензент не знает крымской жизни и судит, значит, о предмете ему незнакомом. Положим, что когда идет речь о художественном произведении, то для суждения о нем нет надобности в знании описываемой местности (если критика не касается вопросов специально бытовых или этнографических). Но и тут Вы ошибаетесь: он рос в Крыму и знает его не хуже, если не лучше Вас (ведь Вы были там только наездом).

Не стану опровергать Вас и защищать своего товарища (которого очень уважаю) по пунктам. Это потребовало бы именно трактата. Скажу лишь, что и я (да наверно и всякий читатель) считал, что у Вас выведен именно земский начальник, судя по его функциям (сбор недоимок, «совместные действия в целях поступления рассроченных, просроченных и т. д. платежей»). Оказывается — податной инспектор. И это Вы считаете критическим грехом? В *каком* же смысле это важно?

«Горлинка»... Вы приписываете эти слова автору (себе), а не девушке. Но рецензент приписал их не девушке, а татарину и имел на это право. По ходу изложения — это мысли героя, а не автора. Не согласитесь ли Вы, что в таких случаях словесные краски должны быть взяты из тех, которые психологически присущи описываемому лицу. Иначе это выйдет если не прямая фальшь, то некоторая безвкусица (правда, часто встречаемая в литературе). Коран, простите, тоже

помогает очень мало. Наши школьники тоже изучают Священное Писание, а семинаристам оно известно получше, чем Коран заурядному татарину. Из этого, однако, не следует, что любовное объяснение семинариста с епархиалкой нужно для колорита обставить оборотами и образами Песни песней. Право, это всегда более индивидуально. Молодой индус не станет при этом вспоминать о ведах, еврей не потревожит Соломона, а мусульманин Корана.

Постарайтесь не сердиться на все, что я Вам говорю так откровенно, но у Вас и теперь попадается порой безвкусица, и ее-то отметил рецензент. Поверьте: никто не хотел сделать неприятности, никто не проявляет к Вам пристрастия. Да и почему бы? Мы только держимся в отзывах «среднего регистра», не примыкая к экспансивностям противоположного характера. Теперь повелось уж как-то так, что критика по отношению к замеченным уже авторам считает нужным какой-то дифирамбический тон, сплошные похвалы и превознесения. А потом наступает другая крайность. Право, гораздо честнее то, что делает наш рецензент: отмечать и то, что хорошо, и то, что считает слабым. Только это, в сущности, истинно доброжелательно. В этом полезное предостережение: дорожите своим дарованием, не поддавайтесь соблазнам успеха и — берегитесь безвкусицы. Этих черточек теперь не замечают, потом заметят и не простят.

Не думайте, что это я говорю о себе. Нет, рецензию писал не я, а один из моих товарищей, которого я очень уважаю. Но и я сказал бы Вам: Иван Сергеевич. Только года три назад Вы еще признали, что в «Под небом» допустили безвкусицу. Считаете ли Вы себя теперь настолько гарантированным от таких промахов, что всякое указание на них является в Ваших глазах результатом невежества или пристрастия?

Жму вашу руку и прошу Вас поверить, что и я лично, и мои товарищи по «Русскому бог<атству>» и даже критик, написавший рецензию, — относимся к Вам доброжелательно. Поверьте, что это так.

Вл. Короленко [7, с. 208–209].

Шмелев отвечал на это письмо Короленко 5 июля 1912 г.:

Ваше письмо я получил и благодарю. Благодарю за внимание, благодарю и за простоту, благодушие ответа. Теперь, спустя два месяца, я вспоминаю, чувствую, что, должно быть, слишком неровно, опрометчиво, быть может, высказался я в письме к Вам. Теперь, быть может и даже наверное, я не написал бы так. Болен я был тогда, душевно разбит.

Вы благодушно указали мне, можно даже сказать, слегка высекли, но и после этого Вашего доброго ответа я все еще чувствую, что и я был не совсем неправ. Что сделаешь с нутром? Скажу только, что никаким успехом ободрен не был, от самомнения далек, в страхе и сомнениях пребываю, мучаюсь, колеблюсь и потому боюсь писать. Не только не далек от самокритики, но всем существом в ней и парализован. Вот почему и до сего дня чувствую боль, что могли подумать, что выпустил книгу, ободренный успехом (не первой книги, которая и успеха-то не имела) «Человека из ресторана».

Только и могу сказать. Вот еще что скажу. Никого я не хотел обидеть, а забилась в сердце боль, ну и высказался. Мне было бы больно, если бы Вы могли подумать, что во мне возмущены были какие-либо мелочные чувствованьица, что в упоении самомнением пришел с упреками к Вам, которого высоко почитаю. Простите, что своими прыгающими строками отрываю от большой работы Вас, неустанного и светлого борца за близкие и святые для меня идеалы. Простите, что, быть может, доставил Вам неприятность письмом своим. Поверьте, Владимир Галактионович, что всем сердцем, всем существом тянусь к тому, что Вам и Вашему журналу близко и дорого.

Прошло время, и я досадую — зачем писал. Что делать. Жалею, что писал. Бывают такие положения, выяснять которые лучше в личной беседе. А письмом не только не выяснишь, а еще более запутаешь.

Примите уверение в глубочайшем моем уважении к Вам.

Ив. Шмелев[31].

На этом письме Короленко сделал надпись: «Отвечено 31.X.12». Однако само письмо неизвестно. А 14 июля 1912 г. Короленко написал Горнфельду: «…от Шмелева получил письмо, — нимало не обиженное и хорошее» [14, с. 56].

4

С этого времени «Русское богатство» начинает настойчиво ухаживать за Шмелевым как своим потенциальным автором. Горнфельд пишет Короленко 29 сентября 1912 г.:

Было бы очень хорошо, если бы результатом Вашего письма к Шмелеву было его участие в «Русск<ом> бог<атстве>»; зовут его Иван Сергеевич[32].

[31] РГБ. Ф. 135. Разд. 2. Карт. 36. Ед. хр. 40. Л. 10–11.

[32] РГБ. Ф. 135. Разд. 2. Карт. 21. Ед. хр. 37. Л. 7.

В декабре Ф.Д. Крюков по дороге в родные места, в станицу Глазуновскую, был в Москве, о чем сообщал А.В. Пешехонову 25 декабря 1912 г.:

> Видел беллетристов — Вересаева и Шмелева, — звал их в «Р<усское> бог<атство>», обещали с готовностью. На обратном пути опять заверну к ним, посулили они мне пригласить еще Бунина[33].

И о том же в письме к Горнфельду от 31 декабря 1912 г.:

> Проездом через Москву видел я Вересаева и Шмелева (не считая других членов «товарищества писателей» — не писателей). Говорил о нашем желании видеть их более деятельными сотрудниками «Р<усского> богатства». Оба обещали[34].

Рассказывая Горнфельду о конфликтах с А.В. Пешехоновым и В.А. Мякотиным по поводу современных беллетристов, Крюков писал 9 июля 1913 г.:

> С письмом Вашим вышло так: как раз и он <Пешехонов> получил письмо от Мякотина, который пишет ему — по поводу разногласий наших вокруг Серафимовича, — что вопрос о художественной части и об отношении к *новым* писателям надо будет обсудить совместно, а точку зрения Ал<ексея> В<асильеви>ча на Серафимовича и — даже! — Кондурушкина (с его фонетическими вольностями в диалоге) он разделяет. Ну, прочитал мне это Ал<ексей> В<асильеви>ч, тогда я ему прочитал Ваше письмо ко мне. (Надеюсь, Вы не будете меня бранить за это?). Тут уж он на меня насел: «это что же значит?! заговор против редакции?!» В шутку, конечно, — но серьезная сторона наших разногласий все-таки стоит перед нами, и, хоть можно жить и так, но не каждый раз, вероятно, придется кончать ее шуткой: очень уж нас бранят за нашу беллетристику (в том числе и за меня, чуть ли не за первого), а вот беллетристику «Заветов» хвалят, и я чувствую, что там есть нечто более свежее, взять хотя бы Шмелева или Ив. Вольного (особенно досадно, что Вольный прошел мимо нас)[35].

---

[33] РГБ. Ф. 225. Карт. 3. Ед. хр. 57. Л. 5–6.
[34] РНБ. Ф. 211. Ед. хр. 694. Л. 5.
[35] РНБ. Ф. 211. Ед. хр. 694. Л. 11–12.

И с этого же времени журнал стал положительно оценивать творческую манеру писателя[36]. Приведем только несколько характерных примеров:

> …большое чутье меры, свойственное этому содержательному и серьезному рассказчику[37];

> И оттого сдержанность Шмелева говорит только о его художественной честности — и тем сильнее действие этой сдержанности, чем больше чувствуется в ней подлинная сила[38];

> С нынешней войной связаны и очерки Шмелева «На большой дороге», — но он рисует не радости, принесенные войной человеку, нашедшему в ней свое временное призвание, а безысходное горе, разлитое ею по родине. Какая-то громадная, всепоглощающая тоска нависла над этим бытовым очерком, в сущности, лишенным сюжета; с редкой выразительностью показано здесь, на какую дезорганизованную, бессознательную, сумбурную душевную почву падают тяготы войны в русской деревне. И в сущности, не знаешь, что страшнее в рассказе Шмелева: убитый ли горем мужик, только что узнавший о гибели сына и не знающий, как сообщить страшную весть жене, или общая атмосфера этой деревенской чайной, угрюмая, неподвижная, злая и беспредельно бестолковая[39].

Шмелев откликнулся на предложения «Русского богатства» не сразу. Однако 16 января 1915 г. он писал Горнфельду:

> Счастлив высказать Вам, как дорого мне и как ободряет Ваше внимание. Счастлив работать в «Русских записках» в ряду дорогих людей. Спасибо, больше и сказать не могу.
>
> Предлагаемый редакцией гонорар, конечно, я очень ценю, и, пожалуйста, не подумайте, что тот или иной размер гонорара мог бы явиться препятствием для меня. Хотя, конечно, буду открове-

---

[36] См. отклики А.М. Редько (часто писал в соавторстве с женой Е.И. Редько, подписывая книжные обзоры обобщенным именем А. и Е. Редько): Русское богатство. 1912. № 4. С. 116–143; 1913. № 12. С. 376–385. А также: *Б. п.* <*Дерман А.Б.*> Ив. Шмелев. Рассказы. Т. 4. Кн-во писателей в Москве, <1913> // Русские записки. 1914. № 1, ноябрь. С. 400–401.

[37] *Б. п.* <*Редько А.М.*> Ив. Шмелев. Рассказы. Т. V. Кн-во писателей в Москве. 1914 // Русские записки. 1915. № 2. С. 359.

[38] *Б. п.* <*Горнфельд А.Г.*> Шмелев Ив. Карусель. Рассказы, т. VI. Изд-во писателей в Москве. 1916 // Русские записки. 1915. № 10. С. 347.

[39] *Б. п.* <*Редько А.М.*> <…> Ив. Шмелев. На большой дороге. Кн-во писателей в Москве. 1915 // Русские записки. 1915. № 12. С. 331.

нен, — иногда и гонорар, нужда заработка (я не так много пишу) заставляла отдавать работу на готовый спрос.

Только бы удался рассказ, а уж я в первую голову предложу его на Ваше тонкое и серьезное суждение. Эти дни у меня все время и все нервы берет не вовремя накатившая пьеса, отданная театру еще весной. Теперь она меня изводит. Но февраль я буду работать над рассказом, который уже *есть* в достаточно ясном виде. Надеюсь, если не помешает какая экстренность, закончить к началу марта[40].

Рассказ, о котором идет речь, назывался «Друзья» и был вскоре опубликован в журнале[41]. И Шмелев планировал продолжать сотрудничество, о чем писал Горнфельду 18 ноября 1915 г.:

И мое самое горячее желание — написать хорошее что-нибудь и дать «Р<усским> з<апискам>». Но что поделаешь! Надо было исполнить обещание и продолжать начатое в «С<еверных> зап<исках>». Вот и даю «Суровые дни». В августе прошлого года еще принял я предложение этого журнала и работал с большими перерывами. Скажу откровенно, эти самые очерки куда бы приятнее для меня было давать «Рус<ские> зап<иски>» — и по симпатиям к журналу, лицо коего ясно совершенно, и из-за вполне понятного желания, чтобы твою работу читали десятки тысяч. Но в начале войны журнальное дело испытывало много всего, положение его было очень неопределенное, положение литераторов еще более неустойчиво — какие тут рассказы! — и я охотно принял предложение «Сев<ертных> зап<исок>» — писать сколько угодно о впечатлениях на местах — отражениях войны в деревне. <…>

Пишу мало, совсем почти не пишу. <…> Война давит, не до спокойной работы, нет сладкого томленья или особенного раздраженья, когда и краски ярки, и слова из души родятся, и не чувствуешь прикованности к плывущей жизни. Другое теперь. И первое — подавленность. <…> Бросил больше года работать над большим романом — а уже больше 12 листов написано и только ⅓, — романом, который меня захватил и, думаю, удался, — так мне плохо. Теперь работаешь в смуте духа, в усталости[42].

[40] РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 520. Л. 2–3.

[41] *Шмелев Ив.* Друзья // Русские записки. 1915. № 3. С. 167–186.

[42] РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 520. Л. 7–8. Речь идет о рассказе: *Шмелев Ив.* Суровые дни (В деревне) // Северные записки. 1914. № 8–9, 10–12; 1915. № 1, 10–12. Фрагмент из незавершенного романа «Наследники» опубликован: *Шмелев Ив.* В Луйском уезде // Клич. День печати: Сборник на помощь жертвам войны. М.: Т-во скоропечати А.А. Левенсон, 1915. С. 201–209. Фрагмент впервые: [17, с. 168].

К этому времени лицо Шмелева вполне определилось, и в персональной статье А.Б. Дерман писал об эволюции Шмелева-художника от ранних растянутых и несколько манерных повестей к строгому стилю, который проявился уже в повести «Человек из ресторана», где «автор как бы нашел себя, свой писательский темперамент, нашел и постарался им овладеть и усовершенствовать его», и назвал Шмелева «протестантом против нравственного зла». «У него простые люди обычно относятся к интеллигентам с глубоким недоверием и не на почве непонимания, а как раз потому, что отлично их умеют раскусить и, так сказать, разоблачить. И автор дает недвусмысленно понять, что его простые герои не заблуждаются, что они разделяют в этом вопросе мнение его самого». «Шмелев один из немногих наших писателей, удержавшийся от соблазна взглянуть на войну глазами, умиленными самоотвержением и геройством, проявленными на фронте и в тылу. Его рассказы выдержаны в тоне глубоко серьезном, вдумчивом, в духе сознания прежде всего огромности и глубины той массовой катастрофы, которая обрушилась на людей»[43]. Между тем в процессе подготовки статьи у автора ее возникали трения с редакцией. И Дерман писал Горнфельду 29 апреля 1916 г.:

> Статью о Горьком <*Дерман А.* О Максиме Горьком // Русские записки. 1916. № 2> в исправленном виде принял с довольно легким сердцем, хотя к некоторым частностям и отнесся отрицательно. Например, я не люблю слова «провал», а оно дважды появляется; исчезла связь в одном месте и т. п. мелочи. Но вот не разделяю Вашего мнения о необходимости вносить изменения в статью о Шмелеве, — какие? Она ведь кратка, сжата, фактична, чего Вам еще надобно? Вот приу́чите меня относиться равнодушно к изменениям, а это нехорошо.
>
> Шмелев как-то при встрече выражал огорчение, что ему «Рус<ские> зап<иски>» не посылают[44].

Мы не можем вполне определенно сказать, какие изменения были внесены в статью Дермана, но вмешательство Горнфельда очевидно (стоит вспомнить его критические суждения в письме к Короленко, написанном до 19 июня 1912 г.):

---

[43] *Дерман А.* И.С. Шмелев // Русские записки. 1916. № 6. С. 74–95. См. также: [*Б. п.*] <*Редько А.М.*> <…> Ив. Шмелев. Лик скрытый. М.: Кн-во писателей, 1916 // Русские записки. 1916. № 6. С. 243–247.

[44] РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 297. Л. 93–94.

> Перед нами типичная банальная оперная декорация, с той не то южной, не то восточной экзотикой, в какой эти темы и мотивы трактует глухая провинция. Еще фальшивее любовные объяснения Нургэт и Ганэма: «Цикадочка моя! — Нургэт спряталась в зелень и закрыла глаза. — Зачем ты называешь меня цикадочкой? — А так... Звонкая ты... Нет, ты лучше. Ты еще не знаешь, как я хочу называть тебя! Ты бабочка! Да? Иволга ты, маленькая лягушечка, которая играет в дудочку по ночам. Ты золотенькая рыбка, каких продают на набережной. Белая голубка! Твое лицо розовое, как розоватые яйца страуса... У пророка была жена, у ней было такое лицо... Ну, посмотри на меня, покажи свои глазки... Ну, покажи![45]

Вообще вся статья Дермана производит впечатление коллективного труда: он указывает те же самые недостатки ранних произведений Шмелева, какие отмечали и Короленко, и Горнфельд в своих письмах и статьях, и отмечает, что эти недостатки Шмелев настойчиво преодолевал в последующих произведениях. Для самого Шмелева эта статья Дермана была, видимо, очень близкой и нужной. Именно с этого времени началась их переписка, и именно Дерману Шмелев адресовал письмо от 2 августа 1919 г., в котором он выразил свое понимание отношений народа и интеллигенции уже после октябрьского переворота 1917 г.:

> Понимаете ли, жизнь не наладится. Таков наш народ, что хоть улицу им мети. И долго будут им мести, пока эта метла не измотается или пока метельщики не потеряют охоты. А самые страшные метельщики — убитые Богом гг. левейшие социалисты. И все же: кровь (гениальный прогноз Толстого в сказочке об Ив<ане> дур<аке>), но отчасти [1, с. 31].

Это письмо подводило итог общения Шмелева с редакцией «Русского богатства». Шмелев оставался неизменным в своем преклонении перед нравственным авторитетом Короленко. Когда Л.Н. Андреев летом 1916 г. пригласил Шмелева к участию во вновь создаваемой газете «Русская воля», Шмелев ответил резким отказом, отметив специально, что не доверяет слухам об участии в газете Короленко (что оказалось справедливо[46]):

---

[45] *Дерман А.* И.С. Шмелев // Русские записки. 1916. № 6. С. 86.

[46] Короленко публично опроверг слухи о своем участии в «Русской воле»: *Короленко Вл.* Старые традиции и новый орган // Русские записки. 1916. № 8. С. 249–256. Следует указать, что у Андреева уже в это время начался пересмотр личности Короленко, что с наибольшей резкостью сказалось после 1917 г. [3, с. 71–114]. Уже 21 августа 1916 г. Андреев писал

Работать в Совр<еменном> мире, Русск<ом> бог<атстве>, Киев<ской> м<ысли>, Речи, в прогрессивн<ых> и честных политически органах (о Бирж<евых> вед<омостях> я вспоминаю, с горечью, ибо я не знал их) — и вдруг пойти со своими рассказиками утешать и развлекать гг. банкометов, плутократов, хозяев, фабрикантов и их чад! Ведь даже один из «банков» выразил сомнение, будут ли читатели у этой газеты. <…>

Вы, Леонид Николаевич, как и я, не яркой какой-либо политич<еской> окраски люди, но люди с чистой душой, у нас нет пятен и штемпельков на наших обществе<енных> паспортах. И все же... А М. Горький?! Осмелились — да это подходяще — осмелились упоминать и Короленко! И Речь ставит? Это ложь! Но Горький! Я ничего не понимаю. Литература и — торговля, промышленность... Что это за проклятый футуризм, где ни формы, ни содержания, где одна бессмыслица, чтобы не сказать больше. Нет, не буду [18, с. 196–202] (ответные письма см.: [2, с. 129–141])[47].

Претензии Короленко к раннему Шмелеву могли казаться излишне строгими, мнения его выглядели пристрастными и даже политически ангажированными поздним народничеством в аранжировке народного социализма. Но спокойная статья Дермана, который был старательным учеником Короленко и многие мнения его усваивал из устных бесед во время жизни в Полтаве, показывает, что повести «Гражданин Уклейкин» и «Под небом» на самом деле не изъяты тех недостатков, которые почувствовал в них Короленко. Поэтому роль Короленко в творческом становлении Шмелева, как свидетельствуют письма его к Короленко и в «Русское богатство», оказывается принципиальной, ключевой, хотя сам Шмелев задним числом и преуменьшал эту роль, но это тем более должно актуализировать наше внимание к данном проблеме.

5

Пиететное отношение молодого Шмелева к Короленко в годы эмиграции померкло. Во второй половине 1920-х гг. Шмелев про-

Шмелеву: «В заключение два слова о Короленко — вот где особенно сказывается наша разность: Вам он кажется чуть ли не святым, а мне наоборот. Писатель, который два года молчал, молчал во время великого смятения умов и совести, в период такой войны, как настоящая, — мне не кажется человеком, исполнившим свой долг писателя и гражданина. Во мне Короленко вызывает чувство глубокого негодования» [2, с. 139].

[47] История этой газеты и реакция на приглашение участию в ней ведущих писателей (в том числе Горького, Короленко и Шмелева) изложена с разных позиций двумя авторами: [11; 18; 19]. Мы в данном случае вынуждены оставить эту полемику в стороне.

водит ревизию своих прежних взглядов, и переоценке подвергается прежде всего то, что ранее он выше всего ценил. Один из самых первых примеров этого мы находим в рассказе «Два Ивана (История)» (1924), где Шмелев вспоминает стихотворение в прозе Короленко «Огоньки» (1900), которое заканчивается на жизнеутверждающей ноте:

> Мне часто вспоминается теперь и эта темная река, затененная скалистыми горами, и этот живой огонек. Много огней и раньше и после манили не одного меня своею близостью. Но жизнь течет все в тех же угрюмых берегах, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла…
>
> Но все-таки… все-таки впереди — огни!.. [8, т. 1, с. 379]

Герой Шмелева — школьный учитель Иван Степанович, который с молодых лет принял этот оптимизм Короленко на веру:

> Он был тихого нрава, с доброй народнической закваской. На книжной полочке у него стояли Короленко и Глеб Успенский, висели в рамочке Некрасов и Златовратский. Он читал «Русские ведомости», — раз даже напечатали там его заметку о хрестоматии для татар, — и, выпив на именинах стаканчик красного, с чувством подтягивал, пощипывая бородку: «Выдь на Волгу... Чей стон раздается?..» А когда шел ночью домой и глядел на звезды, в нем кипели горячие чувства к народу и человечеству. Вспышки далекого маяка за кипящим морем вызывали любимое:
>
> «А все-таки впереди... огни!»
>
> В это он свято верил [22, т. 2, с. 37].

Иван Степанович служил на фронте Первой мировой вместе со своим земляком извозчиком Иваном.

> Он говорил о величайшей трудности первых шагов, об ужасном наследстве — темноте народа, и закончил до слез задрожавшим голосом: «И хоть темно еще, и не для всех еще видима дорога в прекрасное будущее, но все-таки... впереди... огни!» [22, т. 2, с. 42]

После февральской революции извозчик Иван разбогател, но когда большевики установили свои порядки, извозчик снова обнищал и попрекал школьного учителя:

> Огни сулил?! Думаешь, беспонятные? Все поспалили, дармоеды... Про звезду твою, думаешь, не понимал... чего ты думал?! Увидали теперь... на шапках! Куда гнул-то... Думаю, какую такую звезду занадобилось? Вот она-а!.. [22, т. 2, с. 49]

И в предсмертном бреду Иван Степанович вспоминает старое:

> ...в помутившейся голове сверкнуло давно забытое:
> ...а все-таки... впереди... огни!..
> Скакнуло на заплетающийся язык, и, выворачивая его из клея, силясь увидеть из-под тяжелых век, вглядываясь в душившую ветром темень, Иван Степаныч выговорил с усмешкой, чему-то радуясь:
> — А все-таки... впереди... о... гни!.. [22, т. 2, с. 50]

В рассказе «Панорама» (1928) Шмелев описывает голод в Крыму после захвата его большевиками и приводит воспоминания старого интеллигента о работе на голоде в 1880-е гг.:

> Сейчас бы организовать питательные пункты, развить широкую пропаганду, будить общество, бить в набат! Помню, со Львом Николаевичем, с Владимиром Галактионычем... как мы работали! как горели святым огнем! в нас билось всемировое сердце. А теперь *чем* жить?! [22, т. 7 (доп.), с. 277]

Современная дееспособность интеллигентов поставлена под сомнение, а заодно подвергаются скептической перепроверке и былые интеллигентские идеалы. И герой незаконченного романа «Солдаты» (1928–1929) говорит:

> Твои «интеллигенты» слишком... узки и близоруки! — с раздражением сказал он. — Я прекрасно знаю, как смотрят на нас твои «интеллигенты»! И умнейшие из них даже, вон Короленко даже. Вылито много грязи на нас, на армию! Пусть Короленко на своих внимательней посмотрит, какие фрукты встречаются. Эти «фрукты» везде встречаются, в каждом классе... С 905-го нас особенно поливают грязью за то, что... спасли Россию от их экспериментов! Да, мы. Я был в Сибири, был потом и в Прибалтике, с Меллер-Закомельским, видал и усмирял. Вон у меня, томский «трофей» висит, и им и рука прострелена... Не хотят понять твои интеллигенты, что мы — те же русские люди, только особой складки, да, особой! Я

> говорю не об «отбывающих»... этих господ универсантов повидал, как они «отбывают»... и в прапорщики готовил. Воображают, что это — принудительная и глупая игра, и надо скорей «отбыть»... Забывают, что мы для страшного дня, для отдачи себя за... все! Ты сильно ошибаешься, Люси... У нас много идеалистов, романтиков... удивительные есть люди, каких не найдешь среди и твоих «интеллигентов». Молодые особенно. Да, наша жизнь груба... и тем удивительнее, что есть, и много. Все наше, военщина-то, как зовут нас презрительно, — меднолобыми нас зовут, «скалозубами», «пришибеевыми» разными... это же вне жизни! Жизнь — норма, а мы — вне нормы, около жизни где-то... около смерти мы [22, т. 6 (доп.), с. 311–312].

Для нас сейчас не важны конкретные социальные и политические мотивы и результаты этой ревизии. Для нас гораздо важнее, что эта ревизия теснейшим образом связана с «Русским богатством», столь авторитетном для Шмелева до 1917 г.[48]

Это разочарование в историческом оптимизме, символом которого стал Короленко, через много лет приводит Шмелева к письму к И.А. Ильину от 11 ноября 1946 г.:

> Не отстану: пишите о себе. Это не для Вас, а для всех прочих. Эти должны знать, как складываются такие люди, ими же жизнь стоит. Это В<аш> долг. Это уже — путь. Это — в научение. Не отмахивайтесь. Молю. У Вас выйдет не скучноватое суконце, к<а>к у Короленки — «История моего современника», хоть и там многое не без пользы. Но «калибры»-то слишк<ом> разные. Нужен — русский человек, мыслитель, учитель, тво-ри-тель... а не «общественник»: известно, как «рождается» общественник: «благих намерений» — 80 грамм, «самоуважения» — 18 гр., «любви» — можно и обойтись без оной, «честолюбия» — квантум сатис и растворить в розовой водице, добавив, елико можно, «непримиримости» и «у нас все скверно». Есть и другой рецепт, терпче [5, с. 492].

[48] Мы вынуждены оставить за пределами анализа многочисленные упоминания в рамках этой ревизии личности и наследия Н.К. Михайловского прежде всего потому, что Шмелев не упоминает его рядом с «Русским богатством» (хотя, разумеется, знает о его роли в этом журнале). Мы только перечислим некоторые наиболее знаменательные упоминания: письма к И.А. Ильину от 7 августа 1927 г., 4 марта 1935 г., 5 декабря 1939 г., 20 декабря 1945 г., 14 октября 1947 г. [5, с. 25–27, 47, 195, 285, 373]; «Чертов балаган» [22, т. 2, с. 113–114], материалы к роману «Пути небесные» [22, т. 5, с. 462–463], «Солдаты», «Журавли» [22, т. 6 (доп.), с. 311–312, 490–491], «У дьявола на пиру», «Железный дед», «Туман», «Панорама» [22, т. 7 (доп.), с. 254–256, 266–267, 272–276, 458–461], «Березовая роща» [22, т. 8 (доп.), с. 515].

Однако вся эта ревизия вопроса о политико-юридической ответственности писателя за сказанное им свободное слово может быть обращена и в адрес самого Шмелева: как по причине подозрений его в коллаборационизме, так и по причине его сотрудничества с большевиками. В данной работе об этом можно было бы и не упоминать, если бы 16 октября 1917 г. Шмелев не написал Короленко нижеследующее письмо по поручению «Книгоиздательства писателей в Москве». Издательством этим заведовал видный большевик, член РСДРП(б), литератор Николай Семенович Клестов (псевдоним Ангарский; 1873–1941), который создал его в 1912 г. вместе с В.В. Вересаевым, Н.С. Телешовым, И.А. Буниным, С.А. Серафимовичем и заведовал им до 1919 г. После Февральской революции Ангарский был также членом Московского комитета РСДРП(б), исполкома Моссовета, заведующим отделом печати.

16 октября дня 1917 г.

Глубокоуважаемый Владимир Галактионович

По поручению товарищей, крайне приятному для меня, отвечаю на Ваше письмо от 7 октября. Ник. Сем. Клестов, г. Коньков *распространение своих изданий не ограничивает только районом ю<го>-з<ападного> фронта*: книги его *продаются и в Москве, и в Петербурге. Нет твердых оснований,* конечно, утверждать, что цель изд<ательст>ва не чужда и коммерческого характера, но Ник<олай> Сем<енович> по некоторым соображениям держится взгляда, что тут *предпринимательский расчет есть*. Эти соображения (Коньков имеет намерение издавать «дешевые» издания наших сочленов и тоже только для ю<го>-з<ападного> фронта!), а главным образом Ваше любезное согласие предоставить книг<оиздательст>ву решить вопрос, давать ли Конькову разрешение на издание «Судного дня» — *развязали нам руки*. Книгоиздательство считает более целесообразным и в своих интересах, и в интересах Ваших *отклонить* предложение Конькова. *Нет гарантий, что не будет припечаток, что книга пойдет только на фронт*, просветительная цель будет достигнута и нашим изд<ательст>вом: *фронтовая связь у нас есть* и наши издания, особ<енно> «дешевые» издания и через З-С, и через кооперативы. Заказы поступают на десятки тыс<яч> экз<емпляров>. Итак, позвольте считать этот вопрос выясненным. Книгоиздательство уверено, что книга Ваша на фронт пойдет в самом ближайшем времени, и не только на фронт, пойдет вглубь. *Заканчивается набор. «Слепой музыкант» выходит, отпечатан изящно*, насколько позволяют условия времени. Цена 2,50. Что-то

невероятное в типогр<афии>. Один набор теперь 6 р. за 1000 знаков, вм<есто> былого 35–40 коп. Старались издавать к<ак> м<ожно> доступнее. Авт<орский> гонорар 20–25 %. *«Война, отечество и человечество» на днях выйдет — уже сверстана и опубликована*. Два № дешевой библиотеки уже идут и скоро их не будет, напрягаем все силы, дорогой Владимир Галактионович, чтобы бороться с тяжкими условиями. Задача наша обслуживать хорошей и недорогой книгой читателя и соблюдать интересы автора. Спасибо Вам за дорогое для нас внимание. С Вами в каталоге, с Вами в единении наша работа крепче и светлей. Будем надеяться, что и распродающиеся *Ваши-томные-сочинения* Вы не откажете передать на издание нам. Отчеты будут высланы незамедлительно, в установленные в изд<ательст>ве сроки: к 1-м числам ноября, февраля, мая, августа денежными переводами. Дело, слава Богу, крепнет и крепнет. Требуется настоятельно приобрести новые машины. Ищем. Деньги все ухлопываются в книги, бумагу. Увеличиваем основной капитал. Были бы счастливы и *Вас, как* участника — вкладчика видеть в своем содружестве. Очень просим, если готовите к печати культурно-просветительный очерк, *не откажите уведомить, чтобы мы могли, если разрешите, заблаговременно издать в огромном количестве. Позвольте пожелать Вам здоровья и благотворной работы*.

Крепко Вас почитающий Ив. Шмелев[49].

Так что если Шмелев считал Короленко политико-юридически ответственным за последствия октябрьского переворота 1917 г., то и сам он был ответствен за это. А с Н.С. Ангарским (Клестовым) Короленко также состоял в переписке по поводу издания разных книг в 1913–1917 гг., причем 7 октября 1917 г. речь шла именно об этом предложении В.П. Конькова от лица Земсоюза (Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, состоящий под покровительством ее императорского высочества великой княгини Елизаветы Федоровны, хотя после Февральской революции он работал уже под ведомством Временного правительства) [12, с. 182–183]. Короленко отвечал, что предлагаемая к изданию книга «Судный день» («Иом-Кипур») уже издана М.А. Коломенкиной [12, с. 197][50], но не возражал против издания брошюры «Война, отечество и че-

[49] ОР РГБ. Ф. 135/II. К. 38. Ед. хр. 123. 1 л. Письмо написано на фирменном бланке Товарищества «Книгоиздательство в Москве». Над текстом помета Короленко синим карандашом — «Шмелев». Курсивом выделены подчеркивания адресата тем же карандашом.

[50] Там же. С. 197. Очевидно, именно В.П. Коньков имеется в виду и в телеграммах, подписанных Доньков [10, с. 126, 374].

ловечество», однако книга была издана Всероссийским центральным союзом потребительских обществ [6].

Впрочем, обстоятельный анализ оценок Короленко, «Русского богатства» и вообще наследия «общественников», которые мы находим в сочинениях и документах Шмелева после 1919 г., не входит в нашу задачу. Этот материал мог бы составить предмет специального исследования, но нам он помогает понять реальную историю публикации произведений Шмелева в «Русском богатстве» и ее отражение в его воспоминаниях.

Литература

1. «Для гения нужна особая свобода»: Письма И.С. Шмелева А.Б. Дерману / предисловие, примечания Е.А. Осьмининой // Литературное обозрение. 1997. № 4. С. 19–42.

2. *Вильчинский В.П.* Л. Андреев и И. Шмелев // Русская литература. 1971. № 4. С. 129–141.

3. *Геворкян А.В., Строганов М.В.* Леонид Андреев и журнал «Русское богатство». К проблеме массовой культуры // Культура и текст. 2025. № 1 (60). С. 71–114.

4. И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах: в 2 т. / подгот. текста и коммент. А.А. Голубковой, О.В. Лексиной, С.А. Мартьяновой, Л.В. Хачатурян. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.

5. *Ильин И.А.* Собр. соч.: переписка двух Иванов (1947–1950) / сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы; расшифр. и текстол. подгот. писем И.С. Шмелева; имен. указ. О.В. Лисицы. М.: Русская книга, 2000. 528 с.

6. *Короленко В.Г.* Война, отечество и человечество: Письма о вопросах нашего времени. М.: Изд-во Всерос. центр. союза потреб. о-ва, 1917. 30 с.

7. *Короленко В.Г.* Избранные письма: в 3 т. / под ред. и с примеч. Н.В. Короленко и А.Л. Кривинской. М.: Худож. лит., 1936. Т. 3: Литературная и редакторская работа (1886–1920). 285 с.

8. *Короленко В.Г.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Гослитиздат, 1954.

9. Литературное наследство. Т. 107: Журнал «Русское богатство» Н.К. Михайловского. Из переписки членов редакции, авторов и современников. 1890–1903. В 2 кн.: 1890–1899. М.: ИМЛИ РАН, 2022. Кн. 1. 680 с.

10. Литературное наследство. Т. 109: Журнал «Русское богатство». 1892–1918. Указатели: содержание, авторы, книжные издания. М.: ИМЛИ РАН, 2025. 1200 с.

11. *Оксман Ю.* «Русская воля», банки и буржуазная литература // Литературное наследство. М.: Жур.-газ. объединение, 1932. Т. 2. С. 165–185.

12. Описание писем В.Г. Короленко / сост. В. М. Федорова. М.: Изд-во ГБЛ, 1961. 659 с.

13. *Островская С.Д.* Проблемы национального и общечеловеческого в переписке М. Горького и И.С. Шмелева // Наследие И.С. Шмелева: проблемы изучения

и издания: сб. мат. междунар. научн. конф. 2003 и 2005 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 238–246.

14. Письма В.Г. Короленко к А.Г. Горнфельду / с предисл. А.Г. Горнфельда // Л.: «Сеятель» Е.В. Высоцкого, 1924. 214 с.

15. *Подъячев С.П.* Моя жизнь. М.: Сов. литература, 1934. 367 с.

16. *Спиридонова Л.* Художественный мир И.С. Шмелева. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 240 с.

17. *Черников А.П.* Повесть И.С. Шмелева «Под небом». К проблеме народного характера в творчестве писателя // Проблемы истории русской литературы. Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ин-та, 1973. С. 76–93.

18. *Шишкина Л.И.* Леонид Андреев и «Русская Воля». Ч. 1. Первая мировая война в публицистике Л. Андреева // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2019. Вып. 1 (9). С. 109–123.

19. *Шишкина Л.И.* Человек на войне. Леонид Андреев о книге И. Шмелева «Суровые дни» и картине К. Петрова-Водкина «На линии» // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2023. № 12. С. 141–152.

20. *Шмелев Иван.* Служители правды: Повесть. М.: Изд-во журн. «Юная Россия» и «Пед. листок», 1906. 195 с. (Серия «Библиотека для семьи и школы»)

21. *Шмелев И.С.* Письмо к Леониду Андрееву / публ. В.П. Вильчинского // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дом на 1975 год. Л.: Наука, 1977. С. 196–202.

22. *Шмелев И.С.* Собр. соч.: в 5 т. М.: ТЕРРА, Книжный клуб Книговек, 2015.

Research Article and Publication of Archival Documents

Ivan Shmelyov and the Magazine “Russian Wealth”

© 2026. Armen V. Gevorkyan, Mikhail V. Stroganov
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: This article reconstructs Iv. Shmelyov’s relationship with V.G. Korolenko and the magazine *Russian Wealth* (“Russkoye Bogatstvo”): from a rather cool attitude toward the writer’s literary talent to positive assessments of his works and the publication of Shmelyov’s works in the magazine in the 1910s. The reception of his work is reflected in Korolenko’s correspondence with A.G. Gornfeld and letters from editorial board members and staff of “Russkoye Bogatstvo” (S.P. Podyachev, A.V. Peshekhonov, F.D. Kryukov, A.B. Derman, and others), which remain in the archives to this day. The publication history of the story “Under the Sky” in “Russkoye Bogatstvo” is covered in detail. For the first time, Shmelyov’s epistolary legacy is published, either in abridged or in full, including his letters to Korolenko, Gornfeld, and Derman. Shmelyov’s reverence for Korolenko’s moral

authority underwent significant changes during his years of exile; this ideological transformation is revealed through an analysis of the writer's works written in exile.

Keywords: V.G. Korolenko, Iv. Shmelyov, S.P. Podyachev, A.V. Peshekhonov, A.B. Derman, "Russkoye Bogatstvo" (*Russian Wealth*), "Under the Sky," literary reputation.

Information about the authors: Armen V. Gevorkyan, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2658-4580

E-mail: armenvar@mail.ru

Mikhail V. Stroganov, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7618-7436

E-mail: mvstroganov@gmail.com

For citation: Gevorkyan, A.V., Stroganov, M.V. "Ivan Shmelev and the Magazine 'Russian Wealth'." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (40), 2026, pp. 170–211. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-170-211

References

1. "'Dlia geniia nuzhna osobaia svoboda': Pis'ma I.S. Shmeleva A.B. Dermanu / predislovie, primechaniia E.A. Os'mininoi ["'A Genius Needs a Special Kind of Freedom': Letters from I.S. Shmelev to A.B. Derman / Preface, Notes by E.A. Osminina"]. *Literaturnoe obozrenie*, no. 4, 1997, p. 19–42. (In Russ.)

2. Vil'chinskii, V.P. "L. Andreev i I. Shmelev" ["L. Andreev and I. Shmelyov"]. *Russkaia literatura*, no. 4, 1971, p. 129–141 (In Russ.)

3. Gevorgyan, A.V., Stroganov, M.V. "Leonid Andreev i zhurnal 'Russkoe bogatstvo'. K probleme massovoi kul'tury" ["Leonid Andreev and the Magazine 'Russkoe bogatstvo'. On the Problem of Mass Culture"]. *Kul'tura i tekst*, no. 1 (60), 2025, pp. 71–114. (In Russ.)

4. *I.S. Shmelev i O.A. Bredius-Subbotina: Roman v pis'makh: v 2 t.* [*I.S. Shmelyov and O.A. Bredius-Subbotina: A Novel in Letters: in 2 vols.*], text prep. and *comm.* A.A. Golubkova, O.V. Leksina, S.A. Mart'ianova, L.V. Khachaturian. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia Publ., 2004. (In Russ.)

5. Il'in, I.A. *Sobranie sochinenii: Perepiska dvukh Ivanov (1947–1950): v 3 t.* [Collected Works: Correspondence of Two Ivans (1947–1950): in 3 vols.], comp. and comm. Iu.T. Lisitsa; decod. and text. prep. of letters I.S. Shmelyov; the nominal index O.V. Lisitsa. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2000. 528 p. (In Russ.)

6. Korolenko, V.G. *Voina, otechestvo i chelovechestvo: Pis'ma o voprosakh nashego vremeni* [*War, Fatherland and Humanity: Letters on Issues of Our Time*]. Moscow, All-Russian Central Union of Consumer Societies Publ., 1917. 30 p.

7. Korolenko, V.G. *Izbrannye pis'ma: v 3 t.* [*Selected Letters: in 3 vols.*], vol. 3: Literaturnaia i redaktorskaia rabota (1886–1920) [Literary and Editorial Work (1886–1920)], ed. and ref. N.V. Korolenko, A.L. Krivinskaia. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1936. 285 p. (In Russ.)

8. Korolenko, V.G. *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [*Collected Works: in 10 vols.*]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1954. (In Russ.)

9. *Literaturnoe nasledstvo. T. 107: Zhurnal "Russkoe bogatstvo" N.K. Mikhailovskogo. Iz perepiski chlenov redaktsii, avtorov i sovremennikov. 1890–1903. V 2 kn.: 1890–1899* [*Literary Heritage. Vol. 107: N.K. Mikhailovsky's Magazine "Russian Wealth." From the Correspondence of Editorial Board Members, Authors, and Contemporaries. 1890–1903. In 2 books: 1890–1899*], book 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2022. 680 p. (In Russ.)

10. *Literaturnoe nasledstvo. T. 109: Zhurnal "Russkoe bogatstvo." 1892–1918. Ukazateli: soderzhanie, avtory, knizhnye izdaniia* [*Literary Heritage. Vol. 109: "Russkoye Bogatstvo" Magazine. 1892–1918. Indexes: Contents, Authors, Book Publications*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2025. 1200 p. (In Russ.).

11. Oksman, Iu. "'Russkaia volia', banki i burzhuaznaia literatura" ["'Russian Will', Banks and Bourgeois Literature"]. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 2. Moscow, Periodical and Newspaper Association Publ., 1932, pp. 165–185. (In Russ.)

12. *Opisanie pisem V.G. Korolenko* [*Description of Letters by V.G. Korolenko*], comp. V.M. Fedorova. Moscow, GBL Publ., 1961. 659 p. (In Russ.)

13. Ostrovskaia, S.D. "Problemy natsional'nogo i obshchechelovecheskogo v perepiske M. Gor'kogo i I.S. Shmeleva" ["Problems of the National and Universal in the Correspondence of M. Gorky and I.S. Shmelyov"]. *Nasledie I.S. Shmeleva: problemy izucheniia i izdaniia: Sbornik materialov mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsii 2003 i 2005 gg.* [*Legacy of I.S. Shmelev: Problems of Study and Publication: Collection of Materials International Scientific Conference. 2003 and 2005*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2007, pp. 238–246. (In Russ.)

14. *Pis'ma V.G. Korolenko k A.G. Gornfel'du* [*Letters from V.G. Korolenko to A.G. Gornfeld*], introd. A.G. Gornfel'da. Leningrad, "Seiatel'" E.V. Vysotskogo Publ., 1924. 214 p. (In Russ.)

15. Pod'iachev, S.P. *Moia zhizn'* [*My Life*]. Moscow, Sovetskaia literatura Publ., 1934. 367 p. (In Russ.)

16. Spiridonova, L. *Khudozhestvennyi mir I.S. Shmeleva* [*The Artistic World of I.S. Shmelyov*]. Moscow, IWL RAS Pub., 2014. 240 p. (In Russ.)

17. Chernikov, A.P. "Povest' I.S. Shmeleva 'Pod nebom'. K probleme narodnogo kharaktera v tvorchestve pisatelia" ["I.S. Shmelyov's Story 'Under the Sky'. On the Problem of Folk Character in the Writer's Work"]. *Problemy istorii russkoi literatury* [*Problems of the History of Russian Literature*]. Tula, Tula State Pedagogical Institute Publ., 1973, pp. 76–93. (In Russ.)

18. Shishkina, L.I. "Leonid Andreev i 'Russkaia Volia'. Ch. 1. Pervaia mirovaia voina v publitsistike L. Andreeva" ["Leonid Andreev and 'Russian Will'. Part 1. The First World War in L. Andreev's Journalism"]. *Vestnik Syktyvkarskogo universiteta. Seriia gumanitarnykh nauk*, vol. 1 (9), 2019, pp. 109–123. (In Russ.)

19. Shishkina, L.I. "Chelovek na voine. Leonid Andreev o knige I. Shmeleva 'Surovye dni' i kartine K. Petrova-Vodkina 'Na linii'" ["Man at War. Leonid Andreev on I. Shmelyov's 'Harsh Days' and K. Petrov-Vodkin's 'On the Line'"]. *Vestnik Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia gumanitarnykh nauk*, no. 12, 2023, pp. 141–152. (In Russ.)

20. Shmelev, Ivan. *Sluzhiteli pravdy: Povest'* [*Servants of Truth: A Story*]. Moscow, "Iunaia Rossiia" i "Ped. Listok" Publ., 1906. 195 p. (Seriia "Biblioteka dlia semi i shkoly" ["Library for Family and School"]) (In Russ.)

21. Shmelev, I.S. “Pis’mo k Leonidu Andreevu / Publikatsiia V.P. Vil’chinskogo” [“Letter to Leonid Andreev / V.P. Vilchinsky Publ.”]. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo dom na 1975 god* [*Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1975*]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, pp. 196–202. (In Russ.)

22. Shmelev, I.S. *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [*Collected Works: in 5 vols.*]. Moscow, TERRA, Knizhnyi klub Knigovek Publ., 2015. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 21.01.2026
Одобрена после рецензирования: 10.03.2026
Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 21.01.2026
Approved after reviewing: 10.03.2026
Date of publication: 25.06.2026

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Научная статья
УДК 821.161.1.1
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-212-234
https://elibrary.ru/IAOHVH

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (40), 2026

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

И.А. Бунин и художественный мир 1890-х – 1910-х годов

© 2026, Т.М. Двинятина
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация: Настоящая статья представляет собой первую работу из серии «И.А. Бунин и художественный мир его времени» и посвящена встречам (и значимым их отсутствиям) Бунина с художниками в дореволюционной России, а также сопоставлению Бунина с живописцами в критике начала XX в. С этой точки зрения главными сюжетами в творческой биографии Бунина является, во-первых, начавшееся в 1898 г. дружество и тесное сотрудничество с участниками Товарищества южнорусских художников (П.А. Нилусом, В.П. Куровским, Е.И. Буковецким) и, во-вторых, интерес к древнерусским стилизациям В.М. Васнецова, который в 1900 г. сменился осознанием близости своего творчества с пейзажной живописью И.И. Левитана. Относительно каждого из названных художников в статье прослеживаются биографические и художественные пересечения с Буниным, приводятся отзывы критиков, замечавших параллели между произведениями Бунина и живописью его современников. Наблюдения над творческими связями и предпочтениями Бунина служат дополнительным материалом для определения его авторской стратегии в выстраивании литературной репутации и самоопределения в культурном контексте конца XI — начала XX вв.

Ключевые слова: И.А. Бунин, поэзия, живопись, литература начала XX в., Товарищество южнорусских художников, П.А. Нилус, Е.И. Буковецкий, В.П. Куровский, А. Бёклин, В.М. Васнецов, И.И. Левитан, М.В. Нестеров, И.Е. Репин, В.А. Серов.

Информация об авторах: Татьяна Михайловна Двинятина — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 А, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9772-6910

E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com

Для цитирования: *Двинятина Т.М.* И.А. Бунин и художественный мир 1890-х – 1910-х годов. // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 212–232. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-212-234

Эта статья открывает серию работ на тему «И.А. Бунин и художественный мир его времени». В ней мы надеемся рассмотреть различные аспекты, которые способны проявить важные черты не только индивидуального сознания писателя, жившего в определенной художественной (в широком смысле этого слова) эпохе, но и самой эпохи, характеризующейся сложным соотношением разных видов и родов искусства[1].

Очевидным и ближайшим аспектом заявленной темы является определение *биографического* поля встреч Бунина с художниками сначала в России, затем в эмиграции. К нему примыкает знакомство с творчеством западноевропейских художников; будучи почти полностью лишено личного элемента, оно ограничивалось сугубо «музейным» или «альбомным» изводом. В ходе таких встреч и знакомств сознательно или интуитивно, по внутреннему сходству проявлялись сходства и различия, векторы интереса и пространство равнодушия, отбирались впечатления, которые в свою очередь претворялись Буниным в черты его собственной поэтической системы. «Зеркалом», улавливающим сходство Бунина с тем или иным живописцем (чаще всего — И.И. Левитаном), была критика.

Вторым направлением темы должно стать определение в поэтическом мире Бунина тех принципов организации искусства, которые пришли в литературу из живописи или воплощают схожие с ней приемы. В современной Бунину критике весьма частым было сравнение его и с последователями определенных живописных техник или течений (акварелистами, импрессионистами), и с конкретными живописцами. Здесь важны многочисленные *сюжетные и образные переклички* между литературными описаниями Бунина и картинами русских художников (наиболее явные параллели — И.И. Левитан и В.М. Васнецов, но также К.А. Коровин, В.Д. Поленов, В.Э. Борисов-Мусатов, Б.М. Кустодиев и др.)[2]. Однако особого внимания достойно выделение уже первыми читателями Бунина тех *типологических* черт, которые в дихотомических оппозициях романтического и классицистического искусства, музыки и живописи как наиболее

[1] Из работ, рассматривающих близкий круг тем, отметим книгу Т.М. Бонами «И.А. Бунин и изобразительное искусство» (М., 2014) [3].

[2] При этом, за отдельными исключениями, мы пока оставляем в стороне реминисценции из мира живописи непосредственно в текстах Бунина, как например «реплику» картины Б.Э. Мурильо «Бегство в Египет» (1647–1650) в стихотворении «Бегство в Египет» (<1916>), см.: [7, т. 2, с. 420–421; комм.]. Учесть все подобные случаи будет возможно в комментарии к будущему Полному собранию сочинений Бунина. В настоящей работе не учитываются также ни портреты Бунина, выполненные в разные годы разными художниками, ни единичные встречи с представителями художественного мира, не оставившие следов в творческой жизни Бунина.

ярких его воплощениях сближали творчество Бунина с полюсами классицизма и живописи.

Третьим аспектом, уже через посредство типологии, может быть описание *художественной философии* Бунина, которая основана на изображении, а не на идее, на описании, а не на заранее включаемых в произведение концепциях (в союзники Бунин выбирает себе И.-В. Гёте, среди самых явных оппонентов-современников будет Д.С. Мережковский). Таким образом, через личную философию творчества — как и через «внешнее» сравнение с современной живописью — тоже открывается путь к анализу поэтики Бунина, во многом построенной на приемах живописной композиции и цветообозначения.

Наконец, четвертым направлением, уже выходящим за пределы собственно живописной области окажется усвоение Буниным приемов *других визуальных искусств*: пластики, графики, архитектуры и, особо выделим, кинематографа, чье становление шло на глазах писателя и иногда подкрепляло его собственные творческие находки, иногда — подсказывало их.

Все эти четыре проекции одной большой темы, развернутые в хронологии жизни Бунина и в поэтической сфере его сознания, образуют круг художественных впечатлений писателя и имеют прямое отношение к устройству его художественной системы.

Сделав эти необходимые предуведомления, обратимся теперь к первой из обозначенных нами здесь тем — контактам Бунина с русскими художниками конца 1890-х – 1900-х гг. (эмигрантский период будет рассмотрен впоследствии отдельно) и замеченным критикой параллелям между ними. Этому будет посвящена настоящая статья.

***

Если не первым, то одним из первых знакомых Бунина в художественном мире стал Григорий Григорьевич Мясоедов (1834–1911), один из основателей Товарищества передвижных выставок. Летом 1894 г. Бунин, живший тогда в Полтаве, посещает Мясоедова в его усадьбе Павленки и позирует для портрета. В бунинском дневнике остается запись (одна из двух сохранившихся записей этого года): «15 авг. 94. Павленки. Солнечный ветр<еный> день. Сидел в саду художника Мясоедова (наш сосед, пишет меня), в аллее тополей на скамейке» [4, с. 17]. Далее следует описание переменчивого летнего дня, как будто переложенное с полотна импрессионистов в записную книжку поэта:

> Безоблачное небо широко и свежо, открыто. Иногда ветер упадал, свет и тени лежали спокойно, на поляне сильно пригревало, в шелковистой траве замирали на солнце белые бабочки, стрекозы с<о> стеклянными крыльями плавали в воздухе, твердые темно-зеленые листья сверкали в чаще лаковым блеском. Потом начинался шелковистый шелест тополей, с другой стороны, по вершинам сада, приближался глухой шум, разрастался, все охватывал — и свет и тени бежали, сад волновался… И снова упадал ветер, замирал, и снова пригревало [4, с. 17].

Судьба портрета кисти Мясоедова неизвестна, но он явился определенно самым ранним из живописных изображений Бунина, которому в то лето было всего 23 года. И то, что на своем первом портрете Бунин погружен в зыбкую, дрожащую атмосферу южного ветра и шумящего сада, как нельзя более подходит и его будущим встречам с художниками, и его (только становящемуся) поэтическому миру, в котором бесконечное движение природы на протяжении всех будущих лет станет главной темой.

Пройдет немного времени, и Бунин войдет в круг членов Товарищества южнорусских художников (ТЮРХ). Оно было создано в 1890 г. по образцу Товарищества передвижных выставок, с тех пор проводило периодические (ежегодные) выставки в Одессе (последняя, 29-я выставка состоялась осенью 1919 г.). На протяжении всей его истории в Товариществе состояло 85 действительных членов, в его выставках участвовало 350 художников[3]. Многие участники ТЮРХ, начав с изображений жанровых сцен, развивались в сторону импрессионистической живописи, прежде всего пленэрных пейзажей и психологических портретов. На рубеже XIX–XX вв. это было одним из направлений движения и творческой эволюции Бунина.

31 октября 1898 г., за две недели до открытия 9-й периодической выставки ТЮРХ в Одесском литературно-артистическом кружке (созданном в том же году по инициативе Товарищества) проходил литературно-музыкальный вечер. На нем Бунин читал поэму Э. По «Ворон» и стихотворение П. Верлена «Осенние скрипки». На нем же он познакомился с одним из основателей Товарищества Петром Александровичем Нилусом (1869–1943), который вскоре стал одним

[3] Среди действительных членов ТЮРХ были И.И. Айвазовский, И.И. Бродский, К.К. Костанди, Л.О. Пастернак; среди экспонентов — Н.И. Альтман, И.И. Левитан, М.В. Нестеров, И.Е. Репин, И.И. Шишкин. Об истории и деятельности ТЮРХ см. прежде всего биобиблиографический справочник «Товарищество южнорусских художников» [20], первые опыты обзора отношений членов ТЮРХ и Бунина см. в работах М.С. Байцак, в том числе: [2].

из самых близких его друзей. Был ли Бунин на выставке ТЮРХ (она проходила 15–17 ноября 1898 г.), неизвестно. Но когда он приехал в Одессу во второй половине января 1899 г. после двухмесячной отлучки, то уже через несколько дней сообщил брату Ю.А. Бунину: «Перезнакомился тут с художниками» [6, с. 271; письмо от 21 января 1899 г.]. Иными словами, к этому времени Нилус свел Бунина со своими друзьями: художниками Евгением Иосифовичем Буковецким (1866–1948) и Владимиром Павловичем Куровским (1869–1915)[4]. Все они, по воспоминаниям В.Н. Муромцевой-Буниной, были «очень сплоченными, веселыми, полными жизни, талантливыми молодыми людьми», и с тех пор в каждый свой приезд в Одессу Бунин бывал «на обедах у Буковецкого, который, будучи состоятельным человеком, устраивал пиршества, но приглашал только мужчин. Обеды были еженедельно, по четвергам» [18, с. 167–168, 179].

Всем троим названным здесь художникам предстоит сыграть в жизни Бунина важную роль, поэтому стоит сказать о них несколько слов.

Е.И. Буковецкий в юности был студентом Петровско-Разумовской земледельческой и лесной академии в Москве, оставил ее по состоянию здоровья, в 1887–1890 гг. учился в Одесской рисовальной школе. В 1890 г. поступил в Академию художеств, но обучение прервал — поехал за границу, в Париже занимался в академии Р. Жюльена, в Мюнхене знакомился с музеями и частными коллекциями. С 1891 г. постоянно жил и работал в Одессе, был членом-учредителем созданного в 1897 г. Литературно-артистического общества. Принимал участие в выставках ТЮРХ с 1893 г., а также в изданном этим обществом сборнике «Наши вечера» (1903). Собрал обширную коллекцию европейской и отечественной живописи [20, с. 130]. В собственном творчестве выступал как портретист и пейзажист, но даже дружески настроенный к нему А.М. Федоров отмечал: «Во всех портретах этого вдумчивого художника чувствуется это отсутствие энергии, смелости, творческого опьянения, в котором скрыто так часто много обаяния»[5]. Пожалуй, те же слова можно отнести к карандашному портрету Бунина, выполненному Буковецким в 1903 г. [13, с. 479] и к двум другим бунинским портретам работы Буковецкого 1919 г. [17, с. 1113]. При этом всю жизнь Бунина связывала с Буковецким не только память привольной южной жизни, но и трагические месяцы 1918–1919 гг., которые И.А. и В.Н. Бунины

[4] В справочнике «Товарищество южнорусских художников» [20, с. 258] Куровский значится как экспонент (но не постоянный участник) ТЮРХ.

[5] *Федоров А.* На выставке // Одесские новости. 1903. 7 окт.; цит. по: [20, с. 130].

провели в особняке Буковецкого на Княжеской ул., 27 — из этого дома они 6 февраля 1920 г. отправились в эмиграцию.

С В.П. Куровским, может быть, более, чем с кем-либо другим, Бунина связывало общее чувство жизни. Во время своих приездов в Одессу Бунин часто останавливался у Куровского, жившего на Софиевской ул., 5. С ним он совершил свое первое европейское путешествие. Куровский, проявивший себя не только как художник-пейзажист[6], но и как музейный деятель, с 1898 г. занимал должность хранителя Одесского музея изящных искусств. В то же время он служил делопроизводителем Одесской городской управы, осенью 1900 г. должен был по ее поручению ехать за границу «для обследования рынков в разных городах Европы», и Бунин, «посчитав свои средства и где-то взяв аванс, с радостью согласился» ехать с ним вместе [18, с. 185]. Маршрут путешествия, длившегося с 11 октября по 17 ноября 1900 г., пролегал из Одессы через Варшаву, Берлин, Кельн, Париж, Швейцарию, Мюнхен, на обратном пути — через Вену, Прагу, Дрезден и Варшаву.

Главным художественным впечатлением этой поездки, по всей видимости, стали картины Арнольда Бёклина (1827–1901) в Новой Пинакотеке в Мюнхене: «Мюнхен прелесть, картины Бёклина замечательны», — писал тогда Бунин брату Юлию [6, с. 340]. Бунину, несомненно, были знакомы популярные в конце XIX в. символические пейзажи Бёклина «Остров мертвых», «Руины у моря», «Обитель блаженных», «Морская идиллия» и др. Насыщенный цвет и плотность форм, «архитектура» природы — вот, пожалуй, главные черты, увиденные поэтом в творчестве художника, и даже спустя много лет Бунин не раз возвращался к ним в своих дневниковых записях[7]. Бё-

[6] В 1901–1914 гг. Куровский экспонировал пейзажи и пейзажные этюды и на выставках передвижников, и на выставках ТЮРХ, и на др., см.: [20, с. 258]. Здесь же приведен отзыв о нем К. Чуковского из обзора «Южнорусская выставка картин» 1904 г.: «Замечательно тактична и приятна по тонам “Пастель” (№ 93) г. Куровского. Сейчас зажгут лампу. Девочка, облеченная комнатным сумраком, наклонилась над уроками. Вся картина как-то по-комнатному уютна, приветлива и радушна» (Одесские новости. 1904. 17 окт.; цит. по: [20, с. 258]). В этом отзыве достойно внимания и авторство (похвалу Чуковского надо было заслужить), и свидетельство жанрового разнообразия творчества Куровского.

[7] Так, 24 марта 1916 г. Бунин отмечает: «Яркий, настоящий весенний день. Крупные облака в серых деревьях, серые стволы имеют необыкновенно прелестный тон и глянец. Напоминает картины Бёклина» [4, с. 63]. 21 августа 1917 г. записывает: «Смотрел от варка: расчистило, деревья возле дома и сада необыкновенны, точно бёклиновские, черно-зеленые, цвета кипарисов, очерчены удивительно» [4, с. 81]. 3 октября 1917 г. Бунин снова обращается к знакомым образам: «Шли дорожкой — впереди березы, их стволы, дальше трубы тонкие пихт, серая тьма и сквозь это — сине-каменное небо <…> Бёклин поймал новое, дивное» [4, с. 88–89]. Все эти записи сделаны Буниным, когда он жил у родных в Глотово (в Орловской губернии), первая из них — примерно через полгода после известия о смерти Куровского (см. ниже), которая, возможно, и вызвала у Бунина воспоминание об их путешествии по Европе и первых впечатлениях от картин швейцарского живописца.

клин умер 16 января 1901 г., а 17 ноября того же года Бунин выступил с докладом о его творчестве на собрании Литературно-художественного кружка в Москве [16, с. 440]. Через два года участники ТЮРХ издали литературно-художественный сборник «Наши вечера» (вып. 1. Одесса, 1903), в котором произведения Бунина (рассказ «Перевал» и стихотворение «In memoriam» («Спокойный взор, подобный взору лани…»)) соседствовали с репродукцией картины Бёклина «Вилла у моря» (1864–1874), известной в нескольких вариантах и ставшей одним из источников стихотворения Бунина «Мраморная пристань» (<1900–1902>, см.: [7, т. 2, с. 474–475; комм.]). В этом же сборнике была опубликована статья Куровского «Арнольд Бёклин», начинавшаяся с наивысшей аттестации: «16-го января 1901 года в Фиезоле, возле Флоренции, скончался великий живописец и поэт XIX столетия Арнольд Беклин»[8]. Куровский писал о Бёклине как о художнике, рисующем «самую душу природы, с которой неразрывно связана наша душа»[9], что не могло не вызвать у Бунина параллелей с собственным творчеством. Можно полагать, что и картина А. Бёклина «Автопортрет со Смертью, играющей на скрипке» (1871–1874), напечатанная в том же выпуске «Наших вечеров», могла прочитываться Буниным как эмблема и его внутреннего стремления: так близко было Бунину сознание постоянного присутствия смерти в мире, повышенной ценности жизни перед ее лицом, упоение жизнью, которую художник призван спасти от забвения и тлена (на автопортрете Бёклин изображен с кистью и палитрой, прислушивающимся к той музыке, которую за его плечом играет на скрипке безносый скелет)[10].

Но все-таки Бёклин был, можно сказать, «отложенным» впечатлением, а непосредственным важнейшим переживанием первого заграничного путешествия Бунина стала природа, точнее — швейцарские Альпы. На многие годы Бунин сохранил воспоминание того дня (3 ноября 1900 г.), когда они с Куровским после долгого пути пришли в высокогорную деревушку Мюррен: «Там мертвая зимняя горная тишина. Пустой отель опять. Обед в столовой холодной, но славный Куровский играл из Бетховена, и я почувствовал на мгновенье все мертвое вечное величие снежных гор» [6, с. 338][11].

[8] Наши вечера: сб. Вып. 1. Одесса, 1903. С. 103.

[9] Там же. С. 104.

[10] Далее о роли Бёклина, известного фантастическими пейзажами и специфической красочностью, в художественном сознании Бунина см. в работах Е.В. Кузнецовой [15] и Д.В. Зайцева [10].

[11] Воспоминания о путешествии с Куровским лежат в основе этюда Бунина «На Женевском озере» (впервые опубликован в № 7 журнала «Мир Божий» за 1901 г.).

Самоубийство Куровского летом 1915 г. стало для Бунина потрясением. Когда 2 августа он прочитал в газетах это «дикое известие»[12], первое, о чем вспомнил, был вечер в Мюррене: «Неужели это тот мертв, кто играл в Мюррене? С кем я столько пережил? О, как дико!» [4, с. 55]. Вскоре после смерти Куровского Бунин напишет свои главные философские стихотворения «Что в том, что где-то на далеком…» (10 сентября 1915) и «В горах» (12 февраля 1916), в которых сформулировано понимание поэзии как эха и тоски по некогда бывшему и повторяющемуся мигу и как одномоментного переживания «радости и муки», «сладостной боли» от узнавания этого мига. Через год (авторская дата — 12 августа 1916) будет создано стихотворение «Памяти друга», «сложное по философской концепции и цельное по настроению»[13], в котором снова отразится память о «том вечере» и разговоры, в которых

…ты сказал: «Послушай, где, когда
Я прежде жил? Я странно болен — снами,
Тоской о том, что прежде был я Бог...
О, если б вновь обнять весь мир я мог!»

Ты верил, что откликнется мгновенно
В моей душе твой бред, твоя тоска <…>

Как остро мы любили мир с тобою
Любовью неразгаданной, слепою!

Те радости и муки без причин,
Та сладостная боль соприкасанья
Душой со всем живущим, что один
Ты разделял со мною, — нет названья,

Нет имени для них, — и до седин
Я донесу порывы воссозданья
Своей любви, своих плененных сил...
А ты их вольной смертью погасил. [7, т. 2, с. 163][14]

[12] 29 июля 1915 г., Куровский, страдая психическим расстройством, застрелился перед отправкой на фронт. В [20, с. 258] дата смерти: 30 июля 1915 г.

[13] *Колтоновская Е.* Гармония контрастов. Новейшие произведения И.А. Бунина // Русская мысль. 1917. № 2. Отд. II. С. 93–94.

[14] Ср. с письмом Куровского к Бунину от 2 января 1901 г., в котором Куровский сообщает о своем тяжелом душевном состоянии и пишет: «Не думай только, что забываю тебя. О, нет! Самое дорогое, что осталось во мне и что все-таки живет, несмотря на боль существования, — слилось с тобой, и когда меня посещает радость воспоминаний, я беседую с тобой и переживаю ее вместе с тобою» (ОГЛМТ. Ф. 14. № 3046/ 14 оф; цит. по: [16, с. 387]).

П.А. Нилус, с которым Бунин дружил дольше всех и который был наиболее близок ему по художественным вкусам, был не только живописцем, но также писателем и критиком. В 1883–1889 гг. он учился в Одесской рисовальной школе, в 1889 г. поступил в Академию художеств (класс И.Е. Репина), но не закончил ее и вернулся в Одессу. С 1891 по 1919 гг. участвовал в выставках передвижников. В 1893 г. вступил в ТЮРХ, в 1894 г. стал одним из авторов его устава, одно время был секретарем ТЮРХ, участвовал во всех его выставках. «Каждый год посетители одесских выставок картин привыкли любоваться нилусовскими восходящими и заходящими лунами, ночами и сумерками, дамами в кринолинах в садах одесских дач, влюбленными парочками, берегами моря и всем, что последовало за первым периодом развития художника, когда отдавалась дань передвижничеству», — говорилось в обзоре очередной периодической выставки[15].

Как беллетрист Нилус впервые выступил в 1906 г., и Бунин всячески поддерживал его на этом пути [18, с. 180], редактировал его сочинения и продвигал их в печать[16]. Бунину посвящены рассказы Нилуса «Утро» (1906) и «На берегу моря» (1908), причем главный герой второго рассказа имеет бунинские черты, так же как герои рассказов Бунина — капитан в «Снах Чанга» и художник в «Гале Ганской» — черты Нилуса. Влияние Бунина сказывалось и в тематике, и в стилистике произведений Нилуса, важнейшими чертами которых являются «<п>оэтизация радости бытия, раздумья об ускользающем счастье», а пейзаж — «не зеркально-декоративное отражение природы, а передача ее живых, меняющихся состояний» [1, с. 426]. Как критик Нилус сотрудничал в журналах и газетах, в том числе в «Одесских новостях», в 1912–1917 гг. вел свою рубрику в «Одесском листке». Он был одним из самых внимательных и пристрастных читателей Бунина, написал две статьи о его творчестве[17],

[15] *Скроцкий Н.* Выставка картин «независимых» // Одесский листок. 1916. 8 ноября; цит. по: [20, с. 177].

[16] О литературной деятельности Нилуса см.: [13]. Книги Нилуса, вышедшие при участии Бунина: «Рассказы» (М., 1910), «На берегу моря» (М., 1918), а также повесть «Госпожа Милованова» (опубликована: Новое слово. 1907. № 2). Многочисленные свидетельства о помощи Бунина в продвижении рассказов Нилуса в печать см. в хронике жизни Бунина, составленной С.Н. Морозовым: [16, с. 549, 569, 583, 588–589, 617, 621–623, 623–635, 637, 646–647, 681, 684, 689–690, 693–698, 723, 727, 733, 736–737, 739, 760, 767–768, 777–779, 787, 807, 810–820, 822, 824, 832, 837, 848–849, 851–853; 17, с. 8–10, 12, 36–37, 43, 53, 103–104, 119, 121–122, 127, 131, 133–135, 157–158, 174, 178, 211, 215, 221, 229, 232, 244–245, 247, 278, 383, 424, 516, 523, 544, 565, 569, 608–609, 641, 655, 665, 671, 811, 857, 863, 865–866, 879, 884, 886, 889, 907–908, 910, 914].

[17] *Нилус П.* 1) Новая повесть И.А. Бунина // Одесские новости. 1910. 13(26) марта, № 8064. С. 2 (о «Деревне»); 2) Впечатления // Одесский листок. 1912. 28 октября. № 251. Кроме того, 17 января 1913 г. на вечере, посвященном 25-летию литературной деятельности Бунина и проходившем в Одесском литературно-артистическом клубе, Нилус прочитал доклад «Ив. Бунин и его творчество». Отредактированный самим Буниным текст см.: [13,

в одной из них — «Ив. Бунин и его творчество» — высказал ряд ценных наблюдений над использованием живописных приемов в бунинских сочинениях. Кроме того, он не раз указывал в письмах к другу (и, надо полагать, личных разговорах с ним) и на его фактические ошибки, и на композиционные неточности[18]. Нилус одним из первых постулировал авторский принцип Бунина: «Бунин всю жизнь только изображает и не думает никого поучать» [13, с. 429]. Именно он подхватил высказанное А.М. Федоровым сравнение текста Бунина с «художественной мозаикой» и подметил одну из главных особенностей художественного мира Бунина, в котором нет «центра» (и «не должно его быть», — подтвердил его мысль Бунин)[19]. Насколько важен был для Бунина этот дружеский союз, говорит тот факт, что «Петру Александровичу Нилусу в знак верной дружбы» посвящено первое издание «Суходола» (1912). Нилусу в первых публикациях (до переиздания «Стихотворений 1903–1906 гг.» в 1912 г.) было посвящено и эмблематическое бунинское стихотворение «Одиночество» («И ветер, и дождик, и мгла…», <1903–1905>)[20], а прежде еще и стихотворение «Нет солнца, но све́тлы пруды…» (1901), имевшее при этом посвящении во втором томе собрания сочинений (СПб.: Знание, 1903) и его переиздании (1909) название «Счастье». В последнем стихотворении импрессионистически поданный пейзаж раннего лета завершается «формулой счастья», которую Бунин, очевидно, хотел разделить со своим другом:

...Весело жить
И весело думать о небе,
О солнце, о зреющем хлебе
И счастьем простым дорожить:

С открытой бродить головой,
Глядеть, как рассыпали дети
В беседке песок золотой...
Иного нет счастья на свете. [7, т. 1, с. 213]

с. 429–435]; в отчетной заметке о вечере (Одесские новости. 1913. 18 января. № 8925) название иное: «Об отношении Бунина к Одессе и эволюция его творчества» [17, с. 404].

[18] См. критику бунинских произведений в письмах Нилуса: [6, с. 495; 16, с. 594, 598, 722–723, 738, 757–759, 771–772; 17, с. 424, 648, 650, 654].

[19] Об этом Нилус писал Бунину 16 февраля 1908 г. после прочтения очерка «Тень Птицы», см.: [6, с. 479; комм.] и ответ ему Бунина: [6, с. 70].

[20] Нилус посвятил Бунину картину с тем же названием, но схожую, скорее, с другим, одноименным стихотворением Бунина — «Одиночество» («Худая компаньонка, иностранка…», 1915).

В течение нескольких лет Нилус жил в доме Буковецкого, собрал коллекцию русских икон [20, с. 176–177], которая, несомненно, должна была быть известна и Бунину[21]. В 1918 г. Нилус написал портрет Бунина, только что приехавшего тогда из большевистской Москвы в Одессу [1, с. 425; 17, с. 1112]. Одно время они жили вместе: летом 1918 г. — на даче Шишкиной под Одессой, с октября 1918 г. — в квартире Буковецкого на Княжеской улице [17, с. 942, 959]. В январе 1920 г. Нилус почти одновременно с Буниным (чуть раньше) уехал из уже почти захваченной большевиками Одессы. На протяжении всей жизни много работал, выставлялся, устраивал персональные выставки и в Одессе, и в первые годы эмиграции в Восточной Европе, и затем во Франции. С 1924 г. жил в Париже, в одном доме с Буниными на ул. Жака Оффенбаха, 1. После отъезда из России Бунин помогал Нилусу и с оформлением французской визы, и с квартирой, и деньгами — как через Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции, так и лично от себя [9, т. 2, с. 67]. В поздние годы, если судить по архивным материалам, их общение было уже не столь близким, и когда в мае 1943 г. Нилус умер, в дневнике Бунина, превозмогавшего тяжелейший период собственной жизни, осталось лишь одно слово: «Бесчувственность» [4, с. 384; запись от 26 мая 1943 г.]. Только через три года он напечатал короткую заметку «Памяти П.А. Нилуса», в которой, в частности, описывал художественную манеру и наследие своего «многолетнего друга»: «…начав в молодости с реалистического жанра, П.А. <Нилус> все более и более тяготел впоследствии к романтике пейзажа и персонажей начала и средины прошлого века: в Париже он работал особенно много, достиг полного расцвета и разнообразия своего дарования. / Наследие оставил он большое: <…> картины его находятся <…> в Одессе, в московской Третьяковской галерее, в бывшем музее Александра III и в музее Академии художеств, в Париже, Страсбурге, Гренобле, Лондоне, Нью-Йорке, Загребе, Белграде, Софии…»[22].

В произведениях Бунина дружба с участниками Товарищества южнорусских художников отозвалась вниманием к деталям, красочностью южной палитры, нюансами цвета и интенсивностью света морских и прибрежных пейзажей. Все они уже присутствовали

[21] «В ателье П.А. Нилуса также собраны интересные произведения, представляющие любопытную коллекцию иконной живописи. Здесь есть иконы новгородского, московского и строгановского письма. Иконы — старинные миниатюры в интересных по рисунку серебряных оправах. Есть весьма ценные византийские иконы, вычеканенные из серебра» (*Золотов С.* Художественная жизнь // Одесский листок. 1916. 17 окт.; цит. по: [20, с. 177]).

[22] *Бунин И.А.* Памяти П.А. Нилуса // Русские новости. 1946. № 54. 24 мая; цит. по: [5, с. 240–241].

в его сочинениях прежде и определяли особый, узнаваемый стиль Бунина, но творческое взаимопонимание с одесскими художниками укрепило и расширило их использование Буниным и, можно думать, способствовало его уверенности в собственных творческих силах. Другим несомненным «приращением» этого общения в его личном и художественном мире стало утвердившееся ощущение бескрайнего мира и единого дыхания человека и природного космоса, восприятие созвучия чувств разных людей как отражения общего ритма жизни и главного события внутренней биографии художника.

***

1900-й год — поворотный в самоопределении и становлении литературной репутации Бунина, которые были связаны в том числе и с его выбором тех или иных явлений в художественном мире. Летом этого года будут написаны «осенняя поэма» «Листопад» и рассказ «Антоновские яблоки», которые сделают Бунина в глазах читателей певцом русской природы. Но еще за три месяца до того, весной события развивались так, что вместо славы главного русского поэта-пейзажиста Бунину могла достаться слава певца русских былин.

В начале марта 1900 г. Бунин в Москве знакомится с В.М. Васнецовым (1848–1926). 11 марта 1900 г. В.Я. Брюсов, с которым в то время неоднократно встречался Бунин, оставляет в дневнике запись, из которой следует, что Бунин вместе В.М. Михеевым[23] были у Васнецова и теперь «восторгались оба безумно его новой картиной “Баян”»[24]. Вероятно, у этого посещения была своя предыстория.

Годом раньше, в феврале 1899 г. в Академии художеств открылась первая персональная выставка Васнецова, смысловым центром которой стали картины «Богатыри» (она писалась более 20 лет и была закончена в апреле 1897 г.), «Витязь на распутье» (1877–1882)[25], «Битва русских по скифами» (1881) и др. Бунин на этой выставке не был: всю первую половину 1899 г. он провел вдали от Петербурга[26].

[23] Прозаик, поэт, критик и редактор Василий Михайлович Михеев (1859–1908) с 1895 г. входил в московский круг литературных знакомств Бунина — и по журнальному миру, и, возможно, по общим собраниям литературно-художественного кружка «Среда».

[24] *Брюсов В.Я.* Дневники, 1891–1910 / подгот. к печати И.М. Брюсова. М.: М. и С. Сабашниковы, 1927. С. 83. Вероятно, речь шла об эскизе к картине — «Баян» был написан Васнецовым позже, в 1910 г. Не исключено также, что Бунин видел в мастерской Васнецова один из вариантов его картины «Витязь на распутье» или эскизы к ней.

[25] В 1919–1920 гг. Васнецов создал еще несколько реплик — повторов этой картины.

[26] Точно так же Бунин пропустил в Петербурге «Международную художественную выставку картин журнала “Мир искусства”» (проходила с 22 января по 6 марта 1899 г. в Музее училища технического рисования барона Штиглица), которую организовал С.П. Дягилев и где среди прочих представлены картины и Бёклина, и Левитана.

Но вскоре на страницах журнала «Мир искусства» (1899. Т. 1, № 1–2) были напечатаны иллюстрации Васнецова: эскизы к иконам, орнаменты заставок, проекты церквей, декорации к опере «Хованщина» и несколько картин, среди них — «Богатыри» и «Витязь у трех дорог» (вариант картины «Витязь на распутье»). Возможно, Бунин держал в руках этот журнал, и иллюстрации Васнецова произвели на него серьезное впечатление [19, с. 112][27], чем и было продиктовано желание посетить художника в его мастерской[28]. Во всяком случае, написанные вскоре после визита к Васнецову стихотворения «На распутье» и «Вирь» [29] очевидно были навеяны древнерусскими стилизациями Васнецова. «На распутье» — не только своего рода «обратное переложение» былины из визуального образа в поэтический, но и стихотворение, содержащее формулу художественного и личного мировидения Бунина: «Жизнь зовет, а смерть в глаза глядит...» [7, т. 1, с. 194][30]. В двух первых книжных публикациях — в сборнике «Листопад» (1901) и во втором томе собрания сочинений (1903) — оно прямо посвящено Васнецову, и сам сборник, по первоначальной мысли автора, должен был называться «Витязь» [6, с. 329; письмо Бунина Брюсову от 4 октября 1900].

После встречи с Васнецовым Бунин мог выбрать главной темой своей поэзии народный эпос и национальную мифологию, но летом того же 1900 г. вектор его творчества изменился. В июне–июле 1900 г., в имении брата Евгения Огнёвка (Тульской губернии) Бунин пишет рассказ «Антоновские яблоки» и самое большое и известное свое поэтическое сочинение — «Листопад». А 22 июля умирает

[27] Кстати, в том же номере «Мира искусства»» были напечатаны иллюстрации Левитана — его картин «Март», «Последний снег», «Тихая обитель», «Сентябрьский снег», «На Волге», а также «Последние листья», «Над вечным покоем», но в черно-белом исполнении они, видимо, не были должным образом замечены Буниным. И еще один материал того же номера журнала корреспондирует с художественными интересами Бунина того времени: заметка Д. Философова памяти Пювиса де Шаванна (1824–1898) (Мир искусства. 1899. Т. 1. № 1–2. С. 1) — этот французский художник, предшественник символизма упоминается в раннем варианте рассказа «Надежда» (1902), подробнее см. в статье Д.В. Зайцева: [10].

[28] Еще одна «очная встреча» Бунина с творчеством Васнецова состоится в мае 1907 г. Тогда на обратном пути из Палестины Бунин остановился в Киеве и во Владимирском соборе «долго стоял перед Страшным судом Васнецова» [18, с. 371].

[29] Стихотворение «На распутье» напечатано в октябре 1900 г. в журнале «Книжки “Недели”», «Вирь» — в сентябрьском номере журнала «Жизнь». Соответственно, написаны они были не позднее лета 1900 г. Кроме этих, очевидно «васнецовских», стихотворений, Бунин позже, в 1915 г., напишет стихотворение «Аленушка», одноименное картине Васнецова (1881).

[30] По этой строке может сложиться впечатление, что Бунин ориентировался на один из первых вариантов картины Васнецова (1877), на котором витязь стоит к зрителю вполоборота, читает надпись на камне, и на его лице отражается мука выбора. Но по крайней мере в названном номере «Мира искусства» напечатан более классический вариант, на котором лица витязя не видно.

И.И. Левитан. Его смерть вызывает большой отклик в культурных кругах. 2 августа 1900 г. Бунину пишет о ней Н.Д. Телешов [16, с. 360]. К этому времени «Листопад», скорее всего, уже закончен: в первых числах августа он был послан автором в журнал «Русская мысль» [16, с. 360]. Но поэтическая книга, куда должен был войти «Листопад», еще только обдумывалась[31], и вполне возможно, что синхронность наиболее «левитановского» текста Бунина и смерти художника определила дальнейшие решения поэта.

Надо сказать, что ни Левитан, ни Бунин — при очевидном сходстве художественных образов, переложенных ими на языки разных видов искусств, — стремления к личному сближению не проявляли. Для Левитана Бунин был, скорее всего, начинающим литератором (на 10 лет младше его самого) и одним из молодых знакомых А.П. Чехова, для Бунина Левитан — частью чеховского мира[32] и выразителем общих мест русского пейзажа, рассыпанных по страницам сочинений А.А. Фета, Я.П. Полонского и многих «толстых» журналов второй половины XIX в. В 1895–1900 гг., когда жизнь Бунина делилась, главным образом, между Москвой и Петербургом на севере и Одессой и Ялтой на юге, у него, казалось бы, было множество возможностей свести с Левитаном личное знакомство, но оно, по всей видимости, так и не состоялось. Левитан, как и Бунин, временами гостил у Чехова в Ялте (но Бунина в то время там не было)[33], весной 1896 г. выставлялся в Одессе, Петербурге и Москве (но Бунин в ту пору жил в Огнёвке), летом того же года — в Нижнем Новгороде (но тогда Бунин делил свое время между Одессой и Крымом). И даже посмертной выставки Левитана, устроенной С.П. Дягилевым в Петербурге в Императорской Академии художеств (10 января — 4 февраля 1901) Бунин не видел, потому что проводил зиму как раз в Ялте, в ожидании Чехова, который должен был вернуться из поездки во Францию и Италию и по своем возвращении (15 февраля 1901) упросил Бунина задержаться у него еще на неделю. От Чехова Бунин поехал в Одессу, к Пасхе (1 апреля)

[31] Бунин отдал рукопись книги Брюсову в самом конце августа 1900 г. [16, с. 362].

[32] См. в мемуарном очерке Бунина «Чехов» (1915): «Белая каменная дача в Аутке, под южным солнцем и синим небом, ее маленький садик, который с такой заботливостью разводил Чехов, всегда любивший цветы, деревья и животных, его кабинет, украшением которого служили только две-три картины Левитана да огромное полукруглое окно, открывавшее вид на утонувшую в садах долину реки Учан-Су и синий треугольник моря, те часы, дни, иногда даже месяцы, которые я проводил на этой даче, и то сознание близости к человеку, который пленял меня не только своим умом и талантом, но даже своим суровым голосом и своей детской улыбкой, — останутся навсегда одним из самых лучших воспоминаний моей жизни» [5, с. 317].

[33] Указания на совместное пребывание Левитана и Бунина в Ялте у Чехова в январе 1900 г. (см.: *Федоров-Давыдов А.А.* Исаак Ильич Левитан. М.: Искусство, 1966. Т. 1. С. 26–27) ошибочны: Бунин в это время был в Москве.

вернулся в Ялту — и таким образом пропустил и вторую посмертную выставку работ Левитана, которая шла в залах Московского общества любителей художеств во время Великого поста[34].

Таким образом, биографически, в пространстве жизни, у Бунина был шанс встретиться с Левитаном, быть с ним в общении и после смерти Левитана летом 1900 г. сознательно подхватить его тему, самому прочертить преемственность, показать зеркальность художественных позиций, представить «патроном» и союзником в литературных баталиях — так, как в конце концов он сделал в своих отношениях с Чеховым. Однако вместо этой растянутой на годы тактики Бунин сделал единственный, но принципиальный шаг: через два месяца после смерти Левитана Бунин — во время финального этапа подготовки своего последнего сборника к печати — убрал «васнецовское» название «Витязь» и написал Брюсову: «Называйте уж видно книгу “Листопад”» [6, с. 329; письмо от 4 октября 1900].

Как показывает этот выбор, Бунин понимал, что типология, внутренний резонанс сильнее самых ярких, но все-таки «внешних» влияний (того же Васнецова), что влияния преходящи, а непредумышленная общность с Левитаном способна обогатить и укрепить его собственную репутацию, и, наконец, что национальная мифология ограничена, а природный космос универсален и превосходит все иные поэтические «коды». Переназвав «под Левитана» сборник последних стихов, ставший его «визитной карточкой», Бунин серьезнейшим образом изменил свой литературный портрет: перед читателем предстал не певец русской старины, а выразитель мира русской природы. При этом перемена названия не была скрытым посвящением Левитану — это было встраивание себя в «левитановскую» линию в искусстве, и оно оказалось на редкость удачным. Тем самым путь к прямому сопоставлению поэзии Бунина с картинами только что ушедшего художника, ранняя смерть которого умножила его славу, был и открыт, и прочерчен.

Гостя в доме Чехова в начале 1901 г., через полгода после смерти Левитана, Бунин слушает рассказы о нем М.П. Чеховой[35]. Как раз в это время он получает известие о выходе в свет своего сборника «Листопад» и, заранее иронизируя над будущими откликами на нее, просит Н.Д. Телешова: «Напиши рецензию о моей чудовищной

[34] Третья посмертная выставка Левитана состоялась в 1903 г. в Одессе и в Киеве, но и на ней Бунин, насколько нам известно, не был. О выставках Левитана см.: [12, с. 219–223].

[35] *Бунин И.А.* О Чехове. Незаконченная рукопись / предисл. М. Алданова. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. С. 66.

изобразительности, поэтичности, изящности» [6, с. 357; рецензии Телешова не последовало]. Изобразительность, поэтичность, изящность — три отличительные черты не только «Листопада» и всей пейзажной лирики Бунина, но и Левитана как главного выразителя русского ландшафта в живописи. И именно в откликах на «Листопад» сравнения Бунина с Левитаном пошли сплошной чередой: с Левитаном сравнивал Бунина М. Горький[36], таким же художником в поэзии, «каким был покойный Левитан в живописи», называет Бунина С. Глаголь[37], «маленьк<им> Левитан<ом>» — А. Волынский («маленьк<им>, потому что у настоящего Левитана все гораздо шире, вдохновеннее, глубже в смысле художественных ощущений и все окутано расплывающимся русским напевом»[38]). В самом деле, и название сборника, и сам строй бунинской лирики были ясными напоминаниями образов самых известных картин Левитана: «Золотая осень. Слободка» (1889), «Тихая обитель» (1890), «Осень. Усадьба» (1894), «Золотая осень» (1895), «Осень. Туман» (не позднее 1898).

Стихотворения «Листопада» перешли в третий том собрания сочинений Бунина, которое он выпускал в издательстве «Знание» начиная с 1902 г. В рецензии на этот том М.А. Волошин отметил стихи, «очень близкие тому тонкому и золотистому, чисто левитановскому письму, которым нам давно знаком автор “Листопада”»[39]. «Листопад» и третий том собрания сочинений, в свою очередь, сыграли значительную роль в том, что осенью 1909 г. Бунин был избран почетным академиком по Разряду изящной словесности Императорской Академии наук. «Конечно, как *поэта* (выделено в тексте. — *Т.Д.*) венчает И.А. Бунина академия», — писал в те дни влиятельнейший А.А. Измайлов[40] и составлял литературную генеалогию нового избранника из «Тютчева и Фета, Тургенева и Чехова»[41]. Но далее следовало единственное внелитературное

[36] «Когда я буду писать отзыв о Вашей книге стихов, я, между прочим, буду сравнивать Вас с Левитаном, которого тоже горячо люблю, которым наслаждаюсь всегда», — писал Горький Бунину в январе 1901 г., едва прочитав его новый сборник (*Горький А.М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1997. Т. 2: Письма 1900–1901. С. 93–94).

[37] *Глаголь С.* [*Голоушев С.С.*] Поэт русского пейзажа // Курьер. 1901. № 315. 14 ноября. С. 3. Сравнение Бунина с Левитаном С. Глаголь повторил и в своей речи на праздновании 25-летия литературной деятельности Бунина в 1912 г., см. в газетном отчете: [Б. п.] Чествование И.А. Бунина // Голос Москвы. 1912. № 248. 27 октября. С. 4.

[38] *Волынский А.Л.* Книга великого гнева: Критические статьи, заметки, полемика. М.: тип. «Труд», 1904. С. 444.

[39] *Волошин М.А.* [Рец. на кн.: Бунин И.А. Стихотворения, 1903–1906 гг. СПб., 1906. (Сочинения; Т. 3)] // Русь. 1907. № 5. 5 января. С. 3.

[40] *Измайлов А.А.* И.А. Бунин и Н.Н. Златовратский // Русское слово. 1909. № 252. 3 ноября. С. 2.

[41] См.: *А.И. [Измайлов А.А.]* Новые почетные академики // Биржевые ведомости. 1909. № 11396. 3 ноября. С. 4–5.

подключение к этому ряду: «Изящный рассказчик в прозе, Бунин в стихах — задумчивый, искренний лирик, чутко воспринимающий родную природу, со всеми ее красками и запахами, певец грустно-примирительных настроений в *чеховском* (здесь и далее выделено мной. — *Т.Д.*) жанре. В сфере изображения русского пейзажа, грустного, скромного, нежного, *как у Левитана*, Бунин, действительно, едва ли знает соперников»[42]. Сравнение легко разошлось по другим изданиям и распространилось на творчество Бунина в целом: в анонимной заметке в газете «Современное слово» «на сереньком и жалком фоне грустного левитановского пейзажа» рассматривались уже не стихи, а рассказы Бунина[43]. Таковое деление в целом и осталось в сознании читателей: бунинские стихи — золотистые картины Левитана, бунинская проза — левитановская осенняя хмарь[44].

В октябре 1912 г. широко отмечалось 25-летие литературной деятельности Бунина. Критика по-прежнему выписывала ему литературные родословные, различные по составу, но неизменно включавшие в себя Тургенева и Чехова. Внелитературной параллелью к Чехову все так же выступал Левитан. «Один наблюдательный критик сравнил Бунина с Чеховым и Левитаном, — писал в юбилейные дни 1912 г. другой критик, подписавшийся инициалами «Н.Л.». — Это было удивительно метко и верно. С ними обоими роднит Бунина чувство пейзажа, именно русского пейзажа, тихого, скромного, задумчивого»[45]. Прошло время, прежде чем общим местом стало высказанная Буниным в «левитановском» 1901 г. мысль о том, что не пейзаж, а «любовь и радость бытия» — основа и стремление его творчества (см. стихотворение «Оттепель»). В том, что это не индивидуальная бунинская черта, а естественное побуждение художника (будь он поэт или живописец), публика убеждалась постепенно. Наконец, в 1916 г. Н.Я. Абрамович (под псевдонимом Н. Кадмин) написал: «Бунина зачислили в разряд “пейзажистов”. <…> Как будто можно выделить ощущения, идущие на нас от природы, из общего потока душевной жизни! Как будто полотна Левитана не отражают все той же цельности творческого я»[46].

---

[42] Там же.

[43] См.: *[Б. п.]* Новые почетные академики // Современное слово. 1909. № 671. 6 ноября. С. 3–4.

[44] Подробнее о творческих параллелях между Буниным и Левитаном см. в статье Д.В. Зайцева: [11].

[45] См.: *Н.Л.* Юбилей И.А. Бунина // Нива. 1912. № 44. 3 ноября. С. 880–881.

[46] *Кадмин Н. [Абрамович Н.Я.]* Чувство жизни: (И. Бунин и молодые) // Утро России. 1916. № 267. 24 сентября. С. 5.

***

С годами в «живописной» родословной Бунина добавилось несколько имен. «Тонко и проникновенно рисует он пейзаж родного края — просто и тепло, как Левитан, <…> захватывая, как Нестеров, молитвенной сосредоточенностью, <…> как Васнецов, заставляя проникнуться вещим духом сказки», — писал в юбилейные бунинские дни 1912 г. Л. Клод[47]. «После кончины Серова и Чехова Бунин — один из благороднейших современных писателей. <…> Если бы Серов был поэтом, он непременно писал бы, как Бунин», — заметил спустя два года К. Чуковский[48].

С В.А. Серовым (1865–1911) Бунин мог встретиться, по крайней мере, однажды: 10 июля 1905 г. на даче у Горького в Куоккале, где проходило весьма многолюдное организационное собрание участников будущего сатирического журнала «Жупел»[49]. Но последствий то мимолетное знакомство не имело, и в своих автобиографических заметках 1948 г. Бунин упоминает только о встречах с М.В. Нестеровым (1862–1942) и И.Е. Репиным (1844–1930), при этом о каждом из них в бунинских записях остается по анекдоту. «Нестеров хотел написать меня за мою худобу святым, в том роде, как он их писал; я был польщен, но уклонился, — увидать себя в образе святого не всякий согласится» [5, с. 447]. Там же — рассказ о замысле Репина написать портрет Бунина, неудавшемся оттого, что художник испугал писателя своим аскетическим образом жизни в Куоккале; позже, работая над книгой «Воспоминания» (1950), Бунин превратит этот эпизод в мемуарный очерк «Репин»[50]. Эта последняя встреча Бунина с Репиным состоялась 18 января 1915 г., о трех предыдущих (а знакомы они были с декабря 1908 г.[51] и встречались на общих

[47] *Клод Л.* Певцу Листопада: (К двадцатипятилетию литературной деятельности Ивана Бунина) // Саратовский вестник. 1912. № 237. 28 октября. С. 4.

[48] *Чуковский К.И.* Смерть, красота и любовь в творчестве И.А. Бунина // Нива. 1914. № 49. Декабрь. С. 947–950; № 50. Декабрь. С. 967–969. Цит. по: [17, с. 602].

[49] На нем присутствовали финские художники А. Галлен-Каллела, Э. Эрнефельд, Э. Сааринен, русские художники В.А. Серов, И.Я. Билибин, И.Э. Грабарь, К.А. Сомов, А.Н. Бенуа, П.Г. Щербов, писатели С.Я. Елпатьевский, Скиталец, Л.Н. Андреев, Е.Н. Чириков. Идея журнала принадлежала З.И. Гржебину, который во время своего обучения в Мюнхене познакомился с немецкими художниками-карикатуристами Теодором Гейне, Бруно Паулем, Р. Вильке, О. Гульбранссоном, Эд. Тёни и др., авторами немецкого сатирического журнала «Симплициссимус». Вышло всего три номера журнала (последний в 1906), и все они были конфискованы полицией. См.: [9, т. 1, с. 159].

[50] *Бунин И.А.* Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. С. 61–62. В этом очерке Бунин добавляет к своим знакомствам из круга художников «братьев Васнецовых», имея в виду В.М. Васнецова и, вероятнее всего, его младшего брата Аполлинария Михайловича Васнецова (1856–1933).

[51] Интересно, что Бунина с Репиным познакомил Нилус. Это произошло 11 декабря 1908 г. в Москве на вечере, посвященном памяти П.М. Третьякова [17, с. 1092].

литературно-художественных собраниях) Бунин в своих заметках умолчал[52].

Тем не менее Нестеров — наряду с Левитаном — остался в сознании Бунина как представитель нового этапа русской живописи конца XIX в. В поздних воспоминаниях, перечисляя те сдвиги в художественной жизни, которые он застал в свои первые приезды в столицы в 1895 г., Бунин обозначает их в том числе именами Репина и Сурикова, сменившимися Левитаном и Нестеровым[53]. В рассказе «Чистый понедельник» (1944), описывая Марфо-Мариинскую обитель, Бунин не мог не иметь в виду выполненную Нестеровым роспись главного храма обители — Покровского собора, да и описание крестного хода в финале рассказа содержит явную отсылку к картине Нестерова «Великий постриг» (1898) и в таком виде включено в общую модернистскую семантику рассказа[54]. Но это был уже взгляд из поздних лет, обращенный в давнее прошлое.

Если же вернуться к первой половине литературной биографии Бунина, то главными пересечениями его с миром живописи останутся продлившееся с конца 1890-х гг. и почти всю жизнь дружество и творческое взаимопонимание с одесскими художниками и значимый выбор пути Левитана в собственной поэзии 1900-х гг. Яркость, интенсивность, безбрежность южной природы и приглушенность, сосредоточенность на деталях среднерусского ландшафта стали главными топосами и в пейзажной лирике Бунина и во многих его рассказах 1890-х – 1910-х гг.

Литература

1. *Бажинов И.Д.* Бунин и Нилус // Иван Бунин: [сб. мат.]: в 2 кн. М.: Наука, 1973. Кн. 2. С. 424–428. (Серия «Литературное наследство», Т. 84)

2. *Байцак М.С.* И.А. Бунин и Товарищество южнорусских художников (К вопросу о взаимодействии литературы и живописи в культуре Серебряного века) // Омский вестник. 2006. № 7 (43). С. 217–219.

[52] См. комментарий С.Н. Морозова и А.В. Бакунцева в: [5, с. 896–897].

[53] *Бунин И.А.* Записи // Новый журнал. Нью-Йорк, 1965. Кн. 80. С. 127. Отметим художественную чуткость Бунина, согласного в своем ощущении смены эпох с С.П. Дягилевым, который в статье «К выставке В.М. Васнецова 1899 г.» писал: «Как со временем будут выделять и сопоставлять типичные для настоящего времени имена Левитана, Нестерова и Серова, так и теперь в нашем представлении тесно объединились крупные имена Сурикова, Репина и Васнецова. Это та группа, которая определила течение всей современной русской живописи» (Мир искусства. 1899. Т. 1. № 7–8. С. 66). В этом отношении перемена Буниным Васнецова на Левитана может быть прочитана как самоопределение в новой художественной эпохе.

[54] О перекличках между историей создания Нестеровым картины «Великий постриг» и сюжетом «Чистого понедельника» см. в комментированном издании рассказа Бунина: [8, с. 198–202].

3. *Бонами Т.М.* И.А. Бунин и изобразительное искусство. М.: Русский импульс, 2014. 101 л.: ил.

4. *Бунин И.А.* Дневники. 1885–1953 гг. / предисл., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинятиной, О.А. Коростелева, С.Н. Морозова // И.А. Бунин. Новые материалы и исследования: [сб. мат.]: в 4 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2022. Кн. 2 / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. С. 5–441. (Серия «Литературное наследство», Т. 110)

5. *Бунин И.А.* Критика и публицистика 1911–1953 годов / отв. ред. А.В. Бакунцев; сост. А.В. Бакунцев, С.Н. Морозов, О.А. Коростелев; предисл., подгот. текста и коммент. А.В. Бакунцева, С.Н. Морозова. М.: ИМЛИ РАН, 2025. 1144 с.: ил.

6. *Бунин И.А.* Письма 1885–1904 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 768 с.: ил.

7. *Бунин И.А.* Стихотворения: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинятиной. СПб.: Изд-во Пушкинского дома, Изд-во «Вита Нова», 2014. Т. 1. 544 с.; Т. 2. 544 с. (Серия «Новая Библиотека поэта. Большая серия»)

8. *Бунин И.А.* Чистый понедельник. Опыт пристального чтения; Пояснения для читателя / М.А. Дзюбенко, О.А. Лекманов[55]. М.: Б. С. Г.-Пресс, 2016. 208 с.: ил.

9. *Двинятина Т.М.* Иван Бунин: Биографический пунктир: в 2 т. СПб.: Вита Нова, 2020. Т. 1. 352 с.: 99 ил.; Т. 2. 496 с.; 114 ил. (Серия «Жизнеописания»)

10. *Зайцев Д.В.* Живопись А. Бёклина в художественном сознании И.А. Бунина // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2026. № 4. (В печати)

11. *Зайцев Д.В.* И.А. Бунин и И.И. Левитан: К истории творческих отношений // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2026. (В печати)

12. *Захаренкова Л.И.* История персональных выставок И.И. Левитана и подготовка в Третьяковской галерее выставки, приуроченной к 150-летию со дня рождения художника // Третьяковские чтения. 2009. Мат. отч. Научн. конф. / науч. ред. Л.И. Иовлева. М.: Экспресс 24, 2010. С. 219–225.

13. Иван Бунин: [сб. мат.]: в 2 кн. М.: Наука, 1973. Кн. 2. 551 с.: ил. (Серия «Литературное наследство»; Т. 84)

14. *Кеда А.А.* Нилус Петр Александрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. Т. 4. М–П / гл. ред. П.А. Николаев. С. 333–335. (Серия «Русские писатели 11–20 вв.»)

15. *Кузнецова Е.В.* Мотивы живописи Арнольда Бёклина в творчестве Ивана Бунина и Андрея Белого // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2023. № 1. С. 180–194.

16. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1 (1870–1909). 944 с.: ил.

17. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2 (1910–1919). 1184 с.: ил.

[55] Лекманов Олег Андершанович, 11.01.1967 г.р., на основании статьи 7 Федерального закона от 14.07.2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» 25 октября 2024 г. включен в Реестр иностранных агентов в России.

18. *Муромцева-Бунина В.Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью / вступ. ст. и примеч. А.К. Бабореко. М.: Вагриус, 2007. 512 с.: ил.

19. *Нинов А.А.* М. Горький и Ив. Бунин: История отношений. Проблемы творчества. Л.: Сов. писатель, 1984. 559 с.; 17 ил.

20. Товарищество южнорусских художников: Биобиблиографический справочник: в 2 ч. / сост. В.А. Афанасьев, О.М. Барковская. 3-е изд., испр. и доп. Одесса: [б. и.], 2019. 358 с.

Research Article

Ivan Bunin and the Artistic World of the 1890s–1910s

© 2026. Tatiana M. Dvinyatina
A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: This article is the first in a series about "Ivan Bunin and the artistic world of his time" and examines his meetings (and noteworthy non-meetings) with artists in pre-revolutionary Russia, as well as how critics drew parallels between Bunin and his contemporaries in the early 20th century. The two most important aspects of Bunin's creative biography in this respect are, firstly, his friendship and close collaboration with members of the Society of South Russian Artists (Pavel Nilus, Vladimir Kurovskii, Evgenii Bukovetskii), which began in 1898 and continued for many years, and, secondly, his interest in Viktor Vasnetsov's Old Russian stylizations, which was replaced in 1900 by an awareness of the affinity between his work and Isaak Levitan's landscape paintings. The article traces the biographical and creative interactions of each of these artists with Bunin and cites critical responses that noticed parallels between Bunin's works and the paintings of his contemporaries. Observations about Bunin's creative contacts and preferences provide additional evidence for defining his authorial strategy in building his literary reputation and self-definition within the cultural context of the late 19th and early 20th centuries.

Keywords: Ivan Bunin, poetry, painting, early 20th-century literature, Society of South Russian Artists, Pavel Nilus, Evgenii Bukovetskii, Vladimir Kurovskii, Arnold Böcklin, Viktor Vasnetsov, Isaak Levitan, Ilya Repin, Valentin Serov.

Information about the author: Tatiana M. Dvinyatina, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9772-6910

E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com

For citation: Dvinyatina, T.M. "Ivan Bunin and the Artistic World of the 1890s–1910s." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (40), 2026, pp. 212–234. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-212-234

References

1. Bazhinov, I.D. “Bunin i Nilus” [“Bunin and Nilus”]. *Ivan Bunin: [sbornik materialov]: v 2 kn.* [*Ivan Bunin: [Collection of Materials]: in 2 Books*], book 2. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 424–428. (Series “Literaturnoe nasledstvo” [“Literary Heritage”], vol. 84) (In Russ.)

2. Baitsak, M.S. “Bunin i Tovarishchestvo iuzhnorusskikh khudozhnikov (K voprosu o vzaimodeistvii literatury i zhivopisi v kul’ture Serebrianogo veka)” [“Bunin and the Society of South Russian Artists (On the Interaction of Literature and Painting in the Culture of the Silver Age)”]. *Omskii vestnik*, no. 7 (43), 2006, pp. 217–219. (In Russ.)

3. Bonami, T.M. *I.A. Bunin i izobrazitel’noe iskusstvo* [*I.A. Bunin and the Visual Arts*]. Moscow, Russkii impul’s Publ., 2014. 101 p., il. (In Russ.)

4. Bunin, I.A. “Dnevniki. 1885–1953 gg.” [“Diaries. 1885–1953”], introd., text ed. and notes by T.M. Dvinyatina, O.A. Korostelev, S.N. Morozov. *I.A. Bunin. Novye materialy i issledovaniia: [sbornik materialov]: v 4 kn.* [*I.A. Bunin. New Materials and Research: [Collection of Materials]: in 4 books*], book 2, ed.-comp. O.A. Korostelev, S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 5–441. (Series “Literaturnoe nasledstvo” [“Literary Heritage”], vol. 110) (In Russ.)

5. Bunin, I.A. *Kritika i publitsistika 1911–1953 godov* [*Criticism and Journalism 1911–1953*], ed. A.V. Bakuntsev; comp. by A.V. Bakuntsev, S.N. Morozov, O.A. Korostelev; introd., text ed. and notes by A.V. Bakuntsev, S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, 1144 p., il. (In Russ.)

6. Bunin, I.A. *Pis’ma 1885–1904 godov* [*Letters 1885–1904*], ex. ed. O.N. Mikhailov; text ed. and notes by S.N. Morozov, L.G. Golubeva, I.A. Kostomarova. Moscow, IWL RAS Publ., 2003. 768 p., il. (In Russ.)

7. Bunin, I.A. *Stikhotvoreniia: v 2 t.* [*Poetry: in 2 vols.*], introd., text ed. and notes by T.M. Dvinyatina. St. Petersburg, Pushkin House, Vita Nova Publ., 2014, vol. 1, 544 p.; vol. 2, 544 p. (Series “Novaia Biblioteka poeta. Bol’shaia seriia” [“Poets’ New Library. Large Series”]) (In Russ.)

8. Bunin, I.A. *Chistyi ponedel’nik: Opyt pristal’nogo chteniia; Poiasneniia dlia chitatelia* [*Ash Wednesday: A Close Reading; Explanations for Readers*], M.A. Dziubenko, O.A. Lekmanov[56]. Moscow, B.S.G.-Press Publ., 2016. 208 p., il. (In Russ.)

9. Dvinyatina, T.M. *Ivan Bunin: Biograficheskii punktir: v 2 t.* [*Ivan Bunin: Biographical Dotted Line: in 2 vols.*]. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2020, vol. 1 352 p., 99 il; vol. 2, 496 p., 114 il. (Series “Zhizneopisaniia” [“Life Stories”]) (In Russ.)

10. Zaitsev, D.V. “Zhivopis’ A. Beklina v khudozhestvennom soznanii I.A. Bunina” [“Arnold Böklin’s Paintings in Ivan Bunin’s Artistic Consciousness”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Series 9: Filologiia [Philology], 2026, no. 4. (In print) (In Russ.)

11. Zaitsev, D.V. “I.A. Bunin i I.I. Levitan: K istorii tvorcheskikh otnoshenii” [“The Creative Relations of Ivan Bunin and Isaak Levitan”]. *Izvestiia Rossiskoi akademii nauk. Seriia literatury i iazyka*, 2026. (In print) (In Russ.)

[56] Лекманов Олег Андершанович, 11.01.1967 г.р., на основании статьи 7 Федерального закона от 14.07.2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» 25 октября 2024 г. включен в Реестр иностранных агентов в России.

12. Zakharenkova, L.I. “Istoriia personal’nykh vystavok I.I. Levitana i podgotovka v Tret’iakovskoi galeree vystavki, priurochennoi k 150-letiiu so dnia rozhdeniia khudozhnika” [“The History of Isaak Levitan’s One-man Exhibitions and the Tretyakov Gallery’s Preparations for an Exhibition to Mark the 150th Anniversary of the Artist’s Birth”]. *Tret’iakovskie chteniia. 2009. Materialy otchetnoi nauchnoi konferentsii* [*Tretyakov Readings, 2009: Materials of a Scholarly Reporting Conference*], acad. ed. L.I. Iovleva. Moscow, Ekspress 24 Publ., 2010, pp. 219–225. (In Russ.)

13. *Ivan Bunin: [sbornik materialov]: v 2 kn.* [*Ivan Bunin: [Collection of Materials]: in 2 books*], book 2. Moscow, Nauka Publ., 1973. 551 p., il. (Series “Literaturnoe nasledstvo” [“Literary Heritage”], vol. 84) (In Russ.)

14. Keda, A.A. “Nilus Petr Aleksandrovich.” *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar’* [*Russian Writers. 1800–1917. A Biographical Dictionary*], vol. 4: M–P, ex. ed. P.A. Nikolaev. Moscow, Bol’shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 1999, pp. 333–335. (Series “Russkie pisateli 11–20 vv.” [“Russian Writers of the 11th–20th Centuries”]) (In Russ.)

15. Kuznetsova, E.V. “Motivy zhivopisi Arnol’da Beklina v tvorchestve Ivana Bunina i Andreia Belogo” [“Features of Arnold Böklin’s Paintings in Ivan Bunin’s and Andrei Belyi’s Creative Works”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Series 9: Filologiia [Philology], 2023, no. 1, pp. 180–194. (In Russ.)

16. *Letopis’ zhizni i tvorchestva I.A. Bunina* [*A Chronicle of Ivan Bunin’s Life and Works*], vol. 1: 1870–1909, comp. by S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2011. 944 p., il. (In Russ.)

17. *Letopis’ zhizni i tvorchestva I.A. Bunina* [*A Chronicle of Ivan Bunin’s Life and Works*], vol. 2: 1910–1919, comp. by S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2017. 1184 p., il. (In Russ.)

18. Muromtseva-Bunina, V.N. *Zhizn’ Bunina. Besedy s pamiat’iu* [*A Life of Bunin. Conversations with My Memory*], introd. and notes by A.K. Baboreko. Moscow, Vagrius Publ., 2007. 512 p., il. (In Russ.)

19. Ninov, A.A. *M. Gor’kii i Iv. Bunin: Istoriia otnoshenii. Problemy tvorchestva* [*Maxim Gorky and Ivan Bunin: The History of their Relationship. Creative Questions*]. Leningrad, Sovetskii pisatel’ Publ., 1984. 559 p., 17 il. (In Russ.)

20. *Tovarishchestvo iuzhnorusskikh khudozhnikov: Biobibliograficheskii spravochnik: v 2 ch.* [*The Society of South Russian Artists: A Bio-Bibliographical Guide: in 2 parts*], comp. by V.A. Afanas’ev and O.M. Barkovskaia. 3rd corr. and rev. Odessa, [s. n.], 2019. 358 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 01.03.2026
Одобрена после рецензирования: 20.04.2026
Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 01.03.2026
Approved after reviewing: 20.04.2026
Date of publication: 25.06.2026

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Научная статья
УДК 821.161.1.1
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-235-252
https://elibrary.ru/HQQZMO

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (40), 2026

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Пародии А.А. Измайлова на святочные рассказы

© 2026, А.С. Александров
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Работа выполнена в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-02145 «Полное собрание пародий и шаржей А.А. Измайлова: источники, комментарии, контекст» (URL: https://rscf.ru/project/25-28-02145/).

Аннотация: В центре статьи — анализ критических оценок и пародий на рождественские рассказы ведущего литературного обозревателя начала XX в. А.А. Измайлова (1873–1921). Перу литератора принадлежит целая серия шаржей на святочную беллетристику: в сборник «Кривое зеркало» включены сразу четыре таких шаржа: «Рождественские крендели», «Как писать святочные рассказы», «Последний графоман» и «Гомункул (Рождественский рассказ)». В статье подробно рассмотрены эти пародии, отмечена их связь с «серьезными» критическими выступлениями Измайлова, указаны источники и художественные приемы пародийных текстов. При этом акцентируется возросшая в начале XX в. роль пародий, ставших эффективным инструментом в арсенале литературной критики.

Ключевые слова: святочный рассказ, пародия, фельетон, критика, гротеск, парафраз, литературный штамп

Информация об авторе: Александр Сергеевич Александров, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8611-6490

E-mail: aspiros.83@mail.ru

Для цитирования: *Александров А.С.* Пародии А.А. Измайлова на святочные рассказы // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 235–252. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-235-252

Важной частью литературно-критического наследия А.А. Измайлова-фельетониста являются его пародии, высоко оцененные современниками. Наиболее популярные из них посвящены писателям начала XX в., среди них К. Бальмонт, А. Белый, З. Гиппиус, И. Рукавишников, Вяч. Иванов, Л. Андреев, С. Городецкий, А. Блок, М. Кузмин, Б. Садовской и многие другие.[1] Остроумные и меткие, шаржи привлекали внимание широкой публики и вызывали живой отклик коллег-литераторов, читателей. Измайлов признавался в письме к Сологубу: «Ко мне усиленно предъявляют просьбы — давать пародии, памфлеты и т. п. Это не Бог весть какой жанр, но его любят, и — не одна толпа. Вы знаете, что Пушкин пародировал Жуковского (“Послушай, дедушка...”) и Карамзина. Это свойство умов давать литературную карикатуру на то, что ей поддается» [10, с. 240]. Особое место в пародийном наследии критика занимает обыгрывание литературных штампов; этому же явлению отводится много места и в серьезной критике Измайлова.

Выразительно проблема высвечена в ряде измайловских пародий на рождественский или святочный рассказ. В сборник «Кривое зеркало» включены сразу четыре таких шаржа: «Рождественские крендели», «Как писать святочные рассказы», «Последний графоман» и «Гомункул (Рождественский рассказ)». Все они посвящены примечательному культурному явлению, становление и расцвет которого в России пришелся на XIX в., а истоки восходят к народной традиции и западноевропейской литературе[2]. На рубеже веков святочный рассказ переживал кризис жанра, что выразилось в повторении сюжетов, мотивов, эксплуатации одних и тех же образов, копировании клишированных фраз. Этому способствовало бурное развитие информационного пространства и расширение читательской аудитории, как следствие — увеличение спроса на развлекательную литературу. Издатели, стремясь удовлетворить читательский запрос, часто жертвовали качеством, публикуя множество однотипных и малооригинальных произведений. 25 декабря ведущие газеты и еженедельные журналы отдавали свои полосы под рождественские номера, наполненные однотипными историями о чудесных спасениях, внезапных обретениях и покаянных просветлениях, с обязательным присутствием чуда и морализаторским посылом. В начале XX в. рождественские истории в соответствии с духом времени и общественным запросом вписаны в социальный контекст: в рассказах появляются политически неблагонадежные

[1] О нем см.: [2].

[2] Об этом подробнее см. в работах: [5; 6; 7].

студенты, выпущенные из-под ареста под Рождество, бедствующие младенцы арестованных бомбистов и проч. Авторы рождественских рассказов эксплуатировали знакомую канву праздничного чуда, чтобы поднимать острые социальные вопросы, что воспринималось современниками лишь как дешевая манипуляция и банальность. Чаще всего подобные душещипательные истории не поднимались выше уровня литературной поделки, наполненной клише, штампами, типичными ситуациями и предсказуемыми поворотами сюжета. Из года в год авторы, работавшие в этом жанре, повторяли одни и те же трафаретные истории. Обозревая рождественские рассказы 1901 г., Измайлов вспоминал, что многие сюжеты святочных рассказов он хорошо знает, так как читал их, еще будучи юношей:

> В блаженные времена, лет пятнадцать назад, и пишущий эти строки с нетерпением ждал рождественского нумера, и ночью ему долго не давали спать приведения, беспокойно блуждающие в одиноких домах, и призраки, выходящие из рам портретов, а после снились медведи, топающие лапами на поляне около лесной ели. Вы удивляетесь, как можно было несколько лет назад знать содержание рассказов, которые появились только в нынешние святки, — о, нет, эти рассказы появились давно, они не новы, и, — «все это уж было когда-то, но только не помню когда...» И тогда все это казалось новым и я верил в простреленные портреты и в рассказы о людях, являвшихся, вопреки всем законам времени и пространства, в час своей смерти своим друзьям <...> вызывали мурашки на спине. Теперь мне становится смешно, когда я встречаю эти трескучие фразы, пустые, как свищ. <…> Какая банальщина![3]

Систематический анализ Измайловым ежегодных потоков рождественской литературы отчасти был связан с его рутинной работой в должности заведующего литературным отделом «Биржевых ведомостей». В силу своих служебных обязанностей литератор каждый год был вынужден собирать праздничные рождественские номера, в которых и сам принимал участие[4], а затем и делать обзоры. В связи с этой газетной работой критик вел обширную переписку с писателями-современниками. В своих письмах (как правило типовых), он, прося для специального выпуска беллетристическую вещь,

[3] *Измайлов А.* Литература: Рождественские крендели // Биржевые ведомости. 1902. № 3. 3 янв. С. 3.

[4] В наследии Измайлова есть и «классические» рождественские рассказы, написанные по законам жанра: «Черный ворон», «Odor mortis», «Пропавшая грамота», «Чугунная просвира» и др.

подчеркивал свободу автора в выборе тем и сюжетов, не настаивая на рождественской тематике[5].

Начиная с 1901 г. Измайлов внимательно следил за тенденциями святочной литературы, а свои наблюдения отразил в ряде критических обзоров, ставших впоследствии источником для серии пародий. Подход, при котором пародия становилась продолжением серьезной критики, был частью творческого метода литератора. Измайлов был не единственным автором, откликнувшимся на кризисные явления святочной прозы. Пародии на святочные рассказы писали многие авторы, тесно сотрудничающие с массовой периодической печатью, среди них С.В. Яблоновский (Потресов), О.Л. Д'Ор, А.В. Амфитеатров, А.Т. Аверченко, Е. Венский и др.[6]

В обстоятельном фельетоне «Рождественские крендели», посвященном вышедшим в праздничных номерах газет и еженедельников в конце 1901 г. — начале 1902 г. святочным рассказам, Измайлов писал:

> Газетные листы захлебнулись святочными рассказами. Я просмотрел по крайней мере полсотни рождественских кренделей, которые изготовляются к Рождеству во всех странах, и без которых, очевидно, для обывателя был бы не полон праздник. Какая поистине плодовитость! Каждая из провинциальных газет выпустила заряд рождественских новелл собственных сотрудников. <...> Столичные органы блестят именами писателей и таких, которые хорошо пишут, и таких, о которых только можно сказать, что они много печатаются. Некоторые авторы, старые и молодые, фигурируют одновременно в нескольких столичных и провинциальных изданиях. Авсеенко здесь, Авсеенко там. Та же история с Потапенко, Лейкиным, Каразиным, Баранцевичем, Чириковым, Будищевым, Гославским, Скитальцем. Бездна новых имен и множество старых. Кроме названных, вы встретите — В. Тихонова, Гарина, Леонида Андреева, Марка Басанина, З. Яковлеву, В. Светлова, И. Якунина, Рышкова, Жданова, Чермного, Брешко-Брешковского, Северцева, Антропова-Сакмарова, Телешова и пр., и проч. Знакомые все лица и — увы! — знакомые мотивы[7].

[5] Ср., например, в письме к Брюсову от 30 октября 1915 г.: «Редакция "Биржевых ведомостей" очень просит Вас не отказать ей в беллетристической вещице в Рождественский №. Стесняя авторов только размером рассказа (250 строк), она предоставляет им в остальном совершенный простор, не настаивая ни на "рождественских темах", ни на каком-либо касании совершающихся событий. <...> Без Вас какой же Рождественский номер! Пожалуйста!» [1, с. 206].

[6] Ряд пародий указанных авторов анализируются в статье: [3, с. 284–328].

[7] *Измайлов А.* Литература: Рождественские крендели // Биржевые ведомости. 1902. № 3. 3 янв. С. 3.

Критик отмечал особую бледность и заурядность рождественской беллетристики, «банальность замысла», слабую «разработку сюжета», «бездну риторического холода», противопоставляя ей рассказы Лескова, «особенного мастера по части истолкования мистических настроений». В этой оценке отразилось общее разочарование в традиционных формах рождественского рассказа, где морализаторство и сентиментальность часто заглушали искренность и оригинальность. Критик с сожалением констатировал в своем отклике пресыщенность праздничных выпусков однотипными историями о чудесных исцелениях и внезапных обретениях счастья, «избитые, стершиеся, набившие оскомину» сюжеты: «Фея-Фантаста покинула святочного рассказчика, точно рассказав все свои сказки. И предоставленный самому себе беллетрист повторяет зады»[8].

В своем обзоре Измайлов отмечает цикличность, общность тем, банальность сюжетов, предсказуемость финалов. За бесконечными вариациями на темы «заблудшей души, нашедшей путь к свету» и «чудесного спасения в канун Рождества» теряется искра подлинности, то самое волшебство, которое когда-то сделало рождественские рассказы особенными:

> Там знакомая игра на чувствах ребенка в веселые дни праздников, сулящих развлечения (Лейкин, Тихонов, Рышков), там сентиментальные сказания о матерях, тоскующих по отнятым от них детям (М. Басаргин), о радости приема подкинутого младенца (Л. Андреев), о блужданье в бурю и метель по суше (Якунин) или приключениях в море (Чермный), сказания об аскетах, их искусах и победах духа (Будищев и др.), о медведях, собирающихся вокруг лесной елки (Каразин), о штейгерах, погибающих в шахтах (Городецкий), или об умирающих чернорабочих металлургических заводов, которых съедает фабрика (В. Светлов), о черных кошках, своим беспокойством спасающих от гибели невест рассказчика (Авсеенко). О филинах, влетающих в хижину, где милуются любовники, насильственно устранившие помеху мужа из жизни (Будищев), о случайно приобретенных портретах, оригиналы которых живут таинственной жизнью, ночью выходят из рам и исчезают после выстрела в них испугавшегося хозяина, причем наутро в портрете оказывается «на груди маленькое круглое отверстие, — очевидно, след пули» (Авсеенко); наконец, сказы о босяках, расчувствовавшихся судьбою горемычного иностранца, борющегося с обезьянкой, и со-

[8] Там же.

вершившим ради него кражу (Телешов), о привидениях, колдунах, заколоченных домах, которыми положительно полны листки газет мелкой прессы и фельетоны газет провинциальных...[9]

Прочитав по долгу службы десятки рассказов, критик отметил одну положительную тенденцию: среди них он не нашел ни одного о замерзшем мальчике, которого «в рождественский вечер взял к себе на елку добрый барин». Речь идет о перепевах канонического сюжета рождественской новеллы, известных нам по рассказам Г.Х. Андерсена («Девочка со спичками») и Ф.М. Достоевского («Мальчик у Христа на елке»). По наблюдению Измайлова, этот «ультрабанальный сюжет»[10] заменили не менее банальные, от которых критик призывал решительно отказаться. Автор фельетона предложил современным писателям составленный с большой иронией список, в котором представлена типология сюжетов, уже освоенных знаменитыми предшественниками. Этот перечень — своеобразное предостережение авторам, работавшим в жанре рождественского рассказа. Измайлов считал, что писатель, если он не желает быть заподозренным в плагиате или, что еще хуже, в отсутствии оригинальности, должен твердо избегать следующих сюжетов и мотивов:

1. Нельзя рассказывать о тапёре, играющем в рождественский вечер в богатом доме, подле зажженной елки, и думающем о своей умирающей дочери.

2. О старом холостяке, принявшем в святочный вечер ребенка, купившем ему игрушки и усыновившем его, равно как и старом скупце, расчувствовавшемся в радостный вечер и с этого дня начавшем раздавать свое имение. Повесть о старом Скрудже раньше вас написал Диккенс.

3. О смельчаке-офицере, влюбленном в очаровательную девушку или не влюбленном — ad libitum[11], который, несмотря на ужасы, рассказанные ему сторожем заколоченного дома, решился провести в нем ночь и был найден на утро без признаков жизни.

[9] Там же.

[10] Ведущий лейтмотив пародий в начале XX в. на святочные новеллы — сюжет о замерзшем ребенке. Как отметила Е.В. Душечкина, «без отсылки к нему не обходилась ни одна пародия на рождественские тексты» [6, с. 137]. Назовем лишь некоторые: *Горький М.* О мальчике и девочке, которые не замерзли // Нижегородский листок. 1894. № 349. 25 дек. С. 2–3; *Дорошевич В.* В аду // Одесский листок. 1899. № 308. 25 дек. С. 7–8; *Аверченко А.* Тысяча первая история о замерзающем мальчике // Аверченко А. О хороших, в сущности, людях. Пг.: Изд. «Нового Сатирикона», 1914. С. 41–42; *Венский Е.* Рождественский рассказ в настоящем, прошедшем и будущем // Журнал журналов. 1916. № 1. С. 14–15 и др.

[11] по желанию (*лат.*)

4. О столах и стульях, разговаривающих в святочную ночь. Равно о мумиях и восковых фигурах, проснувшихся в старом музее и беседующих с намеками на современность или без намеков.

5. О старой гувернантке, тете Соне, под шум развозившихся ребятишек на елке в чужом доме, вспоминающей свое светлое детство, первую любовь и скучающей о грустном увядании.

6. О добром барине, принявшем и обогревшем перемерзших детей-христославов.

7. О том, как умирала бедная елка, взятая из темного бора в пышный зал, равно о справлении зверями в лесу праздника Рождества.

8. О блудном сыне (равно — отце, брате), явившемся в сочельник к родным и встретившем примирение.

9. О замерзшем шарманщике (ни в каких видах).

10. Об отце и матери, примирившихся над постелью больного ребенка под звон рождественских колоколов.

11. О таинственном незнакомце, неожиданно явившемся на корабле (или в поезде железной дороги) и предупредившем неминуемую катастрофу...

Никогда не начинайте рассказа словами: «Мы сидели в рождественскую ночь в кабинете перед тлеющем камином и вели задушевную беседу»[12].

В заключение обзора критик призывал современников отказаться от слепого копирования старых образцов святочного рассказа и искать новые формы и сюжеты для выражения своих мыслей. Он подчеркивал, что канонизированные элементы святочного рассказа: внезапное чудо, перевоспитание злодея, воссоединение семьи — превратились в штамп, утратив свою первоначальную искренность, присущую образцам этого жанра в творчестве писателей предшествующего столетия. Измайлов выражал надежду на то, что рождественский рассказ должен возродиться, обновится и «освободиться от сдавивших и исковеркавших его рамок, которые покрылись плесенью». Впрочем, несмотря на определенные надежды, он признавал, что из сотен современных рассказов, может быть, «ни одни не найдет признания даже у людей будущего пятилетия»[13].

Интересен измайловский обзор 1905 г. будущей рождественской, святочной литературы, написанный еще до (!) выхода праздничных номеров: в фельетоне критик импровизирует, пытается предсказать

[12] *Измайлов А.* Литература: Рождественские крендели.

[13] Там же.

сюжетные коллизии. Зная тенденции, наметившиеся в рождественской литературе предшествующих лет, Измайлов с уверенностью перечисляет темы рассказов, которые появятся 25 декабря 1905 г. В святочных рассказах, по его мнению, будут преобладать мотивы, связанные с современным внутри- и внешнеполитическим моментом:

> Можно с несомненностью предсказать, под каким соусом будут поданы нам нынче те же старые сюжеты такими неталантливыми авторами. Сыновья, считающиеся убитыми или без вести пропавшими во время Японской войны, будут приходить в рождественскую ночь к скорбящим в одиночестве матерям. Тот же самый сюжет не одним автором будет испробован на получивших амнистию. Можно биться об заклад, что амнистированные вообще дадут самую обильную пищу авторскому воображению. Заколоченным домам и видениям «в белом» вообще придется несколько приспособиться к современному моменту. На фоне рождественской ночи или дня будут показаны трагедии политической междоусобицы. И так далее, и так далее[14].

Ситуация, повлекшая создания этого фельетона, когда автор вынужден рассуждать о рождественских рассказах, еще до выхода праздничных номеров, подсказала Измайлову и сюжет его первой пародии на этот жанр — «Рождественские крендели»[15].

Пародия, заглавие которой отсылает к одному из ранних измайловских обзоров святочных новелл, построена в форме диалога двух журналистов: один из них, литературный критик, заблаговременно пишет фельетон-отчет о рождественских рассказах, что вызывает недоумение коллеги, резонно интересующегося тем, как же возможно написать отклик о том, что еще неизвестно. О критике сообщается, что он был рецензентом «сотни книг, не разрезая их <…> по первой главе большого романа мог определить, чем он кончится». Этот опытный сотрудник посвящает новичка в творческий процесс и рассказывает о содержании фельетона, в котором заранее предугаданы заглавия рассказов и их содержание, после 25 декабря ему останется лишь вписать фамилии авторов:

---

[14] *Измайлов А.* Рождественская литература // Родная нива. 1904. № 52. С. 474.

[15] Впервые: Рождественские крендели: (Из записок критика) // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1906. № 9635. 8 дек. С. 3; цит. по: *Измайлов А.* Кривое зеркало. 4-е изд. 1914. С. 156–165 (далее КЗ с указанием страницы при цитате); в сборнике пародия опубликована под заглавием «Рождественские крендели. (Из записок критика-самоубийцы, найденных в его столе)».

> Нумер первый: «В рождественскую ночь», рассказ Имярека. Здесь надо оставить целую строку, потому что сюда придется вписать около десяти фамилий. В рождественскую ночь скорбная мать сидит в своей убогой комнатке и думает о несчастном сыне. Он — политический, сослан куда-то в Якутскую область, и о нем давно нет вести. И вдруг он возвращается, как раз в эту ночь! Он должен подойти неслышно, так чтобы «две сильные руки нежно обвили шею старушки» (*КЗ.* С. 160–161).

Второй типичный рассказ — под заглавием «Богоугодный жандарм» или «Раскаявшийся сыщик» — о неблагонадежном студенте или студентке, преследуемых сыщиком и в мгновение могущих попасть в цепкие лапы представителя власти. В рождественский вечер под воздействием нахлынувших сентиментальных воспоминаний жандарм или сыщик сам помогает укрыться беглецам. Далее перечисляются еще несколько избитых сюжетов, по поводу которых критик замечает: «Есть беллетристы, которые обожают банальность, как карась гнилую воду» (*КЗ.* С. 164). Пародия заканчивается восклицанием о мерзавце-авторе, который «в наши дни, в двадцатом веке, написал рассказ о мальчике, замерзшем в рождественскую ночь под окном с зажжённой и разубранной елкой!» (*КЗ.* С. 165).

Пародия «Рождественские крендели» носит явно автобиографический характер, что выразилось и в выборе главного героя, и в выборе сюжетной коллизии. Описанная ситуация, при всей ее комичности, как мы отметили выше, случалась и с самим Измайловым. Эта пародия — не только сатирический взгляд на отдельные произведения или авторов, она критикует всю систему литературного производства, ориентированную на тиражирование штампов и эксплуатацию сентиментальных тем. Здесь же высказан критический взгляд на абсурдность попыток идеологизировать жанр, изначально предназначенный для создания атмосферы тепла и радости. Особый комизм пародии придает гиперболизация в ней отдельных сюжетных ходов и типичных сцен рождественского рассказа.

В 1907 г. Измайлов продолжил рефлексировать над кризисом святочной литературы, что нашло отражение в новых фельетонах и пародиях:

> Прошла литературная страда. Беллетристы, прикованные к своим столам и конторкам, распрямили спины. Рождественские нумера газет вышли не хуже и не лучше, чем всегда. Они полны

рождественскими рассказами, очерками, сказками. В отчетах по своему ведомству Аполлон прочтет обычную стереотипную фразу, что к концу года по вверенному ему департаменту все обстоит как нельзя благополучнее. Утешительно отметит, что в нынешнем году совершенно отсутствовал спрос на замороженных мальчиков. С заколоченными домами тихо. С кающимися околоточными слабо. Приведения, являющиеся близким людям минута в минуту своей смерти, прошли при вялом настроении и только в очень серых листках. Недурно котировались картинки елок в богатых семьях и в подвалах среди пишущих дам. С разного рода детскими воспоминаниями твердо. По количеству строк чувствуется, что у многих из авторов рента падает.

Большинство авторов с именем вовсе не трогают мистических сюжетов. Таковы — Потапенко, фигурирующий во многих изданиях, Немирович-Данченко, Авсеенко, Баранцевич, Будищев... Потапенко отрешился и от своих традиционных малороссийских колбас. Его рассказы — из быта чиновничества. В одном случае захудалый чинуша, никак не способный составлять бумаг «по существу», лишается генералом предпраздничной награды. Чинуша расписывается на листе в его приемной: «лишенный гуся такой-то», — и приводит генерала в светлое настроение. В другом рассказе чиновник из завзятых картежников скучает на праздниках до той поры, пока не узнает, что в клубе за милую душу идет игра среди «своих» даже и при закрытых парадных дверях. Характерно (и приятно), что большинство авторов воздержалось от соблазна, еще в прошлом году смущавшего многих. Баррикады, революционеры, браунинги, бомбы и вся подобная бутафория беллетристов-репортеров оставлена в покое[16].

Этот обзор непосредственно связан с другой измайловской пародией «Последний графоман», для которой критик находит оригинальное сюжетное решение. Впервые под заглавием «Страшная месть, или Райский сон (Мечта рождественской ночи)» она была опубликована в праздничном номере газеты «Русское слово»[17]. «Бедному русскому критику снился сон» — так начинается шарж, представляющий собой описание сновидения литературного кри-

[16] *Аякс* [*Измайлов А.*]. В литературном мире // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1907. № 10275. 29 дек. С. 3.

[17] См.: *Измайлов А.* Страшная месть, или Райский сон: (Мечта рождественской ночи) // Русское слово. 1907. № 296. 25 дек. С. 3. Заглавие отсылает к повести Н.В. Гоголя, входящей в сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки».

тика, оказывавшегося в покоях Аполлона[18]. Герой попадает в необычную обстановку, наполненную разнообразными предметами, тесно связанными с литературными произведениями: тут и кукла человека в чехле из брезента, которую критик соотнес с чеховским рассказом «Человек в футляре», и танцующий медведь, с горкой «бутафорских колбас из папье-маше» — «медведи из рождественских рассказов Каразина, у которого они всегда пляшут вокруг елки в лесу» и т. д. Здесь же нашлась и «Тредьяковского свирель», валявшая «полтораста лет в углу», затребованная в двадцатом столетии Вяч. Ивановым.

Разглядывая покои Аполлона, критик вслушивается в диалог хозяина покоев с секретарем Парнаса, из разговора становится известно, что лучезарный бог некоторое время назад дал распоряжение: «Кто напишет рождественский рассказ о заколоченном доме, приведении в белом, раскаявшемся околоточном, — повинен в оскорблении величества Аполлона и будет повешен» (*КЗ.* С. 224). После издания циркуляра обстановка на литературном Парнасе резко изменилась, «Диккенс перевертывался-перевертывался в гробу, да и опять на спину лег». Однако нашелся последний графоман, который ослушался и написал рассказ о кающемся околоточном, за что был подвергнут суду и, не имея смягчающих обстоятельств, приговорен к смерти через повешение. В момент приведения приговора в исполнение критик проснулся и увидел на столе груду газет, в каждой из которых были рождественские рассказы и тут же письма от трех редакторов, в каждом из которых просьба о критическом отклике на «нынешние рассказы».

В этой пародии проблема кризиса жанра решается в гротескно-комическом ключе. Высоко о ней высказался эпистолярный собеседник Измайлова Лазарев-Грузинский:

> Был рад в «Крив<ом> зеркале» встретиться с «Посл<едним графоманом>», кот<орый> понравился мне более других рожд<ественских> рассказов и о котор<ых> Вы писали: «это пустяк». Ну да, конечно, пустяк, но милый, выдержанный, законченный. Все

[18] Этот прием, по-видимому, Измайлов подсмотрел у Буренина. А.И. Рейтблат в работе «Книга “Бес в столице” и ее автор: (Неизвестный роман-памфлет В.П. Буренина)» отметил схожие приемы в фельетонах нововременского зоила: «...Буренин иногда вводил в свои фельетоны фантастические сцены. Например, в одном из них (1866. № 64) изображена ночная встреча автора на невском льду с олимпийскими богами, во время которой Аполлон дает резко критическую характеристику современным русским поэтам» [9, с. 320]. Упомянут фельетон Буренина «Общественные и литературные заметки» (Санкт-Петербургские ведомости. 1866. № 64. 6 марта. С. 1–2; подпись: *Выборгский Пустынник*).

> это я очень ценю. Перенося дело в область скульптуры, я сравнил бы Вас со скульп<тором>, кот<орый> удачно вылепил маленькую, оригинальную головку — пустячок; другие же, Баранцевич и проч. «рождественцы», затеяли целые группы, но, недурно вылепив палец одной из фигур, вместо групп дали обсосанные сосульки или тех топорных чудищ, которые давали старые допотопные кустари. Боборыкин воспел каких-то сознательных наборщиков или корректоров, Баранцевич заморозил босяка и т. д. Скучно же это, пошло, старо[19].

Прием гротеска (фантастическое перенесение действия в покои Аполлона) Измайлов широко применял в своем творчестве. В частности, при написании одноактной пьесы «Аукцион у Аполлона», шедшей в 1909 г. в кабаре театрального клуба «Кривое зеркало» и представляющей собой «сатирические фельетон, в котором осмеивается всякая залежь и новая модернистская галантерея»[20]. Действие пьесы сводится к аукциону, на котором с молотка продаются разные литературные залежи: «редкий экземпляр недотыкомки», «один философствующий босяк», «114 романтических босяков, умеющих говорить языком Марлинского», «крылья Кузмина», «кобра г-жи Гиппиус» и проч. На торги выставлены и атрибуты рождественского рассказа: «313 замороженных мальчиков из рождественских рассказов, специально для дам писательниц», «110 медведей пляшущих в лесу вокруг елки», «115 медиков и столько же курсисток, спасающих деревню от тифа и перед смертью признающихся друг другу в любви», «116 кающихся сыщиков, 28 исправляющихся революционеров, критическая оглобля г. Россовского, съеденные зубы г. Буренина, один цензор, обращающийся на путь либерализма под звон пасхальных колоколов...»[21]

Композиция другой пародии — «Как писать святочные рассказы» — выстроена в форме цикла: под общим названием представлена серия небольших законченных сюжетов на заданную тему в разных изводах (этот прием Измайлов опробовал в целом ряде других своих пародий)[22]. В шарже «Как писать святочные рассказы» Измайлов дал несколько пародийных образцов святочного рассказа в двух

[19] Письмо от 9 мая 1908 г. // ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 173. Л. 20–20 об.

[20] [Б. п.]. Кривое зеркало // Театр и искусство. 1909. № 3. С. 48.

[21] *Измайлов А.* Аукцион у Аполлона // Санкт-Петербургская Театральная библиотека. Шф. 44773. Л. 3. (См. также пародию «Футуристы» в сборнике Измайлова «Осиновый кол» (Пг., 1915. С. 66–71)).

[22] Ср.: «Любовь у старых и новых писателей...», «История русской лирики от Тредьяковского до Кузмина», «История русской критики».

парадигмах: социально-политической и эстетической («рассказ истинно русский», «рассказ либеральный», «рассказ стиля модерн»). В каждом из «образцов» гипертрофированы характерные черты святочного рассказа: «Рассказ истинно русский» — это шарж на консервативно-патриотический стиль ультраправой прессы, который распространился на изящную словесность. «Рассказ либеральный» высмеивает либеральные клише, социальную проблематику и морализаторство, в нем гиперболизированы темы сострадания к угнетенным, критика несправедливости. «Рассказ стиля модерн» пародирует декадентскую стилистику, интерес к таинственному, загадочному, представленные здесь в утрированном виде, усиленные нарочитыми повторами.

В «Рассказе истинно русском» говорится о Силе Трифоныче, торговце резиновыми изделиями истинно русской мануфактуры, высоком патриоте и члене Союза русского народа. Он возвращается под Рождество домой и обнаруживает у дома подкинутого новорожденного младенца: «Это был явно перст Божий. Сила Трифоныч покорно склонил перед ним голову. Мозолистыми трудовыми руками он поднял младенца и понес его домой» (*КЗ.* С. 172). Во время крестин внезапно обнаруживается, что ребенок обрезан. Началась паника: «батюшка вздрогнул и торопливо стал искать в требнике, как предписано поступать в подобном случае отцам второго лаодикийского собора», «певчие стояли потрясенные», с женою сделалась истерика. Только главный герой сохранил «высокое спокойствие духа» и овладев собою заявил: «Тяжелое испытание послал мне Бог. <...> Усыновляю его, хотя он и жид» (Там же). Х. Баран предполагает, что сюжетным прототипом пародии мог послужить рассказ в правой газете «Россия», «где акушерка в родильном доме подменяет христианского ребенка еврейским, в результате чего христианскому ребенку было сделано обрезание, а еврейского мальчика крестили. Несколько месяцев спустя, на Пасху, подмена детей обнаружилась, и сначала привела в ярость обе пары родителей. В конце рассказа страсти утихли, и мать-еврейка, умиленная зрелищем обоих детей, спокойно спящих рядом, выразила готовность креститься»[23] [4, с. 71].

Заключительная пародия, вошедшая в «Кривое зеркало», — «Гомункул (Рождественский рассказ)»[24], — представляет собой

[23] Подразумевается публикация: *Миклашевский М.М.* Злая шутка // Россия. 1908. № 732. 13 апр. С. 4.

[24] *Измайлов А.* Гомункулюс: (Рождественский рассказ) // Русское слово. 1908. № 299. 25 дек. С. 5–6.

бытовой анекдот. Этот шарж впервые опубликован в рождественском выпуске «Русского слова». Повествование ведется от лица профессора, интригующего компанию четырех прекрасных дам: «Вы видите перед собой человека, который так или иначе был однажды прикосновенен к делу рождения Гомункула». Профессор красноречиво рассказывает собеседницам разные истории «из мира науки»: о Парацельсе, о студенте-химике, задавшемся целью из собственной крови выпарить железо и сделать колечко своей невесте и умершем от истощения после многочисленных кровопусканий, о студенте-химике по прозвищу Менделеев, проникнутого горячей идеей создания искусственной клетки. В один из зимних вечеров («один из тех, за которые дорого дал бы рождественский беллетрист») к профессору пришел мальчишка с запиской. Профессор, взволнованный просьбой химика прийти по неотложному делу, обуреваемый «дикими предположениями» о мировом открытии, поспешил к молодому коллеге. Увидав того в растрепанных чувства, и услыхав о рождении мальчика, профессор предположил, что родился Гомункул. На самом же деле оказалось, что у коллеги родился сын.

Эта пародия мастерски обыгрывает типичные мотивы святочного рассказа: ожидание чуда, которое должно случится зимней рождественской ночью. В одном из своих обзоров святочных рассказов Измайлов точно определил основные признаки жанра: «Так повелось, что рассказ должен быть или фантастическим и загадочным, или пробуждающим добрые чувства. <...> Создался рецепт, по которому стали сочиняться святочные новеллы. Немножко чертовщины, немножко доброго чувства».[25] Финал «Гомункула», решенный в реально-бытовом ключе, пародирует кульминационные «чудеса» святочной прозы.

Современные исследователи отметили, что пародии на святочный рассказ в начале XX в. «свидетельствовали о том, что святочный жанр отработал свои возможности» [8, с. 25]. Измайлов в этом отношении был одним из критиков системно говорящем о назревшем кризисе календарной литературы. Кризис жанра рождественского рассказ получил яркое отражение в наследии Измайлова (в том числе в комическом его изводе — пародиях)[26]. Кроме названных шаржей: «Рождественские крендели», «Последний графоман», «Как писать святочные рассказы», «Гомункул», — штампы святочного рассказа («замороженные мальчики», «танцующие медведи»

[25] *Измайлов А.* Рождественская литература // Родная нива. 1904. № 52. С. 474.

[26] Помимо отмеченных см. также: *Измайлов А.*: 1) Святочные итоги // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1908. № 10882. 29 дек. С. 5, 2) Подарки рождественского деда: (Детская рождественская литература) // Русское слово. 1911. № 294. 22 дек. С. 4.

и пр.) встречаются в других миниатюрах Измайлова; упомянем и не вошедшие в «Кривое зеркало»: «Интервью с преисподней. (Кошмар испуганного человека)»[27], «Счастливые. (Святочная баллада)»[28], «Как я играл в бирюльки с дьяволом. (Очень страшный рассказ)»[29].

В каждой из этих пародий Измайлов оригинален, использует разнообразные художественные и композиционные приемы. Многие из сюжетных ходов подсказаны практикой газетного критика-обозревателя. Пародии Измайлова на рождественские рассказы стали важным дополнением его серьезных статей. Его шаржи представляют собой не только набор комических зарисовок, но своеобразную рефлексию над кризисом жанра. Автор не просто высмеивает устоявшие штампы святочных новелл — нарочитую сентиментальность, обязательное присутствие чудесного спасения в последнюю минуту, идеализированные образы бедняков и богачей, внезапное прозрение и всеобщее примирение и проч. — в его пародиях эти элементы доведены до абсурда, обнажают искусственность и предсказуемость рождественской истории, представляют собой своеобразный диагноз жанру. Особое внимание Измайлов уделяет языку: его фразы остры и метки, а диалоги — полны остроумных реплик и каламбуров. Он пародирует не только содержание рождественских рассказов, но и их стиль, манеру повествования авторов, работавших в этом жанре. Критик не отрицает возможность существования рождественского рассказа как такового, но призывает к переосмыслению его основных принципов и отказу от застывших форм. В его текстах сквозит не только критика, но и надежда на обновление жанра. Так, в обзоре рождественских литературных поделок 1907 г. Измайлов указывает на возможный путь к преодолению кризиса названного жанра: «Замечается, вообще, сильное ослабление таинственного элемента. Русский автор начинает все заметнее трактовать это таинственное в юмористическую сторону. <...> Все большие и большие права завоевывает шарж. С его помощью, быть может, уже невдолге совершится столь назревшая реформа совершенно обаналившегося у нас, в России, святочного рассказа»[30].

---

[27] Биржевые ведомости. Утр. вып. 1906. 29 дек. С. 3 (подпись: Аякс).

[28] Русское слово. 1913. № 297. 25 дек. С. 6.

[29] Включена в сборник «Осиновый кол». Впервые под заглавием «Досуги сатаны. (Рождественский рассказ)» опубликована в журнале «Огонек» (1910. № 52. 25 дек. С. 10–13).

[30] *Аякс* [*Измайлов А.*]. В литературном мире // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1907. № 10275. 29 дек. С. 3.

Литература

1. А.А. Измайлов: Переписка с современниками / сост., вступ. ст. А.С. Александрова; предисловия, подгот. текстов и примеч. А.С. Александрова, Э.К. Александровой, Н.Ю. Грякаловой. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. 738 с.

2. *Александров А.С.* А.А. Измайлов — критик и журналист. СПб.: АРТ БУК, 2025. 640 с.

3. *Баран Х.* Дореволюционная праздничная литература и русский модернизм // Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М.: Прогресс: Универс, 1993. С. 284–328.

4. *Баран Х.* Пасха в 1917 года: Ахматова и другие в русских газетах // Ахматовский сборник. Париж: Изд-во Ин-та славяноведения, 1989. Вып. 1. С. 53–75. (Серия «Русская библиотека Института славяноведения»)

5. *Бондаренко М.И.* Традиции «Рождественских повестей» Диккенса в русском святочном рассказе 1840–1890-х годов: автореф. дис. … канд. филол. наук. Коломна, 2006. 26 с.

6. *Душечкина Е.В.* Русская елка. История, мифология, литература. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 424 с.

7. *Душечкина Е. В.* Русский святочный рассказ: Становление жанра. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 550 с.

8. *Душечкина Е., Баран Х.* «Настали вечера народные веселья...» // Чудо рождественской ночи: святочные рассказы / сост. Е. Душечкина, Х. Баран. СПб.: Худож. лит., 1993. с. 3–32.

9. *Рейтблат АИ.* Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 416 с.

10. Федор Сологуб и Ан.Н. Чеботаревская: переписка с А.А. Измайловым / публ. М.М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 194–293.

Research Article

A.A. Izmailov’s Parodies of Christmas Stories

© 2026. Alexander S. Alexandrov
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Acknowledgements: The work was carried out at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 25-28-02145 “Complete

Collection of Parodies and Caricatures by A.A. Izmailov: Sources, Commentary, Context" (Available at: https://rscf.ru/project/25-28-02145/).

Abstract: This article analyzes critical assessments and parodies of Christmas stories by A.A. Izmailov (1873–1921), a leading literary critic of the early 20th century. Izmailov authored a series of parodies of Christmas fiction: his collection *Distorted Mirror* includes four such parodies: "Christmas Pretzels," "How to Write Christmas Stories," "The Last Graphomaniac," and "Homunculus (A Christmas Story)." The article examines these parodies in detail, noting their connection to Izmailov's "serious" critical writings and identifying the sources and artistic techniques of his parodic texts. It also emphasizes the growing role of parodies in the early 20th century, which became an effective tool in the arsenal of literary criticism.

Keywords: Christmas story, parody, feuilleton, criticism, grotesque, paraphrase, literary cliché

Information about the author: Alexander S. Alexandrov, PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8611-6490

E-mail: aspiros.83@mail.ru

For citation: Aleksandrov, A.S. "A.A. Izmailov's Parodies of Christmas Stories." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (40), 2026, pp. 235–252. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-235-252

References

1. *A.A. Izmailov: Perepiska s sovremennikami* [*A.A. Izmailov: Correspondence with Contemporaries*], comp., *introd. by* A.S. Aleksandrov; introd., text prep. and notes by A.S. Aleksandrov, E.K. Aleksandrova, N.Iu. Griakalova. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2017. 738 p. (In Russ.)

2. Aleksandrov, A.S. *A.A. Izmailov — kritik i zhurnalist* [*A.A. Izmailov — Critic and Journalist*]. St. Petersburg, ART BUK Publ., 2025. 640 p. (In Russ.)

3. Baran, Kh. "Dorevoliutsionnaia prazdnichnaia literatura i russkii modernism" ["Pre-revolutionary Festive Literature and Russian Modernism"]. Baran, Kh. *Poetika russkoi literatury nachala XX veka.* [*Poetics of Russian Literature of the Early 20th Century*]. Moscow, Progress, Univers Publ., 1993, pp. 284–328. (In Russ.)

4. Baran, Kh. "Paskha v 1917 goda: Akhmatova i drugie v russkikh gazetakh" ["Easter 1917: Akhmatova and Others in Russian Newspapers"]. *Akhmatovskii sbornik* [*Akhmatova Collection*], vol. 1. Paris, Institute of Slavic Studies Publ., 1989, pp. 53–75 (Series "Russkaia biblioteka Instituta slavianovedeniia" ["Russian Library of the Institute of Slavic Studies"]) (In Russ.)

5. Bondarenko, M.I. *Traditsii "Rozhdestvenskikh povestei" Dikkensa v russkom sviatochnom rasskaze 1840–1890-kh godov* [*Traditions of Dickens's "Christmas Stories" in Russian Christmas Stories of the 1840s–1890s: PhD Thesis, Summary*]. Kolomna, 2006. 26 p. (In Russ.)

6. Dushechkina, E.V. *Russkaia elka. Istoriia, mifologiia, literatura* [*Russian Christmas Tree. History, Mythology, Literature*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2023. 424 p. (In Russ.)

7. Dushechkina, E.V. *Russkii sviatochnyi rasskaz: Stanovlenie zhanra* [*Russian Christmas Story: Formation of the Genre*]. 2nd ed. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2023. 550 p. (In Russ.)

8. Dushechkina, E., and Kh. Baran. "'Nastali vechera narodnye veselia...'." ["'The Evenings of Folk Merriment have Arrived...'."]. *Chudo rozhdestvenskoi nochi: sviatochnye rasskazy* [*The Miracle of Christmas Night: Christmas Stories*], comp. by E. Dushechkina, Kh. Baran. St. Petersburg, Khudozhestvennaia literature Publ., 1993, pp. 3–32. (In Russ.)

9. Reitblat, A.I. *Pisat' poperek: Stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury* [*Writing Across: Articles on Biography, Sociology, and Literary History*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 416 p. (In Russ.)

10. "Fedor Sologub i An.N. Chebotarevskaia: perepiska s A.A. Izmailovym" ["Fedor Sologub and An.N. Chebotarevskaya: Correspondence with A.A. Izmailov"], publ. by M.M. Pavlova. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1995 god* [*Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1995*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1999, pp. 194–293. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 10.04.2026
Одобрена после рецензирования: 12.05.2026
Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 10.04.2026
Approved after reviewing: 12.05.2026
Date of publication: 25.06.2026

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.1
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-253-276
https://elibrary.ru/HAPHHW

Literaturnyi fakt [Literary Fact], no.2 (40), 2026

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Диспут о пролетарской поэзии 1920 года в историко-литературном контексте

© 2026, М.В. Скороходов
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация: Диспут о пролетарской поэзии, состоявшийся 26 января 1920 г. в московском Политехническом музее, рассматривается в статье как важное звено в становлении литературных организаций первых советских лет. Вводится в научный оборот стенограмма диспута, хранящаяся в РГАСПИ в фонде идеолога Пролеткульта А.А. Богданова. Участники заседания высказали свое отношение к докладу Богданова, в котором содержался ряд серьезных претензий к произведениям пролетарских поэтов, и прозвучавшим вслед за ним выступлениям А.Б. Мариенгофа и С.А. Есенина. Проведенный анализ показывает, что важнейшим следствием диспута явилось принятое 1 февраля 1920 г. группой пролетарских писателей решение о выходе из Московского Пролеткульта и об образовании секции пролетарских писателей при литературном отделе Наркомпроса. На заседании этой секции 11 февраля было избрано руководство Подотдела пролетарской литературы при ЛИТО Наркомпроса и принято решение об издании журнала «Кузница». Так зародилось литературное объединение пролетарских писателей «Кузница» (1920–1932), сыгравшее заметную роль в литературном процессе 1920-х гг.

Ключевые слова: русская литература 1910–1920-х гг., литературный процесс, Пролеткульт, литературное объединение «Кузница», А.А. Богданов, С.А. Есенин, А.Б. Мариенгоф.

Информация об авторе: Максим Владимирович Скороходов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6390-5670

E-mail: msk2002@rambler.ru

Для цитирования: *Скороходов М.В.* Диспут о пролетарской поэзии 1920 года в историко-литературном контексте // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 253–276. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-253-276

На рубеже 1910–1920-х гг., когда формировались советские писательские организации, выстраивались отношение между ними, когда одним из наиболее активных участников литературного процесса был Пролеткульт, проходили различные заседания, участники которых активно, а порой и яростно отстаивали свои позиции и не менее активно критиковали не только оппонентов, но и членов своих же литературных объединений и групп. Как справедливо отметила Д.С. Московская, «пролеткультовский этап был периодом “общинного”, утопического существования идеи пролетарского искусства. Но именно на пролеткультовской стадии проекта были заложены оригинальные конкурентоспособные идейно-теоретические основания и практики будущей корпорации ВАПП — РАПП» [20, с. 84].

Одно из подобных заседаний — диспут — состоялось 26 января 1920 г. в московском Политехническом музее. Изложение выступления С.А. Есенина на этом диспуте было выявлено и в 1995 г. опубликовано по неправленой стенограмме заседания Н.Г. Юсовым под названием «Стенограмма выступления С. Есенина на диспуте о пролетарской поэзии» [24, с. 539] в сопровождении краткого комментария [24, с. 539–540]. В 1999 г. в академическое Полное собрание сочинений Есенина вошли изложение текста выступления поэта под заглавием «<Стенограмма выступления на диспуте о пролетарской поэзии>» [13, с. 343] и комментарий 1995 г. [13, с. 549–551]. По этому источнику факт проведения диспута зафиксирован в: [16, с. 327–328; 17, с. 504]. Материалов диспута касалась в работах, посвященных литературному объединению «Кузница», А.Г. Гачева [6, с. 311; 7, с. 249, 343]. Однако детальное описание значимого для литературной жизни рубежа 1910–1920-х гг. заседания не давалось. В данной статье мы постараемся восполнить эту лакуну и рассмотреть диспут в историко-литературном контексте эпохи.

На данный момент единственным источником информации о дате и содержании диспута является напечатанная на машинке неправленая стенограмма, далеко не в полном объеме зафиксировавшая выступления его участников. Документ хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории[1].

Публикация документа полностью не представляется возможной по нескольким причинам. Во-первых, о чем подробнее будет сказано ниже, стенографировались не все выступления, некоторые известны только в пересказе. Во-вторых, в машинописи практически полностью отсутствуют стихотворные цитаты, которые при-

[1] РГАСПИ. Ф. 259. А.А. Богданов. Оп. 1. Ед. хр. 33. Далее при цитировании этого источника указывается номер соответствующего листа документа.

водились в качестве аргументов для подтверждения изложенных тезисов. Однозначно установить, какой именно текст цитировался, не всегда возможно. В-третьих, работа в архиве со старыми фотопленками, на которых запечатлена машинопись (явно не первый отпуск), не позволяет полностью прочитать текст, причем и сам оригинал, как свидетельствуют пометы архивистов на пленке, в период его фотофиксации был «плохого качества». В-четвертых, в неправленом тексте встречаются многочисленные речевые ошибки, лексические и смысловые повторы, искажения мысли. В связи с этим мы приводим наиболее существенные для исследователей русской литературы и истории цитаты с комментариями, что позволяет получить по возможности полное представление о диспуте.

На первой странице машинописи — помета Богданова: «Не проверено, страшно искажено» (Л. 1); после воспроизведения богдановского доклада напечатано: «По указанию председателя не все ораторы стенографируются полностью» (Л. 11). И действительно, изложение выступлений всех высказавшихся после Богданова участников диспута занимает менее девяти машинописных страниц.

Какие-либо другие материалы, касающиеся диспута, на данный момент не выявлены. В стенограмме встречаются описки, ошибки, в том числе в написании фамилий, иногда последняя буква слова «прилипает» к следующему слову, расстановка запятых иногда не соответствует нормам. При цитировании все искажения текста исправляются без дополнительных оговорок.

Основным докладчиком на диспуте был А.А. Богданов, который, как отметила С.Г. Семенова, в 1918–1920 гг. «активно участвует в деятельности Пролеткульта, становясь его первым идеологом. В статьях и речах этого времени он развивает свой взгляд на пролетарское искусство, который у него сложился еще до революции» [23, с. 174]. В числе его работ, в которых уделяется значительное внимание пролетарской поэзии, — книга «Искусство и рабочий класс» [2]. Основные темы книги обозначены уже на ее обложке: 1. Что такое пролетарская поэзия. 2. О художественном наследстве. 3. Критика пролетарского творчества. В этой книге Богданов заявляет, что одна из важнейших задач рабочего класса — «овладеть сокровищами искусства, которые созданы прошлым, сделать своим все великое и прекрасное в них, не подчиняясь отразившемуся в них духу буржуазного и феодального общества» [2, с. 31]. Роль Богданова в становлении и развитии Пролеткульта подробно охарактеризована с широким использованием архивных материалов РГАЛИ А.Ю. Морозовой [19].

Богданов начинает доклад на диспуте с обращения к Пушкину и Лермонтову, которые в свое время «были выразителями новых благородных стремлений, но никто их не понимал», и останавливается на том, как поэты прошлого видели свои задачи:

> Они понимают таким образом: я пришел в мир, здесь есть высокое, красивое, и <…> я должен это выразить, но они там понимают, что все это скрыто от них, <…> окружающая среда с ее извращенностью, и поэт понимает свою мысль как выявление себя, своего я, своих чувств и своих идеалов, и понимает в другом виде, в виде отвлеченных фетишистских форм, как влияние красоты (Л. 1).

Представителям русской классической литературы докладчик противопоставляет пролетарского поэта, находящегося «в лучшем положении. Он знает, что такое красота — это гармония жизни. Он знает, о ком он говорит и с кем он говорит, потому что это для него живые люди, с ними он работает и живет, и они действительно для него являются товарищами. В этом положительная черта жизненного характера пролетарского поэта». Рабочий поэт, по мысли критика, должен развиваться, «техника везде — первая задача, необходимо овладение техникой, стремление к грамотности» (Л. 1).

Затем Богданов переходит к рассуждениям о том, что важнее для искусства — форма или содержание, полагая: «Содержание должно подчинять форму. Форма необходима, она есть суть искусства. Суть искусства в форме». Обращаясь к раннему творчеству В.Я. Брюсова, докладчик отмечает, что поэт подбирает содержание не к образам, а к словам: «Ему надо, чтобы была рифма. Всякая утонченность приводит к тому, что придется укладывать содержание в эту самую форму». В результате, как полагает пролетарский критик, нарушается «внутренняя красота» (Л. 2).

В докладе Богданов уделяет значительное внимание вопросу об образованности пролетарского поэта, отмечая, что ему необходимы «глубокие знания», что «он должен изучить жизнь, искусство <…>. От старого мира он должен взять все высшее, все грандиозное <…>» (Л. 2). При этом критик убежден, что через изучение «великих мастеров» надо «идти к пути самостоятельности». Учиться же у «новейших поэтов», по его мнению, не следует: «Туманность, неясность часто становятся элементом формы. Может ли так относиться к форме пролетарский поэт? У него неизбежное отвращение к неясности, потому что ясность — это не простая отвлеченная форма, ясность — это доступность к коллективизму» (Л. 3).

Критик обращается к творчеству двух своих современников, двух пролетарских поэтов, входивших в литературную студию Московского Пролеткульта и обладавших, как он отмечает, «несомненным талантом» (Л. 5), — М.П. Герасимова и В.Д. Александровского. Первый из них, сын железнодорожного рабочего, участник революционных событий 1905 г., к 1920 г. являлся автором поэтических книг «Вешние зовы» (Пг., 1917), «Завод весенний. Стихи» (М., 1919), «Железные цветы» (Самара, 1919) и выпущенной отдельным изданием поэмы «Монна Лиза» (М., 1919). Александровский, выходец из крестьян Смоленской губернии, участник Первой мировой войны, автор книг «Рабочий поселок. Стихотворения», «Север. Стихотворения» и вышедшей отдельной книгой поэмы «Восстание» (все — М., 1919). Оба поэтических сборника Александровского были выпущены Московским Пролеткультом, поэма вышла в издательстве Пролеткульта.

В докладе Богданов уделил значительное внимание произведениям Герасимова. В частности, он высоко оценил его раннее стихотворение «Брожу во тьме, а надо мною…» (1913), в котором поэт «знакомит пролетариев с <…> маяком, который прорезает мрак. Это близко душе пролетариата, особенно тогдашней революционной России. Это произведение стоит напечатать и сейчас» (Л. 5). В 1913 г. стихотворение с открытым призывом к революции не могло быть опубликовано, поэтому автор прибегает к иносказанию:

Брожу во тьме, а надо мною
Мерцает золотой маяк,
Над океаном зыбкий мрак
Он косит огненной косою [10, с. 8].

В финале стихотворения маяк обретает поистине теургические способности, а лирический герой становится его поклонником:

Люблю во тьме ловить мерцанье —
Лик осиянный маяка.
Люблю, когда его рука
Пронзает волны, город, зданья [10, с. 8].

Пролетарский критик анализирует не названную в стенограмме «Песнь о железе» (1917), каждая из восьми строф-шестистиший которой начинается рефреном «В железе есть…», что позволяет автору воспеть железо как один из символов труда пролетария

и всесторонне раскрыть семантику заглавия. По мнению Богданова, в «Песни…», которая «содержательнее и шире» ранних произведений поэта, «идея оригинальная, тут мы видим поэтический анализ железа. Это идея сильная и красивая. <…> Вы знаете, — художник великолепно исполнил картину, прекрасное лицо, но маленькая черточка — и уже не то. Также и художественно исполнено это стихотворение, но я скажу, что он не справился с формой. Тут, например, лето и осень соединены, это оскорбляет слух. Главным образом тут не хватает внимания. Если бы он отделал <свой текст>, он обошел бы эту некрасивую черточку. И этого не было бы» (Л. 5–6). Речь идет о следующих строках:

В железе есть осень,
Холодная просинь
В заржавленных ветках сосны;
Есть знойное лето,
Миражем одето,
Горячим цветеньем весны [10, с. 37].

Приведя еще примеры (тексты не удалось идентифицировать), Богданов переходит к поэме «Октябрь», многие образы и топонимы которой обусловлены воспоминаниями принимавшего активное участие в революции 1905 г. Герасимова о Западной Европе, где он провел в эмиграции семь лет. Богданов обращает внимание на следующие четверостишия:

Мы огненными косами
Надрежем снежный дым,
Чтоб прорастали розами
Мужицкие следы.

За ясными полями
И красно и свежо,
А липы новыми лаптями
Поскрипывают о снежок [8, с. 15].

Этот текст вызывает негативную реакцию критика, который задается вопросом: «Может ли пролетарский поэт написать такую вещь? <…> Это стихотворение <…> у кого-то взято. Этот образ потому и нескладен, что взят у чужого» (Л. 6). Богданов, хотя и вскользь, но упоминает крестьянских поэтов (в стенограмме их фамилии не зафик-

сированы), сопоставляя их с поэтом пролетарским — с Герасимовым: «…у крестьян есть своя поэзия», причем им проще, чем пролетарским поэтам, поскольку «у крестьян прошлого больше» (Л. 6). То есть крестьянские поэты имеют преимущества перед пролетарскими, так как в своем творчестве они могут опираться на сложившиеся литературные традиции и многовековую историю крестьянской России.

Критическим разбором поэтических текстов докладчик подтверждает свою мысль о том, что пролетарская поэзия должна отличаться от произведений всех прочих авторов правдивостью. В этой связи он обращает внимание на стихотворение Герасимова «Красная звезда», в котором говорится, что «красноармейская звезда» «пятикрыло» (Л. 7) светит рабочим разных стран:

Мечети Турции облиты
Ее нетленной красотой,
Египетские пирамиды
Венчались красною звездой [9, с. 44].

«Тут сказано о Египте, но там красной звезды никогда не было, и это неправда, — заявляет Богданов и продолжает, переходя к обобщениям, — я здесь не тов. Герасимова критикую, а весь ход дела, всю литературную студию. Я вижу <…> отсутствие товарищеской критики» (Л. 7).

Как справедливо отметила А.Г. Гачева, «особенно уничтожающему разбору» Богданова подверглась «Монна Лиза» — «написанная в символистской поэтике с явной ориентацией на Блока и Белого, она разрабатывала тему вечно женственного» [7, с. 249]. Идеолог Пролеткульта заявляет, что «многого не понял» в этом произведении, и «товарищи пролетарии тоже многого не поймут», поскольку здесь «чужая форма, совершенно чужое настроение» (Л. 8). Богданов вступает в заочную полемику с В.Л. Львовым-Рогачевским, указывая на его книгу: «Поэзия новой России: Поэты полей и городских окраин» [18], в которой автор высказывается о Герасимове «с большим сочувствием, <…> говорит, что Богданов, всякие формы трудные считает ложными. Этот критик понял Монну Лизу так, что она воплотила красоту завода» (Л. 9). Напомним, что Львов-Рогачевский обращался в своей книге к докладу «Пролетариат и искусство», который Богданов, охарактеризованный им как «известный теоретик и систематик по вопросам политической экономии» [18, с. 114], прочел 20 сентября 1918 г. на пленарном заседании первой всероссийской конференции культурно-просветительных организаций.

Уже тогда Богданов заявлял: «Пролетариату необходимо искусство коллективистическое, которое воспитывало бы людей в духе глубокой солидарности, товарищеского сотрудничества, тесного братства, борцов и строителей, связанных общим идеалом» [21, с. 73]. Этой точки зрения он придерживается и в 1920 г., именно поэтому он и критикует на диспуте членов объединений пролетарских писателей за отсутствие товарищеской критики. В названной книге Львов-Рогачевский отметил, что поэма «Монна Лиза» написана «под влиянием Александра Блока и его “Стихов о Прекрасной Даме”» [18, с. 116], что «образ столичной петербургской проститутки» описан «с редкой теплотой и большой поэтической силой»: «Здесь в красочных пятнах в картинном изображении, в рамке ночного города на фоне сине-алого неба встает позор и ужас современного города» [18, с. 134]. Принципиальное отличие от Блока Львов-Рогачевский видит в том, что у Герасимова «мечта о красоте зарождается <…> под гром и лязг железа, в огне напряженной работы. Эта мечта приобретает особенную глубину и величавость, в этой красоте пролетария есть новая красота, повенчанная с трудом» [18, с. 148].

Образ проститутки актуален и для творчества Кириллова. Он, как и у Герасимова, нерасторжимо связан с городом, становясь одной из его примет. Например, в стихотворении «Город»:

Живой поток из вереницКоней, трамваев и моторов —О, сколько незнакомых лиц —И сколько непонятных взоров!

Идут, торопятся, бегут,На души все надеты маски,Лишь проститутки там и тутОткрыто предлагают ласки [15, с. 26].

О внимательном отношении Кириллова к творчеству Блока свидетельствуют прямые отсылки в его стихах. Одно из них под знаковым заглавием «Поэтам революции» посвящено Блоку [15, с. 11], другому произведению, «Родине», предпослан блоковский эпиграф: «Живую душу укачала, / Русь, на своих просторах ты» [15, с. 36]. Отметим и стихотворение «У полотна железной дороги...» [15, с. 38], на мотивно-образном уровне перекликающееся со стихотворением Блока «На железной дороге» (1910). Тематика и образная система стихотворения Кириллова «Звездам» соотносится с поэтикой, харак-

терной для авторов серебряного века: «лазурные очи», «В чертоге высоком», «восторги, томленья», «златые мгновенья» [15, с. 26].

Подробный анализ «Монны Лизы», вероятно, выполненный на основе доклада Богданова на диспуте (или же часть доклада была подготовлена пролетарским критиком на основе сданной в журнал статьи), содержится в статье Богданова «Простота или утонченность?»[2], опубликованной в журнале «Пролетарская культура» за январь — март 1920 г.[3].

Богданов, подтвердив, что Герасимов «по своему прошлому настоящий индустриальный пролетарий, металлист» [4, с. 61], вместе с тем приходит к выводу, что «“Монна Лиза” не есть произведение пролетарской поэзии, хотя она и написана пролетарием, хотя в ней есть и картины завода, и прославление рабочего восстания, все, что официально полагается. Всего этого мало». Проблема заключается в следующем: «Внутренним сотрудником автора, регулятором его работы не был живой образ его коллектива» [4, с. 62]. Критик отмечает, что в поэме

> …немало ярких и живых образов, стройных и звучных сочетаний слов. Но это — типичный продукт ученического подчинения тем поэтам, которые, хотя учились у великих мастеров, выражавших великое жизненное содержание, сами, за недостатком такого содержания, посвятили себя всецело на служение форме [4, с. 61].

Далее, ссылаясь на работы Вл. Ходасевича и В.Л. Львова-Рогачевского, Богданов отмечает влияние К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова, А. Белого и А.А. Блока. И продолжает:

> Первое, что поражает при чтении, это крайняя *неясность*, туманность формы. Трудно уловить не только общую художественную идею, но даже непосредственное содержание поэмы. Сразу очевидно, что поэма написана не только не для рабочих вообще, а даже и не для передовых пролетариев: они не станут ломать головы над метафорами и намеками автора, а пройдут мимо, как занятые люди» [4, с. 61] (выделено Богдановым. — *М.С.*).

Для подтверждения своей мысли пролеткультовский критик целиком приводит пятую главу поэмы, задаваясь вопросом: «что

[2] В этой статье имеются и другие переклички с докладом Богданова, прочитанным в Политехническом музее.

[3] Эта статья войдет в книгу Богданова [3, 175–191] в расширенном варианте — «дополненная частью рецензии на ту же тему, напечатанной около того же времени» [3, 175].

в ней хотел сказать автор?»; кому адресована поэма — она написана «только для себя, чтобы “вылить свою душу”, “свое настроение”? Но тогда зачем печатать?» [4, с. 61, 62]. И в итоге приходит к следующему выводу: «*пролетарский* поэт, не изменяя себе, не может стать на эту точку зрения; она противоречит его классовой природе — *духу коллективизма*» [4, с. 62] (выделено Богдановым. — *М.С.*).

В финале этой статьи Богданов четко и лаконично формулирует свои требования к пролетарскому поэту: «Чему должен учиться пролетарский поэт? Всему важному и глубокому в природе и в обществе. Где учиться? У науки, организующей опыт прошлого и настоящего в понятиях, у искусства, делающего то же в образах. Кого брать в учителя? Тех, кому можно верить: в настоящем — свой родной коллектив с его революционной идеологией, в прошлом — тех, кто широко прокладывал ему пути своей великой творческой силой. Тогда нет опасности заблудиться» [4, с. 67].

Богданов, обращаясь в докладе на диспуте к творчеству Александровского, отмечает, что у этого поэта «очень много хорошего и есть пролетарский дух», при этом много и «чужого» — в этой связи упомянуто, в частности, влияние Есенина. Высокую оценку Богданова заслужило стихотворение Александровского «Вихрь» — в нем «сильное, новое чувство» (Л. 10). Отметим, что в первом четверостишии этого произведения наблюдается стечение шипящих — ч–ш–ж, что создает эффект звукописи:

Плачут медью колокольни,
Резок крыш железных скрежет,
Вспышки молний
Воздух режут [1, с. 30].

Выводы Богданова, сделанные на основе рассмотрения произведений пролетарской поэзии, неутешительны:

> Мы видим, товарищи, регресс в смысле ясности и понятности. Этого, товарищи, не должно быть, все должно быть ясно, туманность — это для избранных, она для многих не нужна, это не нужно пролетарскому делу. Мы видим лживые образы, но достаточно красивые, все это чужое, и это нам не нужно (Л. 10).

В прениях первым выступил А.Б. Мариенгоф, отметивший, что пролетарские поэты, которых дала Октябрьская революция, «просто-напросто пошлют к черту тех учителей, которые ведут их

не по той дороге», тех учителей, которые «страшно любят “форму и содержание”». Это высказывание явно полемично по отношению к докладу Богданова, значительная часть которого была посвящена рассмотрению формы и содержания и той эволюции, которую им предстоит претерпеть в произведениях пролетарских поэтов. Полемизирует Мариенгоф и с другим тезисом Богданова — о ясности и туманности. Останавливаясь на «неясности», поэт-имажинист приводит в качестве примера того человека, который «сказал первым — земля вертится», а те, кто «его слушали, не могли понять». И продолжает:

> Также хотят, чтобы пролетарская поэзия была не открывающей, а была бы только поэзией сегодняшнего дня, <…> открытие создает образ, который не понятен тт. Богдановым, но он, наверное, понятен для рабочего. <…> Если Богданову непонятны образы, создаваемые пролетарской поэзией, мы не виноваты (Л. 11).

Затем слово было предоставлено Есенину. К сожалению, мы не располагаем полным текстом его выступления, однако даже приведенного в стенограмме изложения достаточно, чтобы понять: Есенин вслед за своим собратом по имажинизму активно полемизирует с Богдановым, демонстрируя знание как его художественных текстов, включая роман «Красная звезда», так и работ теоретического характера, а также статей, касающихся вопросов становления пролетарской поэзии и написанных Богдановым и другими критиками. Отдав должное работам Богданова по экономике (они выходили в те годы с завидной регулярностью), Есенин резко негативно высказывается о прозвучавшем докладе: «то, что я слышал сейчас в его докладе о поэзии, мне кажется очень шатким и не имеющим никакого основания» [13, с. 343]. Есенин аргументированно доказывает свою позицию, не соглашаясь с Богдановым, требующим «от пролетарских поэтов, чтобы они были служителями Маркса, чтобы они были изобразителями тех явлений, которые уже всем надоели» [13, с. 343]. В имеющемся изложении выступления Богданова нет упоминаний Маркса, однако в стенограмме зафиксировано, что при рассмотрении наследия Александровского Богданов отметил: Гете — «тот человек, на котором воспитывались мы все, марксисты» (Л. 9). В своих книгах и статьях теоретик Пролеткульта упоминал Маркса в контекстах, близких к тем, на которых останавливается Есенин. Например, в книге 1918 г. «Искусство и рабочий класс» Богданов писал о том способе работы, благодаря которому «результаты

культурного творчества прошлого» должны быть «превращены в действительное наследство рабочего класса», специально отметив, что «так понимал дело и сам Маркс» [2, с. 37]. Напомним, что в названной богдановской книге содержится критика «крестьянской», «левоэсеровской» поэзии Есенина и Клюева — авторов сборника «Красный звон» — как литературы, чуждой «сознанию социалистического пролетариата» [2, с. 58].

Выступление Есенина было ярким и, возможно, достаточно резким. В пользу этого свидетельствуют воспоминания Скитальца, зафиксировавшего впечатления от одного из выступлений поэта в 1921 г. Тогда Есенин «долго молча слушал “пролетарские” речи и, наконец, попросил слова. <…>.

— Здесь говорили о литературе с марксистским подходом! — начал он своим звенящим голосом. — Никакой другой литературы не допускается!.. Это уже три года! Три года вы пишете вашу марксистскую ерунду! Три года мы молчали! Сколько же еще лет вы будете затыкать нам глотку? И на кой черт и кому нужен марксистский подход?» [25, с. 169].

Есенин касается и другой важной темы дискуссии — о таланте. Он не может согласиться с тем, что для пролетарского поэта не важен талант, и упоминает «Анну Каренину», «однообразность» которой «проживет, может быть, сто лет» [13, с. 343], т. е. еще очень долго. Зафиксированные в стенограмме слова Есенина о том, что Богданов «считает ум выше поэзии» [13, с. 343], свидетельствуют: Есенин полемически коснулся одной из важнейших тем выступления теоретика Пролеткульта — о необходимости учиться, что должно обеспечить литературный успех пролетарских поэтов. Есенин ценил образованность, был начитанным и всегда стремился овладевать новыми знаниями. Однако талант был для него необходимым условием творчества, без таланта, как он полагал, не может быть настоящего поэта. Об этом свидетельствуют уже юношеские письма Есенина, в одном из которых, отправленном в сентябре 1913 г. «тургеневской» девушке [12, с. 13] М.П. Бальзамовой, юный Есенин с гордостью сообщает: друг С.Д. Дрожжина поэт И.А. Белоусов «находит, что у меня талант, и талант истинный» [12, с. 49].

Есенин, выступая на диспуте, касается вопроса о значимости образа в поэзии, — того вопроса, который был значим для него многие годы, о чем свидетельствуют и его статья «Ключи Марии» (1918), и незавершенная книга «Словесная орнаментика» (1920), и поэтическая практика периода имажинизма. Полемизируя с Богдановым, Есенин защищает право поэта «давать мысль нераскрытой; это есть

образ, который пойман внутренним или внешним явлением. Создавая новые образы, мы желаем вести к “новому”» [13, с. 343]. Говоря об «учителях», Есенин поддерживает Мариенгофа и отстаивает право пролетарского поэта на самостоятельность: «вы должны слушать этих своих учителей только там, где они знатоки» [13, с. 343].

Выступивший четвертым поэт В.Т. Кириллов заявляет, что не знает, к кому ему «присоединиться», и предпочитает «качаться». Поэт соглашается с упреком Богданова в том, что «у пролетарских поэтов нет коллектива, что они идут врозь» (точнее — порознь), и полагает, что пролетарский поэт, еще не обладающий собственным богатым опытом, в силу этого не отличается самостоятельностью и испытывает самые разные влияния. Кириллов просит старших товарищей «сделать что-нибудь», чтобы дать возможность пролетарским поэтам, которые «в большинстве случаев являются простыми строителями жизни», «работают в области общеполитической», «сплотиться воедино» (Л. 12). Участник диспута, частично признавая критику в адрес Александровского и Герасимова, соглашается с необходимостью получения пролетарскими поэтами не столько художественного, сколько научного образования.

Затем Кириллов высказывается по поводу других прозвучавших мнений. «От товарищей, здесь выступавших, Мариенгофа и Есенина, я отгораживаюсь», — заявляет он. И особо отмечает: «То, что сказал тов. Есенин, чтобы нам не мешали старшие товарищи, я с этим не согласен» (Л. 13). Спустя несколько месяцев, в октябре 1920 г., Герасимов на Всероссийском съезде пролетарских писателей будет утверждать, что «художники старой формации не могут себя считать выразителями чувств и настроений нового общества» и их «творчество уже можно назвать “хвостистским”», а при социализме художнику будет предоставлена полная свобода «выражать все явления жизни, и это будет искусство, потому что будет мастерство» (цит. по: [20, с. 84]).

Зрелое творчество Кириллова, уже после того, как он покинул «Кузницу», отличается простотой формы и ясностью высказывания — тем, к чему, собственно, и призывал участников диспута Богданов. Показателен в этом отношении сборник поэта «Вечерние ритмы», выпущенный в 1928 г. издательством «Федерация». В одном из стихотворений, «Не разрывай единый круг…», эпиграфом к которому стали слова из маленькой поэмы С.А. Есенина «Цветы» (1924) — «А разве эта голова / Тебе не роза золотая?», Кириллов пишет о том, что и в «железный век» сохраняются традиции, которые важны как для обычного человека, так и для поэта:

Пускай гремит железный век
И множит гул машинной новью,
Но ты все тот же, человек,
С такою древней, древней кровью.

Ты любишь тот же звук и цвет,
И блеск звезды, и всплеск прибрежный,
И те же радости поэт
Поныне славит песней нежной. <…>

Не разрывай единый круг,
Все в мире благостно и ценно:
И бороздящий землю плуг,
И в небе облак белопенный [14, с. 21–22].

В качестве еще одного примера можно привести стихотворение Герасимова «В лесу» (1930), в котором получает развитие тема железа:

Железным водопадом
Сквозь дикий бурелом
Ударная бригада
Проходит напролом [10, с. 215].

В финале стихотворения мы узнаем, что действие происходит на «величавой Лене» [10, с. 216].

На эволюцию творчества Герасимова Богданов обратил внимание в 1924 г.: при работе над книгой «Пролетарская культура» он, комментируя свое высказывание из статьи 1921 г. — «Надо по-настоящему учиться, учиться широко и глубоко, а не “набивать руку” в хитрых рифмах и аллитерациях», пояснил: «Герасимов и некоторые из его товарищей теперь более или менее отделались от этой погони за утонченностью, но еще далеко не все» [3, с. 191].

В диспуте принял участие Григорьев — вероятно, Сергей Григорьев, который выскажется по поводу развития пролетарской поэзии в 1922 г. Тогда в статье «Новая фабрика» он напишет о том, что современная техника, все более широко используемая за рубежом, принципиально меняет фабрику, которая становится бездымной и бесшумной, в то время как русская пролетарская поэзия последних лет посвящена фабрике, которой еще не коснулась техническая революция. И в итоге — вывод:

> Поэзия — душа. Пролетарская поэзия — душа рабочего класса. И, стало быть, пролетарские поэты, воспитанные технически невежественными, влекут душу пролетариата в глубину социально-политической реакции. <…> Пролетарская поэзия (русская) последних лет реакционна [11, с. 114].

Выступление Григорьева в печати в 1922 г. вызовет отклик Семена Родова, высказавшего свое несогласие с ним в том же номере журнала [22, с. 116–120].

Григорьев, в выступлении на диспуте в целом солидаризовавшись с Кирилловым, вступает в полемику с поэтами-имажинистами. Его высказывания позволяют получить более полное, чем по сохранившейся записи, представление о высказанных ими мнениях, поэтому приведем здесь значительный по объему фрагмент стенограммы:

> <…> нападки на наших учителей <…> были ошибочные. Товарищу Мариенгофу я бы простил, а тов. Есенину я не мог бы простить, потому что он знает, к чему тут в Пролеткульте стремятся. Он указывает на преимущество ума поэта перед умом простого человека. <…> если будете жить в городе, на фабрике, на заводе, на реке, на лугу и т. д., тогда ваш ум иной, не такой, как обычный. <…> Очень трудно говорить с людьми, когда говоришь с ними на разных языках. Пролеткульт, когда он говорит о пролетарском творчестве, он говорит о здоровом творчестве, о человеке, вышедшем из народа, а не о человеке с потрепанными нервами и со всякими фокусами. <…> Тов. Мариенгоф, выходя из коллектива, не чувствует себя членом общества <…> (Л. 14).

Вероятно, здесь Григорьев полемизирует с высказываниями Есенина по поводу таланта, который необходим поэту, к какому бы сословию или социальному классу он ни относился, и с высказываниями Мариенгофа относительно возможности поэта работать не только в коллективе.

Еще один докладчик, П.И. Лебедев-Полянский, с 1918 г. Председатель Всероссийского совета Пролеткульта, в будущем — руководитель Главлита, отметив, что знаком с творчеством как Мариенгофа, так и Есенина, заявил, что «они говорят красивее, чем пишут» (Л. 15). Докладчик, коснувшись вопроса о взаимоотношениях критиков и поэтов и прочитав стихотворение Есенина (какое именно, неизвестно), отметил по поводу поэта: «…я увидел человека, который просто разбивается на две части. <…> Когда Есенин вы-

пустил первую книжку, я его оценил, он был более крестьянским поэтом» (Л. 15). Лебедев-Полянский неоднократно упоминал Есенина в своих статьях и рецензиях, однако его высказывания о «Радунице» — первой книге поэта — неизвестны. Оценка им есенинской книги «Преображение» (1918) — резко отрицательная, в рецензии Лебедева-Полянского, в частности, сказано: «В стихах С. Есенина нет даже здоровых крестьянских настроений» [5, с. 42].

В прениях участвовал также активный деятель Пролеткульта Н.Л. Шварц, получивший в конце 1910-х гг. известность как философ, критик, драматург и прозаик. Он откликнулся на выступление не только Богданова, но и Мариенгофа с Есениным, заявив, что творчество первых поэтов Пролеткульта «диаметрально расходится» с тем, о чем говорят Богданов и «проповедники пролетарской культуры, пролетарской поэзии». И предположил, что, возможно, они правы — следует учиться, «и тогда, может быть, выступавшие здесь Есенин и Мариенгоф не заткнут ушей, и поступят так, как Кириллов, который начинает качаться» (Л. 16). Здесь Шварц, как видим, затрагивает одну из ключевых тем диспута — об использовании пролетарскими поэтами опыта предшественников, прежде всего русских классиков.

Обращается Шварц и к другой значимой теме — о таланте, о том, что не всякий написанный текст может рассматриваться как произведение искусства. Важно осмыслить, как он полагает, следующее: авторы «суть поэты в том случае, если у них есть нечто, близкое к искусству. <…> Или они не суть поэты». Шварц не соглашается с Богдановым в одном из ключевых его тезисов — о том, кто должен определять, достойно ли то или иное произведение признания. Шварцу «совершенно не ясно, почему для испытания стихотворения следует прочесть на заводе, поймут рабочие или не поймут, — конечно, — не поймут» (Л. 16). Рассуждая об особенностях поэзии, Шварц обращается также к вопросу о символизме в творчестве пролетарских поэтов. И здесь — существенное расхождение с мыслями Богданова о простоте и о необходимости сделать поэтические произведения понятными даже самому неискушенному читателю. «В пролетарской поэзии, — полагает Шварц, — больше, чем в буржуазной поэзии, будет символических элементов», однако «этот символизм не есть символизм Блока» (Л. 17).

И, наконец, Шварц касается темы, которая станет наиболее острой в 1926 г., в период активной дискуссии о литературной критике. Шварц ставит вопрос: «…кто для кого существует: поэзия для критики или критика для поэзии. Если поэзия для критики, то <…> позиция ясна, но если наоборот, то, мне кажется, нам следовало бы немножко

шире раскрыть глаза <…>» (Л. 18). Вероятно, здесь идет полемика с Богдановым, который в упоминавшейся выше статье «Простота или утонченность?» пытался объяснить, как упростить творческие поиски писателя: «…научная критика, — писал он, — может облегчить искания художника»; и определял содержание пролетарской поэзии: «вся жизнь рабочего класса: его мирочувствование, миропонимание, практическое мироотношение, стремления, идеалы» [4, с. 58].

В заключительном слове Богданов уделяет основное внимание полемике со Шварцем и Мариенгофом с Есениным, которые выступили как наиболее активные его оппоненты и высказали мнения, значительно отличающиеся от его позиции. Богданов полагает, что Шварц «не имел права говорить от имени всех пролетарских поэтов»; «Вы неправильно ставите вопрос: они или суть поэты или не суть поэты. Правда, они еще не совсем сложились. <…> у многих пролетарских поэтов замечается неграмотность». Откликается Богданов и на приведенное выше полемическое высказывание Шварца, поясняя слова из своего первого выступления: «Я говорил: пойдите на завод и там прочтите. Это не значит, что мы должны идти и читать для самых серых» (Л. 19).

Заявив, что «тов. Мариенгоф и Есенин <…> стоят на разных позициях», т. е. на позициях, отличных от позиции Пролеткульта, Богданов отмечает: «У Есенина стоит поучиться пролетарскому поэту, там психология очень хорошо выражена, в особенности, где описывается крестьянская жизнь» (Л. 19). Богданов признается, что Мариенгофа знает очень плохо, в основном по цитированиям Львовым-Рогачевским, и зачитывает по его книге «Поэзия новой России. Поэты полей и городских окраин» стихотворения Мариенгофа 1918 г. «Кровью плюем зазорно…» и «Твердь, твердь за вихры зыбим…», критикуя поэта-имажиниста за отступление от исторической правды: «Значит 2000 лет тому назад были коммунисты, и одного коммуниста вздыбили в ЧК тогдашнюю. Это не ЧК. <…> нельзя так относиться» (Л. 19).

В итоговом слове Богданов вновь обращается к образу Монны Лизы, опираясь теперь на свой собственный жизненный опыт, — указывает, что сам наблюдал различные выражения на портрете женщины. Заключительное выступление Богданова не могло примирить выступавших — каждый из них остался при своем мнении.

Диспут выявил серьезные расхождения в представлениях о пролетарской поэзии и путях ее развития не только между теоретиками и практиками пролетарской литературы и имажинистами, но и внутри самого Пролеткульта.

Спустя всего несколько дней после дискуссии, 1 февраля 1920 г., группой пролетарских писателей было подготовлено заявление, опубликованное 5 февраля в «Правде»:

> Мы, группа пролетарских писателей при Московском Пролеткульте, обсудив на своем заседании от 1-го февраля с. г. условия работы в Пролеткульте, которые, по целому ряду причин, тормозят выявление творческих возможностей пролетарских писателей, постановили: оставаясь на точке зрения пролетарской культуры, выйти из Московского Пролеткульта и образовать секцию пролетарских писателей при литературном отделе Наркомпроса[4].

Документ подписали: Михаил Герасимов, Гр. Санников, Семен Родов, С. Обрадович, В. Казин, Николай Дегтярев и В. Александровский.

Еще через несколько дней, 11 февраля, проходит заседание секции, в котором участвуют семь подписавших заявление поэтов, а также Е.Е. Нечаев и Н.Г. Полетаев, избирается руководство Подотдела пролетарской литературы при ЛИТО Наркомпроса, утверждается предложение о создании журнала «Кузница» [6, с. 309].

Так зарождается литературное объединение пролетарских писателей «Кузница». Одной из его задач наряду с изданием собственного журнала становится организация и проведение съезда, на который были приглашены представители регионов. Съезд, открывшийся в Москве 10 мая 1920 г., «из-за малочисленности участников был преобразован в Совещание пролетарских писателей» [7, с. 250]. На этом собрании на протяжении трех дней продолжалась полемика, начатая 26 января в Политехническом музее. С докладом «о форме пролетарского творчества» выступил Богданов, повторивший свои тезисы, согласно которым пролетарское творчество должно быть простым по форме и по содержанию, пролетарским авторам следует учиться на лучших образцах и учитывать читательскую аудиторию, и подчеркнувший, что «излишняя филигранность формы не совместима, не гармонирует с огромным содержанием пролетарского творчества. Эти тесные рамки формы только мешают художнику. Обыкновенно под стремлением к изощренности формы кроется бессилие дать удовлетворительное содержание. Как на пример простоты докладчик указывает на классиков — Пушкина, Лермонтова, Байрона, Гете, Шекспира» [26, с. 27]. С последним тезисом не согласился Герасимов, резонно заметивший: «Пушкин далеко не прост, если его проанали-

[4] Правда. 1920. № 25. 5 февраля. С. 2.

зировать» [26, с. 27]. Родов, обратив внимание на поэму Герасимова «Монна Лиза», которой в январе уделил особое внимание Богданов, отметил, что если рабочему непонятна эта поэма, то не более понят будет и «Фауст» Гете. Кириллов подчеркнул, что в стремлении к простоте необходимо соблюдать художественную меру: «Если бы искусство было так же понятно, как фельетон, оно не было бы тогда искусством. Но это и не значит, что искусство должно быть туманным…». Обрадович выступил в защиту Герасимова и Александровского, отметив, что Богданов указал только на неудачные стихотворения, забывая о «прекрасных произведениях» этих авторов. Санников заметил, что возвращение к простоте формы означает отказ «от революции в искусстве». В итоге в принятой резолюции участники совещания зафиксировали, что пролетарская литература должна быть «художественна и доступна по форме и содержанию» [26, с. 27], что пролетарский писатель должен учиться и внимательно наблюдать за окружающей жизнью. Содержание принятой резолюции соответствовало предложениям Богданова, прозвучавшим в его выступлении на диспуте.

Рассматриваемую нами тему поднимали и участники вечернего заседания во второй день работы совещания. Так, Лебедев-Полянский в докладе «Место пролетарского писателя в жизни» высказал мнение о том, что хотя «не пролетарий не может выразить пролетарские чувства», «не всякий писатель-рабочий есть пролетарский писатель» [26, с. 28], что соответствовало видению Богданова. А.И. Маширов-Самобытник заявил, что «неправильна дорога тех, кто будет стремиться к утонченности формы», ибо «пролетарский поэт пишет не для интеллигенции, а для рабочего класса», а Г.Д. Деев-Хомяковский выступил против ориентации на идеального, понимающего читателя из рабочей среды, которого сейчас нет (Протокол заседания первого Всероссийского совещания пролетарских писателей от 10 мая 1920 г.; цит. по: [6, с. 313]). Вторая резолюция совещания была принята с учетом предложения Маширова-Самобытника открыть крестьянским писателям доступ в создаваемый Всероссийский Профессиональный Союз пролетарских писателей. Этот союз, как предполагалось, должен готовить деятелей пролетарской культуры, войдя на правах секции во Всероссийский Союз Работников Искусств. В числе задач союза были отмечены, в частности, обеспечение своими произведениями пролетарских газет и журналов, создание издательства пролетарской литературы, проведение различных мероприятий, организация студий, кружков, курсов и др.

Как видим, в первые месяцы 1920 г. произошли существенные изменения в организационной структуре литературных организаций. В этот период были приняты решения, оказавшие немалое влияние на развитие русской литературы 1920-х гг. Этот процесс в значительной степени был вызван диспутом, состоявшимся 26 января 1920 г.

Литература

1. *Александровский В.* Рабочий поселок. Стихотворения. М.: Московский Пролеткульт, 1919. 72 с.

2. *Богданов А.А.* Искусство и рабочий класс. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1918. 80 с.

3. *Богданов А.А.* О пролетарской культуре. 1904–1924. Л.; М.: Издат. т-во «Книга», 1924. 344 с.

4. *Богданов А.А.* Простота или утонченность? // Пролетарская культура. 1920. № 13–14. С. 58–67.

5. *В. Г-ъ* [П.И. Лебедев-Полянский]. С. Есенин. Преображение. Стихотворения <Рец.> // Пролетарская культура. 1919. № 6. С. 42–43.

6. *Гачева А.Г.* Литературная группа «Кузница»: история, эстетическая платформа, художественная практика // Codex manuscriptus. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 5. С. 307–366. https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2024-5-307-366

7. *Гачева А.Г.* Поэты «Кузницы» // Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты поэтов: в 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2008. Т. 1 / ред.-сост. А.Г. Гачева, С.Г. Семенова. С. 244–390. (Серия «История русской литературы XX века»)

8. *Герасимов М.* 4 поэмы. Петроград: Пролеткульт, 1921. 32 с. (Серия «Библиотека Пролеткульта»)

9. *Герасимов М.* Железные цветы. Стихи / обл. Г. Ряжского. Самара: Центропечать, 1919. 96 с.

10. *Герасимов М.* Стихотворения. [М.:] Московское товарищество писателей, 1933. Т. 1. 226 с.

11. *Григорьев Серг.* Новая фабрика // Горн. 1922. № I (VI). С. 113–116.

12. *Есенин С. А.* Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос. 1999. Т. 6 / сост. и общ. ред. С.И. Субботин; подгот. текстов и текстологич. коммент.: Е.А. Самоделова, С.И. Субботин; реальный коммент.: А.Н. Захаров, С.П. Кошечкин, С.С. Куняев, Г. Маквей, Ю.А. Паркаев, Ю.Л. Прокушев, Т.К. Савченко, М.В. Скороходов, С.И. Субботин, Н.И. Шубникова-Гусева, Н.Г. Юсов. 816 с.

13. *Есенин С.А.* Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1999. Т. 7, кн. 1 / сост., подгот. текстов и коммент.: А.Н. Захаров, С.П. Кошечкин, Т.К. Савченко, М.В. Скороходов, С.И. Субботин, Н.Г. Юсов. 560 с.

14. *Кириллов В.Т.* Вечерние ритмы. М.: Федерация, [1928]. 123 с.

15. *Кириллов В.* Стихотворения. 1914–1918-й г. Петербург: Пролеткульт, [1918]. 47 с.

16. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. (7 кн.) / гл. ред. А.Н. Захаров. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 2 / общ. ред. и предисл. А.Н. Захаров; сост. В.А. Дроздков, А.Н. Захаров, Т.К. Савченко. 760 с.

17. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. М.: ИМЛИ РАН, 2006. Т. 1, ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. / отв. ред. А.Ю. Галушкин. 768 с.

18. *Львов-Рогачевский В.Л.* Поэзия новой России: Поэты полей и городских окраин. М.: Книгоиздательство писателей, [1919]. 192 с.

19. *Морозова А.Ю.* А.А. Богданов и Пролеткульт // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2020. № 1 (53). С. 37–52.

20. *Московская Д.С.* Пролетарская литература как проект // Новое литературное обозрение. 2021. № 5. С. 80–93.

21. Протоколы Первой Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций 15–20 сентября 1918 г. / под ред. П.И. Лебедева-Полянского. М.: Пролетарская культура, 1918. 126 с.

22. *Родов С.* Ответ С. Григорьеву // Горн. 1922. № I (VI). С. 116–120.

23. *Семенова С.Г.* Идеал социализма и теория пролетарского искусства А. Богданова // Гачева А.Г., Казнина О.А., Семенова С.Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 165–180.

24. Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы / общ. ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой; сост. С.П. Митрофановой-Есениной и Т.П. Флор-Есениной; коммент. С.П. Митрофановой-Есениной, С.И. Субботина, Т.П. Флор-Есениной; подгот. текстов и указатель имен С.И. Субботина. М.: Республика, 1995. 608 с.

25. *Скиталец.* Есенин // Русское зарубежье о Есенине: воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи: в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент.: Н.И. Шубникова-Гусева. М.: ИНКОН, 1993. Т. 1. С. 166–170.

26. Совещание пролетарских писателей // Кузница. 1920. № 2. С. 26–29.

Research Article and Publication of Archival Documents

The Debate on Proletarian Poetry 1920 in a Historical and Literary Context

© 2026. Maxim V. Skorokhodov
A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: The debate on proletarian poetry, which took place on January 26, 1920, at the Moscow Polytechnic Museum, is considered in the article as an important link in the formation of literary organizations of the first Soviet years. The transcript of the debate, which is kept in the Russian State Archive of Socio-

Political History in the fonds of the ideologist of Proletkult A.A. Bogdanov, is being introduced into scholarly circulation. The participants of the meeting expressed their attitude to Bogdanov's report, in which a number of serious complaints about the works of proletarian poets were voiced, as well as to the speeches made by A.B. Marienhof and S.A. Esenin. The analysis shows that the most important consequence of the debate was the decision taken on February 1, 1920, by a group of proletarian writers to withdraw from the "Moscow Proletkult" and to form a section of proletarian writers at the literary department of the People's Commissariat of Education. At a meeting of this section on February 11, the leadership of the Sub-Department of Proletarian Literature under the "LITO" of the People's Commissariat of Education was elected and a decision was made to publish the magazine *Kuznitsa*. This is how the literary association of proletarian writers *Kuznitsa* (1920–1932) was born, which played a significant role in the literary process of the 1920s.

Keywords: Russian Literature of the 1910s–1920s, literary process, Proletkult, literary association *Kuznitsa*, A.A. Bogdanov, S.A. Esenin, A.B. Marienhof.

Information about the author: Maxim V. Skorokhodov, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6390-5670

E-mail: msk2002@rambler.ru

For citation: Skorokhodov, M.V. "The Debate on Proletarian Poetry 1920 in a Historical and Literary Context." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (40), 2026, pp. 253–276. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-253-276

References

1. Aleksandrovskii, V. *Rabochii poselok. Stikhotvoreniia* [*Work Settlement. Poems*]. Moscow, Moskovskii Proletkult Publ., 1919. 72 p. (In Russ.)

2. Bogdanov, A.A. *Iskusstvo i rabochii klass* [*Art and the Working Class*]. Moscow, Tipografiia Tovarishchestva I.D. Sytina Publ., 1918. 80 p. (In Russ.)

3. Bogdanov, A.A. *O proletarskoi kul'ture. 1904–1924* [*About Proletarian Culture. 1904–1924*]. Leningrad, Moscow, Izdatel'skoe tovarishchestvo "Kniga" Publ., 1924. 344 p. (In Russ.)

4. Bogdanov, A.A. "Prostota ili utonchennost'?" ["Simplicity or Sophistication?"]. *Proletarskaia kul'tura*, no. 13–14, 1920, pp. 58–67. (In Russ.)

5. V.G. [P.I. Lebedev-Polyanskii]. "S. Esenin. Preobrazhenie. Stikhotvoreniia <Retsenziia>" [*S. Esenin. Transformation. Poems <Review>*]. *Proletarskaia kul'tura*, no. 6, 1919, pp. 42–43. (In Russ.)

6. Gacheva, A.G. "Literaturnaia gruppa 'Kuznitsa': istoriia, esteticheskaia platforma, khudozhestvennaia praktika" ["The Literary Group 'Kuznitsa': History, Aesthetic Platform, Artistic Practice"]. *Codex manuscriptus*, vol. 5. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 307–366. https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2024-5-307-366. (In Russ.)

7. Gacheva, A.G. "Poety 'Kuznitsy'." ["The Poets of the 'Kuznitsa'."]. *Russkaia literatura 1920–1930-kh godov. Portrety poetov: v 2 t.* [*Russian Literature of the 1920s and 1930s. Portraits of Poets: in 2 vols.*], vol. 1, ed. by A.G. Gacheva and S.G. Semeno-

va. Moscow, IWL RAS Publ., 2008, pp. 244–390. (Series “Istoriia russkoi literatury XX veka” [“The History of Russian Literature of the 20th Century”]) (In Russ.)

8. Gerasimov, M. *4 poemy* [*4 Poems*]. Petrograd, Proletkult Publ., 1921. 32 p. (Series “Biblioteka Proletkul’ta” [“Proletkult Library”]) (In Russ.)

9. Gerasimov, M. *Zheleznye tsvety. Stikhi* [*Iron Flowers. Poems*], cover by G. Ryazhsky. Samara, Tsentropechat’ Publ., 1919. 96 p. (In Russ.)

10. Gerasimov, M. *Stikhotvoreniia* [*Poems*], vol. 1. Moscow, Moskovskoe tovarishchestvo pisatelei Publ., 1933. 226 p. (In Russ.)

11. Grigor’ev, Serg. “Novaia fabrika” [“The New Factory”]. *Gorn*, no. I (VI), 1922, pp. 113–116. (In Russ.)

12. Esenin, S.A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 7 t. (9 kn.)* [*Complete Works: in 7 vols. (9 books)*], ex. ed. Iu.L. Prokushev, vol. 6, comp. and ed. S.I. Subbotin; texts prep. and textual comm. by E.A. Samodelova and S.I. Subbotin; comm. by A.N. Zakharov, S.P. Koshechkin, S.S. Kuniaev, G. McVay, Iu.A. Parkaev, Iu.L. Prokushev, T.K. Savchenko, M.V. Skorokhodov, S.I. Subbotin, N.I. Shubnikova-Guseva, and N.G. Iusov. Moscow, Nauka, Golos Publ., 1999. 816 p. (In Russ.)

13. Esenin, S.A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 7 t. (9 kn.)* [*Complete Works: in 7 vols. (9 books)*], ex. ed. Iu.L. Prokushev, vol. 7, book 1, comp., text prep. and comm. A.N. Zakharov, S.P. Koshechkin, T.K. Savchenko, M.V. Skorokhodov, S.I. Subbotin, and N.G. Iusov. Moscow, Nauka, Golos Publ., 1999. 560 p. (In Russ.)

14. Kirillov, V.T. *Vechernie ritmy* [*Evening Rhythms*]. Moscow, Federatsiya Publ., [1928]. 123 p. (In Russ.)

15. Kirillov, V. *Stikhotvoreniia. 1914–1918-i g.* [*Poems. 1914–1918*]. Peterburg, Proletkult Publ., [1918]. 47 p. (In Russ.)

16. *Letopis’ zhizni i tvorchestva S.A. Esenina: v 5 t. (7 kn.)* [*Chronicle of S.A. Esenin's Life and Work: in 5 vols. (7 Books)*], vol. 2, ex. ed. A.N. Zakharov. Moscow, IWL RAS Publ., 2005. 760 p. (In Russ.)

17. *Literaturnaia zhizn’ Rossii 1920-kh godov. Sobytiia. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiia* [*The Literary Life of Russia in the 1920s. Events. Reviews of Contemporaries. Bibliography*], vol. 1, part. 1: Moskva i Petrograd. 1917–1920 gody [Moscow and Petrograd. 1917–1920]. Moscow, IWL RAS Publ., 2006. 768 p. (In Russ.)

18. L’vov-Rogachevskii, V.L. *Poeziia novoi Rossii: Poety polei i gorodskih okrain* [*Poetry of New Russia: Poets of Fields and Urban Suburbs*]. Moscow, Knigoizdatel’stvo pisatelei Publ., [1919]. 192 p. (In Russ.)

19. Morozova, A.Iu. “A.A. Bogdanov i Proletkult” [“A.A. Bogdanov and Proletkult”]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia*, no. 1 (53), 2020, pp. 37–52. (In Russ.)

20. Moskovskaia, D.S. “Proletarskaia literatura kak proekt” [“Proletarian Literature as a Project”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 5, 2021, pp. 80–93. (In Russ.)

21. *Protokoly Pervoi Vserossiiskoi konferentsii proletarskikh kul’turno-prosvetitel’nykh organizatsii 15–20 sentiabria 1918 g.* [*Minutes of the First All-Russian Conference of Proletarian Cultural and Educational Organizations on September 15–20, 1918*]. Moscow, Proletarskaia kul’tura Publ., 1918. 126 p. (In Russ.)

22. Rodov, S. “Otvet S. Grigorevu” [“Reply to S. Grigoriev”]. *Gorn*, no. I (VI), 1922, pp. 116–120. (In Russ.)

23. Semenova, S.G. “Ideal sotsializma i teoriia proletarskogo iskusstva A. Bogdanova” [“The Ideal of Socialism and the Theory of Proletarian Art by A. Bogdanov”]. Gacheva, A.G., Kaznina, O.A., and S.G. Semenova. *Filosofskii kontekst russkoi literatury 1920–1930-kh godov* [*The Philosophical Context of Russian Literature of the 1920s–1930s*]. Moscow, IWL RAS, 2003, pp. 165–180. (In Russ.)

24. *Sergei Esenin v stikhakh i zhizni: Pis’ma. Dokumenty* [*Sergey Esenin in Poetry and Life: Letters. Documents*], ed. by N.I. Shubnikova-Guseva; comp. S.P. Mitrofanova-Esenina and T.P. Flor-Esenina; comm. S.P. Mitrofanovoi-Eseninoi, S.I. Subbotina, and T.P. Flor-Eseninoi; text prep. and index of names S.I. Subbotina. Moscow, Respublika Publ., 1995. 608 p. (In Russ.)

25. Skitalets. “Esenin.” *Russkoe zarubeje o Esenine: vospominaniia, esse, ocherki, retsenzii, stat’i: v 2 t.* [*The Russian Abroad about Esenin: Memoirs, Essays, Sketches, Reviews, Articles: in 2 vols.*], vol. 1, introd., comp. and comm. by N.I. Shubnikova-Guseva. Moscow, INKON Publ., 1993, pp. 166–170. (In Russ.)

26. “Soveshchanie proletarskikh pisatelei” [“Meeting of Proletarian Writers”]. *Kuznitsa*, no. 2, 1920. pp. 26–29. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 21.02.2026
Одобрена после рецензирования: 20.04.2026
Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 21.02.2026
Approved after reviewing: 20.04.2026
Date of publication: 25.06.2026

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ И КОММЕНТАРИЯ

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Научная статья
УДК 821.161.1.1
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-277-290
https://elibrary.ru/HEDKBN

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (40), 2026

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Кто и куда переселялся. Адресат пушкинского «Новоселья»

© 2026, Т.А. Китанина
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются контекст и адресация стихотворения А.С. Пушкина «Новоселье», помеченного в автографе «Москва, 1830». Общепринятым в пушкиноведении стало соотносить эти стихи с покупкой писателем, историком М.П. Погодиным дома князя Тюфякина на Мясницкой, тем более что Пушкин в апреле 1830 г. был у него на новоселье. Однако автор статьи предлагает иное прочтение стихотворения — как поэтический отклик на смерть 20 августа 1830 г. дяди Пушкина Василия Львовича, которого племянник-поэт провожал на «последнее новоселье» на кладбище Донского монастыря. Анализируется место автографа стихотворения в корпусе болдинских рукописей, его поэтика и литературно-биографические переклички.

Ключевые слова: пушкинистика, В.Л. Пушкин, научный комментарий, адресат стихотворного текста, датировка.

Информация об авторе: Татьяна Александровна Китанина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5867-8090

E-mail: tkitanina@gmail.com

Для цитирования: *Китанина Т.А.* Кто и куда переселялся. Адресат пушкинского «Новоселья» // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 277–290. https://doi. org/10.22455/2541-8297-2026-40-277-290

НОВОСЕЛЬЕ

Благословляю новоселье,
Куда домашний свой кумир
Ты перенес — а с ним веселье,
Свободный труд и сладкий мир.

Ты счастлив: ты свой домик малый,
Обычай мудрости храня,
От злых забот и лени вялой
Застраховал, как от огня [7, т. 3, кн. 1, с. 221].

«Новоселье», написанное, согласно помете в автографе, в Москве в 1830 году, было опубликовано при жизни Пушкина в альманахе «Сиротка» на 1831 год и вошло в его собрание стихотворений 1832 года. В рукописи оно имеет подзаголовок «К**» (появившийся, судя по цвету чернил и положению в рукописи, до названия «Новоселье», вписанного позднее), в публикации этот подзаголовок отсутствует. Ни в одном из источников при жизни Пушкина адресат «Новоселья» не упоминается. Не назван он также ни в так называемом Посмертном собрании[1], ни у П.В. Анненкова[2]. Если в Посмертном собрании его издатели (в первую очередь, В.А. Жуковский) не комментировали пушкинские тексты, то Анненков, когда мог, старался в примечаниях раскрывать адресатов и общий контекст стихотворений, однако и он не прояснил вопроса с новоселом, упомянув лишь, что «посланьице было написано еще в Москве, как видно по рукописи, где отметка: “1830, Москва” и заглавие: “К **”»[3]. Первым высказал предположение относительно адресата П.А. Ефремов — он однозначно указал на Павла Воиновича Нащокина, хотя и не привел никаких аргументов в пользу своей атрибуции[4]. Возможно, на мысль о Нащокине его навели слова про «домик малый»: игрушечный дом с миниатюрной мебелью и прочими деталями действительно был любимым детищем и развлечением Нащокина. Также не приведя никаких аргументов в пользу адресации стихотворения Нащокину, повторил эту версию Б.Л. Модзалевский, комментируя переписку Пушкина[5]. В последующих собраниях Ефремова и П.О. Морозова стихотворение печаталось с подзаголовком «П.В. Нащокину»; в комментарии к изданию «Academia» 1936 г. М.А. Цявловский поясняет, что «домашний кумир» — это нащокинский игрушечный домик[6]. Однако едва ли о кукольном домике можно было говорить в кон-

[1] *Пушкин А.С.* Сочинения. СПб., 1838. Т. 4. С. 231. «Новоселье» здесь помещено в раздел «Антологические стихотворения».

[2] *Пушкин А.С.* Сочинения / изд. П.В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 2. С. 532.

[3] Там же. С. 544.

[4] *Пушкин А.С.* Сочинения / под ред. П.А. Ефремова. СПб.: Изд. Я.А. Исакова, 1880. Т. 2. С. 432.

[5] *Пушкин А.С.* Письма / под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. М.; Л.: Госиздат, 1928. Т. 2. С. 484.

[6] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 6 т. / под общ. ред. М.А. Цявловского. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 1. С. 777.

тексте новоселья, да и «свободный труд» был Нащокину совсем не свойственен, а от «злых забот» он как раз не смог застраховать свой «домик», поскольку постоянно находился в долгах и в итоге, уже после смерти Пушкина, вынужден был заложить его и так и не смог больше выкупить[7]. Слова «сладкий мир» тоже с трудом были применимы к Нащокину, в 1830 году мучительно переживавшему непростые отношения с жившей у него любовницей-цыганкой Ольгой Андреевной Солдатовой (ему удалось их разорвать только в 1834 г.). Хронологически версия с Нащокиным также вызывает большие вопросы. Первое упоминание о его игрушечном доме в письмах Пушкина датируется декабрем 1831 г., и в этом письме говорится, что дом «отделывается» [7, т. 14, с. 245], так что в высшей степени сомнительно, что Пушкин уже в 1830 г. мог приветствовать какое бы то ни было «новоселье» Нащокина в связи с его «домиком». Помимо всего прочего, Анненков лично общался с Нащокиным в период подготовки своего издания, ссылался на его рассказы о дружбе с Пушкиным[8], однако адресата «Новоселья» ему установить не удалось.

Позже М.А. Цявловский высказал весьма правдоподобную гипотезу о том, что стихотворение могло быть посвящено М.П. Погодину, в апреле 1830 года, в период пребывания в Москве Пушкина, переехавшему в новый дом [9, с. 394–396][9]. Известна записка Пушкина Погодину, в которой поэт сообщает, что заходил поздравить его с новосельем [7, т. 14, с. 80], известно, что Пушкин был на праздновании новоселья Погодина 29 апреля, где, в числе других участников, сделал приписку к письму Погодина, в котором тот описывал другу С.П. Шевыреву свое счастье в новом доме: «В своем мезонине я теперь царь: ни один звук до меня не доходит, и я, окруженный книгами, имея перед глазами живые картины, занимаюсь всласть» [7, т. 14, с. 82]. При этом, как отметил Цявловский, «сладкий труд»

[7] Подробно эта история описана в статье: [5].

[8] «Чрезвычайно любопытны рассказы последнего об образе жизни поэта нашего во время его приездов в Москву, в последние годы его холостой жизни и во все продолжение женатой» (*Анненков П.В.* Материалы для биографии А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Сочинения. СПб., 1855. Т. 1. С. 216).

[9] Мысль о Погодине, по-видимому, появилась у Цявловского при подготовке корпуса стихотворений для Академического собрания сочинений Пушкина: в кн. 2 третьего тома, вышедшей в 1949 г., впервые «Новоселье» предположительно датировано концом апреля 1830 г. [7, т. 3, кн. 2, с. 1209], что говорит о том, что оно уже рассматривается в контексте новой гипотезы. В Малом академическом собрании под редакцией Б.В. Томашевского впервые было прямо высказано предположение об адресации стихотворения М.П. Погодину (*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 3. С. 505); статья Цявловского с обоснованием этой версии вышла уже посмертно в подборке его «Заметок о Пушкине» (Звенья. М.: Госкультпросветиздат, 1951. Т. 9. С. 167–169).

и отсутствие «лени вялой» гораздо больше подходили Погодину, чем Нащокину. Эта гипотеза утвердилась в пушкиноведении, а стихотворение получило более узкую датировку — апрелем 1830 года, вероятно, около 26 апреля — на основании биографических данных. Единственное, что вызывало сомнение (даже побуждало вернуться к гипотезе о Нащокине[10]), это слова про «домик малый»: купленный Погодиным дом на Мясницкой был очень велик. Впрочем, Цявловский предусмотрел этот вопрос и предположил, что «домиком малым» Пушкин мог назвать описанный в письме мезонин. О.С. Муравьева высказала также обоснованное предположение, что слова «домик малый» могли относиться к условной топике дружеского послания, ориентированной на «Мои Пенаты» (1811) К.Н. Батюшкова [3, с. 360].

Все это выглядит весьма правдоподобно, однако, как кажется, существует ряд обстоятельств, противоречащих гипотезе об адресации стихотворения Погодину. Первое, что бросается в глаза, — довольно отстраненный деловой тон всех пушкинских кратких записок Погодину 1830 года. Пушкин обращался к нему исключительно на Вы и явно держал дистанцию. Ни малейшего намека на ту дружескую теплоту и близость, которой проникнуто «Новоселье», в его отношении к Погодину не было. Это соображение может быть отведено ссылкой на все ту же стилистику дружеского послания, допускавшую более дружеский тон, чем в жизни, и обращение на «ты» к адресату, с которым в жизни автор на «вы».

Однако есть и другое обстоятельство, которое объяснить значительно сложнее. Как известно, Погодин вел дневник, где постоянно и скрупулезно отмечал встречи с Пушкиным, прочитанные и услышанные пушкинские стихи, суждения и т. д. При этом он ни словом не обмолвился о стихотворении Пушкина, адресованном лично ему и, возможно, подаренном ему на новоселье. Погодин не упомянул этого знаменательного для него факта ни в дневнике, ни в переписке, ни в разговорах[11] — иначе бы сведения об адресате стихотворения каким-то образом проникли в переписку пушкинского окружения и должны были дойти до Анненкова, по крупицам собиравшего для

[10] См.: [4]. Однако, как кажется, исследовательница не добавляет веских аргументов в пользу этой гипотезы.

[11] Утраченная тетрадь, куда Погодин заносил разговоры с Пушкиным (см.: А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 2. С. 376), также едва ли содержала подобную информацию: все же посвящение стихотворения — скорее событие личного плана, чем тема беседы. Впрочем, гадать о том, что было или не было в утраченной тетради, как кажется, довольно бессмысленно. Никаких следов «Новоселья» в сохранившихся многочисленных источниках, связанных с Погодиным, не обнаруживается.

комментария и «Материалов к биографии» сведения от современников и знакомых поэта.

Эти обстоятельства заставляют задаться вопросом, не было ли в Москве в 1830 году другого новоселья, которое могло взволновать Пушкина и побудить к написанию стихов?

В связи с этим неизбежно возникает вопрос о датировке стихотворения. Единственный его автограф (ПД 127) находится на том же листе, что и «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье…»), обе записи сделаны, по-видимому, в один день — а «Элегия» помечена 8 сентября 1830 г.[12] Предполагалось, что перебелка написанного ранее «Новоселья» была связана с подготовкой публикации в альманахе «Сиротка». Однако, если не привязывать момент его создания к новоселью Погодина, то резонно предположить, что стихотворение, никаких следов которого не обнаруживается в более ранних автографах, могло быть написано примерно в то же время, когда переписано набело. Пушкин к этому моменту только что прибыл из Москвы в Болдино, 7 сентября помечены первые болдинские автографы — не привез ли он с собой черновик свеженаписанного стихотворения, которое перебелил в Болдине, или уже тут письменно зафиксировал недавний московский замысел? Как известно, многие черновики текстов, как созданных, так и перебеленных в Болдине, не сохранились, так что отсутствие каких бы то ни было следов «Новоселья» в бумагах Пушкина до осени 1830 г. говорит в пользу того, что это стихотворение либо было взято в Болдино для перебелки, либо написано прямо там.

Приезду поэта в Болдино непосредственно предшествовало событие, сильно взволновавшее Пушкина и занимавшее его мысли и само по себе и в связи с перспективой собственной свадьбы. Речь идет о смерти его дядюшки Василия Львовича. И тут вспоминается второе (а для поэтического языка элегической школы, возможно, и первое) значение слова «новоселье» — переселение в мир иной.

У Пушкина новоселье в значении смерти возникает в стихах разного времени. В лицейском послании «К Н. Г. Л<омонос>ову» в 1814 г. он пишет:

Когда ж пойду на новоселье
(Заснуть ведь общий всем удел),
Скажи: «Дай бог ему веселье!
Он в жизни хоть любить умел» [8, т. 1, с. 53][13].

[12] См. описание автографа, подготовленное Т.И. Краснобородько: [2, с. 34–35].

[13] Заметим, что уже в этом стихотворении «новоселье», очевидно обозначающее

В 1817 г. в стихотворении «Кривцову»:

Не пугай нас, милый друг,
Гроба близким новосельем:
Право, нам таким бездельем
Заниматься недосуг [8, т. 2, кн. 1, с. 18].

Но и существенно позже это значение слова остается для него актуальными — вспомним «Бородинскую годовщину», созданную 5 сентября 1831 г., то есть ровно через год после «Новоселья»:

Но долог будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под злаком северных полей [7, т. 3, кн. 1, с. 273].

Этот ряд можно продолжить, а также добавить примеры из стихов других поэтов, близких Пушкину по времени и кругу; ограничусь одним, наиболее характерным из стихотворения Баратынского «Элизийские поля» («Бежит неверное здоровье…») 1821 г.:

Я не страшуся новоселья;
Где б ни жил я, мне все равно:
Там тоже славить от безделья
Я стану дружбу и вино[14].

В нем важно, во-первых, то, что «новоселье» никак не поясняется (никакими дополнительными определениями, типа «хладное», «роковое» или «гроба») — поэт исходит из того, что значение слова очевидно и так. Во-вторых, смерть здесь именно равна переселению в новый дом, где все будет по-прежнему, только еще лучше, чем в доме земном. Таким образом, очевидно, что в кругу поэтических ассоциаций Пушкина и его современников в принципе приравнивание смерти к новоселью не требовало специальных пояснений и оговорок.

Теперь обратимся к контексту, в котором появляется автограф пушкинского стихотворения. Переписанный в Болдине текст помечен «Москва» — это очень характерная для Пушкина помета, возникавшая в тех случаях, когда стихотворение было связано

смерть, рифмуется с «весельем», ожидающим поэта за гробом.

[14] *Боратынский Е.А.* Полн. собр. соч. и писем. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. С. 187.

с определенными событиями и эта связь была поэту важна. Вспомним, к примеру, стихотворение «Герой», написанное тогда же в Болдине, связанное с приездом Николая I в холерную Москву и помеченное «29 сентября 1830 Москва». 20 августа в Москве умирает дядюшка Василий Львович, племянник присутствует при его последних минутах, о чем Вяземский сообщает жене: «Пушкин был тут во все время, благопристоен и тронут»[15]. Следующие дни он занимается похоронами. Тем самым, помета в автографе «Москва» может прочитываться как мемориальная отсылка к событиям этих дней.

Жизнь в это время представляется ему в мрачных тонах: после ссоры с будущей тещей он не уверен, что свадьба его в принципе состоится, а из-за траура по дядюшке она в любом случае откладывается. В таком расположении духа Пушкин уезжает в Болдино; 7 сентября помечены первые болдинские автографы — «Бесы», «Делибаш» и перебеленный «Аквилон», написанный еще в Михайловской ссылке. Нетрудно заметить, что в каждом из них присутствует смерть (бесы хоронят домового, Аквилон валит горделивый дуб, финал «Делибаша» — торжество смерти). На следующий день на одном и том же листе пишутся «Элегия», содержащая слова «Но не хочу я, други, умирать. / Я жить хочу, чтоб мыслить и мечтать» (так эти строки читаются в болдинской рукописи — с вариантом «Но не хочу еще я умирать» [7, т. 3, кн. 2, с. 838]), и «Новоселье». В довершение тематического единства на следующий день, 9 сентября, Пушкин пишет «Гробовщика» с его мертвецами на новоселье. По завершении повести на том же листе он записывает знаменитую поговорку Святогорского игумена Ионы «[А вот] то будет что и нас не будет» [8, т. 9, кн. 1, с. 147]. Как видим, плотность смертной и похоронной тематики вокруг «Новоселья» весьма высока. Странно было бы предположить, что в таком контексте и в таком состоянии души Пушкин вдруг решает перебелить незначительный поздравительный стишок, написанный еще в апреле по случаю.

Теперь обратимся к топике самого стихотворения.

Бросается в глаза, что «Новоселье» переполнено общими местами дружеских посланий арзамасского круга. «Домик», появившийся у Батюшкова в «Моих Пенатах»[16], перешедший в ответное послание к Батюшкову Жуковского и в «Городок» (1815) Пушкина, стал

[15] Звенья. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 6. С. 312.

[16] Разумеется, «домики» в поэзии встречались и до «Моих Пенатов», но именно начиная со стихотворения Батюшкова они обрели значение не просто скромного жилья на лоне природы, а места счастливого труда и дружеского веселья поэтов.

настолько общим местом, что нет смысла даже перечислять «домики» в разных стихах — и «домик» в этой парадигме однозначно воспринимается как приют поэта, где властвуют душевное веселье, свободный труд[17] и сладкий мир, куда закрыта дверь злым невзгодам, где царствуют личные Пенаты и кумиры[18]. С «ленью вялой» в этом контексте вопрос более сложный — в принципе, лень в этой поэтической парадигме скорее воспринималась как неизменная спутница уединенного поэта наряду с радостным свободным трудом. К запрету лени в «Новоселье» мы вернемся несколько позднее.

В общих чертах идиллия в «домике» поэта, описанная многократно, выглядит примерно как в послании Жуковского «К Батюшкову» («Сын неги и веселья…», 1812):

свобода,
Животворящий труд,
Веселие досуга
Близ милыя и друга
И пенистый сосуд

И там же:

Вхожу в твою обитель:
Здесь весел ты с собой,
И, лени друг, покой
Дверей твоих хранитель[19].

Однако есть и другая сторона этой топики. Здесь я вступаю на довольно зыбкую почву интуиции, но, как кажется, «перенос» домашнего кумира, веселья, свободного труда и сладкого мира в новый дом — слишком возвышенное, метафизическое и торжественное перемещение для простого переезда в новокупленное жилье. Здесь присутствует ощущение некоторой элегической пограничности и свойственной элегической школе открытости тому, что ждет за гранью бытия. Именно там веселью уже окончательно перестают угрожать злые заботы, труд свободен, а мир сладок. Там возможно состояние счастья («Ты счастлив»). Отчасти это подтверждается

[17] Именно в посланиях и элегиях Жуковского и его круга труд становится соседом веселья и свободы, а не тяжким бременем или подвигом.

[18] Ср. у Пушкина: «А свобода, мой кумир, / За столом законодатель» («Веселый пир», 1819).

[19] *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем. М.: Языки славянской культуры, 2000. Т. 1. С. 197, 187.

ореолом «маленького дома» (или чаще «тесного дома») как обозначения гроба[20]. Разумеется, в этом случае основным остается значение малого домика как приюта поэта, но гробовая коннотация кажется также возможной как маркер границы.

На следующий день после перебелки «Новоселья» Пушкин опишет прозаический переезд героя в новый дом: «Последние пожитки гробовщика Адриана Прохорова были взвалены на похоронные дроги, и тощая пара в четвертый раз потащилась с Басманной на Никитскую, куда гробовщик переселялся всем своим домом. Заперев лавку, прибил он к воротам объявление о том, что дом продается и отдается внаймы, и пешком отправился на новоселье. Приближаясь к желтому домику, так давно соблазнявшему его воображение и наконец купленному им за порядочную сумму, старый гробовщик чувствовал с удивлением, что сердце его не радовалось. Переступив за незнакомый порог и нашед в новом своем жилище суматоху, он вздохнул о ветхой лачужке, где в течение осьмнадцати лет всё было заведено самым строгим порядком» [8, т. 9, кн. 1, с. 28] — и тут же последует описание «злых забот», поджидающих Адриана Прохорова в новом домике. Контраст описаний двух разных переселений очевиден. Однако, если действительно «Новоселье» закончено накануне и связано с темой смерти, то «домик» и «ветхая лачужка» гробовщика также получают дополнительные «элегические» коннотации.

Если «Новосельем» Пушкин прощался с дядюшкой, то становится понятным то, что стихотворение настолько пронизано духом и лексикой посланий круга Батюшкова и Жуковского — то есть, того поэтического языка, который к 1830 г. уже не был характерен для пушкинской поэзии[21], но который был общим для дяди и племянника и отсылал к золотому веку их поэтической близости. Едва ли этот язык был актуален и релевантен для Погодина и поздравления ему.

Однако в пушкинском стихотворении есть фрагмент, несколько выпадающий из этой стилистики и топики. Речь идет о последних полутора строчках («От <…> лени вялой / Застраховал, как от огня»). Как уже говорилось, лень возникает в не совсем привычном для описываемой поэтической системы контексте — и еще более странно выглядит на этом фоне прозаизм последнего стиха «застраховал,

[20] Вспомним в «Людмиле» (1808) Жуковского: «Близ Наревы дом мой тесный», или в «Ольге» (1816) Катенина: «“Как живешь? скажи нелестно; / Что твой дом? велик? высок?” / — “Дом — землянка”. — “Как в ней?” — “Тесно”».

[21] Показателен в этом плане контраст веселья и свободного труда в «Новоселье» — и слов «Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе / Грядущего волнуемое море» в написанной в тот же день на том же листе «Элегии» («Безумных лет угасшее веселье…»). Здесь значение слова «труд» очень далеко от принятого в дружеских посланиях арзамасского круга.

как от огня». Но, похоже, что как раз эти странные полторы строчки могут служить если не доказательством, то, во всяком случае, некоторым подтверждением гипотезы о том, что «Новоселье» обращено именно к Василию Львовичу. Во-первых, в 1827 г. В. Пушкин написал эпиграмму «Умирающий ленивец»:

Ленивец Клим, к Харону отправляясь,
«*Как счастлив я*! — сказал своей жене. —
Приходит смерть; *с заботами прощаясь*,
В земле лежать не трудно будет мне»[22].

Здесь важно и «Как счастлив я!», занимающее в стихе место, аналогичное пушкинскому «Ты счастлив», и ленивец, и заботы. Умирая, поэт застраховал свой «домик малый» и от осужденной им лени и от забот, докучавших не только ленивцу, но и ему самому.

Но еще более красноречивой представляется отсылка к другому стихотворению дядюшки. Речь идет о басне «Преимущество дарований», в которой богатый откупщик хвалится перед бедным поэтом роскошью своего огромного дома, своими обедами и богатством, смеясь над убогим жилищем, скудной пищей и недостаточной одеждой поэта. Концовка басни следующая:

Бедняк не отвечал ни слова.
Война отмстила за него:
Дом богача сожжен и всё его именье.
Поэт не потерял войною ничего!
Талант его, воображенье
И благородный дух, бесценный дар небес,
В стране другой нашли награду и почтенье.
На чьей же стороне, скажите, перевес?[23]

В контексте нашего сюжета соблазнительно думать, что «в стране другой» — это в ином мире, но, хотя такой вариант кажется вполне обоснованным (поскольку до войны поэт бедствовал в собственной стране), все же в источнике, на который опирался В. Пушкин, басне Лафонтена «L'Avantage de la science» («Преимущество науки») герои просто вынуждены покинуть свой сожженный войной город и искать пристанища в других городах (а не странах). Василий Львович создал

[22] *Пушкин В.Л.* Стихотворения / под ред. С.И. Панова. СПб.: Гиперион, 2005. С. 182 (курсив мой).

[23] Там же. С. 92 (курсив мой).

вольный перевод Лафонтена (в частности, заменив ученого поэтом), так что и смещение смысла от другого города к «стране другой» в принципе возможно. Но даже если и не принимать такого прочтения, поэт, не потерявший ничего, явно лучше «застраховал» свой «домик малый», чем пострадавший от огня богач, потерявший все.

В «Новоселье» есть и еще одна перекличка с творчеством Василия Львовича — и, как кажется, эта перекличка поддерживает версию похоронной элегичности пушкинского стихотворения, вопреки его, казалось бы, несколько легкомысленному и почти шутливому тону. Речь идет об истории, связанной с другой «прощальной элегией», гораздо менее «благопристойной» — с «Элегией на смерть Ан<ны> Льв<овны>» («Ох, тетинька! ох, Анна Львовна…»), написанной Пушкиным и Дельвигом в 1825 г. на смерть сестры В.Л. Пушкина. Как известно, эта шутливая «Элегия» сильно задела Василия Львовича и вызвала длительную ссору его с племянником, которую друзьям и близким удалось прекратить только через год (см.: [1]). Особенно болезненными для дядюшки были последние четыре стиха:

Увы! зачем В<асилий> Л<ьвович>
Твой гроб стихами обмочил,
Или зачем подлец попович
Его Красовский пропустил! [8, т. 3, кн. 1, с. 140]

Стихи, которыми «обмочил» гроб Анны Львовны Василий Львович, были напечатаны в «Полярной звезде» на 1825 год и назывались «К ней» (вспомним опущенный при публикации первоначальный заголовок «Новоселья» «К **»). Само же стихотворение содержало следующие строки:

Где ты, о ангел добротой?
Дай мне туда *переселиться*!
Там плача и вздыханий нет,
Там тихий, невечерний свет
Для добродетельных сияет![24]

[24] *Пушкин В.Л.* Стихотворения. С. 176 (курсив мой). Отметим, что тогда же в «Дамском журнале» были помещены стихи П.И. Шаликова «К Василию Львовичу Пушкину. На кончину сестры его, Анны Львовны Пушкиной» (1824. Ч. 8. № 22. С. 128–130), содержавшие следующие строки:

Она благ истинных в нетленном *там* венце!..
А *здесь* — что прочного? Что верно? Что не ложно?..
Кто к милым существам привязан в жизни сей,
Тому, не умерев, быть счастливым не можно… (курсив автора, подчеркнуто мной).

Пушкин раздраженно следил за стихотворными оплакиваниями Анны Львовны и с досадой откликнулся на стихи Шаликова в письме к брату от 4 декабря 1824 г.:

Тем самым, речь о переселении (и, соответственно, новоселье) и даже, опосредованно (через Шаликова), о счастье этого переселения в похоронно-элегическом контексте также может быть прочитана как прямая перекличка Пушкина с Василием Львовичем — причем перекличка отчасти покаянная. В 1825 г. слезливые стихи дядюшки и в целом стремление его и его друзей обнажать в стихах перед публикой личное горе[25] вызвали у племянника раздражение и побудили к написанию обидной «Элегии». Пять лет спустя, над свежей могилой Василия Львовича, он прикасается к этим стихам деликатно и даже с некоторой торжественностью, хотя и не без свойственной его отношениям с дядюшкой легкой иронии[26]. Но первоначальный заголовок, который мог прочитываться как прямая отсылка к элегии Василия Львовича, при печати он снимает, чтобы самому ненароком публично не «обмочить» стихами этой могилы. Однако совсем не откликнуться на смерть своего «парнасского отца» (а никаких иных стихов, посвященных кончине Василия Львовича, не выявлено) для Пушкина было бы странно — и такая небольшая прощальная элегия, написанная на общем для дяди и племянника поэтическом языке с отсылкой непосредственно к стихам покойного, могла стать вполне приличествующим и не слишком откровенным прощаньем, соответствующим характеристике Вяземского «благопристоен и тронут».

Литература

1. *Балакин А. Ю.* Александр Сергеевич Пушкин и его тетушка (Контуры одной историко-литературной проблемы) // Балакин А.Ю. Близко к тексту: Разыскания и предположения. СПб.: Пальмира, 2017. С. 43–54.

2. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 35: Болдинские рукописи Пушкина 1830 года: Научное описание / сост. Т.И. Краснобородько, С.Б. Федотова. СПб.: Росток, 2021. 261 с.

3. *Муравьева О.С. «*Новоселье» // Пушкинская энциклопедия. СПб.: Нестор-История, 2017. Вып. 3. С. 359–361.

«В сущности, я всегда любил тетку, и мне неприятно, что Шаликов обмочил ее могилу» [7, т. 13, с. 127] — как видим, именно в связи с ними он первоначально употребляет выражение «обмочил могилу», перешедшее затем в «Элегию» — уже в адрес Василия Львовича.

[25] О проницаемости и подвижности границы между поэзией и жизнью, свойственной поколению В.Л. Пушкина и вызывавшей иронию у следующих поколений, см.: [6, с. 53].

[26] Возможно, что и публикация стихотворения в альманахе, выпущенном в пользу сирот, чьи родители умерли в эпидемию холеры, отчасти поддерживает прощально-элегическое его прочтение. Так или иначе, в этот в принципе весьма представительный альманах, приношения в который сделали лучшие авторы, Пушкин предложил кроме «Новоселья» очень важный и личный для него сонет «Мадона» — едва ли наряду с ним он бы стал печатать в «Сиротке» поздравительный стишок, написанный приятелю по случаю.

4. *Назарова Г.И.* Адресат стихотворения Пушкина «Новоселье» // Пушкинский музеум. Альманах. СПб., 1999. Вып. 1. С. 144–150.

5. *Назарова Г.И.* «Нащокинский домик» // Пушкин и его время. Исследования и материалы. Вып. 1. Л., 1962. С. 502–507.

6. *Панов С.И.* Стихотворец со Старой Басманной // Ново-Басманная, 19 / сост. Н.А. Богомолов. М.: Художественная литература, 1990. С. 39–59.

7. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949.

8. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 20 т. СПб.: Наука, 1999 –

9. *Цявловский М. А.* Статьи о Пушкине. М.: Изд. АН СССР, 1962. 432 с.

Research Article

Who Moved and Where. The Recipient of Pushkin's "Housewarming"

© 2026, Tatyana A. Kitanina
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article examines the context and intended audience of A.S. Pushkin's poem "Housewarming," which is dated "Moscow, 1830" in the author's autograph. It has become standard practice in Pushkin studies to associate these verses with the purchase by the writer and historian M.P. Pogodin of Prince Tyufyakin's house on Myasnitskaya Street, especially since Pushkin attended Pogodin's housewarming in April 1830. However, the author of this article proposes a different interpretation of the poem—as a poetic response to the death on August 20, 1830, of Pushkin's uncle, Vasily Lvovich, whom the poet-nephew accompanied to his "final housewarming" at the Donskoy Monastery cemetery. The article analyzes the autograph's place within the collection of Boldino manuscripts, its poetics, and its literary and biographical connections.

Keywords: Pushkin studies, V. L. Pushkin, scholarly commentary, addressee of the poetic text, dating.

Information about the author: Tatyana A. Kitanina — PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5867-8090

E-mail: tkitanina@gmail.com

For citation: Kitanina, T.A. "Who Moved and Where. The Recipient of Pushkin's 'Housewarming'." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (40), 2026, pp. 277–290. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-277-290

References

1. Balakin, A.Ju. “Aleksandr Sergeevich Pushkin i ego tetushka (Kontury odnoj istoriko-literaturnoj problemy)” [“Alexander Sergeyevich Pushkin and His Aunt (Outlines of a Historical-Literary Problem)”]. Balakin A.Ju. *Blizko k tekstu: Razyskanija i predpolozhenija* [*Close to the Text: Research and Hypotheses*] St. Petersburg: Palmira Publ., 2017. pp. 43–54. (In Russ.)

2. *Vremennik Pushkinskoj komissii* [*Annals of the Pushkin Commission*], issue 35: Boldinskie rukopisi Pushkina 1830 goda: Nauchnoe opisanie [Pushkin’s Boldino Manuscripts of 1830: A Scholarly Description], comp. by T.I. Krasnoborodko, S.B. Fedotova. St. Petersburg: Rostok Publ., 2021. 261 p. (In Russ.)

3. Murav’eva, O.S. “Novosel’e” [“Housewarming”]. *Pushkinskaja jenciklopedija* [*The Pushkin Encyclopedia*]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2017, issue 3, pp. 359–361. (In Russ.)

4. Nazarova, G.I. “Adresat stihotvorenija Pushkina ‘Novosel’e’” [“The Addressee of Pushkin’s Poem ‘Housewarming’”]. *Pushkinskij muzeum. Al’manah* [*Pushkin Museum. Almanac*]. St. Petersburg, 1999, issue 1, pp. 144–150. (In Russ.)

5. Nazarova, G.I. “Nashhokinskij domik” [“The Nashchokinsky Cottage”]. *Pushkin i ego vremja. Issledovanija i materialy* [*Pushkin and His Time. Studies and Materials*], no. 1, Leningrad, 1962, pp. 502–507. (In Russ.)

6. Panov, S.I. “Stihotvorec so Staroj Basmannoj” [“The Poet from Staraia Basmannaya”]. *Novo-Basmannaja, 19* [*Novo-Basmannaya, 19*], comp. by N.A. Bogomolov. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1990, pp. 39–59. (In Russ.)

7. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenij: v 16 t.* [*Complete Works: in 16 vols.*]. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1937–1949. (In Russ.)

8. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenij: v 20 t.* [*Complete Works: in 20 vols.*]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1999. (In Russ.)

9. Tsyavlovsky, M.A. *Stat’i o Pushkine* [*Articles on Pushkin.*]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1962. 432 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 07.02.2026
Одобрена после рецензирования: 20.04.2026
Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 07.02.2026
Approved after reviewing: 20.04.2026
Date of publication: 25.06.2026

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Научная статья
УДК 821.161.1.1
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-291-319
https://elibrary.ru/https://elibrary.ru/GZTAYY

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (40), 2026

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Первая книга «Юмористических рассказов» Н.А. Тэффи: история текста

© 2026, Д.Д. Николаев
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация: В статье раскрывается история текста первой книги «Юмористических рассказов» Надежды Тэффи, выпущенной в Санкт-Петербурге издательством «Шиповник» в 1910 г. и ставшей самым переиздаваемым при жизни ее сборником. Публикации предшествовали почти 10 лет активной творческой деятельности, которые уже сделали Тэффи любимой и популярной. Книга же закрепила и подтвердила это признание, добавив к читательскому восхищению одобрение критиков, прежде не обращавших на юмористическую прозу серьезного внимания. Дебютная книга прозы в определенной степени рассматривается и как итоговая: Тэффи отбирает для сборника наиболее значимые, с ее точки зрения, юмористические рассказы из огромного количества опубликованных к тому времени произведений, — всего 35 рассказов. Самые ранние из них впервые были опубликованы в мае 1903 г., а рассказ «Жизнь и воротник» появился в печати незадолго до издания книги, в феврале 1910 г. Из периодических изданий, в которых сотрудничала Тэффи, в книге примерно в равной пропорции представлены «Биржевые ведомости», «Родная земля» / «Свободные мысли» и «Сатирикон», но если говорить о выделяемых в статье трех периодах предшествующего творчества, то наибольшее количество произведений относится к последнему из них. Возможность выбирать лучшее избавила Тэффи от необходимости существенно перерабатывать рассказы, но о механическом перемещении текстов из газеты или журнала в книгу речи не идет. Тэффи совершенствует произведения, учитывая в том числе и новый — книжный — контекст, в некоторых случаях меняет или корректирует название, снимает подзаголовки, убирает фрагменты, связанные с актуальным газетным контекстом и т. д. Из произведений, написанных в разные годы и на разные темы, она стремится создать жанрово-стилевое единство. Целостность книг Тэффи во многом определила их издательскую судьбу: в 1910–1917 гг. вышло десять изданий первой книги «Юмористических рассказов», перепечатывались рассказы из нее и в эмиграции, и в СССР.

Ключевые слова: Н.А.Тэффи, юмор, комическое, текстология, рассказ, поэтика.

Информация об авторе: Дмитрий Дмитриевич Николаев — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8449-4682

E-mail: ddnikolaev@mail.ru

Для цитирования: *Николаев Д.Д.*. Первая книга «Юмористических рассказов» Н.А. Тэффи: история текста // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 291–319. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-291-319

В октябре 1957 г., через пять лет после смерти Н.А. Тэффи, в парижском журнале «Возрождение» была опубликована выписка из ее письма П. Ковалевскому от 14 декабря 1943 г. Ковалевский просил писателей ответить на вопросы составленной им анкеты, один из которых касался «литературной карьеры». И Тэффи написала, что слава к ней пришла после издания в 1910 г. книги юмористических рассказов, «которые имели блестящий успех, так как на них отозвались сердца читателей от восьми до восьмидесяти лет»[1].

Выпущенная издательством «Шиповник» в 1910 г. первая книга «Юмористических рассказов» не просто имела «блестящий успех». Она стала самым переиздаваемым при жизни сборником Тэффи. Последнее прижизненное издание — десятое — вышло в 1917 г., и можно не сомневаться, что регулярный выход сборников продолжился бы и дальше, если бы не смена власти в России и последовавшая вскоре эмиграция. Впрочем, многие произведения из этой книги продолжали перепечатываться в 1920-е гг. и в СССР, и за границей, а тираж посмертных переизданий «Юмористических рассказов» на родине давно превысил миллион экземпляров[2].

В то же время, когда Тэффи говорит, что прославилась после издания первого сборника, она преуменьшает свою известность в предыдущие годы. Возможно — чтобы не акцентировать внимание на возрасте: при получении французских документов ей удалось «сбросить» сразу 13 лет, изменив год рождения с 1872-го на 1885-й[3]. Как момент признания 1910 г. отлично подходил для «двадцатипятилетней» писательницы, но в действительности выходу сборника

[1] Возрождение. 1957. Тетр. 70. Октябрь. С. 31.

[2] Тиражом 500 тыс. экз. вышел подготовленный мной сборник Тэффи «Юмористические рассказы; Из “Всеобщей истории, обработанной “Сатириконом”» (М.: Худож. лит., 1990. 416 с.).

[3] См. фотовоспроизведения документов: [1, с. 325–326].

предшествовали почти 10 лет активной творческой деятельности, которые уже сделали Тэффи любимой и популярной. Книга же закрепила и подтвердила это признание, добавив к читательскому восхищению еще и одобрение критиков, прежде не обращавших на юмористическую прозу серьезного внимания.

Литературный дебют Тэффи состоялся еще в начале сентября 1901 г., когда еженедельный журнал «Север» напечатал небольшое лирическое стихотворение, подписанное девичьей ее фамилией — «Н. Лохвицкая». «Имела ли редакция намерение заплатить мне за мое первое произведение — я не знаю, так как очень стеснялась показаться на глаза людям, принявшим мои скверные стихи, — рассказывала потом писательница. — Когда я увидела свое произведение напечатанным, мне стало очень стыдно и неприятно. Все надеялась, что никто не прочтет»[4].

Смеем предположить, что Тэффи и здесь несколько лукавит: и «скверными» стихи не являются, и публикация должна была стать первым шагом к будущему читательскому признанию, хотя по авторской версии произведение в редакцию отослали друзья. Вскоре после этого стихотворения с подписью «Надежда Лохвицкая» появляются на страницах журнала «Звезда». В том же году мы встречаем и ставший вскоре знаменитым псевдоним «Тэффи» (см.: [4]): в 51-м номере журнала «Театр и искусство» — под юмористическим стихотворным произведением, озаглавленным «Покаянный день: Драматическая сцена в одном акте», и в 52-м номере «Звезды» — под большим стихотворным фельетоном «Новый год у писателей». Там же в объявлении «От редакции» сообщается, что фельетоны на злобу дня Тэффи будут помещаться периодически.

В 1902–1903 гг. в «Звезде» печатаются самые разные ее произведения: стихотворные и прозаические, «серьезные» и юмористические. Подписывается она тоже по-разному — и Тэффи, и Н. Бучинская, но это не связано с желанием в каких-то случаях сохранить инкогнито. 1 июня 1902 г. в журнале помещается фотография с подписью «Наша фельетонистка Н.А. Бучинская (Тэффи)».

В 1903 г. начинается сотрудничество и с крупнейшими газетами. В дальнейшем местом первой публикации произведений Тэффи на протяжении почти 50 лет чаще всего становились именно газеты — и это во многом определило своеобразие творчества. Хотя можно сказать и наоборот: уникальность дарования Тэффи позволила сочетать, казалось бы, несочетаемое: высочайший художествен-

[4] Первые литературные шаги: Автобиографии русских писателей. Собрал Ф.Ф. Фидлер. СПб., 1911. С. 205.

ный уровень с необходимостью писать произведения регулярно, в кратчайшие сроки, а иногда и на заданную тему. Публикации в газетах приносят Тэффи популярность задолго до выхода первых книг: тиражи сборников были несопоставимы с масштабом распространения главных российских газет.

И всё же без изданных книг в начале XX в., как, впрочем, и сейчас, писателя редко воспринимали как «настоящего». И хотя во многом благодаря творчеству А.П. Чехова, который, «единственный, не печатавший в толстых журналах, писавший газетную дрянь, завоевал внимание вислоухих критиков»[5], в литературе появились новые ориентиры, связанные с становлением и утверждением жанра «маленького рассказа», рассказа-миниатюры, подходящего для публикации в еженедельниках и газетах, именно книга считалась подлинным мерилом дарования.

Первая информация о том, что Тэффи готовит к изданию сборник рассказов, появляется в печати летом 1907 г. 28 июня московская газета «Столичное утро», в которой Тэффи публиковалась, но несколькими месяцами позже, сообщает в рубрике «Среди писателей и артистов», что «Тэффи (Н.А. Бучинская) выпускает иллюстрированный сборник своих рассказов-миниатюр»[6].

Детальных сведений о сборнике, работой над которым Тэффи занималась в 1907 г., не сохранилось, но можно утверждать, что знак равенства между ним и книгой, изданной «Шиповником» в 1910 г., ставить нельзя. И дело не только в отсутствии иллюстраций. Значительная часть произведений, включенных писательницей в первую книгу «Юмористических рассказов», появилась впервые в печати уже после июня 1907 г., и концепция его складывалась в иную эпоху. За три прошедшие с июня 1907-го года очень многое изменилось и в жизни страны, и в жизни Тэффи.

Лето 1907 г. — пусть и завершающая, но всё же часть того периода, который справедливо называют эпохой Первой русской революции. Открытая политическая сатира, ворвавшаяся в литературу с объявлением свободы печати в 1905 г., еще явно довлеет над юмором, и острый злободневный фельетон — как минимум по инерции — по-прежнему более востребован публикой и издателями, чем построенный на универсальных конфликтах юмористический

[5] *Чехов А.П.* Полн. соб. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1975. Т. 2. С. 13.

[6] Столичное утро. 1907. 28 июня. № 25. С. 4. В газете напечатано «Теффи», а не «Тэффи», но в статье в дальнейшем унифицируется написание псевдонима, впоследствии ставшего по документам фамилией писательницы.

рассказ. Правда, рассчитывающие на быстрый коммерческий успех издатели бросать свои взгляды в сторону «чистого юмора» начинают уже в это время, и не только по цензурным причинам, но и из-за ощущающейся усталости аудитории от политики.

Играют свою роль и собственно политические процессы. Подробно их характеризовать здесь нет возможности, но в качестве рубежа укажем на роспуск 3 июня 1907 г. Второй Государственной Думы и выборы в Третью, которая была созвана 1 ноября 1907 г. и, что показательно, доработала до конца положенного пятилетнего срока. Последнего факта уже достаточно, чтобы показать происходящие в общественной жизни изменения: на смену будоражащим умы и души переменам приходит стабильность, побуждающая отвлечься от политики и обратить больше внимание на стороны жизни, с идеологией прямо не связанные. Этот переход зафиксирован и в названии одного из рассказов Тэффи, вошедших в первую книгу, — «Взамен политики» (впервые он был опубликован в газете «Биржевые ведомости» 11 (24) мая 1908 г. (Утренний вып. № 10497. С. 3). Переход от постоянных перемен к стабильности происходит в течение 1907–1910 гг. и в жизни Тэффи-писательницы.

Первое десятилетие ее творческого пути можно разделить на несколько периодов. Вначале Тэффи является постоянной сотрудницей сперва «Звезды», а затем «Биржевых ведомостей», время от времени публикуя отдельные произведения в других газетах и журналах. Ее имя еще не связано в читательском сознании устойчиво с комическим: для одних она в первую очередь фельетонистка, для других — причисленная к числу «апостолов новейшего искусства» «красочно-мистическая госпожа», как Тэффи назвали в мае 1906 г. в рецензии на первую книгу сборника «Факелы»[7], в котором, подчеркнем, она не печаталась, хотя была дружна с Георгием Чулковым, а в 1908 г. написала и рецензию на третью книгу «Факелов»[8]. Позже она вспоминала о встречах с Чулковым и Вс. Мейерхольдом: «Потом оба решили, что со мной им трудно, что невидимая стена отделяет меня, и их живая мечта от этой стены отскакивает. А в то время, о котором веду рассказ, Мейерхольд чертил свою геометрию, Чулков пламенел»[9].

Второй период связан с эпохой «свободы печати». Глобальные изменения в России не могут, естественно, не затронуть и Тэффи, а к общественным добавляются еще и личные перемены. О том, как

[7] Арабески. 1906. № 1. 4 мая. С. 32.

[8] *Тэффи.* [Рец. на:] Факелы. Книга третья // Речь. 1908. № 38. 14 (27) февраля. С. 6.

[9] *Тэффи Н.А.* Федор Сологуб // Новое русское слово. 1949. 9 января. С. 2.

менялись жизнь и творчество в 1905 г., Тэффи тоже оставила воспоминания. С самоиронией она рассказывает, как, «покорная духу времени», сочиняла революционные стихи, в которых «было все, что полагалось для свержения царизма: и “красное солнце свободы”, и “Мы ждем, не пробьет ли тревога, не стукнет ли жданный сигнал у порога...” и прочие молнии революционной грозы»[10].

В 1905 г. Тэффи сотрудничает в газете «Новая жизнь», где в редакции объединились Горький, реалисты, модернисты и большевики, включая самого В.И. Ленина, с которым она тогда познакомилась. Издание, выходившее в Петербурге с 27 октября (9 ноября) по 3 (16) декабря 1905 г., могло появится только в атмосфере политической эйфории после объявления Манифеста 17 октября, даровавшего свободы совести, слова, собраний и союзов, — в те, по словам Тэффи, «вегетарианские дни», когда «лев жевал траву рядом с ягненком». Нуждавшиеся в легальном печатном органе социал-демократы объединились с имевшим разрешение на выпуск газеты Н. Минским, а финансовый вопрос помог решить Горький. В первых номерах газеты Тэффи печаталась регулярно, но затем из нее ушла и фельетоны оттуда впоследствии не переиздавала.

В годы Первой русской революции количество изданий, в которых печатается Тэффи, становится больше, тематический и жанровый диапазон шире. Она публикует театральные фельетоны в «Театральной России», «серьезные» рассказы в «Ниве», «серьезные» стихи в журнале «Баян», сатирические произведения в журналах «Сигнал» («Сигналы»), «Красный смех» и т. д. Но одновременно исчезает и «системность», характерная для работы постоянного газетного сотрудника. 1905–1906 гг. для многих авторов комических произведений становятся временем расцвета, когда они в полной мере могут раскрыть свой талант сатириков, печатаясь в десятках то возникающих, то исчезающих периодических изданий, но про Тэффи мы так сказать не можем. «Ее тонкий, нежный и острый, ее прелестный талант» [2, с. 423], как охарактеризовал дарование Тэффи в 1921 г. Александр Куприн, позволял ярко и оперативно реагировать на злобу дня, но не желал постоянно на злобе дня фокусироваться. Тэффи необходимо отвлекаться, уходить от политики, и уход этот для нее бывает связан с отказом вообще от комического, слишком сосредоточенного на обличении социальных пороков и конкретных лиц.

[10] *Тэффи Н.А.* Федор Сологуб // Новое русское слово. 1949. 9 января. С. 2. Имеется в виду стихотворение «Пчелки».

Системность постепенно начинает возвращаться в 1907 г., когда популярность приобретают газеты-«понедельники», которые выходят раз в неделю. Сперва Тэффи регулярно печатается в газете «Родная земля. (Понедельник)»: с пятого номера, где 5 (18) февраля 1907 г. появляется ее рассказ «Утешитель» (с. 2). Выходит, правда, эта газета недолго. Издание прекращается 16 (29) апреля на пятнадцатом номере. Но, как это будет и в дальнейшем происходить с «Понедельниками», на месте закрытого почти сразу же возникает новый — под другим названием. 21 мая (3 июня) 1907 г. начинает издаваться самый известный и долговечный «Понедельник» — «Свободные мысли». Уже в первом номере на второй странице помещено стихотворение Тэффи «Рыцарь», и вплоть до приостановки издания цензурой писательница продолжает сотрудничать в нем, а затем и в других сменявших друг друга газетах-«понедельниках».

В 1908 г. начинается следующий период. За несколько лет Тэффи выйдет в ряд самых известных в России писателей — и самых любимых, что надо обязательно подчеркнуть. Хотя она продолжает печататься и в других периодических изданиях, всё же в первую очередь ее имя в последнее предреволюционное десятилетие связывают с журналом «Сатирикон» (впоследствии — «Новый Сатирикон») и газетой «Русское слово».

Объявления о том, что вскоре выйдет в свет «еженедельный литературно-художественный журнал сатиры и юмора “Сатирикон”» в реорганизуемом журнале «Стрекоза» появилось 23 марта 1908 г. (№ 12. С. 12). В списке постоянных сотрудников нового журнала значилась и Тэффи. И в первом же номере, выпуск которого приурочили к 1 апреля, Дню смеха, был опубликован рассказ Тэффи «Из дневника заточенного генерала».

Мне уже неоднократно приходилось отмечать, что относить Тэффи к ряду писателей-«сатириконцев» не совсем правильно. Она не так много печаталась в «Сатириконе» («Новом Сатириконе»), как в «Биржевых ведомостях» и «Русском слове», которые в гораздо большей степени могут претендовать на то, чтобы называть Тэффи «своим» автором. С каждой из этих газет Тэффи была связана обязательствами — в отличие от «Сатирикона», где она оставалась автором «приходящим». Но всё же в изменении общего отношения к комическому в русской литературе начала XX в. решающую роль сыграл именно «Сатирикон». И Тэффи являлась частью «общей семьи сатириконцев», а именно так воспринимали круг сотрудников журнала и читатели, и критики, и сами авторы.

В 1909 г. Тэффи становится постоянной сотрудницей московского «Русского слова» — газеты, с которой ее литературная деятельность будет затем связана вплоть до закрытия издания большевиками. А в 1910 г. выходят первые книги Тэффи. Сначала издательство «Шиповник» выпускает стихотворный сборник Тэффи «Семь огней», включивший также ее пьесу «Полдень Дзохары». В «Книжной летописи Главного управления по делам печати» это издание фиксируется 13 марта 1910 г. (№ 10. С. 19. № 6245). А о скором появлении тома «Юмористических рассказов» газета «Речь» информирует в рубрике «Литературная летопись» 9 (22) июня 1910 г.: «“Шиповник” выпускает книжку “Юмористических рассказов” Н.А. Тэффи с эпиграфом из Спинозы: “…Ибо смех есть радость, а посему сам по себе — благо”» (№ 155 (1393). С. 5).

Рекламное объявление издательства, в котором сообщается, что книга Тэффи только что вышла из печати, помещается в той же «Речи» 19 июня (2 июля) 1910 г. (№ 165 (1403). С. 1). Это суббота, так что мы точно знаем неделю, когда «Юмористические рассказы» поступили в продажу в Петербурге. Тогда же о выходе книги информирует «Книжная летопись…» (№ 24. 19 июня. № 13123. С. 12.). Сборник вызывает огромный читательский интерес: тираж в 3300 экземпляров раскупается в течение нескольких недель, так что уже через полтора месяца, в начале августа, выходит второе издание[11], а в середине октября — и третье[12] (тиражом по 2400 экземпляров каждое). И это несмотря на достаточно высокую цену. Один из рецензентов подчеркивает, что «язык легкий и бойкий, простой и выразительный, делает книгу г-жи Тэффи доступною самым широким кругам читающей публики», но указывает при этом, что «книга дороговата (1 р. 25 к.)», объясняя это «изяществом издания, столь обычным для изданий “Шиповника”»[13].

Критика, до той поры не проявлявшая интереса к юмористической прозе Тэффи, сборник принимает благосклонно. Если на первую книгу стихов отзывы были и положительные, и отрицательные (например, Валерия Брюсова[14]), то к «Юмористическим рассказам» отнеслись иначе. Их либо хвалили, либо просто игнорировали — как нечто, не заслуживающее рецензии по умолчанию. И если второе

[11] Книжная летопись Главного управления по делам печати. 1910. № 31. 7 августа. С. 17.

[12] Книжная летопись Главного управления по делам печати. 1910. № 40. 16 октября. С. 29.

[13] *Н.П.* Н.А. Тэффи. Юмористические рассказы. Книга первая // Вятская речь. 1910. № 185. 1 сентября. С. 4.

[14] Русская мысль. 1910. № 8. С. 248.

было проявлением отношения к юмористике в целом, то первое — отражением уже имевшейся у Тэффи литературной репутации. Дебютную книгу в определенной степени рассматривали и как итоговую: имя Тэффи и ее творчество были хорошо известны даже тем, кто не следил за юмористикой специально, благодаря сотрудничеству в «Биржевых ведомостях», а затем в «Русском слове».

«Выходящая сейчас первая книжка рассказов Тэффи — засвидетельствование большой скромности этой талантливой писательницы, — подчеркивал А.А. Измайлов. — В сущности, у нее могло бы быть уже давно несколько книжек. Такая строгость к себе совсем необыкновенна в наши дни, когда, встретив сегодня новое имя, завтра уже с удивлением читаешь о выходе его четвертого томика с перепечаткой в нем каких-то третьегодних фельетонов из провинциальной газеты»[15].

В результате даже в провинциальных изданиях писали не просто о появлении очередного сборника юмористических рассказов, а о творчестве Тэффи и о природе ее смеха. «Смех, вызываемый творчеством г-жи Тэффи, иного порядка чем “смех сквозь слезы” Гоголя или смех Чехова в позднейших его произведениях, и, пожалуй, подходит к смеху, каким смеялся Чехов в своих юношеских рассказах, — отмечала газета “Вятская речь”. — Смех г-жи Тэффи относится к смеху Гоголя, как арифметика к алгебре: в ее рассказах нет углубления в психологию осмеиваемых лиц, нет — выражаясь словами проф. Овсянико-Куликовского — того “сгущения мысли”, какое представляют из себя произведения, обвеянные гоголевским юмором.

И действующие в рассказах Тэффи лица — не широкие психологические обобщения, как персонажи Гоголя, под которые можно подвести огромное количество лиц, подобно тому, как под алгебраическим знаком можно подразумевать бесчисленное множество чисел, а человеческие фигуры с неопределенными общими очертаниями, поставленные в необходимость проявить только в узкой, определенной сфере человеческих отношений и положений пошлость или низменность той или другой стороны человеческого существования.

И все же это — юмор, потому что читатель не только смеется над всеми этими Лешками (рассказ “Выслужился”), над этими фокусниками (“Проворство рук”), няньками (“Покаянное”) и т. д., но и жалеет их, хорошо понимая, что глупые положения, в какие часто

[15] *Измайлов А.* Цветы невинного юмора («Юмористические рассказы» Н. Тэффи) // Биржевые ведомости. 1910. Веч. вып. № 11810. 12 (25) июля. С. 3.

становятся люди, зависят очень часто от бедности, ограниченности умственного кругозора, от человеческих слабостей и т. д.»[16].

Сопоставление с Гоголем и Чеховым первой же книги юмористических рассказов задает очень высокую планку оценки, но всё же отношение к юмористике как к чему-то заведомо второсортному прослеживалось даже в некоторых положительных отзывах. К примеру, М. Кузмин в «Аполлоне» тоже упоминал Чехова, когда писал об особенностях юмора Тэффи: «Юмор г-жи Тэффи не принадлежит к английскому и еще менее к американскому юмору. То есть он не исходит от фантастического неправдоподобия или явной нелепости шаржа, а основывается лишь на карикатурном и подчеркнутом изображении бытовых или типических сцен. Это тот же русский юмор, что мы встречаем в сценках Лейкина, Горбунова и в первых рассказах Чехова». Но затем он словно отделял юмористику от «настоящей» литературы: «Мы не знаем, будет ли автор пробовать свои силы в других родах прозы, но и практикуя этот, он может дать приятный вклад в подобную литературу, имея наблюдательность, веселость и литературный язык»[17]. Н.Я. Абрамович, сравнивая «талантливую книгу Тэффи» с первыми сборниками А.Т. Аверченко и отдавая ей предпочтение, называл при этом юмористические рассказы «вещицами»: «Книга г-жи Тэффи литературней и интересней: здесь чувствуются проблески художественности, виден рисунок и есть те неожиданности, те интересные экспромты, на которые способен писатель с изощренным вкусом и тонким пером. Вещицы г-жи Тэффи живут самостоятельной жизнью, как особый род литер. произведений, маленькие гротески, где затейливо смешано уродливое, смешное и жалкое»[18].

Определения «вещицы», «приятный вклад» вряд ли соответствовали тому, что Тэффи хотела услышать о своей книге, как и, казалось бы, располагающее и привлекающее читателей слово «милый» в отзыве, появившемся в «Ежемесячных приложениях к “Ниве”»: «Автору гораздо больше удается изображение простой обыденщины и мелочей семейного быта. Живость фантазии, тонкая наблюдательность и блестящий диалог — неотъемлемые черты творчества Тэффи, и в этой милой книжке они сказались во всей своей силе»[19].

---

[16] *Н.П.* Н.А. Тэффи. Юмористические рассказы. Книга первая // Вятская речь. 1910. № 185. 1 сентября. С. 4.

[17] *Кузмин М.* Заметки о русской беллетристике // Аполлон. 1910. № 9. Июль-август. Хроника. С. 34.

[18] Студенческая жизнь. 1910. № 25 (1). 22 августа. С. 1. Подпись: Н. Аратов.

[19] Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к «Ниве». 1910.

Впрочем, тональность восприятия книги задали не «Нива», не «Аполлон» и уж тем более не «Студенческая жизнь», а упоминавшаяся выше рецензия Измайлова в «Биржевых ведомостях». Во-первых, из-за авторитета Измайлова как критика, во-вторых, из-за большего охвата аудитории, в-третьих, потому что рецензия эта появилась раньше всего — 12 (25) июля 1910 г. Нужно отметить, что Тэффи в 1910 г. в «Биржевке» уже не сотрудничала. О том, что часть рассказов сборника впервые появились на страницах этой газеты, критик не упоминал, да, вероятно, и не помнил. А вот с самой Тэффи Измайлов был знаком хорошо — в том числе и по работе в одних и тех же изданиях. Но если личное отношение и сыграло свою роль в оценках, проявилось это скорее в отсутствии предвзятости к Тэффи и к юмору. Измайлов и сам писал пародии и юмористические стихи: первое издание его знаменитой книги «Кривое зеркало: Пародии и шаржи»[20] вышло в 1908 г., а многие включенные туда стихотворения печатались прежде в газетах вместе с произведениями Тэффи.

Измайлов, выделяя изданную «Шиповником» книгу, писал про нее со знанием дела, как человек, понимающий специфику и сложность комического, способный отличить «дешевое зубоскальство» — а эта характеристика носила часто универсальный характер и применялась ко всем юмористам без разбора — от по-настоящему художественного юмора. И критик с самого начала попытался определить место Тэффи не в ряду тех, кого принято было относить к юмористам, а в русской литературе. Проводя уже самим названием рецензии — «Цветы невинного юмора» — резкую границу между книгой Тэффи и сатирой, он затем связывал ее с Горбуновым, Слепцовым, Глебом Успенским. Чехов в рецензии, кстати, тоже упоминался, но, по мнению Измайлова, это «у Аверченко сплошь чеховский подсказ», а «жанр молодой писательницы своеобычен»:

> Само по себе приключение, капризный анекдот ее занимают мало. Принцип создания абсурдно-водевильных положений, прием вообще карикатуры, шаржа она использует только редко.
>
> Чаще это — комизм характеров, юмористика подлинных жизненных мелочей. Все это так и могло быть в действительности, и для

№ 9. Сентябрь. С. 144.

[20] *Измайлов А.А.* Кривое зеркало: Пародии и шаржи. [СПб.]: Изд. ж-ла «Театр и искусство», [1908]. 182 с.

того, чтобы здесь почувствовать смешное, не надо становиться на ту условную почву, на которой смешон рассказ Аверченко.

Тэффи — не карикатурист и не мастер шаржа. Она просто метко схватывает смешное в настоящей жизни и смешно повертывает тип[21].

Сравнение Тэффи с Аверченко звучало в 1910 г. постоянно: изданные в том же году четыре сборника юмористических рассказов знаменитого уже редактора «Сатирикона» определили, как казалось, вектор развития юмористики в России, но книга Тэффи доказала, что в комическом существуют разные направления. В наиболее общей форме их можно определить как «комизм нормы» и «комизм нарушения нормы»[22], хотя, разумеется, и в творчестве Тэффи, и в творчестве Аверченко есть и то, и другое, да и общее для них стремление утверждать комическое и юмор как «подлинную» литературу, создавать художественно-комическое значило гораздо большее, чем естественные для таких ярких и своеобразных писателей различия. Но в 1910 г. их сравнение чаще всего сводилось к противопоставлению «американского» (Аверченко) и «русского» (Тэффи) юмора. Об этом писал, в частности, М. Кузмин.

Вл. Кранихфельд в сентябрьской книжке журнала «Современный мир» писал сразу про Тэффи и про Аверченко, отдавая предпочтение Тэффи. Он обращал внимание на эпиграф, взятый из Спинозы (как, кстати, и критик «Вятской речи»):

Прежде чем выпустить в свет сборник своих юмористических рассказов, г-жа Тэффи проштудировала Спинозу, и в «Этике» — части VI, положение XLV, схолия II — нашла для себя оправдание. Там сказано: «…ибо смех есть радость, а посему сам по себе — благо». Только тогда, получив эту философическую санкцию, г-жа Тэффи решилась: отнесла рукопись в «Шиповник», и вот передо мной ее книга.

В качестве добросовестного рецензента, дающего читателю краткий «отзыв» о вновь вышедших книгах, я с полным правом мог бы облегчить свой труд прочтением этой единственной страницы книжки, где автор начертал вышеприведенную схолию II положения XLV части VI «Этики» и дать по ней свое «заключение» о всей книге: идите, дескать, и смело покупайте ее, ибо автор ее, проделавший столь огромную предварительную работу перед изда-

[21] *Измайлов А.* Цветы невинного юмора. («Юмористические рассказы» Н. Тэффи). С. 3.
[22] См. подробнее: [6].

нием книги, — настоящий природный юморист, юморист «Божьей милостью». И я был бы прав.

Но, сознаюсь, я не только рецензирую книги, я их и читаю, кроме того. <…> Прогноз, сделанный мною на основании первой страницы книги, оказался, как и следовало ожидать, более чем удачным. И теперь я не только в качестве добросовестного рецензента, но и в качестве простодушного читателя могу свидетельствовать о живом и заражающем юморе даровитой рассказчицы[23].

Это «читательское» признание книги, сделанное критиком, который неизменно отдавал безусловное предпочтение сатире и не слишком жаловал юмор, и даже появившееся после прочтения стремление самому пошутить, значило не меньше, чем сравнение с крупнейшими писателями. Как и утверждение, что «правильный и изящный язык, выпуклый и отчетливый рисунок, умение несколькими словами характеризовать и внутренний мир человека, и внешнюю ситуацию выгодно выделяют юмористические рассказы Тэффи из ряда книг, перегружающих наш книжный рынок».

Если Измайлов выделял «своеобычность» книги Тэффи, то Кранихфельд — разнообразие. Разнообразие, действительно, является отличительной чертой первого прозаического сборника Тэффи. И объяснятся оно двумя причинами: во-первых, писательница стремилась привлечь максимально широкую аудиторию, подбирая рассказы так, чтобы каждый нашел в книге что-то, соответствующее своим читательским запросам. Во-вторых, у нее был огромный выбор, чтобы представить самые разные стороны юмористического дарования.

Первая книга прозы отличалась от всех последующих дореволюционных сборников юмористических рассказов Тэффи очень широким «временным охватом» включенных в нее произведений. По такому же принципу были до эмиграции построены еще только стихотворный сборник «Семь огней» и вышедшая в 1916 г. книга «Неживой зверь», включившая рассказы неюмористические, «слезы — жемчуг моей души», как написала Тэффи в предисловии[24].

В изданный «Шиповником» том вошли 35 рассказов. Самые ранние из них впервые были опубликованы в мае 1903 г.: «Забытый путь» — в журнале «Звезда» 7 мая еще за подписью «Н. Бучинская» (№ 37. С. 620–624), «Они поют…» — в газете «Биржевые ведомости» 25 мая (7 июня) (1-е издание. Утр. вып. № 254. С. 3). А рассказ «Жизнь

[23] Современный мир. 1910. № 9. Отд. II. С. 171.

[24] *Тэффи.* Неживой зверь. [Пг.], 1916. С. 4.

и воротник» появился в печати уже в 1910 г., незадолго до издания книги, в одном из февральских номеров «Сатирикона» (№ 7. 13 февраля. С. 8). В 1903 г., 28 декабря (по новому стилю это уже 11 января 1904 г.), в «Биржевых ведомостях» напечатан был и рассказ «Выслужился» (№ 641. Утр. вып. С. 2–3), которым открывался сборник.

Такое решение позволило Тэффи сразу продемонстрировать умение выделять, художественно отображать и создавать комизм совершенно разных типов, и тем самым с первых же страниц «зацепить» широкий круг читателей. Причем слово «типов» в данном случае можно понимать сразу в двух значениях: и как типов комизма, а в рассказе сочетаются элементы бытового комизма и буффонады, и как человеческих типов, поскольку в тексте есть образы и простонародные, и представителей того же круга, что и основная читательская аудитория «Шиповника».

И с точки зрения героев, и с точки зрения ситуаций, и с точки зрения характера комического открывающий книгу рассказ сразу определял широкий диапазон комического в сборнике. Произведение, для маленького рассказа очень сложно построенное и близкое к совершенству, если не совершенное в своей отточенной до мелочей концентрированной сложности, воспринималось как синтез отработанных ранее приемов, хотя на самом деле это вообще первый рассказ Тэффи, где столь значимую роль играют простонародные персонажи.

Начиная книгу рассказом «Выслужился», Тэффи ориентируется не на время его создания: «хронологического» принципа в сборнике она не придерживается. Если говорить о других произведениях 1903 г., то «Забытый путь» лишь 28-й, а «Они поют…» и вовсе один из завершающих — 33-й. Вторым же помещен рассказ «Проворство рук», впервые опубликованный в «Сатириконе» 3 октября 1909 г. (№ 40. С. 10–11). Это один из самых поздних рассказов, вошедших в книгу. После него из состава сборника были написаны еще четыре рассказа, также прежде появлявшиеся на страницах «Сатирикона», — «Семейный аккорд» (1909. № 44. 31 октября. С. 5), «Свой человек» (1909. № 47. 21 ноября. С. 5), «Страшный ужас» (1909. № 52. 25 декабря. С. 4–5) и «Жизнь и воротник» (1910. № 7. 13 февраля. С. 8).

Из «Сатирикона» для первой книги Тэффи отобрала почти всё, что соответствовала жанровым параметрам сборника. Среди рассказов есть и не самые яркие и удачные, но в данном случае и издательство, и писательница были заинтересованы в том, чтобы использовать огромную уже к тому времени популярность «Сатири-

кона». Появившиеся в нем в 1908–1909 гг. рассказы Тэффи читатели могли в 1910 г. еще помнить (по крайней мере, по названиям), что должно было привлечь дополнительное внимание к книге. При этом отдельной частью «сатириконские» рассказы не выделяются, хотя дважды группируются рядом: почти сразу за «Проворством рук» идут «Свой человек» и «В стерео-фото-кине-мато-скопо-био-фоно и проч. –графе» (4 и 5 в сборнике), а затем подряд печатаются «Игра», «Семейный аккорд» и «Даровой конь» (11–13).

«Сатириконские» рассказы Тэффи также не стремится располагать в порядке первоначальной публикации. Если, к примеру, «Игра» и «Семейный аккорд» в такой последовательности в «Сатириконе» и печатались — 22 августа 1909 г. (№ 34. С. 2–3) и 31 октября 1909 г. (№ 44. С. 5), то «Даровой конь» был опубликован еще в 1908 г. в одном из первых номеров журнала (№ 4. С. 8). «Свой человек» (Сатирикон. 1909. № 47. 21 ноября. С. 5) в сборнике идет раньше, чем «В стерео-фото-кине-мато-скопо-био-фоно и проч. –графе» (Сатирикон. 1908. № 33. 23 ноября. С. 4–5), а «Страшный ужас» (Сатирикон. 1909. № 52. 25 декабря. С. 4–5) опережает «Морские сигналы» (Сатирикон. 1908. № 8. С. 7). По книге в целом «сатириконские» рассказы распределены достаточно равномерно (2, 4, 5, 11, 12, 13, 18, 23, 29), как и произведения, прежде публиковавшиеся на страницах «Биржевых ведомостей». Таковых в сборнике больше всего, что неудивительно — до его выхода Тэффи в целом публиковалась в этой газете намного больше, чем в любом другом издании. Рассказом из «Биржевки» первая книга не только открывается, как уже отмечено, но и закрывается. По времени создания «Выслужился» и «К теории флирта» отстоят друг от друга далеко: «К теории флирта» газета напечатала 4 (17) августа 1908 г. (№ 10639. С. 3–4). За эти почти четыре с половиной года Тэффи успела не только проработать несколько лет в «Биржевых ведомостях» в качестве постоянной фельетонистки, но и уйти оттуда, и вновь вернуться.

Говоря о композиции сборника, надо отметить большую концентрацию рассказов из «Биржевых ведомостей» в его заключительной части. Оттуда взяты семь из последних одиннадцати рассказов: «Патриот» (25), «Из весеннего дневника» (26), «Дача» (27), «Изящная светопись» (32), «Они поют…» (33), «Анафемы» (34) и «К теории флирта» (35). Можно предположить, что Тэффи в конце просто добирала для необходимого объема книги рассказы из «Биржевых ведомостей», но и в таком случае отбор велся тщательно: среди этих семи один рассказ 1903 г. («Они поют…»), два — 1904-го («Изящная светопись», «Патриот»), два — 1905-го («Из весеннего дневника»,

«Дача»), два — 1908-го («К теории флирта», «Анафемы»). И последовательность публикаций Тэффи в книге не соблюдает, меняя местами даже два рассказа 1908 г., так что завершает сборник «К теории флирта».

Еще одна группа рассказов берется для книги из «понедельников» — «Родной земли» и «Свободных мыслей». Противопоставлять эти два издания не стоит: по сути своей они, как отмечалось выше, продолжали друг друга. «Из своих политических шаржей, которым Тэффи в свое время отдала значительную дань, она ввела в сборник несколько рассказов, наиболее отрешенных от условностей момента»[25], — подчеркивал А. Измайлов, и это действительно так. Тэффи не переиздает произведения, содержащие сатирическое обличение конкретных лиц и другие, тесно связанные с реалиями момента тексты, — в отличие, к примеру, от А.Т. Аверченко, у которого они представлены в сборнике 1910 г. «Веселые устрицы: Юмористические рассказы».

В книгу в итоге попадает четыре рассказа из «Родной земли»: «Политика воспитывает», «Политика и наука», «Утешитель» и «Корсиканец». Из «Свободных мыслей» взяты «Новый циркуляр», «Модный адвокат», «Переоценка ценностей» и «Карьера Сципиона Африканского», а также два рассказа, отношения к «политике» не имеющих, — «Покаянное» (1908. № 48. С. 2–3) и «Страшный прыжок» (1907. 11 (24) июня. № 4. С. 2).

Композиционно «политика» разделена на несколько «блоков», а не группируется вместе. В первом — «Новый циркуляр» и «Модный адвокат» (8 и 9 в сборнике), во втором — «Переоценка ценностей» (14) и «Политика воспитывает» (15), в третьем — «Политика и наука» (20), «Утешитель» (21) и «Корсиканец» (22). «Карьера Сципиона Африканского» помещается в конце книги (31). Последовательность газетных публикаций Тэффи и в данном случае не сохраняет. Так, впервые напечатанный 25 июня (8 июля) 1907 г. рассказ «Новый циркуляр» стоит перед появившимся на три недели раньше, 4 (17) июня 1907 г., рассказом «Модный адвокат». Из трех идущих последовательно в сборнике рассказов, прежде печатавшихся в «Родной земле», самый ранний — «Утешитель» (5 (18) февраля 1907) — идет вторым. А произведение, опубликованное в «Свободных мыслях» позже всего, уже в 1908 г., вообще в книге опережает остальные рассказы этого периода. Правда, поставленный в сборнике третьим рассказ «Покаянное» не о «политике».

[25] *Измайлов А.* Цветы невинного юмора // Биржевые ведомости. 1910. Веч. вып. № 11810. 12 (25) июля. С. 3.

Таким образом, из периодических изданий, в которых сотрудничала Тэффи, в первой книге «Юмористических рассказов» примерно в равной пропорции представлены «Биржевые ведомости», «Родная земля» / «Свободные мысли» и «Сатирикон», но если говорить о выделенных трех периодах творчества, то наибольшее количество произведений относится к последнему из них.

Возможность выбирать лучшее из большого количества произведений избавила Тэффи от необходимости существенно перерабатывать их для сборника: в книгу вошли преимущественно рассказы, уже «проверенные временем», — по крайней мере, с точки зрения самой писательницы. В то же время о механическом перемещении текстов из газеты или журнала в книгу речи не идет. Тэффи совершенствует произведения, учитывая в том числе и новый — книжный — контекст. В некоторых случаях она корректирует названия: рассказ «Политика и наука» в газетном варианте был озаглавлен «Политика», «Дача» — «Дачные очерки», а также снимает подзаголовки у рассказов «Выслужился (Петербургский рассказ), «Патриот (С натуры)», «Корсиканец (Фантазия)».

При переработке для книги из некоторых рассказов убираются фрагменты, связывающие их с актуальным газетным контекстом. Так, Тэффи исключает всю первую часть написанного во время русско-японской войны рассказа «Патриот», поскольку опубликованный в «Биржевых ведомостях» 7 ноября 1904 г. (№ 575. С. 4) газетный вариант был тесно привязан к происходившим событиям:

> Много пишут о недостатке у нас патриотизма. Упрекают в вялом, апатичном отношении к ужасам войны.
>
> В десяти газетах пилили несчастную даму, улыбнувшуюся на японское «поцелуй меня». Хотя, в данном случае, отсутствие патриотизма проявил, конечно, японец, а не дама. Если бы наш офицер сказал японке «кутасай», его наверно не пожалели бы, и виноватым, конечно, оказался бы он же!
>
> Сказано, что русские не патриотичны — и баста.
>
> Что бы ни случилось, мнение о них не изменится.
>
> Подвиги манчжурской армии?
>
> Герои Порт-Артура? (и т. д.)

В рассказе «К теории флирта» исключается небольшой начальный фрагмент, который играл роль календарной привязки, связывая текст с определенным сезоном:

> Скоро придет к концу так называемый «флирт мертвого сезона».
>
> Начинается он обыкновенно, — как должно быть каждому известно — в середине июня и длится до середины августа (Биржевые ведомости. 1908. Веч. вып. № 10639. 4 (17) августа. С. 3–4; Утр. вып. № 10640. 5 (18) августа. С. 6).

А в рассказе «Сезон бледнолицых» в начальный фрагмент вносятся коррективы, переводящие авторское рассуждение из актуального на момент публикации в обобщающее. В «Русском слове» текст начинался двумя выделенными в отдельные абзацы предложениями:

> Наступил так называемый «летний сезон».
>
> Жены, матери, сестры, дети, няньки, кухарки и гувернантки, — словом, вся проза жизни выехала из города (1909. № 126. 4 (17) июня. С. 2).

В книге они изменены и объединены в одно: «Когда наступает так называемый “летний сезон”, жены, матери, сестры, дети, няньки, кухарки и гувернантки, — словом, вся проза жизни выезжает из города».

Примеров такого рода корректив немало, но надо отметить, что от рассказов на привязанные к традиционному устойчивому ежегодному циклу «сезонные» темы Тэффи не отказывается. Более того, она и в композиции сборника в целом сохраняет сезонную схему, предлагая читателям двигаться от великопостного («Покаянное») к Пасхе («Семья разговляется», «За стеной»), затем к началу дачного сезона («Дача», «Сезон бледнолицых») и к завершению «флирта мертвого сезона» в конце августа («К теории флирта»). При этом в сборнике есть и отдельные нарушения сезонной последовательности (рассказы «Курорт», «Из весеннего дневника»), поскольку общая концепция книги сложнее: Тэффи не приемлет единообразия, притупляющего читательское восприятие.

Наряду с общими принципами корректировки текстов есть и конкретные изменения, обусловленные не задачами адаптации, а стремлением к художественному совершенствованию. «Точечность» правки показывает, насколько внимательно при работе над стилем Тэффи относилась к мельчайшим элементам — вплоть до знаков препинания. К примеру, в рассказе «Покаянное» прошедшее время в фразе «Стала сегодня на коленках…» заменяется на настоящее («Стою сегодня на коленках…»), «вы теперь поисповедамшись» — на «вы теперь

исповедамшись», «И нигде от вас от бесстыдниц проходу нет!» — на «И нигде от вас, бесстыдниц, проходу нет!» и т. д.

В некоторых случаях мы, по-видимому, имеем дело не с исправлениями, а с восстановлением изначального авторского текста: в первых публикациях часто встречаются ошибки набора — особенно, когда речь идет о газетах. К примеру, при первой публикации рассказа «Страшный ужас» вместо «Под лицом виднелась военная тужурка» ошибочно было набрано «Над лицом». Кроме того, в газетах есть следы «стороннего» вмешательства: к примеру, в фразеологизме «человек предполагает, а Бог располагает» из рассказа «Выслужился» в первой публикации в «Биржевых ведомостях» 28 декабря 1903 г. (11 января 1904 г.) вместо «Бог» напечатано «судьба» (№ 641. Утр. вып. С. 2–3).

Особо следует выделить случаи, когда правка обусловлена именно новым контекстом, т. е. исправление в одном тексте связано с наличием в книге другого. Так, в рассказе «Выслужился» в первой публикации кухарка характеризует жильца так: «Потому человек он миловидный, начитанный, платит аккуратно…» А в книжном варианте слова «миловидный» нет, потому что естественные при многолетней работе в ежедневной и еженедельной прессе повторы Тэффи в сборнике стремилась убрать. Схожая фраза в первой публикации была в рассказе «Покаянное», где горничная говорила о барине: «Они народ миловидный, начитанный…» В результате из рассказа «Выслужился» Тэффи убрала слово «миловидный», а из «Покаянного» — «начитанный». В том же рассказе «Покаянное» в предложении «Девушка ты молодая, хоть и до всего дошпионивши» снимается вторая часть, поскольку конструкция уже была использована в рассказе «Выслужился»: «— Господи помилуй! С этих лет до всего дошпионивши».

При подготовке своих сборников Тэффи из произведений, написанных в разные годы и на разные темы, стремится создать жанрово-стилевое единство. До революции она не объединяет в одной книге юмористику и серьезную прозу, поскольку это может разрушить восприятие и того, и другого[26]. Многое вообще остается за бортом книг — и вовсе не потому, что Тэффи не устраивает художественный уровень: рассказ должен укладываться в авторскую концепцию конкретной книги, восприниматься читателями как часть целого. Тэффи мало привлекала идея создания «крупного» произведения — повести или романа, ей был близок ставший ведущим в жанровой системе начала

[26] См. об этом подробнее: [5].

XX в. жанр миниатюры, маленького рассказа. И книга рассказов как художественная целостность приходила на смену книге-роману. На это обращал внимание уже в рецензии на первый сборник прозы Вл. Кранихфельд: «Книгу Тэффи можно принять целиком, не отбрасывая даже самого ничтожного, потому что в общем все ее рассказы — и сильные, и слабые — необходимо дополняют друг друга, и книга оставляет впечатление органической слитности»[27].

Каждый рассказ становится как бы отдельной главой общей «человеческой комедии». Их связывает не сквозная сюжетная линия, а мировосприятие повествователя, его личность, объединяющая отдельные произведения, а затем — и отдельные книги. В мире есть и комическое, и трагическое, и лирика, и драма — и все это сплетается в одно целое в творчестве Тэффи не благодаря формальным приемам, а благодаря ее личности. Близко общавшаяся с модернистами, Тэффи разделяла их идею книги как художественной целостности — идею, во многом определяющую литературное своеобразие «серебряного века».

Целостность книг Тэффи, как первых сборников юмористических рассказов, так и последующих — наряду с ее ярчайшим писательским талантом, разумеется, — во многом определила их издательскую судьбу. Несмотря на то, что новые книги Тэффи выходили в России до 1918 г. практически ежегодно, предыдущие продолжали регулярно переиздаваться, поскольку неизменным оставался читательский интерес. В результате в 1910–1917 гг. вышло десять изданий первой книги «Юмористических рассказов». Полного их комплекта, отметим, нет ни в одной из библиотек.

О трех изданиях 1910 г. уже говорилось выше. Четвертое вышло в начале 1911 г. тиражом 3400 экземпляров: часть листов для него печаталась в одной типографии, а часть — в другой, что отмечено на обороте титула[28]. Затем в 1911 г. последовали еще три издания. Пятое (август) и шестое (ноябрь) также печатались в двух типографиях. Тиражи — по 2500 экз. Седьмое существует как минимум в двух разных вариантах. В одном на обороте титула напечатано: Тип. «Екатеринг. Печатное Дело» Екатеринг. пр., д. № 7. (Экземпляр хранится в фондах РНБ). А в другом: Типография Товарищества «ЕКАТЕРИНГОФСКОЕ ПЕЧ. ДЕЛО», С.-ПЕТЕРБУРГ. Екатерингофский пр., 10–19. (Экземпляр хранится в фондах РГБ).

[27] Современный мир. 1910. № 9. Отд. II. С. 171.

[28] 2–9, 11–12 лл. напечатаны в типографии Т-ва «Екатерингофск. Печатное дело», СПБ. Екатеринг. пр., 10–19), а 1, 10, 13 и 14 лл. напечатаны в типографии В. Андерсона и Г. Лойцянского, Вознесенский пр., 53.

После череды переизданий 1910–1911 гг. наступает пауза в несколько лет, и восьмое издание «Шиповник» выпускает уже в годы Первой мировой войны, в мае 1915 г.[29], тиражом в 3200 экземпляров. На обороте титула значатся название и адрес новой типографии (Типография «Двигатель». Петроград, Казначейская, 6), но несмотря на смену типографий первые восемь изданий делались по одной наборной модели, в которую были внесены незначительные изменения, связанные с устранением опечаток.

А вот для девятого издания делался уже новый набор, в результате чего изменилось и количество страниц в сборнике. На титульном его листе указан и год выпуска — 1916 (прежде год не обозначался), а на обороте титула помимо названия и адреса типографии (Типо-лит. Акц. О-ва «Самообразование». Петроград, Забалканский пр., 75) — дата цензурного разрешения: «Петроград. Дозволено военной цензурой. 19 марта 1916 г.». На задней стороне обложки помещены другой адрес типографии и иная дата цензурного разрешения, не совпадающая с той, что на обороте титула («Петроград. Дозволено военной цензурой. 24 марта 1916 г.»), т. е. обложка утверждалась цензурой и печаталась отдельно. Тираж книги — 3000 экземпляров.

При новом наборе значительно сократилось количество страниц. Прежде их было 220 (не считая рекламного каталога). А в экземплярах девятого издания, изученных de visu, 176 страниц, хотя в «Книжной летописи Главного управления по делам печати» фиксируется иное число: 173 + 2 ненум. стр. (1916. № 32. 13 августа. С. 10).

При подготовке девятого издания в тексты были внесены и многочисленные исправления, но преимущественно это не авторское, а стороннее — редакторское, корректорское или типографское вмешательство. В частности, меняется оформление изложения мыслей героев, обосабливаются уточнения и т. д.

В ряде случаев воля Тэффи явно нарушается: например, когда к речевой норме приводится сознательное ее авторское искажение в репликах героев, важное для их речевой характеристики. К примеру, в рассказе «Покаянное» исправления такого рода вносятся в речь нянички: простонародный вариант «маковой росинки не глону» исправлен на литературный «не глотну», в фразу «Вон старая барыня на четвертой говели…» добавлено слово: «Вон старая барыня на четвертой неделе говели…»; в рассказе «Семья разговляется» в прямой речи «Август Иваныч» исправлено на «Август Иванович»; в рассказе «За стеной» в фразе «И банки, и штклянки, и флаконы,

[29] Книжная летопись Главного управления по делам печати. 1915. № 21. 30 мая. С. 25.

и одеколоны…» «шткляники» ошибочно исправлено на «склянки», хотя Тэффи намеренно искажает слово, и др.

Есть и пропуски слов и даже предложений — по-видимому, из-за ошибок наборщика. Так, в рассказе «Выслужился» отсутствует предложение «Да барыниными духами духариться, так это ты все швейцар…», в рассказе «Взамен политики» — выделенный отдельный строкой в предыдущих изданиях вопрос «Кто там?», в рассказе «Семья разговляется» нет строки «Распрощались, поздравились, поехали домой», а вместо нее ошибочно второй раз набрана строка «Радостно, торжественно», в рассказе «За стеной» в реплике «Вы все врете! Все врете!» опущено второе предложение, и т. д.

К ошибкам набора можно отнести и некоторые изменения или пропуски слов: «в жакете» вместо «в жакетке» («Выслужился»), «половине десятого» вместо «половине девятого», «одолжит свой носовой платок» вместо «одолжит мне свой носовой платок», «Расходитесь по домам!» вместо «Расходись по домам!» («Проворство рук»), «Вылезла, пожевала, подумала…» вместо «Вылезла, пожевала губами, подумала…» («Покаянное»), «не век мне» вместо «не век же мне», «ощупывая» вместо «нащупывая», «За это, брат, тоже ответить можно» вместо «За это, брат, тоже ответить можешь» («Веселая вечеринка»), «открыли дверь» вместо «открыли двери» («Даровой конь»), «чтоб не малодушничать» вместо «чтоб не смалодушничать» («Страшный ужас») и др. Наличие подобных искажений позволяет утверждать, что Тэффи не вычитывала текст после перенабора и не верифицировала его.

И, наконец, последнее, десятое, издание первой книги «Юмористических рассказов» «Шиповник» выпустил в 1917 г. уже после Февральской революции, в апреле, причем неожиданно большим тиражом — 5 тысяч экземпляров. В нем на обороте титула указаны название и адрес типографии Андерсона и Лойцянского (Петроград, Вознесенский пр., 53). Основой для этого издания послужил набор предыдущего, девятого, но есть одно существенное изменение. В известных экземплярах отсутствует текст рассказа «Анафемы», хотя он и указан в оглавлении на странице 167. Но если в девятом издании рассказ действительно напечатан на страницах 167–169, то в десятом на странице 169 вместо окончания рассказа напечатано название следующего рассказа — «К теории флирта», а лист со страницами 167–168 отсутствует.

Больше при жизни Тэффи ни первая, ни вторая книга целиком не переиздавались, но отдельные рассказы из них входили в другие сборники — как те, в составлении которых принимала участие сама писательница, так и в напечатанные без ее разрешения и даже ведома.

К первым относятся несколько книг, выпущенных издательствами русского зарубежья. На рубеже 1919–1920 гг. Тэффи приезжает из Константинополя в Париж, в котором она затем проживет (с небольшими перерывами) три с лишним десятилетия. А в ноябре 1920 г. в Париже создается книгоиздательство «Русская земля», которое «ставит себе целью издание лучших произведений современной художественной литературы и вместе с тем стремится сохранить материальные интересы русских авторов, пострадавших от временной потери огромного книжного рынка России»[30]. В начале 1921 г. оно выпускает книгу Тэффи «Тихая заводь», составленную из написанных еще в России произведений и названную по рассказу из сборника 1916 г. «Неживой зверь». Для «Тихой заводи» были отобраны как юмористические, так и «печальные» рассказы, в том числе три из первой книги «Юмористических рассказов» («Покаянное», «За стеной», «Проворство рук»). В тексты внесен ряд изменений, главным образом пунктуационных, которые могли являться как авторскими, так и сторонними. В частности, в эмиграции причиной искажения текстов, в том числе замены некоторых знаков препинания, регулярно становилась простая нехватка соответствующих элементов типографского набора.

После появления этого сборника А.И. Куприн написал о Тэффи статью «Бисерное колечко», опубликованную в парижской газете «Общее дело» 25 июля 1921 г. (№ 373. С. 2–3), а затем перепечатанную ковенской газетой «Эхо» (1921. 31 июля. № 179. С. 3). Он отмечал, что «очень хороша старуха нянька» из рассказа «Покаянное» (не упоминая название), и высочайшим образом оценивал книгу в целом: «Надо было с самого начала сказать: всего рассказов в книжке тридцать три. Из них особенное внимание обращают на себя... каждый из тридцати трех. И их необходимо все перечитать» [2, с. 424].

Вскоре два небольших сборника Тэффи выходят в Праге в издательстве «Северные огни» — «Черный ирис: Рассказы» и «Так жили: Рассказы». Хотя на титульном листе второго и значится 1922-й год, оба тома были напечатаны в конце лета 1921 г., а подготовка их велась вообще практически одновременно с «Тихой заводью». 30 декабря 1920 г. Тэффи пишет создателю издательства Е.А. Ляцкому, что если издать не две книги, а одну, то «в материальном отношении выходит очень уж мизерное предложение» [7, с. 173]. В обе эти книги, как и в «Тихую заводь», вошли включавшихся до революции в сборники

[30] Новое русское книгоиздательство в Париже // Последние новости. 1920. № 162. 2 ноября. С. 2. См. также: Новое издательство в Париже // Свободные мысли. 1920. № 7. 1 ноября. С. 4.

произведения, в том числе «Выслужился» («Так жили: Рассказы») и «Веселая вечеринка» («Черный ирис: Рассказы»).

В дальнейшем Тэффи произведения из первой книги «Юмористических рассказов» в новые сборники не включала, предпочитая составлять их (за редкими исключениями) из написанного уже в эмиграции. Тем не менее перепечатки продолжались, но без ведома автора. В 1926–1927 гг. в СССР издали несколько «толстых» сборников Тэффи и ряд выпусков в дешевых юмористических библиотеках. Составляли их как из произведений последних лет, написанных и изданных уже в эмиграции, так и из дореволюционных рассказов.

> В быту каждого общества при каждом строе есть род явлений просто смешных для всякого более или менее сознательного человека, — например, человек одевается каким-нибудь нелепым образом, чудачит в личной жизни и т. д., но там же, в глубинах быта и личной жизни, несомненно, можно наблюдать и такие явления, которые не просто смешны для окружающих, но, взятые в общем масштабе, измеренные меркой общественности, оказываются вредными для самой общественности, разлагают, отравляют ее, — говорилось в редакционном предисловии издательства «Земля и фабрика». — Николаевская Россия оставила нам весьма тяжелое наследство во всех областях, в том числе и в быту, и в личной жизни, — особенно в быту и личной жизни так называемого «образованного общества», т. е. чиновничества, средней интеллигенции, мещанства и прочих слоев населения, внешне советизированных, «стоящих на платформе советской власти». Политически безграмотные и безразличные, они ухитряются все же, помимо своей воли, даже против нее, быть далеко не безвредными для нового быта, новой жизни. Исполненные благих намерений, но наполненные дурными привычками, переживаниями, обычаями, вкусами и уклонами, они заражают всем своим дурным существом и подрастающее поколение, и слабых, окруженных их влиянием, сверстников, создавая и искусственно поддерживая, пополняя и переформировывая ряды советской обывательщины[31].

10 рассказов из первой книги были опубликованы в 1926 г. в разных выпусках «Библиотеки сатиры и юмора» издательства «Земля и фабрика» (ЗиФ). В сборник «Проворство рук» кроме рассказа, давшего книжечке название (с. 4–7), были включены также «Утешитель»

[31] *Тэффи.* Проворство рук. М.; Л.: Земля и фабрика, [1926]. С. 3; То же: *Тэффи*. Папочка. М.; Л.: Земля и фабрика, [1926]. С. 3.

(с. 8–10), «Корсиканец» (с. 10–12) и «Морские сигналы» (с. 17–20). В сборнике «Жизнь и воротник» перепечатан одноименный рассказ (с. 5–8), в сборнике «Папочка» — «Покаянное» (с. 24–27) и «Семья разговляется» (с. 27–31), в сборнике «Взамен политики» — «Взамен политики» (с. 5–8), «Выслужился» (с. 9–15) и «Забытый путь» (с. 16–26). Четыре рассказа вошли в объемный сборник «Ничего подобного: Юмористические рассказы» (1927), выпущенный в Харькове издательством «Космос»: «Модный адвокат» (с. 9–13), «Даровой конь» (с. 14–17), «Взамен политики» (с. 18–22) и «Новый циркуляр» (с. 23–28).

Таким образом, в 1926–1927 гг. в СССР переиздали 13 произведений из первой книги «Юмористических рассказов»: «Выслужился», «Проворство рук», «Покаянное», «Взамен политики» (дважды), «Новый циркуляр», «Модный адвокат», «Даровой конь», «Семья разговляется», «Утешитель», «Корсиканец», «Морские сигналы», «Забытый путь», «Жизнь и воротник».

Рассказы перепечатывали из дореволюционные сборников и, казалось бы, тексты должны были бы совпадать с изданиями «Шиповника» (за исключением возможных опечаток). Но на самом деле в советских издательствах в середине 1920-х гг. создавались и варианты, существенно отличавшиеся от авторских. На этот феномен, не имеющий логического объяснения — цензурного вмешательства содержание не предполагало, — мне уже приходилось обращать внимание при подготовке издания первых книг А.Т. Аверченко в серии «Литературные памятники» [3]. У Тэффи, как и у Аверченко, многие искажения могут являться только следствием либо пренебрежительного отношения, либо — что еще хуже — мнения редактора, что он может «улучшить» произведения, ведь это всего лишь юмористика, где авторы «валяют» кое-как, а вовсе не выверяют каждое слово и каждый знак.

К примеру, в рассказе «Проворство рук» были сделаны десятки исправлений, начиная с первых же слов, где авторское «На дверях маленького деревянного балаганчика» переправлено на «В дверях маленького деревянного балаганчика». Предложение «Из бокового окошечка выглядывала печальная голова и продавала билеты» превратилось в «Из бокового окошечка выглядывала голова и печально продавала билеты», «разбухли, обливались серым мелким дождиком», — в «набухли, обливаясь серым мелким дождиком». Слово «сожигательство» в афише заменено на «сжигание», повторяющееся слово «послал» в предложении «Судье почетный билет послал, голове послал, господину исправнику… всем послал» —

на «послан» и «послано», «Чего им еще надо?» — на «Чего им еще нужно?», «Нарыв в голове, или что?» — на «Нарыв на голове, что ли»?», «А те, которые сидели» — на «А те, кто сидели», «оттягивать дольше становилось опасным» — на «оттягивать дальше было просто опасно», «предпослать вам предисловием» — на «предпослать вам предисловие», «ловкость и проворство рук» — на «проворство и ловкость рук».

Из слов «никакого таинственного колдовства» убрано «таинственного», из «увидите необычайное появление» — «необычайное», из «Извольте убедиться сами» — «сами». Вместо «Руки у него» стало «Руки его», вместо «я его вытряхаю» — «я его встряхиваю», вместо «чай без сахара» — «стакан чаю без сахара». Из предложения «— Можете убедиться, — повторял он, — что никакого яйца здесь нет» исчезло «повторял он», из предложения «Публика зашевелилась, зашепталась» — пропало «зашепталась», и др.

Уже само количество исправлений показывает, что в данном рассказе мы имеем дело не с простыми ошибками, а с сознательной редакторской правкой, которая включает замену слов, их перестановку, изменение времени глаголов, произвольные сокращения: «перевернул платок» превратилось в «повернул платок», «Тебе за свечку зайти, вот и незаметно бы было» — в «Тебе бы за свечку зайти, вот и незаметно было бы», «исключительно только проворство рук» — в «исключительно проворство рук», «задрожал и пресекся» — в «пресекся и задрожал», «Ладно! Ладно! — в «Ладно, да ладно!», «поспешили запрятать в карман» — в «поспешно спрятали обратно», «к головиному сыну» — к «сыну городского головы», «развернул его, встряхнул и растянул» — в «развернул его и встряхнул», «смотрел на публику» — «осмотрел публику», «вытягивала шею» — в «вытягивает шею», «кричал пьяный» — в «кричит пьяный», «Извольте посмотреть!» — в «Извольте убедиться», и т. д.

Во многие другие произведения, взятые издательством «ЗиФ» как из первой книги «Юмористических рассказов» Тэффи, так и из иных ее сборников, также внесены очень существенные изменения.

В сборнике «Ничего подобного», вышедшем в Харькове, тоже есть расхождения с дореволюционными оригиналами, хотя и не столь значительные: правку можно объяснить ошибками наборщика. Произведения из первой книги здесь набирались по девятому или десятому изданиям. В рассказе «Даровой конь» «не думайте продать» заменено на «не вздумайте продать», а «ни в коем случае» — на «ни в каком случае». В рассказе «Взамен политики» отсутствует посвящение Конст. Эрбергу, вместо «Кончено-с» напе-

чатано «Конечно-с», вместо «Господи мало ли еще вещей не изобретено!» — «Господи, да мало ли еще вещей не изобретено!», вместо «Нечего, нечего!» — «Ничего, ничего!», вместо «две записочки» — «две записки».

Самые существенные изменения сделаны в рассказе «Новый циркуляр». Убрано «и» в словах «и в голосе его дрожит надежда», «Облечен властью по шапке» заменено на «Облачен властью по шапке», «уже ты врешь» — на «уж ты врешь», «Удивился?» — на «Удивились?», «Это что за девчонка?» — на «Это что за девочка?», «вздыхал Евель» — на «вздохнул Евель», в предложении «Господин урядник объясняли, господин его превосходительство пристав объясняли…» вместо «объясняли» оба раза набрано «объяснили».

К сожалению, затем эти ошибки получили широкое распространение, поскольку произведения воспроизводились именно по советским изданиям 1920-х гг. Так, в сборнике «Рассказы», вышедшем в 1971 г. и подготовленном О.Н. Михайловым, многие произведения набирались с «расклейки» книг 1926–1927 гг., а потому повторяют и искажения тех лет. Ни один из представляющих первую книгу рассказов — «Проворство рук», «Взамен политики», «Даровой конь», «Корсиканец» — не взят напрямую из дореволюционного издания. Перепечатывать тексты с многочисленными ошибками продолжают и в современных переизданиях, поэтому насущной задачей является подготовка научного собрания сочинений Н.А. Тэффи, работа над которым ведется в ИМЛИ РАН и которое позволит представить произведения писательницы без нарушающих авторский замысел и авторскую волю искажений.

Литература

1. Материалы из архива Н.А.Тэффи (США) / публ. и вступ. заметка Е.М. Трубиловой // Творчество Н.А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. М.: Наследие, 1999. С. 317–345.

2. Н.А. Тэффи в отзывах современников / сост., подгот. текстов и коммент. Д.Д. Николаева // Поэтика комического в русской литературе XX–XXI вв. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 422–427.

3. *Николаев Д.Д.* История текста и текстологические принципы издания первых книг Аверченко // Аверченко А. Рассказы (юмористические): в 2 т. / изд. подгот. Д.Д. Николаев. М.: Ладомир: Наука, 2021. Т. II. С. 790–815. (Серия «Литературные памятники»)

4. *Николаев Д.Д.* К вопросу о происхождении псевдонима Тэффи // Творчество Н.А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. М.: Наследие, 1999. С. 252–259.

5. *Николаев Д.Д.* Концепция «Книги» в творчестве Н.А. Тэффи // Творчество Н.А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. М.: Наследие, 1999. С. 20–39.

6. *Николаев Д.Д.* Творчество Н.А. Тэффи и А.Т. Аверченко: Две тенденции развития русской юмористики: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1993. 24 с.

7. *Хейбер Э.* Смеющаяся вопреки: Жизнь и творчество Тэффи. Бостон; СПб.: Библиороссика, 2021. 403 с.

Research Article

The First Volume of “Humorous Stories” by N.A. Teffi: A History of the Text

© 2026. Dmitry D. Nikolaev
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: This article traces the history of the text of Nadezhda Teffi’s first book, “Humorous Stories”, published in St. Petersburg by the publishing house “Shipovnik” in 1910, which became her most frequently reprinted collection during her lifetime. The publication was preceded by nearly ten years of active creative work, which had already made Teffi beloved and popular. The book cemented and confirmed this recognition, adding to readers’ admiration the approval of critics who had previously paid little serious attention to humorous prose. To a certain extent, this debut collection of prose is also regarded as a culmination of her work: Teffi selected for the collection what she considered to be her most significant humorous stories from the vast number of works published by that time — a total of thirty-five stories. The earliest of these were first published in May 1903, while the story “Life and a Collar” appeared in print shortly before the book’s publication, in February 1910. Among the periodicals to which Teffi contributed, the book features, in roughly equal proportions, *Birzhevye Vedomosti*, *Rodnaya Zemlya* / *Svobodnye Mysli*, and *Satirikon*; however, when considering the three periods of her earlier creative work identified in the article, the largest number of works belongs to the last of these. The ability to select the best pieces saved Teffi from having to substantially rewrite her stories, but there was no question of simply copying texts from a newspaper or magazine into a book. Teffi refined her works, taking into account, among other things, the new book-based context; in some cases, she changed or adjusted the title, removed subtitles, and eliminated passages related to the specific newspaper context, and so on. From works written in different years and on different topics, she strove to create a unity of genre and style. The coherence of Teffi’s books largely determined their publishing fate: between 1910 and 1917, ten editions of her first book, “Humorous Stories”, were published, and stories from it were reprinted both in exile and in the USSR.

Keywords: N.A. Teffi, humor, comedy, textual criticism, short story, poetics.

Information about the author: Dmitry D. Nikolaev, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8449-4682

E-mail: ddnikolaev@mail.ru

For citation: Nikolaev, D.D. "The First Volume of 'Humorous Stories' by N.A. Teffi: A History of the Text." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (40), 2026, pp. 291–319. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-291-319

References

1. "Materialy iz arkhiva N.A. Teffi (SShA)" ["Materials from the N.A. Teffi Archive (U.S.)"], publ. and *introd. by* E.M. Trubilova. *Tvorchestvo N.A. Teffi i russkii literaturnyi protsess pervoi poloviny XX veka* [*The Work of N.A. Teffi and the Russian Literary Scene of the First Half of the 20th Century*]. Moscow. Nasledie Publ., 1999, pp. 317–345. (In Russ.)

2. "N.A. Teffi v otzyvakh sovremennikov" ["N.A. Teffi in the Reviews of Her Contemporaries"], comp., text prep. and *comm. by* D.D. Nikolaev. *Poetika komicheskogo v russkoi literature XX–XXI vv.* [*The Poetics of the Comic in Russian Literature of the 20th–21st Centuries*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019, pp. 422–427. (In Russ.)

3. Nikolaev, D.D. "Istoriia teksta i tekstologicheskie printsipy izdaniia pervykh knig Averchenko" ["The History of the Text and Textual Principles of Publishing Averchenko's First Books"]. Averchenko, A. *Rasskazy (iumoristicheskie): v 2 t.* [*Short Stories (Humorous): in 2 vols.*], vol. 2, publ. by D.D. Nikolaev. Moscow, Ladomir, Nauka Publ., 2021, pp. 790–815. (Series "Literaturnye pamiatniki" ["Literary Monuments"]) (In Russ.)

4. Nikolaev, D.D. "K voprosu o proiskhozhdenii psevdonima 'Teffi'" ["On the Origin of the Pseudonym 'Teffi'"]. *Tvorchestvo N.A. Teffi i russkii literaturnyi protsess pervoi poloviny XX veka* [*The Works of N.A. Teffi and the Russian Literary Scene of the First Half of the 20th Century*]. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 252–259. (In Russ.)

5. Nikolaev, D.D. "Kontseptsiia 'Knigi' v tvorchestve N.A. Teffi" ["The Concept of 'The Book' in the Works of N.A. Teffi"]. *Tvorchestvo N.A. Teffi i russkii literaturnyi protsess pervoi poloviny XX veka* [*The Works of N.A. Teffi and the Russian Literary Scene of the First Half of the 20th Century*]. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 20–39. (In Russ.)

6. Nikolaev, D.D. *Tvorchestvo N.A. Teffi i A.T. Averchenko: Dve tendentsii razvitiia russkoi iumoristiki* [*The Works of N.A. Teffi and A.T. Averchenko: Two Trends in the Development of Russian Humor: PhD Thesis, Summary*]. Moscow, 1993. 24 p. (In Russ.)

7. Kheiber, E. *Smeiushchaiasia vopreki: Zhizn' i tvorchestvo Teffi* [*Laughing in Spite of It All: The Life and Work of Teffi*]. Boston, St. Petersburg, Bibliorossika Publ., 2021. 403 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 01.02.2026
Одобрена после рецензирования: 10.04.2026
Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 01.02.2026
Approved after reviewing: 10.04.2026
Date of publication: 25.06.2026

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Научная статья
УДК 821.161.1.1
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-320-347
https://elibrary.ru/GRTYCX

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (40), 2026

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Знал ли Хаксли Замятина: несколько подходов к проблеме

©2026, И.В. Головачева
Санкт-Петербургский государственный университет,
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского,
Санкт-Петербург, Россия

Исследование выполнено в Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского за счет гранта Российского научного фонда; (№ 25-28-00584, https://rscf.ru/project/25-28-00584).

Аннотация: В статье предлагается историко-биографический и компаративистский подходы к решению двух вопросов, давно занимающих читателей «Дивного нового мира» (1932) Олдоса Хаксли. Первый вопрос: знал ли Олдос Хаксли о Евгении Замятине и его романе «Мы»? Второй — читал ли Хаксли утопию Замятина до того, как приняться за работу над «Дивным новым миром». В работе приведена полная история вопроса, т. е. хронология дискуссий о так называемом плагиате Хаксли, последовательно обсуждены все аргументы «за» и «против» гипотезы заимствования. Сделан вывод о том, что Хаксли узнал о романе Замятина не позже 1927 г. из тщательно изученной им книги Р. Фюллоп-Миллера об СССР.

В исследовании рассмотрены множественные сюжетные и образные схождения в утопиях Замятина и Хаксли. Автор приходит к выводу о том, что эти параллелизмы не дают достаточных оснований для утверждения о соответствующих заимствованиях, тем более о плагиате. В статье утверждается, что сходство объясняется не столько интертекстуальностью, сколько генетическим родством, а именно, общими для «Мы» и «Дивного нового мира» литературными «предками» — Г. Уэллсом и Ф.М. Достоевским. Не менее значительную роль в оформлении смыслов и поэтики обеих утопий сыграла советская культура. Именно интересом Хаксли к «новому миру» — советскому проекту коммунистической утопии и к советским культурным реалиям — объясняется то внимание, которое английский автор уделил статье Замятина «Будущее театра» (1932). Этому тексту Замятина Хаксли посвятил отдельное эссе, русский перевод которого впервые приведен в данной работе.

В заключение предлагается ответ на вопрос о том, почему Хаксли ни разу не высказался о романе «Мы».

Ключевые слова: Олдос Хаксли, Евгений Замятин, «Дивный новый мир», «Мы», заимствования, схождения, интервью Замятина, «Будущее театра», «Драма Нового мира».

Информация об авторе: Ирина Владимировна Головачева — доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, наб. реки Фонтанки, д. 15, 191023 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3873-490X

E-mail: igolovacheva@gmail.com

Для цитирования: *Головачева И.В.* Знал ли Хаксли Замятина: несколько подходов к проблеме // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 320–347. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-320-347

Сравнительно недавно один из главных биографов Олдоса Хаксли, Николас Мюррей, автор большого биографического тома “Aldous Huxley: an English Intellectual” (2003), прислал письмо в редакцию “Times Literary Supplement”, очевидно, желая дать «окончательный» ответ на вопрос, был ли роман Евгения Замятина «Мы» (1920–1921) известен Олдосу Хаксли до осени 1931 г. — именно тогда рукопись «Дивного нового мира» была отправлена в издательство. Если ответ на этот вопрос утвердительный, то следующий вопрос: заимствовал ли Хаксли сюжет, образность и/или идеи из «Мы»?

Вот что пишет Мюррей:

> Примером гипотетического плагиата или родства мнений великих мыслителей <…> является сходство между романом Евгения Замятина «Мы» и «Дивным новым миром» Олдоса Хаксли. Как биограф Хаксли я нередко оказываюсь на таких заседаниях, где <…> некто внезапно обвиняет меня в незнании того, что Хаксли украл идею у Замятина. В последний раз это произошло на коллоквиуме в Бандоле в апреле 2020 года <…>[1]. Как обычно, я подчеркнул тогда, что нет ровно никаких доказательств того, что Хаксли читал «Мы», когда летом 1931 года на юге Франции взялся сочинять свою антиутопию. Книга русского автора была опубликована в английском переводе издательством Э.П. Даттона в 1924 году. Следовательно,

[1] Из-за пандемии короновируса VII Международный симпозиум, посвященный Олдосу Хаксли, состоялся в Тулоне не в 2020, а в 2021 г. Упомянутый Мюрреем форум в Бандоле был частью программы Симпозиума. См. страницу Симпозиума на сайте Университета Тулона: https://sites.univ-tln.fr/huxley-toulon/en/seventh-international-aldous-huxley-symposium-2020; а также программу: https://babel.univ-tln.fr/wp-content/uploads/brochure-huxley-compilee-1.pdf#page=28.35 (дата обращения: 10.01.2026).

> Хаксли вполне мог ее прочитать. Проблема в том, что отсутствуют какие-либо доказательства, что так и было. В обширной переписке Хаксли <…> нет никаких упоминаний о Замятине, нет их и в других его текстах. Если не появятся новые доказательства, мы должны признать, что он не знал о книге Замятина тогда, когда писал свою собственную. Впрочем, разумеется, исключить этого нельзя и я готов выслушать возражения, если появятся соответствующие доказательства»[2].

Рассуждая о схождениях в обоих романах, Мюррей объясняет их параллелизмом размышлений Замятина и Хаксли о современности и о будущем человека и цивилизации, о заорганизованности общества и о привитой любви к рабству. Биограф завершает письмо в редакцию риторическим вопросом: «Почему мы удивляемся тому, что еще один серьезный мыслитель, такой как Замятин, пришел к аналогичным выводам на основе тех же самых доказательств?»

Необходимо заметить, что абсолютное большинство членов International Aldous Huxley Society, научного общества, объединяющего хакслеведов всего мира, отмахивается от вопроса о возможных заимствованиях из «Мы» в «Дивном новом мире» и полагает, что данная тема вовсе не заслуживает рассмотрения.

1. Критики о кейсе «Замятин / Хаксли»

Начнем с самого странного свидетельского показания «в пользу» Хаксли. Доказательство «незнакомства» Хаксли с Замятиным приведено в статье Кристофера Коллинза, которому автор «Дивного нового мира», якобы, написал 25 октября 1962 г., т. е. через тридцать лет после публикации романа: «Как ни странно, я впервые услышал о книге Замятина три-четыре года назад» [23, p. 351]. Увы, К. Коллинз не предоставил письмо, полученное от Хаксли, ни одному из составителей сборников корреспонденции писателя[3].

Не менее удивительна и информация, которую приводит автор монографии о Замятине, Алекс Шейн: «В разговоре со мной в 1959 году, мадам Замятина утверждала: Хаксли в личной беседе с Замятиным в 1932 году повторил ему, что “Мы” не читал» [43, p. 140]. И вновь кроме слов Людмилы Николаевны Замятиной в пе-

[2] *Murray N*. Letter to the editor // Times Literary Supplement. URL: https://www.the-tls.com/regular-features/letters-to-the-editor/huxley-and-zamyatin (дата обращения: 10.01.2026).

[3] Имеются в виду два собрания писем: [36; 16].

ресказе Шейна у нас нет никаких доказательство того, что в 1932 году такая встреча действительно имела место.

Одним из тех, кто указал на «подозрительное» сходство двух антиутопий, был, как известно, Джордж Оруэлл сначала в рецензии на «Мы» в “Tribune”, а затем в письмах Фредерику Варбургу (22 ноября и в особенности 30 марта 1949 г.)[4].

Та же тема вновь возникла в 1970-х гг.: критик Джон Колмер безапелляционно заявил, что «если бы не Замятин, сатира Хаксли, возможно, никогда бы не была написана» [24, p. 174]. Еще через десять лет тезис Оруэлла о плагиате был в очередной раз опровергнут в статье Эдварда Брауна «“Дивный новый мир” / “1984” и “Мы”: эссе об антиутопии: Замятин и английская литература» [20]. Браун заодно подробно рассмотрел оруэлловские заимствования из антиутопий Замятина и Хаксли. Размышляя над сходством образности в трех романах, Браун пришел к следующему выводу: «Если сравнивать эти три литературных шедевра, становится очевидно, что «Мы» сильно отличается от своих наследников не только по структуре и стилю, но и в особенности по качеству иронии. Роман Хаксли по сравнению с романом Замятина тяжеловесен и прямолинеен, а оруэлловские картины нового мира нас не восхищают так, как замятинские, они нас скорее пугают» [20, p. 223].

В книге «Конец утопии: исследование “Дивного нового мира” Олдоса Хаксли» (1984) видный хакслевед Питер Ферчоу посвятил кейсу «Хаксли / Замятин» несколько страниц. Решительно отвергая версию знакомства английского писателя с русской антиутопией и тем более версию плагиата, Ферчоу предложил объяснение причин, стоявших за обвинениями, выдвинутыми Оруэллом:

> Оруэлл охотно возлагает вину на Хаксли именно потому, что прекрасно осознает собственную. Переключая внимание на предполагаемую связь между Хаксли и Замятиным, он надеялся хоть как-то затенить факт собственной связи с Замятиным. И правда — если Хаксли был способен на плагиат, то почему мы отказываем в этом Оруэллу? Более того, выдвинув Замятина на первый план, Оруэлл — вольно или невольно — стремился затенить то, чем его собственный роман обязан роману Хаксли. <…>. Это несомненно, ведь задолго до того, как Оруэлл впервые услышал о Замятине, он

[4] *Orwell G*. Review of “WE” by E. I. Zamyatin // Tribune. 1946. January 4. См.: [25, v. 8, p. 14; 22, v. 4, p. 485–486]. Оруэлла и самого в дальнейшем обвиняли чуть ли не в плагиате Замятина. См.: [28]. Утверждения Дойчера, в свою очередь, были опровергнуты в последующих работах, в частности: [43, p. 171–172]. Однако, например, Горман Бошам с мнением Вудкока не согласен, о чем заявляет в первом же абзаце своей статьи [18].

был знаком с текстом Хаксли, что явно следует из его романа «Да здравствует фикус» <…> [30, p. 122][5].

В свою очередь, Роберт Бейкер, автор одной из самых заметных книг о романе Хаксли «“Дивный новый мир”: история, наука и дистопия», пишет: «Утверждения Хаксли о том, когда он познакомился с романом Замятина — если познакомился — представляются противоречивыми, но позволяют предположить его литературный долг перед ним. Однако обвинения в последовательном плагиате <…> безосновательны» [17, p. 36–45]. Бейкер — и с этим невозможно не согласиться — объясняет «необъяснимое» сходство двух (на самом деле, б*о*льшего числа) антиутопий тем, что они, во-первых, наследуют уэллсовской традиции, а во-вторых, написаны в ответ на вызовы эпохи, т. е. того времени, когда политика неуклонно склонялась в сторону тоталитаризма, а прикладная наука и социальная инженерия совершили прорыв.

А между тем, другой крупный хакслевед, Джереми Мекьер, всерьез подходит к «свидетельствам заимствований» Хаксли из Замятина, предоставленных Коллинзом, Шейном и Колмером, не только в ранней статье 1984 г. [38], но и двадцать лет спустя, в своей последней монографии «Олдос Хаксли и утопия» [37, p. 5–98]. Мекьер уверен: без влияния замятинского Дня Единогласия (“Day of Unanimity” в английском переводе) в «Дивном новом мире» не появились бы «сходки единения» (“Solidarity Services”). Оба типа собраний являются псевдорелигиозными ритуалами. В подтверждение своей аргументации Мекьер ссылается на монографию Бретта Кука (его имя дважды искажено Мекьером — в тексте и в Библиографии: Beth вместо Brett) [27]. А между тем, сам Бретт Кук не находит свидетельств заимствования. Впрочем, и он тщательно отмечает схождения в «Мы» и «Дивном новом мире» [11].

Как видим, специалистам по творчеству О. Хаксли, равно как и по творчеству Е. Замятина, вопрос «заимствования» не безразличен. В целом, опираясь на весьма внушительный массив работ о «Дивном новом мире», можно сказать, что хакслеведы, как правило, влияние Замятина на антиутопию 1931 г. отрицают.

2. Сходство двух утопий

Игнорировать аналогии в сюжетах, образности и идеях было бы странно и контрпродуктивно, ведь схождений между двумя утопи-

[5] Отсылка к «Дивному новому миру» действительно есть в упомянутом романе Оруэлла.

ями немало. Оба—Замятин и Хаксли — создали тексты о мнимом рае. Оба ставят читателя перед необходимостью задуматься о том, что означает быть человеком, а не просто винтиком в общественном механизме. В сотворенных ими мирах счастье накрепко спаяно с несвободой, с регламентацией бытия. Обе утопии построены технократами, обе повествуют о тирании государства. Оба «единых государства» основаны в том числе и на принципах тейлоризма. В обоих мирах любая сторона жизни регламентирована и тщательно спланирована, расписана с начала до конца, включая сексуальные контакты и практики, полностью утратившие эмоциональное содержание. Все базовые потребности полностью удовлетворены. Изобилие достигнуто. Дети — собственность государства, которое с помощью специальных программ детоводства или обусловливания заботится о формовке, социальном конструировании будущих граждан. Дети получают воспитание в специальных заведениях-питомниках. Таким образом мозги тщательно промыты с младенчества. Верховный правитель имеет практически абсолютную власть (у Мустафы Монда власть несколько более ограничена, чем у замятинского Благодетеля). Оба вождя вызывают у жителей подвластных им государств почти религиозный экстаз и обожание.

И у Замятина, и у Хаксли предусмотрены «дикие территории». Разница лишь в том, что у Замятина дикари, волосатые бунтовщики, живут совсем рядом с цивилизацией, за Стеной, а у Хаксли они размещены в резервации на Юго-Западе бывших США.

И, наконец, обе утопии написаны под впечатлением от советского проекта построения общества будущего. По иронии судьбы, именно напряженная работа над «Дивным новым миром» помешала Хаксли отправиться в Советскую Россию в 1931 г. вместе с братом Джулианом.

Завершая заведомо неполный перечень аналогий между двумя романами, обратим внимание на математическую образность, которая играет большую роль в «Мы» и несколько менее очевидную, хотя и важную, в «Дивном новом мире». Роману Замятина намного больше повезло с исследованиями математического символизма, чем тексту Хаксли. Назовем лишь два лучших, на наш взгляд, исследования математики и символики чисел в «Мы». Первое — это статья Н. Струве «Символика чисел в романе Замятина «Мы» о роли числа 13, ключевом шифре романа, которое то явно, то скрыто в тексте и означает динамическое неблагополучие, бунт против математического счастья и коллективного экстаза [14]. Второе исследование — статья Б. Кука [28], в которой показаны разные виды верного и неверного применения математики в Едином Государстве.

Обратимся к роману Хаксли, настолько насыщенному научным материалом, что он легко конкурирует с лучшими образцами научной фантастики в ее чистых образцах. «Дивный новый мир» — это и НФ, и социальная сатира, стрелы которой нацелены как на Америку Тейлора, Форда и Великой депрессии, так и на тоталитарный Советский Союз с его плановой экономикой и бреднями о светлом коммунальном будущем.

Вглядимся в ткань романа. Мастерские описания урбанистических пейзажей, интерьеров Центрального лондонского инкубатория и воспитательного центра (ИВЦ) и Младопитомника, спортивных и развлекательных комплексов содержат множество цифр, которые в целом воспринимаются читателями и даже профессиональными критиками как должное, так как в основном они представлены в лекции Директора Инкубатория. Ведь лекционный материал следует насытить точными данными! Невнимание читателя к цифрам «Дивного нового мира» вызвано тем, что что они отображены лексически (исключение составляют лишь даты): “thirty-four stories”, “eighty-eight cubic metres”, “two hundred and twenty metres long, two hundred wide, ten high” («тридцать четыре этажа», «восемьдесят восемь кубических метров», «длина — двести двадцать метров, ширина — двести», высота — десять» и т. п). Запишем соответствующие слова цифрами.

Итак, из лекции Директора ИВЦ мы узнаем, что в 632 г. эры Форда (э. Ф.) — именно тогда происходят описываемые в романе события — на планете Земля проживает 2000000000 жителей, при этом на цивилизованную часть населения приходится ровно 10000 имен собственных в разных сочетаниях. Центральный Лондонский инкубаторий и воспитательный центр занимает 4000 залов 34-этажного здания. Дневная смена заканчивается ровно в 4 часа пополудни. В Инкубатории все процессы тщательно протоколируются, данные заносятся в картотеку, занимающую 88 м³. Длина Эмбрионария — 220 м., ширина — 200 м., длина конвейера — 2040 м. Экстракт желтого тела автоматически впрыскивается каждые 12 м. На 200-м метре производится определение пола младенца. Институт технологии чувств занимает 22-этажное здание. Слауский крематорий оснащен 4-мя высоченными дымовыми трубами. Эта фабрика смерти позволяет ежегодно получать 400 тонн фосфорных удобрений. В Вестминстерском аббатстве, где в кабаре установлен запаховый орган, играют 16 саксофонистов, аккомпанируя 400 парам танцоров. Мать Джона Дикаря, Линда, отправлена в Умиральницу и помещена в палату, где стоят 120 кроватей.

Обратим внимание на то, что абсолютное большинство чисел и дат четные. Лишь сакраментальное триединство «Свобода, Равенство, Братство» сохранено у Хаксли для того, чтобы трансформироваться в «Общность, Одинаковость, Стабильность».

Четными числами обозначены и важные исторические даты, четными оказываются и цифры человеческих жертв. Так, гражданское неповиновение прекращено после того, как были расстреляны 800 сторонников простой жизни. В Британской библиотеке потравили газом 2000 книгочеев, а вслед за тем из оборота изъяли книги, изданные до 150 г. э. Ф. В 178 г. э. Ф. началось финансирование 2000 ученых, занятых прорывными фармакологическими и биохимическими исследованиями и шесть лет спустя был налажен выпуск идеального наркотика «сома». Гипнопедия («промывания мозга» во сне) была официально введена в воспитательную практику в 214 г. э. Ф. Экспериментальные исследования показали, что для полного и окончательного внушения одной идеи требуется 62400 повторений.

Как видно из приведенных примеров, Хаксли делает акцент не просто на четных числах, а в особенности на числе «4»; многие числа кратны четырем. Западная культура, как известно, демонстрирует предпочтение архетипических чисел «3» или «7». Именно в этой связи обращает на себя внимание навязчивая четность числительных и дат в «Дивном Новом Мире». Думается, что данная особенность устройства Мирового Государства, по замыслу писателя, должна указывать на то, что перед нами радикально иной мир, мыслящий себя иначе. Его ментальность определяется не вполне человеческими архетипами. К.Г. Юнг (в частности, в «Психологии и алхимии») отмечал влияние древней космологии на бессознательное у человека эпохи модерна, на замену христианской Троицы четверицей. Четвертым элементом при этом является земное, материальное, женское.

Исследуя числа в романе Замятина, Бретт Кук обратил внимание на то, что в Едином Государстве также особо почитается число 4, что, возможно, отсылает сведущего читателя к пифагорейской традиции, согласно которой это число ассоциируется со справедливостью и равенством частей. Во время прогулок граждане Единого Государства гуляют рядами по четыре. Есть в тексте и стихотворение на тему $2 \times 2 = 4$. Возможно, и Замятин, и Хаксли обыграли «Записки из подполья» Достоевского, где, как известно, против этой формулы протестует главный герой.

Вернемся к цифрам «Дивного нового мира». На преимущественно «четном» фоне обращает на себя внимание дата 141 г. э. Ф.: именно тогда началась Девятилетняя война. Это нечетное число,

несомненно, отсылает нас к 1914 г., к началу Первой мировой войны. Не случайна и цифра, фигурирующая в рассказе о Девятилетней войне: 14000. Именно такое число самолетов сбросило на Европу бомбы, начиненные сибирской язвой. Указание на это бактериологическое оружие должно было служить отсылкой к убийственным газовым атакам, впервые в истории примененным во время Великой войны.

Даты, статистические данные, наукообразие, продуманность деталей устройства многочисленных аспектов существования Мирового Государства — все это является саркастическим комментарием к тотальному увлечению позитивным знанием. Возможно — но вовсе не обязательно! — замысел подобной ревизии возник у Хаксли под влиянием Замятина.

3. Общие источники

Чем же определяются столь очевидные параллели двух утопий? Неужели только духом времени, дыханием истории, Zeitgeist? Думается, речь должна идти не столько об интертекстуальности, сколько о генетическом родстве, а именно, об общих литературных «предках» «Мы» и «Дивного нового мира».

Первый общий источник вдохновения — это Герберт Уэллс. Влияние Уэллса на Замятина и Хаксли не подлежит сомнению. Уэллс, как известно, был для Замятина фигурой грандиозного масштаба. Неслучайно он посвятил британскому фантасту несколько статей: «Уэллс» (1920), «Война в воздухе» (1919), «Г.Д. Уэллс» (1920), «О романе “Машина времени”» (1920) и «Неугасимый огонь» (1922). В свою очередь, Хаксли свидетельствовал: именно раздражение, вызванное чтением уэллсовского романа «Люди как боги» (1923) натолкнуло его на идею сочинить собственную утопию — об этом автор «Дивного нового мира» открыто говорит в статье «Утопии положительные и отрицательные» (1963)[6] [34].

Второй несомненный общий источник — творчество Ф.М. Достоевского[7]. Как уже было сказано, психологическая сложность и противоречивость замятинского героя Д-503 вдохновлена в том числе «Записками из подполья» (1864) Достоевского — текстом, где человеческая личность предстает перед нами невероятно противоречивой. Что до Хаксли, то он еще в 1920-х начал внимательно читать

[6] О наследии утопизма Г. Уэллса в антиутопиях Е. Замятина и О. Хаксли написано немало работ. См., например: [41; 21; 30, p. 57–76; 1, с. 232–259; 42].

[7] Поиск «достоевских» корней в поэтике Замятина насчитывает более семидесяти лет. См.: [13; 35; 33; 39, p. 128, 132, 142]. О наследии «Записок из подполья» в «Мы» говорит и Дж. Кук в предисловии [11].

«Братьев Карамазовых». О «слезинке ребенка» (слова Ивана Карамазова) он рассуждает, в частности в статье «Вороны и письменные столы» (“Ravens and Writing Desks”, 1928), написанной для журнала «Vanity Fair»[8]. В эссе «Вульгарность» (“Vulgarity”, 1927) Хаксли пишет: «Чувствуется, что Достоевский понимает бесконечно больше, чем Диккенс, охватывает намного больше аспектов реальности. Вульгарность Диккенса в этом смысле проистекает из того, что его разум сильно уступает уму Достоевского»[9]. В сборнике «Делай, что хочешь» (“Do What You Will”, 1929) встречаются рассуждения о «Бесах» и «Записках из подполья». «Записки» Достоевского, а также «Смерть Ивана Ильича» Л. Толстого, по мнению Хаксли, «ст*о*ят целого собрания трактатов по гносеологии и природе реальности»[10].

Третий общий источник, повлиявший на утопии Замятина и Хаксли, — *советская культура как следствие невиданного социального эксперимента*. Об очевидных «советских» смыслах романа «Мы», его сатирической природе и влиянии на него среди прочего Маяковского написано множество блестящих работ[11]. Гораздо меньше сказано о «следах» Русской революции в работах о «Дивном новом мире»[12]. Между тем, все устройство Мирового Государства служит надежной гарантией от слома социально-политической системы, тем более от такой катастрофы, которая произошла в России.

Отсылки в романе к советской культуре сформировались в основном благодаря двум текстам. Первый — книга приятеля Хаксли, Бертрана Рассела, «Практика и теория большевизма» (“The Practice and Theory of Bolshevism” 1920), на первых страницах которой автор заявляет, что верит в необходимость коммунизма для мира, что «дерзновенная попытка» большевиков заслуживает не только восхищения, но и благодарности прогрессивного человечества. Вместе с тем, Рассел рассуждает и о хрупкости цивилизации и, следовательно, об опасности революционного насилия, тем более такого масштабного.

Вторая книга, повлиявшая на Хаксли, — «Ментальность и лицо большевизма» (1927) Рене Фюлоп-Миллера[13]. В коротком письме к Э.С.П. Хейнсу от 24 декабря 1927 г. Хаксли отмечает:

---

[8] *Huxley A*. Ravens and Writing Desks [25, vol. 2, p. 299].

[9] *Huxley A*. Vulgarity [25, vol. 2, p. 19].

[10] *Huxley A*. Pascal [25, vol. 2, p. 370].

[11] Кроме уже упомянутых работ следует назвать антологию [6] и, в частности, включенную в нее статью И. Доронченкова (впервые: [4]). Также см. [3].

[12] См.: [32].

[13] См.: [30, p. 95–97].

> Я еще больше укрепился в своих симпатиях по отношению к аристократии после того, как прочитал весьма любопытную книгу о жизни, искусстве и мысли в современной России, «Ментальность и лицо большевизма», написанную немцем [Рене] Фюлоп-Миллером. Прочитайте ее, если еще не читали. Какой позор! Как люди могут быть такими глупыми, как, судя по всему, эти русские [36, p. 294].

В ней подробно и вполне достоверно говорится буквально обо всех сторонах жизни Страны Советов. Рассуждая об утопическом проекте построения технократического режима и сравнивая его с американским проектом, Фюлоп-Миллер прозорливо отмечает:

> Только большевизм может придать окончательное совершенство этому техническому чуду. Ведь даже в Америке механизация по-прежнему ограничивается экономикой, заводами. В тот момент, когда американец покидает рабочее место, он сразу оказывается во власти демона индивидуализма и «души»: он живет, любит, занимается семьей и личными делами, одним словом, является индивидуумом, он больше не «часть великой общественной машины». В этом Америка отстает от русского стандарта, и это, разумеется, следствие недостатков буржуазного строя. Верно то, что именно американец первым сотворил дух механицизма, техницизма, однако он стремится избежать его социальных последствий и сохранить одухотворенное лицо добродушного, честного человека [31, p. 22–23].

Очевидно, что под влиянием данного пассажа и многих подобных соображений, высказанных Фюлоп-Миллером, Хаксли вскоре написал статью «Хладнокровные романтики» для журнала “Vanity Fair” о большевистских социальных проектах. Здесь он также высказывается на тему коллективизма как явления механического и враждебного индивидууму, т. е. на тему своей будущей утопии:

> Зрелище чего-либо столь «хаотичного и живого», столь «мистически органичного», как личность с душой, с личными вкусами, с особыми талантами, большевикам представляется отвратительным и непристойным. <…> Коммунистическому государству нужны не люди, а шестерёнки и маховики в его огромном «коллективном механизме». Для большевистского идеалиста утопия неотличима от завода Генри Форда. Большевикам недостаточно, чтобы люди проводили всего восемь часов в день под строгим контролем масте-

> ра цеха. Жизнь вне завода должна быть точно такой же, как и жизнь внутри его. Досуг должен быть столь же высокоорганизован, как и труд. В христианское Царство Небесное люди могут войти лишь в том случае, если будут как дети. В земной рай большевиков они войдут, если будут как машины[14].

О технократическом рае, к которому так стремился русский авангард, автор «Дивного нового мира» написал статью «Новый романтизм» (1932) [25, vol. 3, p. 251–254]. Для иллюстрации того, что «новые романтики» (футуристы, конструктивисты, супрематисты) отрицают индивидуальную психологию и «сентиментально восхищаются механизмами» — в глазах Хаксли это свидетельствует об инфантильности, о «возврате к детству» — он цитирует отрывок из поэмы Маяковского «150 000 000» («Город <…> на одном винте, весь электро-динамо-механический» <…>)[15]. Заметим, что в романе Хаксли в описании футуристического Лондона явно просматриваются и следы поэмы “150 Million”. В «Новом романтизме» приведены те же отрывки поэмы и в том же самом переводе, что и на страницах книги Фюлоп-Миллера. Можно с уверенностью сказать, что автор книги о большевизме сам его и выполнил, опираясь на немецкое переложение, сделанное Йоханнесом Бехером в 1924 г. Указание на немецкий перевод (но не на само издание), содержится в библиографическом списке, приведенном в «Ментальности и лице большевизма» [31, p. 296]. Как видим, поэма Маяковского, прочитанная Замятиным, пройдя затем два этапа перевода, стала доступна и Олдосу Хаксли и вскоре сыграла роль в особой урбанистической поэтике «Дивного нового мира».

Книга Фюлопа-Миллера содержит не только цитаты из Маяковского, но и эпилог под заголовком «Достоевский смотрит на большевизм». Эпилог включает пространные цитаты из «Бесов» и завершается пассажем из «Великого инквизитора» («Братья Карамазовы»):

> О, мы убедим их, что они тогда только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся <…>. Тогда мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы <…>. Они будут расслабленно

[14] *Huxley A.* The Cold-Blooded Romantics // Vanity Fair. 1928. March. P. 64, 104.

[15] “Chicago City, / Built upon a screw / Electro-dynamo-mechanical city! / Spiral-shaped / On a steel disc / At every stroke of the hour / Turning around itself / Five thousand sky scrapers / Granite suns’ / The Squares / Mile-high they gallop to Heaven, / Crawling with millions of men, / Woven of steel hawsers, / Flying Broadways”. Ibid. P. 253. Ср. [31, p. 23].

> трепетать гнева нашего, умы их оробеют, глаза их станут слезоточивы, как у детей и женщин, но столь же легко будут переходить они по нашему мановению к веселью и к смеху, светлой радости и счастливой детской песенке <…> мы всё разрешим, и они поверят решению нашему с радостию, потому что оно избавит их от великой заботы и страшных теперешних мук решения личного и свободного. И все будут счастливы, все миллионы существ, кроме сотни тысяч управляющих ими. Ибо лишь мы, мы, хранящие тайну, только мы будем несчастны. Будет тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла [15, т. 14, с. 235–236].

Итак, Уэллс, Достоевский и Маяковский составляют общее наследие, давшее миру утопии Замятина и Хаксли.

Вернемся ненадолго к книге Фюлоп-Миллера. Кроме цитат из Маяковского и Достоевского в ней обнаруживается не менее, если не более, важный для нашего исследования фрагмент. Примерно в середине книги сказано:

> Поэт Замятин, один из самых талантливых авторов новой России. В романе «Мы» он довольно оригинально представляет будущее русской культуры после победы коммунизма [31, p. 168].



PORTRAIT OF THE WRITER SAMIATIN
(Drawing by I. Annenkov)

В богато иллюстрированной книге Фюлоп-Миллера есть и портрет Замятина — кубистический коллаж Ю. Анненкова (1921) — единственная из иллюстраций, на которой просматривается английский текст.

Хаксли, как мы показали, самым внимательным образом изучил книгу «Ментальность и лицо большевизма». Почему же он проигнорировал характеристику Замятина, не вгляделся в портрет и не заинтересовался его романом? Или все-таки заинтересовался? Возможно ли,

что этот портрет, занимающий целую страницу, ничем не привлек внимания Хаксли? Пока этот детективный сюжет остается без ответа.

4. Диалог

Тема заочного диалога между двумя писателями рассуждениями о гипотетических заимствованиях Хаксли у Замятина, равно как и образно-тематическими схождениями двух утопий, вовсе не исчерпывается и заслуживает рассмотрения в ином, биографическом ракурсе.

Начнем с того, что личное знакомство Замятина с Хаксли могло бы произойти при посредничестве общих друзей и знакомых, например знаменитого французского писателя Дрие Ла Рошеля. Кроме того, оба наших героя в тот год жили на Лазурном берегу: Хаксли — в Санари-сюр-Мер, а Замятин — в Кань-сюр-Мер. В совокупности Замятин провел на юге Франции несколько месяцев[16]. И все же удивительно, что такая встреча, в том случае, если она действительно произошла, ни разу не была упомянута ни Замятиным, ни Хаксли. Последний тщательно фиксировал свои знакомства. Не засвидетельствовали ничего подобного и его друзья, например, Сибил Бедфорд, первый и скрупулезный биограф английского писателя, которая жила с Олдосом и Марией Хаксли на их вилле в Санари-сюр-Мер [19, vol. 1].

Заочный диалог, насколько позволяют судить имеющиеся в нашем распоряжении факты, начался после переезда Замятина во Францию, а именно, не раньше февраля 1932 г. Едва ли не первым, кто задумался об удивительном сходстве двух антиутопий был именно Дрие Ла Рошель, прославленный писатель, с которым Хаксли дружил в 1920–1930-х гг.[17]. Дрие Ла Рошель принял живое участие и в заграничной судьбе Замятина.

---

[16] См. подробную хронологию в: [8, с. 314–335]. О жизни О. Хаксли в 1932 г. см.: [40, p. 256–268].

[17] В корреспонденции О. Хаксли Дрие Ла Рошель упоминается нечасто. Обращает на себя внимание письмо Джулиану Хаксли (старшему брату) от 27 ноября 1941 г., в котором Олдос с большим сожалением говорит о «старом друге Дрие, чьи довоенные убеждения логически привели его к тому, что он стал редактором “Nouvelle Revue Française”, оголтело-коллаборационистского издания» [36, p. 472]. В апреле 1945 г., узнав о самоубийстве Дрие Ла Рошеля после освобождения Франции, Хаксли написал о нем пространное письмо, в котором с горечью анализирует характер покойного друга, пишет о его тонком вкусе. Хаксли утверждает, что «боваризм» Дрие привел его к экзистенциальной катастрофе, так как установление фашистского режима в оккупированной Франции, «тупость, грубость и уродство практически всего того, что творили немцы, должно быть, больно задевало его чувствительную натуру» [36, p. 517–519]. Хаксли этим не ограничился: продолжая размышлять о судьбе несчастного Дрие, он написал в ноябре 1945 г. ответ на письмо Виктории Окампо, которая и сообщила ему о смерти друга [36, p. 536–537].

Весной 1932 г. Замятин дал интервью Фредерику Лефевру, главному издателю «Les Nouvelles Littéraires». Биограф русского писателя пишет: «Замятин серьезно подготовился к нему, вплоть до того, что заранее подготовил некоторые из своих ответов и попросил Познера перевести их, поскольку интервью было частью очень престижной серии» [8, с. 309]. В течение 1932 г. Лефевр опубликовал другие интервью со Стефаном Цвейгом, Андре Моруа и прочими известными писателями. Таким образом, данная публикация была исключительно важна в качестве представления Замятина французским читателям.

Среди прочего Замятин, подчеркивая значение своего романа «Мы», счел нужным отметить и по-своему проинтерпретировать сходство своей утопии с романом Хаксли:



ARTISTIQUES ET SCIENTIFIQUES

AIRE D'INFORMATION, DE CRITIQUE ET DE BIBLIOGRAPHIE

DIRECTEUR : MAURICE MARTIN DU GARD

LES LETTRES RUSSES

Une heure avec Zamiatine

Constructeur de navires, romancier et dramaturge

Ecrivains en U.R.S.S. : de l'argent, mais pas de liberté !

par FRÉDÉRIC LEFÈVRE

Sommaire du 23 Avril 1932

Les deux audaces

Lettres de P à Paul So

A Paris et ailleurs

Le Centenaire de Vallès

Le Prix de Littérature Coloniale

D'APOLLINAIRE

Les nouvelles littéraires. 1932, 23 April. P. 1.

Близорукие рецензенты увидели в этой вещи не больше, чем политический памфлет. Это, конечно, неверно: этот роман — *сигнал о двойной опасности, угрожающей человечеству: от гипертрофированной власти машин и гипертрофированной власти государства*. Американцы, несколько лет тому назад много писавшие о нью-йоркском издании моего романа, не без основания увидели в нем критику фордизма. В своем последнем романе английский беллетрист Олдос Хаксли развивает почти те же самые идеи и сюжетные положения, которые даны в «Мы». Дрю Ля Рошель на днях рассказывал мне, что при встрече с Хаксли он даже спрашивал его, не читал ли Хаксли «Мы»; оказалось, что нет. Что и подтверждает, что эти идеи витают в грозовом воздухе, которым мы дышим[18].

[18] *Lefèvre Fr.* Une heure avec Zamiatine // Les nouvelles littéraires. 1932.

Итак, *первый* бесспорный факт — это начало заочного диалога двух авторов и двух романов в апрельском интервью Замятина, в котором он, во-первых, признает, что читал «Дивный новый мир», во-вторых, указывает на информацию, предоставленную Дрие Ла Рошелем, достоверность которой проверить мы не можем. Не можем мы утверждать, что Хаксли, в свою очередь, ознакомился с интервью Замятина. Впрочем, интервью, взятое Лефевром, было не единственным во французской прессе. Было и еще одно, посвященное советскому театру и опубликованное на первой полосе газеты «Comœdia» 12 апреля 1932 г.[19]. В тот год Замятин много рассуждал на эту тему.

Второй факт — это знакомство Олдоса Хаксли со статьей Замятина «L'avenir du théatre», опубликованной в майском номере парижского ежемесячника «Les Mois» за 1932 г.[20]. Эта статья известна русским читателям под заголовком «Будущее театра»[21]. Прочитав ее, Хаксли написал о своих впечатлениях эссе для издательского синдиката Херста, озаглавив публикацию «Драма Нового мира». Надо заметить, что на идею такого заголовка не могут навести никакие слова статьи Замятина. Нетрудно предположить, что именно текст самого Хаксли — опубликованный в феврале того же года «Дивный новый мир» — вероятнее всего, навел его на мысль о таком заголовке для эссе. Возможно, он решил обыграть название собственной футуристической фантазии, рассуждая как будто бы о совсем иной материи, т. е. о вероятном развитии сценического искусства в стране

23 April. P. 1, 8. Отрывок из интервью Замятина Лефевру цитируется по [12]. Опираясь на исследование Дж. Кертис о рецепции романа «Мы» в зарубежной критике, можно утверждать, что Замятин явно преувеличивает, говоря, что американцы «много писали о нью-йоркском издании» его романа. Кертис пишет, что продажи были невелики, и, скорее всего, роман был прочитан лишь небольшим кругом читателей [9, с. 535–563].

[19] En U.R.S.S. M. Zamiatine auteur et ingénieur nous dit les résultats obtenus à Moscou par le théâtre soviétique // Gallica.bnf.fr. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7650972t/f2.item.r=Zamiatine (дата обращения: 11.02.2026).

Я выражаю благодарность Александру Строеву (Université Sorbonne Nouvelle) за дополнительные сведения относительно французских публикаций о Замятине, в частности о том, что в 1932 г. о русском авторе писала не только вся французская пресса, но и европейская "The New York Herald" (см. выпуск от 14 апреля 1932 г. P. 4). Вот что говорится в этом последнем: «По словам русского драматурга и инженера Замятина, вернувшегося вчера в Париж, театральная революция в России произошла за несколько десятилетий до политических потрясений, и потому советское сценическое искусство, его развитие и результаты значительно опережают итоги государственного управления. Он нашел смехотворным предположение о том, что молодым авторам навязывают теории. Замятин не верит в то, что пьеса, написанная в пропагандистских целях, сможет выдержать испытание временем, и заявляет, что, по его наблюдениям, на русской сцене доминируют те же тенденции, что и до революции» // Gallica.bnf.fr. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bd6t5174437/f4.item.r=Zamiatine# (дата обращения: 11.02.2026).

[20] *Zamiatine E.* L'avenir du théatre // Le mois. Synthèse de l'activité mondiale. 1923. № 17. 1 mai — 1 juin. Дж. Кертис утверждает, что статья была закончена Замятиным в мае 1932 г. [8, с. 316].

[21] *Замятин Е.И.* Будущее театра [7, т. 4, с. 208–213]. Оригинал замятинской статьи (рукопись) хранится в библиотеке Принстонского университета.

победившего социализма. Заметим, что такой акцент в названии эссе вполне оправдан не только как гипотетический рекламный шаг, но и по другой причине: антиутопия Хаксли, как и роман «Мы», создана под влиянием «нового мира» — советского проекта, коммунистической утопии[22].

Вот как Хаксли прочитал Замятина:

Драма Нового мира

В статье, недавно опубликованной в превосходном французском журнале «Le Mois», советский писатель Эжен Замятин рассуждает о будущем театра. В данный момент русские, вероятно, лучше всего подходят на роль пророков.

Ведь, по словам Замятина, «всем, кто интересуется этим будущим, следует взглянуть именно на Россию, упрямо пробующую перескочить через барьер лет в 50 прямо в будущее».

Замятин высказывает несколько очень интересных мыслей о современном (и, следовательно, пророческом) театре в России. Во-первых, «в России практически совершенно исчезла со сцены интимная любовная драма, которая до сих пор занимает место на европейской сцене». Во-вторых, «вопрос о браке в русской лаборатории пока разрешен так, что он почти не дает материала для коллизии, а стало быть, и для театральной игры». Сатирическую комедию постигла та же участь, что и любовную драму, по очевидным причинам: сатира — это критика, а диктаторы не верят ни в чью в критику — только в свою.

Балет и опера процветают, как и при царском режиме; но (и это интересно) это все тот же балет и все та же опера. «Попытки создавать балеты и оперы, вдохновленные новыми темами, потерпели неудачу: даже самый ярый сторонник пятилетнего плана не может удержаться от смеха, когда тенор начинает страстно петь об удобрениях, а сопрано воспевает трактор»[23]. Публика устремляется именно на классические оперы Чайковского, Римского-Корсакова и Мусорского.

Что до будущего фарса и водевиля, Замятин в нем не сомневается: «Единственный человеческий абсолют — это человеческая глупость». Поэтому будущее фарса обеспечено[24].

[22] См. об этом: [2, с. 45–58].

[23] В оригинальном тексте Замятина ничего о пятилетках не сказано. Ср.: «Попытка построить оперу и балет на новом материале — заранее обречены на неудачу. За постройку тракторов, за добывание химического удобрения — можно взяться с величайшим энтузиазмом; но если арию об удобрении запоет даже Шаляпин — это вместо энтузиазма неминуемо даст только комический эффект» [7, т. 4, с. 211–212].

[24] В оригинале у Замятина «Золотые блески глупости будут сверкать в людях после всех революций, и потому, как бы ни менялся театр, в нем непременно останется фарс,

О трагедии он говорит менее оптимистично. Хотя она кажется наиболее желательной формой драмы для театра будущего, он пока не видит никаких признаков появления новой трагедии в России и потому всего лишь выражает надежду на то, что миру пятилеток не придется слишком долго ждать появления своего Шекспира.

Я же чувствую, что ждать, возможно, придется очень долго. Ибо, даже если появится подобный гений, о чем он будет писать? Не о любви, ибо любовь свелась к здравому смыслу и сексуальным функциям — потребляй, когда есть аппетит, и все.

Не о браке, ибо брак можно расторгнуть по желанию, и это не приводит ни к конфликту, то есть драмы не будет. Не об отношениях между родителями и детьми, ибо семьи больше нет; государство заботится о том, чтобы рефлексы юных подданных формировались исключительно функционерами, и таким образом берет на себя роль всеобщей приемной матери. Не об отношениях между индивидуальной душой и ее Богом, ибо и Бог, и индивидуальная душа упразднены; есть лишь государство и гражданин. И, наконец, не о бунте индивида против государства, как предполагает Замятин, — ведь государство не может позволить безответственным драматургам заниматься пропагандой против власти.

Насколько можно судить, темы будущего Шекспира будут следующими:

Темы фарса и низкой комедии. Темы чистой фантазии и романтики (люди всегда будут стремиться к сказочным мирам, куда можно убежать). Высокоморальные, трагические темы, показывающие печальную судьбу, которая постигает индивида, если он не исполняет долг перед государством.

Сомневаюсь, что будущий Шекспир сочтет эти темы соответствующими масштабу его гениальности. Трудно быть драматургом в отсутствие драмы.

Когда он придет, этот новый Шекспир, он, вероятно, предпочтет заняться биохимией или физиологией.

(Hearst. 1932, 23 июля)[25]

Случайно ли Хаксли акцентирует невозможность театральных постановок о «бунте индивида против государства», об «упразднении семьи», о «формировании рефлексов у юных подданных»? Не эти ли темы вышли на первый план как в его «Дивном новом мире», так и в «Мы» Замятина?

водевиль» [7, т. 4, с. 210].

[25] *Huxley A.* New World Drama [25, vol. 3, p. 336–337].

Упомянем еще одно событие, в котором участвовали оба писателя. Это «Международный конгресс писателей в защиту культуры» (Париж, 21–25 июня 1935 г.). Среди 250 делегатов были Олдос Хаксли и Замятин, включенный в советскую делегацию.

Не имея никаких надежд на то, что данное собрание окажется успешным (Хаксли прекрасно осознавал политическую, советскую подоплеку конгресса), за две недели до парижского события он сообщает брату, Джулиану Хаксли: «К слову о конгрессах, меня тут шантажировали и я пообещал принять участие в международном конгрессе писателей в защиту свободы слова в Париже 21 числа сего месяца. Будет невыносимо скучно, но, думаю, долг велит *faire acte de présence*» [36, p. 396].

После конгресса Хаксли пишет о своих впечатления Виктории Окампо:

> Конгресс, разумеется, сильно разочаровал. Я надеялся на серьезный профессиональный разговор писателей, а на деле все обернулось чередой заседаний, организованных французскими писателями-коммунистами ради самовосхваления и русскими ради советской пропаганды. Забавно было наблюдать этот довольно постыдный эпизод Человеческой комедии. Но меня это злит — как подумаешь, что могло, но не было сделано, когда видишь циничное безразличие организаторов-коммунистов к бедным неприметным делегатам с Балкан и прочих мест, которые приехали в надежде на то, что другие писатели приложат серьезные усилия, чтобы понять их проблемы, но не нашлось возможности обсудить их, все обернулось одной бесконечной коммунистической демагогией перед аудиторией, насчитывавшей 2000 человек. В подобных случаях видишь все худшие аспекты религии: отказ одних использовать разум, а не искать утешение в вере, циничные амбиции других, которые ни во что не верят, а лишь стремятся подняться в коммунистической иерархии. И повсюду полное безразличие к истине и к элементарным нормам цивилизованного существования [36, p. 397].

У нас нет сведений о том, были ли два писателя представлены друг другу на конгрессе. Замятин, в отличие от Хаксли, не выступал, но на докладе Хаксли мог и присутствовать. Нетрудно предположить, опираясь на вышеприведенные слова Хаксли, что английский писатель не стремился пообщаться с членами советской делегации. Можно лишь посетовать на череду несовпадений.

И тем не менее, нельзя не удивиться тому, что Хаксли удовлетворился написанием единственного текста, посвященного Замятину. Странно то, что, в конце концов прочитав «Мы», в чем вряд ли можно усомниться — ведь Хаксли читал практически все тексты утопических жанров, а также интересовался развитием советской культуры — он воздержался от каких бы то ни было комментариев, в особенности после того, как «Мы» вслед дистопией «1984» был извлечен из небытия, заново переведен и использован в качестве оружия в холодной войне. В 1954 г. был переиздан и первый английский перевод, выполненный Г. Зильбургом тридцатью годами ранее.

Предположение о том, что Хаксли хранил молчание потому, что он не хотел признать факт влияния русского собрата по перу на «Дивный новый мир», следует отмести. «Дивный новый мир» поразительно напоминает не только «Мы», но и еще один русский текст, о котором не только Хаксли, но и Замятин не имели ни малейшего представления, — роман Тео Эли «Долина новой жизни», изданный в Москве в 1928 г. [15]. Вот что говорит Николай Кременцов, исследователь этого малоизвестного текста:

> В качестве параллели и даже предтечи (и тематически, и хронологически) «Дивного нового мира» можно вспомнить роман со столь же красноречивым названием «Долина новой жизни». Опубликованный под загадочным псевдонимом, роман был написан активным участником экспериментальных биомедицинских исследований, врачом-гинекологом Ф.Н. Ильиным, и описывал первые этапы создания «нового мира», основные очертания которого Олдос Хаксли узнал бы без всякого труда. <…> Как и в «Дивном новом мире», цель создателей и обитателей «долины новой жизни» — осчастливить человечество. <…> Так же, как и обитатели «дивного нового мира», населяющая долину раса сверхлюдей создана с помощью искусственного оплодотворения и эктогенеза — выращивания человеческих эмбрионов в «инкубаториях». Так же, как и жители «дивного нового мира», они еще до рождения, путем различных манипуляций над эмбрионами, разделены на отдельные «касты», предназначенные для выполнения разных обязанностей и профессий. В обоих «новых мирах» многократно ускоренное развитие, обучение и воспитание этих «новых людей» основаны на применении гормонов, химических препаратов, массового внушения и «контроля над сознанием». <…> У них нет отцов, матерей, мужей, жен, детей, братьев и сестер. Им неизвестны чувства и эмоции, обусловленные такими биологическими и социальными ролями [10, с. 40–41].

Как видим, пример «Долины новой жизни» показывает, что сходство вовсе не является доказательством заимствования. Возможны поразительные совпадения хода мысли, определяемые интеллектуальной модой и прочими факторами.

Однако данный тезис не снимает вопроса о том, почему же Хаксли так ничего и не сказал о романе Замятина?

Рискнем предположить, что Хаксли прекрасно осознавал, что «Дивный новый мир» при всем остроумии, блеске сатиры, актуальности, визионерстве, научности и концептуальной выверенности этой утопии уступает роману «Мы», чей автор совершил подлинную революцию в нарративной технике, в показе динамически меняющейся психологии героя-повествователя (по сравнению с бунтарем Д-503 Джон Дикарь, не говоря уже о прочих жителях Мирового Государства, выглядит примитивно), предусмотрел множественную интерпретацию романа, придумал виртуозный цифровой код и т. п. — иными словами говоря, создал подлинный шедевр.

Выводы

Все рассмотренные выше аргументы и факты, призванные дать ответ на два вопроса (1. знал ли Олдос Хаксли о Замятине и его романе, 2. читал ли Хаксли утопию Замятина до того, как приняться за работу над «Дивным новым миром» в 1931 г.), позволяют сделать вывод о том, что английский писатель читал роман русского собрата по перу, но вовсе не обязательно читал его прежде, чем написал собственную утопию. Можно с уверенностью утверждать, что Хаксли узнал о существовании книги Замятина не позже 1927 г., а именно из тщательно изученной им книги «Ментальность и лицо большевизма» Рене Фюлоп-Миллера.

Однако даже очевидные параллели и схождения в сюжетах и образности «Мы» и «Дивного нового мир» не дают достаточных оснований для утверждения о соответствующих заимствованиях, тем более о плагиате в английской утопии. Сходство объясняется не столько интертекстуальностью, сколько генетическим родством, а именно, общими для «Мы» и «Дивного нового мира» литературными «предками» — Г. Уэллсом и Ф.М. Достоевским. Еще более значительную роль в оформлении смыслов и поэтики обеих утопий сыграла советская культура как выражение невиданного социального эксперимента. Именно интересом Хаксли к «новому миру» — советскому проекту коммунистической утопии и к советским культурным

реалиям — объясняется то внимание, которое автор «Дивного нового мира» уделил статье Замятина «Будущее театра» (1932).

И наконец, тот факт, что Хаксли так ни разу и не высказался о замятинском романе, объясняется не тем, что ему приходилось замалчивать преемственность, а значит, вторичность своего текста, а тем, что он осознавал: «Дивный новый мир» в художественном отношении уступает роману «Мы». Будучи строгим критиком и не раз признаваясь, что не является подлинным, «прирожденным» писателем, Хаксли не мог не видеть превосходство и несомненное новаторство утопии Замятина.

Литература

1. *Головачева И.В.* Наука и литература: археология научного знания Олдоса Хаксли. СПб.: Изд-во Фак-та филологии и искусств Санкт-петербургского гос. ун-та, 2008. 344 с.

2. *Головачева И.В.* Путеводитель по «Дивному новому миру» и вокруг. М.: Языки славянской культуры, 2017. 339 с.

3. *Долгополов Л.К.* Е. Замятин и В. Маяковский: (К истории создания романа «Мы») // Русская литература. 1988. № 4. С. 182–185.

4. *Дороченков И.А.* Об источниках романа Е. Замятина «Мы» // Русская литература. 1989. № 4. С. 188–199.

5. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (гл. ред.), Г.М. Фридлендер (зам. гл. ред.), В.В. Виноградов и др. Л.: Наука, 1972–1990.

6. Е.И. Замятин: Pro et contra. Личность и творчество Евгения Замятина в оценке отечественных и зарубежных исследователей. Антология / сост. О.В. Богдановой, М.Ю. Любимовой; вступ. ст. Е.Б. Скороспеловой. СПб.: Изд-во Рус. христ. гуманит. ин-та, 2014. 974 с.

7. *Замятин Е.И.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Дмитрий Сечин; Республика, 2010.

8. *Кертис Дж.* Англичанин из Лебедяни. Бостон; СПб.: Academic Studies Press; БиблиоРоссика, 2020. 448 с.

9. *Кертис Дж.* Исследования романа «мы» за рубежом (пер. В.В. Савицкой) // Евгений Замятин. Мы: Текст и материалы к творческой истории романа. СПб.: Міръ, 2011. С. 535–563.

10. *Кременцов Н.* Что нового было в «новом человеке» первой трети XX века? Научное знание как культурный ресурс // Новое литературное обозрение. 2022. № 4 (176). С. 31–49. https://doi.org/10.53953/08696365_2022_176_4_31

11. *Кук Б.* Человеческая природа в литературной утопии: «Мы» Замятина / пер. с англ. О. Бараш. Бостон; СПб.: Academic Studies Press; БиблиоРоссика, 2022. 410 с.

12. *Лефевр Ф.* Один час с Замятиным, кораблестроителем, прозаиком и драматургом // Замятин Е. Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания / сост. и коммент. А.Ю. Галушкина; подгот. текста А.Ю. Галушкина и М.Ю. Любимовой; вступ. ст. В.А. Келдыша. М.: Наследие, 1999. С. 257–258.

13. *Струве Г.П.* Новые варианты шигалевщины: о романах Замятина, Хаксли и Орвелла // Новый журнал (Нью-Йорк). 1952. Кн. 30. С. 152–163.

14. *Струве Н.* Символика чисел в романе Замятина «Мы» // Православие и культура. М.: Русский путь, 2000. С. 367–373.

15. *Тео Эли.* Долина новой жизни. М.: Круг, 1928. 383 с.

16. Aldous Huxley: Selected Letters / ed. J. Sexton. Chicago: Ivan Dee, 2007. 512 p.

17. *Baker R. S.* Brave New World: History, Science, and Dystopia. N. Y.: Twayne Publishers, 1990. 156 p.

18. *Beauchamp G.* All's Well that Ends Wells: The Anti-Wellsian Satire of "Brave New World" // Utopian Studies. 1989. № 2. P. 12–16.

19. *Bedford S.* Aldous Huxley: A Biography: in 2 vols. London: Chatto & Windus; William Collins Sons & Co, 1973.

20. *Brown E.J.* "Brave New World" / "1984" and "We": An Essay on Anti-Utopia: Zamyatin and English Literature // Zamyatin's "We": A Collection of Critical Essays / ed. G. Kern. Ann Arbor: Ardis, 1988. P. 209–227.

21. *Cockrell R.* Future Perfect: H.G. Wells and Bolshevik Russia, 1917–32 // The Reception of H.G. Wells in Europe / ed. P. Parrinder, J.S. Partington. London: Continuum, 2005. P. 74–90.

22. The collected essays, journalism, and letters of George Orwell: in 4 vols. / ed. S. Orwell, I. Angus. N. Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1968.

23. *Collins Chr.* Zamyatin, Wells and the Utopian Literary Tradition // The Slavonic and East European Review. 1966. Vol. 44, № 103. July. P. 351–360.

24. *Colmer J.* Coleridge to Catch-22: Images of Society. London; Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1978. 239 p.

25. Complete Essays of Aldous Huxley: in 6 vols. / ed. R.S. Baker, J. Sexton. Chicago: Ivan. R. Dee, 2001–2002.

26. The Complete Works of George Orwell: in 20 vols. / ed. P. Davison. London: Secker and Warburg, 1998.

27. *Cooke B.* Human Nature in Utopia: Zamyatin's "We". Evanston: Northwestern University Press, 2002. 216 p.

28. *Cooke L. B.* Ancient and Modern Mathematics in Zamyatin's "We" // Zamiatin's "We": A Collection of Critical Essays / ed. G. Kern. Ann Arbor: Ardis, 1988. P. 149–167.

29. *Deutscher I.* 1984 and the Mysticism of Cruelty // George Orwell. A Collection of Critical Essays / ed. R. Williams. New Jersey: Prentice Hall, 1974. P. 119–132.

30. *Firchow P.* The End of Utopia: A Study of Aldous Huxley's "Brave New World". Lewisburg; London; Toronto: Bucknell Univ. Press, 1984. 154 p.

31. *Füloep-Miller R.* The Mind and Face of Bolshevism. London: G.P. Putnam & Sons Ltd., 1927. 308 p.

32. *Golovacheva I.* Huxley, Blok and Berdyaev: Observations on the Nature of the Russian Revolution // Aldous Huxley Annual. 2014. Vol. 14. P. 125–135.

33. *Gregg R.* Two Adams and Eve in the Crystal Palace: Dostoevsky, "the Bible" and "We" // Slavic Review. 1965. Vol. 24, № 4. P. 680–687.

34. *Huxley A.* Utopias Positive and Negative (1963) // Aldous Huxley Annual: A Journal of Twentieth-Century Thought and Beyond. 2001. № 1. P. 1–9.

35. *Jackson R.L.* Dostoevskij's "Underground Man" in Russian Literature. S-Gravenhage: Mouton, 1958. 223 p.

36. Letters of Aldous Huxley / ed. G. Smith. N. Y.; Evanston: Harper & Row, 1969. 992 p.

37. *Meckier J.* "Erewhon" to "Island" // J. Meckier. Aldous Huxley and Utopia. Berlin: LIT Verlag, 2022. P. 5–98.

38. *Meckier J.* Poetry in the Future, The Future of Poetry: Huxley and Orwell on Zamyatin // Renaissance and Modern Studies. 1984. Vol. 28, № 1. P. 18–39.

39. *Morson G.* The Boundaries of Genre: Dostoevsky's "Diary of a Writer" and the Traditions of Literary Utopia. Austin: University of Texas Press, 1981. 219 p.

40. *Murray N.* Aldous Huxley: A Biography. N. Y.: St. Martin's Press, 2002. 496 p.

41. *Parrinder P.* Imagining the Future: Zamyatin and Wells // Science Fiction Studies. 1973. Vol. 1, № 1. P. 17–26.

42. *Rabinovitch V.* Utopian and Anti-Utopian Thought in Aldous Huxley's Letters: His Virtual Dialogue with H.G. Wells and George Orwell // Aldous Huxley Annual. № 19. 2019. P. 263–272.

43. *Shane A.* The life and works of Evgenij Zamjatin. Berkeley; Los Angeles: University of California Press 1968. 302 p.

44. *Woodcock G.* The Crystal Spirit. A Study of George Orwell. London: Fourth Estate, 1984. 304 p.

Research Article

Did Huxley Know Zamyatin? Several Approaches to the Issue

©2026. Irina V. Golovacheva
Saint Petersburg State University;
Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky
St. Petersburg, Russia

Acknowledgements: The research has been supported by grant from the Russian Science Foundation (No 25–28 00584; URL: https://rscf.ru/en/project/25-28-00584/); Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Abstract: This article offers a historical-biographical and comparative approach to the questions that have long preoccupied the readers of Aldous Huxley's "Brave New World" (1932). The first question is: Did Aldous Huxley know of Yevgeny Zamyatin and specifically of his utopia "We"? The second question is: Did Huxley read Zamyatin's novel prior to 1931, i.e., before he started writing his own utopia

"Brave New World"? The paper provides a comprehensive history of the issue by chronologically tracing the debate over Huxley's presumed 'plagiarism.' The author views and critically assesses all the "pro et contra" arguments pertaining the hypothesis of Huxley's borrowings from "We." It is argued that Huxley learned about Zamyatin's novel in 1927 from Rene Fülöp-Miller's "The Mind and Face of Bolshevism", from the book devoted to politics, life and culture in the USSR which Huxley studied closely.

The paper examines numerous similarities in the plots and imagery of the two utopias. The author claims that the parallels, however, do not give us any sufficient ground to assert Huxley's conscientious borrowings from Zamyatin's novel, much less his plagiarism. Rather, as the article argues, the similarities result from a 'genetic' kinship, namely, from the shared literary heritage of the writers. Indeed, both "We" and "Brave New World" owe much to H.G. Wells and F.M. Dostoevsky. Another major source of inspiration for Zamyatin and Huxley was the Soviet utopian project which played a significant role in shaping the ideological message and poetics of both utopias. It is Huxley's interest in the "new world" of the communist utopia and in Soviet cultural realities that explains his attention to Zamyatin's article "The Future of Theatre" (1932). Huxley devoted an essay to this text by Zamyatin. The Russian translation of Huxley's essay is included in the paper.

Finally, the article tackles the following question: why didn't Huxley ever comment on Zamyatin's "We"?

Keywords: Aldous Huxley, Evgeny Zamyatin, "Brave New World," "We," borrowings, similarities, Zamyatin's interviews, "The Future of the Theatre," "New World Drama".

Information about the author: Irina V. Golovacheva, Doctor Hab. in Philology, Professor, St. Petersburg State University, Universitetskaya Emb. 7/9, 199034 St Petersburg, Russia; Russian Christian Academy for the Humanitie, Emb. Fontanka River, 15, 191023 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3873-490X

E-mail: igolovacheva@gmail.com

For citation: Golovacheva, I.V. "Did Huxley Know Zamyatin? Several Approaches to the Issue." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (40), 2026, pp. 320–347. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-320-347

References

1. Golovacheva, I.V. *Nauka i literatura: arkheologiia nauchnogo znaniia Oldosa Khaksli* [*Science and Literature: The Archeology of Scientific Knowledge of Aldous Huxley*]. St. Petersburg, Faculty of Philology and Arts of Saint Petersburg State University Publ., 2008. 344 p. (In Russ.)

2. Golovacheva, I.V. *Putevoditel' po "Divnomu novomu miru" i vokrug* [*A Guide-Book of "Brave New World" and Around*]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2017. 344 p. (In Russ.)

3. Dolgopolov, L.K. "E. Zamiatin i V. Maiakovskii: (K istorii sozdaniia romana 'My')" ["E. Zamyatin and V. Mayakovsky: On the History of Writing the Novel 'We'"]. *Russkaia literatura*, no. 4, 1988, pp. 182–185. (In Russ.)

4. Doronchenkov, I.A. “Ob istochnikakh romana E. Zamiatina ‘My’” [“On the Sources of E. Zamyatin’s ‘We’”]. *Russkaia literatura*, no. 4, 1989, pp. 188–199. (In Russ.)

5. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [*The Complete Works of F.M. Dostoevsky: in 30 vols.*], ed. by V.G. Bazanov, G.M. Fridlender, V.V. Vinogradov, et al. Leningrad, Nauka, 1972–1990. (In Russ.)

6. *E.I. Zamiatin: Pro et contra. Lichnost’ i tvorchestvo Evgeniia Zamiatina v otsenke otechestvennykh i zarubezhnykh issledovatelei. Antologiia* [*E.I. Zamyatin: Pro et contra. The Person and His Work in the Assessment of Russian and Foreign Critics. The Anthology*], ed. by O.V. Bogdanova, M.Iu. Liubimova. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2014. 974 p. (In Russ.)

7. Zamiatin, E.I. *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [*Complete Works of E.I. Zamyatin: in 5 vols.*]. Moscow, Dmitrii Sechin, Respublika, 2010. (In Russ.)

8. Kertis, Dzh. *Anglichanin iz Lebediani* [*The Englishman from Lebedian*]. Boston, St. Petersburg, Academic Studies Press, BiblioRossika Publ., 2020. 448 p. (In Russ.)

9. Kertis, Dzh. “Issledovaniia romana ‘My’ za rubezhom” (per. V.V. Savitskoi) [“Foreign Research of ‘We’”]. *Evgenii Zamiatin. My: Tekst i materialy k tvorcheskoi istorii romana* [*Evgenij Zamyatin. “We”: the Text and Materials for the Research of the Creation of the Novel*]. St. Petersburg, Mir Publ., 2011, pp. 535–563. (In Russ.)

10. Krementsov, N. “Chto novogo bylo v ‘novom cheloveke’ pervoi treti XX veka? Nauchnoe znanie kak kul’turnyi resurs” [“What Was New in the ‘New Man’ of the First Third of the Twentieth Century? Scientific Knowledge as a Cultural Resource”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 4 (176), 2022, pp. 31–49. (In Russ.) https://doi.org/10.53953/08696365_2022_176_4_31

11. Kuk, B. *Chelovecheskaia priroda v literaturnoi utopii: “My” Zamiatina* [*Human Nature in Utopia: Zamyatin’s “We”*]. St. Petersburg, Academic Studies Press, Bibliorossika Publ., 2022. 410 p. (In Russ.)

12. Lefevr, F. “Odin chas s Zamiatinym, korablestroitelem, prozaikom i dramaturgom” [“An Hour with Zamyatin, the Shipbuilder, Writer and Playwright”]. E. Zamiatin. *Ia boius’: Literaturnaia kritika. Publitsistika. Vospominaniia* [*I am Afraid: Criticism, Essays, Memoirs*], ed. by A.Iu. Galushkina, M.Iu. Liubimova. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 257–258. (In Russ.)

13. Struve, G.P. “Novye varianty shigalevshchiny: o romanakh Zamiatina, Khaksli i Orvella” [“New Variations of Schigalevschina: on the Novels by Zamyatin, Huxley and Orwell”]. *Novyi zhurnal (New York)*, vol. 30, 1952, pp. 152–163. (In Russ.)

14. Struve, N. “Simvolika chisel v romane Zamiatina ‘My’” [“The Symbolism of Numerals in Zamyatin’s novel ‘We’”]. *Pravoslavie i kul’tura* [*Orthodox Church and Culture*]. Moscow, Russkii put’ Publ., 2000, pp. 367–373. (In Russ.)

15. Teo Eli. *Dolina novoi zhizni* [*The Valley of New Life*]. Moscow, Krug Publ., 1928. 383 p. (In Russ.)

16. *Aldous Huxley: Selected Letters*, ed. by J. Sexton. Chicago, Ivan Dee Publ., 2007. 512 p. (In English)

17. Baker, Robert. *Brave New World: History, Science, and Dystopia*. New York, Twayne Publishers Publ., 1990. 156 p. (In English)

18. Beauchamp, Gorman. “All’s Well that Ends Wells: The Anti-Wellsian Satire of ‘Brave New World’.” *Utopian Studies*, no. 2, 1989, pp. 12–16. (In English)

19. Bedford, Sybil. *Aldous Huxley: A Biography*: *in 2 vols*. London, Chatto & Windus Publ., William Collins Sons & Co Publ., 1973. (In English)

20. Brown, Edward James. "'Brave New World' / '1984' and 'We': An Essay on Anti-Utopia: Zamyatin and English Literature." *Zamyatin's "We": A Collection of Critical Essays*, ed. by G. Kern. Ann Arbor, Ardis Publ., 1988, pp. 209–227. (In English)

21. Cockrell, Roger. "Future Perfect: H.G. Wells and Bolshevik Russia, 1917–32." *The Reception of H.G. Wells in Europe*, ed. by Patrick Parrinder and John S. Partington. London, Continuum Publ., 2005, pp. 74–90. (In English)

22. *The Collected Essays, Journalism, and Letters of George Orwell*: *in 4 vols*., ed. by Sonia Orwell, Ian Angus. New York, Harcourt Brace Jovanovich Publ., 1968. (In English)

23. Collins, Christopher. "Zamyatin, Wells and the Utopian Literary Tradition." *The Slavonic and East European Review*, vol. 44, no. 103, July, 1966, pp. 351–360. (In English)

24. Colmer, John. *Coleridge to Catch-22: Images of Society*. London, Basingstoke, Palgrave Macmillan Publ., 1978. 239 p. (In English)

25. *Complete Essays of Aldous Huxley:* in 6 vols., ed. by Robert. S. Baker, James Sexton. Chicago, Ivan. R. Dee Publ., 2001–2002. (In English)

26. *The Complete Works of George Orwell: in 20 vols*., ed. by Peter Davison. London, Secker and Warburg Publ., 1998. (In English)

27. Cooke, Brett. *Human Nature in Utopia: Zamyatin's "We."* Evanston, Northwestern University Press, 2002. 216 p. (In English)

28. Cooke, Leighton Brett. "Ancient and Modern Mathematics in Zamyatin's 'We'." *Zamiatin's 'We': A Collection of Critical Essays*, ed. by Gary Kern. Ann Arbor, Ardis Publ., 1988, pp. 149–167. (In English)

29. Deutscher, Isaac. "'1984' and the Mysticism of Cruelty." *George Orwell. A Collection of Critical Essays*, ed. by Raymond Williams. New Jersey, Prentice Hall Publ., 1974, pp. 119–132. (In English)

30. Firchow, Peter. *The End of Utopia: A Study of Aldous Huxley's 'Brave New World'*. Lewisburg, London, Toronto, Bucknell University Press, 1984. 154 p. (In English)

31. Fülöp-Miller, Rene. *The Mind and Face of Bolshevism*. London, G.P. Putnam & Sons Ltd. Publ., 1927. 308 p. (In English)

32. Golovacheva, Irina. "Huxley, Blok and Berdyaev: Observations on the Nature of the Russian Revolution." *Aldous Huxley Annual*, vol. 14, 2014, pp. 125–135.

33. Gregg, Richard A. "Two Adams and Eve in the Crystal Palace: Dostoevsky, the Bible and 'We'." *Slavic Review*, vol. 24, no. 4, 1965, pp. 680–687. (In English)

34. Huxley, Aldous. "Utopias Positive and Negative" (1963). *Aldous Huxley Annual*, no. 1, 2001, pp. 1–9. (In English)

35. Jackson, Robert Louis. *Dostoevskij's Underground Man in Russian Literature*. S-Gravenhage, Mouton Publ., 1958. 223 p. (In English)

36. *Letters of Aldous Huxley*, ed. by Grover Smith. New York, Evanston, Harper & Row Publ., 1969. 992 p. (In English)

37. Meckier, Jerome. "'Erewhon' to 'Island'." Jerome Meckier. *Aldous Huxley and Utopia*. Berlin, LIT Verlag Publ., 2022, pp. 5–98. (In English)

38. Meckier, Jerome. "Poetry in the Future, The Future of Poetry: Huxley and Orwell on Zamyatin." *Renaissance and Modern Studies*, vol. 28, no. 1, 1984, pp.18–39. (In English)

39. Morson, Gary Saul. *The Boundaries of Genre: Dostoevsky's 'Diary of a Writer' and the Traditions of Literary Utopia*. Austin, University of Texas Press, 1981. 219 p. (In English)

40. Murray, Nicholas. *Aldous Huxley: A Biography*. New York, St. Martin's Press, 2002. 496 p. (In English)

41. Parrinder, Patrick. "Imagining the Future: Zamyatin and Wells." *Science Fiction Studies*, vol. 1, no. 1, 1973, pp. 17–26. (In English)

42. Rabinovitch, Valeri. "Utopian and Anti-Utopian Thought in Aldous Huxley's Letters: His Virtual Dialogue with H.G. Wells and George Orwell." *Aldous Huxley Annual*, vol. 19, 2019, pp. 263–272. (In English)

43. Shane, Alex. *The Life and Works of Evgenij Zamjatin*. Berkeley, Los Angeles, University of California Press, 1968. 302 p. (In English)

44. Woodcock, George. *The Crystal Spirit. A Study of George Orwell*. London, Fourth Estate Publ., 1984. 304 p. (In English)

Статья поступила в редакцию: 11.02.2026
Одобрена после рецензирования: 10.03.2026
Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 11.02.2026
Approved after reviewing: 10.03.2026
Date of publication: 25.06.2026

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Научная статья
УДК 82.091, 821.111
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-348-364
https://elibrary.ru/DZNLZV

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (40), 2026

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Толстовские аллюзии в прижизненных откликах на творчество Олдоса Хаксли

© 2026, О.Ю.Анцыферова
Санкт-Петербургский государственный университет,
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского,
Санкт-Петербург, Россия

Исследование выполнено в Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского за счет гранта Российского научного фонда; (№ 25-28-00584, https://rscf.ru/project/25-28-00584).

Аннотация: Хотя тема «Лев Толстой и Олдос Хаксли» уже привлекала внимание российских исследователей, в данной статье впервые рассматриваются схождения между писателями, спонтанно или отрефлектированно возникавшие в сознании зарубежных критиков — современников Хаксли. На основе антологии прижизненных откликов на тексты Олдоса Хаксли, составленной Д. Уоттом, анализируются упоминания рецензентами (А. Моруа, Р. Уэст, Ч.П. Сноу, Г.В. Хойзерман, Д. Гарнетт, К. Кинг, П. Блумфилд) Льва Толстого с точки зрения их мировоззренческой наполненности, прагматики, значения для литературной репутации английского писателя и выстраивания культурного диалога между Россией и Западом. Делается вывод, что при возможной рандомности отсылок к Толстому в прижизненных рецензиях на тексты Хаксли можно выстроить следующий смысловой вектор: от спорадически иронических аллюзий — к прямым аналогиям между Хаксли и Толстым как моралистам, мечтающим о культурном синтезе и обеспокоенным судьбами человечества. Проведенное исследование позволяет сделать выводы не только о степени интенсивности влияния Толстого на творчество Хаксли и очевидности этого факта для современников, но и о роли русского классика в западном культурном сознании первой половины XX века.

Ключевые слова: Олдос Хаксли, Лев Толстой, Федор Достоевский, критическая рецепция, схождения.

Информация об авторе: Ольга Юрьевна Анцыферова, доктор филологических наук, профессор, кафедра истории зарубежных литератур Санкт-Петербургского университета, Университетская наб., 7/9, 199034, Санкт-Петербург,

Россия; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, набережная реки Фонтанки, 15, 191023, Санкт-Петербург, Россия.
ORCID ID https://orcid.org/0000-0002-1219-0134
E-mail: o.antsyferova@spbu.ru
Для цитирования: *Анцыферова О.Ю.* Толстовские аллюзии в прижизненных откликах на творчество Олдоса Хаксли// Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 348–364. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-348-364

Тема «Хаксли и Толстой» в ее самых разных изводах уже привлекала внимание литературоведов. Особенно плодотворным в нашей стране оказался 2012 год, когда вышли сразу две статьи, трактующие эту тему с двух возможных сторон: *литературоведческой* — В.С. Рабиновича [4], и с *историко-религиозно-философской* — Ю.В. Прокопчука [2], который свои идеи и изыскания позже развил в статье «Религиозно-философский синтез Л.Н. Толстого и О. Хаксли» [3].

В.С. Рабинович приводит неопровержимые свидетельства значимости творчества Толстого для Хаксли, кратко прослеживает трансформацию отношения Хаксли к Толстому (от иронии конца 1920-х, когда «лицемерный моралист Барлеп из романа «Контрапункт» выводится как поклонник Льва Толстого») до превращения Л.Н. Толстого для Хаксли «из просто значимой фигуры мировой литературы в своеобразного духовного Учителя» [4, с. 85, 86], вызывающего восхищение англо-американского автора в том числе и провидческим отображением профашистской риторики в образе Наполеона в «Войне и мире».

Ю.В. Прокопчук сосредотачивается на моментах мировоззренческой общности между двумя авторами, аргументированно обнаруживая ее в своеобразном религиозно-философском синтезе, возникающем на основе осмысления традиций восточной и западной мысли, во внеконфессиональном подходе к вопросам веры, в основополагающем тезисе о единстве мира и человека, убежденности обоих авторов в существовании единой религиозной истины и возможности ее постижения каждым человеком, а также в апофатическом подходе к богопознанию [3]. В прошлом году вышла статья Т.Л. Селитриной, на основе анализа романа «Контрапункт» призванная показать, что «в художественном воплощении душевной жизни человека Хаксли шел во многом за Толстым» [5, с. 128].

Однако внимание исследователей еще не привлекала другая сторона проблемы, а именно — сближения между Толстым и Хаксли, спонтанно или мотивированно возникавшие *в сознании чи-*

тателей-современников британского автора. Обращение к этой проблеме позволит нам сделать выводы не только о степени интенсивности влияния Толстого на творчество Хаксли, но и о роли русского классика в западном культурном сознании первой половины XX века.

Составитель капитальной антологии прижизненных откликов на тексты Хаксли Д. Уотт начинает свое предисловие со следующей интермедиальной параллели:

> Для Олдоса Хаксли (1894–1963) жизнь и музыка несомненно имели одно общее качество: и то и другое можно описать как комбинацию сосуществующих несовместимостей. То же определение можно отнести и к критической рецепции самого Хаксли. Его приветствовали как эмансипатора современного ума и осуждали как безответственного вольнодумца; видели в нем ведущий интеллект своего времени и безграничное самолюбование собственной эрудицией; восхищались как остроумнейшим представителем своего поколения и недолюбливали как умного мизантропа. Несколько страниц его сочинений или половина карьеры в равной степени вызывали град несовместимых мнений. Рецензируя «Контрапункт», Уиндхэм Льюис возражал против «вульгарного потакания вкусам самых невзыскательных читателей пригородной библиотеки»<…>, в то время как Андре Моруа обнаружил на тех же страницах сцены, «достойные великих русских» <…>. В 1933 году Ч.П. Сноу утверждал, что в Хаксли «нельзя не разглядеть самого значительного английского романиста своего времени» <…>, в то время как Г.К. Честертон язвительно заметил: «[Он] идеально остроумен, но явно не в себе» [6, p. 1].

Итак, одно из первых сопоставлений Хаксли с «великими русскими» мы находим в эссе Андре Моруа, опубликованном в качестве предисловия ко французскому изданию «Контрапункта» (1930)[1]. Имя Толстого в нем не названо, но он подразумевается. Апологетическая оценка английского писателя начинается с констатации: «…талант Хаксли от книги к книге совершенствуется и растет — от чистого интеллекта к чистой человечности, которая не исключает интеллекта, но и не может удовлетвориться одним только интеллектом». Далее обзор написанного Хаксли к 1930 г. построен так, чтобы свидетельствовать о «дальнейшем обогащении и углублении

[1] См. переиздание: Andre Maurois on Huxley as a great Englishman: [6, p. 186–188].

писательского дара». Уникальность таланта Хаксли для французского литератора состоит прежде всего в том, что «он единственный ныне живущий романист, обладающий солидной научной культурой, усвоенной настолько прочно, что она полностью сформировала и определила его мировоззрение… Хаксли — обладатель очень точного представления о вселенной, доступного только великим ученым нашего времени, и он высекает из этого образа собственную поэзию» [6, p. 186]. Многообещающие перспективы творческой эволюции Хаксли связываются для Моруа с наблюдением, что простая человечность отвоевывает себе все больше места в его творчестве и возвращает себе почву, занятую когда-то блестящим парадоксом. «Элементарные интеллектуальные схемы стоит заменить сложностями реальной жизни», — вспоминает А. Моруа слова персонажа «Контрапункта», своеобразного *alter ego* автора, Филипа Куорлза. «Гораздо проще иметь глубокие идеи о метафизике и социологии, чем лично знать и интуитивно понимать своих собратьев и поддерживать нормальные отношения со своими друзьями и с теми, кого ты любишь, — с женой и детьми». В «Контрапункте» Хаксли показывает, что ему как автору это под силу. «Что и говорить, он, конечно, блестящий сатирик. Миссис Беттертон, мистер Сита Рам и, прежде всего, восхитительный Барлеп — это образы диккенсовской мощи. Но начальные сцены романа — между Уолтером и Марджори — трагичны и правдивы, они достойны великих русских, и давайте видеть в этом новый вид панегирика в честь великого англичанина» [6, p. 188]. Итак, научность плюс человечность — в этом сочетании видится Моруа и залог успешной творческой эволюции Хаксли и его близость к «великим русским».

В своей рецензии на роман «О дивный новый мир», вышедшей 5 февраля1932 г. в «Дейли телеграф», известная британская писательница, журналистка и литературный критик Ребекка Уэст отважно сопоставляет роман Хаксли с русской классикой:

> Только в конце книги становится ясно, какую именно литературную задачу поставил перед собой Олдос Хаксли. Он переписал в духе нашего времени главу «Великий инквизитор» из «Братьев Карамазовых». В наши дни Достоевский не в моде, отчасти потому, что пишет с жаром и страстью, которые научил нас презирать Т.С. Элиот с его эпигонским классицизмом, а отчасти потому, что за простыми и слоноподобными неврозами Толстого не слишком внимательному глазу уследить легче, чем за тонкими духовными брожениями Достоевского. Но «Великий инквизитор» — испол-

ненное смыслом высказывание, которое каждое поколение должно перечитывать заново. В нем Христос вновь посещает землю, творит чудо на улицах Севильи и немедленно, по приказу кардинала, оказывается в темницах инквизиции[2].

Как и в большинстве сопоставлений с русской классикой, присутствующих в критической рецепции Хаксли, Толстой здесь идет в паре с Достоевским с преимущественным вниманием к последнему. Нельзя не отметить также, что Ребекка Уэст, автор одной из первых биографий Генри Джеймса, увидевшей свет в 1916 г., в своей беглой, иронически-упрощенной отсылке к Толстому явно следует весьма приблизительной и обобщенной оценке Толстого Генри Джеймсом и даже заимствует его анималистическую образность. Вспомним, что Джеймс писал в 1896 г.: «Толстой — зеркало величиной с огромное озеро, гигантское существо, впрягшееся в свою великую тему — вся человеческая жизнь! — точно слон, который тащит не один экипаж, а целый каретный сарай. Сам он — грандиозен и вызывает восхищение, но не вздумайте следовать его примеру: учеников, которым не дано его слоновой мощи, он может только сбить с дороги и погубить»[3].

В феврале 1933 г. в «Кэмбридж Ревью» выходит обзорная статья известного английского романиста и ученого Чарльза Перси Сноу «Случай Олдоса Хаксли», в которой автор рассуждает о значении творчества молодого писателя и вписывает его в литературный процесс Великобритании. Важнейшим качеством прозы Хаксли для Сноу является *brightness* — легкость, яркость, живость мысли, и он противопоставляет ее тяжеловесному педантизму других писателей: «Кем бы мы ни были, мы склонны воспринимать чьи-то взгляды всерьез, лишь когда их долго и тяжело вдалбливают нам в голову, пока они нам не наскучат — и только после этого неизбежно впечатлят. Подобным же образом мы по-настоящему ценим литературное творчество лишь тогда, когда без малейшей надежды на послабление мы вынуждены продираться сквозь слова, страницы, главы. Только в этом случае мы убеждаемся в истинности чувств художника; мы пристально вчитываемся в отрывок о старце Зосиме из “Братьев Карамазовых” и в сухие генеалогии второй части “У Германтов” — и своей абсолютной, ничем не омраченной скукой

[2] *West R*. Aldous Huxley on Man’s Appalling Future // Daily Telegraph. 1932. 5 February. P. 7.

[3] *Джеймс Г*. Иван Тургенев (1818–1883) / пер. М.А. Шерешевской // Джеймс Г. Женский портрет. М.: Наука, 1982. С. 526.

они усиливают, реально и неоспоримо усиливают аналогию между творческим процессом и творением. Скука способствует серьезному и глубокому восприятию произведения искусства в той же степени, в какой живость отвлекает от него»[4].

Сноу продолжает:

> [Хаксли] обладает умственными качествами, которые у других писателей отсутствуют; и поскольку он их обнаруживает, есть искушение заключить, что ничем другим он и не может похвастаться. Хотя на самом деле его достоинства куда более многочисленны. Он обладает той же восприимчивостью к чувственному миру, которой наделен каждый крупный романист со времен Пруста, писавшего о своей спальне в Комбре. Он не передает чувственную сторону мира с захватывающей дух точностью Джерхарди[5] или с изящной легкостью Форстера, или с энтузиазмом Вирджинии Вулф. Но и эти трое, мастера передавать чувственную сторону бытия, в какой-то момент бессильно останавливаются, в то время как Хаксли мастерски передает эмоции и представления о людях — что, возможно, и должно составлять существенную часть искусства романиста. При этом он проявляет интуицию и такую эмоциональную чуткость, которую мало кто превзошел из великих романистов — безусловно, Достоевский, безусловно, Толстой, возможно, Тургенев, возможно и Лоуренс (в какой-то своей неуклюжей манере). Читаешь «Шутовской хоровод», «Эти опавшие листья» или «Контрапункт» и всё это чувствуешь. И тем не менее, вас все время не покидает некое неловкое чувство, некий тревожный вопрос: художник ли он, подобно другим? А может, он просто очень умный человек, искусно маскирующийся под художника? А может, он представляет прекрасно сконструированную модель истинного художника? Думаю, многие из нас испытывали подобные сомнения[6].

Через неделю редакция опубликовала письмо некой Элизабет Даунс, свидетельствующее о том, что далеко не все читатели разделили высокую оценку Сноу, ставящего Хаксли на один уровень с Толстым и Достоевским. В письме говорилось:

---

[4] *Snow Ch. P*. The Case of Aldous Huxley // Cambridge Review. 1933. 17 February. P. 249–250.

[5] Уильям Александр Джерхарди / Герхарди (William Alexander Gerhardie; 1895–1977) — английский писатель, родившийся в Петербурге, прославившийся романом «Полиглоты» (*The Polyglots,* 1925) о гражданской войне в России, автор монографии о творчестве А.П. Чехова (1923). См. о нем: [1].

[6] *Snow Ch. P*. The Case of Aldous Huxley. P. 250.

> <...> доктор Сноу отважно представляет Олдоса Хаксли как «самого значительного английского романиста своего времени», достойного сравнения с самыми великими писателями прошлого. Он считает, что Хаксли сочетает в себе блеск и глубину интеллекта с интуицией и чуткостью в передаче эмоций, которые ускользают от внимания среднего, а порой даже и не совсем заурядного читателя, не способного угнаться за живостью мысли Хаксли. <…> Не соглашаться с доктором Сноу — значит опрометчиво ставить себя под удар и, следовательно, автоматически зачислить себя в разряд тупиц и тугодумов. Однако, должна признаться, я все же обнаруживаю себя среди тех, кто испытывает, пользуясь его словами, «некое неловкое чувство тревоги», когда слышу, как Хаксли помещают в один ряд с Достоевским и Толстым. Доктор Сноу не приводит никаких иллюстраций богатства и разнообразия эмоциональных интуиций Хаксли, а я не совсем понимаю, где их искать[7].

Одним из первых откликов на литературно-критические статьи Хаксли и одновременно первым внятным анализом его литературно-эстетических воззрений стала статья швейцарского литературоведа Г.В. Хойзермана «Олдос Хаксли как литературный критик»[8].

Имя Толстого всплывает в обзоре Хойзермана в весьма неожиданном контексте. Казалось бы, естественно было ожидать его упоминание в связи с великими реалистическим романами, например, Бальзака или Голсуорси. Однако Толстой приходит на ум литературоведу в связи с отношением Хаксли к елизаветинской поэзии:

> Читатель романов Хаксли будет, возможно, удивлен, увидев, что этот автор как литературный критик безоговорочно отстаивает елизаветинский идеал литературы. Логичнее, казалось бы, предполагать, что он отдаст свои предпочтения менее энергичным, но гораздо более просвещенным поэтам-классицистам <…>. Елизаветинцы понимали, что возвышенное и гротескное, высокое и низкое, трагедия и фарс неразделимы. Не порабощенные условностями, они воздавали должное обеим сферам и находили для каждой из них надлежащее выражение и подобающее место в общей картине мира. Хаксли ценит в елизаветинцах не их поэтическую силу, не полет их фантазии, хотя и отдает им должное, но их непредвзятый взгляд на мир. Эта позиция весьма характерна для самого Хаксли как

[7] Elizabeth Downs in reply to Snow // Cambridge Review. 1933. 24 February. P. 226.

[8] *Hauserman Hans W*. Aldous Huxley as Literary Critic // PMLA. 1933, September. P. 908–918.

> художника: то, к чему он стремится и что он хочет, чтобы каждый писатель сделал своим идеалом, — это полное и непредвзятое понимание жизни. Таким образом, самый эрудированный автор наших дней выступает в качестве защитника эпохи, которую Вольтер назвал варварской, и [Хаксли] защищает ее именно за ее варварство [6, p. 234].

Неожиданное исключение Хаксли делает, тем не менее, для знаменитого поэта-елизаветинца Эдмунда Спенсера, старшего современника Шекспира, «принца поэтов», впервые привившего английскому стиху сладкозвучие и музыкальность. Спенсер оставил после себя мастерски написанные произведения в каждом жанре поэзии: от пасторали и элегии до сонетов и огромной и незаконченной эпопеи «Королева фей». Однако для Хаксли созданное Спенсером не имеет высокой ценности: он, по наблюдению Хойзермана, «исключает имя Спенсера из своего общего гимна английскому Возрождению. В противовес единодушному мнению критиков и поэтов, он признаётся в своей неспособности восхищаться автором “Королевы фей”, видя в нем лишь виртуоза, высокоодаренного версификатора, способного “извлекать сотни безупречно рифмованных строф из пустого ума”. Хаксли ни во что не ставит эстетическое наслаждение, доставляемое пышным потоком спенсеровской поэзии, и этим суждением решительно уравнивает себя с моралистами, подобными Шоу и Толстому. Литература, по Хаксли, должна прежде всего способствовать более глубокому пониманию ошеломляющего зрелища жизни. Спенсер же, напротив, погружает читателя в своего рода интеллектуальное оцепенение — абсолютно непростительный грех в глазах Хаксли. Для него неотъемлемые качества писателя это живость ума и всеобъемлющее любопытство» [6, p. 234–235].

Несомненный интерес для нас представляет рецензия на роман «Слепец в Газе» (1936), опубликованная в том же 1936 г. Дэвидом Гарнеттом[9]. Первая отсылка рецензента к Толстому носит отчетливо иронический характер и связана, скорее всего, с его собственной читательской рецепцией русского классика.

[9] New Statesman and Nation. 1936. 20 June 1936. — Дэвид Гарнетт (1892–1981), плодовитый романист и литературный критик, происходил из английской писательской династии Гарнеттов: его отец Эдвард был писателем и редактором, дед Ричард — писателем и библиотекарем, мать, знаменитая Констанс Гарнетт, — одной из первых переводчиков русской литературы, включая Толстого. Она посетила Л.Н. Толстого в Ясной Поляне и В.Г. Короленко в Нижнем Новгороде. Считается, что переводы К. Гарнетт, хорошо воссоздающие дух подлинника, оказали существенное влияние на общий уровень переводческого искусства в англоязычном пространстве.

> Измученные морской болезнью и скучающие пассажиры внезапно просыпаются: за иллюминаторами проплывают очертания зеленых холмов, звенит колокол, и ритм морской качки меняется. Земля! Наконец-то земля! Жизнь снова станет интересной и забавной. Появление нового большого романа «Слепец в Газе» Олдоса Хаксли было для меня, пассажира со слабым желудком, подобно появлению земли в иллюминаторе. Вот, наконец, мир, в котором знаешь дорогу, в котором персонажи чувствуют, думают и говорят как образованные люди с открытым умом. Несомненно, это будет приятная компания <…>. Радостно сойдя на берег и нагуляв аппетит, я поначалу был шокирован, обнаружив, что улицы прибрежного города кишат объявлениями: «Проезда нет», и моя приятная прогулка постоянно прерывается. На суперобложке нас предупреждают: «Вместо хронологической последовательности — контрапункт из четырех повествований о разных эпохах жизни героя»... Поначалу вывески «Проезда нет» раздражают, и читатель жалеет, что приходится снова и снова прибегать к контрапункту, но практика примиряет; вопреки ожиданию, не так сложно оказывается держать последовательности в голове, и ты, в конце концов, испытываешь благодарность за всё, за всё, что отвлечет тебя от 1934 года. Именно это, а не всякая ерунда с контрапунктом, кажется мне причиной и оправданием метода. Если бы главы были расположены в хронологической последовательности, никто бы никогда не смог закончить книгу, так же как никто не может прочитать последние главы «Войны и мира». Удачный прием мистера Хаксли позволяет философским размышлениям его героя рассредоточиться по всей книге [6, p. 249].

Далее Д. Гарнетт переходит к анализу круга чтения персонажей «Слепца в Газе», и тут имя Толстого возникает повторно, уже подчиняясь воле романиста, а не только рецензента. О полуавтобиографическом протагонисте романа Энтони Бивисе Д. Гарнетт замечает: «Он воображает, что похож на Гамлета, и причиной тому его огромный багаж знаний и излишняя образованность. Его настоящая беда, похоже, в том, что он — жертва слов, что он никогда не может перестать вычленять факты и идеи, словно энтомолог, систематизирующий коллекцию мертвых бабочек. <…> Энтони и его друг Марк Стэйтс — чистокровные интеллектуалы, но вместе с тем они всегда говорят глубоко ложные вещи, например: “Жизнь настолько обыденна, что литературе приходится иметь дело с исключительным”. Это достигает своего апогея, когда, перечитав “Анну Каренину”,

Марк Стэйтс жалуется на то, чего ему в ней не хватает» [6, p. 249]. Напомним соответствующий фрагмент «Слепца в Газе» (глава 46) в переводе Михаила Ловина:

> Марк сказал за ужином, что перечитывает «Анну Каренину». Она ему нравилась, как и все романы. Он лишь пожаловался на крайнюю неправдоподобность даже самой лучшей беллетристики. И начал перечислять все недостатки. Почти никакого внимания маленьким физиологическим событиям, которые определяют, будет ли день иметь приятный или неприятный тон. Испражнение, например, способное создать или испортить весь день. Пищеварение. И для героинь романа их месячные драмы. Затем небольшие заболевания — катар, ревматизм, головные боли, усталость глаз. <…> Не говоря уже, конечно, о роли, которую играют простые чувства, доставляющие удовольствие. Горячая ванна, например, вкус бекона, мех на ощупь, запах фрезий[10].

Д. Гарнетт вступает в полемику с персонажем Хаксли, и эта полемика по-своему показательна:

> Однако, ведь именно это Толстой и делает; это является основой счастья Левина и восхитительного добродушия Стивы. Отсюда можно лишь заключить, что Марк никогда не читал «Анну Каренину», не говоря уже о том, чтобы перечитывать ее. Анна, громко смеющаяся над чувством восторга, охватившим ее, когда она прикладывает прохладную гладкую поверхность своего ножа для разрезания бумаги к щеке, — один из бесчисленных примеров, которые он не мог пропустить. Однако мистер Хаксли не мог ожидать, что мы заключим, будто его персонажи перебрасываются словами в вакууме. Он просто забыл книгу и использовал ее название наугад, точно так же, как наугад он заставляет своих героев читать стихи Эдварда Томаса задолго до их публикации или создания и обсуждать движение пивоваров за истинную трезвость до войны, тогда как оно было *послевоенным* ответом на пропаганду сухого закона. Соблазн привести список подобных ляпов возникает лишь потому, что мистер Хаксли, подобно Энтони, одержим не относящимися к делу фактами и уснащает ими свои страницы. Даже когда эти идеи действительно интересны, они неуместны и портят книгу [6, p. 250].

[10] *Хаксли О.* Слепец в Газе / пер. М. Ловина. М.: АСТ, 2022. С. 303.

Все сказанное не мешает Гарнетту заключить, впрочем, что «Слепец в Газе» — всё же лучший роман мистера Хаксли. «“Слепец в Газе” — прелесть, но в целом прием быстрого перемещения во времени — ошибка. Если бы соблюдался хронологический метод, я бы бросил читать на странице 500 и пропустил бы почти все скучные части книги. В финале Энтони обретает новую мудрость, часть которой заключается в том, чтобы сосредоточиться, подобно йогу, на процессе надевания обуви, потому что средство важнее цели. *Какое занудство*» (What a bore) [6, p. 250].

Этой фразой заканчивается рецензия Гарнетта, и уместно будет отметить, что она содержит прямую отсылку к полемике персонажей, начатой упоминанием Толстого, которое Гарнетту представляется дежурной данью популярности автора «Анны Карениной». Еще раз вспомним роман «Слепец в Газе». Марк Стейтс, отталкиваясь от своих умозаключений о недостатках толстовского романа, экстраполирует эти недостатки на художественную литературу в целом:

> Ложь по упущению неизбежно превращается в позитивную ложь. Литература намекает, что людей контролирует если не разум, то по крайней мере внятные, хорошо организованные, открыто проявляющиеся чувства. В то время как факты свидетельствуют об обратном. Иногда чувства играют роль, а иногда нет <…> Обыкновенный тик или действие различных раздражителей, безумные и неподотчетные желания играют в человеческой жизни такую же роль, как и организованные и допустимые чувства. Любая художественная литература отрицает подобный факт и распространяет чудовищную ложь о природе мужчины и женщины.
>
> Несомненно, это правильно. Потому что если бы людям показывали, кто они есть на самом деле, они бы либо поубивали друг друга, как клопов, либо сами сунулись в петлю. Но тем не менее я больше не могу утруждать себя чтением беллетристики. Выдумка и ложь мне не интересны. Как бы поэтично они ни были бы выражены. *Это всего лишь занудство*[11].

В этой полемике, инициированной толстовской аллюзией, на наш взгляд, важно даже не то, насколько глубоко и верно оценивается роман «Анна Каренина» и художественный метод Толстого, и не то, кто из персонажей, спорящих о природе и полезности ху-

[11] Там же. С. 305.

дожественной литературы, ближе к позиции автора. Существенней другое: разговор о Толстом перерастает в спор о художественной литературе в целом, в спор, к которому полноправно подключается рецензент «Слепца в Газе», ловящий на слове то ли автора, то ли его персонажа и тем самым иронически уводящий своих читателей от окончательных оценок.

Последнее упоминание имени Толстого в прижизненных откликах на творчество Хаксли относится к 1954 г. и принадлежит канадскому филологу К. Кингу, автору статьи «Путь Олдоса Хаксли к Богу»[12]. Общая направленность статьи — «опровергнуть модную точку зрения, что высшие достижения Хаксли относятся к раннему творчеству с его негативной и циничной направленностью» [6, p. 388]. Следует отметить, что Карлайль Кинг, да, пожалуй, еще Пол Блумфелд, были в числе тех редких критиков, которые настаивали на ценности поздних произведений Хаксли еще при жизни писателя. Как писал П. Блумфилд, Хаксли «постепенно заявил о себе как один из немногих, кто способен создать в наше время культурный синтез <...>. Его обеспокоенность судьбами человечества настолько очевидна, что читатели, которые не видят в его поздних произведениях ничего, кроме одержимости и злобы, просто неспособны адекватно оценить его намерения или его талант» [7, p. 140–141]. В свою очередь, К. Кинг выстраивал собственную концепцию творчества Хаксли, подчеркивая: «С самого начала он, кроме всего прочего, был истово серьезным мыслителем, стремящимся разглядеть некую закономерность в окружающем и отыскать некий ключ к светлому будущему <…> Удивительно, как можно не заметить серьезности намерений Хаксли, принимая во внимание очень недвусмысленное изложение его взглядов в сборниках эссе и путевых заметок, которые он публиковал одновременно с романами и рассказами. В книге “На грани” (On the Margin, 1923) он пишет об ужасе, который внушает ему погоня за удовольствиями, о неприязни к сенсуалистам и эстетам и о своей неспособности “понять взгляд на жизнь человека, живущего ради ощущений, а не идей и эмоций”. Он указывает на то, что существует диапазон мышления, каким обладал Достоевский, Блейк или Бетховен, и скептический иронист вроде Литтона Стрейчи просто не может его охватить. [Олдос Хаксли] чем-то напоминает Мэтью Арнольда или Т.Г. Хаксли, когда пишет в сборнике “В дороге” (1925), что существует “абсолютный стандарт художественного

[12] *King C.* Aldous Huxley’s Way to God // The Queens Quarterly. Spring 1954 P. 80–100.

достоинства… и этот стандарт в конечном итоге — морального свойства”» [6, p. 388–389].

О романе, который мы только что обсуждали, К. Кинг пишет: «В “Слепце в Газе” (1936) проявился настоящий Олдос — и остался таковым в двенадцати последующих книгах. “Слепец в Газе”, самый длинный, самый сложно устроенный и самый богатый мыслью из романов Хаксли, — это “объективный коррелят” того, что происходило в душе автора в 1934 и 1935 годах. Вымышленная жизнь Энтони Бивиса — это притча о внутренней жизни Олдоса Хаксли». И далее: «Энтони Бивис <…> находит в себе огромное мужество, подобное мужеству раннего христианского мученика, перестать быть просто умным и открыться миру во всем богатстве его проявлений. Поступая так, он перестает быть интеллектуалом и становится человеком. Нечто подобное произошло с Олдосом Хаксли. В “Сером Преосвященстве” (1941) есть знаменательный отрывок, где Хаксли описывает обращение Франсуа Леклерка, который должен стать отцом Жозефом. Молодой человек вел так называемую нормальную жизнь, полную неприличной тривиальности, и вот внезапно, без видимой причины, на вечеринке он осознает полную тщетность своего существования» [6, p. 390–391].

Процитируем русский перевод «Серого Преосвященства», выполненный В. Голышевым и Г. Дашевским:

> Большинству из нас, я думаю, приходилось пережить нечто подобное — очнуться от сна повседневной жизни и вдруг осознать себя и природу окружающего.
>
> Вечеринка ли это в гостиной?
> Люди теснятся, как на земле теснились.
> Кто пунш отхлебывает, кто чай,
> И все безмолвны,
> Все немы и обречены.
>
> Вдруг осознать, что ты сидишь, обреченный, среди других обреченных, — весьма обескураживающее переживание; настолько обескураживающее, что большинство из нас под его влиянием еще увлеченнее предается своему разрушительному занятию в надежде — как правило, оправдывающейся — хотя бы на время заслониться от беспощадного прозрения[13].

[13] *Хаксли О.* Серое Преосвященство. Этюд о религии и политике / пер. В. Голышева и Г. Дашевского. М.: Московская школа политических исследований, 2000.

В контексте таких рассуждений уже неудивительно прямое сопоставление Хаксли с Толстым: «Доктрина “Целей и средств” и “Вечной философии” проповедуется в романах “Через много лет” (1939) и “Время должно остановиться” (1944). По сути, эти романы — это морально-назидательные тексты, подобные произведениям Толстого, написанным после его обращения к религии» [6, p. 392].

Заключение

Как известно, Хаксли принципиально не читал, что писала о нем критика. Как пишет Д. Уотт, «если Хаксли и досаждало пренебрежение критиков к его замыслам, то он редко это показывал. Его реакции на критику были немногочисленными, уклончивыми и обычно непубличными. Порой он мог ответить письмом рецензенту <…> Но ближе к концу своей карьеры он говорил интервьюерам, что критика “никогда не оказывала на меня никакого влияния по той простой причине, что я ее никогда не читал. Я никогда не ставил себе целью писать для какого-то конкретного человека или аудитории; просто старался делать свою работу как можно лучше и все. Критики меня не интересуют, потому что их волнует то, что уже сделано, а меня — то, что будет дальше”» [6, p. 3]. Биограф Хаксли Сибилла Бедфорд подтверждает эту точку зрения, вспоминая дом Хаксли на юге Франции в 1930-е годы: «Не было никаких газет <…> Конечно, ему постоянно приходили кипы рецензий со всего мира. Они по большей части оставались не только непрочитанными, но и нераспечатанными» [6, p. 3]. Так что параллели или противопоставления с Толстым, проводимые критикой, вряд ли были замечены Олдосом Хаксли.

С другой стороны, нельзя переоценивать и иронически-пренебрежительные замечания об «Анне Карениной», которые Хаксли вкладывает в уста одного из эпизодических персонажей «Слепца в Газе», упреки в том, что автор «Анны Карениной», а по умолчанию — и художественная литература в целом, выносит за скобки всю физиологию. Упреки эти невозможно считать адресованными персонально Толстому. И подтверждается это не только тем, что вложены они в уста персонажу, весьма далекому от авторской позиции. Отметим, что в романе «Гений и богиня» мы находим сходные иронические шпильки в адрес совсем других, не менее

С. 44. В отрывке приводятся строки из поэмы В. Вордсворта «Питер Белл» (*Peter Bell*, by W. Wordsworth, 1798, публ. 1819).

значительных столпов мировой классики. Описывая литературные пристрастия эпонимической «богини» — Кэти, повествователь рефлексирует: «Я помню кое-какие ее замечания о книгах… Например, о Г.Дж. Уэллсе. Он напоминал ей рисовые поля в ее родной Калифорнии. Акры и акры сверкающей воды, но глубина везде не больше двух дюймов. Или все эти леди и джентльмены из романов Генри Джеймса; она гадала, как им удавалось заставить себя сходить в уборную»[14].

При всей кажущейся произвольности отсылок к Толстому в прижизненных рецензиях на тексты Хаксли, выстраивается следующий любопытный вектор: от несколько иронических аллюзий — к прямым аналогиям, которые, впрочем, закольцовываются с первой аллюзией А. Моруа на «великих русских».

Литература

1. *Красавченко Т.Н.* Уильям Джехарди: английский писатель с русским акцентом — о революции и Гражданской войне // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 4. С. 941–957.

2. *Прокопчук Ю.В.* Религиозно-философские идеи Л.Н. Толстого и концепция «Вечной философии» Олдоса Хаксли // Яснополянский сборник, 2012: Статьи, материалы, публикации. Тула, 2012. С. 304–314.

3. *Прокопчук Ю.В.* Религиозно-философский синтез Л.Н. Толстого и О. Хаксли // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2019. Серия 1. Вып. 83. С. 47–64.

4. *Рабинович В.С.* Образ России в творчестве О. Хаксли // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. Т. 1. С. 85–88.

5. *Селитрина Т.Л.* Лев Толстой и Хаксли: к постановке вопроса // Практики и интерпретации: Журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2025. Т. 10, № 1. С. 125–134.

6. Aldous Huxley: The critical Heritage / ed. by D. Watt. London; Boston: Routledge & Kegan Paul Publ., 1975. 493 p.

7. *Bloomfield P.* Uncommon People: A Study of England's Elite. London: Hamish Hamilton Publ., 1955. 210 p.

[14] *Хаксли О.* Гений и богиня / пер. В. Бабкова. М.: Прогресс, 1994. С. 290.

Research Article

Allusions to Leo Tolstoy in Aldous Huxley's Lifetime Criticism

© 2026. Olga Yu. Antsyferova
St Petersburg State University;
Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky
St Petersburg, Russia

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 25-28-00584, https://rscf.ru/en/project/25-28-00584/; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Abstract: The topic "Leo Tolstoy and Huxley" has already attracted the attention of scholars (V.S. Rabinovich, Yu.V. Prokopchuk et al.), nevertheless this paper is the first to examine the rapprochements between Tolstoy and Huxley that arose spontaneously or deliberately in the minds of reviewers who were Huxley's contemporaries. Based mainly on the fundamental anthology *Aldous Huxley: The Critical Heritage* compiled and edited by Donald Wat, the reviewers' references to Leo Tolstoy (A. Maurois, R. West, Ch. P. Snow, G. W. Heusermann, D. Garnett, C. King, P. Bloomfield) are analyzed in terms of their ideological content, pragmatics, significance for Aldous Huxley's literary reputation, and the construction of a cultural dialogue between Russia and the West. It is concluded that, despite the seeming randomness of references to Tolstoy in reviews of Huxley's contemporaries, the following tendency can be traced: from sporadically ironic allusions to direct analogies between Huxley and Tolstoy as moralists aiming at cultural synthesis and concerned with the future of mankind. This research allows to speculate not only about the intensity of Tolstoy's influence on Huxley and the obviousness of this fact for his contemporaries, but also about the role of the Russian classic literature in Western cultural consciousness in the first half of the 20th century.

Keywords: Aldous Huxley, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoevskij, critical reception, similarities.

Information about the author: Olga Yu. Antsyferova. DSc in Philology, Full Professor, Department of Foreign Literature History, St. Petersburg State University. 11, University Emb., 199034 St Petersburg, Russia; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky. Emb. Fontanka River, 15, 191023 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID https://orcid.org/0000-0002-1219-0134

E-mail: o.antsyferova@spbu.ru

For citation: Antsyferova, O.Yu. "Allusions to Leo Tolstoy in Aldous Huxley's Lifetime Criticism." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (40), 2026, pp. 348–364. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-348-364

References

1. Krasavchenko, T.N. Uil'jam Dzhehardi: anglijskij pisatel' s russkim akcentom — o revoljucii i Grazhdanskoj vojne [William Jehardie: An English Writer with

a Russian Accent — On the Revolution and the Civil War]. *Quaestio Rossica*. 2017. Vol. 5, No. 4, pp. 941–957. (In Russ.)

2. Prokopchuk, Ju.V. Religiozno-filosofskie idei L.N. Tolstogo i koncepcija "vechnoj filosofii" Oldosa Haksli [The Religious and Philosophical Ideas of L.N. Tolstoy and Aldous Huxley's Concept of "Eternal Philosophy"]. *Jasnopoljanskij sbornik: Stat'i, materialy, publikacii-2012* [*Yasnaya Polyana Collection: Articles, Materials, Publications*]. Tula, 2012, pp. 304–314. (In Russ.)

3. Prokopchuk, Ju.V. Religiozno-filosofskij sintez L.N. Tolstogo i O. Haksli [The Religious and Philosophical Synthesis of L. Tolstoy and O. Huxley]. *Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta*. 2019. Series 1. No. 83, pp. 47–64. (In Russ.)

4. Rabinovich, V.S. Obraz Rossii v tvorchestve O. Haksli [The Image of Russia in the Works of O. Huxley]. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta*. Series 2: Humanities. 2012. Vol. 1, pp. 85–88. (In Russ.)

5. Selitrina, T.L. Lev Tolstoj i Haksli: k postanovke voprosa [Leo Tolstoy and Huxley: Framing the Question]. *Praktiki i interpretacii*: *Zhurnal filologicheskih, obrazovatel'nyh i kul'turnyh issledovanij*. 2025. Vol. 10, No. 1. pp. 125–134. (In Russ.)

6. *Aldous Huxley: The critical Heritage* / ed. by D. Watt. London; Boston: Routledge & Kegan Paul Publ., 1975. 493 p. (In English)

7. Bloomfield, P. Uncommon People: A Study of England's Elite. London: Hamish Hamilton Publ., 1955. 210 p. (In English)

Статья поступила в редакцию: 11.02.2026
Одобрена после рецензирования: 10.03.2026
Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 11.02.2026
Approved after reviewing: 10.03.2026
Date of publication: 25.06.2026

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 82.091, 93/94
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-365-399
https://elibrary.ru/FZAFTQ

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (40), 2026

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Хуан Гойтисоло в Советском Союзе

© 2026, К.Р. Буйнова
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Аннотация: Исследование посвящено связям испанского писателя, лауреата премии Сервантеса 2014 г. Хуана Гойтисоло с Советским Союзом. Художественные достоинства прозы и публицистики Гойтисоло, его молодость, известность, положение политического эмигранта, не разорвавшего связи с народом, его антифранкистская и околокоммунистическая позиция — все это придавало испанцу большой вес в глазах агентов советской культурной дипломатии. Взаимодействие с ним велось с участием ЦК КПСС. Его публицистические произведения активно использовались советской пропагандой для обличения франкистского режима. Автор статьи реконструирует обстоятельства знакомства советских литературных институций с творчеством Гойтисоло, налаживание контактов с ним, историю публикаций его произведений на русском языке, причины, по которым писатель не возражал против советской цензуры своих романов; подробности двух личных визитов в СССР — в 1965 и 1966 гг. — и разрыв отношений в 1968 г. на фоне общего разочарования писателя в социализме после ввода советских войск в Прагу. Автор отмечает, что в динамике отношений между Гойтисоло и СССР важную роль играли его связи с Кубинской революцией. В статье отмечается, что контакты с Гойтисоло позволили советскому литературному истеблишменту 1960-х гг. убедиться в том, что прогрессивная испанская литература существует, и впервые за много лет развернуть активное взаимодействие с ее авторами и издателями. Исследование основывается на архивных материалах, прессе, опубликованных воспоминаниях и интервью автора статьи с советскими знакомыми Гойтисоло.

Ключевые слова: Хуан Гойтисоло, Советский Союз, Франкистская Испания, социализм, испанская литература, художественный перевод, культурная дипломатия.

Информация об авторе: Кристина Романовна Буйнова — кандидат исторических наук, доцент, МГИМО МИД России / Московский государственный университет международных отношений, пр-т Вернадского, 76, 119454, Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6983-5212

E-mail: k.r.bujnova@inno.mgimo.ru

Для цитирования: *Буйнова К.Р.* Хуан Гойтисоло в Советском Союзе // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 365–399. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-365-399

Хуан Гойтисоло (1931–2017) был испанским писателем нового поколения. Он застал гражданскую войну ребенком, его детство прошло в самые тяжелые для страны годы, которые навсегда привили ему ненависть к франкистскому режиму. Он рано сложился как автор и публиковался с 1954 г., причем был не единственным писателем в семье: его братья Хосе Аугустин Гойтисоло (1928–1999) и Луис Гойтисоло (р. 1935) тоже начали писать очень рано, и все трое обрели всемирную известность.

С середины 1950-х гг. Хуан Гойтисоло жил в Париже и работал консультантом по испанской литературе в издательстве «Gallimard». Некоторое время он увлекался марксизмом и поддерживал подпольную коммунистическую партию Испании — на фоне отторжения, которое у него вызывал франкизм[1]. В третью годовщину Кубинской революции, на рубеже 1961–1962 гг., Гойтисоло впервые отправился на Кубу и в 1960-е гг. совершил три поездки на Остров Свободы. За это время его восприятие революции эволюционировало от восторженной поддержки до возмущения и отвержения.

Исследователи подчеркивают, что Куба сыграла важную роль в интеллектуальном становлении Гойтисоло [10]. На этом фоне опыт восприятия им советского социализма второстепенен, но тем не менее заслуживает внимания. Отношения Гойтисоло с Советским Союзом до сих пор не изучались; даже в фундаментальных работах лишь кратко резюмируются или пересказываются воспоминания самого писателя о пребывании в СССР[2]. Мы постараемся восполнить этот пробел и предложить исследование на основе архивных документов, прессы и источников личного происхождения. Архивные материалы

[1] Значима была и семейная история: прадед писателя обогатился, уехав из Испании на Кубу и став владельцем сахарной плантации, эксплуатируя чужую землю и рабский труд. Уже во взрослом возрасте его правнук обнаружил письма рабов и был ими потрясен. См. предисловие, написанное Гойтисоло для исследования истории его семьи: *Goytisolo J.* Prólogo // Alharilla Martín Rodrigo Y. Los Goytisolo: Una próspera familia de indianos. Marcial Pons Ediciones de Historia, 2016. https://doi.org/10.2307/j.ctt20fw701

[2] Так поступили авторы двух диссертаций о Гойтисоло: [11, p. 342–371; 16, p. 117–118]. — Уже после принятия настоящей статьи в печать появилась ценная работа, посвященная поездке Х. Гойтисоло в СССР в 1965 г., основанная на мемуарах писателя и архивных материалах: *Харитонова Н.Ю.* Советское путешествие Хуана Гойтисоло в 1965 г.: посредничество и формирование канона зарубежной литературы и границы культурного обмена // Новый филологический вестник. 2026. № 1 (76). С. 284–295. DOI 10.54770/20729316-2026-1-284.

включают в себя переписку Иностранной комиссии Союза писателей СССР, редакций советских журналов и издательств, отчеты гидов-переводчиков, внутренние рецензии и т. д. Также полезным для работы оказался интерес к фигуре Гойтисоло советской прессы. В совокупности эти источники позволяют довольно подробно восстановить канву отношений.

Исследователю этого эпизода культурного взаимодействия выпала редкая удача: мы располагаем воспоминаниями сразу нескольких его участников. Во-первых, обстоятельные мемуары оставил сам Хуан Гойтисоло. Они были опубликованы через двадцать лет после посещения «бастиона социализма», но основаны на синхронных дневниковых записях (своих и жены). Описание поездки 1965 г. вошло в книгу «En los reinos de taifa» [15], а визит 1966 г. описан в очерке «Viaje al Cáucaso en 1966»[3]. Знакомство с писателем вспоминают советские переводчики Людмила Синянская, Татьяна Кудрявцева, Агустин Аргуэльес Мансо, Дионисио Гарсиа[4]; важные записи в дневниках оставили «новомировцы»[5]. Кроме того, автору удалось лично побеседовать с советскими знакомыми писателя Видасом Силюнасом и Борисом Любимовым[6]. Уникальность мемуаров для нашего исследования заключается в том, что они проливают свет на неформальные стороны советской культурной дипломатии.

«В стране с реакционным франкистским режимом не может быть прогрессивной литературы»

Первое знакомство советских литераторов с Хуаном Гойтисоло состоялось в 1959 г., когда переводчица Людмила Синянская[7] получила из Парижа издание его первого романа, «La Resaca». Она перевела книгу и еще около года «носила рукопись по журналам

[3] Воспоминания Гойтисоло не переведены на русский язык. В статье цитаты будут приводиться в нашем переводе по сборнику, в который вошли оба указанных сочинения: [14].

[4] *Гарсиа Д.* Воспоминания. Жизнь испанца в России. Нижний Новгород: Вертикаль XXI век, 2012. 556 с.; *Кудрявцева Т.А.* Превратности одной судьбы. Записки литератора и переводчика. М.: Р. Валент, 2008. 152 с.; *Синянская Л.П.* Во сне и наяву среди глыб // Знамя. 2003. № 3. С. 142–173; <Memorias de Agustín Argüelles Manso> // [19].

[5] *Лакшин В.* «Новый мир» во времена Хрущева. Дневник и попутное (1953–1964). М.: Книжная палата, 1991. 226 с.; *Твардовский А.Т.* Новомирский дневник. М.: ПРОЗАиК, 2009. Т. 1: 1961–1966. 656 с.

[6] Беседа с В.Ю. Силюнасом 26 апреля 2021 г.; беседа с Б.Н. Любимовым 14 мая 2025 г. (Личный архив К. Буйновой).

[7] Людмила Петровна Синянская (1933–2013) — переводчица испаноязычной художественной литературы, в 1970-е — 1980-е гг. консультант Иностранной комиссии Союза писателей. Перевела на русский язык произведения Алехо Карпентьера, Габриэля Гарсии Маркеса, Марио Варгаса Льосы, Хулио Кортасара и многих других.

от двери к двери, убеждая, что это талантливый писатель и мы о нем еще услышим». В «Иностранной литературе» наивной начинающей переводчице объяснили: «В стране с реакционным франкистским режимом не может быть прогрессивной литературы»[8]. Советские функционеры действительно были убеждены, что после поражения республиканцев в гражданской войне (1936–1939) Испания погрузилась во тьму фашизма. В этом мнении руководство СССР поддерживала Коммунистическая партия Испании: ее генеральный секретарь (до 1960 г.) Долорес Ибуррури жила в Москве и сохраняла авторитет во всех вопросах, касавшихся Испании. Испанскую литературу в Советском Союзе десятилетиями представляли поэт Рафаэль Альберти (1902–1999) и его жена писательница Мария Тереса Леон (1903–1988), после войны жившие в эмиграции.

Несмотря на это редакция «Иностранной литературы» пыталась заглянуть за горизонт и ежегодно запрашивала рецензии на современные испанские произведения. Год за годом она получала неудовлетворительные отзывы[9] и утвердилась в мысли, что собственно испанские авторы внимания не заслуживают, а «у испанской эмиграции прозы вообще нет»[10].

И все-таки после обращения Синянской редакция навела справки, узнала, что Хуан Гойтисоло живет в политической эмиграции, а его младший брат арестован в Мадриде за подрывную деятельность против франкистского режима. Отзыв на «La Resaca» заказали нескольким испанистам, и все четыре (!) полученные рецензии были восторженными[11]. Синянскую вызвали обсуждать редактуру «Прибоя».

Тем временем читателей начали подготавливать к мысли, что прогрессивная литература в Испании все-таки существует. В сентябре 1960 г. в «Огоньке» опубликовали небольшой рассказ Гойтисоло «Los amigos» («Друзья») в переводе Артура Макарова и Агустина Мансо[12]. Рассказ сопровождался переводом открытого письма Хуана

[8] *Синянская Л.П.* Во сне и наяву среди глыб. С. 147.

[9] См., например: <Внутренние рецензии на произведения испанских писателей, 1955, 1957 гг.> (РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 5. Ед. хр. 16, 150).

[10] Этот вывод в 1955 г. сформулировал О. Савич в рецензии на роман Л. Ландинеса «Сыновья Максима Худаса» (РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 5. Ед. хр. 16).

[11] См. внутренние рецензии М. Абезгауз (1959) (РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 5. Ед. хр. 263. Л. 5–8), К. Наумова (1960) (Там же. Ед. хр. 327. Л. 5–7), Л. Осповата (24.1.1960) (Там же. Л. 8–11), Ю. Честной (1960) (Там же. Л. 12–15).

[12] *Гойтисоло Х.* Друзья // Огонек. 1960. № 38 (сентябрь). С. 10–12. Агустин Аргуэльес Мансо (1927–1994) был уроженцем испанского Овьедо и выпускником Литературного института им. А.М. Горького, Артур Макаров (1931–1995), в будущем писатель и киносценарист, был его однокурсником. Они учились у замечательного испаниста Н.Б. Томашевского (1924–1993), были знакомы с будущим переводчиком Гарсии Лорки и других

Гойтисоло в испанскую газету «Пуэбло». В письме он объяснял, что во Франции публикуют не тех испанских писателей, которые, по мнению франкистской «Пуэбло», «вносят свою лепту в международную западню марксистского искусства», а тех, которые не могут издаваться в Испании из-за цензуры[13]. В актив молодому испанскому автору, таким образом, должны были быть зачислены обе характеристики: и сочувствующего марксизму, и пострадавшего от франкистской цензуры.

Одновременно с «Огоньком» до сих пор неизвестного в СССР Гойтисоло упоминала «Литературная газета». Произведения писателя, говорилось там, показывают, что «фашистский режим не в состоянии угасить бурлящий вулкан правды»[14]. В конце года в «Неделе» и в передовице «Литературной газеты» анонсировалось скорое знакомство советских читателей с «творчеством молодого испанского прогрессивного литератора Хуана Гойтисоло»[15]. «Прибой» вышел в журнале «Иностранная литература» в июне 1961 г.[16] Отныне Гойтисоло был «легализован» как «прогрессивный» испанец, один из авторов «бунтарской литературы», запрещенный фашистским режимом[17].

Еще раз о франкистской цензуре

Не будет преувеличением утверждать, что именно «открытие» Гойтисоло стимулировало поиски других испанских авторов, достойных внимания Советского Союза. Иностранная комиссия начала переписку с литературным агентством Кармен Балсельс и издательством «Seix Barral», важнейшими участниками литературных процессов своего времени, в том числе латиноамериканского бума[18].

великих испанских поэтов А.М. Гелескулом (1934–2011), переводчиком и иконописцем Дионисио Гарсиа (р. 1928), собирались вместе на литературные тертулии. Подробности биографии Мансо стали известны благодаря недавно вышедшей публикации: [19].

[13] *Гойтисоло Х.* «Пуэбло» и молодая испанская литература // Огонек.1960. № 38. С. 11.

[14] Романы Хуана Гойтисоло // Литературная газета. 1960. № 112, 20 сентября. С. 4. Заметка была написана на материале британской критики. До этого «Литературная газета» упоминала Гойтисоло лишь однажды, среди авторов нового итальянского журнала «Литературная Европа», в августе того же 1960 г.: Литературная газета. 1960. № 101, 25 августа.

[15] Слово — редакторам // Неделя. 1960. № 43 (18–24 декабря). С. 16; Литературная газета. 1960. № 153, 27 декабря. С. 1.

[16] *Гойтисоло Х.* Прибой / пер. с исп. Л. Синянской // Иностранная литература. 1961. № 6. С. 61–150.

[17] Литературная газета. 1961. № 17, 7 февраля. С. 4.

[18] См.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2039, 2061. Агентство Балсельс представляло таких авторов как Х. Гойтисоло, К.Х. Села, Ж.М. Кастельет, Х. Лопес Салинас, а также многих латиноамериканцев, в том числе М. Варгаса Льосу и Г. Гарсию Маркеса. И Кармен Балсельс (1930–2015), и Карлос Баррал (1928–1989) имели офисы в Барселоне.

Редакция «Иностранной литературы» публиковала переводы статей из западной прессы, посвященные оппозиционным франкизму испанским писателям[19]. Используя список запрещенных в Испании произведений как дорожную карту, в Советском Союзе впервые опубликовали Альфонсо Састре, Хесуса Лопеса Пачеко, Армандо Лопеса Салинаса, Луиса Гойтисоло, Ану Марию Матуте и других.

Между тем Гойтисоло продолжал жить и работать в Париже, периодически посещая родную Испанию, и об интересе к своей персоне в Советском Союзе не знал. Первые контакты с ним были установлены на рубеже 1960–1961 гг.: Людмила Синянская задавала ему вопросы о переводе «Прибоя»[20]. Из издательства «Художественная литература» ему писали насчет публикации «Печали в раю»[21]. Связь с «Иностранной литературой» писатель установил сам[22].

В 1961 г. он познакомился с приехавшим в Париж Агустином Мансо, который рассказал ему о выходе рассказа «Друзья». Сверстники, разбросанные гражданской войной по разным странам, они быстро нашли общий язык и подружились. Мансо вернулся из Парижа с чемоданом книг и поставил себе целью опубликовать все произведения Хуана в СССР[23]. Он начал с того, что передал в журнал «Иностранная литература» просьбу Гойтисоло о выплате гонорара[24].

Еще одним советским знакомым Гойтисоло стал Евгений Евтушенко, с которым они пересеклись в Гаване в конце 1961 — начале 1962 г., а год спустя встретились в Париже [14, p. 327–328]. Некоторые

[19] Слово писателей Испании // Иностранная литература. 1962. № 12. С. 210–216 (из французского еженедельника «Леттр франсез»); *Диас М.* Молодая испанская литература // Иностранная литература. 1962. № 10. С. 202–205; *Доменеч Р.* Эти книги изданы не в Испании // Иностранная литература. 1963. № 7. С. 226–227 (из независимого испанского журнала «Инсула»). Обзор испанской литературы заказывали и Ж.М. Кастельету, но он не подошел по формату; см. переписку редакции «Иностранной литературы» с Ж.М. Кастельетом, 1961 (РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 3. Ед. хр. 113).

[20] *Синянская Л.П.* Во сне и наяву среди глыб. С. 147–148.

[21] Письмо Г. Степанова Х. Гойтисоло, Ленинград, 21 марта 1961 г.; письмо Х. Гойтисоло Г. Степанову, Париж, 7 апреля 1961 г. (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 9. Ед. хр. 1659. Л. 4, 6). «Печаль в раю» вышла в 1962 г. в переводе Н. Трауберг.

[22] Редакция «Иностранной литературы» не торопилась связаться с автором, и он попытался узнать о судьбе романа «Прибой» через переводчика Г. Степанова в письме от 7 апреля 1961 г. Осенью главный редактор «Иностранной литературы» А. Чаковский сообщил о выходе романа в июньском номере журнала Жозепу Марии Кастельету, который получал почту через парижский адрес своего друга Хуана Гойтисоло (письмо А. Чаковского Ж.М. Кастельету, Москва, 10 октября 1961 г. РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 3. Ед. хр. 113. Л. 22). Гойтисоло немедленно отозвался просьбой выслать ему экземпляр журнала — «никому не пришло в голову мне его прислать» (письмо Х. Гойтисоло в «Иностранную литературу», Париж, 17 октября 1961 г. РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 3. Ед. хр. 118. Л. 19).

[23] См. воспоминания Агустина Мансо, включенные в кн. [19].

[24] В переписке «Иностранной литературы» говорится, что в редакцию обратился «представитель испанской компартии в Москве де Агустин», который «сослался при этом на обращение к нему автора романа» (Письмо С. Дангулова А. Чаковскому, Москва, 29 августа 1962 г. РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 3. Ед. хр. 153. Л. 117).

исследователи считают, что Евтушенко был для испанца контактом с «официальным советским аппаратом» [11, p. 342]. Однако нам не удалось найти подтверждений, что поэт сыграл какую-либо роль в развитии взаимодействия СССР с Хуаном Гойтисоло.

Вслед за «Друзьями» и «Прибоем» в Советском Союзе вышли «Земли Нихара», «Ловкость рук», «Цирк», «Остров», «Ронда» и «Народ в походе»[25]. К середине 1960-х гг. Хуан Гойтисоло стал самым публикуемым в Советском Союзе современным испанским прозаиком[26], причем его книги выходили не только на русском, но и на других языках народов СССР[27]. По количеству вышедших в стране произведений он мог сравниться лишь с одним земляком — давним другом СССР поэтом Рафаэлем Альберти.

Имя Гойтисоло активно использовалось в пропагандистских целях. Вскоре после Карибского кризиса и позже на фоне визита Фиделя Кастро в Москву читателям сообщали о поездке Гойтисоло на революционную Кубу[28]. Его оппозиция франкистскому режиму упоминалась в советской кампании за освобождение арестованного в Испании поэта Карлоса Альвареса[29]. Отдельного внимания заслуживает использование памфлета Гойтисоло о франкистской цензуре «Писать в Испании» (*Escribir en España*). В 1963 г. фрагмент этого текста под заглавием «Испанские рецепты» вышел на страницах «Вопросов литературы»[30], а на следующий год — в «Литературной газете» и «Литературной России»[31]. Перевод памфлета подготовила и «Иностранная литература»[32], но не опубликовала. Это была бы

[25] См. Приложение 1.

[26] См. переписку Иностранной комиссии с ЦК КПСС: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 257. Л. 16.

[27] См. Приложение 2.

[28] Народ на марше // Литературная газета. 1963. № 3 (5 января). С. 4; *Гойтисоло Х.* Звезда Кубы. [Испанский писатель о пребывании на Кубе] // Комсомольская правда. 1963. № 104 (1 мая). Фидель Кастро был в Москве в конце апреля — начале мая 1963 г.

[29] Свободу Карлосу Альваресу! // Литературная газета. 1963. № 107, 5 сентября. С. 4. Карлос Альварес Крус (1933–2022) — испанский поэт. Несмотря на поддержку советской пропаганды опубликовать переводы стихов Альвареса в СССР удалось лишь к концу 1960-х: в 1968 г. в издательстве «Прогресс» вышел его поэтический сборник «Преступление совершилось в Мадриде» в переводе О. Савича.

[30] *Гойтисоло Х.* Испанские рецепты // Вопросы литературы. 1963. № 8. С. 242–243. Автор перевода, язык оригинала и источник в публикации не указаны.

[31] *Гойтисоло Х.* Самая лучшая в мире цензура // Литературная газета. 1964. № 99, 20 августа. С. 4. Этот текст был переведен с немецкой версии, опубликованной в швейцарском журнале «Die Weltwoche» 31 июля 1964 г. В публикации переводчик не указан, но судя по архивному документу, его выполнил Д. Бенеславский (РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Ед. хр. 900). *Гойтисоло Х.* Испанская цензура — самая лучшая в мире // Литературная Россия. 1964. № 51, 18 декабря. Редакция сообщила, что статья перепечатывается из «парижского журнала “Арт”» в переводе с французского. Переводчик не указан.

[32] *Гойтисоло Х.* «Самая лучшая цензура». Неопубликованный материал. 1964 (РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 5. Ед. хр. 564. Л. 54–64). Перевод с французского, источник не указан.

уже четвертая (!) публикация одного и того же сочинения. «Вопросы литературы» и «Литературная газета» сократили десять страниц оригинала до двух-трех, оставив лишь ироничное описание категорий романа, которые одобряет франкистская цензура. Эти категории отлично вписывались в советское понимание безыдейной мелкобуржуазной литературы. Бóльшая часть очерка, высмеивающая цензуру и цензоров и изобличающая способы заставить писателя молчать, в обеих публикациях опущена. В недошедших до советского читателя фрагментах Гойтисоло пишет о запрете произведений, «не соответствующих испанским традициям»; о купюрах, вызванных «излишней» натуралистичностью; о «лечении» неугодных писателей остракизмом, публичной травлей и тюрьмой; о «прощении» умерших фрондеров. Испанская цензура, заключает Гойтисоло, способствует тому, что «…писатели, твердо решившие не дать посадить себя за решетку, выступают в поддержку принципов, обеспечивающих им материальное будущее и доброе здоровье»[33]. Более полная версия этого сочинения была опубликована в малотиражной «Литературной России»[34].

Повышенный интерес к памфлету об испанской цензуре объясняется тем, что франкистский режим традиционно преподносился Советским Союзом как антипод. Советская пропаганда систематически подчеркивала важность культурной оппозиции франкизму [3]. Но Гойтисоло был интересен советским властям не только как инструмент в идеологической борьбе. В руководстве СССР зрело желание установить дипломатические отношения с Испанией [7, с. 1864–1865]. Мнение молодого антифранкиста, не разорвавшего связей со страной, было полезной альтернативой мнению Коммунистической партии Испании, лидеры которой противились любому сближению Москвы с Мадридом[35]. Вероятно, именно поэтому взаимодействие с испанским писателем обсуждалось непосредственно с Международным отделом ЦК КПСС[36].

---

[33] РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Ед. хр. 900. Л. 1–10.

[34] «Литературная Россия», заменившая собой «Литературу и жизнь» в 1963 г., была еженедельником Правления Союза писателей РСФСР. Тираж в 1960-е — менее 100.000 экземпляров. Для сравнения «Литературная газета» выходила три раза в неделю тиражом почти 500.000 экземпляров (Записка А. Чаковского в ЦК КПСС о тираже «Литературной газеты». 1964. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 222. Л. 37). Подробно историю «Литературной России» изучил В.В. Огрызко: [5].

[35] Период с окончания войны в 1939 г. и до подписания советско-испанского торгового соглашения в 1972 г. до сих пор остается лакуной в исследованиях двусторонних отношений.

[36] В 1962 г. консультант Иностранной комиссии по испанской литературе ссылается на разговор с референтом ЦК по Испании В.В. Перцовым (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2063. Л. 13). «Иностранная литература» консультировалась с членом правления общества «СССР — Испания» М.Т. Мещеряковым (письмо С. Дангулова А. Чаковскому, Москва, 29 августа 1962 г. РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 3. Ед. хр. 153. Л. 117).

Переговоры

Гойтисоло впервые предложили приехать в СССР летом 1962 г., когда советская делегация познакомилась с ним на конгрессе Европейского сообщества писателей во Флоренции[37]. Главой делегации был секретарь правления Союза писателей Алексей Сурков. Он поговорил с испанцем и объяснил ему, как поступить, чтобы получить деньги за опубликованные в СССР произведения. Вскоре Иностранная комиссия получила телеграмму из Парижа, в которой Гойтисоло официально обращался к Суркову с просьбой способствовать в выплате гонорара[38]. Сурков незамедлительно написал директору Гослитиздата. Ритуально характеризуя материальное положение коллеги как «весьма затруднительное», он просил «возможно быстрее рассмотреть вопрос о выплате ему в валюте гонорара»[39]. Учитывая, что речь шла, по словам Суркова, о «писателе-коммунисте», да еще и испанском, а просьба исходила лично от секретаря Союза писателей, можно уверенно предполагать, что чек в Париж был отправлен.

Приехать в тот год писатель не смог: в октябре он спешно уехал на Кубу, чтобы освещать Карибский кризис [10][40]. Когда в начале следующего года Союз писателей начал подготовку Ленинградской сессии Сообщества европейских писателей (май 1963 г.), Гойтисоло ожидали видеть среди гостей. На этот раз ему не удалось приехать «из-за рогаток франкистских властей»[41].

В декабре 1964 г. он вновь встретился с А. Сурковым, на этот раз в Париже[42], и они вновь договорились о подготовке поездки. Организацию взял на себя лично Сурков, и это еще одно подтверждение того, что этому визиту в СССР придавалась большая

[37] А. Сурков: «Цель — лучше понять друг друга» // Литературная газета. 1962. № 66, 5 июня. С. 1. Секретарем советской группы Европейского сообщества писателей был переводчик Георгий Самсонович Брейтбурд (1921–1976), активный неформальный посредник между западными писателями и Иностранной комиссией Союза писателей, в которой он работал консультантом по итальянской литературе. Впоследствии именно его Гойтисоло рекомендовал друзьям, отправляющимся в Москву, как человека, который поможет получить гонорары. См.: [1, с. 50; 9, p. 46].

[38] Телеграмма Х. Гойтисоло А. Суркову, Париж, 12 сентября 1962. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2043. Л. 1.

[39] Письмо А. Суркова Г. Владыкину, Москва, 13 сентября 1962. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2043. Л. 2. В 1962 г. «Гослитиздат» опубликовал роман Гойтисоло «Печаль в раю».

[40] Интересно, что в феврале 1965 г., запрашивая в ЦК разрешение принять Гойтисоло сверх плана, Сурков напишет, что поездка 1962 г. не состоялась «из-за препятствий франкистских властей» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 257. Л. 16).

[41] Запись беседы с испанским писателем Хуаном Гойтисоло (2 августа 1965 г.). РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2063. Л. 9.

[42] Дата установлена по отчету Суркова о командировке: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 6295. Л. 3.

важность. Обычно переписку о приезде иностранного автора вели консультанты Иностранной комиссии, писателей приглашали на две недели, расходы за проезд членов семьи им предлагали взять на себя, а гонорары обещали выплатить в советских рублях уже в Москве. В случае с Гойтисоло Сурков начал с утверждения визита сверх плана в ЦК КПСС[43]. Писателя пригласили на месяц вместе с женой и дочерью; деньги на билеты обоих супругов были отправлены им в инвалюте, оплату проезда дочери писателю вернули в рублях. На фоне переговоров издательство «Прогресс» отправило в Париж чек с гонораром[44].

В начале марта писатель подтвердил получение приглашения и выразил готовность приехать в июле. Его пожелания относительно туристической программы выглядели очень амбициозно: «Я бы хотел посетить Ленинград, Крым, Кавказ (Армению, Грузию, Азербайджан) и, если останется время, — Туркестан (Самарканд) и Сибирь»[45]. В качестве переводчика он просил приставить к нему Агустина Мансо[46].

1965: «не перепутали ли меня с Арагоном и Альберти»

Советская сторона по мере возможностей учла пожелания гостя. Согласно отчету переводчика, с 3 июля по 6 августа 1965 г. Гойтисоло с семьей посетил Москву, Ясную Поляну, Владимир, Суздаль, Ленинград, Ташкент, Самарканд, Бухару, а также провел неделю в Доме творчества Литфонда в Ялте. В Москве он вновь встретился с Сурковым, Брейтбурдом и другими сотрудниками Иностранной комиссии, побывал в редакциях «Нового мира», «Иностранной литературы», «Литературной газеты», «Литературной России»[47], «За рубежом» и издательства «Прогресс»[48].

---

[43] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 257. Л. 16.

[44] Это был гонорар за издание: *Гойтисоло Х.* Ловкость рук. Прибой. Цирк. Остров. М.: Прогресс, 1964. 621 с., на сумму около 1000 руб. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2063. Л. 13). Гойтисоло побывал в редакции «Прогресса» 6 июля 1965 г. и лично благодарил директора издательства И.К. Замчевского «за хорошее издание <…>, а также за выплаченный гонорар за эту книгу» (ГА РФ. Ф. Р-9590. Оп. 1. Д. 657. Л. 44).

[45] Письмо Х. Гойтисоло А. Суркову, Париж, 19 марта 1965. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2064. Л. 1.

[46] Письмо Х. Гойтисоло А. Суркову, Сен-Тропе, 25 апреля 1965. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2064. Л. 5.

[47] Посещение «Литературной России» состоялось 3 августа, см.: Хуан Гойтисоло — гость «Литературной России» // Литературная Россия. 1965. № 32, 6 августа. С. 22.

[48] Отчет консультанта по испанской литературе Иностранной комиссии Видаса Силюнаса о работе с испанским писателем Хуаном Гойтисоло. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2063. Л. 1. В отчете не упоминаются Владимир, Суздаль и Ясная Поляна. О поездке во Владимир и Суздаль, где он случайно стал очевидцем съемок фильма А. Тарковского

Сопровождавшим его переводчиком стал молодой сотрудник Иностранной комиссии Видас Силюнас (р. 1938)[49]. Ему приходилось беседовать по поводу Гойтисоло с референтом международного отдела ЦК КПСС по Испании[50]. Он хорошо осознавал, что написанный им отчет будет внимательно изучен «наверху», поэтому сосредоточился на том, что составляло интерес руководства. Поскольку ЦК КПСС интересовало сближение с Испанией — вопреки позиции КПИ, — Силюнас преподнес Гойтисоло как человека, который «целиком и полностью придерживается учения марксизма-ленинизма», но не вступает в испанскую компартию из-за несогласия с ее официальной позицией[51]. Если верить отчету, писатель считал, что Советскому Союзу необходимо в ближайшее время установить дипломатические отношения с Испанией, признавая при этом не Франко, но испанский народ. Руководители КПИ, объяснял Гойтисоло, «уже двадцать пять лет не живут в стране, не знают нового реального положения вещей и мыслят категориями 1939 г., ставшими ложными в 1965 г.», после XX съезда они так и «не освободились от догматизма», и поэтому полагаться на их мнение нельзя[52].

Переходя к вопросам литературы, Силюнас перечислил несколько уже известных и новых многообещающих имен, названных гостем[53], а также передал его совет пригласить в СССР критика Жозепа Марию Кастельета и издателя Карлоса Баррала.

В остальном переводчик был уклончив, «чтобы не подвести гостя и себя»[54]. О подробностях поездки мы гораздо больше узнаем из воспоминаний писателя. Путевые заметки замышлялись им еще в конце 1960-х, но написаны лишь двадцать лет спустя на основе дневниковых записей, потому что Гойтисоло опасался, что франкистский режим воспользуется его критикой в целях антикоммунистической пропаганды [14, p. 467][55].

«Андрей Рублев», писатель сообщает в воспоминаниях [14, p. 443–444]. Посещение усадьбы Льва Толстого он упоминает в интервью «Литературной газете» («Три дня… и три года». Запись М. Злобиной // Литературная газета. 1965. № 99, 21 августа. С. 4).

[49] Видмантас Юргевич Силюнас (р. 1938) — доктор искусствоведения, крупнейший специалист по испанскому театру, в 1965 г. был аспирантом ГИТИСа.

[50] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2063. Л. 13.

[51] Там же. Л. 4. В целом характеристика Силюнаса соответствовала истине.

[52] Там же. Л. 2. История показала, что отношения с франкистской Испанией становились тем лучше, чем меньше Москва оглядывалась на КПИ, см.: [7, с. 1864–1865].

[53] Среди современников Гойтисоло, согласно Силюнасу, особенно выделил Ану Марию Матуте, Луиса Мартина-Сантоса, Рафаэля Санчеса Ферлосио, Кармен Мартин Гайте и своего брата Луиса Гойтисоло (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2063. Л. 6).

[54] Беседа с В.Ю. Силюнасом 26 апреля 2021 г. (Личный архив К. Буйновой).

[55] На русский язык мемуары переведены не были, если не считать небольшой фрагмент, вошедший в сборник *Гойтисоло Х.* Печаль в раю. Возмездие графа дона Хулиана. Хуан Безземельный. Макбара. Эссе. Воспоминания. М.: Радуга, 1988.

Писатель вспоминает о советском опыте с симпатией и юмором. Предваряя свой рассказ, он говорит, что ехал

> …в страну будущего: в этот бастион научного социализма, колыбель славной Октябрьской революции, надежду и прибежище эксплуатируемых, в устрашающий, восхищающий и ненавидимый СССР, объект недолговечных наваждений юности и не менее скоротечных привязанностей зрелости, в Москву, одно упоминание которой заставляло моего отца вздрагивать и которую <…> я наконец готовился посетить и изучить без всяких шор [14, p. 433].

Накануне поездки у испанца были опасения, что он станет «жертвой пышного приема». Его предчувствия оправдались. Его с женой и дочерью поселили в гостинице «Советская», «предназначавшейся, как я узнал позже, для избранных гостей» [14, p. 434]. Во Владимире их встречали всем отделением Союза писателей, и принесли каждому гостю по букету: «свой я отдал Видасу и спросил, не перепутали ли меня с Арагоном и Альберти» [14, p. 443]. Переводчик всеми силами спасал Гойтисоло от бесконечных официальных встреч, но приходилось смириться с неизбежным: «я первый испанский писатель, не считая Альберти, который посетил эту страну, и к нам неизбежно проявляют естественное и дружелюбное любопытство» [14, p. 453]. В целом писатель с теплотой и благодарностью вспоминал старания сотрудников Иностранной комиссии сделать их пребывание в СССР приятным.

Гости настояли на культурно-исторической программе в ущерб посещениям колхозов и заводов. В итоге они остались в восторге, хотя им показалось парадоксальным, что нигде в мире им не приходилось видеть столько религиозного искусства и архитектуры, как на родине научного атеизма [14, p. 434]. В Москве программа Гойтисоло делилась на официальные встречи и дружеские посиделки. Организацией первых занималась Иностранная комиссия Союза писателей. Писатель посетил своих издателей и собрал гонорары, которые оценил как весьма солидные [14, p. 434]. «В первый и, возможно, единственный раз в жизни у меня было достаточно денег, чтобы баловать компанию друзей застольем, и <…> я наслаждался возможностью вести себя как миллионер» [14, p. 438][56].

[56] «Пиры» в ресторанах вспоминает и Дионисио Гарсиа, правда, щедрость испанского друга он объясняет тем, что тот был «богат, да еще и благороден по характеру» (*Гарсиа Д.* Воспоминания. С. 371).

Гойтисоло в «Новом мире»

У личной встречи Гойтисоло с редакцией «Нового мира» была своя предыстория. Когда в 1963 г. Главлит запретил А. Твардовскому публиковать «Чуму» А. Камю, ее заменили «более прогрессивным произведением испанского автора Гойтисоло “Чанка”»[57]. «Чанка» стала одной из трех вещей испанца, опубликованных в журнале до конца 1960-х гг.[58] Кроме того, «Новый мир» охотно публиковал рецензии на другие его произведения[59]. В приезд 1965 г. Гойтисоло посетил журнал дважды: 9 июля и 6 августа[60]. В первый раз он не застал, как надеялся, Твардовского, но произвел приятное впечатление на редакцию:

> Умен и хорош. Говорил об испанской литературе, проповедовал нам поэта Сернуду. Хорошо отзывался о Солженицыне, о журнале. Приятны его спокойная серьезность, сдержанность и внимание к собеседнику. Спор о Бабеле и Солженицыне. Мне показалось, что Бабеля и литературу 20-х годов он ставит слишком высоко. К тому же думает, что Солженицын и Аксенов стоят в одном ряду[61].

Список других советских любимцев испанского гостя — Блок, Есенин, Ахматова, Мандельштам — вызвал у новомирцев понимающую улыбку [14, p. 437].

Второй раз Гойтисоло пришел ради встречи с Твардовским. Он знал, что главный редактор «Нового мира» — «первый и единственный издатель Солженицына», и что, хоть он и был частью советской номенклатуры, «выделялся среди равных себе духом независимости и удивительной открытостью мысли» [14, p. 435]. Их симпатия стала взаимной. В дневнике Твардовского о Гойтисоло осталась такая заметка:

---

[57] *Лакшин В.* «Новый мир» во времена Хрущева. Дневник и попутное (1953–1964). С. 123, 127. «Чуму» запрещали в течение ряда лет, Твардовскому так и не удалось опубликовать ее в своем журнале.

[58] *Гойтисоло Х.* Земли Нихара / пер. А. Макарова и Н. Трауберг // Новый мир. 1962. № 7. С. 40–81; *Гойтисоло Х.* Чанка / пер. А. Макарова // Новый мир. 1963. № 4. С. 119–154; *Гойтисоло Х.* Народ в походе / пер. А. Макарова // Новый мир. 1964. № 2. С. 102–139.

[59] *Зернова Р.* Смерть надежды (Хуан Гойтисоло. Печаль в Раю. Перевод с испанского Н. Трауберг) // Новый мир. 1962. № 10. С. 251–253; *Злобина М.* Искания и открытия Гойтисоло (Хуан Гойтисоло. Ловкость рук. Прибой. Цирк. Остров. Романы. Перевод с испанского) // Новый мир. 1965. № 1. С. 268–272; *Зонина Л.* Особые приметы (Хуан Гойтисоло, Особые приметы. Роман. Перевод с испанского Л. Синявской и П. Глазовой) // Новый мир. 1968. № 1. С. 252–255.

[60] Даты восстановлены по дневникам А. Твардовского и В. Лакшина: *Твардовский А.Т.* Новомирский дневник. Т. 1: 1961–1966. С. 373; *Лакшин В.* Солженицын и колесо истории. М.: Вече-Азъ, 2008. С. 297–298.

[61] *Лакшин В.* Солженицын и колесо истории. С. 297–298.

> Умный, милый, красивый. Замечательно было услышать от него… о чем мы в узком кругу договаривались по переводам — о Неруде[62]. <…> Он начал с того, что, мол, хоть и не знает русского, но в курсе дел «НМ», его трудностей и считает их своими трудностями <…> Г. Бёлль, побывавший на неделях, показался мне менее интересным[63].

Покидая редакцию, Гойтисоло пообещал, что передаст свой следующий роман для печати именно в «Новый мир» (это намерение не реализовалось)[64]. Новомирцы стали для него отрадным контрастом на общем фоне советских издателей и литературных функционеров:

> За рамками мировой классики литературные вкусы принимавших меня людей представляли собой смесь невероятного невежества, косного догматизма и самодовольной, безнадежной посредственности. Никто или почти никто из современных писателей, которыми я восхищался, не заслуживал их одобрения: ни Пруст, ни Джойс, ни Кафка, ни Свево, ни Борхес не были изданы на русском языке и не находились в процессе перевода [14, p. 435–436].

В одной из редакций гость спросил, почему в Советском Союзе не опубликуют «Время тишины» Луиса Мартина-Сантоса — по общему признанию, один из лучших послевоенных испанских романов. Ответ собеседницы его «потряс»: роман не опубликуют, потому что он очень сложный, и советский читатель его не поймет [14, p. 436][65]. «Это абсолютно патерналистский подход, — объяснит он в позднем интервью, — если не публиковать такие произведения, то советский читатель никогда их не поймет, ни в двухтысячном, ни в две тысячи пятисотом году»[66].

---

[62] Оба разделяли мнение, что творчество Неруды неровное по качеству, а личность его у обоих вызывала раздражение. Твардовский обвинял чилийского поэта в том, что тот добровольно защищал сталинизм на международной арене, зная о репрессиях. «Договоренностью» было решение не публиковать Неруду в «Новом мире» [14, p. 435]. Действительно, за все время, что Твардовский был главным редактором «Нового мира», имя Неруды упоминалось в журнале лишь раз: в воспоминаниях Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь».

[63] *Твардовский А.Т.* Новомирский дневник. Т. 1: 1961–1966. С. 373.

[64] Об этом обещании напоминал Гойтисоло Видас Силюнас в письме от 27 августа 1966 г. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Ед. хр. 78. Л. 30). Тем не менее «Особые приметы» вышли в журнале «Иностранная литература».

[65] Три года спустя в Москве побывал друг Гойтисоло, перуанский писатель Марио Варгас Льоса, который тоже удивился, что решения за советских читателей принимает редакция. Так, ему сказали, что удаленные из его книги эпизоды «могли бы оскорбить советских читателей» [1, с. 76; 9, p. 66].

[66] Из интервью Гойтисоло 1974 г.: *Jiménez M.* Encuentro con Juan Goytisolo. *Letras*. 1979, Vol. 3, N. 3. P. 51–60. P. 55.

Разочарование от общения с официальным миром советской литературы компенсировали дружеские посиделки с «испанскими детьми». Он несколько раз встречался с Агустином Мансо, Дионисио Гарсией и Анхелем Гутьерресом (1932–2024). Гутьеррес был театральным режиссером, а Гарсиа — переводчиком и реставратором икон[67]. Сверстники и в определенном смысле соотечественники, они познакомили Гойтисоло с другими советскими реалиями, например, с бытовыми условиями (Дионисио приглашал их к себе в коммуналку) и с особенностями сексуальной жизни советского человека [14, p. 450]. Эта же тема чуть не стала причиной опоздания гостей на самолет [14, p. 449–450][68].

Другим исключением в смысле интересного общения были советские переводчики. В редакции «Литературной газеты» Гойтисоло говорил с Майей Злобиной[69], в «Иностранной литературе» — с уже знакомой ему по парижским встречам Татьяной Кудрявцевой[70]. В прогулках по Ленинграду семью сопровождали Давид Прицкер и Руфь Зернова[71]. За месяц Гойтисоло дважды пересекся с Лениной Зониной, сопровождавшей Жана-Поля Сартра и Симону де Бовуар[72]. В Доме творчестве Литфонда он мгновенно выделил среди массы

[67] Все трое оставили воспоминания, но встречи с Гойтисоло упоминают только Мансо и Гарсиа: <Memorias de Agustín Argüelles Manso>; *Гарсиа Д.* Воспоминания. Жизнь испанца в России. Нижний Новгород: «Вертикаль. XXI век», 2012. С. 367–368.

[68] Именно этим сюжетом — из-за пережитого стресса и комедийности положения — визит Гойтисоло больше всего запомнился переводчику. Беседа с В.Ю. Силюнасом 26 апреля 2021 г.(Личный архив К. Буйновой).

[69] «Три дня… и три года» Запись М. Злобиной. С. 4. Майя Лазаревна Злобина (р. 1930) — литературный критик, сотрудница «Нового мира», перевела на русский язык некоторые произведения Альбера Камю. С конца 1960-х гг. активистка самиздата.

[70] Хуан Гойтисоло в «Иностранной литературе». Запись Т. Кудрявцевой // Иностранная литература. 1966. № 5. С. 254–255. Татьяна Алексеевна Кудрявцева (1920–2013) — переводчик с английского и французского языков, работала «устником» в высших органах советской власти, часто выезжала за границу как переводчик ЮНЕСКО; перевела произведения Д. Лондона, Д. Голсуорси, Д. Апдайка, Г. Грина и многих других. Гойтисоло познакомил Кудрявцеву с Карлосом Фуэнтесом, Луисом Бунюэлем, Катрин Денёв и другими своими друзьями. О знакомстве с Хуаном Гойтисоло она рассказала в книге воспоминаний: *Кудрявцева Т.А.* Превратности одной судьбы. С. 47–52. По просьбе Кудрявцевой Гойтисоло написал для «Иностранной литературы» статью о дружбе с Эрнестом Хемингуэем, которого он сопровождал в Испании и знакомил с корридой (*Гойтисоло Х.* Встречаясь с Хемингуэем / пер. М. Былинкиной // Иностранная литература. 1966. № 1. С. 251–253).

[71] Давид Петрович Прицкер (1917–1997) — историк, специалист по Испании периода республики и гражданской войны. Руфь Александровна Зернова (1918–2004) — писательница и переводчик; прошла через лагерь; в 1976 г. эмигрировала в Израиль. Прицкер и Зернова участвовали в гражданской войне в Испании в качестве военных переводчиков. Оба они, пишет Гойтисоло, проявили «необычную <…> непосредственность и теплоту, и мы сразу же ощутили прилив взаимной симпатии» [14, p. 446].

[72] Ленина Александровна Зонина (1922–1985) — литературный критик, личный секретарь Ильи Эренбурга, переводчик, друг Жан-Поля Сартра, Симоны де Бовуар, Луи Арагона, Эльзы Триоле. В 1966 г. подписала письмо в защиту А. Синявского и Ю. Даниэля, после чего на много лет стала «невыездной» (*Копелев Л., Орлова Р.* Мы жили в Москве. 1956–1980. М.: Книга, 1990. С. 416).

отдыхающих переводчика Николая Любимова[73]. Там же, в Крыму, он с удовольствием обсуждал мировую и советскую литературу с Николаем Томашевским[74]. Каждый из них был по-своему исключительной личностью, обладавшей «непосредственностью, откровенностью и характером, который тысячекратно отличается от сдержанности и официальности большинства его коллег» [14, p. 463][75], а взгляды и последующая судьба почти каждого из них дали писателю основание говорить о своей солидарности с «зарождающимся советским диссидентством» [14, p. 467].

Характерен и список писателей, с которыми испанец хотел встретиться в СССР: А. Ахматова, В. Некрасов, Ю. Казаков, В. Аксенов, Е. Евтушенко[76]. Из всех перечисленных в эту поездку ему удалось увидеться лишь с последним. К Ахматовой его не пустили под предлогом недомогания поэтессы после заграничной поездки [14, p. 449][77]. Некрасова, с которым они подружились в 1962 г. во Флоренции, вопреки ожиданиям не оказалось в Ялте. Правда, Гойтисоло был не первым иностранцем, для которого Некрасова «не оказалось» в городе. Весьма вероятно, что на самом деле их встреча не состоялась, потому что Некрасов «впал в немилость, <…> пьет и пишет “непубликабельные” вещи» [14, p. 458][78].

Испанские гости скоро узнали, что «нежелательными» для их глаз и ушей могут быть не только некоторые личности, но и города. Соскучившись в «стерильной резиденции» писателей в Ялте, писатель с семьей попытался попасть в Севастополь:

---

[73] Николай Михайлович Любимов (1912–1992) — переводчик произведений Джованни Бокаччо, Мигеля де Сервантеса, Марселя Пруста, Франсуа Рабле, Мольера и других классиков. Переводчик «Дон Кихота» вежливо уклонился от общения с испанцем. Гойтисоло решил, что Любимов опасался общаться с иностранцами как жертва репрессий 1930-х гг.; вероятнее всего, дело было в том, что он уже много лет не практиковал устную французскую и испанскую речь и очень стеснялся. Зато испанская семья подружилась с детьми Любимова, особенно с Борисом. (Беседа с Б.Н. Любимовым 14 мая 2025 г. (Личный архив К. Буйновой)). Борис Николаевич Любимов (р. 1947) — театровед и театральный критик, ректор Высшего театрального училища имени М.С. Щепкина.

[74] Николай Борисович Томашевский (1924–1993) — переводчик с испанского и итальянского языков, литературный критик, преподаватель; перевел на русский язык произведения Лопе де Веги, Педро Кальдерона, Мигеля Унамуно, Никколо Макиавелли и других.

[75] Это определение Гойтисоло дал Николаю Томашевскому, но, судя по контексту, оно применимо ко многим его советским знакомым.

[76] Казакова, Аксенова и Евтушенко — «молодых советских писателей, которых знаю и люблю» — Гойтисоло называет в переписке с Сурковым. (Письмо А. Суркову, Париж, 19 марта 1965. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2064. Л. 1).

[77] В июне 1965 г. Ахматова ездила в Великобританию на вручение диплома почетного доктора Оксфордского университета. Через месяц посетить Ахматову в Комарово разрешили Мигелю Отеро Сильве, условившись, что он не будет рассказывать об этой встрече публично, см.: [2].

[78] В 1963 г. во встрече с Некрасовым несколько раз отказывали Стейнбеку, ссылаясь в том числе на то, что писатель болен или не в городе, см.: [4, с. 196].

> Аэропорты, гостиницы, офисы «Интуриста» — все они пестрят броскими агитационными плакатами с настойчивым приглашением посетить Севастополь, *la ville héroïque*. <…> [Видас] возвращается из «Интуриста» с угрюмым выражением лица: движение между Ялтой и Севастополем временно прекращено из-за ремонтных работ на одном из участков дороги, и пока мы не можем туда поехать. Слегка недоумевая, мы обсуждаем другие планы поездки, когда, взглянув на карту Крыма, я понимаю, что еще одна дорога связывает эти два города <...> Я сообщаю об этом открытии Видасу и сопровождаю его в офис «Интуриста». Несколько минут он беседует с агентом, а затем возвращается потрясенный: объездная дорога тоже отрезана. Тогда мы поедем на катере, — говорю я <…> Еще один резкий, вполголоса, разговор с сотрудницей: работа катеров приостановлена! Взбудораженный невероятным нагромождением препятствий, я прошу Видаса прямо спросить, какого черта она не хочет, чтобы мы ехали в Севастополь. Наш друг переводит мои слова, но вместо ответа агент надменно складывает руки на груди, красноречиво выражая гнев и неодобрение [14, p. 462].

Вернувшись в Москву, Гойтисоло не упустил возможность поделиться этим кафкианским сюжетом с экзистенциалистом Сартром и выяснил, к вящему восторгу обоих, что с французом произошла точно такая же история в прошлый его приезд в СССР. Вместе они предположили, что в Севастополе готовится секретная отправка оружия на Кубу. Двадцать лет спустя «*this “I never got to Sebastopol”* по-прежнему остается <…> одной из загадок того путешествия, которую, боюсь, мне никогда не удастся разгадать» [14, p. 462–463][79].

Несмотря на этот и некоторые другие неприятные сюрпризы, впечатления писателя от первой поездки в СССР были скорее положительными:

> Советский Союз — эталон для одних и жупел для других писателей — не вызвал у нас восторга, но и не привел в ужас. Во время нашего пребывания было место озарениям, душевности, а порой и чувству солидарности. Во всяком случае, возможность заглянуть в общество будущего привила нам здоровый скептицизм

[79] Разумеется, дороги между Ялтой и Севастополем не были перекрыты. Ограничения на въезд в город иностранцев были связаны с тем, что Севастополь был главной базой Черноморского военно-морского флота. За годы холодной войны отделение «Интуриста» в Севастополе функционировало лишь в 1961–1964 гг. [6, с. 227].

> в отношении государственного планирования счастья и, возможно, невзначай, обострила наше чувство юмора [14, p. 466].

Вернувшись в Париж, Гойтисоло написал письмо консультанту Иностранной комиссии по литературе Испании и Латинской Америки Нине Булгаковой. В нем он благодарил Союз писателей за прием и с энтузиазмом говорил о новом визите: «…ловлю вас на слове (и даже были свидетели, когда вы нас пригласили!!)»[80]. Он также обещал оказать прием советским друзьям в Париже.

1966: новое путешествие на Луну

Новая возможность «побывать на Луне», как Гойтисоло называет СССР в воспоминаниях о второй поездке, представилась ему уже через год[81].

В 1966 г. в Тбилиси готовились к празднованию 800-летия Шота Руставели. Испанию, кроме эмигрантов Альберти и Леон, должны были представлять Хуан Гойтисоло, Хесус Лопес Пачеко, Карлос Баррал и Жозеп Мария Кастельет. В переписке Гойтисоло не обнаруживает никаких сомнений по поводу своего приезда и, более того, выступает посредником в приглашении других испанцев. В частности, он передает просьбу барселонцев Баррала и Кастельета «сохранить в полной тайне их путешествие»[82]. Издатель и критик опасались наказания за посещение СССР со стороны франкистских властей и в конце концов не решились приехать.

Добравшись до Москвы, испанец из Парижа оказался во франкоязычной делегации. Скорее всего, Гойтисоло сам попросил распределить его в группу к французам и Ленине Зониной, а не к Рафаэлю Альберти и Марии Тересе Леон, с которыми у него были натянутые отношения. Поведение Гойтисоло по отношению к именитым супругам в той поездке «несколько омрачило их пребывание». Сопровождавшая Альберти и Леон переводчица, Элла Брагинская, написала в своем отчете:

> Разумеется, что Р. Альберти, более тридцати лет живущий в эмиграции, по самым разным причинам искал контакта с молодыми испанскими писателями Х. Гойтисоло и Х. Лопесом Пачеко.

[80] Письмо Нине Булгаковой, Париж, 17 августа 1965. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2064. Л. 8. Пер. с франц.

[81] См.: *Goytisolo J.* Viaje al Cáucaso en 1966 // [14, p. 503–510].

[82] Письмо Х. Гойтисоло Г. Брейтбурду, Париж, 26 июля 1966. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Ед. хр. 24. Л. 15. Пер. с француз.

> Однако Хуан Гойтисоло и вслед за ним Х. Лопес Пачеко не оказывали особых знаков внимания Р. Альберти и даже в известной мере сторонились его. Р. Альберти говорил мне о том, что ему не по душе поведение Гойтисоло и что Х. Лопес Пачеко, попав под влияние Гойтисоло, невольно держится с особой настороженностью[83].

Дело, конечно, было не в разнице возрасте и не в эмиграции. Автор «Особых примет» уважал Альберти как поэта, но причислял его к тем западным интеллектуалам, которые были «прямыми свидетелями суровой правды о советской системе» предыдущей эпохи. Зная «о ссылках, убийствах и жестокой травле своих товарищей-писателей, они молчали, а то и аплодировали фарсу судебных процессов и продолжали свои революционные туристические поездки, наслаждаясь привилегиями, недоступными простым людям» [14, p. 391].

Обществу скомпрометированных, с его точки зрения, старших испанцев Гойтисоло предпочитал своих друзей Агустина, Анхеля и Дионисио. Он провел с ними первые два дня в Москве, а кроме того побывал в редакции «Иностранной литературы»[84] и сходил в ресторан в компании поэтов-шестидесятников[85]. Затем отправился в Тбилиси вместе с Зониной, Лопесом Пачеко, Василием Аксеновым, Константином Симоновым и Евгением Евтушенко [14, p. 504]. Отчета переводчика об этом визите не сохранилось, поэтому полагаться приходится в основном на воспоминания Гойтисоло. В этой поездке он не вел дневниковых записей и двадцать лет спустя описал лишь самые яркие впечатления. Среди них — чувство неловкости при виде женщин, вручную кладущих асфальт под палящим солнцем среди удушающих паров, бесплодные попытки иностранных гостей обсудить дело Синявского и Даниэля, экскурсия в Гори, а также грузинские застольные традиции, оказавшиеся опасными для здоровья иностранцев[86]. Выдержавший испытание грузинским гостеприим-

[83] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Ед. хр. 77. Л. 4.

[84] Несколько месяцев спустя «Иностранная литература» опубликовала беседу с Гойтисоло и Лопесом Пачеко: «Может быть, нет в Испании воздуха?». Хесус Лопес Пачеко и Хуан Гойтисоло в «Иностранной литературе». Запись М. Канторовича // Иностранная литература. 1967. № 7. С. 260–262.

[85] Встречу в ресторане «для свободного собеседования» устроил Евгений Евтушенко, присутствовала также Белла Ахмадулина. Переводчиком Гойтисоло в этот вечер был Дионисио Гарсиа (*Гарсиа Д.* Воспоминания. С. 367). Гарсиа также вспоминает, как они вместе с писателем ходили к артистам Е. Урбанскому, О. Бган, А. Филозову, Т. Лавровой и другим (Там же. С. 371).

[86] Гойтисоло рассказывает, что после поездки в Грузию Лопес Пачеко довольно долго лежал в больнице из-за проблем с печенью [14, p. 508]. В письме в Советский Союз сам Лопес Пачеко назвал свое недомогание «гастро-грузитисом» (gastro-georgitis) (Письмо в редакцию «Иностранной литературы», Прага, 18 октября 1966. РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 5.

ством, Гойтисоло все же убедился на личном опыте, «как сложно избежать алкоголизма, царящего в [советских] интеллектуальных кругах». После вечера, проведенного в Москве в компании писателя Константина Симонова и режиссера Романа Кармена, он добрался до гостиницы только благодаря помощи Зониной [14, p. 509].

В 1967 г. Гойтисоло отправил на каникулы в СССР свою 15-летнюю падчерицу[87]. Кароль Ашаш приехала одна и провела несколько недель в гостях у Татьяны Кудрявцевой, учила русский язык со своим ялтинским знакомым — Борисом Любимовым, общалась с его отцом, ездила в Киев[88]. Ее поездка стала последним непосредственным контактом семьи Хуана Гойтисоло с Советским Союзом.

1968: точка невозврата

В воспоминаниях Гойтисоло пытается представить свою связь с СССР ослабевшей еще перед поездкой 1966 г. Он утверждает, что решение приехать далось ему нелегко, и называет среди причин «советизацию революционного процесса на Кубе, арест писателей Даниэля и Синявского, внезапный крах надежд на постепенную оттепель в культуре» [14, p. 467]. На первый взгляд кажется, что эти аргументы с их точными формулировками (советизация, оттепель) — результат осмысления много лет спустя. Тем не менее, с каждым из этих процессов Гойтисоло связывает личный опыт. В июле 1967 г. он в третий (и последний) раз едет на Кубу. Восторг от первого посещения, когда писатель «принял свое восхищение Кубой за восхищение революцией»[89], в значительной степени прошел после поездки середины 1960-х, а новое приближение лишь способствовало разочарованию. В Гаване ему рассказали о революционных трудовых лагерях, куда отправляли всех «неблагонадежных»: диссидентов, гомосексуалистов, маргиналов. Его кубинские друзья, например, Карлос Франки, стали опасаться преследований и уезжать в эмиграцию. Кабреру Инфанте, впавшего в немилость, просили даже не упоминать во время интервью на телевидении (Гойтисоло ослушался: имени он не произнес, но заявил, что одно из лучших

Ед. хр. 659. Л. 22). Грузинское застолье на 800-летии Руставели было испытанием даже для старавшихся не пить на работе переводчиков (Беседа с В.Ю. Силюнасом 26 апреля 2021 г. Личный архив К. Буйновой).

[87] В воспоминаниях писатель ошибочно относит поездку Кароль к августу 1966 г. [14, p. 467], однако в архиве сохранились телеграммы в связи с ее приездом, датированные 1967 г. (Телеграммы Т. Кудрявцевой Х. Гойтисоло, Москва, 3 июля и 23 августа 1967. РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 5. Ед. хр. 715. Л. 133, 134).

[88] Беседа с Б.Н. Любимовым 14 мая 2025 г. (Личный архив К. Буйновой).

[89] Цит. по: [10]

произведений новой кубинской литературы — это «Три грустных тигра»). Для себя испанец сделал вывод, что кубинская революция пошла по советской модели, и ему это не нравилось.

Кроме того, нам удалось найти косвенное подтверждение тому, что судебный приговор А. Синявскому и Ю. Даниэлю заставил Гойтисоло пересмотреть свои отношения с СССР. В начале 1966 г. его падчерица Кароль написала своему советскому другу по переписке Борису очень странное письмо. Она сообщила, что они с матерью и отчимом хотели приехать снова, но не приедут, потому что «друзья другого Бориса больны»[90]. Молодая француженка эзоповым языком сообщала, что причина отказа от поездки — арест и осуждение («болезнь») автора статьи о Пастернаке (Синявского) и его товарища (Даниэля)[91].

В итоге, как мы знаем, полгода спустя Гойтисоло все-таки приехал:

> Сначала я думал вежливо отказаться от приглашения, но дружеская настойчивость советских друзей и короткая продолжительность поездки вселили в меня сомнения. Справедливо полагая, что этот визит будет последним, если я опубликую, как планировал, своего рода дневник предыдущей поездки, я счел неразумным упускать возможность сопоставить свои впечатления с реальностью, которая их породила [14, p. 467].

Дневник поездки не был опубликован по той же причине, по которой в 1960-е гг. большинство публичных сторонников социализма хранило молчание о неприглядных сторонах советской и кубинской реальности: нежелание своей критикой делать одолжение антикоммунистической пропаганде. Бесспорно при этом, что разочарование в социализме в конце 1960-х гг. было важной тенденцией в среде западных писателей-антиимпериалистов. Они с беспокойством наблюдатели за подчинением культуры и преследованием диссидентов на Кубе и за новой чередой литературно-политических процессов

[90] Беседа с Б.Н. Любимовым 14 мая 2025 г. (Личный архив К. Буйновой).

[91] Еще при жизни Пастернака Андрей Синявский написал большую статью о его поэзии и получил от поэта письмо с благодарностью и похвалой (впоследствии это письмо было опубликовано: *Гинзбург А.* Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1967. С. 144–145). Развернутое предисловие Синявского к тому Пастернака в престижной серии «Библиотека поэта» чудом увидело свет: книга была подписана в печать 25 мая 1965 г., за несколько месяцев до ареста Синявского.

в Советском Союзе. Они еще не были готовы ни обличать преступления «дружественных» режимов, ни порвать с ними отношения[92].

Точкой невозврата стал 1968 г. Сначала левую западную интеллигенцию потряс ввод советских войск в Чехословакию, потом одобрение действий Советского Союза со стороны Фиделя Кастро и, наконец, травля поэта Эберто Падильи, которую начал кубинский режим[93]. Молодые западные интеллектуалы — сторонники социализма — увидели, насколько они близки к тому, чтобы последовать по «грустному пути Барбюса, Ромена Роллана, Элюара, Арагона, Альберти и Неруды», если они продолжат хвататься за «причины для жалких упражнений в немоте и глухоте: не подрывать боевой дух товарищей, не давать оружие врагу и т. д. — те же, что и раньше» [14, p. 391–392].

Гойтисоло подписал коллективный протест против подавления Пражской весны, который испанские и латиноамериканские авторы направили в Союз писателей СССР. В нем они упрекали Советский Союз в действиях, «противоречащих принципам международной морали и праву народов на самоопределение, <…> укрепляющих американские позиции во Вьетнаме, разрушающих надежды на подлинно демократический социализм и сеющих раскол в лагере прогрессивных сил». Письмо было опубликовано в «Le Monde»[94].

Учитывая масштаб международного возмущения, в Москве всерьез опасались «ущерба для престижа советской литературы» из-за разрыва отношений с западными писателями[95]. В Иностранной комиссии решили вести с такими писателями «дружескую принци-

[92] О схожих чувствах, «разрывавших на части» Варгаса Льосу, Габриэля Гарсию Маркеса и других, см.: [1, с. 78–85; 9, p. 68–69].

[93] Поэт Эберто Падилья (1932–2000) критиковал правительство Фиделя Кастро за вмешательство в культурную жизнь страны. В 1968 г. он подвергся публичной травле. Хуан Гойтисоло стал одним из подписантов протестной телеграммы против преследования Падильи и в защиту интеллектуальной свободы на острове (*Cortázar J*., *Fuentes C*., *García Márquez G*., *Vargas Llosa M*. Las cartas del Boom / ed. Carlos Aguirre, Gerald Martin, Javier Munguía and Augusto Wong Campos. Barcelona: Alfaguara, 2023. P. 506). — В 1971 г. Падилья был заключен в тюрьму за «контрреволюционную» деятельность, затем освобожден на условиях публичного «покаяния» в «преступлениях». Гойтисоло вместе с Хулио Кортасаром стал автором первого коллективного письма Фиделю Кастро с протестом против дела Падильи (De nombreuses personnalités s’émeuvent de l’arrestation du poète cubain Heberto Padilla // Le Monde. 1971, 9 avril). Он присоединился также ко второму письму, гораздо более категоричному и по сути означавшему разрыв с кубинской революцией (La lettre des intellectuels à M. Fidel Castro // Le Monde. 1971, 22 mai). Подробнее о подготовке и последствиях публикации этих писем см. [13].

[94] Une protestation d’intellectuels espagnols et latino-américains de Paris // Le Monde. 1968, 26 août. Нам не удалось найти оригинал, отправленный в Москву, но в Союзе писателей его получили: консультант Нина Булгакова ссылалась на него в письме Марио Варгасу Льосе [1, с. 79, 192–193; 9, p. 69].

[95] Отчет о международных связях СП СССР с зарубежными странами за 1968 г. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Ед. хр. 460. Л. 16.

пиальную полемику, с глубоким разбором ошибочности некоторых <…> взглядов и позиций»[96]. По этому пути пошли отношения между Москвой и братом Хуана, Хосе Агустином (все трое братьев подписали письмо). Союз писателей смирился бы и с протестом Хуана, списав его на эффект «разнузданной клеветнической кампании против СССР»[97]. Однако Хуан Гойтисоло не ограничился подписанием протеста.

Осенью он поехал в Прагу в качестве корреспондента, получив приглашение от Союза писателей ЧССР [14, p. 467]. Его репортаж вышел в мексиканском «Siempre!» и французском «Les Temps Modernes»[98]. Описывая ситуацию в стране спустя два месяца после событий, он сравнивает советские действия с американской операцией в бухте Кочинос 1961 г.[99]: «вместо того чтобы встретить их поцелуями и цветами», местное население в обоих случаях «заставило “спасителей” направить против них ту силу, которая официально предназначалась для их защиты». Бесполезно скрывать правду, убеждает Гойтисоло: «все население Чехословакии знает, что советская интервенция была направлена не против мнимых антисоциалистических сил, а против компартии Чехословакии и ее законных руководителей»[100]. Интересно, что несмотря ни на что репортаж защищает социализм как социальную модель и отстаивает право народа выбрать собственный путь к социализму. «Если мир разделен на два блока и каждая супердержава имеет право диктовать закон всей сфере влияния, на практике это означает невозможность революции на Западе и обновления социализма на Востоке»[101].

Репортаж Гойтисоло в мексиканском «Siempre!» сопровождался еще одной «коллективкой» испанских и латиноамериканских деятелей культуры: на этот раз в знак солидарности с чехословацким народом[102].

---

[96] Там же. Л. 11.

[97] Там же. Л. 2.

[98] *Goytisolo J.* Praga 1968 // La cultura de México (Suplemento de Siempre!). 1968, 27 de noviembre. P. 1–5. *Goytisolo J.* Prague, octobre 1968 // Les Temps Modernes. 1968, Déc.

[99] Операция в бухте Кочинос, или высадка в заливе Свиней — военная интервенция, проведенная в апреля 1961 г. с целью свержения революционного режима Фиделя Кастро. Кубинские войска отразили нападение.

[100] *Goytisolo J.* Praga 1968. P. 2–3.

[101] Ibid. P. 5.

[102] «Учитывая, что факты убедительно доказали ложность якобы имевшей место контрреволюции, призванной оправдать военную агрессию 21 августа, мы отдаем должное мужеству, хладнокровию и стойкости чехословацкого народа и руководства» (<Коллективное письмо испанских и латиноамериканских деятелей культуры> // La cultura de México (Suplemento de Siempre!). 1968, 27 de noviembre. P. 5). Среди подписантов-испанцев были все три брата Гойтисоло, а также Жозеп Мария Кастельет, Карлос Баррал, Хесус Лопес Пачеко, Ана Мария Матуте и другие хорошо знакомые Союзу писателей СССР имена.

«Формалистический, непристойный, декадентский и буржуазный»

Прямого взаимодействия с советскими институтами Гойтисоло больше не предпринимал[103]. Вероятно, в какой-то момент он запретил публикацию своих произведений, потому что новинки от Гойтисоло не выходили в Советском Союзе больше двадцати лет[104]. Их отсутствие нельзя объяснить запретом (гласным или негласным) в самом СССР, иначе в 1976 г. не были бы переизданы в книжном формате (после журнального 1967 г.) «Особые приметы»[105].

Цензура в советских изданиях Хуана Гойтисоло заслуживает отдельного внимания исследователя. Дело в том, что Гойтисоло — очень проблемный автор с точки зрения советской пуританской эстетики. В его романах много сексуальных сцен, обсценной лексики и гомосексуалистских сюжетов, которые в равной степени раздражали испанскую цензуру. В одном только 170-страничном романе «La isla» франкистский цензор выбросил 169 абзацев и в конце концов запретил к печати эту «похабщину» [20, p. 102]. Тем не менее «Остров» вышел в СССР в составе сборника в 1964 г. В нем были вырезаны те же «непристойности», которые возмутили испанских цензоров, но оставлена критика военных и церкви. Подготовка перевода должна была стоить большого труда всей редакции. Весьма вероятно, что и Главлит не одобрил бы этот текст, не будь он запрещен режимом Франко. Будучи опубликованным в СССР, он становился инструментом пропаганды.

Гойтисоло должен был понимать, что за интересом к его труду в Советском Союзе стояли и политические цели. До тех пор, пока они заключались в противостоянии франкизму, Гойтисоло их разделял. В тот момент, когда выход его романов на русском языке мог быть использован как поддержка политики СССР, в частности, в отношении Чехословакии, он запретил Москве переводить свои произведения.

О том, что в советских изданиях его романов делались купюры, Гойтисоло знал. Важно, что по крайней мере в одном случае он их санкционировал. В 1961 г. писателю пришло письмо от Георгия

[103] Тем не менее он сохранил контакты с Видасом Силюнасом, Агустином Мансо, Татьяной Кудрявцевой и другими московскими знакомыми, а Кароль Ашаш много лет поддерживала переписку с Борисом Любимовым. Беседа с Б.Н. Любимовым 14 мая 2025 г. (Личный архив К. Буйновой).

[104] «Особые приметы» были опубликованы в «Иностранной литературе» в 1967 г. Новые произведения Гойтисоло, написанные в 1970–1980-х гг., впервые вышли в серии «Мастера современной прозы» в 1988 г.

[105] См. Приложение 1.

Степанова, редактора «Печали в раю» — романа об испанских детях в годы гражданской войны. От имени издательства «Художественная литература» Степанов просил разрешения на «небольшие купюры, в частности отдельных сцен боев и вступления франкистских войск в Барселону»[106]. Ответ Гойтисоло был положительным: «Разумеется, Вы можете делать какие угодно купюры»[107].

Заручившись согласием автора, редакция «провела большую работу над рукописью»[108]. В архиве сохранилась подборка из 12 машинописных листов перевода, в которых следовало вырезать те или иные фрагменты[109]. Каждый фрагмент был выделен от руки и помечен буквой «К» на полях. Суммарно выброшенные строчки составили бы примерно 6-7 страниц машинописного текста. Вырезано было в основном то, что рецензент назвал «обходными маневрами», которые советский читатель может «принять за чистую монету»[110]. Например, фрагмент о «беспорядках и анархии, которые царили в лагере республиканцев», радость местных жителей от приезда священника, описание того, как дети обчищали трупы погибших. Редакции показались двусмысленными и потому подлежащими удалению фразы типа «От войны была польза, потому что она помогла нам понять себя и, в какой-то степени, очистила нас. Теперь она не нужна, все мужчины и женщины должны вернуться домой и взяться за работу. Стране нужны молодые, трудолюбивые люди»; «И, кроме того, в такие времена никто не интересуется ближним. Каждый думает о себе»[111]. В целом можно сказать, что цензура в «Печали в раю» носила скорее политический характер.

Другого характера была цензура в романе «Особые приметы». В письме к Силюнасу писатель отозвался о своем новом романе так: «Он формалистический, непристойный, декадентский и буржуазный. По этим причинам я надеюсь, что он будет иметь большой успех в СССР (...dixit)»[112]. Переводом для «Иностранной литера-

[106] Письмо Г. Степанова Х. Гойтисоло, Ленинград, 21 марта 1961. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 9. Ед. хр. 1659. Л. 4.

[107] Письмо Г. Степанову, Париж, 7 апреля 1961. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 9. Ед. хр. 1659. Л. 6. Ответ Гойтисоло сохранился только в копии в переводе на русский язык.

[108] Редакторское заключение по рукописи перевода «Печали в раю». РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 9. Ед. хр. 1659. Л. 22.

[109] РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 9. Ед. хр. 1659. Л. 25–37.

[110] Этим рецензентом был Н. Томашевский. Удалять эти эпизоды он тем не менее не предлагал, утверждая, что все сомнения рассеивает вступительная статья Степанова. (Рецензия Н. Томашевского на предисловие Г. Степанова к роману «Печаль в раю», 1961. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 9. Ед. хр. 1659. Л. 13).

[111] Текст купюр в переводе Н. Трауберг. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 9. Ед. хр. 1659. Л. 25–37.

[112] Письмо В. Силюнасу, Париж, 3 сентября 1966. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Ед. хр. 78. Л. 32–32об. Пер. с испанского.

туры» занялись Людмила Синянская и Перла Глазова. Они жили в разных городах и работали независимо каждая над своей частью. Переводили они с корректурных оттисков мексиканского издания[113], из чего можно сделать предположение, что Гойтисоло отправил текст в СССР прежде, чем вышла готовая книга[114], или даже привез его сам осенью 1966 г.

Купюр в «Особых приметах» было много. Фрагменты, исключенные из второй половины книги, переведенной Глазовой, в перепечатке переводчицы заняли 20 машинописных листов[115]. Синянская купюры отдельно не перепечатывала, а помечала в тексте; судя по машинописи с правкой, в первой части их было не меньше, чем во второй. Удалялись в основном сексуальные сцены и «натурализм». Часть купюр была восстановлена для издания 1976 г.; удаленные фрагменты в текст возвращали сами переводчицы[116]. В книжном издании можно было позволить себе больше, чем в журнале, тем более что цензоры проверяли книги уже перед самым подписанием в печать, а иногда не проверяли вовсе[117].

Нет причин сомневаться в том, что об обширной цензурной правке этого романа Гойтисоло было известно[118]. Закономерно задаться вопросом: почему писатель, которого годами запрещали на родине, вынужденный искать издателей за границей и написавший несколько эссе против франкистской цензуры и цензуры вообще, не возражал против купюр в советских переводах?

Дело в том, что говоря о цензуре в Испании, Гойтисоло говорил о невозможности печататься на испанском языке в родной стране. То есть речь шла не столько о купюрах неудобных мест, сколько о полном запрете произведения. При этом в отличие от ситуации в СССР запрет книги в Испании не означал, что ее нельзя опубликовать в другой стране. Пока в Советском Союзе Борис Пастернак с огромным риском для себя прокладывал дорогу к тамиздату, в Испании запрещенные вещи без серьезных последствий для автора

[113] Письмо П. Глазовой М. Филипповой, Ленинград, 9 сентября 1975. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 5327. Л. 1–2.

[114] Т.е. не ранее конца сентября 1966 г. (Письмо Х. Гойтисоло В. Силюнасу, Париж, 3 сентября 1966. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Ед. хр. 78. Л. 32–32об. Пер. с испанского).

[115] РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 5. Ед. хр. 808. Л. 73–94.

[116] Письмо П. Глазовой М. Филипповой, Ленинград, б.д. [1975]. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 5327. Л. 12.

[117] См. о подобной практике: *Маркиш Ш.* Непрошедшее прошлое. Собр. соч. Budapest: ELTE, 2022. Т. 7: Мастерство перевода. С. 168.

[118] Если текст попал в Москву раньше приезда писателя, то в октябре 1966 г. редакция «Иностранной литературы» должна была ему об этом рассказать. В живом общении наличие купюр от иностранцев не скрывали. Кроме того, к сокращениям текста в журналах писатели относились с бóльшим пониманием из-за ограничений журнала по объему.

передавались на публикацию в другие испаноязычные страны или во Францию[119]. Испанские издатели Гойтисоло сами писали цензорам, уговаривая их не запрещать очередной роман, потому что он все равно выйдет за границей, создаст резонанс из-за запрета в Испании и навредит репутации страны [17, p. 87]. На испанское руководство эти увещевания действовали так же мало, как на советское. Ни одно произведение Гойтисоло не увидело свет в Испании с 1958-го по 1975 г.

На этом фоне желание советской печати сделать купюры в тексте, который они принципиально одобряют, не вызывало у Гойтисоло неприятия. Кроме того, речь шла о переводе, а не о том, что изменениям подвергнется непосредственно написанный им текст.

Интересно, что сам писатель не признавал неприкосновенность однажды созданного произведения и часто пользовался возможностью самому исправить текст перед переизданием[120]. После выхода «Особых примет» в Мексике в 1966 г. он распорядился снять, начиная со второго издания (оно вышло в 1969 г.), восьмую главу. Свое решение он объяснил художественной слабостью этого фрагмента [18]. Эта оценка совпадает с мнением ряда критиков [12, p. 131–132]. Однако в Советском Союзе с авторской правкой не согласились. В 1975 г. издательство «Художественная литература» просило Иностранную комиссию «помочь <…> в получении информации о причинах этого решения писателя»[121]. Речь в восьмой главе шла о Кубе, отношения с которой в 1970-е гг. у Гойтисоло окончательно испортились, а у СССР — наладились, причем настолько, что критика кубинских товарищей подлежала купированию повсеместно. Так, например, главу о Кубе, в основном критическую, предполагалось «выбросить» даже из воспоминаний Пабло Неруды[122]. В случае с Гойтисоло сработал обратный механизм: «полным» решили считать первый вариант с благожелательной оценкой Кубы, а не тот, который одобрил автор и в котором Кубы не было. «Кубинскую» главу сохранили[123]. Пара-

[119] Например, в аргентинское издательство «Sudamericana» или мексиканское «Joaquín Mórtiz»; см.: [8, p. 166]. Во Франции испанцев в оригинале печатало издательство «Librairie Espagnole»; именно там в 1958 г. вышла «La Resaca», вскоре попавшая в руки переводчице Синянской.

[120] Например, нами обнаружены не принципиальные, но заметные правки в тексте «Reinos de Taifa» в изданиях 2002 и 2017 гг.

[121] Письмо зам. гл. редактора «Художественной литературы» в Иностранную комиссию Союза писателей. 11 августа 1975. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 5327. Л. 64.

[122] Переводчицам Людмиле Синянской и Элле Брагинской едва удалось отстоять эту главу с помощью авторитета Константина Симонова, но самые чувствительные для кубинцев фрагменты все равно были удалены (*Синянская Л.* Во сне и наяву среди глыб. С. 145).

[123] Из Иностранной комиссии ответили, что «имеет смысл дать сноску, в которой указать о существовании второго издания, а издавать полный вариант» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Ед. хр. 1790. Л. 23).

доксальным образом русское издание одновременно подверглось цензуре издателя и избежало авторских купюр. Новых изданий русского перевода «Особых примет» с 1976 г. не было. Не восстанавливались купюры и в других переводах произведений Гойтисоло.

Заключение

Хуан Гойтисоло был первым испанским писателем нового поколения, который привлек советское внимание с тех пор, как в результате гражданской войны 1936–1939 гг. потерпело поражение дело республиканцев. Новое имя в конце 1950-х — начале 1960-х гг. «открыли» переводчики. Они убедили советских издателей, что прогрессивная литература может существовать даже при фашистском режиме, а издатели нашли способ «правильно» преподнести нового автора. На фоне растущего интереса к установлению дипломатических отношений с Испанией фигурой Гойтисоло заинтересовались и в ЦК КПСС. Судя по всему, партия одобрила приглашение писателя в СССР и санкционировала выплату части гонораров в валюте.

К середине 1960-х гг. Гойтисоло стал самым издаваемым испанским автором в СССР, сопоставимым по количеству публикаций только с поэтом-коммунистом Рафаэлем Альберти. Его произведения подвергались цензуре эстетического и политического характера, но писателя ставили об этом в известность и согласовывали отдельные купюры. Он одобрял их помимо прочего потому, что, будучи опубликованными в СССР, его романы становились оружием против запретившего их франкистского режима.

Гонорар за опубликованные вещи он получал, судя по всему, регулярно, причем часть — в валюте на парижский адрес, а остальное забирал в рублях лично. Он побывал в Советском Союзе дважды: в Москве, Ленинграде, Узбекистане и Крыму в 1965 г. и в Грузии в 1966 г. Помимо официальных встреч его досуг составляло общение с бывшими соотечественниками, «испанскими детьми». Самыми интересными собеседниками Гойтисоло находил советских переводчиков и редакцию журнала «Новый мир».

Признание Гойтисоло открыло двери в Советский Союз и другим испанским писателям: Альфонсо Састре, Хесусу Лопесу Пачеко, Армандо Лопесу Салинасу, Луису и Хосе Агустину Гойтисоло, Ане Марии Матуте и другим. Благодаря Гойтисоло Иностранная комиссия Союза писателей установила деловые контакты с издательством «Seix Barral» и литературным агентством Кармен Балсельс. Гойтисоло также можно назвать посредником между советскими лите-

ратурными институтами и западной литературой: он подсказывал полезные контакты в Москве Жозепу Марии Кастельету, Карлосу Барралу, Марио Варгасу Льосе и другим.

Разумеется, это посредничество отличалось от того, как его понимало поколение «настоящих друзей» СССР (Пабло Неруда, Рафаэль Альберти и другие): оно не было ни пропагандой, ни идеологической поддержкой. Оно носило практический характер: как приехать, как получить гонорар, к кому обратиться по разным вопросам. В отношениях Гойтисоло с СССР был элемент идеологической солидарности на фоне холодной войны, но он не был определяющим фактором. Куда большую ответственность испанец ощущал перед Кубинской революцией, но политика Фиделя Кастро в отношении инакомыслия и культуры заставила Гойтисоло, как и многих его современников, покинуть ряды ее сторонников. Желание «не дать оружие врагу» удерживало писателя от публичных комментариев по поводу преследований советских писателей-диссидентов, но 21 августа 1968 г. этот кредит себя исчерпал. Испанец подписал протестное письмо против ввода советских войск в Чехословакию, отправился в Прагу корреспондентом, опубликовал репортаж, обвиняющий СССР в империализме, а затем запретил советским издателям публиковать свои произведения.

Новые вещи Гойтисоло появились на русском языке лишь двадцать лет спустя, на излете перестройки. В следующий раз он приехал в Узбекистан в 1990 г., потом в Чечню — в качестве военного корреспондента — в 1996 г. Единственным постсоветским изданием Гойтисоло на русском языке остается перевод книги «Перед занавесом» в 2012 г.[124]

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Издания Хуана Гойтисоло в СССР на русском языке

1. *Гойтисоло Х.* Друзья. «Пуэбло» и молодая испанская литература // Огонек. 1960. № 38. С. 10–12.

2. *Гойтисоло Х.* Прибой / пер. Л. Синянской // Иностранная литература. 1961. № 6. С. 61–150.

3. *Гойтисоло Х.* Печаль в раю / пер. Н. Трауберг. М.: Гослитиздат, 1962. 206 с.

[124] *Гойтисоло Х.* Перед занавесом / пер. Н. Матяш. Тверь: Kolonna publications, 2012. 96 с.

4. *Гойтисоло Х.* Земли Нихара / пер. А. Макарова и Н. Трауберг // Новый мир. 1962. № 7. С. 40–81.

5. *Гойтисоло Х.* Звезда Кубы. [Испанский писатель о пребывании на Кубе] // Комсомольская правда. 1963. № 104, 1 мая. С. 3.

6. *Гойтисоло Х.* Чанка / пер. А. Макарова // Новый мир. 1963. № 4. С. 119–154.

7. *Гойтисоло Х.* Испанские рецепты // Вопросы литературы. 1963. № 8. С. 242–243.

8. *Гойтисоло Х.* Народ в походе / пер. А. Макарова // Новый мир. 1964. № 2. С. 102–139.

9. *Гойтисоло Х.* Ловкость рук. Прибой. Цирк. Остров. М.: Прогресс, 1964. 621 с.

10. *Гойтисоло Х.* Ронда / пер. Д. Гарсиа // Иностранная литература. 1964. № 12. С. 135–139.

11. *Гойтисоло Х.* Испанская цензура — лучшая в мире // Литературная Россия. 1964. № 51 (18 декабря).

12. *Гойтисоло Х.* Встречаясь с Хемингуэем / пер. М. Былинкиной // Иностранная литература. 1966. № 1. С. 251–253.

13. *Гойтисоло Х.* Развлечения по вечерам // Вокруг света. 1966. № 1. С. 12–14.

14. *Гойтисоло Х.* Особые приметы / пер. Л. Синянской, П. Глазовой // Иностранная литература. 1967. № 8. С. 10–124. № 9. С. 9–148.

15. *Гойтисоло Х.* Чанка / пер. А. Макарова. М.: Прогресс, 1967. 126 с.

16. *Гойтисоло Х.* Особые приметы / пер. П. Глазовой и Л. Синянской. М.: Художественная литература, 1976. 477 с.

17. *Гойтисоло Х.* Печаль в раю. Возмездие графа дона Хулиана. Хуан Безземельный. Макбара. Эссе. Воспоминания. М.: Радуга, 1988. 412 с.

18. *Гойтисоло Х.* Романы, эссе, воспоминания. М.: Художественная литература, 1988. 416 с.

19. *Гойтисоло Х.* Печаль в раю. Возмездие графа дона Хулиана. Хуан Безземельный. Макбара. Эссе. Воспоминания. М.: Радуга, 1989. 412 с.

2. Издания Хуана Гойтисоло на языках народов СССР

1. *Гойтисоло Х.* Прибой / пер. Р. Эстрела и К. Антоненко. Киев: Гослитиздат Украины, 1962. 185 с. (украинский)

2. *Гойтисоло Х.* Прибой / пер. Т. Халлап. Таллин: Газ.-журн. изд., 1964. 179 с. (эстонский)

3. *Гойтисоло Х.* Печаль в раю / пер. М. Субатавичене. Вильнюс: Вага, 1965. 291 с. (литовский)

4. *Гойтисоло Х.* Печаль в раю. Остров / пер. В. Мелиновский. Рига: Лиесма, 1969. 332 с. (латвийский)

5. *Гойтисоло Х.* Прибой. Остров / пер. Р. Эстрела и К. Антоненко. Киев: Дніпро, 1971. 255 с. (украинский)

6. *Гойтисоло Х.* Цирк / пер. Э. Ахвледиани. Тбилиси: Накадули, 1971. 243 с. (грузинский)

7. *Гойтисоло Х.* Остров / пер. Э. Ахвледиани. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1976. 198 с. (грузинский)

3. Интервью Хуана Гойтисоло для советской печати

1. «Три дня… и три года». Запись М. Злобиной // Литературная газета. 1965. № 99, 21 августа.

2. «Тореро — и смелый, и талантливый». Хуан Гойтисоло в «Иностранной литературе». Запись Т. Кудрявцевой // Иностранная литература. 1966. № 5. С. 254–255.

3. «Может быть, нет в Испании воздуха?». Хесус Лопес Пачеко и Хуан Гойтисоло в «Иностранной литературе». Запись М. Канторовича // Иностранная литература. 1967. № 7. С. 260–262.

Литература

1. *Агирре К.*, *Буйнова К.* Пять дней в Москве. Визит Марио Варгаса Льосы в Советский Союз (1968). М.: Литфакт, 2025. 240 с. (Rossica: Россия и Запад. Литературные связи и контакты. Вып. 8).

2. *Буйнова К.Р.* Мигель Отеро Сильва в СССР: поздний успех бывшего коммуниста // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2025. Т. 16. Вып. 2 (148). URL: https://history.jes.su/s207987840034932-4-1/. DOI: 10.18254/S207987840034932-4

3. *Гранцева Е.О.* Образ культурной оппозиции франкизму на страницах советских журналов «Иностранная литература» и «Искусство кино» // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 10 (64). DOI: 10.18254/S0002039-1-1

4.*Казакова (Жданова) Л.И.* Стейнбек в СССР: триумф, «предательство» и забвение (1961–1968) // Россика. 2023. № 5. С. 177–295.

5. *Огрызко В.В.* Охранители и либералы: в затянувшемся поиске компромисса. Историко-литературное исследование: в 2 кн. М.: Литературная Россия, 2015. 712 с., 696 с.

6. *Попов А.Д.* Иностранный туризм в Крыму советского периода как объект междисциплинарного исследования // Актуальные проблемы междисциплинарных исследований в изучении истории, культуры и экономики Крыма: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 14–15 декабря 2017 г. Симферополь: Типография «Ариал», 2017. С. 224–229.

7. *Филатов Г.А.* Роль Коммунистической партии Испании (КПИ) в отношениях между Москвой и Мадридом // Россия и Иберoамерика в глобализирующемся мире: история и современность: доклады и материалы третьего международного форума / отв. ред. В.Л. Хейфец, Л.С. Хейфец. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 1861–1869.

8. *Aguirre Carlos*. *La ciudad y los perros: biografía de una novela.* Editorial Renacimiento, 2017. 381 p.

9. *Aguirre Carlos*, *Buynova Kristina*. *Cinco días en Moscú. Mario Vargas Llosa y el socialismo soviético (1968).* Trujillo: Reino de Almagro, 2024. 185 p.

10. *Campo Cortés Eduardo*. Cronología de los viajes de Juan Goytisolo a la Revolución cubana: de la fascinación a la ruptura. *Cuadernos Inter.c.a.mbio sobre Centroamérica y el Caribe,* 2021, no. 19 (1). https://doi.org/10.15517/c.a..v19i1.48608

11. *Campo Cortés Eduardo*. *Juan Goytisolo, cronista de la guerra: los reportajes de Sarajevo, Argelia, Palestina y Chechenia y otros viajes periodísticos.* Tesis doctoral. Universidad de Sevilla, 2020. 554 p.

12. *Dominguez Burdalo José*. Castradas señas de identidad: Cuba en la obra de Juan Goytisolo. *Arizona. Journal of Hispanic Cultural Studies,* 2006, v. 10, pp. 131–150. Project MUSE, https://dx.doi.org/10.1353/hcs.2007.0010.

13. *Fornet Jorge*. *El 71. Anatomía de una crisis.* Raleigh: A Contracorriente, 2022. 326 p.

14. *Goytisolo Juan*. *Autobiografía*. Barcelona: Galaxia Gutenberg, 2017. 528 p.

15. *Goytisolo J.* En los reinos de taifa. Barcelona: Seix Barral, 1986. 309 p.

16. *Jordana Darder Marta*. *Contra la España Sagrada: los mitos en el compromiso literario de Juan Goytisolo (1964–1970).* Thèse en cotutelle. Sorbonne Université; Universitat autònoma de Barcelona, 2024. 490 p.

17. *Larraz Fernando*, *Suárez Toledano Cristina*. Realismo social y censura en la novela española (1954–1962). *Creneida*, 2017, no. 5, pp. 66–95.

18. *Meerts Christian*. Technique et vision dans “Señas de Identidad” de J. Goytisolo. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1972. 82 p. (Analecta Romanica. V. 31).

19. *Ocáriz José Andrés Alvaro*. La literatura española en el exilio: Agustín Argüelles Manso, un niño de la guerra asturiano en la URSS. Madrid: Desiré Ediciones, 2024. 208 p.

20. *Pope Randolph D.* La censura en las primeras novelas de Juan Goytisolo. *España Contemporánea: Revista de Literatura y Cultura*, vol. 3, no. 1 (1990), pp. 97–104.

Research Article and Publication of Archival Document

Juan Goytisolo in the Soviet Union

© 2026. Kristina R. Buynova
MGIMO University, Moscow, Russia

Abstract: Juan Goytisolo (1931–2017) was the first Spanish writer of the new generation to attract Soviet attention since the defeat of the Republicans in the Spanish Civil War (1936–1939). He was “discovered” by Soviet translators in the late 1950s–early 1960s. They convinced publishers that progressive literature could exist even under a fascist regime, and publishers found a way to justify their unusual choice to the Party and the readers. Against the backdrop of growing interest in establishing diplomatic relations with Spain, Goytisolo also attracted

the attention of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union. Apparently, the Party approved the writer's invitation to the USSR and authorized the payment of part of his royalties in foreign currency, which was not very common and requiered a special permission. By the mid-1960s, Goytisolo had become the most published Spanish author in the USSR, rivaled only by the "best friend of Soviet Union" poet Rafael Alberti in terms of the number of publications.

Goytisolo's works were subject to censorship of an aesthetic and political nature, but the writer was informed in advance and agreed to specific cuts. He should have realised that political goals lay behind the interest in his work in the Soviet Union. As long as these goals were limited to opposing Francoism, Goytisolo shared them. However, when the presence of his novels on the Soviet book market could be used to support the policies of the USSR, particularly towards Czechoslovakia, he forbade Moscow from translating his new works.

Apparently, he received his royalties for published works without fail. Part of the money was sent to his address in Paris in foreign currency, and he collected the rest in rubles in person. He visited the Soviet Union twice: he was in Moscow, Leningrad, Uzbekistan, and Crimea in 1965 and in Georgia in 1966. In addition to official meetings, he spent his free time communicating with former compatriots, the "Spanish children" (*niños de la guerra*). The most interesting people to talk to, according to Goytisolo, were Soviet translators and the editorial staff of the journal *Novy Mir*.

The "discovery" of Goytisolo opened the doors to the Soviet Union for other Spanish writers: Alfonso Sastre, Jesús López Pacheco, Armando López Salinas, Luis and José Agustín Goytisolo, Ana María Matute, among others. We assume that it was thanks to Juan Goytisolo that the Foreign Commission of the Soviet Union established business contacts with the Seix Barral publishing house and the Carmen Balcells literary agency. Goytisolo can also be called a mediator between Soviet literary institutions and his collegues and friends: he suggested useful contacts in Moscow to Josep Maria Castellet, Carlos Barral, Mario Vargas Llosa.

Of course, this mediation wasn't like how the generation of "true friends" of the USSR (Pablo Neruda, Rafael Alberti, and others) saw it: it wasn't propaganda or ideological support. It was practical: how to get there, how to collect royalties, who to talk to about different things. There was an element of ideological solidarity in Goytisolo's relationship with the USSR against the backdrop of the Cold War, but it was not a determining factor. The Spaniard felt a much greater responsibility towards the Cuban Revolution, but Fidel Castro's policy towards dissent and culture led Goytisolo, like many of his contemporaries, to become disillusioned with socialism. The desire "not to give weapons to the enemy" prevented the writer from commenting publicly on the persecution of Soviet dissident writers, but on August 21, 1968, this credit ran out. The writer signed a letter of protest against the Soviet invasion of Czechoslovakia, traveled to Prague as an independent correspondent, published a report accusing the USSR of imperialism, and cut ties with the Soviet Union for good.

Goytisolo's new works appeared in Russian only twenty years later, at the end of Perestroika. He next visited Uzbekistan in 1990, then Chechnya as a war correspondent in 1996.

The study is based on archival materials, press reports, published memoirs of participants, and personal conversations between the researcher and two Soviet acquaintances of Goytisolo.

Keywords: Juan Goytisolo, Soviet Union, Francoist Spain, translation, Spanish literature, cultural diplomacy.

Information about the author: Kristina R. Buynova, PhD in History, Associate Professor at the Spanish Department, MGIMO University. Prospect Vernadskogo 76, 119454, Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6983-5212

E-mail: k.r.bujnova@inno.mgimo.ru

For citation: Buynova, K.R. “Juan Goytisolo in the Soviet Union”. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (40), 2026, pp. 365–399. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-365-399

References

1. Aguirre, Carlos, Buynova, Kristina. *Pyat’ dnei v Moskve. Visit Mario Vargasa Liosy v Sovietsky Soyuz (1968)* [*Five days in Moscow. Mario Vargas Llosa’s visit to the Soviet Union (1968)*]. Moscow, Litfakt publ., 2025. 240 p. (Rossica: Russia and the West. Literary contacts & connections, no 8). (In Russ.)

2. Buynova, K.R. “Migel’ Otero Sil’va v SSSR: pozdnii uspekh byvshego kommunista” [“Miguel Otero Silva in the USSR: Late Success of a Former Communist”]. *Istoriya*, 2025, vol. 16, no. 2 (148). URL: https://history.jes.su/s207987840034932-4-1/ DOI: 10.18254/S207987840034932-4. (In Russ.)

3. Grantseva, E.O. “Obraz kul’turnoi oppozitsii frankizmu na stranitsakh sovetskikh zhurnalov ‘Inostrannaia literatura’ i ‘Iskusstvo kino’” [“The Image of the Cultural Resistance to the Francoism in the Pages of Soviet Magazines ‘Inostrannaya Literatura’ and ‘Iskusstvo Kino’”]. *Istoriya*, 2017, vol. 8, no. 10 (64). URL: https://history.jes.su/s207987840002039-1-1/. DOI:10.18254/S0002039-1-1. (In Russ.)

4. Kazakova (Zhdanova), L.I. “Steinbek v SSSR: triumf, ‘predatel’stvo’ i zabvenie (1961–1968)” [“Steinbeck in the USSR: Triumph, ‘Renegation’, and Oblivion, 1961–1968”]. *Rossica. Literary Contacts & Connections*, 2023, no. 5, pp. 177–295. (In Russ.)

5. Ogryzko, V.V. *Okhraniteli i liberaly: v zatianuvshemsia poiske kompromissa. Istoriko-literaturnoe issledovanie* [*Guardians and Liberals: In a Prolonged Search for Compromise. A Historical and Literary Study*]: in 2 vols. Moscow, Literaturnaia Rossiia, 2015. 712 p., 696 p. (In Russ.)

6. Popov, A.D. “Inostrannyi turizm v Krymu sovetskogo perioda kak ob’ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia” [“Foreign Tourism in Crimea during the Soviet Period as a Subject of Interdisciplinary Research”]. *Aktual’nye problemy mezhdistsiplinarnykh issledovanii v izuchenii istorii, kul’tury i ekonomiki Kryma: Materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Simferopol’, 14–15 dekabria 2017 g.* [*Topical problems of interdisciplinary studies of history, culture and economy in Crimea: Proceedings of the scholarly and practical national conference, Simferopol’, Dec. 14–15, 2017*]. Simferopol’, Tipografiia Arial publ., 2017, pp. 224–229. (In Russ.)

7. Filatov, G.A. “Rol’ Kommunisticheskoi partii Ispanii (KPI) v otnosheniiakh mezhdu Moskvoi i Madridom” [“The Role of the Communist Party of Spain (PCE) in Relations between Moscow and Madrid”]. *Rossiia i Iberoamerika v globaliziruiushchemsia mire: istoriia i sovremennost’: doklady i materialy tret’ego mezhdunarodnogo foruma* [*Russia and Iberoamerika in the globalizing world: history and modernity: Proceedings*

of the 3rd international forum]. Eds V.L. Kheifets, L.S. Kheifets. Saint Petersburg, Skifiia-print publ., 2017, pp. 1861–1869. (In Russ.)

8. Aguirre, Carlos. *La ciudad y los perros: biografía de una novela.* Lima, Editorial Renacimiento, 2017. 381 p. (In Spanish)

9. Aguirre, Carlos, Buynova, Kristina. *Cinco días en Moscú. Mario Vargas Llosa y el socialismo soviético (1968).* Trujillo, 2024. 185 p. (In Spanish)

10. Campo Cortés, Eduardo. "Cronología de los viajes de Juan Goytisolo a la Revolución cubana: de la fascinación a la ruptura". *Cuadernos Inter.c.a.mbio sobre Centroamérica y el Caribe,* 2021, no. 19 (1). https://doi.org/10.15517/c.a..v19i1.48608 (In Spanish)

11. Campo Cortés, Eduardo. *Juan Goytisolo, cronista de la guerra: los reportajes de Sarajevo, Argelia, Palestina y Chechenia y otros viajes periodísticos. Tesis doctoral*. Universidad de Sevilla, 2020. 554 p. (In Spanish)

12. Dominguez Burdalo, José. "Castradas señas de identidad: Cuba en la obra de Juan Goytisolo". *Arizona. Journal of Hispanic Cultural Studies,* 2006, vol. 10, pp. 131–150. https://dx.doi.org/10.1353/hcs.2007.0010. (In Spanish)

13. Fornet, Jorge. *El 71. Anatomía de una crisis.* Raleigh: A Contracorriente, 2022. 326 p. (In Spanish)

14. Goytisolo, Juan. *Autobiografía*. Barcelona, Galaxia Gutenberg, 2017. 528 p. (In Spanish)

15. Goytisolo, Juan. *En los reinos de taifa.* Barcelona, Seix Barral, 1986. 309 p. (In Spanish)

16. Jordana Darder, Marta. *Contra la España Sagrada: los mitos en el compromiso literario de Juan Goytisolo (1964–1970). Thèse en cotutelle*. Sorbonne Université; Universitat autònoma de Barcelona, 2024. 490 p. (In Spanish)

17. Larraz, Fernando, Suárez Toledano, Cristina. "Realismo social y censura en la novela española (1954–1962)". *Creneida*, 2017, no. 5, pp. 66–95. (In Spanish)

18. Meerts, Christian. *Technique et vision dans "Señas de Identidad" de J. Goytisolo*. Frankfurt am Main, Vittorio Klostermann, 1972. 82 p. (Analecta Romanica, vol. 31). (In Spanish)

19. Ocáriz, José Andrés Alvaro. *La literatura española en el exilio: Agustín Argüelles Manso, un niño de la guerra asturiano en la URSS*. Madrid, Desiré Ediciones, 2024. 208 p. (In Spanish)

20. Pope, Randolph D. "La censura en las primeras novelas de Juan Goytisolo". *España Contemporánea: Revista de Literatura y Cultura*, 1990, vol. 3, no. 1, pp. 97–104. (In Spanish)

Статья поступила в редакцию: 20.07.2025
Одобрена после рецензирования: 15.01.2026
Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 20.07.2025
Approved after reviewing: 15.01.2026
Date of publication: 25.06.2026

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.1
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-400-433
https://elibrary.ru/EYSENV

Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Из истории неизданного «славянского тома» «Литературного наследства»: чешские материалы

© 2026, Н.В. Мороз
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена истории одного из крупных нереализованных проектов «Литературного наследства» — так называемого славянского тома («Русская литература и зарубежный славянский мир»), подготовка которого велась с 1970 по 1975 гг. В центре внимания — чешские материалы тома: переписка редакции с чехословацкими научными учреждениями и отдельными исследователями, история формирования авторского коллектива, эволюция тематической концепции чешского раздела. На основе архивных документов из фонда «Литературного наследства» в ОР ИМЛИ реконструируется процесс подготовки тома: от первых контактов с Институтом языков и литературы Чехословацкой АН в 1970 г. до окончательного отказа от издания в 1976 г. Особое внимание уделяется политическому контексту — последствиям событий 1968 г. для советско-чехословацких научных связей и тому, как политика нормализации повлияла на состав участников проекта с чешской стороны. Анализируются институциональные условия возникновения замысла: роль ИМЛИ и его сектора литератур социалистических стран, а также Института славяноведения и балканистики АН СССР как ключевых площадок изучения русско-славянских литературных связей в 1960–1970-е гг. В статье показано, что причиной неудачи проекта стало фундаментальное противоречие между редакционной моделью «Литературного наследства», ориентированной на введение в научный оборот новых архивных источников, и идеологически заданными рамками отбора материала, которые не позволили сформировать том, отвечающий научным стандартам серии.

Ключевые слова: «Литературное наследство», издательские проекты, русско-чешские литературные связи, советское литературоведение, история науки.

Информация об авторе: Никита Васильевич Мороз — младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0002-4211-6477
E-mail: 14661536@inbox.ru
Для цитирования: *Мороз Н.В.* Из истории неизданного «славянского тома» «Литературного наследства»: чешские материалы // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 400–00. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-400-433

Помимо более ста выпущенных в свет томов, нередко становившихся образцами археографической работы, история научной серии «Литературное наследство» (ЛН) знает и ряд не доведенных до издания проектов. Вероятно, самым известным казусом является отсутствующий т. 66 («Новое о Маяковском», кн. 2), который не был допущен к печати в связи с цензурным давлением [2]. Однако почти в вековой истории ЛН есть немало и других материалов, тематических подборок и целых томов, не изданных в силу различных обстоятельств.

Одним из самых крупных нереализованных проектов, подготовка которого велась в 1970–1975 гг., является так называемый славянский том, или «Русская литература и зарубежный славянский мир»[1]. В него должны были войти материалы о связях до- и пореволюционной русской литературы с болгарской, польской, чехословацкой и югославской литературами. Содержание отдельных разделов, например, польских, уже было рассмотрено исследователями [7], однако другие части готовившейся книги (в том числе главы, посвященные русско-чешским литературным связям, на которых мы остановимся в данной статье) по-прежнему остаются не проанализированными.

Замыслу подготовки «славянского тома» хронологически предшествовал политический кризис 1968 г., отразившийся в том числе и на научных связях между учеными СССР и Чехословакии. В 1950–1960-е гг. советское академическое литературоведение находилось в постоянном профессиональном общении с представителями чехословацкой науки[2]. События Пражской весны повлияли на политическое взаимодействие двух коммунистических партий, а вместе с тем вызвали острую реакцию АН СССР, в том числе отразившуюся на международных связях Института мировой литература им. А.М. Горького АН СССР, в систему которого ЛН перешло в 1960 г.

[1] Подобный вариант названия есть, например, в черновике «сообщения» Н.А. Трифонова, текст которого приведен ниже.

[2] Проводились совместные научные конференции, был издан совместный сборник (Чехословацко-русские литературные связи в типологическом освещении. М.: Наука, 1964). См. обзор: О научном сотрудничестве ИМЛИ АН СССР с литературоведческими институтами Чехословацкой и Словацкой Академий наук // АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 748. Л. 69–73.

[3, с. 120]. К моменту возникновения плана «славянского тома» ИМЛИ уже располагал традицией изучения русско-славянских литературных связей, сложившейся в работах сектора литератур социалистических стран (руководитель — Н.И Балашов). Начиная с конца 1950-х гг. сектор последовательно выпускал коллективные монографии по двусторонним литературным контактам: «Из истории связей славянских литератур» (1959, совместно с Институтом славяноведения), «Чехословацко-советские литературные связи» (1964), «Польско-русские литературные связи» (1970), «Чехословацко-русские литературные связи в типологическом освещении» (1971); регулярно проводились советско-чехословацкие симпозиумы (1961, 1963, 1965, 1967), в которых активно участвовали И.А. Бернштейн, С.И. Бэлза, Р.Л. Филипчикова [4, с. 120]. Однако эта исследовательская программа с самого начала выстраивалась в отчетливых идеологических координатах: центральными темами были генезис и закономерности социалистического реализма, национальное и интернациональное в литературах социалистических стран, революционные традиции как основа творческого взаимодействия. Изучение культурных связей в этой оптике предполагало прежде всего выявление идейной близости между национальными литературами.

Изменившаяся с 1968 г. политическая обстановка внесла коррективы в планы работ ИМЛИ по проблематике социалистических стран. Как отмечалось в докладной записке от 9 декабря 1968 г. на имя академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР М.Б. Храпченко,

> <в> условиях обострившегося идеологического наступления империализма на страны социалистического содружества объединение и сплочение ученых этих стран для решения центральных проблем литературоведения приобретает большое научное и политическое значение[3].

В числе приоритетных тем были обозначены, в том числе,

> 4. Революционная чешская и словацкая литературы 20-х–30-х годов и советская литература.
>
> 5. Советского-болгарские литературные связи и проблемы социалистического реализма.
>
> <…>

[3] Предложения о проблематике сотрудничества ИМЛИ с литературоведческими учреждениями социалистических стран // АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 748. Л. 65

7. Русско-украинско-чешско-словацкие литературные связи XIX–XX вв.[4]

Сравнительно-литературоведческие исследования этого рода открывали возможность рассматривать как универсальные закономерности литературного развития, так и конкретные механизмы заимствования и распространения культурно-политических идей. В контексте расширявшегося международного влияния СССР подобная оптика приобретала особый символический смысл: фиксация присутствия революционной советской культуры в зарубежных литературах становилась неотделима от идеологической ориентации разных писательских групп.

Показательна при этом историческая динамика русско-чешских культурных связей: от идей «славянской взаимности» — через формирование левых писательских объединений в межвоенной Чехословакии — к институционально регламентированному взаимодействию 1950–1960-х гг., уже привязанному к нормам марксистско-ленинской эстетики. Именно на этом фоне складывался замысел «славянского тома», контуры которого обозначились уже в предложении 1968 г. Схожим по содержанию документом, при этом очерчивающим более широкий круг проблем, связанных с академическим взаимодействием ученых двух стран, является «Предложение о научном сотрудничестве ИМЛИ АН СССР с литературоведческими институтами Чехословацкой и Словацкой академий наук». Процитируем его:

> Необходимо отметить особую важность сотрудничества с чешскими и словацкими учеными в настоящее время, когда в чехословацкой культуре обострилась идеологическая борьба и дают себя знать враждебные влияния, проявляющиеся в тенденциях изолировать литературу от идеологии, отрицать социалистический реализм и вообще реалистическое искусство, а также в повышенном интересе к модернистским течениям. В такой обстановке дискуссии советских ученых с чехословацкими коллегами и, особенно, подготовка совместных трудов является удобной формой, позволяющей дать научный отпор враждебным взглядам, выяснить возникающие порой недоразумения, которые также могут способствовать отходу некоторых ученых от правильных идейных позиций. Совместная работа окажет поддержку литературоведам, высказывающим близ-

[4] Там же. Л. 66

кие к нам взгляды и порою подвергающимся в стране несправедливым нападкам. Поэтому важно определить научную проблематику, которая дает возможность максимально эффективного воздействия.

Советско-чехословацкие симпозиумы до сих пор были посвящены острым вопросам литературной науки (Личность писателя и творческий метод; Человек и современная литература; Прогрессивные традиции современной литературы; Национальное и интернациональное в литературе). Тема следующего симпозиума, который предполагается провести в Киеве в 1969 г., — «Проблемы методологии современного литературоведения» — дает исключительно большие возможности для дискуссии по основным вопросам современной литературной науки, для защиты марксистских взглядов на литературу, для полемики против антиреалистических тенденций. Необходимо учесть при подготовке этого симпозиума дискуссию, которая развернулась в Чехословакии вокруг наследия пражского структурализма, и высказать нашу позицию также по этой проблематике, актуальной для чехословацкого литературоведения.

Чрезвычайно актуальна проблематика коллективного труда, запланированного на ближайшие годы: «Проблема революционного искусства и авангардных направлений 20–30-х годов». Этот труд продолжает разработку вопросов чехословацко-русских литературных связей, которые привлекли большой интерес чехословацких ученых. В то же время, в нем затрагиваются вопросы, важные для чехословацкой культуры и вызывающие горячие споры.

Известна та большая роль, которую играл чешский авангардизм в развитии национального революционного искусства между двумя войнами; догматическое сбрасывание со счетов этих направлений ведет к обеднению национальной прогрессивной традиции, в то же время апологетика всякого авангардного искусства, стирание граней между революционным искусством и модернизмом, недооценка реализма также дает себя чувствовать. Таким образом, в ходе работы над сборником предстоит рассмотрение острых и серьезных вопросов литературного, теоретического и идеологического порядка. Поэтому важно также проведение в ЧССР совместного симпозиума по этой же теме, намеченного на 1970 г.

Кроме того, культурное сотрудничество предполагает поездки чехословацких специалистов по русской литературе и советских специалистов по чешской и словацкой, а также обмен специалистами по другим литературоведческим специальностям[5].

[5] Там же. Л. 69–71.

В чешском литературоведении 1960-х гг. интерес к структурализму воспринимался одновременно как критическое возвращение к довоенной национальной традиции и как освоение современной научной методологии. Центром этого движения стал Институт чешской литературы Чехословацкой АН. В 1951–1961 гг. его возглавлял Ян Мукаржовский — участник Пражского лингвистического кружка, которому в послевоенные годы пришлось публично отречься от своих научных взглядов, что, однако, не помешало ему, по словам Ю.М. Лотмана, стать «классиком эстетической мысли» [5, с. 8]. В 1960-е гг. в Институте сложилось целое направление, ориентированное на переосмысление структуралистского наследия Пражской лингвистической школы: Ф. Водичка разрабатывал теорию литературной истории с опорой на понятие «конкретизации» художественного произведения[6], М. Червенка занимался стиховедением и поэтикой в русле структурной методологии[7]. Площадкой для систематических дискуссий о методологических основаниях литературоведения — помимо прочего, и о соотношении структурализма и марксистской эстетики — служил журнал «Česká literatura»[8]. Проводились и специальные конференции, участники которых стремились к освобождению от «догматизации и упрощения теоретических вопросов литературы, а вместе с тем и к обращению к новым методам, выработанным мировым научным сообществом» [9, с. 146]. Таким образом, речь шла не об изолированных научных инициативах, а об институализированном академическом процессе, вобравшем в себя широкий круг участников.

Более важным, чем частные научные вопросы, являлось общее настроение академической среды, которая открыто выступила на стороне реформистского крыла Коммунистической партии Чехословакии [6; 8, с. 18–32]. Принципы марксистской методологии,

[6] См.: *Vodička F*. Struktura vývoje. Praha: Odeon, 1969. Сборник включает статьи 1941–1967 гг., в том числе программную работу “Literární historie, její problémy a úkoly” (1942), где впервые систематически изложена структуралистская концепция литературной истории и понятие «конкретизации».

[7] См.: *Červenka M*. Český volný verš devadesátých let. Praha: Nakladatelství ČSAV, 1963; *Červenka M*. Symboly, písně a mýty. Studie o proměnách českého lyrického slohu na přelomu století. Praha: Československý spisovatel, 1966. Обе работы написаны в русле структурной поэтики и представляют наиболее значимые публикации Червенки в 1960-е гг. Его монография “Významová výstavba literárního díla”, завершенная во второй половине 1960-х гг., была опубликована лишь в 1978 г. на немецком языке — следствие политики нормализации после 1968 г.

[8] См.: *Grygar M*. Pojetí literárního vývoje v ruské formální metodě a v českém strukturalismu // Česká literatura. 1968. Roč. 16, № 3. S. 266-289; *Strohsová E*. Zpráva o diskusi // Česká literatura. 1964. Roč. 12, S. №. 2. 145–154; Literární věda a současnost (Referáty z porady konané dne 11. a 12. prosince v Liblicích o úkolech literární vědy při dovršování kulturní revoluce.) / J. Mukařovský, Z. Pešat, M. Kačer, M. Pohorský, S. Šmatlák, J. Kolár // Česká literatura. 1960. Roč. 8, № 1. S. 1–74.

дискуссия о соцреализме, идеология науки и прочие актуальные вопросы конца 1960-х гг. оказывались инструментом решения более общих проблем, непосредственно связанных с формами реализации самой власти внутри Чехословацкой АН.

Стоит отметить, что некоторые сотрудники — Ф. Шорм, И. Малек, О. Шик, Й. Мацек — были вместе с тем и активными членами партии, находившимися в эпицентре развития реформистского движения [8, с. 18]. Поэтому неудивительно, что начало общественных перемен отразилось и на жизни Академии, которой в течение 1968 г. был принят ряд решений, нацеленных на изменение отдельных принципов внутреннего устройства. Важным событием стало 24-е общее собрание членов Чехословацкой АН, состоявшееся 17 апреля 1968 г., на котором было заявлено о присоединении к программе демократизации общества, а также приняты постановления, целью которых были полная политическая автономия Академии, включая вопросы сотрудничества с иностранными институциями, передача основных полномочий, связанных с организацией научного процесса, самим ученым и т. п. [8, с. 19].

Несмотря на намеченные сотрудниками АН СССР в 1968 г. планы совместных работ с коллегами из ЧССР, в следующем году связь между Академиями наук двух стран начала ослабевать. В «Справке о ходе выполнения планов сотрудничества с научными учреждениями ГДР, Венгрии, Чехословакии в 1969 году и 1966–1968 гг.» замдиректора ИМЛИ В.Р. Щербина, на тот момент главный редактор ЛН, отмечает снижение интенсивности взаимодействия между институтом и чехословацкими коллегами:

> В связи с чехословацкими событиями 1968 года научные связи ИМЛИ с литературоведческими институтами Чехословакии заметно ослабли. Была прервана традиция проводить регулярно каждые два года совместные симпозиумы в Праге и в Москве. Намеченный на 1969 год советско-чехословацкий симпозиум не состоялся, хотя Институт изъявил свою готовность провести очередной симпозиум в Москве.
>
> В этих условиях особое значения приобрела поездка в Чехословакию секретаря партбюро Института, кандидата филологических наук Л.М. Юрьевой, кандидатов филологических наук И.А. Бернштейн и Р.М. Филипчиковой с задачей возобновить научные контакты и определить степень готовности чехословацких литературоведов к продолжению сотрудничества. Поездка в Чехословакию показала, что в академических кругах Чехии

> и Словакии возрождается заинтересованность в совместной работе советских и чехословацких литературоведов[9].

Но с того же 1969 г. проводимые в ЧССР политика нормализации (как официально назывался отказ от общественно-политических реформ) и курс на всемерное укрепление связей с СССР коснулись и Чехословацкой АН, вернув официальную науку в приоритетное русло контактов с советскими коллегами. На этом фоне 10 марта 1969 г. редколлегией ЛН был утвержден «План работы “Литературного наследства” на 1969–1975 гг.», в котором впервые упоминается «славянский том»[10]. Название запланированного издания — «Русская литература и *западное* славянство» (курсив мой. — *Н.М.*). Редактором был назначен С.А. Макашин, «год утверждения Ученым Советом ИМЛИ» определен как 1975 г.

В 1970 г. редакция ЛН вступает в переписку с рядом отечественных и чехословацких ученых с целью начать планирование нового совместного проекта. На основе сохранившихся документов видно, что этому предшествовала устная договоренность членов редколлегии ЛН с К.И. Ровдой[11], который в письме ответственному секретарю ЛН Н.А. Трифонову от 14 марта 1970 г. заявляет о возможности и необходимости начать формирование книги:

> Уважаемый Николай Алексеевич! Прошу извинить меня за долгое молчание — по приезде было очень много дел. Теперь сообщаю Вам мои соображения по поводу предполагаемого издания тома «Литературного наследства», посвященного русско-славянским литературным связям. Его надо издавать, не откладывая на дальние сроки, так как хранящиеся в архивах материалы постепенно публикуют понемногу в разных изданиях, а лучше будет, если они будут объединены в более солидном томе. Это облегчит возможность пользоваться ими[12].

---

[9] Архив РАН. Ф. 397 Оп. 1. Ед. хр. 768. Л. 28.

[10] ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 140. В связи с тем, что фонд полностью не обработан, здесь и далее указывается лишь номер папки.

[11] Кирилл Иосифович Ровда (1901–1999) — специалист по истории русско-чешских литературных связей, с 1935 г. — сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. В числе его работ: Чехи и русские в их литературных взаимосвязях: 50–60-е годы XIX в. Л.: Наука, 1968; Русско-чешские литературные связи, 50–60-е годы XIX в: в 2 т.: дис. … д-ра филол. наук. Ленинград, 1971; Русская литература в чешских переводах (50–60-е годы XIX в.) // Восприятие русской культуры на Западе. Л., 1975. С. 132–156; Россия и Чехия. Взаимосвязи литератур 1870–1890. Л.: Наука, 1978; Глубокие корни: Новые книги о межславянских литературных связях // Русская литература. 1985. № 3. С. 216–226; На пороге обобщений: Новые книги чехословацких русистов // Русская литература. 1986. № 1. С. 214–215.

[12] ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106.

Участие ленинградского ученого на первых этапах подготовки тома было крайне важно, поскольку он являлся не только исследователем русско-чешских литературных взаимосвязей, но и выступал посредником, который имел возможность связать редакцию ЛН с академическим сообществом ЧССР. К процитированному выше письму Ровда приложил адрес директора Института языков и литературы Чехословацкой АН проф. Зд. Матгаузера и несколько раз подчеркнул важность контакта с ним:

> Поэтому необходимо, чтобы редакция «Литературного наследства» теперь же написала письмо профессору З. Матгаузеру (если она уже не сделала этого) с официальным предложением сотрудничества. Он соберет предполагаемых участников и соберет их заявки.

В середине апреля 1970 г. в ответном письме Ровде Трифонов обозначил планы реализации оговоренного проекта. Из его письма видно, что редакция изначально хотела сфокусироваться на одной Чехословакии, но поступило указание объединить несколько славянских стран:

> Я долго не отвечал на Ваши мартовские и апрельские письма, так как ждал разговора по интересующей Вас теме с главным редактором и другими членами редколлегии. На днях у нас состоялось редакционное совещание[13], и я могу Вас кратко информировать о принятых установках. Некоторые из нас склонялись начинать с тома, посвященного связям с одним славянским народом (выдвигался для начала как раз проект чехословацкого тома), но мы получили установку начать работу по подготовке общеславянского тома, где были бы представлены наши связи и с чехами, и с поляками, и с болгарами.
>
> Таким образом, на долю каждой страны придется не более 12 (максимум 15) листов.
>
> Упор предлагается делать на взаимоотношения революционных и прогрессивных сил. Будем искать материалы, отражающие именно литературные связи, оставляя в стороне проблемы чисто философские и исторические. Будем стараться избегать мелкотемья, калейдоскопичности, случайных тем, выбирая более существенное и значительное. Желательно, чтобы были представлены в пер-

[13] В последующих редакционных планах, которые принимались в 1970–1975 гг., ответственными за «славянский том» были Н.А. Трифонов, А.Н. Дубовиков. Реже упоминаются С.А. Макашин, Л.Н. Ланский (Каплан). См.: ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 140.

вую очередь материалы, связанные с крупными писательскими фигурами[14].

Содержание этого предложения состоит из двух частей: идеологической и редакционной. К первой, естественно, относится политическая направленность будущих материалов; кроме того, важно отметить и публицистический штамп, связанный с проблемой «мелькотемья», который использовался в официальной печати литературными критиками и литчиновниками для обличения безыдейного изображения проблем повседневной жизни. В данном случае, вероятно, подразумевался отказ от рассмотрения проблем и вопросов, не связанных с соцреалистической культурой[15]. Редакционные же задачи были непосредственно связаны с традициями ЛН, которое всегда стремилось использовать обширный архивный материал для постановки и разрешения литературоведческих проблем, однако, как мы увидим далее, эта задача в процессе подготовки чешских глав не была достигнута.

Упомянутое в вышеприведенном письме редакционное совещание отражает коллегиальный характер работы над томом. Тем не менее вся организационная нагрузка была фактически сосредоточена в руках Н.А. Трифонова: именно он вел переписку со всеми отечественными и зарубежными участниками проекта, составлял внутренние отчеты о ходе подготовки материалов, оформлял отзывы на поступавшие заявки и статьи. А.Н. Дубовиков и Л.Р. Ланский, участвовавшие в заседаниях рабочей группы, по всей видимости, были задействованы прежде всего в редакторской работе — изучении и оценке поступавшего материала, и следов их служебной переписки по делам этого тома в архивах не сохранилось.

Редакция ЛН обозначила 1970 г. как период «разведки», в течение которой планировалось установить общение с институтами нескольких славянских стран и перейти к планированию содержания и состава самого тома. Инициатива прежде всего должна была исходить от зарубежных специалистов, которые имели возможность непрерывно работать с нужными архивами:

Напоминаю, что директор Института языков и литератур Чехословацкой Академии наук проф. Зденек Матгаузер дал

[14] ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106.

[15] Установку «правильного» подхода см., например: Метод живой, развивающийся (С пленума Совета по критике и литературоведению при правлении СП СССР) // Вопросы литературы. 1983. № 10. С. 3–45.

> принципиальное согласие на участие сотрудников его института в предполагаемом Вами издании, а директор Литературного архива Национального памятника письменности Яромир Лоужил и его заместитель доктор Богач обещали предоставить в распоряжение этих сотрудников необходимые материалы. Сотрудники архива будут оказывать полное содействие в подборе необходимых материалов, но участия в комментировании и публикации принимать не будут[16].

Редакция ЛН хотела также привлечь к участию и специалистов из СССР. В апрельском письме Ровда намечал приблизительный список тех, кто, по его мнению, мог бы работать над томом:

> Очень полезным был бы здесь Петр Григорьевич Богатырев. Он скопировал много чехословацких материалов, хранящихся в архивах ЧССР, и передал их в ЦГАЛИ. Полезно связаться со всеми богемистами из Института славяноведения и ИМЛИ, у каждого из них, вероятно, есть что-то на примете: это товарищи Л.С. Кишкин, А.П. Соловьева, С.В. Никольский и многие другие. <…> Так как это будет общеславянский том, то могу назвать в качестве возможного участника сотрудницу нашего Пушкинского дома, занимающуюся польско-русскими литературными связями. Это Людмила Ивановна Ровнякова, написавшая только что диссертацию о Вацлаве Серошевском, у нее имеется около ста пятидесяти писем этого польского писателя к русским адресатам, которые она могла бы предложить Вам[17].

В апреле-мае 1970 г. редакция ЛН направила официальные приглашения зарубежным научным организациям, которые должны были принять участие в проекте, в том числе и в Институт языков и литературы Чехословацкой АН[18]. 15 мая 1970 г. Ровда в очередном письме в ЛН сообщил, что чехословацкие русисты уже начали предварительную подготовку к общему проекту:

---

[16] Письмо К.И. Ровды в редакцию ЛН, апрель 1970 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106.

[17] Там же.

[18] Письмо редакции ЛН М. Ботуре от 24 апреля 1970 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106. Список организаций, в которые были направлены приглашения, сохранила в одной из рабочих тетрадей Трифонова; среди них: Ústav jazyku a literatury Československé akademie věd (Прага); Ústav svetovej literatúry a jazykov SAV (Братислава); Instytut Badań Literackich PAN (Варшава); Zakład Słowianoznawstwa PAN (Варшава); Zakład Narodowy im. Ossolińskich (“Ossolineum”) (Вроцлав), Uniwersytet Wrocławski, Uniwersytet Jagielloński (Краков), Институт за литература при Българска академия на науките (София); Универзитет у Београду; Универзитет у Новом Саду; Institut za književnost i teatrologiju JAZU (Загреб); Slovenska akademija znanosti in umetnosti (Любляна). (Там же).

> Извините, что не ответил Вам сразу — дела, дела, дела… Надеюсь, что Вы уже ответили Ботуре. Думаю, что тянуть с ответом не следует. Мне пишут из Праги, что там уже было по этому поводу совещание. У нас в Ленинграде гостит одна русистка из Брно и говорит, что и ей написали о том, что пражские русисты готовятся к участию в «Литературном наследстве»[19].

Летом 1970 г. ЛН получило первое официальное письмо непосредственно из Чехословакии, в котором Зд. Матгаузер от лица Института языков и литературы Чехословацкой АН согласился принять участие в подготовке «славянского тома». Руководить работой со стороны Чехословакии было доверено Ю. Доланскому, к работе над статьями планировалось привлечь К. Крейчи, С. Вольман, М. Ботура.

Осенью того же года Зд. Матгаузер и Ю. Доланский прислали два варианта возможного содержания чешского раздела: «Письма передовых представителей русской культуры в Чехию в XIX и XX вв.» и «Сто лет русско-чешской культурной взаимности (с 1848 г.)». Оба проекта оказались слишком общими и лишенными конкретных историко-литературных проблем, которые можно было бы обосновать архивными публикациями. В случае с «Письмами передовых представителей русской культуры в Чехию в XIX и XX вв.» чешские специалисты предложили напечатать «все важнейшие материалы русской корреспонденции», хранящиеся в чешских архивах, в количестве около пятисот писем, и приложили обширный алфавитный список писателей и деятелей культуры:

> Мы предлагаем в соответствии с прилагаемым списком русских материалов Литературного архива в Праге прежде всего следующих писателей: Аксаков, Андреев, Аверкиев, Аверченко, Бакунины, Балакирев, Бальмонт, Берг, Благовещенский, Боборыкин, Брюсов, Чайковский, Чехов, Даль, Герцен, Гончаров, Горький, Греч, Хомяков, Лесков, Майков, Миллер, Минаев, Немирович, Петровская, Пильняк, Писемский, Погодин, Пришвин, Пыпин, Ремизов, Самарин, Стасов, Шишков, А. Толстой, Л. Толстой, Тургенев, Тютчев, Веселовский, Вяземский, Жуковский и др.[20]

[19] Там же.

[20] Письмо Ю. Доланского и З. Матгаузера в редакцию ЛН от 28 сентября 1970 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106.

Второй вариант, нацеленный на публикацию документов посредников русско-чешских отношений, также пестрит чрезвычайно большим количеством имен. При этом сами авторы письма отметили:

> Этот вариант дает возможность разработки более глубокой идейной и культурной концепции, однако он значительно сложнее по своему характеру и потребует более длительного времени для его осуществления[21].

Предложенные проекты, очевидно, являлись недостаточно проработанными и несоответствующими изначальному плану «избегать калейдоскопичности, случайных тем, выбирая более существенное и значительное»[22]. Поэтому неудивительно, что в ответном письме Щербина и Трифонов указали на чрезмерную всеохватность обоих предложений и просили «выделить несколько наиболее существенных конкретных тем, обеспеченных новым (неопубликованным или малоизвестным) материалом»[23] для развития второго варианта («Сто лет русско-чешской культурной взаимности (с 1848 г.)»).

Первый год работы над томом был ознаменован крупными переменами в Чехословацкой АН. Проводились внутренние разбирательства, связанные с отношением научных сотрудников АН к реформистскому движению, что вызвало многочисленные смещения с прежде занимаемых должностей и даже закрытие целых отделов. Лишился своего поста и Матгаузер. О происходящем 3 ноября 1970 г. редакцию ЛН известил Ровда, ведущий активную переписку с представителями чехословацкого научного сообщества:

> Уважаемый Николай Алексеевич!
>
> Копию присланного Вами мне письма из Праги я уже имел до 9-го. Мне его прислал Матгаузер с просьбой высказать о нем свое мнение. Кроме того, он обращается ко мне и к В.А. Ковалеву, нашему заведующему советским сектором, который там был недавно, по другим вопросам в области сотрудничества. Приглашает еще в гости. Но дело вот в чем: он теперь освобожден от директорства в институте, который возглавлял ранее, и назначен зав. сектором восточных литератур, которым ранее заведовал Моймир Грыгар.

[21] Там же.

[22] Письмо Н.А. Трифонова к К.И. Ровде от 15 апреля 1970 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106.

[23] Письмо Н.А. Трифонова и В.Р. Щербины к Ю. Доланскому и Зд. Матгаузеру от 10 ноября 1970 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106.

Директором института в настоящее время назначен Владимир Бретт. Это специалист по романским литературам, у него много трудов по французской литературе, в том числе книги о Р. Роллане и А. Барбюсе. Это чрезвычайно деятельный коммунист, занявший правильные партийные позиции. Он часто выступал и выступает в партийной печати с разоблачением ревизионизма и пропагандой марксизма-ленинизма. Он также переводит, в том числе поэзию. Бретт возглавлял комиссию по проверке института, который сейчас возглавляет. Раньше он заведовал в этом институте сектором романских литератур. И когда он обратился к Матгаузеру, бывшему тогда директором, за помощью при проверке деятельности института, Матгаузер отказался, он бойкотировал комиссию. Заявил, что он не пойдет против коллектива. Партийная позиция Вл. Бретта обошлась ему дорого и в личном плане. Его супруга потребовала, чтобы он изменил свою позицию, когда он отказался, она порвала с ним отношения и настроила также против отца своего сына. А его жена, кстати, русская. Вот какие бывают на этой почве конфликты.

Матгаузер теперь виляет и заискивает перед нами. Ему бы не следовало обращаться через голову своего директора, а он это делает, хотя пишет, что разговаривал с Бреттом о наших с ним, Матгаузером, беседах по совместному сотрудничеству. В его письме ко мне и Ковалеву содержатся предложения относительно созыва в Праге симпозиума с участием советских исследователей, в том числе ленинградцев, по вопросам социологии литературы. На наш взгляд, этот симпозиум необходим, чехословацких русистов и вообще литературоведов надо направлять на путь истинный, ставя перед ними такие проблемы, которые заставляли бы их занимать правильные классовые позиции. Но они должны действовать в этом плане не через голову своих руководителей, а под их руководством. Я еще не отвечал Матгаузеру. Но отвечу, что его предложения передал нашей дирекции, и дирекция будет вести переговоры с их руководством. Я не хочу завязывать с Матгаузером частную переписку по всем этим вопросам, в том числе и по вопросам, связанным с подготовкой тома «Литературного наследства», посвященного русско-славянским связям. Матгаузер, посылая мне копии писем, адресованных В.Р. Щербине, спрашивает моего разрешения держать меня в курсе дела и в дальнейшем. Я ему отвечу, что я нахожусь в связи с Вами по этому вопросу, и этого вполне достаточно, а с ним не буду затевать переписки, чтобы не поощрять его действий, направленных на игнорирование В. Бретта. Мне бы казалось, что и Вы должны были бы адресоваться не к Матгаузеру и Полянскому,

а к директору Владимиру Бретту и этим дать понять им, что Вы имеете дело с управой учреждения, а не с теми, кто пытается действовать через голову руководителя.

Недавно я получил письмо от академика Ладислава Штолла. Я просил высказать его мнение о моем обзоре. Дело в том, что когда я его готовил, то мы тут советовались относительно тона. Я сначала написал в более резком тоне, а потом смягчил, а потом опять немного заострил, кое-что редакция убрала и т. п., но мягкость моего тона связана с тем, что уж больно много русистов было сбито с толку в Чехословакии такими людьми, как М. Прозда и др., Матгаузер. Их надо убеждать и убеждать. А таких, как Прозда, Эффенбергер, Пинкава, Сус и им подобные, критиковать более резко. Это ревизионисты. Я этого пока не употребил по отношению к ним, но в будущем буду писать резче. Впрочем, в принципиальных вопросах я не делаю никаких уступок, дело только в тоне. Но и тон должен быть к таким людям, каких я назвал, резче, чтобы они это чувствовали. Это я понял и из письма Л. Штолла. Он пишет о моей статье: «Внимательно ее прочитал. Считаю ее очень значительным критическим выступлением, правильным как по существу, так и по тону». Это хорошо. А дальше вот что: «Я бы некоторые суждения высказал намного резче, но понимаю, что Вам положено выступать в ином плане, отвечающем Вашей позиции». Думаю, что он просто не хочет обидеть меня и то, что надо о чем-то писать резче, относится не только к его позиции, но и к нашей позиции. С этим надо считаться. Он благодарит за то, что я выступил в его защиту против Пинкавы, а затем сообщает вот что. Так как Вы просите от меня информации о положении дел в среде чехословацких русистов, то я и приведу Вам отрывок из его письма. Правда, о положении не только русистов, а вообще чехословацких литературоведов, также и русистов: «Самым важным во всем этом деле, — пишет, — есть то, что критикуемые Вами отдельные явления и тенденции не являются случайными, все это — большое отклонение от главного направления развития нашего искусства. Все это подтверждается доказательствами уже более десяти лет. И думаю, что Вы правильно указываете на постоянное стремление подчинить теорию искусства и эстетику идеологии или, лучше сказать, методологии структурализма. Но именно у нас в области литературной науки стремятся к монополии одной исследовательской точки зрения и утверждению ее как единственного научного метода! Эта тенденция, как тенденция так называемой “деидеологизирующей” науки, находит, понятно, на Западе поддержку. Наших структуралистов ныне публикуют

в переводах в ФРГ, в Швейцарии, в Голландии и в других странах, что делает их авторитетами международного научного мира. Социально-исторический аспект и какой-либо другой аспект, который относится критически к имманентному (immanentistickemu), структуралистскому пониманию литературного процесса и стремится указать социальные корни, общественный смысл и влияние художественного творчества, подвергается ожесточенным атакам как якобы устаревший, игнорирующий специфику, уже преодоленный вульгарно-социологический и ненаучный подход к художественному творчеству. Против него выступающие последователи структурализма, имманентизма постоянно сплачивались в агрессивный клан, который в течение нескольких лет оказывал влияние в искусствоведческих учреждениях и в высших школах, устраняя каждого, кто пытался критически выступать против этих объективистских, в сущности, идеалистических, направлений в литературоведении.

За несколько последних лет сторонникам этих тенденций удалось, как я думаю, увлечь большую часть научной молодежи. В этом в данное время, с моей точки зрения, наша наибольшая слабость. Вина за это лежит, бесспорно, также на руководстве идеологического отдела партии, которое эти скрытые процессы на протяжении многих лет не замечало.

Этими вопросами у меня полна голова. Это связано также с той новой задачей, которую на меня возложили. Думаю о том, что делать, как создать условия для искусствоведческой деятельности, как объединить силы, различные аспекты, как создать атмосферу для товарищества с принципиальным обменом мнений, как предотвратить возможность возникновения котерий и групп, которые меньше всего беспокоятся об истинном научном познании, а больше всего о действиях с позиции силы. О такой атмосфере плодотворной товарищеской дискуссии, содействующей снижению накала, думал я, когда писал свою книжку, которую вы рецензировали. Я был, признаться, наивен, когда поверил в такую возможность при тогдашних условиях. Понадобилось несколько продолжительных нападений, начатых по радиостанции “Свободная Европа”, прежде чем мне стало ясно, что речь идет уже не о научной дискуссии, а о чем-то совершенно ином, что совершенно уже явно в 1968 году» (15 октября 1970 г.).

Даже и теперь трудно выступать в научной печати тем, кто занимает правильные позиции. Пишет мне один русист Бржетислав Лейдар, который помещал острые статьи, разоблачающие ревизионизм русистов в общей прессе, что только сейчас происходит смена

> редакторов в научных журналах. Так, смещен редактор журнала «Русский язык», и теперь появилась возможность публиковать там статьи. Несколько десятков русистов выступило в «Литерарних новинах» и газете «Руде право» с заявлениями о своих ошибках и позициях в 1968 году, но редкие из них, кроме Б. Лейдара, выступают с критикой Дрозда и Матгаузера. Словом, с русистами положение у нас все еще остается сложным. <…>[24]

В следующем календарном году (1971) работа над томом практически не велась. Наибольшая активность была проявлена ленинградским богемистом и переводчиком чешской литературы О.М. Малевичем, приславшим заявки на 6 статей. Несмотря на разнообразие предложенных сюжетов («Илья Эренбург в Чехословакии»; «Неопубликованные письма русских писателей в Литературном архиве Национального музея в Праге»; переписка Й. Горы с Б.Л. Пастернаком и интервью поэта немецкому журналисту Ф. Брюгелю; выборка статей Ф. Кубки из его книги «Голоса с Востока»; статьи межвоенного словацкого журнала «ДАВ», на страницах которого писали о советских писателях; обобщенный обзор «Советские писатели в Чехословакии. Чехословацкие писатели о своих советских коллегах»)[25], ни один из них не соответствовал выбранной редакционной стратегии. Часть материалов имели те же недостатки, что и идеи, предложенные Матгаузером и Доланским, а именно: обширность материала и отсутствие фокуса на одной или нескольких значимых проблемах историко-литературного процесса. Другая часть (например, интервью Б. Пастернака, статьи из сборника Ф. Кубки) опиралась на уже опубликованные материалы. При этом сам Малевич писал:

> Есть все основания и для написания статьи «Франтишек Кубка как пропагандист русской литературы», или шире «Франтишек Кубка и русская литература», но нам представляется, что более ценным материалом для «Литературного наследства» явятся сами очерки Кубки о русских и советских писателях и своих встречах с ними[26].

[24] Письмо К.И. Ровды в редакцию ЛН от 3 ноября 1970 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 126.

[25] Письмо О.М. Малевича в редакцию ЛН от 11 ноября 1971 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106.

[26] Там же.

В ответном письме Трифонов объяснял жанровые требования к публикациям в ЛН:

> Что касается очерков Ф. Кубки, то перепечатывать их из книги «Голоса с Востока», конечно, нецелесообразно, как бы ни были они интересны. Это не в правилах «Литературного наследства». Другое дело — большая статья на тему «Ф. Кубка как пропагандист советской литературы» с публикацией неизвестных писем к нему сов<етских> писателей из его личного архива[27].

Аналогично были скорректированы и другие заявки, на каждую из которых Трифоновым выдвинуто встречное предложение: либо сфокусироваться на узком круге материалов, имеющих историко-литературную ценность, либо трансформировать сюжет в аналитическую статью, как в случае с Ф. Кубкой.

Немаловажным является и постскриптум к письму Трифонова, в котором отразилось общее состояние работы над сборником к началу 1971 г.:

> Нельзя ли просить Вас осведомиться у других ленинградских славистов (в частности, у Т.С. Карской, И.М. Порочкиной, Н.К. Жаковой, С.С. Ланды, В.П. Вильчинского), почему они не присылают нам обещанных заявок и материалов. Скажите, пожалуйста, им, что все сроки прошли и мы ждем выполнения их обещаний[28].

Судя по архивным материалам, редакция ЛН в 1971 г. была занята организационными вопросами, в частности, пыталась привлечь к работе над томом сотрудников Института славяноведения и балканистики АН СССР, поскольку ощущала необходимость делегирования ряда полномочий профильным исследователям-регионалистам.

Обращение редакции ЛН к Институту славяноведения и балканистики было закономерным следствием той роли, которую этот научный центр, основанный в 1947 г., играл в советском славяноведении. К числу ключевых направлений деятельности ИСБ в 1960–1970-е гг. относились: изучение межславянских исторических и литературных связей, изучение литератур социалистической направленности, типологическое исследование литературного процесса в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, подго-

[27] Письмо Н.А. Трифонова к О.М. Малевичу от 31 января 1971 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106

[28] Там же.

товка совместных документальных изданий [1, с. 40]. С 1965 г. начал выходить журнал «Советское славяноведение» — единственное в стране специализированное издание подобного профиля, объединявшее исследователей из разных учреждений страны и активно принимавшее публикации зарубежных авторов.

4 мая 1971 г. Щербина и Трифонов обратились к директору ИСБ, члену-корреспонденту АН СССР Д.Ф. Маркову, с предложением совместно подготовить том, посвященный взаимосвязям русской литературы с литературами других славянских стран. В письме подчеркивалось, что ИСБ «располагает большим количеством специалистов, разрабатывающих эту тематику»[29]; совместный характер издания предполагалось отразить на титульных листах книги. Уже 2 июля 1971 г. состоялось первое заседание рабочей группы по подготовке тома, на котором присутствовали представители обоих институтов: от ИСБ — Т.П. Агапкина, Ю.В. Богданов, Л.С. Кишкин, С.В. Никольский, Д.С. Прокофьева, Б.Ф. Стахеев; от редакции ЛН — А.Н. Дубовиков, Л.Р. Ланский, Н.А. Трифонов; от сектора социалистических стран ИМЛИ — С.И. Бэлза.

Принцип организации труда был закреплен протоколом: каждый сотрудник ИСБ прикреплялся к определенному национальному разделу тома и совместно с редактором ЛН был ответствен за подбор материала, как в советских архивах, так и в зарубежных, привлечение авторов, рецензирование и редактирование поступавших текстов[30]. Национальная специализация членов группы непосредственно определяла их зоны ответственности. Согласно письму редакции ЛН от 2 июня 1972 г. с ходатайством о зарубежных командировках, распределение было следующим: В.И. Злыднев курировал болгарский раздел, А.П. Соловьева, Л.С. Кишкин, С.В. Никольский, И.А. Богданова — чехословацкий, Ю.Д. Беляева, Н.И. Кравцов — югославский, Б.Ф. Стахеев, Т.П. Агапкина, Е.З. Цыбенко и Д.С. Прокофьева — польский[31]. Также предполагалось, что каждый национальный раздел будет предваряться вступительными статьями, авторами которых должны были стать сотрудники ИСБ.

Сотрудничество не ограничивалось формальным распределением обязанностей. Поскольку значительная часть архивных источников хранилась за рубежом, редакция ЛН добивалась для членов рабочей группы специальных командировок в социалистические

[29] ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 126.

[30] Протокол № 1 заседания рабочей группы по подготовке тома, посвященного русско-славянским литературным связям, от 2 июля 1971 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 126.

[31] Письмо В.Р. Щербины, Н.А. Трифонова к Д.Ф. Маркову от 2 июня 1972 г. // Там же.

страны сроком от двух до шести недель. В 1974 г., когда польский и чехословацкий разделы уже располагали собранным материалом, наибольшие затруднения вызывал сбор болгарского материала: коллеги из Института литературы Болгарской Академии наук неоднократно обещали прислать статьи и публикации, однако так и не выполнили своих обязательств. В связи с этим Н.А. Трифонов просил Д.Ф. Маркова воспользоваться плановой командировкой В.И. Злыднева в Болгарию и продлить ее на одну неделю для переговоров с болгарскими исследователями[32] — что красноречиво свидетельствует и о зависимости темпов работы над томом от живых личных контактов, и о той роли, которую ИСБ играл в качестве институционального посредника между ЛН и зарубежными научными центрами.

По некоторым фрагментам переписки 1970–1971 гг. становится ясно, что общение с чешскими специалистами продолжалось, однако осуществлялось при личных встречах, в том числе благодаря участию приглашенных ученых-славистов, имеющих установленные контакты с зарубежными учеными и ездящими в командировки в страны, на которых они специализировались. Так, при встрече в Москве чешский русист М. Заградка через А.П. Соловьеву передал свою заявку на тему «Коммунистическая печать Чехословакии и советская литература в период между 1-й и 2-й мировыми войнами»[33].

Но главные перемены в те годы происходили в самой Чехословакии. Сохранился небольшой рукописный отчет о встрече с Э. Олоновой, состоявшейся 12 августа 1971 г. Вероятно, чешская исследовательница была направлена в редакцию ЛН для объяснения ситуации с подготовкой тома и переменах в составе рабочей группы. В нее к августу 1971 г. входила сама Э. Олонова, Э. Германова и Ю. Доланский, вышедший к тому времени на пенсию, но оставшийся в группе в качестве комментатора[34]. Также Олонова сообщила о переменах в структуре Чехословацкой АН и о том, что группа приняла решение остановиться на втором прошлогоднем предложении, приняв во внимание те корректировки, которые были обозначены редакцией ЛН[35].

Несмотря на устные договоренности, за которыми должны были последовать заявки и конкретные предложения по статьям,

[32] Письмо Н.А. Трифонова к Д.Ф. Маркову от 4 апреля 1974 г. // Там же.

[33] Письмо Н.А. Трифонова к Э.М. Олоновой от 16 ноября 1971 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106.

[34] Беседа с Э.М. Олоновой (12 августа 1971 г.) // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 126.

[35] Там же.

соответствующим тематике чешских глав тома, можно констатировать, что 1971 г. не был продуктивным с точки зрения подготовки материалов, и даже назначенная еще на 1970 г. «разведка», то есть поиск тем и определение композиции всего раздела, не была окончена. В письме к Олоновой Трифонов отмечает, что договоренности о подаче заявок нарушены и что редакция так и не получила планы и варианты статей будущих авторов:

> Уважаемая Эльвира Михайловна! Прошло уже почти 3 месяца после нашей беседы в редакции «Литературного наследства», и я хотел бы осведомиться о том, как идет у Вас в Праге работа по собиранию и подготовке материалов для нашего тома.
>
> Хотелось бы, чтобы все участники этой работы активизировались, и чтобы в оставшиеся недели этого года мы получили уже конкретные развернутые заявки от авторов статей и публикаторов.
>
> Мы здесь имели беседу об участии в томе с Мирославом Заградкой (в сентябре) и академиком Л. Штоллом (в начале ноября).
>
> Заградка выразил свою готовность участвовать в томе и дал заявку на статью «Коммунистическая печать Чехословакии и советская литература в период между 1-й и 2-й мировыми войнами». Он же выразил готовность поговорить еще с некоторыми чешскими русистами. Академик Штолл обещал всяческую поддержку нашему начинанию. Он, в частности, говорил о возможности использовать материал из архива Зд. Неедлы.
>
> Итак, напишите нам, в каком положении дела, что уже Вами предпринято и когда можно ждать первых поступлений. Кому следует еще написать?[36]

В начале 1972 г. в редакцию ЛН через А.П. Соловьеву поступило новое предложение от чешских русистов[37]. К 1972 г. их рабочей группой руководит уже Л. Штолл, повторно возглавивший в этом году Институт чешской и мировой литературы (Ústav pro českou a světovou literaturu). Он, в отличие от Матгаузера и Доланского, не являлся специалистом по истории русской литературы и русско-чешским литературным связям, однако был членом ЦК Коммунистической партии Чехословакии с 1946 г., в 1950-е гг. занимал должности заместителя министра образования, министра культуры, ректора Института общественных наук (Institut společenských věd), после

[36] Письмо Н.А. Трифонова к Э.М. Олоновой от 16 ноября 1971 г.

[37] Письмо Э.М. Олоновой в редакцию ЛН от 31 января 1972 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106.

чего успешно служил в Чехословацкой АН, возглавляя Институт чешской и мировой литературы в 1962–1968 гг. и с 1972 г. до самой смерти в 1981 г.[38]

В течение двух последующих лет в редакцию ЛН присылались и передавались заявки, за которыми в отдельных случаях следовала и посылка самих статей и дополнительных материалов. Реорганизация рабочей группы и перестановки внутри Чехословацкой АН стимулировали процесс сбора тома. Была избрана самая общая тематическая рамка — «Сто лет из истории русско-чешских литературных отношений»[39]. Группа пополнилась новыми участниками. Э. Германова, Ш. Влашин, А. Элинек и Э. Олонова представили свои заявки в январе 1972 г., чуть позже их прислали М. Благинка, В. Влашинова. Среди чешских специалистов Э. Германова должна была сосредоточиться на периоде XIX в., а остальные исследователи — на XX в. Присланные заявки были большим существенным прорывом в подготовке чешских материалов «славянского тома». Постепенно у редакции начало складываться целостное представление о структуре и содержании готовящегося издания.

1972 г. должен был стать временем итогового сбора статей, за которым последовала бы редактура, однако в ответ на озабоченное письмо Ровды, в котором он указывает, что последний срок подачи работ был 1 января 1973 г.[40], Трифонов отвечает:

> Многоуважаемый Кирилл Иосифович! Получил Вашу открытку. С присылкой рукописи пыпинских статей Вы еще не опоздали. Том у нас складывается медленно и со скрипом. В ближайшее время нам должны прислать свои материалы (судя по обещаниям, довольно обильные) наши коллеги из Праги и Братиславы. Тогда будут ясны контуры чешско-русского раздела, и будем утверждать его содержание[41].

В мае 1973 г. Трифонов написал еще одно письмо Ровде, в котором подтвердил, что чехословацкие русисты прислали обещанный материал, а также отметил, что сам проект тома еще не был утвержден редколлегией:

---

[38] Rudé právo. 1981. № 1/7 S. 2; См.: *Andreas P.* “Celkem značně uklidněn a chutí do nové práce”. Ladislav Štoll v období pražského jara a rané konsolidace // Česká literatura. Roč. 65. 2017. S. 846–871.

[39] Письмо Э.М. Олоновой в редакцию ЛН от 28 января 1972 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106.

[40] Письмо К.И. Ровды в редакцию ЛН от 4 марта 1973 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106.

[41] Письмо Н.И. Трифонова к К.И. Ровде от 13 марта 1973 г. // Там же.

> Из Чехословакии уже поступила часть материалов для тома, и очертания чешско-русского раздела теперь вырисовываются с большей ясностью. Поэтому можно сказать более определенно о наших намерениях (правда, не утвержденных официально редколлегией) относительно Ваших материалов[42].

За 1973 г. были собраны основные статьи и материалы, которые должны были составить чешские главы будущего тома. Из семи присланных работ к XIX в. относились публикуемые Ровдой «Письма о русской литературе» А.Н. Пыпина и статья Германовой «Поэзия Некрасова в чешской культурной жизни 1870-х гг.». Остальные статьи и материалы были посвящены XX в.: Малевич выслал ранее опубликованное интервью Пастернака и его небольшую переписку с Й. Горой, поэтом и переводчиком его стихотворений на чешский язык, а также совместно с Ф.А. Молоком им была подготовлена обзорная статья-летопись о советско-чехословацких контактах; В. Влашинова прислала статью «Чешская критика о Салтыкове-Щедрине»; Ш. Влашин — статью «Бедржих Вацлавек как критик советской литературы 1920-х гг.»; М. Благинка — статью «Незвал в СССР»; Э. Олонова предложила для публикации письма А.И. Тарасова-Родионова к М. Майеровой с преамбулой и комментарием.

На примере собранных материалов заметна определенная тенденция, свойственная всей работе над томом: выбор тем во многом продиктован включенностью писателя либо в соцреалистический канон (случай Майеровой, Незвала, Вацлавека), либо его определением марксистской критикой как революционного демократа (Некрасов, Салтыков-Щедрин). Особняком стоят письма Пыпина, историка, слависта и двоюродного брата Н.Г. Чернышевского, чьи труды не переиздавались в советское время, и материалы, связанные с Пастернаком и Горой — фигурами в тот период «спорными». Следы дискуссий, ведшихся вокруг них, видны в переписке редакции ЛН с Малевичем. Трифонов в отзыве на его статью писал:

> В характеристике пути Й. Горы обойдены острые углы и трудные периоды. Когда Вы говорите, что в его поэзии синтезировались чуть ли не все литературные направления, получается чуть ли не апологетический тон. Между тем не должно быть никакой апологетики ни Горы, ни Пастернака.

[42] Там же.

Тут же содержалось замечание относительно другой фигуры:

> Есть и некоторые трудные для публикации места. Я не уверен, что можно будет оставить упоминания о Р. Якобсоне в таком тоне[43].

Статья Малевича в итоге вышла, но уже после того, как редакция ЛН отказалась от идеи издания «славянского тома»: она была передана в «Вопросы литературы» и опубликована в 1979 г.[44] В ней, как и планировалось, было напечатано интервью Пастернака с австрийским журналистом Фрицем Брюгелем, которое впервые было опубликовано в чешском журнале в 1936 г.[45], а вместе с ним два письма Пастернака и одно ответное письмо Горы. Примечательно, что в опубликованном тексте имя Р.О. Якобсона сохранилось: его статья охарактеризована как «прекрасная», а сам Пастернак предлагает в случае затруднений при переводе стихов обращаться к филологу за разъяснением темных мест.

Судьба статьи Малевича показательна, поскольку демонстрирует довольно жесткие рамки, заданные редколлегией в отношении данного тома, что, безусловно, подчеркивает особый идеологический статус проекта.

Детальное рассмотрение всех присланных статей и материалов выходит за рамки настоящей работы: часть из них была впоследствии опубликована[46], судьбу остальных точно установить еще не удалось. Среди напечатанных — два материала, представлявших несомненный историко-литературный интерес. Статья Э. Олоновой вводила в оборот документы из пражского архива М. Майеровой: неопубликованные воспоминания о встрече с Маяковским в Праге в 1927 г., переписку с Тарасовым-Родионовым о переводе его повести, материалы о переводах Бабеля — живые свидетельства

---

[43] Письмо Н.А. Трифонва к О.М. Малевичу от 2 июля 1973 г. // Там же.

[44] Йозеф Гора и Борис Пастернак (К истории одного перевода) / вступит. статья, коммент. и публ. О. Малевича и Е.В. Пастернак; пер. с чешского О. Малевича // Вопросы литературы. 1979. № 7. С. 177–187.

[45] *F. Brugel.* Rozmluva s Borisem Pasternakem // Listy pro umeni a kritiku. 1936. Roč. IV, № 1. S. 10–12.

[46] Письма А.Н. Пыпина о русской литературе в чешском журнале / публ. К.И. Ровды // Литературные связи славянских народов. Исследования. Публикации. Библиография. Л: Наука, 1988. С. 237–273; *Olonová E.* Z archívu Marie Majerové // Česká literatura. 1982. Roč. 30, № 2. S. 164–175; Ш. Влашин в 1979 г. издал монографию о Б. Вацлавке: *Vlašín Š.* Beřich Václavek. Praha: Melantrich, 1979; М. Заградка не прислал свои статьи, однако план его заявки коррелируется с книгами, которые были изданы им в 1970–1980-х гг.: Alexandr Fadějev a Československo. Ostrava: Profil, 1976, 104 s. (spoluaut. C. Kučera); Sovětská literature a my: O československo-sovětských literárnich vztazich let 1918–1978. Praha: Československý spisovatel, 1981. Непринятая статья Ф.А. Молока «Пушкинский юбилей 1937 г. в Чехословакии» позже вошла в его работу: Пушкинский юбилей 1937 года в русском зарубежье // Русская литература. 1999. № 4. С. 143–152.

советско-чешского литературного сближения межвоенных лет. Публикация Ровды впервые знакомила русскоязычного читателя со статьями Пыпина 1858–1859 гг. из «Журнала Чешского королевского музея»: в них один из сотрудников «Современника» представлял чешской аудитории реалистическое направление русской литературы — в противовес славянофильской картине, до тех пор определявшей чешские представления о России.

Тематика присланных чешских материалов в целом позволяет сделать наблюдение, существенное для понимания общей логики подготовки всего тома. ЛН традиционно придерживалось определенной редакционной модели: каждый том строился вокруг историко-литературной темы, развить и описать которую было можно прежде всего с помощью введения в научный оборот новых архивных материалов — неопубликованных писем, дневников, автографов и т. п. Именно эта связка между аналитическим рассмотрением заданной тематики и архивной публикацией составляла отличительную черту издания и определяла его научный вес. В случае замысла чешского раздела эта модель в полной мере реализована не была. Большинство присланных статей тяготело либо к документальному монтажу без выраженной аналитической рамки, как статья Благинки о Незвале, представлявшая собой подборку высказываний поэта об СССР из разных источников за многие годы, либо к сюжетам, охватывавшим слишком широкий хронологический и тематический диапазон. Статьи о чешской критике Салтыкова-Щедрина или о Вацлавке как критике советской литературы воспроизводили логику историографического обзора без архивных открытий, от чего редакция ЛН предостерегала участников с самого начала переговоров.

Следующие два года редакция ЛН фактически не вела переписку с чешскими исследователями. Из корреспондентов остался только Малевич, который в течение этого времени пытался собрать дополнительные материалы к летописи советско-чешских отношений 1920–1930-х гг., которой он был занят совместно с Молоком, а также перерабатывал свою вступительную статью к материалам о Пастернаке и Горе. Пауза в общении является закономерным результатом после трех лет совместной работы. Если бы подготовка тома шла планомерно, то ЛН должно было еще в 1973 г. перейти к редактированию и предпечатной подготовке тома, однако децентрализация проекта и невыполнение обещаний — высылка статей в положенные сроки[47]— замедлило процесс сбора материала.

[47] Письмо Н.А. Трифонова директору Института литературы Болгарской Академии наук Т. Жечеву от 2 апреля 1974 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 126. В нем Трифонов

Положение дел в других национальных разделах тома складывалось не менее сложно.

Польский раздел был наиболее развернутым. Был собран обширный круг материалов — неопубликованная рукопись П.Я. Чаадаева «Un mot sur la question polonaise» (1831), письма Герцена и Огарева к польским революционерам, семь неизданных писем Мицкевича к русским корреспондентам, переписка Вл. Броневского, письма Эренбурга к Тувиму и многое другое [7, с. 127–132]. С советской стороны ключевую роль играл историк-полонист С.С. Ланда, готовивший работы о переводчике польской литературы В.Г. Анастасевиче и Мицкевиче [7, с. 124–125]. Однако, несмотря на обилие собранного, часть материалов дублировала уже опубликованное или не соответствовала редакционному принципу ЛН опоры на впервые вводимые в оборот архивные документы.

Болгарский раздел с самого начала складывался труднее всего. Трифонов сформулировал для него четкую тематическую программу — восприятие Пушкина, Толстого, Горького, Маяковского и советской литературы в Болгарии — и предпринял попытку привлечь к участию крупных болгарских писателей (Г. Цанев, О. Василев, Х. Радевский, Г. Караславов). Из всего круга приглашенных откликнулись немногие: Г. Цанев прислал статью «Русская классическая и советская литература в моей жизни», а М. Гургулова «Болгария в творчестве и жизненной судьбе В. Гаршина».

Югославский раздел также располагал рядом присланных материалов: о Короленко в Югославии (П. Митропан), о журнале «Зенит» и советской литературе (А. Флакер), «Киевский дневник» С. Ранковича (М. Стойнич), статья о Лермонтове в Словении (Л. Кракар). Свои мемуарные свидетельства прислали поэтесса Д. Максимович и переводчик Маяковского и Горького Р. Загович.

Словацкий раздел отличался документальной конкретностью: анонимная статья 1868 г. «Русский голос к словакам» с установленным на основе сохранившихся документов авторством (В. Матула), исследование на основе неопубликованной переписки Я. Влчка с профессором Киевского университета Т. Флоринским, которая была посвящена переводу на русский язык «Истории словацкой литературы» (М. Молькер), работа об отношении Л. Новомеского к советской литературе (К. Розенбаум), материалы о визитах советских писателей в Словакию и словацких писателей в СССР

с сожалением сообщает новому руководителю института следующее: «до сих пор несмотря на неоднократные наши напоминания мы не получили никаких материалов, кроме статьи Х. Дудевского».

в 1920–1930-е гг. (Л. Кнезек), статья о русских поэтах в словацких переводах (Э. Панова) и материалы о журнале «ДАВ» и советской литературе (В. Черевка).

Несмотря на отдельные яркие идеи и материалы, нельзя сказать, что планировавшийся том на момент 1975 г. отличался глубиной проработки и архивной новизной. Скорее, собранные статьи в большей степени походили на типичный межинститутский сборник тех лет, участие в котором приняли исследователи разных стран, прислав материал по интересующей их теме.

В ответ на письмо Малевича, в котором он просил прислать ему статью о Пастернаке и Горе, чтобы приступить к ее доработке, Трифонов сообщил, что в начале 1976 г. будет рассматриваться вопрос о целесообразности продолжения подготовки всего издания и после вынесенного решения статью пришлют Малевичу[48].

Среди архивного массива документов, связанных со «славянским томом», есть и те, которые проливают свет на внутриредакционные оценки хода работ по подготовке книги. Сохранился один из черновиков «сообщения» Трифонова для отчета перед редколлегией и руководством ИМЛИ, в котором обозначены важные причины будущего отказа от издания тома.

> Сообщение о работе над русско-славянским томом (конечно, его офиц<альное> название будет иное — м<ожет> б<ыть>, «Русская литература и зарубежный славянский мир»).
>
> Я хочу начать с указания на то, что работа над этим томом связана с некоторыми особыми трудностями. Поэтому она идет гораздо медленнее, чем хотелось бы. Какие же трудности я имею в виду?
>
> Приступая к созданию наших томов, мы чаще всего исходим из конкретного, имеющегося в нашем распоряжении материала (и это нормальный путь). Напр<имер>, в Архиве Горького лежит переписка Гор<ького> с советскими писателями. Она и составила собрание 70 тома. Или другие примеры — записки Маковицкого, материал трудный, требующий большой и напряженной текстологической работы, но это налицо перед нами.
>
> В [данном] же случае мы исходим (только) от идеи, от темы, а материал нужно искать, при этом обнаруживаем, что его нелегко найти, так как на протяжении последних 25–30 лет и наши, и зарубежные исследователи уже очень много опубликовали и исследовали, они много написали на тему о наших литературных связях.

[48] Письмо Н.А. Трифонова к О.М. Малевичу от 31 декабря 1975 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106.

[Назову только несколько примеров]

Изучение литер<атурных> взаимосвязей (важное направление нашего славяноведения). Этим усиленно занимались три больших научных центра — 1) <в> Инст<итуте> Славяноведения, <2)> в ИМЛИ, <3)> в ИРЛИ, не говоря уже о многих периферийных учреждениях[49]. <…>

Вторая трудность. У нас в редакции нет прямых специалистов по этой теме. Мы как дисциплинированные солдаты взялись за нее, но нам приходится иметь дело с недостаточно знакомым материалом и лишь постепенно, медленно приобретать ориентировку в этом безбрежном мире. К тому же мы совершенно недостаточно владеем славянскими языками (я, например, могу читать только по-польски).

Поэтому мы не можем работать без тесного сотрудничества со специалистами-славистами, о чем будет сказано дальше.

3. Мы решили делать этот том совместно с зарубежными научными учреждениями и исследователями. И поэтому приходилось очень много времени и усилий тратить на организационную работу, на установление и поддержание контактов и связей, на постоянную переписку (за последние годы главным жанром, которым занимаюсь, стал эпистолярный).

При этом результат часто не оправдывал наших усилий. Многие заруб<ежные> русисты и акад<емические> учреждения проявляют к нашим предложением чисто платонической интерес и ограничиваются лишь обещаниями (я это покажу дальше на примере Болгарии).

4. Некоторые материалы поступают к нам на иностранных языках. Нужно переводить. Это затягивается. Трудно найти тех, кто берется за перевод. Мы договорились с <нрзб> что тот будет оплачивать по 40 р<ублей> за лист. Но это квалифиц<ированных> переводчиков не устраивает, а неквалифицир<ованные> дают нечто маловразумительное. К тому же иногда после перевода мы убеждаемся, что статья или публикация недостаточно ценная для нас, недост<аточно> значительная. Получается, средства <нрзб> затрачены впустую.

5. Я не упомянул еще об одной трудности, возникающей на пути оплаты зарубежных авторов. До присоединения нашей страны к Женевской конвенции[50] все было очень просто, мы обычно вы-

[49] Дальше в сообщении идет длинный список сборников, изданных в 1950–1960 гг. и посвященных различным аспектам литературных связей между русской культурой и славянским миром: приведено около 15 наименований.

[50] СССР присоединился к Женевской Всемирной конвенции об авторском праве 27 февраля 1973 г.

плачивали и заруб<ежным> авторам гонорар в советских деньгах, и авторы, проездом Сов<етскую> страну, получали гонорар или высылали доверенность своим знакомым и родственникам. Теперь нужно будет платить в валюте той страны, откуда автор.

Придется получать разрешение, согласовывать с вышестоящими организациями.

Кстати, я уже консультировался с ВААП — новосозданным Всесоюзным Агентством по охране Автор<ских> прав.

Разговарив<ал> с Н.П. Карцевым. Он говорит, что изд<ательст>во (а м<ожет> б<ыть> РИСО) должно переправить письмо в ВААП с тем, чтобы урегулировать вопрос на оплату авторов, привлеченных из заруб<ежных> стран. <…>

6. При наличии нашего очень маленького редакц<ионного> коллектива и насыщенного нашего плана приходится параллельно работать над несколькими темами и главное внимание уделять другим темам, которые содержатся в плане или материал по которым накапливается быстрее.

Так А.Н. [Дубовиков] был занят Буниным и затем сбор<ным> томом, который утвердили. <…>[51]

Обширный перечень организационных трудностей, зафиксированных в «сообщении» Трифонова, тем не менее отходит на второй план перед концептуальными противоречиями, определившими судьбу тома. Разрыв между редакционной политикой ЛН, предполагавшей единство историко-литературной темы и самих архивных или аналитических публикаций, и тем материалом, который в итоге был собран, оказался непреодолимым. Работа с представителями четырех зарубежных научных сообществ, каждое из которых обладало собственными представлениями об издательских задачах и о границах допустимого в условиях различных политических контекстов, неизбежно порождала разнородность и тематическую рассредоточенность, несовместимые с принципами, которым следовало издание на протяжении многих лет. Политическая мотивация, изначально заданная как условие подготовки тома, вступала в противоречие с тем, что могло быть предложено: вместо идейно выверенной книги с опорой на новые архивные источники складывался конгломерат историографических обзоров и документальных подборок, объединенных лишь общей темой, но не общей исследовательской логикой. История чешского раздела наглядно

[51] ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 126.

демонстрирует эту закономерность: на каждом этапе подготовки — от первых размытых предложений Матгаузера и Доланского до финального корпуса статей — материал тяготел к фрагментарности, которую не удавалось преодолеть ни редакционными усилиями, ни сменой руководителей проекта с чешской стороны. Именно эта содержательная специфика вместе с совокупностью частных организационных сбоев стала настоящей причиной отказа от издания «славянского тома».

Этот вывод становится особенно очевидным на фоне того, как ЛН работало с темой международных литературных связей ранее. Уже с конца 1930-х гг. издание последовательно обращалось к этому кругу проблем: трехтомник «Русская культура и Франция» (тт. 29/30, 31/32, 33/34; 1937–1939) заложил масштабную документальную базу для изучения русско-французских культурных отношений XVIII–XIX вв. Двухтомник «Толстой и зарубежный мир» (т. 75; 1965) охватил более шестидесяти стран, привлек мемуары, письма и архивные материалы, а сам стал образцом того, как тема международного восприятия русского писателя может быть решена на уровне первоисточников. Близкий по времени к «славянскому» том «Из истории МОРП» (т. 81; 1969) — труд группы сотрудников ИМЛИ под редакцией А. Дубовикова и Р. Ланского — показал возможности документальной реконструкции истории международного литературного движения межвоенного периода. Наконец, фундаментальное исследование М.П. Алексеева «Русско-английские литературные связи» (т. 91; 1982), первый вариант рукописи которого был готов еще в 1946 г., наглядно воплощало редакционную политику ЛН: монографическая глубина, архивная насыщенность, строгая исследовательская логика. В сравнении с этими изданиями полученные по итогам пятилетней подготовки «славянского тома» работы выглядели не просто скромно, но принципиально несовместимо с тем стандартом, который ЛН само для себя установило.

В начале 1976 г. редакция ЛН приняла решение прекратить подготовку тома, однако сообщила об этом Л. Штоллу лишь в письме от 22 июня 1976 г.:

> Глубокоуважаемый Ладислав Эмильевич!
>
> На протяжении ряда лет редакция «Литературного наследства» вела работу по собранию материала для тома, посвященного изучению взаимосвязей русской литературы с литературами других славянских стран. С этой целью редакция установила связи

с научными учреждениями и отдельными исследователями как Советского Союза, так и зарубежных славянских стран, в том числе и с руководимым Вами Институтом.

В результате длительных усилий нами было получено некоторое количество работ, в частности, из Чехословакии было прислано 7 статей и публикаций. Однако, в целом по всему тому среди присланных материалов преобладающее место занимали статьи и обзоры, построенные на печатных источниках и не содержащие документальной основы. Такие статьи могли бы составить содержание научного сборника, но они мало специфичны для «Литературного наследства» — издания, которое строит свои тома преимущественно на неопубликованных документах.

В виду сказанного, редакция вынуждена прийти к выводу, что собранные работы не дают возможности создать полноценный том, соответствующий традициями и задачам «Литературного наследства». <…>[52]

История чешских глав «славянского тома» показывает, что нереализованные проекты ЛН заслуживают не менее пристального внимания, чем изданные тома. В отказе от замысла может отражаться как частная неудача, так и фундаментальное противоречие между логикой издания, выстраивавшего каждый том вокруг архивных открытий, и логикой политически мотивированного сотрудничества, которое по природе своей тяготеет к декларативности и скорей к поверхностной широте охвата материала в ущерб углубленному его рассмотрению.

Литература

1. *Аксенова Е.П.* Институт славяноведения и балканистики РАН за 50 лет (1947–1997). Краткий исторический очерк // Институт славяноведения и балканистики: 50 лет: сб. ст. М.: Индрик, 1996. С. 33–63.

2. *Галушкин А.Ю, Фролов М.А*. Слишком «Новое о Маяковском» // Литературный факт. 2017. № 5. С. 288–294. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2017-5-288-372

3. *Куделин А.Б., Московская Д.С., Спивак М.Л.* «“Литературное наследство” за все эти годы было таким большим делом…». К 90-летию академической серии «Литературное наследство» // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92, № 2. С. 118–124. https://doi.org/10.31857/S0869587322020050

[52] Письмо Н.А. Трифонова Л. Штоллу от 22 июня 1976 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106.

4. *Курилов А.С.* Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук: в 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2025. Кн. 2: Научно-исследовательская деятельность. 1946–1982. 376 с.

5. *Лотман Ю.М.* Ян Мукаржовский — теоретик искусства // Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М.: Искусство. 1994. С. 8–34.

6. *Сорокин С.А.* Проблемы взаимоотношений власти и научной интеллигенции в Чехословакии в контексте событий Пражской весны // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 5. С. 63–71. https://doi.org/10.7256/2454-0609.2025.5.75805

7. *Федоров М.Л.* «Литературное наследство»: неизданные «польские» тома // Przegląd Rusycystyczny. 2016, № 2 (154). S. 121–134.

8. *Míšková A., Barvíková H., Šmidák M.* Československá akademie věd 1969–1972. Restaurace kominstické moci ve vědě. Praha: Ústav pro soudobé dějny AV ČR, 1998. 149 s.

9. *Strohsová E.* Zpráva o diskusi // Česká literatura. 1964. Roč. 12, № 2. S. 145–154.

Research Article and Publication of Archival Documents

From the History of the Unpublished Slavic Volume of “Literaturnoe nasledstvo”: Czech Materials

© 2026. Nikita V. Moroz
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Abstract: The article examines the history of one of the largest unrealized projects of “*Literaturnoe nasledstvo”* — the so-called Slavic volume (“Russian Literature and the Foreign Slavic World”), which was in preparation from 1970 to 1975. The focus is on the Czech materials of the volume: the editorial correspondence with Czechoslovak academic institutions and individual scholars, the history of assembling the contributors, and the evolution of the thematic concept of the Czech section. Drawing on archival documents from the “*Literaturnoe nasledstvo”* fonds at the manuscript department of IWL, the article reconstructs the preparation of the volume: from the first contacts with the Institute of Languages and Literature of the Czechoslovak Academy of Sciences in 1970 to the final decision to abandon the project in 1976. Particular attention is paid to the political context — the consequences of the events of 1968 for Soviet-Czechoslovak scholarly relations and the way the normalization policy affected the composition of the Czech contributors. The article also analyzes the institutional conditions that gave rise to the project: the role of IWL and its Department of Socialist Literatures, as well as the Institute of Slavic and Balkan Studies of the USSR Academy of Sciences, as the key centers for the study of Russian-Slavic literary relations in the 1960s – 1970s. The article argues that the project’s failure stemmed from a fundamental

contradiction between the editorial model of *Literaturnoe nasledstvo*"*Literaturnoe nasledstvo"* — oriented toward introducing new archival sources into scholarly circulation — and the ideologically prescribed framework for selecting material, which prevented the formation of a volume meeting the publication's scholarly standards.

Keywords: "*Literaturnoe nasledstvo"*, unrealized publishing projects, Russian-Czech literary relations, Soviet literary scholarship, history of scholarship.

Information about the author: Nikita V. Moroz, Junior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0002-4211-6477

E-mail: 14661536@inbox.ru

For citation: Moroz, N.V. "From the History of the Unpublished Slavic Volume of 'Literaturnoe nasledstvo': Czech Materials." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (40), 2026, pp. 400–433. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-400-433

References

1. Aksenova, E.P. "Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN za 50 let (1947–1997). Kratkii istoricheskii ocherk" ["The Institute of Slavic and Balkan Studies of the Russian Academy of Sciences over 50 Years (1947–1997): A Brief Historical Essay"]. *Institut slavianovedeniia i balkanistiki: 50 let: sbornik statei* [*Institute of Slavic and Balkan Studies: 50 Years: Collected Articles*]. Moscow, Indrik Publ., 1996, pp. 33–63. (In Russ.)

2. Galushkin, A.Iu., Frolov, M.A. "Slishkom 'Novoe o Maiakovskom'" ["It's All Too Much 'New Materials on Mayakovsky'"]. *Literaturnyi fakt*, no. 5, 2017, pp. 288–294. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2017-5-288-372 (In Russ.)

3. Kudelin, A.B., Moskovskaia, D.S., and M.L. Spivak. "'Literaturnoe nasledstvo' za vse eti gody bylo takim bol'shim delom…'. K 90-letiiu akademicheskoi serii 'Literaturnoe nasledstvo'." ["'Literaturnoe nasledstvo' over All These Years Was Such a Big Thing…': On the 90th Anniversary of the Academic Series 'Literaturnoe nasledstvo'."]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 92, no. 2, 2022, pp. 118–124. https://doi.org/10.31857/S0869587322020050 (In Russ.)

4. Kurilov, A.S. *Institut mirovoi literatury im. A.M. Gor'kogo: in 2 kn.* [*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences: in 2 books*], book 2: Nauchno-issledovatel'skaia deiatel'nost', 1946–1982 [Research Activities, 1946–1982]. Moscow, IWL RAS Publ., 2025. 376 p. (In Russ.)

5. Lotman, Iu.M. "Ian Mukarzhovskii — teoretik iskusstva (vstupitel'naia stat'ia)" ["Jan Mukařovský — Art Theorist (Introductory Article)"]. Mukarzhovskii, Ia. *Issledovaniia po estetike i teorii iskusstva* [*Studies in Aesthetics and Theory of Art*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994, pp. 8–34. (In Russ.)

6. Sorokin, S.A. "Problemy vzaimootnoshenii vlasti i nauchnoi intelligentsii v Chekhoslovakii v kontekste sobytii Prazhskoi vesny" ["Problems of Relations between the Authorities and the Scientific Intelligentsia in Czechoslovakia in the Context of the Prague Spring Events"]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniia*, no. 5, 2025, pp. 63–71. https://doi.org/10.7256/2454-0609.2025.5.75805 (In Russ.)

7. Fedorov, M.L. "'Literaturnoe nasledstvo': neizdannye 'pol'skie' toma" ["'Literaturnoe nasledstvo': Unpublished 'Polish' Volumes"]. *Przegląd Rusycystyczny*, no. 2 (154), 2016, pp. 121–134. (In Russ.)

8. Míšková, Alena, Barvíková, Hana, and Miroslav Šmidák. *Československá akademie věd 1969–1972. Restaurace kominstické moci ve vědě*. Praha, Ústav pro soudobé dějny AV ČR Publ., 1998. 149 p. (In Czech)

9. Strohsová, Eva. "Zpráva o diskusi." *Česká literatura*, roč. 12, no. 2, 1964, pp. 145–154. (In Czech)

Статья поступила в редакцию: 11.03.2026
Одобрена после рецензирования: 20.04.2026
Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 11.03.2026
Approved after reviewing: 20.04.2026
Date of publication: 25.06.2026

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.1
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-434-470
https://elibrary.ru/FBMBXY

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (40), 2026

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Я остаюсь “живым” до последнего дня моей жизни» Из переписки с Н.И. Харджиевым (1976–1994)

© 2026, Стефано Гардзонио
Пизанский университет, Италия

Аннотация: В публикации представлена переписка двух историков литературы из разных стран — Советского Союза и капиталистической Италии. Она охватывает почти два десятилетия, а корреспонденты представляют разные поколения ученых: если москвич Николай Иванович Харджиев (1903–1996) к моменту знакомства и началу общения — уже «легенда», близкий знакомый многих героев отечественной культуры 1920–1930-х годов, хранящий о них живое предание и собравший ценнейший литературный архив и художественную коллекцию, то флорентиец Стефано Гардзонио (р. 1952) — молодой славист, работающий над дипломной работой о Маяковском и увлеченный историей русского авангарда, а позже — и словесностью XVIII и XIX вв. Юный итальянец сразу завоевал доверенность и симпатию часто настороженно относившегося к людям Харджиева. Их переписка — интересный пример неформального трансграничного научного диалога конца советской эпохи.

Ключевые слова: Н.И. Харджиев, авангард, история русской литературы, итальянская славистика, научные контакты, эпистолярий.

Сведения об авторе: Стефано Гардзонио — доктор наук, профессор, Пизанский университет, Lungarno Antonio Pacinotti, 43, 56126 Пиза, Италия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9316-9758CV
E-mail: stgarzo@tin.it

Для цитирования: *Гардзонио Стефано.* «Я остаюсь “живым” до последнего дня моей жизни». Из переписки с Н.И. Харджиевым (1976–1994) // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 434–470. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-434-470

Среди пиитов и ученых,
Среди подружек и подруг,
Ты — самый лучший, мой Крученых,
Почти единственный мой друг.

Феофан Бука [Н. Харджиев].
«Признание»

Я познакомился с Николаем Ивановичем в начале 1974 года. Его телефон я получил от В.Б. Шкловского. В своем письме к Н.И. Харджиеву (январь 1974 г.) Шкловский сделал следующую приписку с ошибкой в фамилии: «Направляю к Вам молодого Стефано Гирзони» [1, т. 3, с. 100][1].

Будучи тогда еще студентом, я для дипломной работы занимался Маяковским. Выбранная мной тема была «Маяковский и поэты-сатириконцы». «Кто лучше, чем Н.И. Харджиев, может вам помочь?», — сказал Виктор Борисович и сразу пообещал меня познакомить с ним. Через несколько дней я уже был на Кропоткинской и, быстро прошагав дворик в Сеченовском переулке и выбрав нужный подъезд, стал подниматься по темной лестнице. На втором этаже открывалось огромное окно прямо на кухню коммунальной квартиры. Когда Николай Иванович, уже живя в других домах, подозрительно и осторожно открывал свою дверь и «тихим» жестом приглашал гостя быстро войти и сразу же закрывал на замок тяжелую, покрытую черной кожаной облицовкой дверь, я всегда вспоминал об этой кухне и о странном человечке, инвалиде, который однажды проглянул через окно. Подумал, вот он и проверяет, кто ходит к Харджиеву. Н. И. жил двумя этажами выше. Когда он открыл мне дверь в первый раз, я сразу заметил многочисленные картины (помню, например, картину с деревьями Е. Гуро, которая после переезда на ул. Усачева на стене уже не висела), огромный стол для работы, стеклянный книжный шкаф. Много поэтических сборников (большинство с дарственными надписями). Сразу же заметил карандаш и резинку на чистом листе бумаги. Тогда Н. И. жил один. Он сразу предложил чай с печеньем и сыром. Чай заварил очень крепким. Впоследствии стал предлагать и армянский коньяк. Он сам не пил, но охотно наливал рюмочку в ходе пылкого рассказа о русской поэзии или живописи.

Рассказы Н. И. развивались свободно с любого «пункта отправления» (обычно вопрос о том, чем тогда я был занят или по поводу приобретенной мною новой или букинистической книги). Много он

[1] Любопытно, что это письмо Шкловского Харджиеву было первым после долгого разрыва отношений (кажется, с 1934 г.).

говорил об искусстве (и не только XX века). В первые годы я дарил ему художественные альбомы итальянских мастеров, первым был Карпаччо... оттуда он просто путешествовал в прекрасном словесном мире аналогий, воспоминаний, цитат. Почти вся наша ранняя переписка состоит из открыток. Я посылал репродукции картин итальянских мастеров, Н. И. — русского лубка или любимых художников русского авангарда.

Как мне говорила Л.Я. Гинзбург (она познакомилась с Н. И. еще в Одессе в 1926 году), у Харджиева было «недостижимое художественное чутье», он был «выше в своей артистической манере рассказывания, чем в своих печатных работах»[2]. Я помню, что, проводя у него целые вечера, я никогда не уставал и у нас практически не было бессюжетных пауз.

В последний раз я встретил Н. И. в Амстердаме 16 июня 1994 года после его скандального отъезда из России. Передо мной был умирающий человек, душевно уже мертвый, хотя вдруг, когда он заговорил о Введенском, у него опять стали светиться глаза и зазвенел голос. Он мне нарисовал на бумажке проект своей могилы. Под православным крестом он начертил: «Н. Х. русский филолог». Скоро появилась его жена, Лидия Васильевна Чага (1921–1995), падчерица художника Д. Митрохина, попросила меня не утомлять Н. И. Я скоро ушел. На следующий день я позвонил, чтобы зайти опять. Л. В. объяснила, что Н. И. не в состоянии принимать (эту песню я слышал сто раз, с тех пор, как она вернулась к нему; после Кропоткинской Харджиев жил с 1979 года на улице Усачева, потом они переселились на ул. Профсоюзную), я пробовал возражать, но уже понял, что больше его не увижу. Как известно, она вскоре погибла при очень неясных обстоятельствах, а сам Н. И. умер в июне 1996 года.

О своих беседах о литературе с Харджиевым я уже писал [2]. Правда, еще много осталось в памяти и в моем архиве, но главное — это довольно обширная переписка с ним (мои письма теперь хранятся в РГАЛИ). Кое-что потерялось, конечно, но в общем-то основной материал сохранился. В переписке, как и в беседах с Н. И., часто участвовала моя супруга, Наталья Михайловна Чернявская. Приезжая чаще меня в Россию, она его регулярно посещала и передавала письма и литературные материалы.

В переписке с Николаем Ивановичем затронуты многие темы и вопросы русской литературы и искусства. С одной стороны, пись-

[2] «Разговоры Харджиева» можно считать особым культурным явлением, достойным записи и публикации; см., например: [4; 5].

ма содержат данные о процессе публикации научных работ самого Н. И. и его повести о художнике Павле Федотове, с другой, они дают некоторую информацию о начале моей карьеры как слависта[3]. С этой точки зрения, интересно отметить, как Николай Иванович мне помогал советами и библиографическими сведениями.

Было со стороны Николая Ивановича и предложение писать совместную работу о Пушкине и Батюшкове[4], но трудности общения (в частности, вмешательство жены Николая Ивановича) не позволили осуществиться данному проекту. По этому поводу Лидия Васильевна мне так написала: «Уважаемый профессор Гарзонио, не считаете ли Вы, что некоторые подарки принимать зазорно? Публикацию Батюшков–Пушкин должен сделать сам Николай Иванович. Здесь, в России. Со мной согласны филологи, которых я посвятила в эту неприличную историю (*Москва, 10 октября 91 г.).* И спустя неделю категорично сообщила: «Уважаемый профессор Гарзонио, уведомляю Вас, что Николай Иванович Харджиев публикует свою работу “Пушкин-Батюшков”. Надеюсь, что синьора, Ваша супруга, здорова» (*Москва, 18 октября 91 г.*). Таким образом, несмотря на проделанную мною работу, я не стал больше этим заниматься. А статья Н. И. «Есть наслаждение и в дикости лесов…» вышла год спустя в «Литературной газете» (1992, 23 сентября).

В данную публикацию в хронологическом порядке включены все сохранившиеся письма Н.И. Харджиева и выборочно мои. Следует иметь в виду, что Н. И. на мои вопросы чаще отвечал при личных встречах, чем в письмах, а переписка переплеталась с другими способами общения — визиты и телефонные разговоры, устные сообщения через коллег. Поэтому нет в ней точной последовательности. Кроме того, некоторые письма утрачены. Надо учитывать и то, что письма писались с определенной осторожностью, «автоцензурно», иногда даже с намеренным камуфлированием обращения и маскировкой авторства, если речь шла о заграничной публикации работ Н. И.

Хочу выразить особую благодарность А.Е. Парнису за поддержку и советы и дирекции РГАЛИ за предоставление копий моих писем из фонда Н.И. Харджиева; они печатаются по этому источнику (Ф. 3145. Оп. 1. Ед. хр. 135); оригиналы писем Н.И. Харджие-

[3] Начальным годам в профессии я посвятил художественный очерк [3], не забыв в нем сказать и о Н.И. Харджиеве.

[4] Об этом см. пп. 41, 43.

ва — в моем собрании. Почти все письма Н. И. написаны из Москвы, мои — из Флоренции, кроме последних в подборке, что специально оговорено.

1. Н.И. Харджиев — С. Гардзонио

8 апреля 1976

Дорогой Stefano, благодарю за память и за каталог выставки: он очень интересен.

Привет Наташе. Всего вам доброго.

Н. Харджиев.

2. Н.И. Харджиев — С. Гардзонио и Н.М. Чернявской

<8 января 1977>

Дорогие Наташа и Стефано,

благодарю за новогодний привет и шлю самые светлые пожелания. Зима у нас многоснежная и крепкоморозная. Когда-то я очень любил такую погоду, а сейчас она тормозит мою работу над Хлебниковым.

С сердечным приветом,

Н. Харджиев.

Датируется по почтовому штемпелю.

3. С. Гардзонио — Н.И. Харджиеву

24 апреля 1977

Глубокоуважаемый Николай Иванович,

позвольте мне Вам передать мой самый сердечный привет. У меня все в порядке. Скоро выйдет моя первая статья про метрику XVIII века и уже собираюсь писать учебник по русской метрике[1]. Вспоминаю всегда с глубокой признательностью наши встречи. Желаю Вам успехов в труде и хорошего здоровья. До скоро свидания

С. Гардзонио.

---

[1] Речь идет о статье: *Garzonio Stefano.* Ritmo e genere alla luce dell'evoluzione della tetrapodia trocaica nel corso del XVIII secolo in Russia // Strumenti critici. 1977. V. 34, ottobre. P. 444–488. Что касается учебника по метрике, то я его закончил, и его пересмотрел М.Л. Гаспаров (у меня копия с его замечаниями). Увы, он так и остался ненапечатанным.

4. Н.И. Харджиев — С. Гардзонио и Н.М. Чернявской

<4 октября 1977>

Дорогие Наташа и Стефано, с опозданием (хворал!) поздравляю Вас с рождением первенца, который юношей вступит в 3-ье тысячелетие. Пусть младенца хранят все великие художники Венеции, именами которых он наречен[1].

С сердечным приветом,

Н. Х.

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Наш сын Якопо Гардзонио (р. 1977); полное имя — Jacopo Giovanni Tiziano. Харджиев подразумевает Якопо Тинторетто, Джованни Беллини и Тициана Вечеллио.

5. С. Гардзонио — Н.И. Харджиеву

3 апреля 1978

Глубокоуважаемый Николай Иванович!

Наконец-то я собрался написать Вам. Сейчас много работаю, пишу. Только Вас очень не хватает, чтобы поговорить, посоветоваться. Моя книга почти окончена, одновременно моя статья о четырехстопном хорее в XVIII веке должна скоро выйти в журнале «Strumenti Critici», одном из самых значительных периодических изданий в Италии. Кроме этого, готовлю небольшую статью о переводе Данте Катениным[1] (осенью я собираюсь выступить на конгрессе, посвященном литературному переводу на озере Гарда) и перевод статьи Лихачева о древнерусском смехе с моей рецензией[2].

В будущем учебном году я буду читать в Урбино курс лекций, посвященный русскому былинному стиху. Я бы хотел заниматься изучением влияния народной поэзии на футуристов и особенно на Хлебникова, не только с точки зрения метрики, но и композиции, стиля и т. д. Мне бы очень хотелось услышать Ваше мнение по этому поводу, и надеюсь много и интересно говорить с Вами летом в Москве.

Мы давно не получаем от Вас известий и беспокоимся, как Ваше здоровье. Надеемся, что Вы хорошо провели зиму. А как Ваша работа? Напишите нам.

На этом я заканчиваю, желаю Вам всего хорошего, до встречи в Москве.

Стефано Гардзонио.

---

[1] Статья вышла в следующем году: Роль Катенина в становлении русского метрического эквивалента итальянского эндекасиллаба // La traduzione letteraria dal russo nelle lingue romanze e dalle lingue romanze in russo. Milano: Cisalpino-Goliardica, 1979. P. 159–171.

[2] Имеются в виду перевод главы книги Д.С. Лихачева и А.М. Панченко «Смеховой мир Древней Руси» (1976) и моя вступительная статья «Dmitrij Sergeevič Lichachëv» (Strumenti critici. № 42–43, ottobre 1980. P. 591–596).

6. С. Гардзонио — Н.И. Харджиеву

14 декабря 1978

Дорогой Николай Иванович,

хочу, прежде всего, поздравить Вас с Новым Годом и пожелать Вам здоровья, счастья и успехов в Вашей работе.

У нас все в порядке, т.е. все по-прежнему. Работа моя развивается и довольно много расширяется. В данный момент занимаюсь М.Н. Муравьевым, который, мне кажется, очень интересный поэт, хотя не очень известный. Мой интерес к метрике заставил меня перейти и к итальянскому стиху или, скорее всего, к проблемам сравнительного стиховедения. Мое выступление о Катенине-переводчике с итальянского прошло успешно и уже думаю кое-что написать о Шевыреве[1].

Надеюсь скоро приехать в Россию, куда меня призывают не только культурные интересы, но преимущественно дружеские связи. Надеюсь поэтому скоро сидеть за столом и беседовать так интересно с Вами. На этом пожелании я заканчиваю.

Еще желаю всего хорошего и отсылаю самый сердечный привет. До скорого свидания, Ваш Стефано.

[1] О Муравьеве я ничего не напечатал. О работах о Катенине и Шевыреве см. пп. 5 и 9.

7. Н.И. Харджиев — С. Гардзонио и Н.М. Чернявской

2 января 1979

Дорогие Наташа и Стефано,

Благодарю за новогодние пожелания и шлю ответные, самые радостные и самые счастливые. Главу семьи Яшеньку целую в головку. Но он так занят своими игрушечными паровозиками, что не обратил бы на это никакого внимания. Отношусь к малютке весьма почтительно, т. к. в области техники я — дикарь каменного века. Научные успехи Стефано меня чрезвычайно радуют. Круг его славистских интересов расширяется: русские поэты XVIII века, Муравьев (поэт, действительно, очень даровитый и малооцененный), Катенин, Шевырев. Что касается сравнительного стиховедения, то здесь для исследователя — просторы океанические. Помню блестящую статью Е.Д. Поливанова (знатока 17 языков !), которую он мне показывал в довоенные годы: к сожалению, Е. Д. ее не напечатал и она,

очевидно, не сохранилась (в посмертных изданиях его работ этой статьи нет)[1].

Я чувствую себя хорошо.

Рад буду повидаться

Ваш Н. Харджиев.

[1] Насколько я знаю, до сих пор такая работа великого лингвиста и литератора, члена ОПОЯЗа Евгения Дмитриевича Поливанова (1891–1938) не разыскана. О нем см.: *Ларцев В.Г.* Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. М.: Наука, 1988.

8. Н.И. Харджиев — С. Гардзонио и Н.М. Чернявской

4 апреля 1979

Дорогие Наташа и Stefano, Ваше письмо доставило мне большую радость и вместе с тем позабавило курьезным совпадением: одновременно с Вами я переселяюсь — с Кропоткинской в район Новодевичьего монастыря[1]. Собственноручно упаковал свою библиотеку и многочисленные материалы. Нагрузил 90 ящиков! В них царствует довременный хаос.

Приглашение в Париж до сих пор «висит в воздухе». Если в течение ближайших двух месяцев я не получу определенного ответа, то с превеликим удовольствием поеду в Италию — зимой (время года правильно указано Наташей).

Мне очень приятно, что В. Страда готов способствовать «оформлению» моей командировки[2]. Передайте ему мой привет и благодарность!

Есть у меня еще один итальянский друг — Антонелло Тромбадори[3], кино-критик, поэт и член парламента. Страда, вероятно, с ним знаком.

Член Союза писателей Н. Х. родился в 1903 г., но, пожалуйста, не считайте меня размороженным представителем мезозойской эры. Я останусь «живым» до последнего дня моей жизни.

Очень рад нашей предстоящей встрече. Судя по письму Наташи, младенец Якопо-Яшенька, владеющий двумя языками, уже считает себя главой семьи. Что же, это вполне естественно!

С сердечным приветом, Н. Х.

P.S. Мой новый адрес (с 15 IV): ул. Усачева 25, кв. 102. тел. 246-40-47.

Для сборника, посвящ<енного> памяти Рипеллино[4], могу послать только мои новые заметки о Маяковском — историко-литературные, стиховедческие и др. (мною уже опубликовано несколько десятков аналогичных заметок). Другие материалы будут подготовлены к печати после переселения на ул. Усачева. Улучшилось ли здоровье проф. Данти?[5] Пожалуйста, передайте ему мой привет.

Если моих заметок о Маяк<овском> не напечатают, то рукопись прошу сохранить и привезти в Москву.

В октябрьском № «Russian Literature» за 1978 г. напечатана моя работа «Маяковский и Игорь Северянин».

---

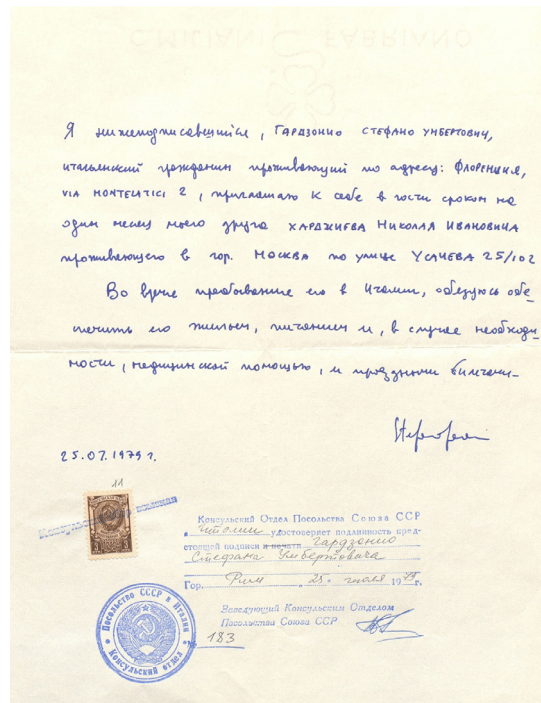
[1] Н.И. Харджиев переезжал с ул. Кропоткинской, д. 17, кв. 70 на ул. Усачева, д. 25, кв. 102. А последний его адрес в Москве был: ул. Кооперативная, д. 3, кор. 6, кв. 122.

[2] Витторио Страда (1929–2018), знаменитый литературовед-русист, историк, публицист, был тогда профессором при Венецианском университете Ca' Foscari. В это время у Харджиева возникла идея переехать в Италию. Сначала он просто думал посетить страну, потом все сильнее стало желание переселиться в Венецию при помощи В. Страды, которому я передавал письма и устные сообщения об этом. Этот проект не осуществился по многим причинам и препятствиям. В том же году я выслал Н. И. официальное приглашение в Италию на один месяц, но он так и не решился приехать. Это приглашение сохранилось в его архиве: РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 10 (см. илл.).

[3] Антонелло Тромбадори (1917–1993), журналист, искусствовед, кинокритик, политический деятель умеренной линии ИКП, диалектальный римский поэт. Бывал часто в СССР и интересовался русской и советской живописью.

[4] Анджело Мария Рипеллино (1923–1978), видный славист, переводчик и поэт, работал при римском университете «La Sapienza». Имеется в виду специальный номер римского журнала по славистике «Ricerche Slavistiche» (Vol. XXVII–XXVIII, 1980–1981), где были опубликованы работы Харджиева «К истории одной неизданной книги В.В. Розанова» (С. 241–271) и «Из материалов о Маяковском» (С. 273–297).

[5] Анджиоло Данти (1939–1979), видный специалист по славянской филологии, занимался проблемами издания древнерусских текстов. Совместно с М. Колуччи подготовил критическое издание «Слова» и «Моления» Даниила Заточника (1977). О нем см.: *Гардзонио С.* Список трудов А. Данти // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1983. Т. XXVII. С. 418–420.



Я нижеподписавшийся, Гардзонио Стефано Умбертович, итальянский гражданин проживающий по адресу: Флоренция, via Montecitici 2, приглашаю к себе в гости сроком на один месяц моего друга Харджиева Николая Ивановича проживающего в гор. Москва по улице Усачева 25/102

Во время пребывание его в Италии, обещаюсь обеспечить его жильем, питанием и, в случае необходимости, медицинской помощью, и праздничными билетами.

25.07.1979 г.

Консульский Отдел Посольства Союза ССР удостоверяет подлинность предыдущей подписи и печати Гардзонио Стефано Умбертовича

Гор. Рим 25 июля 1979 г.

Заведующий Консульским Отделом Посольства Союза ССР

183

9. С. Гардзонио — Н.И. Харджиеву

24 июля 1980

Глубокоуважаемый Николай Иванович,

Посылаю Вам большой привет! Сейчас я занимаюсь поэтами-переводчиками с итальянского и собираю материалы по этой теме. У меня следующая проблема. В прошлом году я написал статью о С.П. Шевыреве, которая наверно выйдет в этом году[1]. В ней, конечно, я занимался его нововведениями в связи с переводом «Освобожденного Иерусалима». В данной статье мне пришлось цитировать анонимную статью «Об итальянском стопосложении» из ж<урнала> «Галатея», 17, 1830, в которой можно найти сходство с теориями Шевырева. Эту статью считает анонимной и Штокмар в своей библиографии работ по стихосложению[2], и как анонимную ее цитирует Тынянов в работе «Проблема стихотворного языка»[3]. Однако в книге «Пушкин и его современники», 1968 г., А.П. Чудаков в своих комментариях, там, где Тынянов пишет: «Самая идея противопоставления александрийского стиха и октавы возникла в результате катенинской полемики и была лишь подновлена выступлением Шевырева в 1830 г.» (стр. 48), в прим<ечании> 39 отождествляет выступление Шевырева со статей «Об итальянском стихосложении», «Галатея», 1830, 17, <стр.> 20–31. Подпись под статей «Стр-»[4]. Во-первых, само название статьи у Чудакова не точно (стихосложение вместо стопосложения), во-вторых, я не совсем уверен, что Тынянов имел в виду именно данную статью, хотя авторство совсем вероятно. Однако, у меня нет справок, чтобы выявить это обстоятельство. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы сообщили мне (конечно, если это не потребует у Вас слишком много времени и усилий), существуют ли определенные данные, подтверждающие авторство Шевырева, на которых Чудаков мог бы основать свое утверждение[5].

Заранее благодарен Вам. Желаю Вам всего наилучшего

Весь Ваш Стефано.

---

[1] Статья вышла через год: Gli esperimenti metrici di S.P. Ševyrëv e il verso russo dell'epoca romantica // Ricerche slavistiche. Vol. XXVII–XXVIII (1980–1981). P. 181–212.

[2] *Штокмар М.* Библиография работ по стихосложению. М.: ГИХЛ, 1933. С. 30.

[3] *Тынянов Ю.* Проблема стихотворного языка. Л.: Academia, 1924. С. 33, 127. То же в переиздании: *Тынянов Ю.* Проблема стихотворного языка. Статьи. М.: Сов. писатель, 1965. С. 58, 178.

[4] Работа Тынянова «Архаисты и Пушкин» (1926) и коммент. к ней: *Тынянов Ю.Н.* Пушкин и его современники / сост. В.А. Каверина и З.А. Никитиной, коммент. А.Л. Гришунина и А.П. Чудакова. М.: Наука, 1968. С. 48, 388. Комментарий следует авторскому примеч. Тынянова в «Проблеме стихотворного языка».

[5] По данному вопросу я спустя девять лет напечатал работу «Об авторстве одной статьи в журнале "Галатея", посвященной итальянскому стиху» в кн.: Le romantisme russe et les littèratures néo-latines. Études recueillies et publiées par J. Bonamour e M. Colucci. Firenze: Le Lettere, 1987. P. 71–88. В ней я старался дока-

зать, что автором статьи об итальянской метрике был ученик С.Е. Раича Владимир Михайлович Строев (1811–1862).

10. Н.И. Харджиев — С. Гардзонио и Н.М. Чернявской

4 августа 1980

Дорогие Наташа и Stefano, Вашему письму был очень рад. Не знаю, как там у Вас на берегах Арно, а у нас лето изумляет причудливостью погоды, то дождливой, то облачной, то жаркой. Погода похожа на ребенка, на милейшего Вашего Яшеньку, который, несомненно, своеволен, подобно всем детям.

В конце августа — я хочу съездить в Ленинград, где, по всей вероятности, откроется выставка картин Михаила Ларионова (в Русском музее)[1].

Не касаясь вопроса о том, кто был автором статьи в «Галатее» (1830), отвечаю на вопрос Stefano. Можно ли допустить, что Тынянов, считая автором сей анонимной статьи Шевырева, не привел бы доказательств, подтверждающих атрибуцию? Разумеется, нет! Так вот: в тексте Тынянова — простая опечатка (или случайная ошибка). Не подлежит никакому сомнению, что мой прекрасный учитель и старший друг имел в виду известную статью Шевырева, т. е. «О возможности ввести итальянскую октаву в русское стихосложение», напечатанную в «Телескопе» в 1831 г. Таково единственное правильное решение вопроса. А незадачливый комментатор, базируясь на ошибочной дате, приписал анонимную статью 1830 г. Шевыреву — без какой бы то ни было аргументации[2].

Можно лишь подивиться такой «молчаливости» весьма многословного комментатора научного наследия Тынянова.

Что касается интересующего меня материала о Маяковском, то он найден мною в Москве[3].

С благодарностью и наилучшими пожеланиями

Николай Харджиев.

P.S. Кстати: Штокмаром были опубликованы дополнения к «Библиографии работ по стихосложению», см. «Литературный критик». 1936. №№ 8, 9[4].

---

[1] Персональные выставки к 100-летию М.Ф. Ларионова были организованы и в Русском музее, и в Третьяковской галерее в Москве.

[2] Харджиев неверно понял из моего письма (п. 9), что Тынянов автором разбираемой стиховедческой статьи называл С.П. Шевырева.

[3] Харджиев просил достать ему зарубежную публикацию о Маяковском. Если правильно помню, речь шла о книге: Lili Brik con Majakovskij. Intervista di Carlo Benedetti, Editori Riuniti. Roma, 1978.

[4] Литературный критик. 1936. № 8. С. 194–205, № 9. С. 235–253. Свои дополнения к книге Штокмара 1933 г. опубликовал и Р.О. Якобсон (Slavia. Praha, 1934–1935. Vol. XIII).

11. Н.И. Харджиев — С. Гардзонио

29 сентября 1981

Уважаемый коллега,

отвечаю на интересующие Вас вопросы. Дело в том, что редакторам последних изданий Боратынского (1951 г. и 1957 г.) осталась неизвестной заметка Л. И. (Л. Ильинского), помещенная в малоизвестном журн<але> «Библиографические листы русск<ого> библиологич<еского> общ<ест>ва» (П., 1922, л. II, февраль, с. 9–11). Эта заметка освещает творческ<ую> историю стих<отворения> Боратынского «Гнедичу, кот<орый> советовал сочинителю писать сатиру» (1823) и расшифровывает ряд имен.

Как известно, первонач<альная> ред<акция> стих<отворения> «Гнедичу» опубликована по списку Брюсовым в журн<але> «Весы» (1908, N 5). Другой текст первонач<альной> ред<акции> опубликовал (по списку, хранящемуся в Ленингр<адской> публичн<ой> биб<лиоте>ке) М. Гофман в так назыв<аемом> «академич<еском>» собр. соч. Боратынского (1914).

Между тем самый точный текст ранней редакции был обнаружен Л. Ильинским в архиве гр. Д. Хвостова (Пушкинский дом, папка 57, № 125, л. 125). По всей вероятности текст стих<отворения> Боратынского Д. Хвостов списал с автографа (в то время Хвостов общался с Гнедичем).

В списке Хвостова есть ряд разночтений (сравнительно с печатным М. Гофмана), но для Вас наибольший интерес представляют с<тихи> 111–112. У М. Гофмана:

И Фертелев блажной, и Яковлев трактирный,
И наглый Федоров, и Арфин безмундирный,

В заметке почему-то оставлен без объяснения Фертелев (Цертелев ?), Яковлев и Федоров комментария не требуют, а «безмундирный Арфин» раскрыт Л. Ильинским на основании письма Пушкина к Дельвигу (от 16 XI 1823), где сказано о «непростительности» выпада против Сомова[1].

Далее Л. Ильинский приводит любопытный отзыв Д. Хвостова, данный как примечание к списку стих<отворен>ия: «NB Послание Боратынского хорошее, но жаль, что подленько, многие личности на безмундирного и других препятствуют оное напечатать, и потому я охотнее сему площадному уверению, в подражание Буало написанному, даю место в записках о словесности».

Находка Л. Ильинского позволяет впервые установить, кого имел в виду Боратынский в ответе *К–ву* («Чтоб очаровывать сердца…»).

О славе Фофанов хлопочет….

Фофанов, несомненно, тот же Яковлев. На это Ильинский не обратил внимания…

Да, чуть не забыл: заглавие заметки Л. Ильинского: «Библиографические мелочи». Вероятно поэтому на нее не обратили внимания исследователи.

С наилучшими пожеланиями,

Н. Харджиев.

[1] Этому сюжету я посвятил статью «Satira e polemica letteraria: l'epistola di E. Baratynskij a N. Gnedič» (Ricerche Slavistiche. Vol. XXIX–XXXI (1982–1984).

12. Н.И. Харджиев — С. Гардзонио и Н.М. Чернявской

11 января 1982

Дорогие Наташа и Стефано,

благодарю за новогодние пожелания и шлю самые светлые — ответные.

У нас в этом году зима старомосковская, многоснежная и суровая, но зато очень красивая. Все серебрится морозной пылью, как бобровый воротник в гениальной поэме Пушкина. Привет фильмам Бунюэля: очень недурной режиссер[1].

Н. Харджиев.

[1] Л. Бунюэль (1900–1983) — знаменитый испанский режиссер, создатель сюрреалистического фильма «Андалузский пёс» (1929) по сценарию С. Дали.

13. С. Гардзонио — Н.И. Харджиеву

22 декабря 1982

Глубокоуважаемый Николай Иванович!

Спасибо Вам большое за ценнейшую информацию о Г.Р. Державине. Я уже приготовил заметку о Петрарковых переводах его и, кроме того, я написал о Шихматове, о Карамзине, о Метастазио в России. Все эти статьи войдут в отдельную книгу, куда я добавлю и другие работы об итальянской ориентации в России[1].

Сейчас я готовлю и краткую заметку об обериутах для венецианского сборника[2], который наверно выйдет в середине будущего года. И книгу об итальянской ориентации мне надо будет сделать за этот срок. Таким образом, мне предстоит период горячей работы и изучения.

Надеюсь приехать в Россию летом и найти дополнения к собранному мною материалу. Между прочим, мне бы хотелось просмотреть картотеку Н.Н. Бахтина[3] в Пушкинском Доме, особенно что касается списка переводов с итальянского.

С надеждой скоро поговорить с Вами о волнующих нас литературных темах поздравляю Вас с наступающим Новым Годом и желаю Вам крепкого здоровья, счастья и успехов в Вашей работе.

Искренне преданный Вам Стефано Гардзонио.

---

[1] Статьи были напечатаны в разных литературоведческих журналах. Отдельной книгой вышла составленная мной библиография русских переводов из итальянской поэзии: La poesia italiana in Russia. Materiali bibliografici (Firenze, 1984).

[2] Речь идет о пьесе самого Харджиева «Тетушка Даниила Первого» (см. ниже, п. 21). Николай Иванович просил меня так писать о его работах, присланных для публикации за рубежом.

[3] Имеется в виду известная рукописная библиография русских поэтических переводов, составленная Н.Н. Бахтиным (1866–1940).

14. Н.И. Харджиев — Н.М. Чернявской



9 января 1983

Дорогая Наташа, благодарю за новогодние пожелания и шлю ответные, не нуждающиеся в украшательских эпитетах. От всего сердца.

Рад, что литературоведческие работы Stefano попадут в объятья общего переплета.

О картине Леонардо по репродукции на открытке[1], разумеется, судить трудно. Великолепен голубой пейзаж, но фигуры мог бы не хуже написать и ученик Леонардо. Вещь какая-то не цельная. У нас совершенно весенняя зима.

Ваш Н.Х.

---

[1] Имеется в виду приписанная Леонардо картина «Мадонна с веретеном» (*La Madonna dei Fusi*; Нью-Йорк, частная коллекция). См. также п. 16.

15. Н.И. Харджиев — С. Гардзонио

<1983 ?>

Дорогой Stefano, шлю Вам самые светлые пожелания — той полноты жизни и деятельности, которой у меня, к сожалению, не было.

Надеюсь, что мы еще повидаемся.

Крепко жму руку.

Н. Х.

Встречи с Наташей доставили мне радость.

16. Н.И. Харджиев — С. Гардзонио и Н.М. Чернявской

4 января 1984

Дорогие Наташа и Стефано,

благодарю за подробные сведения о картине Леонардо да Винчи[1]. Они настолько громоздки и противоречивы, что заниматься этим вопросом безусловно не следует. Любопытно только одно: репродукция, напечатанная в журнале «Старые годы» 1911 г., не учтена. В вашей публикации текста Розанова[2] есть ошибка (с. 269). Проверил по печатному тексту 1916 г. Правильное чтение строки 17 (снизу): «Он рождается для своей жизни, и его жизнь есть дар…». Нужно это отметить в след<ующем> № научного сборника.

Поздравляю вас с уже наступившим новым годом и желаю всяческих благ.

Н. Харджиев.

---

[1] В письме Н. И. от 12 декабря 1983 г. (РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 16–16 об.) я тщательно восстанавливал историю приписанной Леонардо да Винчи «Мадонны с веретеном» (*La Madonna dei Fusi*; см. п. 14), ее вариантов и копий на основе существующей на итальянском языке критической литературы.

[2] Здесь эзопов намек. На самом деле имеется в виду публикация Н.И. Харджиева «В.В. Розанов. Перед Сахарной» (Ricerche slavistiche. Vol. XXVII–XXVIII. 1980–1981. P. 241–269) с его предисловием «К истории одной неизданной книги В.В. Розанова» (P. 241–243). Публикация выполнена по принадлежавшей Н. И. верстке 1-й части готовившегося в 1916 г. издания книги Розанова «Сахарна» (ныне в коллекции Харджиева: РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 2. Ед. хр. 1359). Перепеч.: Странник. 1993. № 5. С. 48–55.

17. С. Гардзонио — Н.И. Харджиеву

15 октября 1984

Глубокоуважаемый Николай Иванович,

К сожалению, в этом году я не смог приехать в Москву и не имел удовольствие повидаться с Вами, поговорить о своей научной работе, планах, новых начинаниях. Как вы, наверное, знаете, я уже кончил свою библиографию о русских переводах с итальянского в XVIII и XIX вв., так что надеюсь скоро послать Вам книжку, которая является пока первым опытом на арене издательской деятельности. Кроме книжки выйдут также некоторые статьи, а именно: работы о Карамзине, Державине, Шихматове (благодаря Вашим ценным библиографическим указаниям) и В. Строеве. Все эти многочисленные публикации, надеюсь, помогут мне победить на конкурсе в университете и окончательно оставить работу в школе, которая меня связывает, ограничивает в поездках, посещении библиотек. Однако, несмотря на школу, и сейчас кое-что у меня получается. В настоящее время готовлю работу об итальянских либретто в России XVIII в.; это связано с будущим научным заседанием, которое организуется в Ленинграде при П<ушкинском> Д<оме> (наверное, это будет в конце будущего

года). Не пропал также мой интерес к истории искусства, надеюсь, что в скором времени Вы будете иметь возможность в этом убедиться.

В связи с этим я хочу рассказать Вам забавный случай, произошедший месяц назад в Италии. Вы помните сомнительную мадонну Леонардо? Та история кажется пустяком, если сравнить ее с недавней фальсификацией изваяний Модильяни. Вы, наверное, знаете, что существует свидетельство о том, как бедный и несчастный тосканский живописец в молодости бросил в канал в г. Ливорно свои изваяния, потому что был ими недоволен. В связи с очередной годовщиной муниципалитет решил взяться за розыски этих статуй в канале. Работа продолжалась месяц (канал очень грязен, и вода глубокая), но вот неожиданно кран вытащил из грязи овальное каменное лицо, в точности похожее на модильянские портреты в живописи. Через несколько дней нашлась вторая и третья голова. Полный восторг![1] Только дочь Модильяни из Парижа выразила свое сомнение (и через несколько дней умерла!). Все искусствоведы наперебой начали высказывать свои восторженные мнения (К. Арган[2] первенствовал в «веселой команде»). Сразу же был издан каталог и организована выставка «Il Modigliani ritrovato», или что-то в этом роде. Целый месяц все шло как по маслу, но в один прекрасный день группа молодых ребят из лицея дала интервью журналу «Панорама» с известием, что одну из голов Модильяни они сделали собственноручно; при этом они предъявили фотографии, где было запечатлено, как они делают статую и бросают ее в канал. Прошло еще несколько дней, и один портовый служащий из Ливорно доказал, что другие две головы — дело его рук. Жалкие выступления критиков-искусствоведов по телевидению еще больше показали несостоятельность их сложной терминологии, с помощью которой они старались выпутаться из неловкой ситуации. «Великий» Арган сказал, что считает произведения не подлинными, но «автографическими», т. е. полный бред.

Ну, как Вам нравится эта история?

Что касается моей научной деятельности, то я все глубже зарываюсь в конец XVIII — начало XIX в. Круг интересов все больше расширяется. Начинаю заниматься и художниками — классиками русской живописи прошлого века. Надеюсь при нашей будущей встрече порадовать Вас новыми изысканиями и новой книгой[3].

Моя жена передает Вам самый сердечный привет, просит беречь себя и желает плодотворной успешной работы. Я присоединяюсь к этим пожеланиям.

Будьте здоровы.

Стефано Гардзонио.

---

[1] Имеется в виду шутовская акция молодых парней из г. Ливорно, которые изваяли каменные головы в стиле Амедео Модильяни и бросили их в канал города. Через некоторое время головы были найдены и представлены как великое откры-

тие неизвестных произведений молодого Модильяни. Об этом событии писали газеты всего мира. В 2011 г. был снят фильм «Подлинные-поддельные головы Модильяни» (*Le vere false teste di Modigliani*). — Я послал Н. И. фотографию этого артефакта (см.: РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 18):



[2] Джулио Карло Арган (1909–1992) — знаменитый критик и искусствовед, сенатор и мэр Рима (1976–1979).

[3] Здесь имеется в виду книга самого Харджиева «Недолгая жизнь Павла Федотова», которую я тогда стал набирать в типографии (см. далее).

18. Н.И. Харджиев — С. Гардзонио

29 ноября 1984

Уважаемый коллега,

обрадован Вашими научными успехами и предстоящим выступлением в Ленинградском Пушкинском доме[1]. Вероятно, Вы — единственный итальянский исследователь, изучающий русскую литературу и искусство XVIII века.

Казус с фальсификацией скульптур Модильяни, о котором Вы написали с таким юмором, очень меня позабавил. Я всегда был убежден, что видящих искусствоведов очень мало. И все-таки: К. Арган! Да еще с такими терминологическими выкрутасами! Как следует понимать «автографические»: фальшивки с подлинными автографами Модильяни?! К. Арган и другие арган'авты подмочили свою репутацию в том канале, куда были брошены «творения» Модильяни. Даже дочь его (родившаяся после смерти отца) оказалась более прозорливой, чем арган'авты.

Вообще количество фальсификаций сильно увеличивается (можно вспомнить и другие не менее сенсационные случаи).

Я возобновил работу над Маяковским, которую надеюсь довести до конца[2].

С наилучшими пожеланиями,

Ник. Харджиев.

Сердечный привет Вашей жене.

Внесла ли она поправки в Вашу работу о русских художниках первой половины XIX века?[3]

---

[1] Я собирался выступить в Отдела русской литературы XVIII века, но тогда я работал в средней школе и, увы, не смог поехать в Ленинград.

[2] Н. И. собирался приготовить новое расширенное издание своих работ о Маяковском, но оно не состоялось.

[3] Характерный для Харджиева эзопов язык: речь идет о новой редакции его книги о жизни и творчестве Павла Федотова (см. п. 17 и далее).

.

19. Н.И. Харджиев — С. Гардзонио

<б. д.>

Дорогой Stefano,

хочу дождаться Вашего приезда: есть серьезное дело. Буду Вам чрезвычайно признателен за внесение всех поправок в мою публикацию о Маяковском.

Сердечный привет Наташе.

Жму Вашу руку Н. Х.

20. С. Гардзонио — Н.И. Харджиеву

3 апреля 1985

Глубокоуважаемый Николай Иванович!

Прошу прощения за долгое молчание. В это время я успел окончить несколько своих трудов, и скоро они выйдут в разных журналах и сборниках. В частности, скоро выйдут мои статьи о Державине и Карамзине. Кроме того, я подготовил большую статью о переводах итальянских либретто в России в XVIII веке[1]. Что касается известной Вам книги, то она, наконец-то, сдана в набор. Я учел, конечно, все Ваши замечания и поправки, за которые бесконечно Вам благодарен. Она должна выйти в серии академических публикаций «Studia Historica et Philologica»[2], чем я очень доволен, так как это важно для ее распространения и научного признания.

Я чувствую сильную ностальгию по Москве, по Ленинской библиотеке и по нашим милым беседам. Собираюсь обязательно поехать этим летом, хотя бы на несколько дней (без семьи, так как моя дочка слишком мала[3]), но точный период пока сообщить не могу.

На этом заканчиваю, желаю Вам всего хорошего. Моя жена передает Вам сердечный привет. Будьте здоровы.

Преданный Вам

Стефано Гардзонио.

---

[1] Имеются в виду следующие мои работы: Deržavin traduttore di Petrarca // Annali dell'Istituto Orientale di Napoli, Sez. Lett., 2 (1984 [1986]). P. 143–153; Una falsa attribuzione a Žukovskij // Annali dell'Istituto Orientale di Napoli, Sez. Lett., 2 (1984[1986]). P. 155–165; Русские стихотворные переводы и переделки итальянских оперных либретто. (Кон. XVIII в.) // Europa Orientalis. Vol. VII (1988). P. 307–320.

[2] Книга вышла во флорентийском издательстве через два года: *Харджиев Н.* Недолгая жизнь Павла Федотова. Firenze: Le Lettere, 1987. 180 с. (Studia historica et philologica; XIX).

[3] Наша дочь Катя родилась в 1984 г.

21. Н.И. Харджиев — Н.М. Чернявской

17 июля 1985

Дорогая Наталия, Вашему письму был рад.

Лето у нас не прошлогоднее, не прохладное, а дождливое, сырое. 15-16 было жарко, а сегодня опять дождичек. При такой погоде мне работается трудновато. Над книгой о Маяковском работы еще не окончил[1]. Написал две статьи о живописце В. Чекрыгине (1897–1922) и о скульпторе и живописце П. Бромирском (1886–1920). Оба— художники мирового масштаба, до сих пор не получившие соответствующей оценки[2].

Увлечение Вашего сынишки этрускологией меня очень позабавило. Кто-то когда-то (кажется, в XVIII веке) утверждал, что этруски— это русские. Поэтому я нисколько не удивлен: голос крови! Мальчик полурусский и, следовательно, полуэтрусский.

Пришлите фотографию Вашего потомства. Почему ничего не написали о девочке?[3]

Интересуюсь также сочинением о Данииле Хармсе и материалами о литературном учителе Маяковского[4].

Что еще? Меня пригласила в Париж Ида Шагал[5] (на три месяца), но я отказался.

Сердечный привет Стефано.

С наилучшими пожеланиями

Николай Харджиев.

---

[1] См. п. 18.

[2] См. его давнюю статью: *Харджиев Н.И.* Неведомые шедевры. Памяти Петра Бромирского // Декоративное искусство. 1969. № 12. В архиве Н. И. осталась работа «Петр Бромирский, скульптор и живописец» (РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 2. Ед. хр. 31) и собранные материалы о художнике.

[3] Наша младшая дочь Катя; см. п. 20.

[4] Имеются в виду статья Н. И. «К столетию со дня рождения Д. Бурлюка (1882–1967). Материалы и комментарии» (Europa Orientalis. Vol. VI. 1987. С. 193–218) и пьеса «Тетушка Даниила Первого» (там же. С. 219–235), опубликованная Харджиевым под псевдонимом-анаграммой «Колен Вижар».

[5] Дочь Марка Шагала Ида (1916–1995).

22. Н.И. Харджиев — Н.М. Чернявской

<26 августа 1985>

Дорогая Наташа, благодарю за милое письмо с фото-портретиком: девочка образцовая и даже видно, что у нее ангельский характер.

Чувствую себя «нормально», т. е. плохо. Но беречь себя не хочу. Слишком унылое занятие! Если человек моего возраста начинает беречь свое «драгоценное» здоровье, то он перестает работать. А я продолжаю дорабатывать книгу о Маяковском.

Пользуюсь случаем написать Вам о некоторых невыясненных делах.

Вам хорошо известно, что наша «почтовая система» не имеет коммуникативной функции и пригодна только для новогодних поздравлений.

Во время последней, уже давней встречи Вы сказали, что материалы, находящиеся у Витторио более двух лет, вот-вот «появятся»[1]. Но до сих пор почему-то не появились. Если он решил Хармса и Бурлюка не публиковать, то пусть вернет материалы.

Ничего не знаю и о книге о художнике. Ее нужно было издать отдельно. Это повесть, хотя и исследовательская. Если эта затея тоже оказалась неосуществимой, то прошу вернуть рукопись (+ заметку о В. Майкове)[2].

Ведь самая неприятная определенность гораздо лучше самой приятной иллюзии.

Поэтому постарайтесь воспользоваться какой-то оказией и подробно сообщите об участи моих работ.

Я не хочу отнимать у Стефано ни минуты времени. Не будем омрачать наши дружественные отношения «деловыми» неудачами. Я к ним привык.

Шлю самые добрые пожелания.

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Речь идет о двух публикациях Н. Харджиева, вышедших в «Europa Orientalis» в 1987 г. (см. п. 21, примеч. 4). Первоначально Н. И. предназначал их для венецианского издания под ред. В. Страды «Россия / Russia».

[2] Имеется в виду книга о П. Федотове (см. п. 20). Кроме того Н. И. предлагал к публикации заметку о «неучтенных» рецензиях критика В.Н. Майкова на альбом иллюстраций А. Агина (при участии Е. Бернадского) к «Мертвым душам» Гоголя (Отечественные записки. 1846. Т. 48–49, 1847. Т. 50–52).

23. С. Гардзонио — Н.И. Харджиеву

28 августа 1985

Глубокоуважаемый Николай Иванович!

Я давно Вам не писал. Я только что вернулся из Южного Тироля, где мы всей семьей отдыхали в Альпах. Теперь начинается обычная наша жизнь и много работы. Сразу принимаюсь за книгу, чтобы окончить корректуру, зреют планы новых исследований. Хочу что-нибудь писать

о И.И. Мартынове и его журнале «Муза». Скоро выйдут мои статьи о Державине и Баратынском[1].

Проф. Страда попросил передать Вам его просьбу: не могли бы Вы вкратце изложить свои идеи (буквально одну страничку) и дать какие-либо указания на счет разной роли Москвы и Петербурга в истории русского авангарда и, в частности, футуризма. О будущем итало-советском симпозиуме, посвященном русскому футуризму, меня осведомили, что он будет где-то в сентябре 1986 г. Вас официально пригласят[2].

Во Флоренции, как всегда, есть интересная выставка. Сейчас выставлена богатая часть коллекции Тиссэна. На этом я заканчиваю. Желаю Вам всего хорошего. Сердечный привет от жены. Будьте здоровы.

Преданный Вам Стефано Гардзонио.

---

[1] Статья о Боратынском: Satira e polemica letteraria: l'epistola di E. Baratynskij a N. Gnedič // Ricerche Slavistiche, vol. XXIX–XXXI (1982–1984 [1985]). P. 177–189.

[2] Симпозиум прошел в Тренто–Роверето–Венеции только осенью 1989 г. Доклады и материалы были изданы в книге: Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре. Берн; Берлин; Франкфурт: Peter Lang, 1991. Н. Харджиев в конференции и сборнике не участвовал.

24. С. Гардзонио — Н.И. Харджиеву

<25 сентября 1985>

Глубокоуважаемый Профессор,

Сердечно благодарю Вас за оба полученные недавно письма и за интереснейшие замечания о Боратынском и русском футуризме. Что касается последнего, то я все-таки надеюсь, что Вы сможете приехать[1]. Между прочим, организаторы этого симпозиума и выставки просят Вас написать предисловие к каталогу выставки (примерно 2 страницы в духе энциклопедической статьи). Тема такая же, как намечено в письме: разная роль Москвы и Петербурга, разные группировки и мероприятия. Единственная проблема, что это должно быть написано как можно скорее и отослано прямо в рукописи. Конечно, с их стороны — это только просьба, и Вы сами решите, возможно ли это, учитывая факторы времени, Вашей занятости, здоровья и т. д.

Что касается тех моих статей, которые Вас интересуют, то дела обстоят не очень хорошо; издание альманаха все время откладывается и раньше, чем через год (по крайней мере!) не предвидится. Я подумываю о том, чтобы опубликовать их в каком-нибудь другом сборнике. А книга о худ<ожнике> Федотове продвигается быстро вперед, получается очень хорошо и приводит меня в энтузиазм; надеюсь, что она будет для Вас моим рождественским подарком. Между прочим, она выходит отдельной книгой.

Мне очень хотелось приехать в сентябре в Москву, повидаться с Вами, но, к сожалению, работа в школе оставляет мало времени.

Мое семейство поедет в Москву в декабре, может быть, я тоже на несколько дней.

На этом я заканчиваю. Желаю Вам всего хорошего. До скорого свидания.

Весь Ваш Стефано Гардзонио.

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] См. п. 23. Н.И. планировал предложить для симпозиума заметку о Боратынском и футуризме.

25. Н.И. Харджиев — С. Гардзонио

8 ноября 1986

Пользуюсь случаем, милый Стефано, чтобы написать подробное письмо. Меня терзает совесть, что я взвалил на Вас свой бумажный груз. Но можно ли не возмущаться поведением венецианского профессора и его благими намерениями пятилетней (!) давности? Это безобразие надо немедленно прекратить и потребовать возвращения всех материалов (и фото). Очевидно, он считает меня своим ровесником. А Вы, милый Стефано, поступили неосторожно, показав неопубликованный материал сыну Вяч. Иванова[1]. Ведь он может мой материал использовать, сославшись только на ту газету, которая была мною обнаружена после длительных поисков[2].

Теперь о моей злосчастной книге. Я работал над ней в течение лета 1984 г. Работал в очках с увеличительными стеклами и непоправимо испортил свое зрение. И что же? Кончается 1986 г., а книги нет (хотя я сделал все возможное, чтобы ускорить издание). Постарайтесь найти оказию и прислать мне все материалы, — Бурлюка, Хармса, Майкова, а если издание книги затормозится, то и ее[3].

Если бы Вы оказались в моем положении, то, несомненно, поступили бы так же. Поэтому не огорчайтесь. Мое личное к Вам отношение остается неизменно-дружественным и благожелательным. Привет Наташе.

PS. Чуть не забыл! О французике из Бордо — Marcadé, который со свойственной ему наглостью решил экспроприировать чужую работу, да еще ссылаясь на дурной характер обкрадываемого. Если сей аферист заключил договор на перевод, то прошу сообщить издательству мой протест[4]. Кроме того, первопечатный текст будет мною дополнен и частично переработан.

---

[1] Журналист и литератор Д.В. Иванов (1912–2003), печатался под псевдонимом «Жан Нёвсель».

[2] В упоминавшуюся работу «К столетию со дня рождения Д. Бурлюка (1882–1967). Материалы и комментарии» (см. п. 21, примеч. 4) Н. И. включил заметку «Две эпиграммы Вячеслава Иванова» (С. 198–201), основанную на статье Н. Асеева «Вести об искусстве» в «Дальневосточном обозрении» (Владивосток. 1919. 29 июня).

[3] Статьи о Бурлюке и Хармсе были изданы (см. п. 21, примеч. 4). Статью о В. Майкове я вернул Николаю Ивановичу, но, кажется, она не сохранилась. Книга, о которой идет речь: «Недолгая жизнь Павла Федотова» (см. п. 20).

[4] Жан-Клод Маркаде (1937) — французский искусствовед и литературовед, специалист по русскому авангарду, автор капитальной монографии о Малевиче (Paris: Nouvelles Editions Françaises, 1990). О какой работе идет речь, точно не помню, я тогда этим делом не занимался. Предполагаю, что речь могла идти о книге: К истории русского авангарда / Н. Харджиев, К. Малевич, М. Матюшин; с послесл. Р. Якобсона. Stockholm: Hylaea prints; Almqvist & Wiksell intern., 1976.

26. С. Гардзонио — Н.И. Харджиеву

29 ноября 1986

Глубокоуважаемый Николай Иванович!

Прежде всего прошу извинить меня за непростительно долгое молчание, хотя я получил Ваше письмо уже два месяца назад. Я с семьей вернулся во Флоренцию в конце сентября, потом был в Венеции, а к обычной моей работе в школе и повседневным делам прибавилась забота об экзамене, который я буду должен сдавать 19 января, чтобы получить постоянное место в университете. Конкурс был объявлен 3 года назад и только сейчас, кажется, близится к завершению.

Теперь о моей научной работе, статьях и публикациях. Статья о Бурлюке будет печататься в другом издании, «Europa Orientalis», и должна будет, наконец-то, выйти весной 87 г. Что касается Майкова, то пока, к сожалению, я не могу проверить текст в «Отеч<ественных> З<аписках>». В последнем издании Майкова (Л., 1985) на стр. 382 отмечается, что заметка о рисунках Агина (в отд<елении> VIII «Смесь. Внутренние известия») принадлежит Р.Р. Штрандману. Что это за заметка? Это то же самое продолжение статьи, которое Вы приписываете Майкову? Если это так, то теперь нужно уже опровергнуть утверждение составителя нового тома, Ю Сорокина[1].

А моя знаменитая книга давно набрана, готова для печати, и я надеюсь в январе послать ее Вам. Мне очень хочется приехать в Москву. Я уже 3 года не вижу Вас и не имею возможности вести наши приятные литературные собеседования. Надеюсь, что Вы чувствуете себя хорошо и успешно работаете над книгой о Маяковском. Может быть, мне удастся приехать на пушкинскую конференцию (в феврале), но пока это неизвестно. Во всяком случае, до 19 января я никуда не могу поехать: как студент, усиленно готовлюсь к экзамену.

Желаю Вам всего хорошего. Будьте здоровы!

Жму Вашу руку.

Стефано Гардзонио.

[1] Про заметку Харджиева о статье В.Н. Майкова см. п. 22 и ответ Харджиева (п. 27). Здесь я цитирую коммент. Ю.С. Сорокина к изд.: *Майков В.Н.* Литературная критика. Статьи. Рецензии. Л.: Худож. литература, 1985. С. 382. Составитель этого изд., отметив интерес «Отечественных записок» к выходившему тетрадями альбому А. Агина (при участии Е. Бернадского) «Сто рисунков из сочинения Н.В. Гоголя “Мертвые души”», указывает автором первого журнального отклика (1846. Т. 48) и развернутой статьи (1847. Т. 50. № 2) В.Н. Майкова, а неподписанную заметку в составе «Внутренних известий» отдела «Смесь» в т. 49 приписывает «близкому другу Майкова Р.Р. Штрадману», против чего и возражал Харджиев (п. 27). Кроме того, Ю. Сорокин вовсе не обратил внимание на продолжение серии рецензий в «Смеси» т. 51–52, а Харджиев еще более 10 лет назад атрибутировал весь цикл Майкову в своей газетной статье (Московский художник. 1975. 19 сентября).

27. Н.И. Харджиев — С. Гардзонио

25 января 1987

Уважаемый профессор,

по поводу статьи В. Майкова в «Отечественных записках» 1847 г. могу Вам сообщить сведения самые утешительные. Составитель последнего издания[1] обнаружил полный текст статьи В. Майкова, но не обнаружил исследовательского внимания и приписал продолжение и окончание статьи Р. Штрандману. Случай анекдотический! Соображения составителя, очевидно, были таковы: В. Майкову принадлежит только подписной текст, анонимные же тексты могут принадлежать только какому-то неизвестному автору. У В. Майкова был приятель Р. Штрандман — вот он-то и является автором остального текста.

При этом в пользу авторства Р. Штрандмана не приводится ни одного аргумента. Недоразумение объясняется просто: дело в том, что иллюстрации Агина выходили выпусками. Поэтому В. Майков писал постепенно, о каждой выпускаемой «порции». Неразрывная связь всех трех частей бесспорна. Их скрепляет отличительное единообразие и общая идейная направленность.

Чтобы у Вас не оставалось никаких сомнений, привожу цитату из заключительной части текста (в т. 52): «Мы предсказали художнику, что эта сцена не доступна политикану». В примечании — ссылка на подписной текст в т. 50!

Думаю, что дальнейшие комментарии излишни. Незадачливого истолкователя можно только пожалеть: публикации в «Московском художнике»[2] он не читал и пошел по проторенной дорожке, опираясь на мнимую авторитетность издания 1891 г. (помилуйте, ведь составители — братья В. Майкова!).

Будет ли издан детский опус Д. Хармса?

Моя работа о Маяковском движется медленно. Привет Вашей жене. И благодарность за подробные сведения о выставке.

С наилучшими пожеланиями,

Нихолай Харджиев.

---

[1] Т. е. Ю.С. Сорокин, см. п. 26 и примеч. В преамбуле к коммент. он писал: «Принадлежность <статей и рецензий> В.Н. Майкову устанавливается на основании списка его журнальных публикаций, подготовленного братьями критика А. Н. и Л.Н. Майковыми и приложенного к изданию его сочинений 1891 г.» (*Майков В.Н.* Литературная критика. Л., 1985. С. 351).

[2] В газете «Московский художник» у Харджиева была «зеленая улица», и он регулярно печатал в ней свои статьи о художниках и поэтах, в т. ч.: *Харджиев Н.И.* <Об А. Агине и В. Майкове> // Московский художник. 1975. 19 сентября. Стоит отметить, что в ряде источников встречается произвольное название этой статьи Н. И. как «Новое о первом иллюстраторе “Мертвых душ”» с неверной датировкой.

28. С. Гардзонио — Н.И. Харджиеву

23 февраля 1987

Глубокоуважаемый Николай Иванович!

Спасибо за Ваши интересные замечания по поводу статьи Валериана Майкова. Я включу их в примечания к статье, которая, таким образом, будет вскоре опубликована[1]. Новые материалы о Бурлюке будут напечатаны в апреле-мае и возможно, что в этом же номере журнала выйдет opus о Хармсе. В прошлом месяце я прошел по конкурсу на вакантную должность в университете. Тема моего выступления была «антинигилистический роман 1860-х годов». Так мне пришлось за 24 часа в моем распоряжении для подготовки лекции выкопать таких забытых писателей, как Клюшников, Крестовский, Авенариус (конечно, не считая Лескова и Писемского).

Сейчас я готовлю статью об итальянской опере-буфф в России XVIII в. и перевожу на итальянский язык М. Кузмина. Я видел только что вышедшее новое американское издание творений В. Хлебникова[2]. В приложении к книге напечатана статья З. Эндер «В. Хлебников и Е. Гуро».

Сейчас в Венеции открылась очень интересная выставка итал<ьянского> художника Арчимбольдо[3], чьи картины представляют собой портреты, составленные из плодов, рыб, зверей, цветов и т. д. На этом я заканчиваю. Всего Вам самого наилучшего.

Стефано Гардзонио.

---

[1] Публикация не состоялась.

[2] Имеется в виду книга: *Хлебников В.* Стихи. Поэмы. Проза / сост. и ред. С. Блох и В. Ройтман. Нью-Йорк, 1986.

[3] Выставка проходила в Палаццо Грасси в Венеции (15 февраля – 31 мая 1987).

29. Н.И. Харджиев — С. Гардзонио

5 марта 1987

Уважаемый коллега, рад, что вы получили вакантную должность в Университете. Какие произведения М. Кузмина Вы переводите — стихотворные или прозаические? Работы Арчимбольдо мне известны. Некогда его «рекламировали» сюрреалисты. Он весьма курьезен, но совсем не гениален. Удивлен появлением З. Эндер[1]. Эта «исследовательница» не имеет никакого отношения ни к Елене Гуро, ни к Хлебникову, ни к филологии. Благодарю за сведения о В. Майкове, Д. Бурлюке и Д. Хармсе. Хочу также узнать, как поживает книга о русском художнике Павле Федотове?[2]

С наилучшими пожеланиями,

Николай Харджиев.

---

[1] Зоя Борисовна Эндер (по мужу Мазетти) (р. 1938), дочь художника Б.В. Эндера (1893–1960), ученика М.В. Матюшина. Работала лектором русского языка на кафедре славистики Римского университета, автор статей о русском авангарде в популярных итальянских изданиях. В 1977 г. она организовала в Риме выставку «Boris Ender pittore d'avanguardia nell'unione sovietica». Автор мемуарного очерка о Н. И. «Nikolai Khardzhiev and my Family» (A legacy regained: Nikolai Khardzhiev and the Russian Avantgarde. St.-Petersburg, Palace Editions Publ., 2002. P. 53–56).

[2] Книга Харджиева «Недолгая жизнь Павла Федотова», которую я набирал во флорентийской типографии при издательстве «Le Lettere-Firenze», вышла в том же 1987 г. в серии «Studia Historica et Philologica» под редакцией Р. Пиккио. К сожалению, при выпуске книги издатель выпустил мое предисловие. В 1991 г. Харджиев переиздал эту книгу в России (М.: Сов. писатель) и подарил мне экземпляр с шутливой надписью «Стефано Гардзонио — букет корректорских искажений! НХ». Этим он хотел подчеркнуть мой дар наборщика!

30. С. Гардзонио — Н.И. Харджиеву

26 мая 1987

Уважаемый Николай Иванович!

Благодарю Вас за Ваше письмо и прошу прощения за долгое молчание. У нас все по-старому, много исследовательских планов, а мало конкретных осуществлений. Правда, вышли мои статьи о Державине и Карамзине (помните перевод Карамзина из Кьябреры, ошибочно приписанный Жуковскому?), но я их еще не видел в печатном виде. Что касается статьи о Бурлюке и о Хармсе, жду на днях оттиски, так как они уже напечатаны. Я Вам их пришлю вместе с оттисками статей о Державине и Карамзине. Следующая статья будет о Вал. Майкове (могу ли я цитировать Ваши уточнения о недавнем издании 1985 г.?). Книга тоже должна вот-вот выйти. Получил новое издание Хлебникова. Оно мне не понравилось форматом и не только!!

На этом я заканчиваю.

С наилучшими чувствами,

Стефано Гардзонио.

31. Н.И. Харджиев — С. Гардзонио

7 июня 1987

Благодарю Вас, Стефано, за открытку с тремя грациями, сообщившими мне о всех наших лит<ературных> делах, в частности о Державине, Карамзине и Жуковском[1]. Разумеется, в статье о Майкове необходимо опровергнуть глупости последнего издания. Что касается «бедного» Хлебникова («бедный Пушкин!»), то его когтями рвут на части юбилейные тигры всех стран, многие из них пытались выудить из меня несколько десятков «золотых рыбок», но получили шиш. Кроме того, я отказался от участия во всех комиссиях, посвященных чествованию Хлебникова. Я никогда не был юбилейным исследователем. Ваше письмо получил накануне глазной операции. Не хочу быть слепым стариком. Предпочитаю — ясновидение. Успел написать несколько заметок о Маяковском, которые будут напечатаны в Голландии[2]. Ну вот и все.

С наилучшими пожеланиями, Н.Х.

Привет Наташе.

---

[1] Имеются в виду темы наших бесед и совместных разысканий, в частности, мемуары А. Грена о Жуковском (Общезанимательный вестник. 1857). Упомянутая открытка — деталь с тремя Грациями из «Весны» Боттичелли.

[2] Работа Н. И. «Из материалов о Маяковском» (Russian Literature. Vol. XXV. 1989. С. 451–468; Vol. XXVII. 1990. С. 417–436).

32. Н.И. Харджиев — Н.М. Чернявской

5 января 1988

Дорогая Наташа,

как Вам известно, я был уверен, что Стефано получит свое место в университете. Длительное ожидание завершилось достижением цели[1].

Поздравляю!

Всего Вам доброго.

Н. Харджиев.

---

[1] Речь идет о моем назначении в Болонский университет в ноябре 1987 г.

33. С. Гардзонио — Н.И. Харджиеву

29 января 1989

Дорогой Николай Иванович,

прошу прощения за мое легкомыслие и надеюсь, что Вы поместили меня лишь в Чистилище грешников, достойных снисхождения, а не в «ад злодеев»! Желаю Вам самого наилучшего.

С неизменной привязанностью и надеждой с Вами повидаться (буду в Москве в августе-сентябре, а Наташа, может быть, приедет и раньше).

Стефано Гардзонио.

34. С. Гардзонио, Н.М. Чернявская — Н.И. Харджиеву

1 января 1990

Дорогой Николай Иванович!

Посылаем Вам самые сердечные пожеланиям. Недавно с интересом и даже с нежностью мы прочитали письма А. Ахматовой к Вам в 6-ом номере В<опросов> Л<итературы>[1]. Пьеса К. Вижара[2] вызвала большой интерес среди славистов и о ней собираются писать во Франции. Очень хочется встретиться с Вами и поговорить о настоящем в искусстве и в живописи.

Привет Вашей жене.

Берегите себя.

С искренней привязанностью,

Стефано Гардзонио,
Наташа.

---

[1] Имеется в виду публикация Э. Бабаева «А.А. Ахматова в письмах к Н.И. Харджиеву (1930–1960-е гг.)» (Вопросы литературы. 1989. № 6. С. 214–247).

[2] Абсурдистская пьеса Харджиева «Тетушка Даниила Первого», см. п. 21.

35. Н.И. Харджиев — С. Гардзонио

11 февраля 1990



Дорогой Стефано,

сегодня был обрадован получением Вашей новогодней открытки[1]. Что и говорить, дель Сарто — художник очаровательный, но особенно меня восхитили ракурсы головок двух крылатых младенцев.

Еще больше буду рад встрече с Вами и Наташей. Когда вы собираетесь в Москву? Сообщите сразу же по получении сего письмеца.

С Лидией Васильевной приключилось несчастье. Поскользнувшись, она упала. На левой руке два перелома

и гипсовая повязка. Терпеть надо несколько недель. Л. В. терпелива и все-таки нервничает.

Она шлет наилучшие пожелания всему вашему семейству.

Ваш Николай Харджиев.

Мой новый адрес: на конверте. Корп. 6, а кв. 122.

---

[1] На открытке воспроизведена «Madonna con bambino in gloria con sei santi» флорентийца Андреа дель Сарто (1486–1530) (Galleria Palatina, Флоренция).

36. С. Гардзонио — Н.И. Харджиеву

8 марта 1990

Дорогой Николай Иванович!

Как я рад получить Вашу открытку. Мы хорошо поживаем уже в ожидании будущей поездки в «бурлящую Россию». Недавно я купил первое «советское» издание Розанова (изд. «Современник»)[1]. Конечно, издание не безупречное, но это лучше, чем ничего. Статейка «Гоголь и Петрарка» (из журнала «Книжный угол», 1918) — вещь любопытная. Кстати, в новой «Истории русской литературы» под редакцией проф. Страды главу о Розанове писал проф. Нива, который неоднократно цитирует Вашу римскую публикацию о Розанове[2].

На этом я заканчиваю. Поклон Лидии Васильевне. Желаю Вам плодотворной работы на радость всех ваших многочисленных почитателей.

Искренне преданный Вам

Стефано Гардзонио.

---

[1] Имеется в виду изд.: *Розанов В.В.* Мысли о литературе / сост. А.Н. Николюкин. М.: Современник, 1989.

[2] См.: Storia della letteratura russa. Il Novecento. I. Dal Decadentismo all'Avanguardia, a cura di E. Etkind, G. Nivat, I. Serman e V. Strada, Torino, Giulio Einaudi Editore, 1989. P. 360 и примеч. 12. О публ. Харджиева см. п. 16, примеч. 2.

37. Н.И. Харджиев — С. Гардзонио

15 ноября 1990

Уважаемый коллега,

сборник с материалами о Маяковском мною уже получен. Узнайте, пожалуйста, у профессора Магаротто[1], скоро ли будет опубликована интересующая меня статья о литературном турнэ Маяковского в 1914 г. Жду также вестей о пастернаковском материале[2].

Жму Вашу руку.

Николай Харджиев.

[1] Луиджи Магаротто (1942) — русист, профессор Флорентийского и потом Венецианского университетов. Специалист по русской литературы XX в., автор монографии «La letteratura irreale. Saggio sulle origini del realismo socialista» (Venezia, 1980), публиковал и редактировал сборники работ по русскому авангарду. Занимается еще культурной историей Кавказа и грузинской литературой. В 2015 г. вышла его монография «La Conquista del Caucaso nella letteratura russa dell'Ottocento: Puškin, Lermontov, Tolstoj» (Firenze).

[2] Имеются в виду статьи Харджиева для славистического журнала «Europa Orientalis»: «История одной статьи. Ответ Евгению Пастернаку» (1990. V. IX. P. 499–503) и «"Веселый год" Маяковского» (1991. V. X. P. 185–233).

38. Н.И. Харджиев — С. Гардзонио

5 декабря 1990

Дорогой коллега Garzonio, благодарю за письмо со сведениями и по поводу Пастернака. Журнал с публикацией о Маяковском я уже получил: к сожалению, текст испорчен выпавшим словом и опечаткой.

Прошу Вас сообщить профессору Magarotto (у меня нет его адреса), что я жду от него известий о Крученыхе[1], о сборнике стихов В. Гнедова[2] и о статье о литературном турнэ Маяковского в 1914 году. Всего Вам доброго.

Н. Харджиев.

Сердечный привет Наташе.

[1] Скорее всего, имеется в виду статья Н.И. Харджиева «Полемика в стихах (К. Малевич против А. Крученых и И. Клюна)», которая была напечатана в сборнике: Русский литературный авангард. Материалы и исследования / под ред. М. Марцадури, Д. Рицци, М. Евзлина. Тренто, 1990. С. 207–213; там же с его предисловием помещена публикация дневниковых записей О. Сетницкой «Живой Крученых» (с. 147–150).

[2] *Гнедов В.* Собрание стихотворений / под ред. Н. Харджиева и М. Марцадури, вступит. статья, подготовка текста и коммент. С. Сигея. Trento, 1992. Стоит отметить, что Харджиев опубликовал в Италии статью Памяти Василиска Гнедова (Ricerche Slavistiche. 1980–1981. Vol. XVII–XVIII. P. 274–276).

39. С. Гардзонио — Н.И. Харджиеву

26 января 1991

Глубокоуважаемый Николай Иванович!

Я получил Вашу открытку от 5 декабря с некоторым опозданием. По поводу интересующих Вас вопросов могу Вам сообщить, что мемуары о Крученыхе уже изданы и, как я выяснил, они уже Вам отосланы[1]. Если Вы их не получили, пожалуйста, сообщите, и я попрошу, чтобы Вам отсылали

вторую копию. Что касается сборника В. Гнедова, то здесь обстановка несколько сложнее. Книга уже набрана, но так как в ней оказалось много опечаток и неясностей, проф. Магаротто спрашивает, где находятся оригиналы Гнедова и можно ли сопоставить набранный текст с ними. По поводу статьи о Маяковском, университет г. Тренто пока не утвердил сборник в память Марцадури[2] и поэтому собирание и набор статей не начались. Проф. Магаротто, наверное, будет в Москве в конце марта и тогда сможет Вам сообщить более точные сведения об этом.

Хочу Вам также сообщить, что если у Вас есть другие предложения, сборник Ваших статей, материалы и т. п., мы с Магаротто и другими итальянскими славистами готовы их напечатать согласно Вашим указаниям.

На этом я заканчиваю. Желаю Вам и Вашей жене всего самого наилучшего.

Искренне преданный Вам Стефано Гардзонио.

---

[1] Речь идет о сборнике «Русский литературный авангард».

[2] Марцио Марцадури (1930–1990) — крупный специалист по русскому авангарду. Вместе с Магаротто издал книгу «L'avanguardia a Tiflis. Studi, ricerche, cronache, testimonianze e ricerche» (Venezia, 1982). В 1990 г. он вместе с Д. Рицци и М. Евзлина выпустил в Тренто вышеупомянутый сборник статей «Русский литературный авангард. Материалы и исследования». Его главные работы о футуризме были собраны в посмертном издании «Scritti sul futurismo russo» (Peter Lang, 1992).

40. Н.И. Харджиев — С. Гардзонио

10 марта 1991

Уважаемый коллега Garzonio, спасибо за письмо. Книгу с воспоминаниями о Крученых и Пастернаке получил, за что, пожалуйста, поблагодарите от моего имени проф. Магаротто. О сборнике стихов Гнедова он должен списаться с составителем, который и сверил тексты[1]. По этому поводу надеюсь поговорить с проф. Магаротто в Москве.

Напоследок (так писали в XVIII веке) прошу сообщить об интересующем меня письме о Пастернаке: Вы в прошлом году сказали, что оно находится в печати (?!).

Жму Вашу руку,

Николай Харджиев.

Сердечный привет Наташе. Открытка с цветной репродукцией меня очаровала. Этот художник XV века[2] совсем не устарел. Более того: он продолжает существовать в работах новаторов.

---

[1] Имеется в виду поэт и филолог Сергей Сигей (Сигов, 1947–2014), исследователь русского авангарда, с конца 1970-х гг. корреспондент Н. И., см.: *Харджи-*

ев Н. Письма в Сигейск /предисл. и коммент. С. Сигея. Amsterdam: Pegasus, 2006. 295 с.

[2] Вероятно, описка Н. И.: мое п. 39 было на открытке с репродукцией «Данаи» Рембрандта.

41. Н.И. Харджиев — С. Гардзонио

<1991>

Дорогой Stefano, о нашем житье Вы, вероятно, имеете представление.

Л<идия> В<асильевна> измучена непосильной работой и заботами обо мне. Я стыжусь своего долголетия, но Л<идия> В<асильевна> больше всего боится остаться без меня. Вот я и стараюсь существовать «для нее». Хотя не уверен, что перевалю через вершину 1992 года.

Я уже утратил чувство юмора, а ведь когда-то мог рассмешить и Хармса.

Посылаю Вам заметку о Пушкине и Батюшкове[1].

Не теряю надежду повидаться с Вами.

Ваш Н. Х.

Сердечный привет Наташе.

---

[1] Н.И. Харджиев прислал мне заметку о черновом тексте К.Н. Батюшкова «Есть наслаждение и в дикости лесов…» и его публикации Пушкиным в «Северных цветах на 1828 год» с просьбой ее расширить и проработать библиографию вопроса, что я и сделал. После этого я ему вернул работу. Долго о ее судьбе не было известий. Потом пришло письмо Н. И., где он писал: «Рад, что это — наша совместная работа» (см. п. 43). Одновременно я получил два сообщения от Л.В. Чаги, обвинявшей меня в том, что я согласился получить «подарок» от Николая Ивановича (см. предисловие к данной публикации). Статья Н.И. Харджиева «Есть наслаждение и в дикости лесов…» была напечатана в «Литературной газете» (1992, 23 сентября. №39).

42. С. Гардзонио — Н.И. Харджиеву

6 сентября 1991

Дорогой Профессор!

Я Вам пишу по поводу некоторых моих исследований. Как Вы знаете, я сейчас занимаюсь наследием М. Никитина[1]. На основе проведенного осмотра я считаю целесообразным сосредоточиться на следующих пунктах: 1) Пушкин и Даль <…>; 2) Никитин исследователь русской прозы XVIII века и его отношение к трудам В.Б. Шкловского; 3) Никитин и изучение рукописной поэзии XVIII века. Какое Ваше мнение по этому поводу? <…>

Что касается приписываемого Боратынскому стихотворения «Принес ты мирные трофеи…»[2], то из последнего ПСС (третье издание «Библиотеки поэта») поэта его исключили, но о причинах этого решения не говорится.

Работа о Гнедове, как я узнал, идет вперед[3]. Что касается работы о Маяковском, то не будет никаких типографических затруднений, необходимо предоставить рукопись и все.

На этом я заканчиваю, но разрешите рассказать Вам забавные происшествия. Недавно в г. Витербо открылась давно объявленная выставка новонайденных рисунков Модильяни (рисунки, кстати, очень посредственны). Сразу же возникли сомнения в их подлинности. Но они подлинные и принадлежат Модильяни, только не Амедео. Кажется, их нарисовала тетка художника (есть и другие предположения, но менее удачные). Итак, вышел чудный каталог «тетки Амедео» под именем знаменитого племянника[4].

Желаю Вам всего самого наилучшего. Сердечный привет и от Наташи.

С уважением, Стефано Гардзонио.

---

[1] См. о нем: *Харджиев Н.И.* Памяти Михаила Матвеевича Никитина // Советское искусствознание. 1986. Вып. 20.

[2] Экспромт К.П. Брюллову (1836).

[3] Имеется в виду упоминавшееся издание: *Гнедов В.* Собрание стихотворений. Тренто, 1992.

[4]Автор данных картин — Эвелина Модильяни-Росси, дальняя родственница художника (см.: *Vagheggi P.* Il giallo del giovane Modì //La Repubblica. 1991, 5.09).

43. Н.И. Харджиев — С. Гардзонио

10 октября 1991

Дорогой профессор Гарзонио,

Шуточный стишок Ю.Н. Тынянова, посвященный В.А. Каверину, еще не обнаружен[1]. Не теряю надежды найти. Как обстоят дела с Батюшковым и Пушкиным? Батюшков — автор неоконченного перевода, но автор вещи — Пушкин! Об этом следует сообщить со всей определенностью. Рад, что это — наша совместная работа.

Н. Харджиев.

Привет Наташе.

---

[1] Потом Н. И. нашел текст и прислал мне (см. п. 44). Эпиграмма напечатана в статье: *Гардзонио С.* Новое о Лопатто // Седьмые Тыняновские чтения. Материалы для обсуждения. М.; Рига, 1995–1996 [1997]. С. 320–334. См. также: *Харджиев Н.* Тынянов— пародист // Russian Literature. 1974. № 6. С. 59.

44. Н.И. Харджиев — С. Гардзонио

<август 1992>

Кто сей Бутковский, кто Поспелов
И звали ли его Климент?
И до каких дошли пределов?
В какой отлились элемент?

Но се, — воинственного скальда,
Под коим спрятался нахал,
Медовый гений Айхенвальда
Вторым Давыдовым назвал.

Вениамине, будь уверен —
В словарь ты скоро попадешь
(На буквы В и К — Каверин),
Но пародистом прослывешь.

Дарственная надпись Ю. Тынянова В. Каверину на книге Клементия Бутковского. Кавалерийские победы, П., 1917, изд. «Омфалос»[1] (военн. ценз. 2 сентября 1916 г.).

Книга была мне подарена Ю.Н. Тыняновым, но впоследствии ее стащил Крученых.

У меня случайно сохранился список, сделанный для кого-то (уже не помню для кого).

Н. Харджиев.

[1] Автор «Кавалерийских побед» — одесский поэт Вениамин Бабаджан (1894–1920), член группы поэтов-пародистов «Омфалос». Другие члены поэтической группы М.О. Лопатто и Н.М. Бахтин. О проблеме псевдонима «Клементий Бутковский» см. мои статьи: Новое о Лопатто // Седьмые Тыняновские Чтения. Материалы для обсуждения. С. 320–334; Бытовая лирика Вениамина Бабаджана и русский модернизм // Тыняновский сборник. Девятые Тыняновские чтения. Исследования и материалы. М.: ОГИ, 2002. С. 391–398.

45. С. Гардзонио — Н.И. Харджиеву

3 ноября 1992

Дорогой Николай Иванович!

Пишу Вам по поводу следующего проекта. В последнее время я стал сотрудничать с изд<ательством> Фельтринелли, для которого я приготовил сборник рассказов позднего Тургенева.

С главным редактором издательства пошел разговор о Маяковском, о предстоящей годовщине и о некотором, увы! невнимательном отношении читателя, не только в России, но и на Западе, к творчеству поэта.

Редактор попросил меня указать русские работы о Маяковском, которые стоило бы перевести на итальянский язык, и я предложил, кажется, успешно, Вашу книгу со следующей оговоркой: не просто перевести «Поэтическую культуру Маяковского»[1], но расширить и видоизменить состав ее на основе крупных Ваших работ, издававшихся уже после этой книги.

Как только предложение издательства станет официальным, я приеду в Москву, чтобы обговорить с Вами детали издания и связанного с ним договора. Наверно, придется написать краткое новое предисловие и тщательно определить состав книги, приняв во внимание Ваши статьи 70–80-х гг., как например, «Веселый год Маяковского» или «Маяковский и Северянин».

Пока я бы хотел узнать Ваше мнение об этой инициативе и вообще идеи по поводу состава книги <…>.

P.S. Еще о Бутковском. На днях племянник Лопатто нашел один старый вариант завещания поэта. Здесь он, между прочим, просил, чтобы неизданные его стихи были опубликованы под псевдонимом «К. Бутковский».

К сожалению, как кажется, его стихи утрачены. Однако интересно заметить, как старый поэт, уже оторванный от литературной почвы своей молодости, мечтал печататься под фамилией, которую, на мой взгляд, нельзя отождествлять только с В. Бабаджаном, но надо считать общим товарищеским прозвищем.

---

[1] Речь идет о несостоявшемся итальянском переиздании книги Харджиева и В. Тренина «Поэтическая культура Маяковского» (М.: Искусство, 1970).

46. С. Гардзонио — Н.И. Харджиеву

Москва, <рубеж 1993/1994 ?>

Дорогой Николай Иванович!

Я разделяю те же чувства к Вам и Лидии Васильевне, о которых написала Наташа. Мы с коллегами основали в Риме новый журнал по русистике. Если у Вас есть материал, который Вы хотите опубликовать, мы будем очень рады. Журнал называется «Russica Romana»[1]. Скоро приедет в Москву Магаротто. Мы не забыли Ваш проект издать книгу о Маяковском, так надеюсь, Вы сможете об этом поговорить. Если повидаться невозможно, то, может быть, Вы мне позвоните (буду здесь до 21-го) или во всяком случае напишите в Италию.

Будьте здоровы!

Искренне преданный Вам Стефано.

---

[1] Журнал успешно выходит, в 2025 г. был выпущен т. XXXII.

47. Н.И. Харджиев — С. Гардзонио

Амстердам, <апрель 1994>

Дорогой Stefano, я еще жив, но пишу — не пугайтесь! — не из сюрреалистической Москвы, а из пристройнейшего Амстердама. О своих невеселых приключениях расскажу при встрече, до которой надеюсь дожить.

Обнимаю Вас и шлю сердечный привет Наташе.

Н. Х.

Мой адрес: 1077CN Amsterdam Olympiaplein 55. Nikolai Khardjiev,
мой телефон: 020 [кода Амстердама]-6628394.

Если это Вас не затруднит, то сообщите мой адрес Л. Магаротто и Джемме Галло[1].

[1] Gemma Gallo — итальянская славистка. Занималась Е. Замятиным и Россией XX века.

Литература

1. Архив Н.И. Харджиева. Русский авангард: материалы и документы из собрания РГАЛИ: в 3 т. М.: Дэфи, 2017–2019.

2. *Гардзонио Стефано.* Из записей о Н.И. Харджиеве // Тыняновский сборник. Вып. 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М.: Водолей, 2009. С. 604–611.

3. *Гардзонио Стефано.* Страницы из потерянной тетради в клетку // Знамя. 2010. № 1. С. 194–201.

4. *Давыдов М.А.* Разговоры с соседом // Тыняновский сборник. Вып. 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М.: Водолей, 2009. С. 612–611.

5. Харджиев. Разговоры / публ. Э. Галеева // Знамя. 2023. № 12. С. 120–155.

Research Article and Publication of Archival Documents

“I will remain ‘alive’ until the last day of my life”: From correspondence with N.I. Khardzhiev (1976–1994)

© 2026, Stefano Garzonio
University of Pisa, Italy

Abstract: This publication presents the correspondence between two literary historians from different countries — the Soviet Union and capitalist Italy. It spans nearly two decades, and the correspondents represent different generations

of scholars: moscovite Nikolai Ivanovich Khardzhiev (1903–1996), by the time he met his counterpart and their correspondence began, was already “a living legend,” a close acquaintance of many leading figures in Soviet culture of the 1920s and 1930s, who preserved the legacy of these figures and had assembled an invaluable literary archive and art collection; Stefano Garzonio (b. 1952) of Florence, a young Slavicist was working on his thesis about Mayakovsky and was fascinated by the history of the Russian avant-garde, and later by 18th- and 19th-century Russian literature. The young Italian scholar immediately won the trust and affection of Khardzhiev, who was reserved and wary of people. Their correspondence is an interesting example of an informal, cross-border scholarly dialogue during the late Soviet era.

Keywords: N.I. Kharjiev, avant-garde, history of Russian literature, Italian Slavic studies, academic exchanges, correspondence.

Information about the author: Stefano Garzonio — Ph.D., Professor, University of Pisa, Lungarno Antonio Pacinotti, 43, 56126 Pisa, Italy.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9316-9758CV

E-mail: stgarzo@tin.it

For citation: Garzonio, Stefano. ““I Will Remain ‘Alive’ Until the Last Day of My Life’: From Correspondence with N.I. Kharjiev (1976–1994).” Literaturnyi fakt. no. 2 (40), 2026, pp. 434–470. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-434-470

References

1. *Arkhiv N.I. Khardzhieva. Russkii avangard: materialy i dokumenty iz sobraniia RGALI: v 3 t.* [*N.I. Khardzhiev’s Archive. The Russian Avant-Garde: Materials and Documents from the Collection of the Russian Academy of Sciences: in 3 vols*.]. Moscow, DEFI Publ., 2017–2019. (In Russ.)

2. Gardzonio, Stefano. “Iz zapisej o N.I. Hardzhieve” [“From Notes on N.I. Kharzhiev”]. *Tynjanovskij sbornik,* vyp. 13: XII–XIII–XIV Tynjanovskie chtenija. Issledovanija. Materialy [*The Tynyanov Collection,* vol. 13: XII–XIII–XIV Tynyanov Readings. Studies. Proceedings]. Moscow, Vodoley publ., 2009. pp. 604–611. (In Russ.)

3. Gardzonio, Stefano. “Stranicy iz poterjannoj tetradi v kletku” [“Pages from a Lost Checkered Notebook”]. *Znamya,* no. 1, 2010, pp. 194–201. (In Russ.)

4. Davydov, M.A. “Razgovory s sosedom” [“Conversations with a Neighbor”] *Tynjanovskij sbornik,* vyp. 13: XII–XIII–XIV Tynjanovskie chtenija. Issledovanija. Materialy [*The Tynyanov Collection,* vol. 13: XII–XIII–XIV Tynyanov Readings. Studies. Proceedings]. Moscow, Vodoley publ., 2009, pp. 612–611. (In Russ.)

5. “Khardzhiev. Razgovory” [“Khardzhiev. Conversations”], publ. by E. Galeev. *Znamia*, no. 12, 2023, pp. 120–155. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 03.03.2026
Одобрена после рецензирования: 20.04.2026
Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 03.03.2026
Approved after reviewing: 20.04.2026
Date of publication: 25.06.2026

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

2026 № 2 (40)

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 — 67296 от 30 сентября 2016 г.
Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 80039
ISSN 2541-8297

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25А. стр. 1
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Л.И. Савич
Подписано в печать 23.07.2026
Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 29,5

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, эт. 1, пом. 1, ком. 6.3-23Н